

РУССКОЕ СЛОВО

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ

ЖУРНАЛЬ.

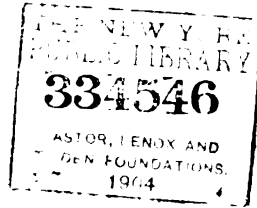
ГОДЪ ШЕСТОЙ.

1864.

СЕНТЯБРЬ.

↓ -
САНКТПЕТЕРБУРГЪ

—
1864.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 6 ноября 1864 г.

Въ типографіи Рюмина и Комп.

ПРОГРЕССЪ ВЪ МІРѢ ЖИВОТНЫХЪ И РАСТЕНІЙ.

ГЕОЛОГИЧЕСКІЕ ДОКУМЕНТЫ.

I.

Если вы имѣете нѣкоторое понятіе о геологін, но если понятіе это довольно поверхностно, то вы, читатель мой, по всей вѣроятности, думаете, что геологія можетъ и должна рѣшить безапелляционно вопросъ о достоинствѣ теорін Дарвина. Въ самомъ дѣлѣ, если всѣ формы животныхъ и растений измѣнялись постепенно и чрезвычайно медленно, то въ различныхъ пластахъ земной коры должны находиться несомнѣнные слѣды и очевидныя доказательства этихъ послѣдовательныхъ измѣненій. Если, напримѣръ, волкъ, шакалъ и лисица произошли отъ одного вида, послужившаго родоначальникомъ всему собачьему семейству, то геологи и палеонтологи, то есть историки нашей планеты и ея органической жизни, должны показать намъ скелетъ этого родоначальника, и кромя того, скелеты его потомковъ, постепенно принимающихъ на себя фигуру волка, шакала и лисицы. Требованіе это, повидимому, очень естественно и законно; кости могутъ сохраняться очень долго, а лишь бы только найти двѣ-три кости животнаго — и палеонтологи тотчасъ опредѣляютъ, къ какому роду, къ какому виду оно принадлежало, и какова была его внѣшняя фигура. Уже Кювье по одной кости животнаго умѣлъ возстановлять весь портретъ исчезнувшей породы, а послѣ Кювье палеонтологія и сравнительная анатомія сдѣлали много новыхъ успѣховъ. Поэтому я повторяю, что требованіе на счетъ родоначальника собачьей породы, и насчетъ его видоизмѣняющихся потомковъ, можетъ показаться вполне справедливымъ, не только какому-нибудь профану, вроде меня или моего читателя, но даже и натуралисту, не успѣвшему взглянуть въ дѣйствительныя затрудненія такого запроса. Очень дѣльные люди до сихъ поръ пристають къ Дарвину съ такими требованіями и возраженіями. Если, говорятъ они, различныя

породы животных развиваются одна из другой, то докажете намъ скелеты или, по крайней мѣрѣ, кости всѣхъ переходныхъ формъ. А если не покажете, то, значить, породы не измѣняются, значить, исчезнувшія животные и растенія не находятся въ родственной связи съ теперешними органическими формами, и значить, вся ваша теорія есть ничто иное, какъ произведеніе блестящей, но бесполезной фантазіи. Все это приставаніе и весь этотъ процессъ доказательствъ очень неосновательны. *Во первыхъ*, только Европа и Соединенные Штаты изслѣдованы до сихъ поръ въ геологическомъ отношеніи хоть сколько нибудь удовлетворительно. Азія, Африка, Южная Америка и Австралія, то есть, слишкомъ четыре пятахъ всего существующаго материка, совершенно не тропуты. *Во вторыхъ*, даже изслѣдованныя части чуть не каждый годъ изумляютъ геологовъ новыми фактами, которые производятъ радикальные перевороты въ постановкѣ и въ разрѣшеніи самыхъ важныхъ и самыхъ интересныхъ вопросовъ. *Въ третьихъ*, кости, раковины и вообще всѣ твердыя части животныхъ и растительныхъ организмовъ, не смотря на свою твердость, все-таки разлагаются и могутъ быть сохранены въ цѣлости только благодаря стеченію особенно благоприятныхъ и чисто исключительныхъ обстоятельствъ. Такимъ образомъ оказывается, что современная геологія знаетъ только ничтожную частицу изъ всей массы существующихъ органическихъ остатковъ; а эти существующіе остатки въ свою очередь составляютъ также очень ничтожную частицу изъ всей массы существовавшихъ организмовъ. Пройдутъ десятки вѣковъ прежде, чѣмъ геологи отроютъ всѣ окаменелости, лежація въ различныхъ пластахъ земной коры, подъ различными географическими широтами и долготами. Легко можетъ быть, что *остъ* существующія окаменѣлости никогда не будутъ открыты и собраны, но, если бы даже это и случилось, то и тогда было бы совершенно неосновательно воображать себѣ, что музей, обладающій всѣми этими палеонтологическими сокровищами, можетъ дать мыслящему натуралисту полное и отчетливое понятіе обо всемъ историческомъ развитіи органической жизни. О теперешнемъ же положеніи нашихъ палеонтологическихъ коллекцій нечего и говорить. Ученые, занимающіеся геологією, обнаруживаютъ изумительную проницательность, и довели точность своихъ научныхъ приемовъ и строгость своихъ наблюденій и умозаключеній до невѣроятной степени совершенства, но, не смотря на это обстоятельство, геологія и па-

леонтологія, по недостаточному количеству наличныхъ матеріаловъ, находятся еще въ полномъ младенествѣ, и, какъ подроставшіе дѣти, постоянно измѣняютъ свою физіономію.—Сто лѣтъ тому назадъ, геологія и палеонтологія не существовали. Вольтеръ былъ человѣкъ очень не глупый, но, когда онъ начинаетъ разсуждать объ исторіи нашей планеты, то вамъ кажется, будто вы слышите судью Ляпкина-Тяпкина или Клеу Могиевича. Ему говорятъ, напримѣръ, что въ альпійскихъ горахъ найдены окаменѣлыя раковины такихъ животныхъ, которыя въ настоящее время живутъ въ Средиземномъ морѣ, у береговъ Сиріи; а онъ по этому поводу, представляетъ соображеніе, что эти раковины занесены туда какими-нибудь пилигримами, которые сначала посѣтили Палестину, а потомъ отправились въ Римъ изъ Германіи или изъ Франціи. Шли они черезъ Альпы, ну и обронили раковину, взятую съ сирійскихъ береговъ Средиземнаго моря. Такое легкое и живое объясненіе предлагалось Вольтеромъ въ шестидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія; Вольтеръ не былъ специалистомъ, по его нельзя назвать профаномъ; онъ очень хорошо понималъ великое значеніе естественныхъ наукъ, и слѣдилъ за ихъ успѣхами съ самымъ напряженнымъ вниманіемъ; поэтому ясно, что во второй половинѣ XVIII вѣка самые образованные люди не имѣли понятія объ исторіи земнаго шара, и даже не подозрѣвали возможности возсоздать основныя черты этой исторіи по различнымъ пластамъ земной коры, и по различнымъ окаменѣлостямъ, заключеннымъ въ этихъ пластахъ. Выводя на цепу своихъ пилигримовъ, обронившихъ раковину, Вольтеръ даже не задаетъ себѣ вопроса о томъ, на какой глубинѣ открыта эта раковина, въ какой почвѣ она лежала, какіе слѣды оставила на ней эта почва. Всѣ эти вопросы для него не существуютъ, и онъ даже сомнѣвается въ томъ, чтобы можно было отличить морскую раковину отъ прѣсноводной или сухопутной. Когда же нѣкоторые ученые осмѣливаются высказать потихоньку скромное предположеніе, что, можетъ быть, Альпы были, въ доисторическія времена, покрыты моремъ, тогда Вольтеръ схватываетъ себя за бока, и начинаетъ хохотать самымъ искреннимъ и не умолчимымъ смѣхомъ. Такимъ образомъ, можно сказать, что геологія родилась послѣ Вольтера, послѣ Бюффона, послѣ французской революціи, то есть, въ началѣ нынѣшняго столѣтія. У этого новорожденного ребенка явилось тотчасъ множество дѣтскихъ болѣзней: первые геологи, и во главѣ ихъ, великій Кювье, стали толковать о катак-

ливмахъ и переворотахъ, и начали изъ открытыхъ костей и раковинъ строить хитрѣйшіе планы и системы мірозданія. Тридцать лѣтъ тому назадъ, Бювье говорилъ, что нѣтъ и не можетъ быть ни ископаемыхъ обезьянъ, ни ископаемыхъ людей, и приводилъ въ пользу этого мнѣнія даже теоретическія основанія. Эти основанія очень хороши и убѣдительны, но къ сожалѣнію, нашлись ископаемыя обезьяны и даже ископаемые люди. «Только двадцать лѣтъ тому назадъ, говоритъ Карлъ Фохтъ въ своихъ лекціяхъ о человѣкѣ, учился я у Агассиза слѣдующимъ истинамъ: Первичныя образованія, палеозойскія форманціи = царство рыбъ; въ это время нѣтъ пресмыкающихся, и не могло ихъ быть, потому что это было бы противно плану мірозданія; — вторичныя образованія (тріасъ, юра, мѣль) = царство пресмыкающихся; нѣтъ млекопитающихъ, и не могло ихъ быть, по той же самой причинѣ; — третичныя пласты = царство млекопитающихъ; нѣтъ людей и не можетъ ихъ быть; — нынѣшнее твореніе = царство человѣка. Куда дѣвалась теперь эта теорія со всѣми своими исключительностями? Пресмыкающіяся въ девонскихъ пластахъ, пресмыкающіяся въ каменномъ углѣ, пресмыкающіяся въ діасѣ — прощай царство рыбъ! — Млекопитающія въ юрѣ, млекопитающія въ пурбекскомъ известнякѣ, который причисляется нѣкоторыми учеными къ нижнимъ слоямъ мѣловой форманціи — до свиданія царство пресмыкающихся! — Люди въ верхнихъ третичныхъ пластахъ, люди въ напынныхъ слояхъ — приходи въ другой разъ царство млекопитающихъ!» (2-й томъ, стр. 269). Открытіе ископаемыхъ людей было особенно жестокииъ ударомъ для заносчивости ревностныхъ систематиковъ, и ударъ этотъ нанесенъ имъ очень недавно, всего лѣтъ пять тому назадъ. Особенно сокрушительно для нихъ то обстоятельство, что открытіе это сдѣлано не въ Австраліи, не въ Африкѣ, даже не въ Азій, а именно въ Европѣ, да еще во Франціи и въ Англии, то есть, какъ разъ въ тѣхъ мѣстахъ, которыя были изслѣдованы тщательнѣе, чѣмъ всѣ остальные мѣстности земнаго шара. Если въ такихъ извѣстныхъ странахъ возможны до настоящей минуты новыя открытія колоссальной важности, то, повидимому, систематикамъ остается только замолчать или публично признаться въ томъ, что бѣдность матеріаловъ еще не позволяетъ геологамъ и палеонтологамъ заниматься сооруженіемъ системъ, и произносить какіе-бы то ни было приговоры насчетъ различныхъ особенностей органической жизни въ отда-

леяномъ прошедшемъ. Даровитѣйшіе изъ современныхъ геологовъ, и во главѣ ихъ знаменитый Чарльзъ Лайелль, истребитель катаклизмовъ и переворотовъ, вполне сознаютъ бессиліе своей науки, и никакъ не рѣшаются поражать теорію Дарвина тѣмъ возраженіемъ, что наши палеонтологическія коллекціи не представляютъ безчисленнаго множества переходныхъ формъ. Они очень хорошо понимаютъ, что въ геологіи отрицательныя доказательства не имѣютъ ни малѣйшей силы. Геологъ говоритъ: «такое-то животное существовало въ такую-то эпоху, потому что въ такой-то формаціи находятся его кости», — это дѣло. Но геологъ не можетъ сказать: «такое-то животное не существовало въ такую-то эпоху, потому что въ такой-то формаціи *нѣтъ* его костей», — это была бы чепуха. *Нѣтъ* на языкѣ геологовъ значить: *мы не нашли*. Чтожъ изъ этого слѣдуетъ? Не нашли сегодня, можете найти завтра. А если даже и со всѣмъ не найдете, то и это еще ничего не доказываетъ. Животное могло существовать, а кости его могли не сохраниться. Кости, раковины и другіе органическіе остатки сохраняются въ теченіе цѣлыхъ геологическихъ эпохъ только тогда, когда они покрываются очень толстымъ наносомъ минеральныхъ частицъ, такимъ наносомъ, который можетъ ихъ защищать отъ разрушительнаго дѣйствія воздуха, воды, различныхъ кислотъ. Гдѣ нѣтъ такого наноса, тамъ самая твердая кость разлагается и уничтожается безъ слѣда, хоть, конечно, на такое уничтоженіе требуется нѣсколько столѣтій. Но такіе предохранительные наносы образуются преимущественно изъ тѣхъ минеральныхъ частицъ, которыя осаждаются на дно морей, озеръ и рѣкъ. Чтобы кость сохранилась, она должна попасть въ одно изъ такихъ водовѣстилищъ и покрыться минеральнымъ осадкомъ, прежде, нежели ее истребитъ разрушительное дѣйствіе воды и водяныхъ животныхъ. Поэтому не трудно понять, что во всѣхъ пластахъ земной коры остатки морскихъ и прѣсноводныхъ животныхъ встрѣчаются въ гораздо большемъ количествѣ, чѣмъ кости млекопитающихъ и птицъ, то есть, такихъ животныхъ, которыя живутъ и умираютъ на сушѣ. Кость какого нибудь мамонта или медвѣдя можетъ сохраниться только тогда, когда она *случайно* попадетъ, уже послѣ смерти животного, въ ложе рѣки или озера; или же тогда, когда она, такъ или иначе, будетъ занесена въ такую пещеру, въ которой известковая вода, просачиваясь черезъ разныя щели, образуетъ на полу и на стѣнахъ твердую кору сталагмитовъ и сталактитовъ. Эта кора по не-

многу покроетъ занесенную кость, и предохранить ее отъ разложе-
 нія. Нѣкоторыя породы исчезнувшихъ животныхъ извѣстны намъ
 исключительно по тѣмъ костямъ, которыя сохранились въ такихъ пе-
 щерахъ; эти животныя такъ и называются *пещерными*, напримѣръ,
 пещерный медвѣдь (*Ursus Spelaeus*), пещерная гiena (*Hyæna Spe-
 laea*). Понятно, что только очень незначительное количество костей
 могло сохраниться такимъ путемъ. Огромное же большинство погиб-
 ло безъ остатка, то есть, пошло опять въ общій круговоротъ жи-
 зни, и превратилось въ составныя части новыхъ растений и новыхъ
 животныхъ. Иначе и быть не можетъ, и только Киѳа Мокиевичъ спо-
 собенъ былъ бы вообразить себѣ, что кости всѣхъ животныхъ, су-
 ществовавшихъ съ самаго начала органической жизни, могутъ со-
 храниться въ цѣлости. На земномъ шарѣ, въ теченіи неизмѣримаго
 ряда тысячелѣтій, жили и умирали неисчислимые милліоны и миллі-
 арды животныхъ; ихъ кости, въ общей сложности, составляютъ та-
 кую грудку, которая навѣрное въ нѣсколько тысячъ разъ превышаетъ
 объемъ всей нашей планеты. Ясно стало быть, что кости умер-
 шихъ поколѣній постоянно идутъ на сооруженіе костей живущихъ
 организмовъ. Недавно въ Англіи случился очень извѣстный примѣръ
 такого употребленія костей. Замѣчено было, что честерскій сыръ
 начинаетъ терять свои превосходныя качества. Стали изслѣдовать
 причину: оказалось, что въ молокѣ тамошнихъ коровъ недостаетъ
 нѣкоторыхъ составныхъ частей; эти составныя части получаютъ изъ
 пищи; стали анализировать пищу, и нашли наконецъ, что вся бѣда
 происходитъ отъ истощенія почвы тѣхъ луговъ, на которыхъ пасутъ-
 ся честерскія коровы. Разыскали, чего именно не достаетъ въ почвѣ,
 и пополнили этотъ недостатокъ слѣдующимъ образомъ. Разрыли ва-
 терлооское поле, привезли на нѣсколькихъ корабляхъ кучи человѣ-
 ческихъ и лошадиныхъ костей, смолоты все это на паровыхъ мель-
 ницахъ, и этимъ костянымъ порошкомъ усыпали истощившіеся луга.
 Честерскій сыръ немедленно исправился, но сама природа съ неза-
 памятныхъ временъ дѣлаетъ то, чему наши химики выучились толь-
 ко въ нынѣшнемъ столѣтіи. «Кажется, говорятъ Лайелль, въ планѣ
 природы не входитъ сохранять продолжительное свидѣтельство о зна-
 чительномъ количествѣ растений и животныхъ, которыя жили на по-
 верхности земли. Напротивъ, повидимому ея главная забота состо-
 итъ въ доставленіи средствъ избавить удобную для жительства поверх-
 ность земли, покрытую или не покрытую водою, отъ этихъ мириадъ

плотныхъ скелетовъ и огромныхъ стволовъ, которые, безъ этого, вскорѣ бы запруднили рѣки и засыпали долины. Чтобы избѣгнуть этого неудобства, она прибѣгаетъ къ теплотѣ солнца, къ влажности атмосферы, къ растворяющей силѣ угольной и другихъ кислотъ, къ зубамъ хищныхъ, къ желудку четвероногихъ, птицъ, пресмыкающихся и рыбъ, и къ дѣйствию множества безпозвоночныхъ животныхъ.»

(*Ляйелль*. Древность челоѣка. Русскій переводъ г. Ковалевскаго. Стр. 136). Къ немалому огорченію геологовъ и палеонтологовъ, всѣ эти разрушители, крупные и мелкіе, неодушевленные и одушевленные, исполняютъ свою обязанность превосходно, и уничтожаютъ все, что только можетъ быть уничтожено. Осушеніе Гаарлемскаго озера, произведенное голландскимъ правительствомъ въ 1853 году, обнаружило въ полномъ блескѣ изумительную силу всѣхъ этихъ извѣстныхъ и неизвѣстныхъ враговъ геологіи и палеонтологіи. Озеро это покрывало поверхность въ 45,000 квадратныхъ акровъ; на его водахъ произошло много кораблекрушеній, и много морскихъ битвъ, въ которыхъ погибли сотни голландскихъ и испанскихъ матросовъ; антикваріи нашли въ ложѣ этого озера обломки судовъ и оружіе шестнадцатаго вѣка, но во всемъ озерѣ не нашлось ни одной челоѣческой кости. Не правда ли, какъ остроумно было бы придавать этому отрицательному доказательству значеніе серьезнаго аргумента? А геологъ, приводящій какое бы то ни было отрицательное доказательство, никогда не можетъ быть увѣренъ въ томъ, что онъ не понадееть въ такой же точно просякъ. Въ сѣверной Франціи, въ долинѣ Соммы, въ диалювіальныхъ или намывныхъ пластахъ, рядомъ съ костями мамонтовъ и другихъ угасшихъ животныхъ, найдено множество кремневыхъ орудій самой грубой работы. Кто дѣлалъ эти топоры и ножи? — Люди современные мамонту. А гдѣ кости этихъ людей? — Костей нѣтъ. Но что же изъ этого слѣдуетъ? Да ровно ничего не слѣдуетъ. Надо ждать, пока найдутся кости. Подождали. И дѣйствительно, въ той же самой формациі отыскалась челоѣческая челюсть. Ну, а если бы эта челюсть не нашлась, тогда что? — И тогда ничего бы не во-сислѣдовало. Все таки топоры и ножи не могли обтесаться сами собою, и мамонты также ихъ не могли обтесать, значить, присутствіе или отсутствіе челоѣческихъ костей нисколько не измѣняетъ сущности дѣла. Очень пріятно, если челоѣческія кости найдутся, потому что тогда можно будетъ сдѣлать кое-какія заключенія объ анатомическомъ строеніи этого первобытнаго племени, но хоть бы

не осталось ни одной человѣческой кости, все таки существованіе человѣка въ эпоху мамонтовъ оказывается несомнѣннымъ и неопровержимымъ фактомъ. «Между тѣмъ, говоритъ Ляйелль, отсутствіе всякаго слѣда костей, принадлежащихъ народонаселенію, оставившему столько готовыхъ и неоконченныхъ орудій, представляетъ паразитическій урокъ относительно того значенія, которое мы должны придавать этимъ отрицательнымъ доказательствамъ, приводимымъ въ пользу несуществованія нѣкоторыхъ классовъ земныхъ животныхъ въ данную эпоху прошедшаго. Это—новое и замѣчательное доказательство крайняго несовершенства нашихъ геологическихъ данныхъ, несовершенства, о которомъ даже тѣ, которые постоянно работаютъ на этомъ поприщѣ съ трудомъ могутъ составить себѣ вѣрное понятіе.» (Стр. 135). «По нашему незнанію геологій иныхъ странъ, кромѣ Европы и Соединенныхъ Штатовъ, говоритъ Дарвинъ, и по тѣмъ переворотамъ въ нашихъ геологическихъ воззрѣніяхъ, которые произошли отъ открытій послѣднихъ двѣнадцати годовъ, мнѣ кажется, что мы имѣемъ столько же права дѣлать общіе выводы о послѣдовательномъ появленіи организмовъ на земномъ шарѣ, сколько имѣлъ бы натуралистъ, посѣтившій на пять минутъ пустынный берегъ Австраліи, право разсуждать о количествѣ и свойствахъ ея естественныхъ произведеній.» (Стр. 242). «Развивая метафору Чарльза Ляйелля, говоритъ Дарвинъ въ другомъ мѣстѣ, я считаю нашу геологическую лѣтопись за исторію міра, веденную непостоянно и написанную на измѣнчивомъ нарѣчій. Изъ этой исторіи намъ доступенъ лишь послѣдній томъ, относящійся къ двумъ-тремъ странамъ. Изъ этого тома лишь тамъ и сямъ сохранилась краткая глава, и изъ каждой страницы лишь нѣсколько безсвязныхъ строкъ.» (Стр. 246). Такимъ образомъ, для насъ становится ясно та истина, что геологія не имѣетъ никакого права, и ни малѣйшей возможности произносить надъ теоріею Дарвина, въ ту или въ другую сторону, окончательный приговоръ. Мы должны только рассмотреть вопросъ, примиряются-ли съ теоріею Дарвина тѣ немногіе *положительные* факты, которые составляютъ прочное и неотъемлемое достояніе современной геологіи.

II.

Рыбы появляются въ первый разъ въ девонскихъ пластахъ, принадлежащихъ къ первичной, то есть, къ древнѣйшей формаци. Пре-

жде всѣхъ другихъ рыбъ появляются такъ называемыя *ганойдныя* рыбы, которыхъ число и разнообразіе постоянно увеличиваются, и наконецъ достигаютъ высшей степени развитія въ юрскихъ пластахъ, составляющихъ средину вторичной формаціи. Затѣмъ, въ мѣловыхъ слояхъ, лежащихъ надъ юрскою почвою, гапойды начинаютъ слабѣть и исчезать; этотъ постепенный упадокъ возрастаетъ въ третичныхъ пластахъ, и, наконецъ, въ настоящее время, порядокъ ганойдныхъ рыбъ, наполнившій своими разнообразными представителями всѣ воды юрскаго періода, заключаетъ въ себѣ всего семь родовъ, живущихъ только въ немногихъ рѣкахъ, гдѣ борьба за существованіе не такъ сильна, какъ въ морѣ. Такая строгая постепенность въ появленіи, въ размноженіи и въ вымирании породъ находится въ полномъ согласіи съ теоретическими требованіями Дарвина. Но рыбы другого порядка, *костистыя*, въ этомъ отношеніи ведутъ себя совершенно неприлично. Онѣ появляются внезапно, цѣлою группою видовъ и родовъ, въ нижнихъ ярусахъ мѣловой эпохи. Вотъ видите, говорятъ Агассизъ, Никте, Седжвикъ и другіе палеонтологи, видите: онѣ появляются внезапно. Гдѣ же ихъ постепенное развитіе? Значитъ, онѣ *все одружъ* были созданы въ началѣ мѣловаго періода. И совсѣмъ не «значить.» Тутъ опять пущено въ ходъ отрицательное доказательство, и мы должны строго разграничить область дѣйствительныхъ фактовъ отъ области произвольныхъ толкованій и предположеній. Въ чемъ состоитъ голый фактъ? Въ томъ, что многія породы костистыхъ рыбъ жили во время мѣловаго періода, и оставили свои кости и слѣды въ мѣловой формаціи. Затѣмъ начинаются предположенія, противъ которыхъ Дарвинъ, съ своей точки зрѣнія, можетъ выставить много другихъ предположеній, гораздо болѣе естественныхъ и правдоподобныхъ. *Во первыхъ*, костистыя рыбы могли жить задолго до начала мѣловой эпохи въ моряхъ и рѣкахъ тѣхъ странъ, которыя до сихъ поръ неизслѣдованы въ геологическомъ отношеніи. Такихъ морей и рѣкъ слишкомъ достаточно, потому что геологи до сихъ поръ не знаютъ почти ни одной ископаемой рыбы, жившей въ южномъ полушаріи. Стало быть, въ этихъ неизслѣдованныхъ мѣстностяхъ, порядокъ костистыхъ рыбъ могъ преспокойно возникнуть, усилиться, и раздѣлиться на множество ясно обозначенныхъ семействъ, родовъ и видовъ; потомъ, проживши такимъ образомъ въ южныхъ водахъ сотни тысячелѣтій, онѣ могъ наконецъ, во время мѣловаго періода, проникнуть и въ тѣ мо-

ря, которыя омывали тогдашніе берега Европы. *Во вторыхъ* намъ необходимо помнить, что отдѣльныя геологическія формациі ложились другъ на друга не иначе, какъ съ громадными антрактами. Если сегодня кончилось накопленіе юрскихъ слоевъ, то съ завтрашняго дня никакъ не можетъ начаться напластованіе слѣдующей, мѣловой формациі. Если бы дѣло происходило такимъ образомъ, то не было бы никакой возможности отличить мѣлъ отъ юры. Различныя геологическія эпохи отличаются одна отъ другой особенностями тѣхъ органическихъ остатковъ, которые заключены въ ихъ пластахъ. Стало быть, конецъ одной геологической эпохи и начало другой наступаютъ тогда, когда появляются слѣды новой флоры и новой фауны, то есть, когда во всей совокупности растений и животныхъ обнаруживается рѣзкое и сильное измѣненіе, а такія измѣненія производятся только многими сотнями тысячелѣтій. Вотъ примѣръ изъ книги Лайелля «Древность человѣка:» «Мы уже видѣли, говоритъ Лайелль, что всѣ растенія и прѣсноводныя и морскія раковины «лѣснаго слоя» и рѣчно-морскихъ пластовъ Норфолька совершенно тождественны съ видами нынѣшней европейской фауны и флоры, такъ что, если на подобнаго рода слой отложилась бы морская или прѣсноводная формациі настоящаго періода, она бы расположилась соотвѣтственными слоями, и содержала бы, какъ ту же фауну безпозвоночныхъ, такъ и ту же флору. Расположенные такимъ образомъ пласты назывались бы одновременными въ обыкновенной геологической номенклатурѣ, не только какъ принадлежащіе къ той же эпохѣ, но и какъ относящіеся къ тому же подраздѣленію части одной и той же эпохи, хотя на самомъ дѣлѣ они и были бы раздѣлены промежуткомъ времени въ нѣсколько сотенъ тысячъ лѣтъ.» (Стр. 275.) Въ геологическомъ отношеніи лордъ Пальмерстонъ, и самъ сэръ Чарльзъ Лайелль могутъ быть названы современниками мамонтовъ и пещерныхъ медвѣдей, но животныя юрской эпохи не могутъ быть названы современниками животныхъ мѣловаго періода. Стало быть, антрактъ между юрою и мѣломъ, то есть, между двумя пластами, лежащими непосредственно одинъ на другомъ, несравненно длиннѣе, чѣмъ тотъ промежутокъ времени, который отдѣляетъ XIX столѣтіе отъ эпохи мамонтовъ. Какъ великъ антрактъ между двумя геологическими формациями, этого никто не можетъ сказать даже приблизительно. Что происходило въ этомъ антрактѣ—этого также никто не знаетъ. Костистыя рыбы въ это время могли возникнуть и развиться, или онѣ могли переселиться въ

сѣверныя моря изъ южныхъ, а потомъ, когда началось напластованіе жѣловой формаци, эти рыбы оказались уже многочисленными и разнообразными. *Въ третьихъ*, вопросъ о костистыхъ рыбахъ, благодаря новымъ открытіямъ, начинаетъ подвергаться той участи, которую уже испыталъ въ наше время вопросъ объ ископаемыхъ обезьянахъ и объ ископаемыхъ людяхъ. Пигте открылъ недавно, что костистыя рыбы существовали, *даже въ Европѣ*, раньше жѣловой эпохи. Кроме того, есть какія-то рыбы, гораздо болѣе древнія, о которыхъ между палеонтологами идетъ споръ, неразрѣшенный еще до настоящей минуты. Одни говорятъ, что эти рыбы — костистыя, другіе находятъ, что это — ганюиды или хрящевыя рыбы. А для теоріи Дарвина очень благопріятно именно то обстоятельство, что характеръ этихъ спорныхъ рыбъ оказывается неясно обозначеннымъ. Вотъ она и есть — переходная форма, отошедшая прочь отъ одного порядка, и еще не возвысившаяся до другаго. Но, разумѣется, натуралисты, абсолютно не желающіе признавать никакихъ переходовъ, всегда съумѣютъ обойти это непріятное слово. Если переходная форма слабо уклонилась отъ первобытной, они скажутъ, что это разновидность, *varietas*. А уклонилась посильнѣе — ну, значить — это новый видъ — *species*, возникшій совершенно самостоятельно. Перехода нѣтъ, но его нѣтъ въ словахъ, а на дѣлѣ-то онъ все-таки существуетъ. Оттого и происходитъ, на примѣръ, такая исторія: въ верхнихъ пластахъ третичной формаци, находится множество раковинъ, почти совершенно сходныхъ съ тѣми раковинами, которыя живутъ въ прѣсныхъ и морскихъ водахъ нашего періода. Большинство натуралистовъ говоритъ, что это одни и тѣже раковины; но другіе первоклассные авторитеты, на примѣръ, Пигте и Агассизъ, утверждаютъ, что между третичными и нынѣшними раковинами существуетъ видовое различіе. И тѣ, и другіе правы: различіе, дѣйствительно, существуетъ, а раковины, то есть, породы моллюсковъ тѣже самыя; потомукъ не вполне похожъ на своего предка, точно также, какъ англійская лошадь не вполне похожа на арабскую, какъ теперешняя груша не вполне похожа на грушу временъ Плинія, или какъ курносый турманъ не вполне похожъ на дикаго голубя. Моллюски понемногу переродились, но сотни тысячелѣтій произвели въ нихъ меньше перемѣны, чѣмъ десятки лѣтъ производятъ въ домашнихъ животныхъ. Только такимъ медленнымъ перерожденіемъ моллюсковъ и можно объяснить то странное несогласіе, которое возникаетъ по поводу ихъ раковинъ между опытными

специалистами. Если бы была возможность определять совершенно точно различіе между разновидностью и видомъ, то натуралисты давнымъ давно установили бы неизбежную границу между этими двумя понятіями. Но нельзя установить эту границу, потому что она не существуетъ въ живой природѣ, а признать ея несуществованіе значитъ принять теорію Дарвина со всѣми ея неизбежными выводами. Многіе порядки животныхъ появляются въ геологическихъ формаціяхъ также внезапно, какъ костистыя рыбы, но, во всѣхъ этихъ случаяхъ, внезапность появленія не даетъ намъ права заключать, что эти порядки внезапно возникли. Полное недовѣріе къ отрицательнымъ доказательствамъ должно служить намъ необходимою защитою противъ всякихъ геологическихъ иллюзій.

III.

По теоріи Дарвина, всѣ положительныя факты, добытыя современною геологіею, объясняются совершенно удовлетворительно. При всякомъ другомъ взглядѣ на органическую жизнь, значеніе и общая связь этихъ положительныхъ фактовъ остаются совершенно непонятными. Если мы посмотримъ на царство животныхъ въ его теперешнемъ положеніи, то мы замѣтимъ, что нѣкоторыя группы рѣзко отдѣляются другъ отъ друга, но пробѣлъ, существующій между этими группами, пополняется въ значительной степени, или даже совершенно исчезаетъ, когда мы начинаемъ изучать живыя формы въ связи съ ископаемыми организмами. Семейство травоядныхъ китовъ (*Sirenia*) очень ясно отдѣляется отъ толстокожихъ животныхъ (*Pachydermata*), то есть, отъ слоновъ, тапировъ, носороговъ, бегемотовъ и свиней; но вымершія породы *динотеріевъ* и *токсодонттовъ* становятся какъ разъ посерединѣ между китами и слонами. По формѣ тѣла и заднихъ оконечностей динотерій былъ китомъ, а по устройству зубовъ и хобота онъ оказывается близкимъ родственникомъ слона. Толстокожіе рѣзко отличаются отъ жвачныхъ. Какое сходство, въ самомъ дѣлѣ, можно найти между свиньею и овцою, между слономъ и оленемъ, между носорогомъ и верблюдомъ? Но исчезнувшее семейство *аноттеридовъ* составляетъ переходъ отъ толстокожихъ къ жвачнымъ, и классификаторы не знаютъ, навѣрное, къ какому порядку должно быть отнесено это семейство. Такимъ образомъ

китъ, слонъ и баранъ оказываются дальними родственниками, и родство ихъ можетъ быть доказано даже тѣми скудными средствами, которыми располагаетъ современная палеонтологія. Ящерицы рѣзко отдѣляются отъ птицъ, но въ юрскомъ періодѣ жили крылатые ящерицы (ptero-dactylia), и въ соленгобенскихъ пластахъ найдена даже ящерица, покрытая перьями. По словамъ Дарвина, можно было бы наполнить цѣлыя страницы доказательствами, что «вышерія животныя занимаютъ средину между нынѣ живущими группами.» И особенно интересно то обстоятельство, что всѣ эти доводы можно цѣликомъ заимствовать изъ сочиненій великаго палеонтолога Оуэна, который на теорію Дарвина смотритъ съ ужасомъ и отвращеніемъ. Другой первоклассный ученый, Баррандъ, также горячій противникъ дарвиновскаго легкомыслія, говоритъ, что безпозвоночныя животныя прошедшихъ геологическихъ періодовъ «принадлежатъ къ однимъ порядкамъ, семействамъ и родамъ съ нынѣ живущими, но не были въ тѣ времена разграничены на такія рѣзкія группы, какъ нынѣ.» Если всѣ видовыя формы были сначала мелкими разновидностями, и если каждая разновидность возникла и развилась изъ незамѣтной индивидуальной особенности, то причина этого явленія, подмѣченнаго Оуэномъ, Баррандомъ и всѣми другими палеонтологами, совершенно понятна. Но если каждый видъ возникъ отдѣльно, и остается неизмѣннымъ вплоть до своего исчезновенія, то невозможно объяснить себѣ, почему животныя древнихъ формаций вообще не такъ рѣзко раздѣлены на видовыя, родовыя и семейныя группы, какъ животныя текущаго періода. Такъ случилось — конечно; но почему же случилось именно такъ, а не иначе, въ теченіе неизмѣрнаго ряда тысячелѣтій, и въ каждой изъ тридцати шести, извѣстныхъ намъ, громаднхъ, геологическихъ эпохъ? На этотъ вопросъ противники Дарвина не могутъ дать никакого отвѣта, а Дарвинъ даетъ отвѣтъ совершенно правдоподобный, и что всего важнѣе, этотъ правдоподобный отвѣтъ разрѣшаетъ совершенно удовлетворительно множество другихъ вопросовъ, поставленныхъ положительными фактами геологіи и многихъ другихъ отраслей естествознанія. Такой отвѣтъ, приложенный ко множеству самостоятельныхъ вопросовъ, и согласный со всею совокупностью различныхъ фактовъ, независимыхъ другъ отъ друга, такой отвѣтъ, говорю я, по своему всеобъемлющему значенію, уже теряетъ характеръ простой гипотезы.

Если мы будемъ сравнивать между собою фауны и флоры *) различныхъ геологическихъ эпохъ, то мы увидимъ, что чѣмъ дальше одна эпоха отстоитъ по времени отъ другой, тѣмъ сильнѣе отличаются другъ отъ друга ихъ флоры и фауны. Напримѣръ, животныя и растенія третичныхъ формаций ближе подходятъ къ теперешнимъ породамъ, чѣмъ животныя и растенія вторичныхъ пластовъ, а вторичныя, въ свою очередь, представляютъ съ теперешними больше сходства, чѣмъ первичныя. Чѣмъ древнѣе пластъ, тѣмъ страннѣе и непривычнѣе для нашихъ глазъ формы животныхъ и растеній; чѣмъ новѣе пластъ, тѣмъ знакомѣе кажутся намъ фигуры ископаемыхъ организмовъ. Если мы возьмемъ три формации, лежащія одна на другой, напримѣръ, силурскую, девонскую и каменноугольную, то мы увидимъ, что органическія формы средней эпохи, девонской, составляютъ нѣкоторымъ образомъ переходъ отъ древнѣйшихъ, силурскихъ, формъ къ болѣе новымъ, каменноугольнымъ. Это обстоятельство также можетъ быть объяснено только по идеямъ Дарвина. Если всѣ органическія формы медленно и постепенно развивались изъ общаго начала, если каждая новѣйшая форма оказывается, въ буквальномъ смыслѣ слова, дочерью другой формы, болѣе древней, если, такимъ образомъ, каждая геологическая эпоха составляетъ только отдѣльную сцену одной общей, громадной драмы, не прерывавшейся ни разу, съ самаго своего начала,—тогда понятно, почему эти сцены находятся въ связи между собою, и почему, напримѣръ, вторая сцена служитъ переходомъ отъ первой къ третьей. Но, если каждый видъ возникъ самъ по себѣ, безъ всякаго отношенія къ тѣмъ формамъ, которыя жили раньше его появленія, и если, такимъ образомъ, каждая геологическая эпоха оказывается совершенно законченною пьесю, съ своею особенною завязкою и развязкою,—тогда для насъ становится необъяснимою причина той несомнѣнной связи, которую мы замѣчаемъ между органическими произведеніями отдѣльныхъ геологическихъ эпохъ. Противники Дарвина представляютъ себѣ исторію органической жизни въ слѣдующемъ видѣ: сначала созданы животныя и растенія силурской эпохи; потомъ они уничтожаются, и создаются животныя и растенія девонскаго періода; потомъ эти уничтожаются въ свою очередь, и создаются животныя и растенія каменноугольной формации, и такъ далѣе,

.) Не знаю есть, ли надобность пояснять, что фауною называется совокупность животныхъ, а флорою совокупность растений. На всякій случай поясню.

вплоть до нашихъ временъ. Спрашивается почему же организмы девонскихъ слоевъ болѣе похожи на силурскія формы, чѣмъ, напримеръ, на теперешніе виды животныхъ и растений? Потому, что девонская эпоха слѣдуетъ непосредственно за силурскою? Но какая же связь существуетъ между простою хронологическою послѣдовательностью и типическими особенностями организмовъ? Если силурская эпоха отдѣлена отъ девонской непроходимой бездною, то не все-ли равно, одна-ли такая бездна лежитъ между ними, или двадцать безднъ? Если бы девонскіе организмы возникли совершенно независимо отъ силурскихъ, то имъ не было никакой надобности и никакой причины представлять съ послѣдними какое-бы то ни было родственное сходство.

Клюэтъ доказалъ, что ископаемая млекопитающія, находящаяся въ австраійскихъ пещерахъ, обнаруживаютъ тѣсную, родственную связь съ сумчатыми животными, населяющими Австралію въ настоящее время. Оуэнъ доказалъ, что ископаемая млекопитающія, отысканныя въ Ла-Платѣ и въ Бразиліи, сродны съ южно-американскими животными нашего времени. Оуэнъ подмѣтилъ, кромя того, родственное сходство между ископаемыми и живущими птицами Новой Зеландіи. И наконецъ, тотъ же Оуэнъ, «распространилъ тоже обобщеніе и на млекопитающихъ стараго свѣта». Вотъ сколько незабвенныхъ услугъ этотъ драгоцѣнный Оуэнъ, самъ того не желая, оказалъ своими великими учеными трудами той теоріи, которую онъ ненавидитъ! Всѣ эти открытія очевидно идутъ въ пользу Дарвина. Почему же, въ самомъ дѣлѣ, вымершія породы извѣстной страны представляютъ сходство съ тѣми органическими формами, которыя живутъ именно въ той же самой странѣ? Почему, напримеръ, ископаемая животная Австраліи похожи на живыхъ обитателей той же Австраліи, а не на жителей Европы, или Азіи, или Америки? Отвѣтъ напрашивается самъ собою. Австраійскія животныя похожи на австраійскихъ, ново-зеландскія на ново-зеландскихъ, южно-американскія на южно-американскихъ, и такъ далѣе,—потому, что живыя формы этихъ мѣстностей составляютъ прямое, нисходящее потомство ископаемыхъ организмовъ. Это потомство переродилось сообразно съ измѣняющимися требованіями вѣчной борьбы за существованіе, но основныя черты общаго типа еще не успѣли изгладиться. Другаго отвѣта тутъ и быть не можетъ, и, такимъ образомъ, даже геологія,

при всей недостаточности своих матеріаловъ, выдвигаетъ въ пользу Дарвина три ряда многозначительныхъ фактовъ.

ГЕОГРАФИЧЕСКІЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА.

I.

Почему слоны и носороги живутъ въ Азіи и въ Африкѣ, и не живутъ въ тропическихъ частяхъ Америки и Австраліи? Почему бенгальскій тигръ заѣзжается въ Америкѣ ягуаромъ? Почему въ южной Америкѣ живетъ лама, а не верблюдъ? Почему обезьяны стараго свѣта принадлежать къ семейству узконосыхъ и короткохвостыхъ, а обезьяны новаго свѣта, напротивъ того, отличаются широкими носами и длинными хвостами? Можно поставить тысячи подобныхъ вопросовъ, и на всѣ эти вопросы натуралистъ постоянно будетъ отвѣчать: «не знаю». Климатическія условія въ этомъ случаѣ не объясняютъ ровню ничего. Экваторъ проходитъ черезъ Африку, Азію и Южную Америку; въ этихъ трехъ частяхъ свѣта можно отыскать множество такихъ мѣстностей, въ которыхъ солнце жгетъ съ одинаковою силою, и воздухъ въ одинаковой степени насыщенъ водяными парами. Сходство въ климатическихъ условіяхъ будетъ полное, а между тѣмъ различіе растений и животныхъ будетъ чрезвычайно значительно. Австралія также лежитъ въ жаркомъ поясѣ, но тропическій климатъ, конечно, не объясняетъ намъ, почему въ Австраліи живутъ утконосы и двуутробки, и почему черепъ австралийскаго человѣка похожъ на рѣдьну хвостомъ къ верху.— Великобританское королевство есть группа острововъ, лежащихъ въ сѣверномъ, умѣренномъ поясѣ, и японская имперія есть также группа острововъ, лежащихъ въ сѣверномъ, умѣренномъ поясѣ, но жизнь англичанина не похожа на жизнь японца, и никому ни приходитъ въ голову находить это послѣднее обстоятельство удивительнымъ. Говорятъ, что исторія выработала въ Великобританіи habeas corpus, а въ Японіи манеру лишать себя жизни посредствомъ взрѣзыванія живота. Ну да, исторія; и таже самая исторія выработала цѣпкій хвостъ широконосаго американскаго сапажу, и безхвостость узконосаго, азіятскаго орангутанга. Та исторія, которая сформировала государственныя учрежденія Англіи и Японіи, составляетъ только новѣйшій и очень короткій періодъ той всемірной исторіи, которая создала и постоян-

но продолжаетъ создавать всѣ существующія формы растений и животныхъ нашей планеты. Въ исторіи человечества только тѣ народы могутъ дѣйствовать другъ на друга, которые имѣютъ между собою какія нибудь сношенія; точно также въ исторіи органической жизни только тѣ растенія и животныя дѣйствуютъ другъ на друга, которыя такъ или иначе находятся между собою въ соприкосновеніи. Азіятскіе народы развивались особнякомъ отъ европейскихкихъ; африканскіе—особнякомъ отъ тѣхъ и отъ другихъ; а народы Америки и Австраліи до конца XV-го вѣка еще гораздо рѣзче были отчуждены отъ народовъ стараго свѣта. Тоже самое явленіе «*особнячества*» въ еще болѣе сильной степени обнаруживается въ историческомъ развитіи органическихъ формъ. Жизнь возникла и развилась самостоятельно на различныхъ точкахъ земной поверхности. Всѣ животныя и всѣ растенія каждой обширной географической области, окаймленной естественными границами, составляютъ одно органическое цѣлое, въ которомъ отдѣльныя части связаны между собою перепутанными сѣтями самыхъ сложныхъ взаимныхъ отношеній. Внутри этого цѣлаго совершается историческое развитіе всѣхъ отдѣльныхъ частей, то есть, всѣхъ видовъ растительнаго и животнаго царства. Каждая отдѣльная часть, то есть, каждый видъ, стремится къ тому, чтобы какъ можно плотнѣе приладиться къ этому цѣлому; каждый видъ борется съ другими видами *данной области*, и плиюется посредствомъ этой борьбы, то есть, приобретаетъ тѣ особенности въ тѣлосложеніи, которыхъ требуютъ *мѣстныя условія*. Колоритъ и направленіе борьбы зависятъ отъ этихъ мѣстныхъ условій, то есть, всей совокупности тѣхъ органическихъ формъ, которыя населяютъ данную мѣстность. Сообщая борьбѣ то или другое направленіе, эти мѣстныя условія вырабатываютъ типическія особенности каждаго отдѣльнаго вида, который, такимъ образомъ, оказывается непремѣнно продуктомъ известной географической области. Эти готовые продукты различныхъ географическихъ областей изъ своего отечества распространяются въ разныя стороны, и, наконецъ, останавливаются въ своемъ распространеніи на тѣхъ естественныхъ границахъ, черезъ которыя не можетъ перейти ни животное, ни растеніе. Самыми непроходимыми границами оказываются океаны, и поэтому три материка: Старый Свѣтъ, Америка и Австралія чрезвычайно рѣзко отдѣляются другъ отъ друга по характеру своихъ туземныхъ организмовъ. Африканскій слонъ конечно могъ бы найти себѣ въ тро-

пической Бразиліи удобный климатъ и обильную пищу; бенгальскій тигръ, попавши въ Бразилію, не превратился бы тамъ въ лягура; потомство узконосаго и безхвостаго орангутанга, перевезеннаго въ южную Америку, по всей вѣроятности не приобрѣло бы себѣ тамъ широкой носовой перегородки и длиннаго хвоста. Но, такъ какъ всѣ эти животныя не имѣютъ никакой возможности перебраться черезъ океанъ, то всѣ они и остаются исключительными обитателями Старога Свѣта. Но развѣ не могла порода тигровъ, слоновъ и орангутанговъ возникнуть одновременно, и въ Старомъ свѣтѣ, и въ Новомъ?—На этотъ вопросъ можно отвѣчать рѣшительно: нѣтъ, не могла. Для этого было бы необходимо, чтобы, въ теченіи многихъ сотенъ тысячелѣтій, на двухъ различныхъ точкахъ земной поверхности, борьба за существованіе совершалась при одинаковыхъ условіяхъ. Такое требованіе совершенно неосуществимо, и поэтому каждый натуралистъ, припимающій видовыя формы за продукты борьбы и естественнаго развитія, непременно приходитъ къ тому заключенію, что каждая видовая форма могла возникнуть *только въ одной* географической области. Факты подтверждаютъ это теоретическое предположеніе. Натуралисты не знаютъ ни одного примѣра, чтобы какое нибудь дикое млекопитающее водилось на двухъ совершенно отдѣльных материкахъ.— На океаническихъ островахъ, лежащихъ далеко отъ материка, нѣтъ ни дикихъ млекопитающихъ, ни лягушекъ, ни жабъ, ни ящерицъ. Почему? Потому, что всѣ эти животныя не могутъ переселяться за море. Лягушки, жабы и ящерицы сами погибаютъ отъ морской воды, и даже ихъ икра не выдерживаетъ прикосновенія этой стихіи. Стало быть, лягушка, жаба или ящерица можетъ попасть на островъ только при помощи человѣка. Человѣкъ печально помогъ лягушкамъ пробраться на Мадеру, на Асорскіе острова и на островъ св. Мавривія, и лягушки такъ отлично припаровились къ мѣстнымъ условіямъ, и размножились такъ успѣшно, что ихъ многочисленность становится для жителей этихъ острововъ тягостнымъ наказаніемъ. На тѣхъ океаническихъ островахъ, на которыхъ нѣтъ земныхъ млекопитающихъ, живутъ однако летучія мыши, то есть, именно такія млекопитающія, которыя, подобно птицамъ, могутъ переправляться черезъ морскіе проливы. Эти факты доказываютъ намъ, что каждый океаническій островъ населенъ тѣми растеніями и животными, которыя, такъ или иначе могли пробраться на него съ сосѣдняго материка. Поэтому, населеніе

этихъ острововъ болѣею частію очень бѣдно, то есть, на нихъ живеть, сравнительно съ ихъ пространствомъ, очень незначительное количество видовыхъ формъ. Присутствіе летучихъ мышей на океаническихъ островахъ не должно насъ изумлять; извѣстно, что двѣ породы изъ этого семейства перелетаютъ нѣскольکو разъ въ годъ съ береговъ Сѣверной Америки на Бермудскіе острова, находящіяся въ шести стахъ миляхъ отъ материка. Путешественники видали иногда, какъ летучія мыши носятя днемъ надъ Атлантическимъ океаномъ, въ очень далекомъ разстояніи отъ береговъ. Поэтому вовсе не трудно предположить, что какая нибудь континентальная порода летучихъ мышей залетѣла на островъ, осталась на немъ, размножилась и потомъ видоизмѣнилась, такъ что образовалась новая порода, свойственная исключительно данному острову. Съ точки зрѣнія Дарвина этотъ фактъ понятенъ. Но, если мы отвергнемъ теорію преемственности видовъ, то намъ останется только изумляться, почему же это, въ самомъ дѣлѣ, для Новой Зеландіи полагаются двѣ породы летучихъ мышей, и совсѣмъ не полагаются ни крысы, ни зайцевъ, ни собакъ, ни кошекъ? И почему же мать—природа не помѣстила лягушекъ въ такихъ мѣстахъ, гдѣ всѣ условія жизни оказываются для этихъ животныхъ въ высшей степени благоприятными?

II.

Во многихъ случаяхъ бываетъ очень трудно объяснить, какимъ образомъ совершилось переселеніе животнаго или растенія съ одной точки земной поверхности на другую. Вѣтры, морскія теченія, птицы, рыбы въ очень значительной степени помогаютъ переселеніямъ растеній и даже нѣкоторыхъ животныхъ. Дарвинъ сообщаетъ много любопытнѣйшихъ наблюденій на счетъ этихъ случайныхъ способовъ переселенія. Но до сихъ поръ предметъ этотъ разработанъ очень недостаточно. Ботаники не знаютъ даже, долго ли сѣмяна различныхъ растеній могутъ противиться вредному дѣйствию морской воды? Между тѣмъ, вѣтеръ каждый годъ ломаетъ вѣтки и уноситъ ихъ въ море; тамъ онѣ попадаютъ въ теченіе, и плывутъ въ даль, и потомъ выбрасываются на какой нибудь берегъ. Послѣ такого плаванія, могутъ ли зрѣлыя сѣмяна, находившіяся на этихъ вѣткахъ,

пустить корень, и произвести здоровое растеніе? Понятно, что этотъ вопросъ имѣетъ важное значеніе. Чтобы рѣшить этотъ вопросъ, по крайней мѣрѣ, для нѣкоторыхъ растеній, Дарвинъ бралъ вѣтки съ зрѣлыми сѣмянками, клалъ ихъ въ морскую воду на нѣсколько сутокъ и даже недѣль, а потомъ сѣялъ ихъ, и отмѣчалъ результаты этихъ опытовъ. Многія вѣтки тотчасъ отправлялись ко дну; другія держались на водѣ очень долго, но потомъ сѣмяна ихъ оказывались негодными; третьи выдерживали испытаніе вполне. Погруженіе, продолжавшееся 28, 42, и даже, для нѣкоторыхъ 137 дней, нисколько не вредило ихъ сѣмянамъ, которыя, при первой возможности, тотчасъ пускали корень и производили здоровыя растенія. Зеленыя вѣтки отправлялись ко дну очень быстро; но тѣже самыя вѣтки, высушенныя на солнцѣ, держались на водѣ очень долго. Напримѣръ, сухая вѣтка орѣшника продержалась на водѣ 90 дней, и потомъ орѣхи этой вѣтки, положенныя въ землю, пустили корень. Сухая вѣтка спаржи съ зрѣлыми ягодами плавала 85 дней, и сѣмяна пустили корень. Изъ всѣхъ своихъ опытовъ Дарвинъ выводитъ то заключеніе, что изъ 100 растеній десять могутъ плавать по морю около четырехъ недѣль, не теряя жизненной силы своихъ сѣмянъ. По физическому атласу Джонстона, средняя быстрота атлантическихъ теченій равняется 33 милямъ въ сутки.— $33 \times 28 = 924$. Это значитъ, что нѣкоторыя растенія могутъ переплыть въ 28 сутокъ морской рукавъ шириною 924 мили; потомъ, если волна выбросятъ ихъ на берегъ, и если морской вѣтеръ занесетъ ихъ въ удобное мѣсто, сѣмяна этихъ растеній могутъ пустить корень, и основать такимъ образомъ новую колонію, вдали отъ прежняго отечества.

Море часто выбрасываетъ на берега океаническихъ острововъ цѣлыя деревья, и на коралловыхъ островахъ Тихаго Океана туземцы готовятъ инструменты и оружіе исключительно изъ тѣхъ камней, которые попадаютъ между корнями этихъ деревьевъ. Камни эти получаютъ въ такомъ значительномъ количествѣ, что начальники этихъ островитянъ сочли удобнымъ превратить эту статью мѣстной торговли въ свою регалію. Эти камни часто держатся такъ плотно между корнями, что частицы земли, лежація иногда за камнями или между ними, совершенно защищены отъ воды, и не могутъ быть размыты, не смотря на значительную продолжительность плаванія. Въ этихъ частицахъ земли заключаются иногда сѣмяна различныхъ растеній, которыя такимъ образомъ могутъ переселяться на чрез-

вычайно далекія рзстоянія. Дарвинъ видѣлъ, между корнями пятидесятилѣтняго дуба, кусокъ земли, совершенно обросшій деревомъ; изъ этого куска появились ростки трехъ сѣмянъ, пробывшихъ пятьдесятъ лѣтъ въ такомъ тѣсномъ заключеніи.

Тѣла мертвыхъ птицъ помогаютъ иногда переселеніямъ растений, потому что многія сѣмяна долго сохраняютъ свою жизненность въ зобу этихъ птицъ. — Живыя птицы въ этомъ отношеніи оказываютъ самыя значительныя услуги. Косточки многихъ ягодъ и плодовъ проходятъ черезъ кишечный каналъ птицы совершенно нетронутыми. Кромѣ того, такъ какъ зобъ птицы не выдѣляетъ желудочнаго сока, то всѣ зерна, находящіяся въ ея зобу, и не попавшія еще въ желудокъ, совершенно способны пустить корень. Пища птицы остается въ зобу отъ пятнадцати до восемнадцати часовъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда птица наѣлась досыта. Предположимъ теперь, что птица наглоталась различныхъ зеренъ, и полетѣла. Ее подхватываетъ вѣтеръ, не даетъ ей справиться, и уноситъ ее въ открытое море; птица поневолѣ летитъ по вѣтру, и, по словамъ Дарвина, скорость ея полета, при такихъ условіяхъ, можетъ доходить до 35 миль въ часъ, такъ что она легко можетъ пролетѣть миль пятьсотъ прежде, чѣмъ съѣденныя ею зерна перейдутъ изъ ея зоба въ желудокъ. Наконецъ, она видитъ берегъ, и опускается въ совершенномъ изнеможеніи, но соколы и ястребы имѣютъ непозволительную привычку подстергать утомленныхъ птицъ; одинъ изъ такихъ хищниковъ бросается на нашего странника, и раздираетъ его; часть сѣмянъ вываливается изъ разорваннаго зоба, и можетъ немедленно пустить корень. Далѣе, многія хищныя птицы глотаютъ цѣликомъ свою добычу, и потомъ, по прошествіи двѣнадцати и даже двадцати часовъ, выбрасываютъ черезъ клювъ комки разныхъ непереваренныхъ веществъ. Въ этихъ комкахъ часто находятся сѣмяна, способныя пустить корень. Нѣкоторыя зерна овса, пшеницы, проса, конопля, клевера и свекловицы пустили корень, пробывши отъ 12 до 20 часовъ въ желудкѣ разныхъ хищныхъ птицъ. Два сѣмячка свекловицы пробыли въ желудкѣ хищной птицы двое сутокъ и четырнадцать часовъ (всего 62 часа) и все-таки пустили корень. Эта хищная птица могла въ это время залетѣть Богъ знаетъ куда, а хищныхъ птицъ много, и онѣ каждый день истребляютъ зерноядныхъ птицъ, и каждый день выбрасываютъ комки непереваренныхъ веществъ. Вліяніе этихъ птицъ на судьбу растений должно быть очень значительно. Хищныя птицы,

питающіяся рѣчною рыбою, такъ же точно дѣйствуютъ на распространеніе водяныхъ растений, потому что рыба глотаетъ сѣмяна, а птица глотаетъ рыбу. — Къ лапамъ птицъ пристають иногда частицы глины и ила, въ этихъ частицахъ часто заключаются мелкія сѣмяна. Цапли, кулики и другія болотныя птицы особенно сильно должны содѣйствовать этимъ способомъ распространенію прѣсноводныхъ растений. Эти птицы постоянно бродятъ по вязкому грунту, и перелетаютъ часто на чрезвычайно значительныя разстоянія. Съ береговъ каждаго пруда онѣ непремѣнно уносятъ частицу мѣстной грязи, а эта грязь заключаетъ въ себѣ обыкновенно громадныя количества сѣмянъ. «Я въ февралѣ, говоритъ Дарвинъ, взялъ три столовыя ложки ила изъ трехъ разныхъ подводныхъ точекъ на краю маленькаго пруда. Этотъ илъ, высушенный, вѣсилъ всего $6\frac{3}{4}$ унцій; я держалъ его прикрытымъ въ моемъ кабинетѣ въ теченіе шести мѣсяцевъ, вырывая и считая всѣ всходящія растенія; растенія эти принадлежали къ разнымъ видамъ, и всѣхъ ихъ было 537; однако вязкій илъ весь помѣщался въ чайной чашкѣ.» — Дикія утки, и другія птицы, плавающія по рѣкамъ и перелетающія съ одной рѣки на другую, могутъ переносить съ собою прѣсноводныхъ моллюсковъ. Возможность такихъ перенесеній доказана прямымъ опытомъ. Дарвинъ повѣсилъ въ акваріе утиную лапу въ томъ положеніи, въ какомъ держитъ ее утка, плавая по водѣ; къ этой лапѣ присосалась множество молодыхъ моллюсковъ, только что вылупившихся изъ яицъ. Дарвинъ вынулъ лапу, и началъ ее отряхивать; моллюски не пошевелились; послѣ этого, лапа пролежала внѣ воды больше двѣнадцати часовъ, и моллюски остались въ живыхъ. Стало бытъ, утка очень легко могла бы перелетѣть вмѣстѣ съ ними за нѣсколько десятковъ миль, и потомъ опуститъ ихъ въ какой нибудь другой прудъ, отстоящій очень далеко отъ мѣста ихъ рожденія. Этими и многими другими причинами, еще не достаточно изслѣдованными, объясняется то обстоятельство, что одни и тѣже виды прѣсноводныхъ моллюсковъ попадаютъ въ разлячныхъ рѣкахъ, не имѣющихъ между собою никакого воднаго сообщенія. — Сами собою моллюски эти, живущіе исключительно и постоянно въ водѣ очевидно не могутъ перебраться сухимъ путемъ изъ одной рѣки въ другую. — Кромѣ птицъ, моллюскамъ помогаютъ въ этомъ дѣлѣ нѣкоторыя насѣкомыя. «Сэръ Чарльзъ Ляйелль, говоритъ Дарвинъ, извѣщаетъ меня, что однажды былъ пойманъ *Dytiscus* (плавунецъ—водяной жукъ) съ прѣсноводною раковиною *An-*

сѣмья, крѣпко присосавшаяся къ нему; а водяной жукъ *Colymbetes*, принадлежащій къ тому же семейству, однажды залетѣлъ на корабль *Бигль*, когда этотъ корабль находился въ 45 миляхъ отъ ближайшаго берега.» — Очень можетъ быть, что этотъ *Colymbetes*, при попутномъ вѣтрѣ, пролетѣлъ бы еще дальше, а съ нимъ вмѣстѣ путешествовалъ бы и тотъ моллюскъ, который присосады бы съ его тѣлу. — Въ природѣ существуютъ, вѣроятно, многіе другіе способы переселенія, и будущіе натуралисты, конечно, сдѣлаютъ по этому предмету много неожиданныхъ открытій.

III.

Въ Великобританіи и въ Ирландіи водятся тѣже дикія млекопитающія, которыя живутъ во Франціи, въ Германіи и въ Швеціи. Это обстоятельство было бы необъяснимо, если бы мы не обратили вниманія на тѣ значительныя измѣненія морскаго уровня, которыя совершились во время новѣйшихъ геологическихъ эпохъ. Западныя и сѣверозападныя части Европы то поднимались, то опускались во время всего постъ-плиоценоваго періода, примыкающаго непосредственно къ той эпохѣ, къ которой относится все историческое существованіе человѣческихъ обществъ. Во время поднятія почвы, всѣ британскіе острова соединялись въ одну массу, и срастались съ европейскимъ материкомъ; Ламаншъ исчезалъ совершенно, и можетъ быть, даже все нѣмецкое море превращалось въ сушу, такъ что Великобританія на югѣ сливалась съ Франціею, а на Востокѣ съ Норвегіею и Даніею. Темза въ это время становилась притокомъ Рейна. Потомъ, когда почва опускалась, Великобританія, оторванная отъ материка, разрывалась, кромѣ того, на множество мелкихъ острововъ. Всѣ эти колебанія уровня совершаются чрезвычайно медленно, такъ что Великобританія была соединена съ материкомъ въ теченіе многихъ тысячелѣтій, и всѣ континентальныя животныя имѣли полную возможность населить эту землю, и размножиться въ ней, во время періода поднятія. Такъ какъ, во время постъ-плиоценовой эпохи, теперешнія породы животныхъ были уже сформированы, то эти колебанія уровня объясняютъ намъ совершенно удовлетворительно, почему однѣ и тѣже породы млекопитающихъ населяютъ и материкъ Европы, и Британскіе острова. — Несмотря на эти послѣдовательныя повышенія и пониженія, главныя массы твердой земли посто-

явно оставались на тѣхъ же мѣстахъ, на которыхъ онѣ находятся въ настоящее время. Подробности въ очертаніяхъ материковъ измѣнялись значительно, но при всемъ томъ, Старый Свѣтъ былъ постоянно отдѣленъ отъ Америки обширными океанами. Среднія и южныя части этихъ двухъ материковъ лежали очень далеко другъ отъ друга, а сѣверныя части, напротивъ того, находились почти въ непосредственномъ соприкосновеніи; словомъ, въ главныхъ чертахъ, эти двѣ громадныя массы твердой земли занимали постоянно тоже положеніе, въ какомъ мы ихъ видимъ теперь. Прямые переселенія животныхъ и растений изъ Франціи въ Соединенные штаты или съ мыса Доброй Надежды въ Ла-Плату были невозможны во время всѣхъ геологическихъ эпохъ, о которыхъ мы имѣемъ какія нибудь свѣдѣнія. Двѣ послѣднія геологическія эпохи пліоценовая и постъ-пліоценовая дѣйствовали на расселеніе животныхъ и растений не только колебаніями уровня, но еще, кромѣ того, значительными колебаніями климатическихъ условій. Въ пліоценовой эпохѣ былъ одинъ періодъ гораздо теплѣе теперешняго; потомъ началось медленное охлажденіе, и во время постъ-пліоценовой эпохи, холодъ, достигши своего крайняго развитія, сдѣлался до такой степени силенъ, что наступилъ такъ называемый *ледовой* или *ледниковый* періодъ; въ это время климатъ былъ гораздо холоднѣе, чѣмъ теперь; потомъ температура опять начала повышаться, и наконецъ, послѣ различныхъ, менѣе значительныхъ колебаній, достигла до своего теперешняго положенія. — Посмотримъ, какимъ образомъ эти климатическія измѣненія должны были дѣйствовать на расселеніе животныхъ и растений. Возьмемъ сначала теплый періодъ пліоценовой эпохи, и постоянно будемъ имѣть въ виду то обстоятельство, что главные очертанія великихъ материковъ во все это время не испытали никакихъ существенныхъ видоизмѣненій. Когда климатъ былъ гораздо теплѣе теперешняго, тогда жители сѣвернаго умѣреннаго пояса могли жить за полярнымъ кругомъ, а организмы, свойственные холодному поясу, жили въ тѣхъ земляхъ, которыя лежатъ возлѣ самаго полюса, подъ сплошною корою вѣчнаго льда, подавляющаго, въ настоящее время, всякое проявленіе органической жизни. Въ настоящее время, сѣверныя оконечности Стараго свѣта и Америки населены совершенно одинаково, именно потому, что эти оконечности находятся въ самомъ ближайшемъ сосѣдствѣ. Но теперь въ Старомъ и въ Новомъ свѣтѣ одинаковы только чисто полярныя формы, напримѣръ, сѣверный олень,

бѣлый медвѣдь, песцы, морскіе бобры, киты, и тому подобныя животныя, свойственныя исключительно холодному поясу. Во время теплаго періода пліоценовой эпохи, на обоихъ материкахъ были одинаковы, *во первыхъ*, полярныя формы, жившія въ то время въ тѣхъ странахъ вѣчнаго льда, которыя теперь совершенно лишены обитателей, и даже недоступны самымъ любознательнымъ и неустрашимымъ изслѣдателямъ; и, *во вторыхъ* тѣ животныя и растенія умѣреннаго пояса, которыя, въ то время, жили въ теперешней области сѣверныхъ оленей, бѣлыхъ медвѣдей и морскихъ бобровъ. Беринговъ проливъ, по всей вѣроятности, исчезалъ иногда, подобно Ламаншу, и тогда всякія переселенія изъ сѣверной Азіи въ сѣверную Америку становились очень удобными. Началось охлажденіе. Вѣчные льды обложили полюсъ, и медленно потѣснили къ югу полярную фауну и полярную флору. Полярныя животныя и растенія, двигаясь къ югу, прогнали въ умѣренный поясъ тотъ комплектъ растеній и животныхъ, который во время теплаго пліоцена жилъ за полярнымъ кругомъ. Эти послѣднія, въ свою очередь, стали напирать на тѣхъ, которые жили южнѣе, и этотъ напоръ различныхъ органическихъ существъ, вмѣстѣ съ постепеннымъ пониженіемъ температуры, далъ себя почувствовать всему міру животныхъ и растеній, вплоть до самаго экватора. Все живое двигалось отъ обоихъ полюсовъ къ жаркому поясу. Но растеніямъ и животнымъ, населявшимъ тропическія земли, отступать было некуда. Во первыхъ, они были стиснуты съ двухъ сторонъ, и во вторыхъ, имъ уже негдѣ было искать еще болѣе теплаго климата. Они должны были столпиться на самомъ экваторѣ, забиться въ самыя жаркія долины, и наконецъ погибнуть, если холодъ и пришельцы изъ умѣренныхъ поясовъ продолжали преслѣдовать ихъ въ этомъ послѣднемъ убѣжищѣ. Наступаетъ ледовой періодъ. Вѣчные льды занимаютъ оба холодные пояса, и значительную часть обоихъ умѣренныхъ. На всѣхъ горахъ земнаго шара лежатъ громадные ледники, спускающіеся очень далеко въ окрестныя долины; по морямъ плаваютъ ледяныя горы, которыя заходятъ даже въ жаркій поясъ, и тамъ, поддаваясь дѣйствию теплоты, таютъ и уничтожаются, роняя на дно моря, на отмели или на берега, каменные глыбы, принесенныя изъ далекихъ полярныхъ или умѣренныхъ земель. Растенія и животныя, свойственныя въ наше время исключительно холодному поясу, наполняютъ всю среднюю Европу, доходятъ до Альповъ и до Пиринеевъ, и даже про-

никаютъ въ Испанію. Тѣже самыя полярныя формы живутъ, во время ледоваго періода, во всей умѣренной территоріи Американскихъ штатовъ. Къ югу отъ этихъ полярныхъ жителей происходитъ самая ожесточенная борьба. Холодъ согналъ къ тропикамъ самое разнокалиберное населеніе, то есть все, кромѣ полярныхъ формъ, все, что во время теплаго періода пліоценовой эпохи, жило отъ береговъ Баффина моря до крайней оконечности Огненной земли. Тутъ, около тропиковъ, на протяженіи какихъ нибудь пятидесяти или шестидесяти градусовъ, толпятся, во первыхъ, жители теперешнихъ умѣренныхъ поясовъ, во вторыхъ, жители теперешняго жаркаго пояса, и наконецъ, въ третьихъ, жители того жаркаго пояса, который во время теплаго пліоцена былъ гораздо жарче теперешняго. Можно себѣ представить, какая тутъ происходитъ давка, и какъ плохо приходится въ этой давкѣ тѣмъ жителямъ *прежнихъ* жаркаго пояса, которые больше всѣхъ другихъ страдаютъ отъ холода, и поэтому меньше всѣхъ другихъ способны давать отпоръ многочисленнымъ конкурентамъ. Большая часть этихъ прежнихъ жителей погибаетъ, и жаркій поясъ, во время крайняго развитія холода, представляетъ намъ слѣдующій составъ населенія: по горамъ и по плоскимъ возвышенностямъ животныя и растенія умѣреннаго пояса, а въ самыхъ жаркихъ долинахъ фауна и флора теперешняго жаркаго пояса. Холодъ начинаетъ убывать, и, вмѣстѣ съ постепеннымъ возвышеніемъ температуры, начинается обратное движеніе всего живаго отъ экватора къ обимъ полюсамъ. Ледники таютъ; вершины невысокихъ горъ совершенно освобождаются отъ ледяныхъ громадъ, а на высокихъ горахъ ледники отодвигаются къ самымъ вершинамъ, позволяя растеніямъ проникать въ долины, въ ущелья и на склоны горныхъ хребтовъ. Растеніямъ и животнымъ холоднаго пояса въ средней Европѣ становится слишкомъ тепло; они отступаютъ туда, гдѣ похолоднѣе, то есть, съ юга на сѣверъ, и, кромѣ того, снизу вверхъ, изъ долины на гору. Растеніямъ и животнымъ умѣреннаго пояса между тропиками становится также неудобно; во первыхъ, жарко, а во вторыхъ, тропическія формы не даютъ имъ пощады; онѣ выходятъ изъ знойныхъ долинъ, побѣждаютъ пришельцевъ, и заставляютъ ихъ бѣжать; куда же бѣгутъ растенія и животныя умѣреннаго пояса? Туда, гдѣ прѣхладнѣе. Если растеніе не перешло черезъ экваторъ, то оно уходитъ въ сѣверный умѣренный поясъ; если же оно, во время крайняго развитія холода, успѣло перешагнуть черезъ

экваторъ, то оно уже не поворачиваетъ назадъ, а идетъ дальше къ югу, переходитъ за тропику Козерога, и утверждается въ южномъ умѣренномъ поясѣ. Наконецъ, если растеніе живетъ у подошвы горы, то оно взлѣзаетъ на гору; если эта гора слишкомъ низка, то растеніе погибаетъ, когда теплота усиливается; если же гора достаточно высока, то растеніе, по мѣрѣ усиленія теплоты, лѣзетъ все выше и выше, и наконецъ успокоивается на той высотѣ, на которой оно находитъ себѣ умѣренный климатъ, неблагопріятный для его тропическихъ конкурентовъ. Такимъ образомъ, высокія горы жаркаго пояса населяются растеніями умѣренной полосы, а высокія горы умѣреннаго пояса — растеніями полярныхъ мѣстностей. Такъ оно и есть въ дѣйствительности. На Шотландскихъ горахъ, на Альпахъ и на Пирингахъ живутъ одинаковыя растенія, родственныя съ тѣми формами, которыя находятся на сѣверѣ Скандинавіи. На Бѣлыхъ горахъ, въ Соединенныхъ штатахъ, живутъ растенія, родственныя съ растеніями Лабрадора. Тоже самое родство замѣчается между растеніями южныхъ Сибирскихъ горъ, и растеніями сѣверной Сибири. Кромѣ того, всѣ эти горныя растенія, находящіяся на такихъ различныхъ точкахъ земной поверхности, не только сходны и родственны между собою, но часто бываютъ даже совершенно тождественны, такъ что ботанику случается иногда встрѣтить ту же самую породу въ Испаніи и въ сѣверной Америкѣ, не смотря на то, что растительность долинъ въ этихъ мѣстностяхъ, вовсе не одинакова, и вовсе не похожа на растительность горныхъ хребтовъ. Натуралисты прошлаго столѣтія думали, что эти горныя растенія возникли разомъ на нѣсколькихъ точкахъ земнаго шара, но теперь, благодаря успѣхамъ новѣйшей геологіи, дѣло объясняется гораздо проще. На высокихъ горахъ тропической Бразиліи живутъ нѣкоторыя чисто-европейскія растенія. На Абиссинскихъ горахъ встрѣчаются также растенія, родственныя отчасти съ европейскими, отчасти съ такими, которыя живутъ на мысѣ Доброй Надежды. Нѣкоторыя растенія, завезенныя на мысѣ Доброй Надежды человекомъ, также родственны съ европейскими. На Гималайскихъ горахъ, на нѣкоторыхъ другихъ горныхъ цѣпяхъ Остѣ-Индіи, на высокихъ горахъ острова Цейлона, и на вулканическихъ вершинахъ Явы водятся также растенія, принадлежащія къ европейскимъ родамъ. Всѣ эти факты объясняются очень легко, какъ необходимыя послѣдствія ледоваго періода. Одни растенія сѣвернаго умѣреннаго пояса перебра-

лись черезъ экваторъ, и ушли на югъ, на мысъ Доброй Надежды, а другія утвердились на высокихъ горахъ, когда усилившаяся теплота выгнала ихъ изъ тропическихъ долинъ. — Растенія и животныя Соединенныхъ штатовъ представляютъ признаки кровнаго родства съ растеніями и животными средней Европы; и это понятно; во время теплаго пліюцена эти органическія формы жили въ сплошныхъ земляхъ, составляющихъ теперь сѣверныя оконечности обоихъ великихъ материковъ; потомъ, когда началось охлажденіе, эти формы пошли къ югу и разошлись; одни вступили въ борьбу съ фаунами и флорами Стараго Свѣта, другія съ фаунами и флорами средней и тропической Америки. Одни видоизмѣнились въ одну сторону, другія — въ другую; образовалось между ними значительное различіе, но признаки кровнаго родства еще сохранились. Чѣмъ дальше мы подвигаемся на югъ, тѣмъ эти признаки становятся слабѣе, такъ что тропическая природа Америки уже нисколько не похожа на тропическую природу Азіи или Африки. Такимъ образомъ мы видимъ, что всѣ главные факты въ распредѣленіи организмовъ по лицу земли находятся въ полномъ согласіи съ идеями Дарвина. Многія второстепенныя подробности представляютъ до сихъ поръ неразъяснимыя затрудненія, но мы должны помнить, что наука наша не закончена, что кругъ нашихъ знаній расширяется ежедневно, и что открытія и наблюденія будущихъ натуралистовъ должны пополнить то, чего не успѣютъ сдѣлать наши современники. Тогда устранятся и тѣ неизбѣжныя затрудненія, которыя каждая новая и плодотворная идея всегда встрѣчаетъ на своемъ пути.

ЭМБРИОЛОГІЯ И СРАВНИТЕЛЬНАЯ АНАТОМІЯ.

I.

Различныя части тѣла у зародышей представляютъ между собою гораздо больше сходства, чѣмъ у взрослыхъ животныхъ. Напримѣръ, у человѣческаго зародыша нога похожа на руку, у зародыша летучей мыши задняя оконечность похожа на переднюю, которая впоследствии должна превратиться въ крыло. Кромѣ того, зародыши различныхъ животныхъ, принадлежащихъ къ одному классу или отдѣлу, въ раннія фазы своего развитія, бываютъ очень похожи другъ на друга. Въ началѣ своего существованія, зародыши птицъ, мле-

копитающихъ, ящерицъ, змѣй, рѣшительно ничѣмъ не отличаются одинъ отъ другаго. Видно только, что это зародыши позвоночнаго животнаго, но какого класса — это неизвѣстно. Потомъ, въ болѣе поздній періодъ развитія, видно, что это млекопитающее—или птица, или ящерица, но еще нельзя опредѣлить къ какому порядку или семейству относится это возникающее существо. Потомъ обозначаются признаки семейства, рода и вида. Новорожденный жеребенокъ уже отличается отъ новорожденного осленка, но тѣ подробности тѣло-сложенія, которыя характеризуютъ ломовую и скаковую лошадь, англійскую и донскую, рысака и вятку, обозначаются уже черезъ нѣсколько времени послѣ рожденія животнаго. Въ младенчествѣ многихъ животныхъ проявляются такія особенности, которыя свойственны цѣлой группѣ родственныхъ формъ, и которыя потомъ исчезаютъ, замѣняясь чисто-видовыми качествами. Напримѣръ, у молодыхъ птицъ изъ семейства дроздовъ первое опереніе испещрено крапинками, хотя впослѣдствіи цвѣтъ перьевъ у различныхъ видовъ этой группы отличается значительнымъ разнообразіемъ. Въ семействѣ кошекъ большая часть породъ носить полосатую или пятнистую шкуру; левъ и пума, принадлежащіе также къ группѣ кошекъ, отличаются отъ своихъ родственниковъ одноцвѣтностью мѣха, но новорожденные львы и пумы очень часто бываютъ испещрены полосками и пятнами, которыя потомъ сглаживаются. Сходство между зародышами различныхъ позвоночныхъ животныхъ существуетъ совершенно независимо отъ тѣхъ условій, при которыхъ эти зародыши развиваются. Млекопитающее развивается въ утробѣ матери, птица подъ скорлупою яйца; лягушка, въ видѣ головастика, ведетъ самостоятельную жизнь въ водѣ, и не смотря на то, у всѣхъ этихъ животныхъ, во время ихъ зачаточнаго состоянія, артеріи изгибаются совершенно одинаковымъ образомъ вокругъ жаберныхъ скважинъ, которыя впослѣдствіи исчезаютъ безъ слѣда. Головастику жабры необходимы, потому что онъ живетъ въ водѣ, и дышетъ этими жабрами; но зародышу птицы, млекопитающаго, змѣи или черепахи жабры ни на что не нужны ни въ какое время, а между тѣмъ жаберныя скважины все таки существуютъ, и возникаютъ у всѣхъ этихъ животныхъ единственно для того, чтобы потомъ исчезнуть, не доставивъ организму ни малѣйшей пользы; чѣмъ объяснить такой капризъ природы? Намъ приходится поставить два вопроса: во первыхъ, почему зародыши болѣе похожи другъ на друга, чѣмъ взро-

слыя животныя? И во вторыхъ, почему у зародыша существуютъ нѣкоторые органы, совершенно безполезныя для самаго зародыша, и не имѣющіе въ малѣйшаго отношенія къ образу жизни взрослого животнаго? По идеямъ Дарвина эти вопросы разрѣшаются очень удовлетворительно. Родителя передаютъ дѣтямъ по наслѣдству, во первыхъ, тѣ черты тѣлосложенія, которыя родители сами приняли отъ своихъ предковъ, и во вторыхъ, тѣ особенноти, которыя родители выработали себѣ въ теченіе своей жизни. Можно сказать, что родители передаютъ дѣтямъ родовое и благопріобрѣтенное имущество своего организма. Особенность, проявившаяся у родителя въ извѣстномъ возрастѣ, большею частью проявляется и у сына въ томъ же самомъ возрастѣ. Извѣстно, напримѣръ, что многія наслѣдственные болѣзни, эпилепсія, сумасшествіе, и такъ далѣе, обнаруживаются у нѣсколькихъ нисходящихъ поколѣній аккуратно въ томъ же самомъ возрастѣ. Положимъ теперь, что какое нибудь животное, совершенно приспособленное къ водной жизни, понемногу пріучается къ преслѣдованію такой добычи, которая живетъ на сушѣ. Такіе примѣры извѣстны въ живой природѣ. Угорь часто выходитъ изъ воды, и отправляется въ хлѣбныя поля, иногда на нѣсколько дней. Ракъ *Birgus latro* по ночамъ выходитъ на берегъ, вылазаетъ на кокосовыя деревья, и своими огромными клешнями раскалываетъ кокосовыя орѣхи для своего продовольствія. Рыба *Anabas scandens* ползаетъ по землѣ, и взбирается на деревья, опираясь при этомъ на твердые костяные лучи своихъ нижнихъ плавниковъ. Если подобныя явленія возможны теперь, при существованіи огромнаго количества ящерицъ, змѣй, млекопитающихъ, птицъ, и другихъ опасныхъ конкурентовъ, то, разумѣется, эти явленія должны были встрѣчаться очень часто во время оцо, въ тѣ геологическія эпохи, когда на земномъ шарѣ не было никакихъ позвоночныхъ животныхъ, кромѣ рыбъ. И такъ, мы можемъ предположить, что, въ одну изъ этихъ отдаленныхъ геологическихъ эпохъ, какое нибудь рыбообразное животное А повадилось вылазть изъ воды и питаться растеніями и насѣкомыми, живущими по берегамъ моря или рѣки. Каждое животное изъ породы А начинало эти упражненія только тогда, когда силы его были уже достаточно развиты, слѣдовательно, не тотчасъ послѣ своего выхода изъ яйца, а напримѣръ, черезъ годъ или черезъ полтора. Прогулки по землѣ развивали въ тѣлѣ этого животнаго извѣстные мускулы, направляли теченіе питатель-

НЫХЪ СОКОВЪ преимущественно въ тѣ части тѣла, которыя подвергались усиленному напряженію, и кромѣ того, прогулки эти дѣйствовали измѣняющимъ образомъ на систему дыхательныхъ органовъ. Тѣ отдѣльныя животныя породы *A*, у которыхъ эти медленныя измѣненія совершались особенно успѣшно, имѣли надъ своими сверстниками преимущество, и, въ силу этого преимущества, оставляли послѣ себя болѣе многочисленное потомство. Это потомство получало отъ нихъ видоизмѣненное и усовершенствованное тѣлосложеніе, но эти выгодныя измѣненія проявлялись у дѣтей въ томъ возрастѣ, въ которомъ они проявились у отцовъ.

Рядъ выгодныхъ измѣненій привелъ къ тому результату, что животное *B*, прямой потомокъ животнаго *A*, — получилъ наконецъ одну пару оконечностей или лапъ. Этотъ рядъ видоизмѣненій въ жизни породы происходилъ чрезвычайно медленно: *A* доживши до полутора года, началъ ползать по землѣ, и измѣнилъ свою организацію самымъ незамѣтнымъ образомъ; дѣти *A*, въ полуторагодовомъ возрастѣ наследовали это измѣненіе, и увеличили свое наследство собственными упражненіями; внуки въ томъ же возрастѣ получили это увеличенное наследство, и увеличили его еще больше. Такъ точно поступили и правнуки, и праправнуки, и всѣ остальные поколѣнія. Но если бы, напримѣръ, двадцатое поколѣніе начало рядъ своихъ видоизмѣненій въ полтора года, и если бы эти видоизмѣненія проходили въ немъ такъ же послѣдовательно и медленно, какъ они совершались во всѣхъ девятнадцати предыдущихъ поколѣніяхъ, то на весь этотъ процессъ, можетъ быть, не хватило бы жизни этихъ животныхъ. Тѣ потомки, которые получаютъ особенности своихъ дѣдовъ и отцовъ въ болѣе раннемъ возрастѣ, будутъ имѣть очевидное преимущество надъ тѣми потомками, у которыхъ эти особенности проявляются какъ разъ въ томъ возрастѣ, въ которомъ онѣ проявились у предковъ. Вслѣдствіе этого преимущества, въ потомствѣ животнаго *A* установится слѣдующій процессъ развитія. Молодыя животныя выходятъ изъ яицъ въ первобытной рыбообразной формѣ; проживаютъ въ такомъ видѣ нѣсколько мѣсяцевъ, и потомъ, получивъ пару оконечностей, превращаются въ животное *B*, и начинаютъ ползать по сушѣ. Это ползаніе продолжаетъ дѣйствовать на нихъ тѣлосложеніе такъ, что отдаленные потомки *B* имѣютъ уже двѣ пары оконечностей, и, вслѣдствіе этого, получаютъ отъ натуралистовъ отдѣльное видовое названіе *C*. Тутъ и процессъ развитія усложняется.

Изъ яйца выходитъ *A*; потомъ у него вырастаетъ одна пара оконечностей — оказывается *B*; потомъ другая пара и животное *C* готово. Не останавливайтесь на точкѣ *C*, идите дальше, и вы получите развитіе лягушки. Сначала головастикъ или рыбообразное животное *A*, потомъ одна пара оконечностей — *B*; потомъ другая — *C*; потомъ толстый рыбій хвостъ пропадаетъ, и жабры замѣняются легкими—вотъ вамъ и лягушка готова. Развитіе лягушки представляеть намъ просто портретную галерею тѣхъ предковъ, отъ которыхъ это животное ведетъ свой родъ. Родоначальникъ лягушечей породы былъ рыбою, — оттого и происходитъ рыбообразная фигура головастика. Тутъ дѣйствуютъ законы наслѣдственности. Всѣ превращенія, которыя совершились въ породахъ птицъ, млекопитающихъ, и другихъ животныхъ, съ той минуты, когда эти животныя уклонились отъ чистаго рыбаго типа, всѣ эти превращенія мало по малу стѣснялись въ одну кучку, и уложились цѣликомъ въ непродолжительную жизнь зародыша. Многія черты этихъ превращеній при этомъ, конечно, изгладились и исказились, но, несмотря на то, даже и теперь, жизнь зародыша представляется наблюдательному натуралисту въ видѣ краткой исторіи и родословной таблицы всей породы. Даже тѣ естествоиспытатели, которые твердо убѣждены въ неизмѣнности видовыхъ формъ, даже они, говорю я, сами подмѣчаютъ и признаютъ изумительное сходство, во первыхъ, между зародышами высшихъ животныхъ и взрослыми фигурами нисшихъ, и во вторыхъ, между зародышами теперешнихъ животныхъ и взрослыми фигурами исчезнувшихъ организмовъ. — Дарвинъ объясняетъ дѣло просто и понятно. Птица и млекопитающее организованы выше рыбы; эти высшія формы принаровлены къ особеннымъ условіямъ жизни, эти принаровленія до нѣкоторой степени изгладили черты основнаго типа, но въ зародышѣ эти черты остались въ большой неприкосновенности, потому что всякія принаровленія полезны и необходимы только взрослому животному, которое добываетъ себѣ пищу, и защищается отъ враговъ собственными силами. Пока кондоръ сидитъ въ яйцѣ, ему не нужны сильныя крылья и острое зрѣніе; пока тигренокъ находится въ утробѣ матеря, ему бесполезны зубы и когти. Поэтому естественный выборъ совершенствуется только взрослыхъ, и касается зародыша настолько, насколько этотъ послѣдній долженъ измѣниться по своей связи съ будущею формою взрослага животнаго. Рыбы, и птицы, и млекопитающія произошли по прямой линіи отъ рыбъ древнѣйшихъ геологическихъ эпохъ, силур-

ской и девонской. Рыбы меньше удалились отъ этого первобытнаго типа; птицы и млекопитающія удалились отъ него гораздо больше, и при этомъ разошлись въ разныя стороны. Но зародышъ птицъ и млекопитающихъ, не нѣтя надобности принаравляться къ различнымъ условіямъ жизни, сохранилъ черты своего девонскаго или смалурскаго предка, а такъ какъ этотъ предокъ до нѣкоторой степени похожъ на теперешнюю рыбу, то и зародышъ высшихъ, позвоночныхъ формъ также похожъ на эту низшую форму. По этой же самой причинѣ зародыши различныхъ животныхъ одного отдѣла похожи одинъ на другаго. Только долговременное упражненіе многихъ поколѣній и постоянное дѣйствіе естественнаго выбора въ теченіе многихъ тысячелѣтій создали у различныхъ животныхъ ноги, крылья и разныя другіе сложные органы. У предковъ всѣ эти подробности и утонченныя затѣи вовсе не существовали, а когда онѣ возникли, то возникли въ самой грубой и элементарной формѣ, такъ что можно было повернуть эти куски органическаго вещества куда угодно, и на крыло, и на плавникъ, и на ногу. Въ породѣ эти куски шлифовались и обтачивались въ теченіе пѣлыхъ геологическихъ эпохъ, а въ отдѣльномъ животномъ, то есть, въ зародышѣ, они шлифуются въ теченіе нѣсколькихъ недѣль. Крапчатое перо молодыхъ дроздовъ достается имъ по наслѣдству отъ общаго родоначальника дроздоваго семейства. Также точно объясняются полоски или пятна на шкурѣ новорожденнаго льва и пумы. Большая часть насѣкомыхъ выходятъ изъ яйца въ видѣ личинки или червяка; различныя личинки очень сильно отличаются одна отъ другой, потому что многія изъ нихъ сами должны добывать себѣ пищу, и, слѣдовательно, должны быть приспособлены къ различнымъ условіямъ жизни. Но, не смотря на то, форма червяка ясно обозначена у всѣхъ личинокъ. Это доказываетъ, что черви были родоначальниками насѣкомыхъ, подобно тому, какъ рыбы были родоначальниками пресмыкающихся, птицъ и млекопитающихъ. Нѣкоторыя животныя поставлены въ такія условія жизни, при которыхъ сложное и утонченное устройство организма становится для нихъ бесполезнымъ, обременительнымъ и даже вреднымъ. Кроту, копающемуся въ землѣ, червяку, живущему въ кишечномъ каналѣ другаго животнаго, или чужеядному раву, присосавшемуся на всю жизнь къ тѣлу рыбы, совершенно бесполезны органы зрѣнія. Такіе бесполезныя органы утрачиваются; взрослое животное приспособляется къ условіямъ жизни, но эти перемѣны, по обыкновенію, не относятся къ зародышу. По-

этому, зародыши сохраняют черты прежнего типа, и вследствие этого, организация его оказывается выше и совершеннее, чѣмъ у доломоніе взрослого животного, ислытавшаго регрессивную переиъну. Семейство усоногихъ раковъ (*Cirripedia*) очень замѣчательно по этимъ своеобразнымъ отношеніямъ между зародышами и взрослыми формами. «Ихъ личинки, говоритъ Дарвинъ, въ первой степени своего развитія имѣютъ три пары ногъ, одинъ очень простой глазъ, и ротъ въ видѣ хобота, посредствомъ котораго онѣ обильно питаются, потому что растутъ быстро. Во второмъ, соответствующемъ лупольному стадію бабочекъ, онѣ имѣютъ шесть паръ самаго незначнаго устройства, два великолѣпныхъ сложныхъ глаза, и чрезвычайно сложные усики; но ротъ закрытъ и такъ устроенъ, что онѣ не могутъ питаться. Ихъ отправленіе въ этомъ стадіи состоитъ въ томъ, чтобы, посредствомъ высокоразвитыхъ органовъ чувства, отыскать удобное мѣсто для дальнейшихъ превращеній, и чтобы доплыть до этого мѣста, при помощи своего высоко-развитаго, плавательнаго аппарата. По совершеніи окончательнаго метаморфоза, они прикрѣпляются на всю жизнь. Ихъ ноги превращаются въ хватательные органы; они снова приобрѣтаютъ хорошо устроенный ротъ, но усики пропадаютъ, а ихъ два глаза снова замѣняются однимъ мелкимъ, весьма простымъ глазнымъ пятнышкомъ. Нѣкоторыя личинки усоногихъ раковъ при послѣднемъ метаморфозѣ помѣщаются еще сильнѣе: онѣ превращаются въ такое существо, которое Дарвинъ называетъ «дополнительнымъ самцомъ»; это — простой мѣшокъ, у него нѣтъ ни рта, ни желудка, ни органовъ чувства; онъ живетъ очень недолго, совсѣмъ не принимаетъ пищи, и занимается исключительно оплодотвореніемъ того болѣе развитаго существа, въ которому онъ прикрѣпленъ. Усоногіе раки до такой степени замѣнились подъ вліяніемъ своей сидячей жизни, что Кювье, знавшій только взрослыхъ животныхъ этой группы, относилъ ихъ къ классу моллюсковъ. Но настоящій типъ, указывающій на дѣйствительное происхожденіе этихъ животныхъ, сохранился въ личинкахъ или зародышахъ, и когда различные фазы ихъ развитія были открыты и прослѣжены, тогда натуралисты немедленно причислили усоногихъ къ классу раковъ. Этому открытію въ значительной степени содѣйствовалъ самъ Дарвинъ, написавшій объ усоногихъ ракахъ великолѣпную монографію въ двухъ томахъ.

II.

У очень многихъ животныхъ существуютъ неразвитые органы, которые не приносятъ имъ ни малѣйшей пользы, подобно тому, какъ окно, нарисованное на стѣнѣ зданія, не даетъ ни одного луча свѣта обитателямъ этого зданія. Въ классѣ млекопитающихъ, почти всѣ самцы, носятъ на груди или на животѣ зачаточные сосцы. У птицъ кости крыла заванчаваются небольшою косточкою, которая называется крылушкою (alula, ala spuria), и составляетъ зачаточный палецъ. Эта косточка совершенно закрыта перьями крыла, и нисколько не помогаетъ полету птицы. У многихъ змѣй развито и приспособлено для дыханія только одно лѣвое легкое, правое совершенно бесполезно и находится всегда въ полномъ бездѣйствіи, однако оно существуетъ въ зачаточномъ состояніи, и змѣя въ теченіи всей своей жизни таскаетъ въ своемъ тѣлѣ этотъ негодный нѣшочекъ. У другихъ змѣй есть зачатки тазовыхъ костей и заднихъ омонечностей. Чѣмъ вы объясните существованіе этихъ бесполезныхъ органовъ? Зачѣмъ природа приставила къ тѣлу животныхъ эти негодныя и бессмысленныя брелки? Въ военныхъ мундирахъ всѣхъ европейскихъ державъ есть очень много бесполезныхъ висюлокъ и разводовъ, но, если вы только справитесь объ историческомъ происхожденіи этихъ штукъ, то вы увидите, что почти всѣ онѣ въ свое время имѣли нѣкоторый смыслъ и опредѣленное, утилитарное назначеніе. Эполеты, аксельбанты, темляки, шпурки — все это возникло изъ походныхъ или боевыхъ потребностей солдата, и только въ послѣдствіи превратилось въ бесполезное украшеніе. Но вѣдь извѣстное дѣло, что человѣкъ иногда дѣйствуетъ по внушеніямъ свободной фантазіи, и что, напротивъ того, въ природѣ все производится по неизмѣннымъ законамъ, такъ что каждая ничтожная мелочь обуславливается какою нибудь необходимою причиною. Если же человѣкъ, въ самыхъ произвольныхъ своихъ созданіяхъ, въ покроѣ и украшеніи своего платья, руководствуется реальными побужденіями, стремленіями къ удобству и безопасности, то смѣшно и дико было бы думать, что цѣлая порода живыхъ организмовъ постоянно носятъ на своемъ тѣлѣ приставки и привѣски, не имѣющія достаточной причины существованія. Причине, разумеется, есть, и читатель ее знаетъ; она одинакова, какъ для украшеній военного

мундира, такъ и для неразвитыхъ органовъ живаго тѣла. Эта причина—наслѣдственность. Эполеты были сначала придуманы для того, чтобы защищать плечо отъ сабельнаго удара; теперь они ровно ничего не защищаютъ, но ихъ носятъ по старой привычкѣ. Въ природѣ роль старой привычки играетъ сила наслѣдственности, и органы, существующіе въ настоящее время въ зачаточномъ или неразвитомъ состояніи, были прежде развитыми и дѣтельными, и приносили предкамъ теперешнихъ животныхъ существенную практическую пользу. Зачаточные сосцы самцовъ, по всей вѣроятности, указываютъ намъ на то обстоятельство, что самецъ и самка сформированы по одному общему типу, и самецъ вслѣдствіе этого, сохранилъ сосцы, потерявшіе въ его организмѣ всякое практическое значеніе. Я долженъ признаться читателю, что это предположеніе принадлежитъ лично мнѣ. Дарвинъ приводитъ фактъ, но не даетъ ему отдѣльнаго объясненія; онъ объясняетъ вообще значеніе зачаточныхъ органовъ; въ каждомъ изъ такихъ органовъ онъ видитъ или остатокъ прошедшаго, или зарожденіе будущаго, то есть или этотъ органъ былъ дѣтельнымъ, и потомъ утратилъ свою силу, или же онъ формируется вновь и понемногу увеличивается дѣйствіемъ естественнаго выбора. Зачаточный палецъ птицъ, заглухшее легкое, тазовая кость и заднія оконечности змѣй объясняются очень просто. Предокъ птицы пользовался своимъ пальцемъ вполне, а предокъ змѣи дышалъ обоими легкими, и, быть можетъ, былъ похожъ на ящерицу, по устройству таза и заднихъ лапъ. У кита, когда онъ находится въ утробѣ матери, вырастаетъ въ каждой челюсти около сотни зубовъ, которые послѣдствіемъ выпадаютъ, и замѣняются въ верхней челюсти роговыми пластинками, извѣстными подъ названіемъ китоваго уса. Киты зубы совершенно бесполезны, но прежде этого животнаго они, по всей вѣроятности, были необходимы. У нѣкоторыхъ жуковъ жесткія надкрылія спаяны наглухо, такъ что летаніе невозможно; однако, подъ сросшимися щитками все таки лежатъ крылья, которымъ никогда не приходится выглянуть на свѣтъ и развернуться. Ясное дѣло, что предки этихъ жуковъ летали, и что органъ еще уцѣлѣлъ, когда отправление уже превратилось. Тоже самое можно сказать о неразвитыхъ глазахъ нѣкоторыхъ вродовъ и слѣпыхъ обитателей темныхъ пещеръ. Иногда бываетъ, что ослабѣвшій органъ примѣняется къ какому нибудь новому назначенію. Напримеръ, плавательный пузырь рыбы обыкновенно употребляется

на то, чтобы рыба, сжимая или расширяя его, могла подниматься или опускаться въ водѣ. Но у нѣкоторыхъ рыбъ этотъ пузырь сдѣлался такъ малъ, что пересталъ помогать имъ во время плаванія; за то онъ сдѣлался дыхательнымъ органомъ, такъ что на него можно смотрѣть, какъ на возникающее легкое. Крыло пингвина слишкомъ слабо, чтобы поддерживать тѣло этой птицы на воздухѣ, и теперь оно служитъ пингвину весломъ во время плаванія и нырнія. Если каждый видъ переродился сообразно съ условіями жизни и борьбы, тогда всѣ зачаточные, возникающіе, заглухшие или искаженные органы становятся понятными, какъ необходимые продукты великаго закона наслѣдственности. «Зачаточные органы, говоритъ Дарвинъ, могутъ быть сравнены съ тѣми буквами слова, которыя, сохранившись въ письмѣ, но утратившись въ произношеніи, служатъ намъ намеками на этимологию этого слова». Это сравненіе отличается чрезвычайною мѣткостью, и въ высшей степени удачно характеризуетъ значеніе зачаточныхъ органовъ для мыслящаго натуралиста.

Мы видѣли, что зародыши различныхъ животныхъ одного класса очень похожи одинъ на другаго; сходство это ослабѣваетъ, по мѣрѣ того, какъ животное зрѣетъ и складывается, но любопытно замѣтить, что, даже въ зрѣломъ возрастѣ, животныя одного класса оказываются построенными по одному общему плану. Это единство общаго плана уже давно подмѣчено натуралистами, и оно никакъ не можетъ быть объяснено сходствомъ въ условіяхъ жизни. Можно ли найти какое нибудь сходство между жизнью крота, лошади, моржа и летучей мыши? Всѣ эти животныя превосходно приспособлены къ самымъ различнымъ положеніямъ и занятіямъ, всѣ они одарены тѣми органами, которые необходимы для ихъ удовольствій и для обезпеченія ихъ существованія, всѣ ихъ органы чрезвычайно различны, и между тѣмъ эти органы все таки построены по общему плану. Рука обезьяны приспособлена къ хватанію и ощупыванію предметовъ; лапа крота — къ раскапыванію земли; передняя нога лошади — къ простой ходьбѣ; часть моржа — къ плаванію; крыло летучей мыши — къ летанію; и между тѣмъ, всѣ эти оконечности состоятъ изъ подобныхъ костей, расположенныхъ въ одинаковомъ, относительномъ порядкѣ; во всѣхъ этихъ оконечностяхъ мы видимъ одинаковое число главныхъ сочлененій или суставовъ, и во всѣхъ ихъ мы различаемъ совершенно ясно плечевую кость, локтевую, запястье и пясть. Относительная величина и форма этихъ

отдѣльныхъ составныхъ частей измѣняется до безконечности, но всегда самыя части остаются расположенными въ томъ же порядкѣ. Оуэглъ и другіе первоклассные анатомы утверждаютъ единогласно, что это единство плана, сохраняющееся, не смотря на различныя условія жизни, рѣшительно не можетъ быть объяснено какими нибудь особенными цѣлями природы.

Если мы возьмемъ одно отдѣльное животное, и будемъ внимательно изучать различныя части или органы его тѣла, то мы и здѣсь замѣтимъ также очень любопытное явленіе. Мы увидимъ, что нѣкоторыя части, непохожія другъ на друга по своей фигурѣ, и приспособленныя къ различнымъ отправленіямъ, построены также по одному общему плану. Напримѣръ, переднія и заднія оконечности состоятъ изъ одинаковыхъ костей, расположенныхъ въ одинаковомъ порядкѣ, не смотря на то, что, по своимъ отправленіямъ, рука не похожа на ногу, и крыло летучей мыши не похоже на ея лапу. Черепъ позвоночныхъ животныхъ состоитъ изъ большого количества различныхъ костей, которыя срастаются вполне только въ зрѣломъ возрастѣ и притомъ срастаются такъ, что швы остаются замѣтными. Кажется, для крѣпости черепа, и для большей сохранности головного мозга было бы удобнѣе, чтобы черепъ состоялъ изъ одной цѣльной кости, или по крайней мѣрѣ, изъ наименьшаго количества составныхъ частей. На это разсужденіе можно возразить, что черепъ млекопитающаго, благодаря многочисленности своихъ составныхъ частей, не сросшихся въ плотную массу, можетъ сжиматься въ минуту рожденія, и что это сжатіе облегчаетъ выходъ животнаго изъ утробы матери. Это разсужденіе справедливо, но оно не можетъ относиться ни къ птицамъ, ни къ ящерицамъ, ни къ черепахамъ, ни вообще ко всѣмъ тѣмъ позвоночнымъ, которыя вылупливаются изъ яйца. Здѣсь сжатіе черепа ни на что не нужно, а между тѣмъ, у всѣхъ этихъ животныхъ костяная коробка, вмѣщающая головной мозгъ, состоитъ изъ множества соотвѣтственныхъ или *гомологичныхъ* частей самой странной формы. Вглядываясь въ эти части черепа, сравнивая ихъ съ частями спиннаго хребта и изучая положеніе этихъ частей у различныхъ зародышей, натуралисты пришли къ тому убѣжденію, что черепъ составленъ изъ видоизмѣненныхъ позвонковъ спиннаго хребта. Гѣхсли при этомъ замѣчаетъ, что было бы точнѣе выразиться такъ: не позвонки превратились въ кости черепа, а кости черепа и позвонки выработались параллельно изъ ка-

кого нибудь обладаго элемента. Такой процессъ совершается дѣйстви-
тельно у зародыша. У многихъ раковъ переднія пары ногъ превра-
щаются въ челюсти, и называются жевательными ногами. Тутъ опять
таже исторія. У первобытнаго типа этого класса не было ни настоя-
щихъ ногъ, ни настоящихъ челюстей; его тѣло было раздѣлено на рядъ
члениковъ, снабженныхъ паружными придатками; одни изъ этихъ при-
датковъ припоспособились къ передвиженію тѣла съ мѣста на мѣсто, дру-
гіе къ измѣлчелію пищи, третьи превратились въ жабры или органы
дыханія. Все это понятно, но чтобы понять всѣ эти факты, необхо-
димо утвердиться въ томъ убѣжденіи, что видовыя формы способны
измѣняться, и что онѣ, съ начала органической жизни, уже испы-
тали множество превращеній.

З а к л ю ч е н і е .

Работа моя окончена, и я могу сказать, по чистой совѣсти, что
она стоила мнѣ очень много труда, и что, не смотря на то, она
все таки очень неудовлетворительна. Если бы я обладалъ литера-
турными талантами Вольтера и знаніями Александра Гумбольдта, то
эти громадные средства были бы только-что достато-чными для того,
чтобы вполне удовлетворительно изложить теорію Дарвина для рус-
ской публики, не имѣющей никакого понятія о естественныхъ нау-
кахъ. Но развѣ же у насъ на Руси есть люди съ талантами Воль-
тера, съ знаніями Гумбольдта и съ добросовѣстнымъ стремленіемъ
посвящать всѣ свои силы на умственную пользу во тмѣ ходящихъ
согражданъ? А если нѣтъ такихъ образцовыхъ популяризаторовъ,
то, стало быть, идеи европейскихъ гениевъ должны оставаться для
нашей публики тарбарскою грамотою? Такъ, что-ли? Или, можетъ
быть слѣдуетъ ѣсть не деревянною ложкою, когда не на что купить
серебряную? Мнѣ кажется, что благоразумнѣе обратиться къ дере-
вянной, чѣмъ голодать, въ тщетномъ ожиданіи серебряной. Поэтому
я и рѣшился изобразить своею особою такую деревянную ложку,
которую немедленно можно и даже должно бросить подъ столъ, когда
на этотъ столъ явится благородный металлъ. Въ моей статьѣ о Дар-
винѣ есть, по всей вѣроятности, недомолвки, неясности, неудачныя
выраженія; можетъ быть, есть даже и фактическіе промахи. Что же
дѣлать? Я не специалистъ, и читалъ я до сихъ поръ очень мало
по естественнымъ наукамъ. Стараясь выразиться яснѣе, я, можетъ
быть, впадалъ въ ошибки. Но я все таки повторяю: что же дѣлать?

Вы посмотрите, какъ поступаютъ съ нашею публикою наши спеціалисты. Такого невниманія къ потребностямъ публики, такого неуваженія къ самымъ скромнымъ, законнымъ и неизбежнымъ желаніямъ читателей, вы не встрѣтите нигдѣ за предѣлами любезнаго нашего отечества. Подумаешь, что спеціалистъ живетъ гдѣ нибудь на звѣздѣ Оріона, и оттуда ведетъ свою рѣчь въ пространство эфиръ, вовсе не заботясь о томъ, услышитъ ли его кто нибудь, или пойметъ ли его тотъ несчастный слушатель, до котораго случайно долетятъ эти блуждающіе звуки. По моему мнѣнію полезнѣе прочесть статью вполнѣ понятную хотя и съ нѣкоторыми ошибками, чѣмъ набивать себѣ голову совершенно безукорызненными диссертациями, недоступными чековѣческому пониманію. Чтобы получить понятіе о подвигахъ нашихъ спеціалистовъ, намъ не надо далеко ходить за примѣрами. Достаточно взглянуть на то, въ какомъ видѣ книга Дарвина явилась передъ русскою публикою. Эту книгу «перевелъ съ англійскаго профессоръ московскаго университета С. А. Рачинскій». Значить, спеціалистъ! раскрываете книгу — ни одного слова отъ переводчика. Дарвинъ вводится безъ рекомендаціи. Зачѣмъ переведена эта книга, какое значеніе она имѣетъ въ наукѣ, какъ смотреть на нее «профессоръ московскаго университета» — все это остается для русскаго читателя глубокою тайною. Читаете далѣе, ни одного пояснительнаго примѣчанія: должно полагать, что мы, русскіе читатели, отлично знаемъ ботанику и зоологію, такъ что можемъ налету ловить и понимать всѣ мимоходныя указанія, которыми переполнена книга Дарвина. При этомъ г. профессоръ выражается такимъ языкомъ, который можетъ показаться русскимъ только истинному спеціалисту. Далѣе, переводъ наполненъ такими плоскими ошибками, которыя непростительны профессору университета. Приведу три примѣра. На стр. 178 говорится о рабовладѣльческомъ инстинктѣ муравьевъ: «рабы черны и на половину мельче своихъ красныхъ господъ», а на стр. 180 уже оазывается что эти черные рабы сдѣлались бурыми. Эта нелѣпость создана русскимъ переводчикомъ. У Дарвина говорится, что рыжатый муравей (*Formica rufescens*) захватываетъ въ плѣнъ бурога (*F. fusca*), а кровавый (*F. sanguinea*) чернаго. Г. Рачинскій все это заблужденно перепутать. На стр. 288 Дарвинъ рассказываетъ, что онъ «извлекъ изъ лапы куropатки двадцать два зернышка сухой глинистой земли». Что за неслыханная чепуха! Кто же это измѣ-

рять глину вернышками? Загадка объясняется просто: въ подлинникѣ стояло слово *grain*, и надо было перевести *двадцать два урана*; тогда всякій аптекарскій ученикъ пойметъ, что это значить. А г. профессоръ хватилъ *двадцать два зернышка*, и вложилъ свое остроумное изобрѣтеніе въ уста несчастнаго Дарвина. — На стр. 290 говорится, что «горы Шотландіи и Уэльса, съ ихъ исчерченными слонами, отполированными поверхностями и шатающимися валунами свидѣлствуютъ о ледяныхъ потокахъ, нѣкогда наполнившихъ ихъ долины». Въ двухъ строкахъ двѣ нелѣпости. Что это за *шатающіеся* валуны? *Шатающіеся* — это, видите-ли, переводъ слова *erraticeskie*. *Errare* значить бродить, шататься; ну и чудесно! Пускай валуны *шатаются*! — *А ледяные потоки* — это что такое? Это красивое выраженіе замѣняющее, по мнѣнію г. специалиста, слово *ледники*. Но послѣдній курьезъ въ русскомъ переводѣ Дарвина лучше всѣхъ остальныхъ. Въ этой вѣпигѣ много опечатокъ, и при томъ такихъ, которыя искажаютъ смыслъ, напримеръ, «метафорическихъ» вмѣсто «момаморфическихъ» (стр. 284) «старого свѣта» вмѣсто «новаго свѣта» (стр. 275). и другія въ томъ же родѣ. Но это еще ничего. Опечатки вездѣ бывають, а любопытно вотъ что. Къ книгѣ приложенъ списокъ опечатокъ. Въ этомъ списокѣ я не нашелъ *ни одной* изъ тѣхъ опечатокъ, которыя бросались мнѣ въ глаза во время чтенія. Тогда я полюбопытствовалъ посмотрѣть, есть-ли въ книгѣ тѣ опечатки, которыя изобличаетъ списокъ. Оказалось, что нѣтъ, и при томъ ни одной. Къ книгѣ приложенъ интересный списокъ опечатокъ, заключающихся въ какой-то другой книгѣ. И даже нельзя сослаться на ошибку переплетчика. Списокъ напечатанъ на одномъ печатномъ листѣ съ текстомъ и съ алфавитнымъ указателемъ. Вотъ у насъ какія чудеса дѣлаются, и вотъ въ какомъ нарядѣ появляется предъ русскою публикою великое твореніе гениальнѣйшаго изъ современныхъ мыслителей. Послѣ этого, любезные соотечественники, вы, ей богу, даже къ *деревянной ложкѣ* должны относиться съ снисходительною нѣжностью. А впрочемъ, мнѣ совсѣмъ не нужна ваша снисходительность. Я совсѣмъ не хочу, чтобы вы по моимъ статьямъ учились естествознанію, я хочу только, чтобы мои статьи шевелили вашу любознательность, доводили до вашего свѣдѣнія слабый отголосокъ великихъ движеній европейской мысли, и разгоняли, хоть немного, вашу умственную дремоту. А теперь довольно говорить о *деревянной лож-*

кѣ. Обратимся еще разъ къ Дарвину, и означим нѣсколько словъ о томъ впечатлѣніи, которое произвели его идеи на Европу. Впечатлѣніе сильное, и, вѣроятно, оно еще долже будетъ усиливаться, но мѣрѣ того, какъ защитники различныхъ отбѣнковъ мысли будутъ пристальнѣе вглядываться въ громадное мировое значеніе этихъ идей. Нѣмецкіе филистеры уже пустили въ ходъ слово «*Дарвинисты*», придали этому слову ругательное значеніе, и усиливаются доказывать, что теорія Дарвина, во первыхъ, пустая мечта, а во вторыхъ, самая безнравственная штука. Главные доводы этихъ милашекъ давно извѣстны, и ихъ могли бы высказать съ нарочитымъ усердіемъ Пулхерія Ивановна и гуляча Кабанова. Иногда тенденціи этихъ почтенныхъ русскихъ женщинъ, проходя черезъ уста нѣмецкихъ филистеровъ, прикрывается благообразною мантиею: мы доскаты ратуемъ за строгую точность науки, и требуемъ отъ нея, чтобы она не пускалась въ обаятельные мечтанія и красивыя гипотезы. Такими филистерскими тенденціями пропитана рѣчь доктора Шпиза, читанная въ прошломъ году въ какомъ то Зинкенберговскомъ обществѣ естествоиспытателей. Эта рѣчь, напечатанная отдѣльною брошюрою, называется; «о границахъ естествознанія». Такихъ рѣчей будетъ говорено много, и такихъ брошюръ будетъ писано по поводу Дарвина еще больше, и все это будетъ читаться и слушаться съ удовольствіемъ такими людьми, которые пресерьезно считаютъ себя мыслителями и естествоиспытателями. Я думаю даже, что и у насъ въ Россіи, великій естествоиспытатель г. Страховъ прочтетъ эти творенія съ наслажденіемъ, и самъ произведетъ нѣчто въ такомъ же родѣ. Но въ западной Европѣ есть люди и другаго закала. Въ Англіи творецъ новѣйшей геологіи, Чарльзъ Ляйелль склонился къ теоріи Дарвина. Гексли работаетъ въ томъ же направленіи. Гукеръ, Уэллесъ, Батсъ пришли къ тѣмъ же результатамъ. Изъ нѣмцевъ Карлъ Фохтъ, бывший прежде приверженцемъ Агассиза, перешелъ рѣшительно на сторону Дарвина. Фохтъ — пожилой человекъ, извѣстный ученый — отказывается отъ всего своего прошедшаго, и прямо сознается, что аргументы Дарвина переубѣдили его. Во второмъ томѣ своихъ лекцій о человекѣ, вышедшихъ въ концѣ прошлаго года, онъ отводитъ слѣдующимъ тридцать страницъ на разсмотрѣніе идей Дарвина, и высказываетъ на этихъ страницахъ много дѣльныхъ фактическихъ замѣчаній, которыя могутъ служить превосходнымъ подтвержденіемъ новой теоріи. Въ введеніи ко второму тому, Фохтъ замѣчаетъ, между прочимъ,

что два первоклассные ботаника, Альфонсъ Де-Кандоль и Ноденъ, въ последнее время, двумя совершенно самостоятельными путями, пришли къ одинаковымъ выводамъ, чрезвычайно благоприятнымъ для идей Дарвина. Де-Кандоль изучалъ различные виды дуба, а Ноденъ занимался скрещиваніями видовъ и разнородностей растительнаго царства. Оба убѣдились въ томъ, что различные виды возникли и до сихъ поръ возникаютъ одинъ изъ другаго посредствомъ медленныхъ измѣненій.

Фоктъ совершенно согласенъ съ тою мыслью Дарвина, что геология при теперешней бѣдности своихъ наличныхъ матеріаловъ, не имѣетъ ни малѣйшей возможности произнести окончательный приговоръ надъ теоріею перерожденія видовъ. Фоктъ самъ приводитъ нѣсколько любопытныхъ примѣровъ, доказывающихъ, какъ преждевременны были попытки геологовъ построить систему шреданія изъ немногихъ собранныхъ или обломковъ. Теорія Дарвина сильна именно тѣмъ, что она можетъ существовать помимо геологическихъ доказательствъ, опираясь на факты *живой* природы.

Въ 1863 году извѣстный филологъ Шлейхеръ издалъ небольшую брошюру, подъ заглавіемъ: «Теорія Дарвина и языкознаніе». Онъ доказываетъ, что идеи Дарвина могутъ быть применены къ историческому изученію языковъ. Языки также расходятся въ различные стороны отъ немногихъ коренныхъ родоначальниковъ; они также дробятся на нарѣчія или говоры, соответствующіе разновидностямъ органическаго міра; эти говоры обособляются и превращаются въ отдѣльные языки—это виды органическаго міра. Языки опять дробятся и порождаютъ новые языки, при чемъ многіе изъ старыхъ говоровъ и языковъ вымираютъ, какъ вымерли, на примѣръ, санскритскій, греческій, латинскій и древне-еврейскій. Для насъ брошюра Шлейхера особенно любопытна, какъ разумное слово посторонняго чловека, не имѣющаго личнаго пристрастія ни къ одному изъ двухъ лагерей современныхъ натуралистовъ. Глубокое уваженіе Шлейхера къ естественнымъ наукамъ заслуживаетъ полного вниманія: «Я горячо желаю, говоритъ онъ, чтобы метода естественныхъ наукъ постоянно болѣе и болѣе прививалась къ изслѣдованію языковъ. Быть можетъ, слѣдующія стрѣки убѣдятъ кого нибудь изъ начинающихъ филологовъ пойти въ ученіе къ дѣльнымъ ботаникамъ и зоологамъ для усвоенія надлежащей методы. Даю ему слово, что онъ въ этомъ не раскается. Я, на крайней мѣрѣ, знаю очень хорошо, чѣмъ я обя-

занъ изученію такихъ произведеній, какъ научная ботаника Шлейдена, физиологическія письма Карла Фохта, и др. Я знаю, какъ они помогли мнѣ понять сущность и жизнь языка. Вѣдь изъ этнхъ книгъ я узналъ впервые, что такое *исторія развитія* (Entwickelungsgeschichte).—Далѣ Шлейхеръ съ замѣчательною вѣрностью взгляда опредѣляетъ настоящій смыслъ той неразрывной связи, въ которой идеи Дарвина находятся съ общимъ движеніемъ человѣческой мысли нашего времени. «Наблюденіе, говоритъ онъ, составляетъ фундаментъ современнаго знанія. Кромѣ наблюденія допускается только неизбѣжный выводъ, основанный на томъ же наблюденіи. Все, что построено на однихъ гадательныхъ соображеніяхъ, все, что создано мыслью въ пустомъ пространствѣ, считается въ лучшемъ случаѣ остроумною забавою, но для науки все это — бесполезный хламъ. Наблюденіе учитъ насъ, что всѣ живые организмы, вообще входящія въ кругъ удовлетворительнаго изслѣдованія, измѣняются по опредѣленнымъ законамъ. Эти измѣненія ихъ, эта жизнь, составляютъ ихъ настоящую сущность. Мы знаемъ ихъ только тогда, когда знаемъ сумму этихъ измѣненій, когда знаемъ всю ихъ сущность. Другими словами: если мы не знаемъ, какъ вещь образовалась, то мы совсѣмъ не знаемъ этой вещи. Положивши наблюденіе въ основу нашего знанія, мы тѣмъ самымъ упрочили за исторію развитія и за научнымъ изслѣдованіемъ жизни организмовъ то важное значеніе, которое они имѣютъ теперь для современнаго естествознанія.—Важность исторіи развитія (эмбриологіи) для изученія индивидуальнаго организма не подлежатъ уже возраженіямъ. Сначала исторія развитія проникла въ зоологію и въ ботанику. Ляйелль, какъ извѣстно, изобразилъ также жизнь нашей планеты, какъ рядъ постепенно совершавшихся видоизмѣненій; онъ доказалъ, что и здѣсь, какъ въ жизни другихъ естественныхъ организмовъ не существуетъ скачковъ. И Ляйелль также ссылается прежде всего на наблюденіе. Такъ какъ наблюденіе новѣйшаго періода земной жизни—періода, правда, очень короткаго, показываетъ только постепенныя измѣненія, то мы и не имѣемъ рѣшительно никакого права предполагать для прошедшаго другой порядокъ жизненныхъ явленій. Той же точки зрѣнія держался и я при изслѣдованіи жизни языковъ, которая также доступна непосредственному наблюденію только въ своихъ послѣднихъ, новѣйшихъ, и, сравнительно, очень короткихъ періодахъ. Этотъ короткий періодъ въ нѣскольکو тысячелѣтій доказываетъ намъ съ неопровержимою достовѣрностью, что жизнь словесныхъ ор-

ганизмовъ идетъ вообще по опредѣленнымъ законамъ, подвергаясь постепеннымъ измѣненіямъ, и что мы не имѣемъ ни малѣйшаго права предполагать, чтобы когда нибудь это дѣло совершалось иначе. Дарвинъ и его предшественники *) сдѣлали шагъ впередъ, въ сравненіи съ другими ботаниками и зоологами: не только недѣлиныя имѣютъ жизнь, но и виды и роды; и они также образовались постепенно, и они также подвергаются постояннымъ видоизмѣненіямъ по опредѣленнымъ законамъ. Подобно всѣмъ современнымъ изслѣдователямъ, Дарвинъ также опирается на наблюденіе, хотя оно, по самой сущности дѣла, распространяется только на короткій періодъ времени, также, какъ и наблюденіе надъ жизнью земли, и надъ жизнью языковъ. Такъ какъ мы дѣйствительно можемъ замѣтить, что виды не совсѣмъ неизмѣнны, то измѣняемость ихъ, хотя и въ незначительныхъ размѣрахъ, можетъ считаться доказанною. Обстоятельство, само по себѣ случайное, именно, краткость періода, подлежавашаго достовѣрнымъ наблюденіямъ, составляетъ причину, почему измѣненія видовъ вообще представляются незначительными. Надо только, согласно съ результатами другихъ наблюденій, допустить, что живыя существа населяли нашу планету въ теченіе очень многихъ тысячелѣтій, и тогда мы успѣемъ постигнуть, какимъ образомъ постоянныя медленныя видоизмѣненія, подобныя тѣмъ, которыя дѣйствительно подлежатъ наблюденію, — привели за собою существованіе теперешнихъ видовъ и родовъ. Вслѣдствіе этого, ученіе Дарвина, дѣйствительно, представляется мнѣ, какъ необходимый результатъ тѣхъ основныхъ положеній, которыя признаны современнымъ естествознаніемъ. Это ученіе основано на наблюденіи, и составляетъ попытку изобразить исторію развитія. Что Ляйблль сдѣлалъ для исторіи земли, то выполнялъ Дарвинъ для исторіи обитателей земнаго шара. Слѣдовательно, ученіе Дарвина не случайное явленіе, не порожденіе прихотливаго личнаго ума, а напротивъ того, это законное и естественное дитя нашего столѣтія. Теорія Дарвина была настоятельною потребностью времени.» Вотъ какими глазами смотреть на произведеніе Дарвина люди умные и совершенно непристрастные.

Въ прошломъ году вышла небольшая (274 страницы) но очень дѣльная книга *Ролле*, подъ заглавіемъ: «Ученіе Чарльза Дарвина о происхожденіи видовъ въ царствѣ животныхъ и растений, приложен-

*) Окенъ, Гете, Ламаркъ, Этьеннъ, Жоффруа-Сентъ-Илеръ.

моемъ исторіи мірзеданія. » Я прочтала Ролле тогда, когда моя статья о Дарвинѣ была почти окончена, и когда первая часть этой статьи была уже напечатана. Въ это время, я уже знала книгу Дарвина вполнѣ и вперегъ, а между тѣмъ, Ролле все-таки выяснила мнѣ очень многое, и, главное, дала мнѣ множество фактовъ, подтверждающихъ тѣ идеи, которыя у Дарвина высказаны почти мимоходомъ, и слѣдовательно, голословно. Вообще, эта книжка, при своемъ незначительномъ объемѣ, удивительно богата содержаніемъ.

Въ первой главѣ, Ролле излагаетъ исторію науки до Дарвина; здѣсь очеркены Линней, Ламаркъ, Жоффруа, натурфилософы, Кювье, Ляйель, Агассизъ и Форбесъ. Во 2-й главѣ — исторія домашнихъ животныхъ и хозяйственныхъ растений. Въ 3-й борьба за жизнь и естественный выборъ. Въ 4-й — постепенное усовершенствованіе организмовъ. Въ 5-й — геологическая исторія мірзеданія. Современемъ я надѣюсь познакомить читателей съ идеями Чарльза Ляйеля, и тогда постараюсь нарисовать геологическую исторію органической жизни, какъ понимается ее Дарвинъ.

Д. Писаревъ.

ЭПИЗОДЫ ИЗЪ РОМАНА.

«СТАРОЕ СТАРИТСЯ, МОЛОДОЕ РОСТЕТЬ».

III.

БАРСКІЯ МИЛОСТИ КЪ БОЛЬВОМУ.

Вдоль дворянской улицы раздались звуки колокольчика и все ближе и ближе.

У воротъ затопали кони. Марфуша объявила больному: «баринъ!» — Вася и Ваня бросились на дворъ встрѣтить барина.

Асафъ *) отворилъ ворота. Усталая тройка ввалилась. Баринъ, кряхтя, вошелъ на крыльцо, а «петербургскій человѣкъ», съ дорожной сумкой, выпрыгнулъ изъ тарантаса.

— Фу, дьявольщина, какая жара! привѣтствовалъ баринъ пустой свой домъ. — А!... Васька-козелъ, гдѣ отецъ?

— Тамъ-съ, лежитъ-съ.

— Лежитъ! гмъ!

Вася и Ваня молча смотрѣли на барина.

— Ступайте-ко, велите поставить матери самоваръ.

Вася и Ваня побѣжали съ приказаніемъ. А баринъ задумался надъ тѣмъ: отчего это Павелъ такъ долго лежитъ?

Пока баринъ рѣшаетъ этотъ вопросъ, мы успѣемъ познакомиться нашего читателя съ этою, забытою всѣми, личностію.

*) Асафъ Бутыкинъ-лакей, сановникъ, — первый учитель Васи.

Василій Ивановичъ Куроѣдовъ, тысячедушный помѣщикъ Темногородской губерніи. Это существо миролюбивое, это тотъ *батюшка*-баринъ, котораго за доброту и простоту любить нашъ простой человѣкъ. Онъ глупъ и невѣжа относительно природы и истинной жизни, но онъ учень, уменъ даже образованъ по своему, — относительно пустоты, бесполезности. Для Василія Ивановича нѣтъ ничего ужаснѣе, какъ слово: «дѣлать». — «Человѣкъ, выгони мухъ изъ роту!» кричитъ онъ слугѣ послѣ обѣда; и вы хотите, чтобы Василій Ивановичъ послѣ этого хоть чтонибудь дѣлалъ? онъ вамъ усердно разчиститъ бриллиантовый родничекъ, который по всей деревнѣ извѣстенъ подъ именемъ «Василь-ванычевскаго родника»; онъ поставитъ надъ нимъ дорогую часовню въ лѣсу, на обвалѣ, хоть пусть его весь свѣтъ увѣряетъ, что ее завтра подмоетъ и она упадетъ; — но чтобы этотъ же Василій Ивановичъ сдѣлалъ чтонибудь *полезное* или придумалъ, какъ его сдѣлать — никогда! И такова-то жизнь Василія Ивановича, и наклонится она въ сторону, и постарѣетъ, и похилѣетъ, какъ избушка вмѣстѣ съ нимъ, и рухнетъ она сразу, или разломается, какъ старое никуда не годное строеніе при дѣтяхъ, и не увидятъ, и не вспомнятъ о ней внуки его даже и по картинкѣ, особенно послѣ 19 февраля!.. А между тѣмъ жилъ человѣкъ, и еще такая замѣчательная личность, какъ баринъ Куроѣдовъ; и кажется грѣшно было бы мнѣ, знающему ближе многихъ этого барина, грѣшно и непростительно, не написать его настоящаго образа и не передать его внукамъ! Миръ твоему праху глупо-бесполезный Василій Ивановичъ! Помню я, какъ ты сосѣду своему Длинногубову, въ день его ангела пожелалъ сто лѣтъ жить да двѣсти на корачкахъ ползать, дюживы двѣ дѣтей, да сотню-другую чертей на придачу. — «Это, говоритъ, въ услугу тебѣ вмѣсто дворни». Пожалуй такая услуга для друга была бы и кстати, особенно послѣ 19 февраля, тѣмъ болѣе, что сосѣдъ твой Длинногубовъ... — но объ немъ въ свое время. Не дай только Господи, чтобы онъ жилъ еще *мѣсяцъ сто* на Руси-святой; довольно, очень довольно и того, что онъ у насъ — простячковъ набѣдокурилъ!.. Помню я какъ ты лежа училъ твоего глупаго Трошку: — «Трошка поди сюда! Ты у меня смотри, дуракъ, и

не думай касаться до моихъ зажигательныхъ спичекъ;— вонъ что пишутъ въ Сѣверной Пчелкѣ,— въ Гамбургѣ такой отъ этого былъ ужасный пожаръ, просто страсть!—понимаешь?» — «Слушаю-съ!» — «То-то слушаю-съ, дуракъ! Гамбургъ—это городъ въ иныхъ земляхъ,—иностранныхъ—понимаешь?».. — И Трошка, слушая твои невинныя поученія, теперь еще, крестясь, говоритъ:—«а добрый былъ баринъ, дай Богъ ему здоровья,—простоватъ только маненько».. Эихъ, простодушныя тѣни непорочно-глупыхъ Васильевъ Ивановичей, миръ вашему праху, бесполезные и безвредные трутни трудолюбивыхъ нашихъ помѣщичьихъ ульевъ! Забавно было смотрѣть, когда ты любовался складною шляпой гостя и препростодушно твердилъ ему разъ пять: «а славная, братецъ ты мой, придумана эта штучка—шляпа? Подумаешь до чего дойдетъ человѣкъ. Просто теперь смотрѣть на нее—думаешь: чертъ знаетъ что такое: блюдечко не блюдечко и тарелка не тарелка—блинъ какой-то. А тутъ вотъ: трахъ! только этакъ... и вышла, вишь, шляпа.» И Василій Ивановичъ препростодушно; захочетъ надъ шляпою гостя. Уймется Василій Ивановичъ только въ ту минуту, когда черезъ полчаса вывяжетъ изъ замшеваго кошелька часы и, посмотрѣвъ на нихъ очень серьезно, еще серьезнѣе выговорить:—«а ѣдетъ чижикъ въ лодочкѣ, въ адмиральномъ чинѣ, по этой причинѣ... Эй, Макариха, дай-ка намъ по единой.»—Помню я тебя простодушный баринъ Василій Ивановичъ и въ ту минуту, когда ты... Ну, да объ этомъ мы еще поговоримъ, а теперь будемъ продолжать рассказъ.

— А что, Асафій, шелъ бы ты къ Павлу: — позвалъ его ко мнѣ.

Асафъ пошелъ и тоже объявилъ барину, что Павелъ лежитъ.

— Ужь будто не ходить? спросилъ удивленный Василій Ивановичъ.

— Какая, судырь, ходьба — не встаетъ.

— Глупо! — Ну, такъ закрой-же въ кабинетѣ окна, я тоже лягу отдохнуть.

Баринъ напился чаю, потребовалъ со льдомъ квасу и, отдохнувъ часокъ-другой съ дороги, отъ нечего дѣлать, пошелъ къ больному слугѣ.

— Ай, ай, какой ты стал! привѣтствовалъ онъ дворецкаго.

— Да, сударь, вотъ какой! — Павелъ поцѣловалъ барскую ручку.

— Больно, больно плохо! — И не находя болѣе разговора, баринъ сѣлъ у постели, закурилъ трубку и повторялъ отъ бездумья: «больно, больно плохо!»

— Да скажите на милость: что это значить? — обратился онъ къ Марфѣ: — отчего онъ захворалъ?

— Богъ его знаетъ, сударь, — простудился, вишь знать...

— Да отчего же ему простудиться, когда онъ отъ роду не студился? спросилъ удивленный баринъ.

Марфуша молчала. Ей самой казалось, что она невѣрно отвѣтила барину: слово «простудился» она выговорила въ первый разъ въ жизни и на нее напало сильное сомнѣнiе, какъ, въ самомъ дѣлѣ, можетъ простудиться это желѣзо — барскій человекъ.

— Да какъ это было, хогъ расскажи?

— Да какъ было: пошелъ онъ тогда, сударь, на базаръ, зимой, а были трескучіе, сами знаете? На немъ былъ вотъ этотъ шушунъ... Марфуша указала на барскую шинель.

— Ну!... нукнулъ баринъ, узнавъ подарокъ.

— Ну, вотъ отъ нее, знать тогда и хизнулъ. Вонъ она проклятая, настоящее рѣшето!... Марфуша распялила передъ барининомъ подаренную имъ шинель-рѣшето.

— Вреть она, батюшка-сударь, что вы ее слушаете! баба, такъ баба и есть; — онѣ вѣдь и въ Петровки мерзнутъ, какъ паршивый поросенокъ — прости меня, Господи; согрѣшишь съ ней! день-то у меня сегодня такой, эхъ!

— Да отчего же наконецъ?

— Да я и самъ не знаю, отецъ.

— Ну, да причина должна быть, безъ причины ничего не бываетъ.

— Да причина теперича только та, что прозябъ тогда, а тутъ вотъ и пошло все хуже да хуже.

— Плохо, очень плохо! — И Василій Ивановичъ опять не нашелся что говорить, — посильнѣе только началъ курить.

— Ну, чтожь мнѣ дѣлать съ тобой?

— Да что, сударь, теперича дѣлать со мной? — ничего!

— Какъ ничего? этого нельзя: тебя надо лечить.

— Какое, сударь, леченье передъ смертью! Пословица говоритъ: «отъ смерти нѣтъ лекарства.»

— Тутъ-то и лечуть у насъ, какъ смерть на носу.

Павель на это только вздохнулъ, а Марфуша осталась съ сердитымъ выраженіемъ лица.

— Свинья ты, братъ! закричалъ кто-то на улицѣ, незнаю кому, и за тѣмъ опять воцарилась мертвая тишина.

Баринъ задумался о прошломъ и передъ нимъ распнулась не шуточная картина Павловыхъ заслугъ.

Вспомнилъ Василій Ивановичъ, какъ отецъ еще этого Павла носилъ его на рукахъ, лебѣялъ и нянчилъ, какъ кормилца, а въ пансіонѣ мосье-Фильу выносилъ отъ него насмѣшки, обиды, оскорбленія и пинки. Вспомнилъ Василій Ивановичъ, какъ молодой слуга Павлушка два раза спасалъ его отъ смерти, на охотѣ или болотѣ, и самъ всегда бросался за барина на явную опасность. Непонятнымъ казалось Василью Ивановичу, какъ одинъ и тотъ же Павлушка въ дорогѣ или нуждѣ былъ у него и поварь, и лакей, и кучерь, и умѣлъ все подать, и принять, и дворъ подмести, и навозъ барскій съ него свезти. Наконецъ непостижимо казалось Василью Ивановичу, какъ при такой суматохѣ и суетѣ Павель успѣвалъ еще прятывать подъ замокъ всякую барскую рухлядь, и такъ бережно и цѣльно ее хранить, что стоило только спросить у него, — хоть для опыта, лѣтъ черезъ десять, — какой-нибудь ржавый барскій гвоздь, — онъ тотчасъ представлялъ его барину съ словами: «въ цѣлости и сохранности, судырь.» — И вотъ теперь только понялъ Василій Ивановичъ Курофдовъ, что этимъ удивительнымъ человѣкомъ и держался весь его барскій домъ! Какъ ни глупъ былъ баринъ, однако подумалъ: «я хорошій былъ человѣкъ, этотъ Павель, надо его полечить, а воть...»

— Эй, Миронъ!... крикнулъ онъ, какъ будто проснувшись. Васька побѣжалъ за дядей.

— Какъ однако тутъ у васъ душно да темно, заговорилъ баринъ, желая отдѣлаться отъ бесѣды въ молчанки, и потянувшись на всѣхъ, выбранилъ «мухъ проклятыми», «таракановъ усатыми» — и ушелъ.

Павелъ покашлялъ, словно для приступа:

— Говорилъ я тебѣ: — эй, прикуси язычекъ! — началъ Павелъ съ укоромъ.

— Да я-то что?

— Ты все ничего!... Я только хотѣлъ-было съ нимъ одѣяться, а тебя тутъ и дернуло съ шинелью.

— Да я-то что!... развѣ не самъ онъ началъ?... — Рассказывай-вишь ему притчину, дьяволу, точно онъ не знаетъ ее?

— Ну, жена, спохватишся, какъ съ горы скатишся.

— Э, грозенъ сонъ, да милостивъ Богъ, муженекъ-другъ!

— Эй, стубишь дѣтей!

— Ну!... и затѣмъ она рѣшительно махнула рукой.

Павелъ заснулъ; Марфуша спугнула мухъ съ запекшихся губъ больного, накрыла лицо шинелью и прогнала своихъ ребятешекъ на улицу — встрѣчать «суботку», да лекаря.

Вечеръ надвигался на городъ. Старая «суботка» давно уже прошла мимо Васи и промывала что-то знакомое, наматывая слюну на ноги и пожевывая свою жвачку. Милое солнышко, позолотивши крыши, деревья и кресты, превратило дорожную пыль въ золотой, мелкій дождь и улеглось вмѣстѣ съ ней недалеко за рѣчкой Сибиркой. Румяная красавица-зорька перестала смотрѣть сквозь частую зелень Оленькина сада. Матюшка-разбойникъ, прошелъ мимо съ удочкой и двумя карасями; Залотухинъ въ густыхъ сумеркахъ отшагалъ на такихъ страшныхъ ходуляхъ, которыя были выше прокурорскихъ воротъ. Самъ Вася наконецъ отъ скуки пропѣлъ въ кулакъ: «куку-реку!» а дяденька съ лекаремъ все нейдетъ! Поздно ужъ возвратился «петербургскій человѣкъ» одинъ и, спотыкаясь и покачиваясь, объявилъ Васѣ: что лекаря ояъ не нашель! — «Такъ матери и скажи: *завтра...*» и тутъ же приткнувшись у калитки какимъ-то комомъ, заснулъ до завтра.

Завтра! какое, маяющее къ жизни, слово. Не сама-ли жизнь выражена въ этомъ звукѣ завтра? Половина земнаго шара засыпаетъ въ полной надеждѣ на это загадочное завтра и всѣмъ оно летитъ на встрѣчу, какъ корабль, полный золота и сокровищъ, разбиваясь и рассыпаясь въ прахъ передъ очами человѣка. Туманно и загадочно оно, какъ ночь и мгла, измѣнячиво и перемѣнячиво, какъ вѣтеръ и морская волна, приман-

чиво и обманчиво, какъ радуга и заря, волшебна и очаровательно, какъ фата моргана и миражъ,—но также и не надежно и быстро исчезающе, какъ всякій призракъ, дымъ, мечта! Кто не убаюкивалъ себя подъ это волшебное журчаніе, вѣчно-идущихъ завтра? Кто наконецъ и совсѣмъ не заснетъ подъ ропотъ того же завтра, такъ мѣрно повторяемаго въ жизни, какъ ударъ маятника, какъ пульсъ руки, какъ жизнь сама!

Лепечеть въ постелькѣ дитя: «ты доскажешь мнѣ сказочку завтра?» Шепчетъ надъ книжкой своей гимназистъ: «какъ-то отвѣчу я завтра?» Плюетъ кадетъ въ потолокъ: «буду-ли дома я завтра?» Думаетъ думу студентъ: «что-то онъ скажетъ намъ завтра?» А что оно скажетъ кому?—мы не знаемъ никто!

Есть впрочемъ избранники, которымъ суждено было по глубже заглянуть въ пучину жизни, есть наблюдатели, которые зорко шли по этой дорогѣ съ оглядомъ, есть добрыя души, которыя сочувствуютъ скорбямъ челоуѣчества, есть наконецъ мученики, которые принесли себя на жертву за вѣчную истину, — тѣ очень твердо знаютъ: какой глубокой смыслъ лежитъ въ этомъ загадочномъ *завтра*.

Съ какой надеждой выговорила Марфуша мужу своему: «завтра;» съ какой бессоницей ждетъ она обманчиваго завтра и съ какой ноющей тоской, благословляя своихъ ребятишекъ, шепчетъ надъ ихъ войлочникомъ: «эхъ дѣтня, дѣтня, что-то скажетъ намъ завтра?»

А завтра сказало вотъ что.

Широкія дрожки, запряженныя парой сѣреныхъ лошадокъ, называемыхъ въ городѣ «лекарскими мышатками», не торопясь приѣхали на дворъ. Сильно погнутый впередъ Богданъ Богданычъ Клейстермейстеръ, завернутый въ теплую іюльскую бекешъ на ватѣ, аккуратно посмотрѣлъ въ обѣ стороны, какъ будто разрешая вопросъ: «а на право или на лѣво выѣзжать мнѣ изъ моей гробницы?» Съ правой стороны на высококомъ крыльцѣ стоялъ Асафъ и, сильно махая руками, оралъ во всю мочь: «не сюда, сударь, туда приходите на сырозь,—больной не здѣсь!» а съ лѣвой — Марфуша съ кислотовой улыбкой

приглашала лекаря: «сюда, сударь, пожалуйста, батюшка, онъ у меня въ сѣняхъ лежитъ».

Богданъ Богданычъ сошелъ съ дрожекъ. Марфуша поцѣловала у него ручку и еще таки прибавила въ дверяхъ: «пожалуйте-съ».

Расширивъ широкія ноздри, Клейстермейстеръ прежде всего нюхнулъ воздухъ, потому что въ печи у Марфуши въ это время пеклись хлѣбы, жарилось баряново жаркое, да парилась еще калина, отъ которой Богданъ Богданычъ ужь только почесалъ плешь.

— Ну што, лешись? спросилъ онъ Павла; а тотъ молчитъ, какъ будто соображая, что въ самомъ дѣлѣ отвѣтить на это лекарю: «лежу или хожу я на постелѣ?»

Богданъ Богданычъ, съ нѣмецкой аккуратностью, велѣлъ высунуть больному языкъ, щелкнулъ даже его раза два въ грудь, какъ будто допрашивая: «неужели до сихъ поръ звучитъ?» и наконецъ на жалобу Марфуши: что Павлу подкатываетъ въ бокъ клубокъ, величиною съ мѣсяцъ, отвѣтилъ: «Угу!»

— А какъ онъ дафно подкатываетъ?

— Да съ самаго Алексѣя, божьяго человѣка, подкатываетъ, батюшка.

— Ого!

Въ это время любопытные звѣрки Вася и Ваня зѣрко разсматривали узкое лицо нѣмца, обклеенное бакенбардами, какъ шерстяною рамой. Самые усатые прусаки, выглядывая изъ щелей, какъ будто хотѣли спросить: что же это Богданъ Богданычъ какъ задумался надъ «божѣимъ человѣкомъ?» Ванька прицѣлился было указать брату на лекарскую палку съ звѣриной головой, но въ это время Богданъ Богданычъ вышелъ вонъ.

— А что, прикажете доложить баринѣ? спросилъ «петербургскій», поигрывая Сѣверной Пчелой, свернутой въ папилотку.

Лекарь такъ опять уставился въ землю, какъ будто тамъ искалъ лекарства для больнаго, и молчитъ.

— Баринъ велѣлъ васъ спросить Богданъ Богданычъ: не переправить-ли его въ больницу: можетъ быть ему душно здѣсь?

— О, нѣтъ! зашемъ больниса, онъ замъ мѣрайтъ завтрѣ! Клейстермейстеръ махнулъ еще рукой.

Марфуша двинулась объ косякъ; Вася завылъ у крыльца: «ай, не умирай, тятинька!» а Ванька, ничего не понимая, испуганно посмотрѣлъ на всѣхъ.

Клейстермейстеръ такъ опять осторожно началъ залѣзать на свои дрожки, какъ у насъ лазять только одни воры въ окошки. Усѣвшись, онъ ткнулъ пальцемъ кучера въ спину, что въ переводѣ на русскій языкъ означало: «пошелъ къ другимъ больнымъ, здѣсь намъ съ тобой лечить нечего».

— Что ты? что съ тобой? спрашивалъ дядя племянника!

— Умреть! выговорилъ ребенокъ, рыдая.

— Да врешь! съ чего ты взялъ?

— Ле-ка-рь ска-а-а-загы!

— Совралъ, братецъ, совралъ! Черта съ два знаетъ эта колбаса. Вѣдь ты и не понялъ, что онъ говорилъ.

— Я слыхалъ, выговорилъ Вася горько.

— Э, полно! Будешь слушать этихъ разбойниковъ, такъ на дню-то по три раза придется умирать.

Васька утеръ кулакомъ слезу.

Весь этотъ день баринъ Василій Ивановичъ былъ въ гостяхъ. Самъ сказывалъ, что обѣдалъ у председателя гражданской палаты, ужиналъ у какой-то вдовы почмейстерши и возвратился отъ нея за полночь.

— Что лекаръ? спросилъ сытый и здоровый баринъ, когда Асафъ раздѣвалъ его, — пріѣзжалъ?

— Пріѣзжать-то, сударь, пріѣзжалъ; — да проку мало; завтра, говоритъ, умреть.

— Э, э! серьезно?

— Должно быть, сударь, сурьезно, — такъ сказалъ!

— Это худо...

— Не совсѣмъ, сударь, хорошо; пожить бы надо: старикъ-отъ крѣпкой еще былъ. (Асафъ сапогъ съ барина стащилъ).

— Ну, жить не жить—это какъ ему угодно — вольному, говорятъ, воля; да вотъ какъ завтра-то хватить—это скверновато: завтра я пригласилъ человѣкъ десятокъ пообѣдать. Обѣщался уже кой-кто... Скотлиревскій вотъ будетъ... а онъ тутъ... Экой какой, право!

— Да это, сударь, ничего-съ! можно ставнями поприкрыть.

Не докладывать же будемъ гостямъ, что тамъ покойникъ — кушайте на здоровье!

— Какъ же, — на здоровье! А супруга-то? она на весь домъ заголосить.

— Это, сударь, ничего-съ! Марфѣ сказать можно, что у васъ гости: посмолчить часъ-другой, послѣ поприбавитъ-съ.

— Нѣту, нѣту; я ужъ думаю лучше не отказать-ли? Скотлиревскій такой прихотникъ, брезгунъ петербургскій, — онъ пожалуй и ѣсть не будетъ!

— Это, сударь, ничего-съ! кушать всѣ будутъ-съ.

— Нѣтъ ты не говори! это столычная итица, я его знаю — онъ не будетъ ѣсть, — онъ очень привередливъ на счетъ покойниковъ. Да ты согласишься: какой тутъ, чертъ, авнетить, когда рядомъ мертвый лежить? вскричалъ наконецъ баринъ.

Асафъ, озадаченный такимъ доказательствомъ, уже не возражалъ; а звонкое эхо, какъ живой человѣкъ, такъ и захотало по всему пустому, барскому дому.

— Эхъ Павелъ, Павелъ! какую ты штуку заправилъ, выговорилъ съ укоромъ Василій Ивановичъ и тоже замолчалъ.

Мертвая настала тишина. Сальный огарышекъ чуть пылалъ на столѣ и уже понадвинулъ шапочку, чтобы спокойнѣе подремать. Дѣдовскіе, нортонскіе часы въ углу еще не отвязчивѣе и строже отхватывали середь ночи: часъ-два, часъ-два.

Асафъ только было двинулся къ косяку, чтобы по крѣпче пристроиться передъ баринномъ и вздремнуть, какъ баринъ закричалъ:

— Нѣтъ постой, погоди,—я вотъ подумаю маленько:

И опять мертвая тишина.

— Повара чьего завтра прикажете, сударь?..

— Да не о поварѣ я,—молчи! Повара никакого не нужно.

— Что онъ городить тутъ? думаетъ Асафъ; какъ же это онъ безъ повара хочетъ ухитриться приготовить обѣдъ?

А лицо барина принимало въ это время такое выраженіе, какъ будто оно всему миру хотѣло сказать: «а я такъ вотъ, господа, не думаю умирать,—пообѣдать завтра пожалуйста ко мнѣ». Василій Ивановичъ чрезвычайно здорово потянулся и сѣлъ.

— Слушай-ко ты вотъ что: винца ты намъ позаготовь, это вотъ нужнѣе всего. Бургоніи, шампаніи—этихъ къ яду,

развѣ такъ чѣ бутылочкѣ на случай всякой, да и то я полагаю обойдемся безъ нихъ; народъ все будетъ, братъ, простячекъ — не мудрящій народъ: палатскіе все больше, такъ ты намъ по хересамъ чтобы этакъ можно было пройтись хорошенячьио! Понимаешь? Ну, мадеры что-ли возъмешь тамъ по больше; водокъ этакихъ разныхъ по забористѣе, чтобы знаешь пробраю этихъ господъ. Это вѣдь, братъ, все закаленные.

— Слушаю-сь!

— Надобно бы вотъ удружить бутылочку этому барину; онъ только одно это вино и пьетъ, да какъ его, чертъ, называется забылъ; а вертится, дьяволъ, на умѣ. Шабли, шаблж проклятое! Ну вотъ его бутылочку другую прихвати для Скотлиревскаго. Это, братецъ, человекъ больной (заговорилъ баринъ жалостливо); онъ вѣдь ничего другаго и пить-то не можетъ, — да! Ты такъ тамъ ужь и въ погребѣ скажи, чтобъ для него собственно отпустили хорошенячьио. Онъ ничего не можетъ пить!

— Слушаю, сударь, скажу-сь!

— Будетъ правда тутъ еще порядочный человекчикъ у меня: сѣвѣтникъ Пырсииковъ, да тотъ, братъ, на всѣ руки, «я, говорятъ, человекъ русскій, такъ мнѣ подавай русекаго, чтобы хватало за горло, какъ, говоритъ, на большой дорогѣ». Ему и ромъ гольемъ такъ ни почему; онъ все воротить черезъ край, — этотъ молодецъ! Да ты вѣдь его знаешь?

— Извѣстенъ, сударь.

— Ну, а извѣстенъ, такъ нечего рассказывать. Такъ вотъ ты, братецъ Асафушка, и сдѣлай, какъ я тебѣ приказалъ. Закусочекъ тамъ прихвати этакихъ всякихъ по разношерстѣе, ну, сырцу, икорки, знаешь, какъ тамъ это... Да, да, да! — вѣдь чуть было не забылъ, канальство, главнаго — нѣмца-то. Нѣмцу-то надо же что нибудь взять? не годится не взять. Ты ужь сдѣлай милость не забудь ему; возьми какой-нибудь кислотинки нѣмецкой; — этотъ вѣдь тоже патріотъ; онъ ничего не пьетъ кромѣ своего нѣмецкаго. Ну бѣлинкаго, тамъ красненькаго чего нибудь, ну, рейнвейнцу бутылочку прихвати ему, пожалуй; рейнвейнъ онъ тоже любить: «это, говоритъ наше».

— А какъ же, сударь, повара?

— А такъ же говорятъ тебѣ: не нужно повара никакого, да и дѣло съ кондомъ. Почтмейстерша завтра, чѣмъ свѣтъ, пришлетъ намъ повара своего, — у этой барыни поваръ вотъ какой... (баринъ аппетитно чмокнулъ губами).

— А вотъ тоже завтра, изволите говорить, — обѣдать; вотъ съ утра-то нужно бы позаготовиться тоже: хрусталь вонъ перебрать, ну серебро перетереть, — одинъ то ужъ, сударь, съ базаромъ-то и не тово... не разорваться стать. Сами изволите знать: Павелъ завтра не пойдетъ.

— Еще бы!..

Баринъ и слуга замолчали.

Кажется пустое слово: «Павелъ не пойдетъ», а оно начало барина теревить. — «Потеря все-таки, думалъ Василій Ивановичъ, и потеря не маленькая». — «Вотъ этакой хахала (баринъ взглянулъ на Асафа, тыкающаго носомъ) тоже человѣкомъ называется: и дакаетъ, и соглашается, и удивительно услужливъ на словахъ, а на дѣлѣ?...»

— Пошелъ, спи! приказалъ баринъ на дѣлѣ.

— «Другой вонъ тоже грамотнымъ называется и счетную, говоритъ, часть знаю по книгамъ, а попробуй-ко такую арифметику подпустить къ денежкамъ, такъ онъ тебѣ ихъ сочтетъ, — ухъ, какъ сосчитаетъ собака! — Охъ, эта мнѣ грамота въ барскомъ человѣкѣ, ой, эти мнѣ книжные счета въ крѣлостномъ! это чистѣйшая карманная холера для нашего брата — помѣщика. Что онъ за человѣкъ? а еще ротъ открываетъ, «въ Петербургѣ, говоритъ, научился скоро смекать на счетахъ». Чортъ тебя тамъ училъ петербургское смекало; — карманная выгрузка ты, больше ничего, лапу только тебѣ запускать въ баринову шкатулку!» — и баринъ плюнулъ.

— «А Павелъ мой человѣкъ не такой! Надобно бы его чѣмъ нибудь тово... а то я противъ него»... — Но баринъ не додумалъ до конца, — заснулъ.

— Скот-ни-на! выговорилъ удушливо Асафъ во снѣ. Но бреду этого никто не слышалъ: ибо баринъ еще крѣпче спалъ нежели слуга.

IV.

СМЕРТЬ ПАВЛА.

— А что Кузьмичъ? спросилъ «петербургскій» Лепестинью утромъ.

— Да что Кузьмичъ!.. я ужь, братъ, на этотъ счетъ пророкъ; я еще вчера, какъ онъ только попросился на дворъ, подумала: душенька тоскуетъ на мѣстѣ, значитъ не къ добру; вѣтъ, ужь не жалецъ этотъ человѣкъ на вольномъ свѣтѣ, вѣтъ! безпремѣнно умереть, хошь не теперича, а ужь умереть, это я ужь знаю!

— Будто?

— А лопни мои глазыньке, умереть! Смотри-ко вонъ онъ и теперя словно кончается: все отряхается; глазами таково остро поводитъ; страшный такой сталъ!

— Пойди полюбопыгствовать.

— Лепестя, матушка, поди сюда! вскрикнула изъ сѣней Марфуша, такъ жалобно, какъ кричать только осенью журавль, прощаясь съ полями, на которыхъ получали жизнь.

— Знать ужь тово?.. Лепестя бросилась въ сѣни.

«Петербургскій» пошелъ за ней полюбопытствовать, какъ отряхается кумъ.

Въ самомъ дѣлѣ больной былъ уже при послѣднемъ издыханіи. Глаза его зорко озирались на всѣхъ; видно было, что онъ искалъ одного только человѣка, который могъ облегчить его предсмертное страданіе, и которому онъ хотѣлъ передать, съ послѣднимъ вздохомъ, судьбу своихъ дѣтей. Человѣкъ этотъ уже намъ извѣстенъ.

— Что, куманекъ, или не узнаешь? спросилъ «петербургскій», причесанный на этотъ день какимъ-то клиномъ.

Умирающій совершенно его не узналъ; онъ такъ зорко смотрѣлъ на кума столичнаго, какъ будто хотѣлъ спросить: свой, или чужой этотъ человѣкъ?

— А! и своихъ не узнаетъ? заключилъ «петербургскій».

— Мамышка, баринъ идетъ! выговорилъ Вася, смотря въ окно, и отскочилъ.

Марфуша только махнула рукой. Въ суетѣ она поправила лохмотье шинели, которою прикрывался больной, и въ головѣ только мелькнуло: «помести бы? да ну-ужь!..»

Баринъ бодро вошелъ.

Вася и Ваня встали по угламъ съ завернутыми назадъ руками, какъ великопостные жаворонки. Марфуша забыла даже поклониться барину.

— Ну, что у васъ тутъ дѣлается?

— Ничего, сударь! отвѣтила чуть слышно жена!

Послѣдовало молчаніе.

— Здорово Павелъ!

Послѣдовало длинное молчаніе.

— Что, онъ безъ языка?

— Нѣтъ, сударь, недавно со мной говорилъ. Его вотъ только не узналъ, прибавила Марфа, указывая на «петербургскаго.»

— А! не узнаетъ ужь?..

Баринъ подошелъ ближе и наклонился надъ умирающимъ.

— А меня узнаешь?

— Да! отвѣтилъ Павелъ отрывисто.

— Я пришелъ поговорить съ тобой.

Въ отвѣтъ на это больной хотѣлъ было приподняться, оперся даже на локоть, но безсильно упалъ.

— Не нужно, не вставай!

Но Павлу и въ эту минуту казалось невозможнымъ лежать передъ баринемъ; онъ знаками упросилъ жену, подставить подушку за спину, и выпрямился-таки передъ господиномъ своимъ, какъ хорошо дрейсованный лакей.

Василій Ивановичъ сѣлъ и началъ торжественно:

— Павелъ! мы всѣ ходимъ подъ Богомъ. Ты вотъ такъ тяжело боленъ и Богъ знаетъ встанешь-ли?..

Павелъ слушаетъ краснорѣчіе барина.

— Я, братецъ, пришелъ исполнить мое обѣщаніе.

Павелъ сильно затрепеталъ.

— Я обѣщаль тебѣ отпустить сына на волю...

Лицо умирающаго мгновенно вспыхнуло полною жизнью; тихія слезы заструились по щекамъ, быстро подвигъ онъ руки къ небу и почти вскричалъ:

— Вотъ, чего я ждалъ!

— Котораго же тебѣ?

Мертвая блѣдность покрыла лицо, судорожно искривило руку, которая хотѣла указать на Васю, и Павелъ отчаянно взглянулъ на маленькаго.

— Котораго же? повторилъ баринъ.

Умирающій криво взглянулъ на всѣхъ. Въ отвѣтъ только глухо заклокотали мокроты, закрывались глаза.

Судорожно рванулась Марфуша, чтобы принять послѣдній вздохъ умирающаго, но баринъ, отстранивъ ее рукой, еще-таки въ третій разъ повторилъ настойчиво:

— Павелъ, скажи?..

Отвѣтъ былъ одинъ глубокій вздохъ.

— Не мучьте, сударь, его, онъ умеръ! вскрикнула обезумѣвшая жена, и поспѣшно выхвативъ изъ темнаго угла испуганнаго и дрожащаго Васю, отвѣтила за мужа: «вотъ котораго?»

— Этого? ну, будь ты вольнымъ. Баринъ поставилъ Васю передъ закрытыми глазами отца.

И удивительно: еще разъ сверкнула жизнь въ умирающемъ! Съ судорожнымъ движеніемъ сложилъ онъ руки, какъ подь благословеніе, и протянулъ къ барину. Не посовѣстился Василій Ивановичъ и въ эту минуту положить свою бѣлую пухлую руку на костяной остовъ слуги, и Павелъ прижалъ ее, къ запекшимся кровію, сухимъ и черствымъ губамъ раба!.. Въ послѣднемъ судорожномъ вздохѣ онъ усиливался еще выговорить: «я былъ вашъ вѣри... рр!!» но не договорилъ несчастный! Голова его опрокинулась, руки вытянулись, оловянные глаза такъ и остались смотрѣть на барина.

— Умираетъ, умираетъ! зашептала дрожащая Марфуша.

— Кажется кончается, заключилъ «петербургскій.»

Баринъ отдернулъ руку, оттолкнулъ Васю, и взглянувъ Павлу въ лицо, договорилъ за всѣхъ: «да, онъ умеръ!»

Василій Ивановичъ всталъ, перекрестился я, поспѣшно вышелъ.

Послѣдовали вздохъ и всхлипыванья, фырканья и рыданья... Дѣтей увели.

«Петербургскій человѣкъ» еще разъ пошелъ было полюбопыт-

сивовать, что дѣлается въ темныхъ сѣняхъ, но не выдержалъ: обезображенный смертію, трупъ кума лежалъ на сѣнѣ; обрѣсшее худое лицо искривилось такимъ искаженіемъ, что трудно было понять: смѣется или плачетъ этотъ человѣкъ надъ всѣмъ его окружающимъ; мутные, оловянные глаза такъ смотрятъ на кума столпчанаго, какъ будто хотятъ выговорить: «а ты, братъ, здѣсь смѣшишь всѣхъ!» такъ что Фуфлыга петербургскій, при всемъ его нахальствѣ, тихо притворилъ за собою дверь и ушелъ на улицу поспивать.

Около покойника точно по секрету шепчутся и возятся со свѣчей Лепестинья и Вавлю, а надъ ними одурѣвшая Марфуша только всплескиваетъ руками да выводитъ плачевно: «ахъ, ты, голубчикъ, какъ онъ излежался-то! Ахъ, ты си-зенькій, какія пролежи-то на бокахъ!»

Вася и Ваня, постоявши въ тупомъ положеніи около скотной избы, куда отвела ихъ Лепестинья, тоже пошли полюбопытствовать; но дверь изъ сѣней была заперта. Черезъ полчаса только изъ этой двери бросилась на нихъ мать, прижала къ груди своихъ дѣтушекъ и завопила на весь барскій дворъ: «сиротинушки вы мои горемычные!» Съ тѣмъ и проводила ихъ въ избу.

Въ сѣняхъ уже не было ни тетеньки Лепестиньи, которая бывало моталась, какъ маятникъ съ тряпочкой отъ мухъ. Тятенька лежалъ въ избѣ въ переднемъ углу, въ томъ самомъ мутно-зеленомъ сюртучкѣ, который Вася видалъ на немъ только на пасхѣ и считалъ за самый торжественный нарядъ.

— Вотъ онъ, вашъ тятенька! выговорила мама отрывисто, и принялась голосить.

А Вася и Ваня осматриваютъ отца; Вася замѣтилъ, что руки тятеньки теперь сложены уже не такимъ крестомъ, какъ въ то время, когда онъ цѣловалъ у барина ручку, Ванька рассмотрѣлъ какой веревочкой связаны носки сапогъ, чтобы они не разъѣзжались въ разныя стороны, а стояли чинно, какъ у солдата во фронтѣ, а оба со страхомъ посмотрѣли на черные гроши, прикрывающіе глаза, которые въ самомъ дѣлѣ придавали тяжелый и непріятный видъ покойнику. Ванька-пельмечь даже привсталъ на цыпочки и, заглядывая въ ротъ

покойнику, задалъ вопросъ: «неужели этотъ тятя? этотъ и не шевелится. А глаза-то какіе большіе, ухъ! страсть!..»

Ленестинья, какъ полная хозяйка, распоряжается и приказываетъ Вавилѣ прилѣпить новую свѣчичку къ образамъ: «эта вишь догорѣла.» Афросимовна совѣтуетъ спросить у Семёновны бѣленькаго платочка: подвязать покойнику уши, пока онъ не остылъ, чтобы закрылся ротъ. «А то, говорить, страшно больно смотреть ротъ-отъ.» «Не трожьте его бабы, совѣтуетъ глухо Вавило: чаво еще мудрить надъ мертвымъ. Богъ съ нимъ. Чай вотъ ужо саваномъ прикроется, невпдно будетъ скоро?» «Ну, да все ужъ», шипитъ свое Афросимовна: «то же подойдетъ кто-нибудь, посмотрѣть захочется — негодится!» И Вавила махнулъ наконецъ рукой, видя что Афросимовнѣ ничего не докажешь. А Павелъ лежитъ да смотритъ своими темными кругами.

Велика эта минута торжественнаго молчанія передъ покойникомъ. Въ близкихъ сердцу онъ еще пребываетъ, какъ живой: такъ и видится сидящимъ и говорящимъ. Вотъ онъ смѣется или плачетъ, груститъ или улыбается, а размечтавшемуся воображенію такъ и слышится изъ угла его голосъ или смѣхъ. И въ этомъ полномъ образѣ, ново-представленнаго въ воображеніи человѣка, такъ и отпечатывается каждое слово покойника, каждое его движеніе, каждый поворотъ. Перечувствуете вы въ себѣ самомъ въ эту минуту всё его любимыя мечты и завѣтныя думы; переберете въ памяти, какъ знакомы вамъ давно старое его платье, характерное выраженіе покойнаго, привычки, вкусъ и самыя слова! Такъ въ вѣномъ молчаніи стоитъ Марфуша передъ покойникомъ и слышится ей томный его голосъ, который говоритъ: «день за день, время все утекало, а дѣло-то неподвигалось, такъ все и осталось!» — «И иконки-то не успѣлъ посеребритъ, мой голубчикъ! Такъ вѣрно и моя барская жизнь пройдетъ безъ оглядки! Какъ-то я буду мыкать горе съ моими сиротами?..» И Марфуша опять обливается горячими слезами вдовы.

— Перестань, кума,—ве воротишь его.

Вася обернулся, чтобы узнать, кто утѣшаетъ маму, а утѣшалъ ее «петербургскій человѣкъ».

— Вотъ ты и не узналъ, когда уреть мой тятя, а вѣ-

мецъ узналъ, думаетъ Вася. А передъ нимъ такъ и стоитъ, какъ живой, высокій и худой Богданъ Богданъичъ, въ соломенной шляпѣ и длинномъ тепломъ сюртукѣ, такъ и видится ясно, какъ онъ, заговоривъ о смерти тятя, не испугался и не заплакалъ, какъ мама. Что это за штука такая нѣмецъ? думаетъ еще неотвязчивѣе Вася; отъ чего онъ знаетъ это? Отъ чего онъ знаетъ даже, когда умереть мой тятенька? Отъ чего не знаетъ этого дяденька питерскій, который всему учился въ Питерѣ и знаетъ все?...

А вотъ и Парамонычъ вошелъ крестясь и выговорилъ басомъ: «миръ вашей бесѣдѣ!» хотя въ это время бесѣды никакой не было;—одна только Марфуша стояла передъ покойникомъ, да говорила мужу: «эхъ, Павелъ, Павелъ, зачѣмъ ты ихъ оставилъ?»..

А дьячка Парамоныча вызвалъ нарочно баринъ Василій Иванычъ и прислалъ въ избу съ Асафомъ читать псалтырь надъ покойникомъ. Марфуша поставила ему въ передній уголъ на лавку три коробки одна на другую въ видѣ колокольни. Парамонычъ положилъ на эту башню свою книгу и сталъ почитать, приговаривая глухо: «э-эхъ, упокой Господи душу усопшаго новопредставленнаго раба-а!..» А Марфуша кланяется въ землю да думаетъ: «ты знать, Господи, самъ принесъ барина-то въ этое время, гдѣ бы мнѣ еще набратъся столько денегъ, Парамоныча нанимать? Вотъ теперь его душенька и не будетъ ходить по мытарствамъ!..»

Къ вечеру Василій Иванычъ прѣхалъ отъ кумы и тотчасъ велѣлъ позвать къ себѣ въ кабинетъ Марфу со старшимъ сыномъ, а самъ сѣлъ противу двери въ свои большія, волтеровскія кресла.

— Ну, вотъ это тебѣ, за службу твоего покойника мужа! Василій Иванычъ подалъ вдовѣ какую-то тряпочку и листъ обыкновенной бумаги.—Это вотъ тебѣ на похороны; а это вотъ вольная твоему сыну!

Тутъ только глупая Марфа поняла, что въ одной рукѣ у ней были деньги а въ другой полная жизнь и счастье ея сына-любимца.

Съ благоговѣниемъ она ткнула въ шею Васю, чтобы онъ облобызалъ ту ручку, которая въ одно время даетъ и деньги

и волю человѣку, а сама уже прицѣлилась было повалиться въ землю и прошептать надъ барнявымъ сапогомъ: «благодѣтель!» Но въ это мгновеніе, богъ знаетъ по какому случаю, ей припомнилась баринова шинель, и Марфуша только, молча, приложила къ рукѣ.

— А что, Васька-козелъ, какъ ты объ этомъ помышляешь: хочешь что-ли ты быть вольнымъ? спросилъ баринъ.

— Не знаю-съ! отвѣтилъ Васька-козелъ машинально, и дѣйствительно не зналъ: хотѣлъ или не хотѣлъ онъ быть вольнымъ;—такъ былъ дикъ и страненъ для него бариновъ вопросъ.

— Вотъ какъ! ай-да дуракъ! И баринъ захохоталъ.

— Заставлю, сударь, его Богу молиться за васъ, проговорила Марфа такимъ тономъ, какимъ обыкновенно говорятъ у насъ похвальныя рѣчи надъ могилами тѣхъ господъ, о которыхъ помышляютъ въ душѣ: «а хорошо ты сдѣлалъ, что провалился сквозь землю!»

— Ну, ступай! Пригласи тамъ попа что-ли отпѣть, или какъ знаешь, а я сейчасъ уѣду; я не могу больше здѣсь оставаться, ни-ни!

Дѣйствительно Василій Ивановичъ не любилъ ночевать въ одномъ домѣ съ покойникомъ. Даже дорогой, если онъ останавливался на ночлегъ, то посылалъ впередъ человѣка узнать: вѣтъ-ли въ избѣ таракановъ, и всегда почти кричалъ ему во слѣдъ: «да эй! не забудь, смотри, взглянуть, вѣтъ-ли покойника?»

Неудивительно послѣ того, что Василій Ивановичъ, открывшись передъ Асафомъ: «а не пойду, братъ, и проститься: говорятъ, страшень?..» отдалъ заразъ два спѣшныя приказанія: събраться въ дорогу и бѣжать за почтовыми, а самъ не ужинавши выѣхалъ въ путь.

— Теперь ты у меня ломоть отрѣзанный, сынокъ! сказала грустно мама надъ Васей и о чемъ-то глубоко задумалась. А это вотъ твое счастье, сынокъ! прибавила она весело, указывая на бумагу; вотъ я тебѣ и положу ее на первую-то вочку подъ голову, а ты и усни съ Богомъ спокойно.

— «А кто же это меня отрѣзалъ отъ мамы?» думаетъ Васька и не спится ему покойно. «А кто же это завернулъ мое

счастіе въ бумагу?» рѣшаетъ безтолковый и не спитъ ему еще дальше!

А Парамонычу такъ вотъ спитъ. Поужинавши вплотную, чтобы ужъ читать всю ночь напропалую, онъ прилегъ было маленько прикурнуть противу дядюшки Вавилы да такъ и просвисталъ вплоть до заутрени.

— А вотъ и гости на дворъ, бѣда на столъ! заговорилъ скороговоркой Емельянушка Пырочкипъ, который появлялся почти на всѣхъ похоронахъ въ городѣ и имѣлъ какое-то особенное чутье на покойниковъ.

— А нутко я посмотрю, какой онъ у васъ? У! да какой онъ знатный, гляди-тко!.. Емельянушка посмотрѣлъ въ лицо покойника и улыбнулся.

Веселый былъ человѣкъ этотъ Емельянушка. Куда не придетъ онъ на похороны—вѣчно улыбается на свою шутивную рѣчь: или покойникъ ему покажется смѣшонъ, или тѣ, которые надъ нимъ плачутъ, а ужъ не утерпигъ, чтобы не посмѣяться. Видали его иногда и плачущимъ, какъ напримѣръ въ то время, когда онъ продавалъ своихъ бѣдныхъ собаченокъ въ неволю на барскій дворъ, но за то никто и никогда не видывалъ, чтобы Емельянушка плакалъ о покойникѣ, особенно если покойникъ былъ барскій человѣкъ. Говорилъ онъ всегда отрывисто и разбросанно, какъ человѣкъ въ хмѣлю, но не всегда онъ былъ въ хмѣлю. Рѣчь его была какое-то равное ключье: то очень умное, то очень глупое—всего понемногу.

— Идетъ гулять Федотъ у шабровыхъ воротъ,—болтаетъ веселый Емельянушка и чуть не пляшетъ передъ покойникомъ;—а Емельянушка гуляетъ, у всѣхъ побываетъ, а хозяинъ радъ, что пріѣхалъ свать. А я-то думаю: ну добренькій сосѣдъ Ермишка найдетъ мнѣ вивиска, а онъ вонъ куда залегъ! Эхъ, ты чудакъ-покойникъ, умеръ а глядитъ!

— Отойди отъ него, батюшка Емельянушка, заговорила тоскливо Марфа.

— Отойду, матюшка, отойду! А слыхала ты, какъ кума изъ Сибири въ рѣшетѣ приплыла, веретенами гребла, юбкой парусила? Не слыхала? Ну то-то, мать моя, живитко ты смѣючись!

Емельянушка погладилъ Марфу и Васю по спинѣ, въ знакъ

утѣшенія и тотчасъ побѣжалъ на задній дворъ рассказывать Вавилѣ: какъ на могилахъ бабы воютъ, а кутейники блины ловятъ, на могилахъ бабы плачутъ, а кутейники блины прячутъ. И послѣ того такъ еще дико захохоталъ, что Вавило приподнявъ метлу, вразумительно сказалъ шуту-Емельянушкѣ: «ну, ну, братъ, убирайся отсель, пока ты цѣлъ, а то вотъ твоей же собакой и затравлю!» И Емельянушка пошелъ на улицу, напѣвая громко пѣсню.

Пришедшій навѣстить больнаго, кумъ Онуфричъ, не мало дивился тому: какъ это умеръ кумъ Павелъ? Вдовѣ онъ сказалъ: что «легче семь разъ горѣть, нежели разъ овдовѣть,» и тутъ же тихо спросилъ ее: когда умеръ покойникъ, утромъ или вечеромъ и въ которомъ часу, какъ будто не все равно въ восьмомъ или девятомъ? Изъ обстоятельства настоящаго вывелъ заключеніе такое, что «двухъ смертей не бывать, а одной не миновать», такъ знать написано ему на роду, раньше насъ умереть. И потуживши надъ покойникомъ, и поклонившись ему въ землю, кумъ Онуфричъ пошелъ еще на задній дворъ потолковать съ дядюшкой Вавилою: когда будутъ отпѣвать? Дядюшка Вавило отвѣтилъ: что у попа онъ былъ, но попъ хоронить нейдетъ: «потому вишь, баялъ, што какой-то, такой праздникъ — хоронить, говорить, нельзя. Нетроште, говорить, покойника до завтра. Завтра я вамъ его и отпою». На это кумъ Онуфричъ возразилъ было, что въ такую жарыщу оставлять тѣло не годится, но дядюшка Вавило объ этомъ уже не разсуждалъ: онъ только махнулъ рукой да глухо прибавилъ: «а какое намъ, другъ, дѣло до чужаго тѣла?» Похоронимъ, когда придетъ пора, стащимъ еще на мазарки. Сказано тебѣ: «попъ не велѣлъ!» ну значитъ вишь не можно: вѣрно и въ самомъ дѣлѣ праздникъ какой запретный на мертвыхъ. — На томъ разсуждающіе и остановились.

А вотъ и черный гробъ принесли со стружками, вмѣсто перины, да вѣникомъ вмѣсто подушки. Въ гробу этомъ подкинули лоскутокъ холста подъ головы, покурили и уложили раба божія Павла на вѣчный покой. Парамонычъ ушелъ, потому что Василій Иванычъ навнималъ его читать только одинъ день, а тутъ, вишь, оказывается два; Парамонычъ и самъ не зналъ,

что подвернется еще лишній праздничекъ, а за условную плату читать никакъ не соглашался. Около покойника на всю ночь осталась только мертвая тишина. Сама, сильно истомленная, Марфуша, и та спала спокойно, не слышала даже, какъ пошелъ по избѣ сильный смрадъ отъ свѣчи, упавшей на лавку. Отъ свѣчи этой во время ночи выгорѣла такая круговина, смотря на которую, сосѣднія бабенки только ужъ спрашивали: «какъ это, дѣвынька, покойникъ-отъ у ней не изжарился весь?»

А тутъ и батюшка Степанъ Макарычъ пришелъ вынести тѣло и тоже не мало дивился тому: «какъ-это умеръ Павелъ?»

Вавило съ здоровыми парнями взворотили себѣ на плеча домовину и поволокли вонъ изъ избы. Двѣ нищія распахнулись въ дверяхъ и поклонились гробу. Марфуша рванулась впередъ и завизжала на всю Дворянскую: «въ послѣдній разочикъ ты, мой батюшка, уходишь изъ барскаго домушки, не придешь ты больше съ базарушки!..» и пр. Изъ оконъ высунулись-было головы спросить: «кого хоронять?» но на этотъ вопросъ Емельянушка отвѣтилъ всѣмъ лаконически: «человѣка, вишь...»

Друзья и знакомые покойнаго кинули по горсткѣ землицы въ могилу, сказали единодушно; «прощай Павелъ Кузьмичъ!» и побрѣли домой, думая про себя: «поди, я чай вѣдь и насъ туда же отгашутъ?»

Нищія-старушонки, разнюхавъ, что покойникъ былъ барскій человѣкъ, тотчасъ рѣшили: что тутъ толковать много нечего — необлизнешся! — «Идти знать домой?» — и ушли.

Надъ могилою Павла остались: только мать съ сиротами, Степанъ Макарычъ, Емельянушка да Вавило, вмѣсто могильщика. Марфуша молча смотреть въ могилу. Вася и Ваня слушаютъ, какъ тяжелыя комья гудятъ въ гробовую доску да смотрятъ какъ остальной краешекъ гроба засыпается мать-сырой землей, а дядюшка Вавило, не жалѣя притоптываетъ покойника въ грудь. Большой бугоръ наворотилъ дядюшка Вавило надъ могилой и началъ его такъ аккуратно обтачивать, какъ будто это дѣло требовало самой изящной отдѣлки!

— Ну, будетъ, хорошо и такъ! сказала убитая горемъ Марфуша, желая скорѣе прервать удары въ стонущую землю.

— Нельзя Семеновна, нельзя матушка! Самъ онъ былъ большой радѣльникъ до всякой малости, самъ все любилъ покойникъ дѣлать въ аккуратъ. Съ этой вѣтъ еще сторонки маненько. И Вавило зашелъ съ этой сторонки и ввалилъ еще Павлу въ другой бокъ лопатой.

— Не бей могилку-то, христа-ради! Дайте ему покой хоть на томъ-то свѣтѣ, Господи!.. и рыданія Марфуши раздались далеко.

— Ну, полно, полно, Господь съ тобой! кто же плачетъ такъ о покойникахъ? На-ко вотъ тебѣ живыхъ...

Священникъ, Степанъ Макарычъ, въ утѣшеніе матери подставилъ было ей сиротъ; но мать такъ зарыдала надъ ними, что всѣ трое, обнявшись, такъ и ринулись на свѣжую могилу отца.

— Эко, Господь съ ней, надрывается какъ! (Священникъ самъ поднялъ съ могилы дѣтей). И не вразумишь ее ничѣмъ, Боже ты мой! Да ты слышишь, что-ли старуха! — говорятъ тебѣ толкомъ: «старое старится» и умираетъ — этому такъ и быть должно, ну, за то вотъ — «молодое растетъ»...

— Растетъ оно!!.. взвизгнула мать раздирающимъ душу голосомъ.—Вонъ они какіе маненькіе! выговорила она въ совершенномъ отчаяніи, и упала опять на могилу.

V.

Вдовья заботы.

Разъ вечеромъ старушонки сидѣли у воротъ. Ионихѣ захотѣлось посмотриѣть на городскую улочку. Улицы нашихъ городовъ въ лѣтній вечеръ полны народу;—все гуляетъ или сидитъ у воротъ. Вдали показалась старуха съ посошкомъ и вѣтомочкой.

— А смотри, Ионовна, ровно Чудиха наша, братъ?

— А и въ самъ помахиваетъ на Сидорову?

— Поди она?..

— Она и есть! Ахъ ты наше красное солнышко, свиной распекъ, откуда тебя несетъ?

— Изъ Кеева, матынька, примехонько отъ угодниковъ; къ тебѣ вотъ ползла, Семеновна, отдохнуть.

— Милости просимъ.

— А ты какъ здѣсь очутилась, какъ мѣдный грошъ? спросила странница Юниху.

— А ты ужь пойдешь въ избу-то, и неспрашивай!

Старухи вошли въ избу.

— Приѣхала вотъ меня съ сиротками провѣдать, матушка Сидоровна, проговорила плачевнымъ голосомъ вдова.

— Ой-ли?

— Да; Господь по душу послалъ моего-то.

— Господи Иисусе!.. да какже это?

— Да такъ, мать моя, померъ совсѣмъ...

— Владычица Казанская! да какже это померъ-то; давно?

— Нѣтъ, не давно, матушка, шесть недѣлюшекъ еще не вышло.

— Микола милосливый!—и сиротокъ тебѣ оставилъ?

— И сиротокъ, матушка Сидоровна, что съ нимъ будешь дѣлать?

— Господи Иисусе! да какже теперича съ сиротками-то?

— Да также, матушка; сидимъ да горюемъ.

— Вотъ какъ, матынька, и Павла Кузьмича нашего не стало! Экое чудушко-то, а?

И Сидоровна, вздыхая начала снимать свои тряпичныя вериги: сумочки, котомочки до дорожный мѣшечекъ съ буракомъ.

— Благословилъ что-ли дѣтокъ-то? начинается Сидоровна свои допросы.

— Благословилъ, Сидоровна, какъ ужь безъ этого.

— Ну, а какже, мать моя, благословлялъ-то онъ ихъ: весело, али скучалъ, родимый?

— Какое, матушка, веселье! Предчувствовала, знать, тоже душенька кончинушку; такъ самъ и попросился: «благословить, говорить, хочу.»

— Са-амъ?

— Самъ, матушка Сидоровна, самъ.

— Экое чудо, такъ и благословилъ?

— Такъ взялъ да и благословилъ, матушка, обоихъ.

— Ну-ко, сядько, матка, да расскажи мнѣ: какъ онъ, мой золотой, благословлялъ-то ихъ?

— Ну, такъ знаешь вотъ: лежалъ онъ у меня тутъ въ сѣнцахъ; я такъ иконку-то поднесла къ нему, а онъ вотъ этакъ-то перекрестился да и принялъ ее матушку на ручки.

— Перекрестился? а, а, а? Владычица!..

— Да, мать моя, перекрестился и приложился. Я знаешь подвела вонъ Васю-то,—сама дрожу таково; а онъ и наднесъ этакъ иконку-то да и поставилъ ее крестъ на крестъ на головку-то.

— И поставилъ? а, а, а? Микола милосливый! Ну?

— Ну, такъ и благословилъ его; и молитовку самъ прочиталъ.—«Приложись», говорить.

— Значить съ языкомъ былъ, матка, до конца?

— Съ языкомъ, матушка, съ языкомъ, до самой кончинушки съ языкомъ.

— Ну слава-те Господи! А я ужь думала не благословилъ? Грѣхъ-отъ бы еще на душеньку какой!

И вдова еще должна была разъ другой поплакать отъ разпросовъ новой собесѣдницы и утѣшительницы.

— Ну, вотъ,—начинаетъ опять плавно и степенно таково Марфуша: этакъ-то онъ теперича сидитъ, мой батюшка, въ субботушку со мной.—«Воскресенье, говорить, завтра Христово, затепли-ко мнѣ, говорить, свѣчичку, да поди сюда на постелюшку, побесѣдуемъ съ тобой?»

— На постелюшку? а, а, а?

— Да, такъ и сказалъ, матушка Сидоровна. Ну, я знаешь, этакъ-то подсѣла на краишекъ, а онъ и взялъ меня за руку.

— Взялъ?

— Да, матушка Сидоровна, взялъ да и говорить: вотъ что, говорить, я тебѣ хотѣлъ сказать... Вотъ, баринъ, говорить, хотѣлъ мнѣ одного-то отпустить на волю...

— А, а, а! гляди-тко, голубчикъ, голубчикъ!.. бредить вишь сталъ?

— Нѣтъ, матушка Сидоровна, не бредилъ онъ, а на самомъ дѣлѣ такъ было дѣло—такъ и обѣщался баринъ-отъ.

— Обѣщался? Благыица! неужели, матка, обѣщался?—

— Да, Сидоровна, и отпустилъ ужь мнѣ старшинькаго-то.

— Отпустилъ? а, а, а! Вотъ чудо-то!

— Отпустилъ, матушка, совсѣмъ, и вольная ужь дана.

— Ну, слава тебѣ, Господи! Ну какже оно тово... matka было, а ты расскажи!.. Это вотъ больно умилительно слушать конецъ-оть...

— Ну, вотъ онъ мой золотой голубчикъ сидитъ такъ-то насупротивъ, какъ ты вотъ теперича, да и говорить: котораго говорить мнѣ сдѣлать счастливымъ?

— Гляди-тко ты, а! такъ и сказалъ?

— Такъ и сказалъ, родная: котораго говорить? у меня, знаешь, этакъ-то ноги ходенемъ и заходили—испужалась я, крѣпко больно; сижу да думаю: что я ему, голубчику, скажу?

— Да, да! что говорить матушка! Чего ужь тутъ скажешь окромѣ молитвы? — молитву только сотворить.

Сидориха въ этомъ мѣстѣ перекрестилась, а Марфуша съ подробностями начала рассказывать гостьѣ, какъ умиралъ мужъ, какъ посѣтилъ ихъ баринъ. Сидоровна слушала, дивилась чу-душкамъ и продолжала допрашивать всю подноготную, обра-дываясь повременамъ къ Іонихѣ.

— А ты слуу-шай-ко, глухая, не перебивай! Чудеса-то вѣдь какія рассказываетъ, а!.. Самъ вишь все обдумалъ, человѣкъ доподлинно палата-голова. Вотъ за это Господь и сподобилъ его христіанской коңчинушки...

И Сидоровна окончательно успокоилась и въ третій разъ помянула покойнаго Павла. Спросила только кстатн: въ какой день умиралъ? кричалъ или не кричалъ передъ кончинушкой? И получивъ отвѣтъ, что покойникъ былъ тихъ какъ овечка, при смертномъ часѣ, Сидоровна успокоила вдову, что душенька Кузьмича по мытарствамъ ходить не станетъ никакимъ образомъ: «по этому самому, что здѣсь ужь намтарствовался человѣкъ — шутка сказать: отъ самаго крещенья до страды все лежалъ, не вставаючи съ постелюшки!»

Сидоровна въ этотъ день понедѣльничала, поэтому обстоятельству вмѣсто молочка съѣла только луковку и отжаловавшись окончательно, что разломилъ спинушку, — улеглась. Сдѣ-

лаза только одинъ вопросъ на сонъ грядущій: гдѣ положить покойника, а получивъ отвѣтъ, что его положили рядышкомъ съ племянницей ея Фитиньей Роговной сквозь дрему пробурчала: «ну, это слава Богу!»

— «Вольному, знать, воля, — ходячему путь», — заключила Иониха, надъ спящей Сидоровной. — Никакъ и намъ отдохнуть?

— А что, matka, забыла я тебя вчера спросить, заговорила Сидоровна, открывая утромъ глаза, крестикъ-отъ поставили-ли покойнику? Изъ ума вонъ вышелъ у меня крестикъ-отъ вчера.

Но когда Сидоровна узнала, что нѣтъ, еще не поставили, то это обстоятельство, такъ мучило ее цѣлый день, что она впросто охала, какъ больная.

— Эко грѣхъ-отъ какой, мать моя, крестикъ-то, а?.. шутка сказать: покойникъ легъ безъ креста! да какъ вѣдь это грѣшно-то, кабы ты знала?..

— Да мы, дѣвка Иониха, съ тобой уже сами закатимся къ этимъ вертопрахамъ! Да какъ это маять человѣка безъ креста? что ужъ это такое?..

— Выставить надо крестикъ на могилу! . подхватываетъ Ионовна.

Словомъ вдвоемъ они принялись усердно хлопотать о крестикѣ. Работники Богдана Иваныча просто не смѣли носу показать на улицу, не только пробраться мимо съ удочкой: непременно Иониха или Чудиха высовывалась въ окно и кричала рыболову: крестикъ-отъ, батюшка, покойникъ дожидается! — Ну, рыболовы, почувствовавъ наконецъ, что такъ надобѣдаетъ имъ самъ покойникъ, посоветились и сдѣлали крестъ. А Сидоровна въ это время успѣла уже разокъ сходить съ Семеновной на могилки; сказала ей въ утѣшеніе: «въ бѣдѣ не унывай, на Бога уповай,» и опросила ее кругомъ: какъ хоронили, да что говорили, плакали-ли или не плакали, больно или не больно, что дѣлали знакомки ея Афросимовна и Онисимовна, ходили-ли они на могилки? и пр.—словомъ не было упущено ни малѣйшаго обстоятельства. И когда Сидоровна окончательно убѣдилась, что безъ нее тутъ никакого большаго грѣха не случилось: и въ гробу покурили, и правую

ручку покойнику сложили, и образокъ въ церковь поставили,—она перешла на кануны да сорокоусты, и окончательно допросила вдову: подано-ли было сорокъ ломтиковъ милостыни, да не общитались-ли, не подали-ли только тридцать девять? — это опять грѣхъ великій! Поминаютъ-ли покойника дѣтки на сонъ грядущій?—да непременно на ночь;—утромъ еще не такъ грѣшно, можно и не помянуть иной разъ, а на ночь, не помянуть—это великій грѣхъ и покойнику приключится тоска!—«А ты сама-то, matka, какъ его больше поминаешь: по утрамъ что-ли, али по ночамъ?» спрашиваетъ еще Сидоровна вдову и совѣтуетъ ей непременно вспоминать мужа покойника тоже по ночамъ.

А тутъ еще такъ жалостливо и благочестиво подбавитъ Сидоровна: «что хозьяинъ въ дому, все единственно, что Адамъ въ раю». И что безъ хозьяина домъ примѣрно теперича,—что «церковь безъ попа». И опять пойдутъ утѣшительныя соболязнованія о покойникѣ, вдовѣ и сиротахъ ея.

А вотъ и Левушка-балагуръ принесъ вѣсть Семеновнѣ отъ сосѣдей, что завтра покойнику ея будетъ готовъ крестъ.—Онъ ужь, говорить, и сегодня готовъ, да тамъ что-то еще маленько не совсѣмъ вишь готовъ, а завтра будетъ совсѣмъ!

Эта вѣсть надѣлала опять сильныхъ хлопотъ старухамъ. Практическая Іониха цѣлый день толковала о томъ: когда лучше, утромъ, или вечеркомъ отнести крестъ на кладбище? и даже рѣшила, поэтому случаю: «пожалуй говорить, я сама сброжу съ дядюшкой Вавилой на могилки». А религіозная Сидоровна настаивала на одномъ: что на крестѣ непременно слѣдуетъ выставить надпись: — «Кто же безъ надписанія помянетъ человекъ? Сами вы посудите?» говорить онъ съ жаромъ Іонихѣ и вдовѣ.—«Какже помянешь его душеньку, когда на крестѣ не будетъ прописано крещенаго имени? Какъ же теперь узнаемъ, кто тутъ лежитъ? сами вы-посудите. Ну, а надпись совсѣмъ дѣло другое: — по надписи можно узнать теперича, что хошь въ свѣтѣ» и т. д. И остановилась только на томъ: на кого бы ей напасть: «кто бы прописалъ ей хороше ничко мертваго на крестѣ?»

— Да вотъ я къ куму схожу, дѣвыньки, съ крестомъ-то! вскричала вдова, которую это дѣло занимало не меньше ея собесѣдницъ,—къ дьячку Парамонычу!—Онъ чай мастеръ на этотъ счетъ? Онъ поди знаетъ: какъ по мертвому-то пишутъ.

— Ну, когда ужъ чай не знаетъ Парамонычъ, чего еще!.. Кабы взялся только, а то матушка, это вышло бы больно хорошо.

— Ахъ мать моя, да отчего это не взяться ему? Это дѣло такое церковное, за это онъ возмется.

— А я ему ячекъ десяточекъ хошь отнесу, съ первоначалу-то—задобрить, ну, а тамъ ужъ коли на то поидеть, деньжонокъ что-ли...

— Ну, за крестикъ-отъ чай, много-то не возьметъ?— Безъ крестика, дѣвка, грѣхъ; ставь ты его ради-христа поскорѣе.
Молчаніе.

— Вотъ теперъ нѣкъ и сходить къ дьячку съ яичками-то. Что-то онъ мнѣ скажетъ?

— Сходи-ко, matka, сходи, чего еще ждять. Напишетъ чай?

— Сюда что-ли придетъ, али туда велить его притащить?

— Ну, тамъ ужъ какъ ему угодно,—а ты сходи!

Парамонычъ велѣлъ крестъ притащить къ себѣ и продержалъ его еще три недѣли: то у него краски не доставало, то кисточки не хватало, то нужны были еще какія-то справочки.

За справочками этими Парамонычъ повадился ходить къ Семеновнѣ.

— Здорово, matka! говоритъ онъ обыкновенно Семеновнѣ безъ церемоніи: ну-тко, напои меня кваскомъ, а нѣтъ, такъ молочкомъ, не осержусь! Вотъ шелъ да зашелъ,—жарища такая, Господь съ ней, просто мочи нѣтъ. Думаю: дай-ко зайду къ старухѣ: молочишкомъ отдуеть.

Марфуша принесетъ цѣлую крынку молока. Парамонычъ приложится, какъ теленокъ, и только крикнетъ на половинѣ.

— А ты погоди, мать моя, не утаскивай; я вотъ отдохну, да еще примахну,—пріударю во всѣ.

— А что крестикъ-отъ, Парамонычъ? спроситъ тихо Семеновна, задобривъ дьячка.

— Да вотъ я съ крестикомъ-то и пришелъ спросить тебя: какъ писать-то не знаю?

— Ну, коли ты не знаешь, батюшка, кому ужъ и звать-то по-божески какъ не тебѣ:— это по вашему, по церковному,— подхватываетъ Ионовна.

— Да ты, баушка, по церковному-то меня не учи: на церковномъ-то я самъ собаку съѣлъ. Я не объ этомъ теперича, а вотъ какой казусъ со мной приключился: это-то я все прописалъ: «подъ симъ крестомъ» тамъ... «покоится»... и пр.— да вотъ штука-то въ чемъ: кто покоится? какъ его звали-то? Думалъ, думалъ, да и забылъ!

— Павелъ, батюшка, Кузьмичъ, отецъ!

— Ну, вотъ и дѣлу конецъ! вотъ мы такъ теперича и писемъ его.— Бумажка-то есть что-ли у тебя? записать бы, а то пожалуй забудешь опять?.. память-то у меня дѣвушкина.

Мареуша побѣжитъ за Васей и у этого дѣловаго человѣка отыщетъ бумажки, а пожалуй еще и чернильницу съ плесенью въ барскомъ кабинетѣ, и запишутъ на бумажку Павла Кузьмича, дворецкаго, съ которымъ Парамонычъ лѣтъ двадцать сидѣлъ рядкомъ въ лакейской и разнохивалъ табачекъ, да только забылъ спросить, какъ зовутъ дворецкаго.

— Прозвище пожалуй, я выпишу ему крупными азами? Какъ у него прозвище-то?

— Да какъ ему прозвище-то—постой-ко?.. «Оглашенный», кажись?

— Экъ его, какое промыслилъ, прозвище-то! А ты другаго какого поищи,—нѣтъ-ли? Это ужъ больно не ладно на крестъ-отъ?

— Чего, батюшка, искать? этакъ его всѣ и звали. Посмѣются бывало маленько съ первоначалу-то, а тамъ и пойдетъ опять за «оглашеннаго».

— Ну, это, матка, на крестъ не годится!— это просто ругань какая-то человѣческая?

— Какже теперича, отецъ? значить, нельзя ему поставить крестикъ-отъ съ этимъ?

— Съ этимъ не годится! отвѣтилъ дьячекъ рѣшительно и серьезно.

— А какъ же годится-то, батюшка, наставь ты меня?

— Да какъ годится-то?—поставлю вотъ просто Кузьмичъ! вотъ и прозвище. Кличутъ же у насъ вонъ просто воинвоъ по батюшкѣ, да нечего: откликаются и идутъ, куда ведутъ. Это у насъ только вонъ въ семинаріяхъ ухищряются такъ надъ человѣкомъ.

— Такъ Кузьмича-то ужь поставь, сдѣлай милость, не забудь.

— Ладно, ладно старуха, Кузьмича поставлю—не забуду! И Парамонычъ допьеть молоко и уйдетъ.

Старушки иной разъ бесѣдуютъ подъ вечерокъ и тиха ихъ задушевная бесѣда, льющаяся, какъ ручеекъ. Сидоровна распространится о томъ, какъ она бѣжала весь послѣдній денекъ и больно ужь захотѣлось ей къ Семеновнѣ отдохнуть.

— Ухъ!... Раздается изъ окна, такъ что старушонки отскочатъ .

— Кой тамъ лѣшій! вскрикнетъ нетерпѣливо горячая Семениха,—и поговорить-то по душѣ не дадутъ.

— А это я! миръ честной компаніи! — И въ окно всунется опять дьячекъ Парамонычъ.

— Прости, батюшка, не въ домекъ, не видала, — засеменишь Семеновна.

— Ну, ладно, ничего! А каково я ухнулъ?—Зайти что-ли?

— Милости просимъ.

— А ну-тко, мать, молочка-то? больно молоко-то твое хорошо глотку всю перехватило: все ораль.

Семеновна броситъ бесѣдушку по душѣ и уйдетъ за молокомъ.

— Али помѣшалъ, баушка?

— А ничего касатикъ; вечеръ-то длиненъ, еще наговоримся.

— А гдѣ это пѣнье ангельское, у насъ что-ли? спрашиваетъ дьячекъ, подслушавъ послѣднія слова разговора.

— Въ Ксеевъ? отецъ! отвѣчаетъ не совсѣмъ довольная Сидоровна, которой помѣшали.

— А въ Кіевѣ. А я думалъ у насъ!

— Нѣтъ; въ Кеевѣ, кормилецъ!

— Въ какомъ же это тамъ мѣстѣ?

— Да тутъ на Угорьѣ, какъ подымешься на горку, на лѣвую-то ручку, стоитъ женскій монастырь; мудроно таково прозванье-то ево; — золотая маковка на церквѣ...

— А знаю, это *ставропигія*, кажется?..

— Такъ кажись, батюшка, звали-то ее, не знаю вѣдь я, отецъ, по вашему-то, по книжному.

— Да, ставропигія,— я знаю!

И вовсе не зналъ Парамонычъ, что за штука такая ставропигія; просто ему хотѣлось блеснуть своею ученостью передъ Сидоровной.

— А что же крестикъ-то мнѣ, батюшка? спросить Семеновна.

— Да признаться, я съ крестикомъ-то и забрелъ опять; съ нимъ все вожусь, мать! писать-то какъ не знаю?

— Да чего ужъ писать-то, отецъ: чай ужъ все-то ему прописалъ?

— Ну вотъ, то-то и есть, все да не все. Я вѣдь, мать, человекъ-то акуратный, люблю, чтобъ у меня все было толково. Рапъ-то я, братъ, написалъ — знаю, что онъ рапъ, да какой: крѣпостной, или вольный? Вотъ тутъ-то и заковычка вышла?

— Какой, отецъ, вольный? барскій онъ былъ.

— Ну, то-то барскій. Я вотъ на барскомъ-то и сбился совсѣмъ: я вотъ, знаешь, читалъ это псалтырь по мертвомъ у твоего покойника, да и слушалъ все, а вы сзади бормотали о какой-то волѣ; мнѣ и втемяшилось въ голову, — думаю теперича: не его ли ужъ отпустили покойника? Такъ это у меня и засѣло въ головѣ.

— Нѣтъ, батюшка Парамонычъ, вотъ *этого* тогда отпустили на волю! Марфуша указала на вольнаго Васю.

— А! ну теперь я смѣкаю, а тогда, братъ старуха, не раскусилъ.

— Когда же совсѣмъ будетъ готовъ крестикъ-отъ?

— Да приходи, хошь завтра; денегъ только больше песи,— вотъ и будетъ готовъ.

— Да гдѣ мнѣ, батюшка, денегъ-то много взять?

— Изъ корчаги.

— Какія ужь у меня корчаги безъ мужа-то?

— Ну да, виляй хвостомъ-то: знаю я вашего брата. А копни-го иную, такъ смотришь и звякнетъ мошонка-то.

— Какія у нее деньги, косатикъ, вступится Юниха, а ты такъ писни...

— Таа-къ? какъ бы не такъ! зудкая какая! На широмыгу?.. Ну ты давай!..

— Да я бы не жалѣючи дала Павлу Кузьмичу, да у меня нѣту теперича, вѣрь Христу Богу!

— Э, да вы всѣ тутъ, знать кто изъ-подъ борка, кто изъ подъ сосенки, значить и толковать съ вами много нечего. Дунуть вотъ еще молочишка, да и къ домамъ!..

И дубоватый Парамонычъ, послѣ своихъ поклонныхъ шуточекъ,— ушелъ. А крестъ и завтра остался не готовъ: были какіе-то богатые похороны купца, гдѣ Парамонычъ читалъ трое сутокъ безъ отдыху и не показывался.

Черезъ недѣлю онъ еще разъ пришелъ.

— Ну, теперь, мать, давай больше молока въ послѣдній разъ. Лихой я тебѣ крестище навалялъ: красными словами!

Семеновна поклонилась; собесѣдницы перекрестились?

— Только вотъ покойника-то не помянули, это скверно, блинцами ты меня не кормишь, это не подобаетъ.

— А милости прошу, хошь завтра: я тебѣ пухленькихъ напеку—съ пылку, съ огонечка.—Кстати-же суббота.

— Ну, нѣтъ, братъ, завтра дудки! Завтра у меня своя родительская:—безъ твоихъ будетъ прорва цѣлая! Принеси коль хошь на погостъ, такъ я тамъ у просвирни помяну, пожалуй,—хвачу блинокъ другой.

— Да на погостѣ ужь какіе, свѣтъ, блины;—холодны будутъ чай? здѣсь-бы горячннкихъ, со сковородки,—подбавила заманчивая Юниха.

— Э? прямо значить?—Ну, ладно! Винцомъ попочуете?

— Ну, пожалуй, ужь купимъ,—выговорила кисковато вдова.

— А я тебя съ обновкой проздравлю. Славный, братъ, вышелъ крестъ,—веселый такой! Слѣпой можетъ читать: такіе знатные я тебѣ азы выворотилъ,—въ четверть, ей богу!

— А что, батюшка, ты вымаралъ что-ли мнѣ новорожденнаго-то Петра? подѣхала ласково Іониха.

— Вымаралъ, баушка, вымаралъ совѣмъ!

— А поминаньеце-то у тебя что-ли, али въ церкви?

— А тамъ гдѣ-то, въ церкви валяется.

— Не затеряется?

— Ну, куда это ему затеряться-то? поль-оть каменный, чай не провалится скрозь.

— Сохрани его Господи! подбавляетъ Чудиха: въ немъ души покойницкіе, куда еще имъ провалиться?

— Ты ужь мнѣ, батюшка, приставай тоже новопредставленнаго Павла, подѣхала опять Іониха.

— Пожалуй приставаю; а гривну когда?..

— Принесу косатикъ.

— Ну, то-то принесу: безъ гривны ничего не приставаю.

Къ чести Парамоныча я долженъ здѣсь сказать, что блиновъ онъ ѣсть не приходилъ, вѣрно забылъ или пошутилъ; молочка и ерофеяча больше не просилъ; новопредставленнаго Іонихѣ приставилъ даромъ, а крестъ за какой-то пятакъ черезъ три дня дѣйствительно написалъ и такими еще огромными буквами, которыя въ самомъ дѣлѣ могъ читать, если не слѣпой, то всякій близорукой. Такъ надъ всѣмъ кладбищемъ и красовалась ею огненная надпись: «здѣсь покоится крѣпкой рапъ.»

А старухамъ опять новая забота—ставить.

— Къ тебѣ я батюшка Вавилушка, съ кресткомъ... начала Семениха.

— А что развѣ тово ужь,—готовы?

— Да, совѣмъ ужь, и прописанъ теперича, какъ слѣдываетъ быть.

— Ну, ладно, коли прописанъ, дай вотъ только поѣмъ маленько, а то ничего отташу ужо.

— По тверже ты ужь его... чтобы не упалъ кой грѣхъ,—подбавляетъ Іониха.

— Ладно закрѣплю! Чего тутъ толковать;—поглубже запущу.

— Да на всходъ ты смотри надписью-то къ церкви. А то

ужь ставить кое-какъ на могилкѣ-то грѣшно еще... подбавляеть Сидоровна.

— Ладно, и надпись ни всходь утрафлю—чего ужь!.. Васю вонъ возьму съ собой: онъ и укажетъ мнѣ, на которой сторонкѣ прописана надпись-то. По ней значитъ въ линію и тово..

— Да ужь сдѣлай милость, смотри, заключаетъ Семеновна.

Вавило дѣйствительно уставиъ крестъ дворецкаго въ ту сторону, въ которую смотрѣли прочіе кресты, — не ошибся и въ этомъ дядюшка-Вавило! И повѣяло отъ бесѣды этихъ добрыхъ дѣтей природы могилой да скукой, да той безотраднѣй тоской, которая зовется жизнію этихъ людей. Съ какими жаромъ и какими горькими слезами проговорятъ они долго еще, о томъ простомъ, немудрящемъ крестѣ, который наконецъ удалось имъ поставить надъ могилою Павла. Хлопочать эти простодушныя дѣти о вѣчной памяти того человѣка, котораго при жизни никто не поминалъ и не зналъ, а по смерти и подавно всякій забылъ! А бѣдныя ребятишки Вася и Вавя лежатъ въ колѣняхъ мамы, Іоновны или Чудихи. И видятъ они, только слезы матери, да глубокіе вздохи Іоновны да сокрушенія о грѣхахъ благочестивой Чудихи. И это — жизнь!..

А должно быть очень далеко несло могилой отъ ихъ тоскливой бесѣды, потому что запахъ могилъ и тлѣнья слышалъ даже юродивый Емельянушка. Словно изъ земли очутился опять этотъ странный человѣкъ тутъ же у воротъ барскаго дома. Но на этотъ разъ на лицѣ его не выразилось веселаго ничего. Грустно посмотрѣлъ онъ на заплаканную Марфу и съ глубокимъ вздохомъ проговорилъ только «аминь!»

Марфа испугалась нежданнаго посѣтителя, тѣмъ больше, что дѣло было къ ночи. Но, вспомнивъ что-то, она весело сказала ему.

— Ахъ, пойдѣмъ-ко, Емельянушка,—вѣдь я тебѣ подарочекъ принасла.

— Пойдемъ, пойдѣмъ, matka, домой, заговорилъ весело сумасшедшій. А мертвый тамъ есть?

— Что ты, христось съ тобой! али накликаешь еще кого? выговорила Марфа блѣднѣя, однако, сотворивъ крестное знаменіе, вошла въ чуланъ, и вынесла шинель.

— На-тко вотъ тебѣ, помяни моего Кузьмича!

Емельянушка улыбнулся.

— Бери, это тебѣ.

Дуракъ погладилъ воротникъ.

— Бери ничего! Это хорошая шинель,—барская...

— Уа! закричалъ съумасшедшій, и хохотъ его разнесся по всему барскому двору.

— Эко, Господь съ нимъ, какой блажной! проговорила въ договку Иониха.

— И чѣмъ это матушки я обидѣла его? Вѣдь не принялъ шинельку-то!

— Чудо-то, чудо-то, дѣвыньки! подивилась Чудиха.

— Эхъ ты, matka Семениха, добавилъ въ заключеніе Левушка-балагуръ,—и не знаетъ дарить-то кому! Подари-ко мнѣ: я такъ вотъ помяну твоего покойника!

И въ тотъ вечеръ Левушка, развеселая-головушка заложилъ шинель въ дерябу, и возвратясь оттуда въ припляску, съ какимъ-то горькимъ укоромъ сказалъ самому себѣ: «И помянуть-то не съумѣлъ покойника,— эхъ, т-ты, шутъ гороховый!»

Г. Потапкинъ.

БОЛѢЗНИ ЧУВСТВУЮЩАГО ОРГАНИЗМА.

I.

Явленія, извѣстныя подъ именемъ экзальтаціи, меланхолии, сумасшествія и т. п., не составляютъ отдѣльных и исключительныхъ фактовъ въ жизни народовъ, а вытекаютъ прямо изъ общаго характера ихъ соціальнаго положенія. Въ исторіи не мало встрѣчается такихъ мрачныхъ эпохъ, когда упадокъ умственныхъ силъ общества близко граничилъ съ полнѣйшимъ сумасшествіемъ, когда нормальныя отправленія мозга и здравыя понятія были величайшей рѣдкостію среди повальнаго тупоумія. Въ такомъ болѣзненномъ состояніи находился древній Римъ въ эпоху своего паденія. Тацитъ очень метко называетъ эти времена горячечнымъ бредомъ, въ которомъ дѣйствительная жизнь уступила мѣсто какому-то тяжелому сновидѣнію; въ головѣ людей все спуталось до такой степени, что всемірная имперія скорѣе походила на домъ умалишенныхъ, чѣмъ на правильно-организованное государство. Причина этого явленія заключалась въ огромной суммѣ страданій, пережитыхъ гражданами Рима и оступѣвшихъ подъ вліяніемъ всевозможныхъ общественныхъ золъ. Тому же обстоятельству одолжены своимъ происхожденіемъ нивѣншіи идиотизмъ и кретинизмъ въ долинахъ Шамуни и Аосты. Крестовые походы противъ альбигойцевъ, каторговъ, со всѣми ужасами звѣрства и насмія; кровавые инквизиціонные суды и тысячи погибшихъ жертвъ; общее возбужденное состояніе, вызванное этими преслѣдованіями; страхи, заботы, оскорбленіе и униженіе, испытанные побѣжденными и наконецъ постоянная подавленность духа,

въ какой находились несчастные въ теченіе почти трехъ столѣтій, обезобразили людей и создали ту скудоумную и болѣзненную породу, которая составляетъ переходную форму отъ человѣка къ животному. Конечно не этого хотѣли сильные люди. Многие изъ нихъ имѣли самыя чистыя и благородныя намѣренія; а въ результатѣ между тѣмъ явился кретинизмъ и идиотизмъ.

Факты подобнаго рода составляютъ самое обыкновенное явленіе въ исторіи и чтобы судить правильно о характерѣ и умѣ какого либо народа нужно знать, что терпѣлъ его чувствующій организмъ въ былые года, какіе ужасы и нравственныя потрясенія пришлось ему пережить, и что затупляло его мысль и чувство.

Вопросы этого рода при всей ихъ важности, только въ последнее время начали обращать на себя вниманіе и сдѣлались предметомъ серьезнаго изученія. Болѣзни чувствующаго организма и какъ слѣдствіе ихъ — расстройство ума; экзальтаціи отдѣльныхъ лицъ или цѣлыхъ массъ населенія, особенности умственнаго состоянія людей думающихъ и чувствующихъ, повидному, нормально; постепенные, едва замѣтные переходы изъ одной степени ума въ другую; обстоятельства, влияющія вредно или полезно на умственную дѣятельность народовъ — вотъ тѣ вопросы, безъ знанія которыхъ въ наше время не можетъ обойтись ни одинъ частный человѣкъ и ни одинъ общественный дѣятель, если они имѣютъ притязаніе на образованность.

Переходъ отъ ума къ безумію совершается та къ просто, постепенно и легко; а временное восторженное состояніе, въ видѣ экзальтаціи, составляетъ такое обыкновенное явленіе въ жизни отдѣльныхъ лицъ и цѣлыхъ массъ или слоевъ общества, что никто не можетъ считать себя застрахованнымъ отъ него. Къ сожалѣнію исторія до сихъ поръ представляетъ факты такого рода, когда именно подобныя экзальтаціи встрѣчали наиболѣе сильное и жестокое преслѣдованіе. Въ средніе вѣка, напримѣръ, преобладала преимущественно религіозная экзальтація массъ, возбужденная собственно преслѣдованіями. При этомъ врачвый, кровавый и беспощадный фанатизмъ служителей римскаго престола и преданныхъ ему людей, видѣвшихъ во всемъ ересь, грѣхъ, связь съ пачистой силою, отличался всеми признаками сильнаго пораженія мозговой дѣятельности. Времена, повидному, измѣнились, энергія казней ослабла, религіозное преслѣдованіе уже не существуетъ, по крайней мѣрѣ въ своей прежней кровавой видѣ; но 19 вѣкъ если и не сожигаетъ людей, тѣмъ не менѣе представляетъ явленія аналогическія, когда нравственный экстазъ, созданный

стремленіями другаго рода, встрѣчаетъ такое же энергическое сопротивленіе, довольно мрачнаго характера, какое испытывали энтузіасты средних вѣковъ.

Прежде всего я буду говорить о тѣхъ болѣзненныхъ формахъ односторонняго мышленія, которыя называются сьумасшествіемъ въ строгомъ смыслѣ, а за тѣмъ перейду къ окончательнымъ формамъ, встрѣчающимся въ жизни здоровыхъ или почти здоровыхъ людей, и которыхъ не можеть избѣгнуть и не избѣгаетъ почти ни одинъ человѣкъ въ своей жизни, какъ бы онъ ни былъ, повидямому, далекъ отъ настоящаго помѣшательства.

II.

Прежде чѣмъ говорить о частныхъ формахъ болѣзненнаго состоянія чувствующаго организма, сдѣлаю нѣсколько общихъ замѣчаній.

Особенности психическихъ болѣзней заключаются въ томъ, что больные или совсѣмъ не чувствуютъ ни малѣйшаго физическаго разстройства или оно представляется имъ въ преувеличенномъ видѣ. Такъ въ нѣкоторыхъ видахъ безумія, именно въ сьумасшествіи больные чувствуютъ не только полное здоровье, но даже избытокъ силы. Тоже самое замѣчается и при мозговыхъ болѣзняхъ, напримѣръ въ воспаленіи мозга или въ тифѣ, когда больной, спрошенный о своемъ здоровьѣ въ минуты самаго сильнаго страданія, отвѣчаетъ, что ему совершенно хорошо и даже старается увѣрить въ этомъ различными способами. Сьумасшедшіе же, если усумнятся въ ихъ увѣреніи, нерѣдко сердятся и приводятъ въ доказательство своего здоровья свой превосходный аппетитъ и силу.

Въ другихъ формахъ безумія замѣчается противное. У ипохондриковъ слишкомъ усиленное чувство болѣзненности составляетъ главную основу ихъ помѣшательства.

Чаще другихъ встрѣчаются примѣры, когда сьумасшедшій думаетъ, что онъ превратился въ животное, именно въ волка, что онъ рыскаетъ по лѣсу и разрываетъ и пожираетъ дѣтей. Точно также часты случаи, когда больной считаетъ себя мертвымъ, а свое мѣсто принадлежащимъ другому. Такъ одинъ солдатъ считалъ себя мертвымъ со времени Аустерлицкой битвы, гдѣ онъ былъ тяжело рѣненъ. Если его спрашивали о здоровьѣ, онъ отвѣчалъ: «вы спрашиваете, какъ поживаетъ дядя Лам-

беръ? Но въдъ дяди Ламбера уже болѣе нѣтъ, пушечное ядро убрало его подъ Аустерлицомъ. Что вы видите здѣсь; это не онъ, а плохо поддѣланная подъ него машина; сдѣлайте другую.» — Когда онъ говорилъ о себѣ, то никогда не говорилъ я, а всегда *это*. — Одному эпилептическому юношѣ всѣ его члены и все тѣло казались такъ необычайно велики, что онъ считалъ совершенно невозможнымъ пройти въ дверь.

Нѣкоторые больные, у которыхъ половина тѣла ослабла или сдѣлалась совершенно безчувственной, думаютъ, что они состоятъ изъ двухъ лицъ, или что рядомъ съ ними лежитъ въ постели другой человекъ или даже покойникъ.

Очень часто замѣчается у съумасшедшихъ совершенная нечувствительность къ боли, особенно перѣдка нечувствительность кожи у меланхоликовъ и ипохондриковъ.

Такъ въ Бисетрѣ (съумасшедшій домъ близъ Парижа) одинъ больной, когда никого не было въ его комнатѣ, приложилъ свою голову къ раскаленной до красна желѣзной печкѣ, а руку засунулъ въ самый огонь. На сильный запахъ, распространившійся отъ этой остроумной выдумки, прибѣжали люди; больной былъ совершенно спокоенъ и равнодушенъ, какъ будто бы съ нимъ ничего не случилось и не показывалъ ни малѣйшаго признака боли, хотя его рука сгорѣла до самыхъ костей. Другой меланхоликъ вздумалъ предать себя самосожженію, и не смотря на то, что его ноги, бедра и заднія мягкія части обуглились до костей, онъ былъ совершенно веселъ и доволенъ собой. Меланхолики переносятъ очень часто изувѣченіе безъ всякихъ признаковъ боли.

У меланхоликовъ замѣчается еще и другаго рода ослабленіе чувствительности. Они жалуются часто: «я смотрю, слушаю, чувствую, по предметы не достигаютъ до меня, я не могу принять впечатлѣній, точно будто бы между мной и вѣдшимъ міромъ находится стѣна.»

Въ Экстазѣ вмѣстѣ съ ослабѣвшей, или совершенно изчезнувшей, вѣдшей чувствительностью, замѣчается сильное внутреннее сосредоточеніе извѣстныхъ представлений, чувствъ, изображеній.

Но наиболѣе важныя обманы чувствъ, встрѣчающіяся почти у всѣхъ больныхъ, составляютъ галлюцинаціи и иллюзіи.

Подъ галлюцинаціями понимають субъективныя, т. е. самимъ больнымъ созданныя изображенія или предметы, которыя онъ переноситъ внѣ себя и принимаетъ за дѣйствительно существующія.

Такимъ образомъ, если больной бѣлой горячкой видитъ мышей, кошекъ, когда ихъ нѣтъ подлѣ него, это будетъ галлюцинація.

Иллюзія же есть ошибочное представленіе дѣйствительно существующаго. Иллюзіей будетъ,—если кто нибудь, глядя на блестящее облако, приметъ его за дракона, или незнакомаго, вошедшаго въ комнату, за своего стараго друга. Сюда же слѣдуетъ причислить фальшивое значеніе, придаваемое дѣйствительнымъ страданіямъ. Эскороль приводитъ случай, гдѣ сумасшедшій, у котораго болѣло колѣно, колотилъ по немъ кулакомъ и постоянно говорилъ при этомъ: «подожди чудовище, ты отъ меня не уйдешь».

Галлюцинаціи бывають со всѣми чувствами. У нѣкоторыхъ больныхъ являются галлюцинаціи то зрѣнія, то слуха, то вкуса, то обонянія или чувствительности кожи.

Галлюцинаціи не есть пустая мечта; онѣ дѣйствительныя ощущенія; больной видитъ, слышитъ, обоняетъ въ дѣйствительности, а не думаетъ, что онъ видитъ или слышитъ. Если убѣждать больнаго въ томъ, что это обманъ чувствъ, то убѣжденія не ведутъ ни къ чему и больной отвѣчаетъ обыкновенно, въ такомъ родѣ: «я слышу голоса, потому что я ихъ слышу. Какъ они возникаютъ—я того не знаю; но они для меня также ясны, какъ вашъ голосъ (больной говорилъ со своимъ докторомъ). Если я долженъ вѣрить въ дѣйствительность того, что вы говорите теперь со мной, то вы должны оставить меня вѣрить и въ дѣйствительность говорящихъ со мной голосовъ, потому что, то и другое, я чувствую совершенно въ одинаковой степени».

Поэтому-то галлюцинаціи слуха приводятъ больныхъ къ разнымъ насиліямъ, напр. къ убійству, или къ мести за услышанную брань. Наибольшее число преступленій, сдѣланныхъ безумными, бывали слѣдствіемъ галлюцинацій, и подобные обманы чувствъ очень часты, потому что изъ 100 сумасшедшихъ 80 галлюциантовъ. Юноша Штапсъ, хотѣвшій убить Наполеона I, въ Шенбрунѣ, видѣлъ генія Германіи, который приказалъ ему освободить отечество.

Галлюцинаціи составляютъ какъ бы овеществленіе мыслей больнаго въ вѣдшихъ впечатлѣніяхъ: больной слышитъ и видитъ то, что онъ думаетъ. Одинъ меланхоликъ отвѣтилъ Эскоролю, когда тотъ убѣждалъ его въ ошибочности его представленій, слѣдующее:—«Думаете ли вы, докторъ, иногда?—Разумѣется.—Прекрасно; вы думаете совершенно тихо; а я—я думаю вслухъ».

Галлюцинаціонное состояніе не рѣдкое явленіе и въ обыкновенной

жизни; оно часто бывает у людей вовсе непомѣшанных; наприимѣръ галлюцинаціи являются во снѣ, въ опьяненіи, при головокруженіи. Кромѣ того онѣ бываютъ и у людей, пользующихся вполне здравымъ разсудкомъ. Извѣстный книгопродавецъ въ Берлинѣ, Николай, видѣлъ два мѣсяца сряду, и совершенно ясно, сотни лицъ живыхъ и мертвыхъ, которые двигались, говорили между собой и съ нимъ. И опытъ показалъ, что подобныя галлюцинаціи являются именно у людей весьма развитыхъ, умныхъ, съ сильнымъ воображеніемъ. Такъ галлюцинаціи имѣли Тассо, Гёте, Вальтеръ-Скоттъ, Жанъ Поль, Бенвенуто-Челлини, Паскаль, Спиноза, Тальма. Послѣдній могъ дѣлать по произволу, что вся театральная публика казалась ему со сцены скелетами.

Къ подобнымъ явленіямъ здоровый человѣкъ относится или какъ спокойный наблюдатель, вполне понимая ихъ субъективность, какъ напр. Николай; или же, они принимаютъ галлюцинаціи за дѣйствительныя явленія духовъ, домовыхъ, людей и т. п.

Многіе факты галлюцинацій, у людей, повидимому, вполне здоровыхъ, показываютъ, какъ далеко могутъ простираться подобные обманы чувствъ. Напр. одинъ господинъ, въ полномъ цвѣтѣ лѣтъ и совершенно здоровый, посѣтилъ разъ своего сосѣда. Только что онъ отворилъ дверь, какъ мимо его проскользнула женщина въ бѣломъ платьѣ, за ней другая, а потомъ и третья, и, какъ только онъ хотѣлъ схватить послѣднюю, она исчезла.—Вскорѣ послѣ этого тотъ же господинъ шелъ по парку и увидѣлъ множество ословъ, которые паслись. Ему захотѣлось похлопать одного по спинѣ и онъ былъ очень удивленъ, когда рука его повисла въ воздухѣ. Онъ повторилъ нѣсколько разъ тотъ же самый опытъ и постоянно напрасно.—Явленія привидѣній, разныхъ духовъ злыхъ и добрыхъ у Спиритовъ объясняются, вполне галлюцинаціей чувствъ.

Но, чтобы могли явиться галлюцинаціи, необходимы извѣстныя, ближайшія причины. Мѣстомъ возникновенія всѣхъ галлюцинаціонныхъ представленій служить головной мозгъ и развѣтвляющіеся изъ него нервы чувствъ, и потому понятно, что извѣстныя мѣстныя болѣзни, или поврежденіе мозга, служатъ источникомъ подобнаго помѣшательства. Точно также производитъ галлюцинаціи или благоприятствуетъ имъ сильное умственное или физическое истощеніе. Одна госпожа, у которой была свята часть черепа, и до мозга которой дотронулись разъ довольно сильно, закричала, что она видитъ многія тысячи свѣчей. Солдаты Наполеоновой арміи, истощенные лишеніями и холодами въ московскій походъ 12-го года, видѣли разныя видѣнія, то веселыя, то печальныя.

Мучительныя видѣнія политическаго писателя Бацко возникли путемъ органическихъ страданій. Такъ, разъ во время писанія онъ почувствовалъ, что ему давить что-то ляжки; посмотрѣвъ вокругъ, онъ увидѣлъ подлѣ себя темно-желтаго ефіопа, который грозилъ отрубить ему голову, и когда Бацко хотѣлъ его оттолкнуть, то ефіопъ сжалъ ему крѣпко верхнюю часть руки. Въ другой разъ, лежа въ постели, онъ увидѣлъ подлѣ себя исполинскаго негра съ свиной головой. Или, онъ видѣлъ, какъ громадная змѣя ползла по его комнатѣ, обвилась около его ноги и положила къ нему на колѣни голову, такъ что ему казалось, что онъ чувствуетъ ея жало.— Обманы чувствъ бывають обыкновенно неприятнаго и страшнаго характера при болѣзни печени.

Подобныя галлюцинаціи могутъ имѣть иногда и коллективный характеръ, т. е. одно и тоже явленіе представляется сразу многимъ. Явленіе это объясняется общимъ ужасомъ и возбужденіемъ суевѣрной боязни. Въ каждой исторической хроникѣ можно найти подобныя же свидѣтельства. Кромѣ того галлюцинаціи могутъ быть вызваны сильнымъ утомленіемъ, тѣснотою помѣщенія, вредными, заразительными испареніями, чему такъ часто подвергаются военные, особенно во время походовъ. Одинъ французскій батальонъ, измученный ходьбой и голодомъ, пришелъ въ калабрійскій городъ Тропеа и расположился на ночлегъ въ пустомъ аббатствѣ, слишкомъ тѣсномъ для такого большого числа людей. Въ полночь солдаты вскочили съ ужаснымъ крикомъ со сна, увѣрая, что въ аббатствѣ чортъ; что онъ въ видѣ огромной черной собаки вошелъ въ одну дверь, пробѣжалъ по солдатамъ и исчезъ въ другую. На вторую ночь повторилась таже сцена; но полковникъ и докторъ, оставшіеся на караулѣ, не видѣли рѣшительно ничего. Сильная физическая боль, напр. пытка, создаетъ также галлюцинаціи.

Обманъ чувствъ можетъ быть вызванъ разными ядовитыми препаратами изъ гашиша, белладоны, дурмана. Было даже время, когда искусственное возбужденіе галлюцинацій и иллюзій служило предметомъ изученія. Существовали многочисленныя мази, куренья и втиранья, которыми возбуждались по желанію галлюцинаціонныя явленія въѣдмъ; а тѣ, кто считалъ себя въѣдмами, выпивъ извѣстный напитокъ уносились въ міръ фантазій и видѣній, гдѣ они танцовали съ лѣшими и всякой нечистой сволочью или мирно проводили съ ними время въ остроумной бесѣдѣ.

Извѣстная восточная секта, навѣдывшая ужасъ на крестоносцевъ, — ассасины или гашишьяны, — сдѣлалась страшною, благодаря гашишу. Приготовленіе изъ него напитка составляло тайну только немногихъ

посвященныхъ, остальнымъ, низшимъ, давали его, чтобы привести ихъ въ состояніе галлюцинаціи; видѣнія были такъ пріятны и наслажденіе такъ велико, что каждый ассасинъ, изъ низшихъ, рѣшался на всякое безразсудное дѣло, на всякое ужасное злодѣяніе, когда только давали ему общаніе или надежду доставить еще разъ это небесное блаженство.

Содержаніе или предметъ галлюцинаціи бываетъ вообще согласенъ съ направлениемъ мыслей и стремленій того, кто имъ подвергается. Меланхолику слышится брань, угрозы или голоса, побуждающіе его на какое нибудь ужасное, отвратительное дѣло; съумасшедшій видитъ или слышитъ то, чѣмъ заняты его мысли, сообразно тому воображаетъ ли онъ себя всесвѣтнымъ императоромъ, или великимъ полководцемъ, или челоѡкомъ, сдѣланнымъ изъ масла, или представляетъ себѣ землю въ видѣ стекляннаго шара.

Иногда галлюцинаціи служатъ выраженіемъ укора совѣсти; такъ Карла IX преслѣдовалъ, въ минуты уединенія, крикъ и рыданія убитыхъ имъ гугенотовъ.

Въ положеніи сильнаго расслабленія, послѣ продолжительной тяжелой болѣзни, или незадолго до смерти, послѣ изнурительныхъ тяжелыхъ страданій, замѣчаются часто пріятныя, блестящія галлюцинаціи. Умиравшимъ услаждаются ихъ послѣднія минуты очень часто образами или голосами существъ ими любимыхъ. Сынъ Людовика XVI въ минуты смерти говорилъ: «музыка тамъ на верху такъ хороша»; потомъ онъ вдругъ закричалъ: «я слышу голосъ моей матери». За этимъ послѣдовало продолжительное молчаніе, потомъ еще разъ веселыя представленія и—послѣдній вздохъ. Пріятныя галлюцинаціи бывають обыкновенно въ послѣднія минуты у больныхъ грудью, чахоточныхъ.

Извѣстныя органическія состоянія — голодь, жажда, раздраженіе половыхъ органовъ,—способствуютъ въ высшей степени появленію представленій аналогическаго свойства. Такъ, умирающій съ голоду, въ послѣднія минуты своего безумія видитъ роскошный столъ; умирающій отъ жажды—слышитъ журчаніе ручьевъ или звукъ воды, бьющей фонтаномъ. Путешественники, истомленные зноемъ и лишениями, и особенно жаждой, въ продолжительномъ странствованіи по пустынѣ, видятъ роскошныя, зеленые оазисы, свѣтлые источники, тѣнистыя дуга. Все это только галлюцинаціи, соответствующія желаніямъ и стремленіямъ истомленнаго, погибающаго организма.

Точно также и другія особенныя состоянія организма производять свои спеціальныя галлюцинаціи. Въ бѣлой горячкѣ, отъ пьянства боль-

ному являются разные звѣри: мыши, крысы, пауки, птицы большею частью чернаго цвѣта. Очень часто представляются такимъ большимъ и большіе звѣри: лошади, собаки, нерѣдко даже цѣлыми стадами. Одинъ большой видѣль «цѣлый миллионъ быковъ».

Галлюцинаціи, создаваемые дурманомъ, белладонной и въ особенности гашишемъ, имѣютъ свои совершенно особенныя спеціальности. Другія вещества производятъ точно также свое особенное дѣйствіе. Вдыханіе водороднаго газа вызываетъ привидѣнія и мертвецовъ; при вдыханіи сѣрнаго эфира и хлороформа, человѣкъ уносится воображеніемъ въ воздушныя пространства; азотистая окись вызываетъ ощущеніе гармоническихъ звуковъ и располагаетъ человѣка къ радостному душевному настроенію; отъ белладонны является двойное зрѣніе и всѣ предметы представляются въ увеличенномъ видѣ; при употребленіи гашиша является ощущеніе совершеннаго счастья и полнаго довольства, сопровождаемое копулятивнымъ смѣхомъ; вмѣстѣ съ тѣмъ развивается особенно сильно чувство собственнаго достоинства.

Употребленіе подобныхъ веществъ для возбужденія разнородныхъ галлюцинацій извѣстно было еще въ глубокой древности.

Плиній и Теофрастъ говорятъ о жидовской вишнѣ или можжухѣ (*Physalis samnifera*), одна драхма которой, принятая внутрь, приводила человѣка въ восхищеніе и рисовала ему прекраснѣйшія картины; отъ двухъ драхмъ являлось уже бѣшенство; отъ трехъ — неизлечимое бѣшеное безуміе; отъ четырехъ — смерть.

Плиній въ своей натуральной исторіи описываетъ два растенія — аконтъ или медвѣжья лапа (*Aglaophotis*), которой римскіе кудесники вызывали изображенія боговъ и *Achaemenis*, растеніе золотаго или янтарнаго цвѣта, безъ листьевъ, котораго корни, нарѣзанные въ шарики и выпитые днемъ съ виномъ, вызывали ночью картины ада и мучили грѣшника до того ужаснѣйшими видѣніями, что онъ сознавался въ своихъ преступленіяхъ. Это же растеніе называлось еще и *Hipporhobas* т. е. лошадинымъ страхомъ, потому что его боялись особенно кобылы.

Гассенди сообщаетъ объ одномъ пастухѣ изъ Прованса, который впалъ въ экстазъ, если ѣлъ не много дурмана. Чуди рассказываетъ объ авдскихъ индѣйцахъ, что если они хотятъ вступить въ непосредственное сношеніе съ своими умершими родственниками и друзьями, то ѣдятъ *Datura sanguinea*. Они называютъ его могильнымъ растеніемъ, потому что оно открываетъ тайны могилъ.

При приѣмѣ гашиша и подобныхъ наркотическихъ веществъ огромное

число впечатлѣній смѣняютъ одно другое въ одно мгновеніе, и это мгновеніе кажется какъ бы цѣлымъ столѣтіемъ. Сюда принадлежитъ небесное путешествіе Магомета, созданное гашишемъ. Путешествіе это, по вѣсьмъ семи небесамъ и обратно, было такъ быстро, что постель на которой спалъ пророкъ не успѣла еще простыть и вода, изъ опрокинутой Магометомъ кружки, не успѣла вытечь.

Въ галлюцинаціяхъ различаютъ: галлюцинаціи зрѣнія или видѣнія, принадлежащія къ числу самыхъ обыкновенныхъ. Очень часты случаи, когда больные видятъ огонь или цѣлыя массы свѣта. Молодые сумасшедшіе, особенно женщины, видятъ часто пожары домовъ своихъ родителей или другихъ зданій, и галлюцинаціи эти продолжаются не рѣдко до самой смерти, такъ что послѣднимъ словомъ умирающей бываетъ: «огонь, огонь!»

Галлюцинаціи слуха рѣже видѣній. Онѣ замѣчаются чаще у меланхоликовъ и больныхъ безуміемъ; у первыхъ они даютъ поводъ къ припадкамъ бѣшенства, и показываютъ сильное страданіе мозга. Больнымъ кажется, что голоса выходятъ то издали, то вблизи, то изъ земли, изъ мебели, а иногда даже и изъ ихъ собственнаго тѣла. Иногда онѣ продолжаются непрерывно, такъ что больной приходитъ наконецъ въ отчаяніе. Нерѣдко голоса побуждаютъ больныхъ на разныя нецѣлости и странности, а иногда на поступки весьма опасные.

Одинъ молодой человѣкъ послѣ припадка безумія не произносилъ шесть мѣсяцевъ ни одного слова, не сдѣлалъ ни одного произвольнаго движенія и только разъ бросилъ бутылку въ голову сторожа. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ больной выздоровѣлъ. Когда его спросили, зачѣмъ онъ бросилъ бутылку, онъ отвѣтилъ, что слышалъ голосъ, который ему сказалъ: «если ты убьешь кого нибудь, то выздоровѣешь». Но я не убилъ того, въ кого кидалъ, продолжалъ онъ, слѣдовательно моя судьба измѣниться не могла, и я лежалъ неподвижно и не говоря ни слова, потому что тотъ же самый голосъ говорилъ не переставая «если ты пошевелишься, то умрешь», и я—не шевелился».

Другой больной слышалъ въ каждомъ деревѣ, къ которому онъ приближался, звуки, слова и фразы; экипажи и подковы лошадей сообщали ему цѣлыя исторіи; свиньи, собаки, куры, пѣтухи, гуси и утки все это говорило или отдѣльныя слова, или цѣлыя фразы или даже рассказы. Каждый ударъ кузнечнаго молота, каждое движеніе мѣховъ создавало множество именъ, словъ или фразъ, «даже перо, которымъ я пишу, говорилъ больной, издаетъ отдѣльные тоны, слова и рѣчи».

Случается часто, что больные, находясь совершенно одни, танцуют въ тактъ. Если спросить такого больного, какъ это онъ танцуетъ безъ музыканта, то онъ указывая на голову отвѣчаетъ: «тамъ внутри сидятъ музыканты; развѣ вы не слышите какой они играютъ превосходный вальсъ?»

Галлюцинаціи обонянія еще рѣже и встрѣчаются больше въ началѣ умственного расстройства больныхъ. Это бывають обыкновенно неприятные запахи, которые слышатъ больные повсюду. Вслѣдствіе этого больные думаютъ, что они живутъ въ отравленной атмосферѣ и нѣредко въ нихъ являются постоянная боязнь отравленія и отвращеніе отъ пищи. Другимъ больнымъ кажется, что у нихъ гниютъ внутренности, потому что они слышатъ вездѣ отвратительный запахъ или запахъ трупа. Одинъ больной такого рода убѣгалъ каждаго встрѣчнаго, говоря: «я не хочу губить никого своимъ гнилымъ запахомъ.»

При особенныхъ ощущеніяхъ кожи, или внутренностей, галлюцинаціи совпадаютъ съ иллюзіями, потому что больные дѣйствительно ощущенію даютъ совсѣмъ иное значеніе. Въ началѣ ипохондрикъ говорить сравнительно напр., что ему кажется, какъ бы по кожѣ ползетъ змѣя или какъ бы лягушка сидитъ внутри; но потомъ эти образныя сравненія по мѣрѣ дальнѣйшаго развитія ипохондрии превращаются въ совершенную галлюцинацію или иллюзію и больной уже убѣжденъ вполне, что змѣя ползетъ по его тѣлу, что у него на сердцѣ лежитъ камень, что собака пьетъ у него въ головѣ воду и т. д. Одинъ больной, у котораго былъ зудъ на спинѣ, увѣрялъ, что у него сзади скребетъ заяцъ, а потомъ онъ уже сталъ видѣть этого зайца бѣгающимъ.

Во многихъ случаяхъ ненормальныя ощущенія кожи или внутренностей принимаются за присутствіе нечистой силы, или какъ дѣйствіе вѣдъ или враждебныхъ силъ, чужаго магнетизма и т. п.

Одинъ больной, строгій католикъ, имѣвшій частыя, тяжелыя, головныя боли, увѣрялъ: что его враги протестанты сжимаютъ его черепъ мяквизионнымъ прессомъ и описывалъ эту машину весьма подробно. У другихъ отъ мѣстныхъ болей кожи является убѣжденіе, что ихъ бьютъ, держатъ за руки, связываютъ и т. д.

Необыкновенныя аномаліи ощущеній въ нижней части живота порождаютъ часто у больныхъ мысли о томъ, что у нихъ въ желудкѣ поселился чортъ. Одинъ молодой человекъ увѣрялъ, что чортъ въ гнѣвѣ и въ злобѣ пробѣгалъ къ нему внутрь черезъ горло; другой за-

тыкалъ себѣ на ночь ноздри, потому что ему ползуть въ носъ злокачественные черви.

Вообще галлюцинаціи и иллюзіи имѣютъ чрезвычайно разнообразный характеръ; они соотвѣтствуютъ всѣмъ чувствамъ и могутъ принимать формы на столько прихотливыя, на сколько достаеиъ силы у человѣческаго воображенія. Чтобы имѣть галлюцинаціи и иллюзіи совсѣмъ не нужно быть настоящимъ сумасшедшимъ и различіе безумнаго въ этомъ отношеніи опредѣляется тѣмъ, что для перваго міръ галлюцинацій есть нормальная форма существованія, а для здороваго они являются въ видѣ случайныхъ обстоятельствъ, впрочемъ довольно обыкновенныхъ въ жизни каждаго человѣка.

III.

Каждый можетъ легко составить себѣ весьма ясное представленіе о состояніи сумасшествія, такъ какъ оно имѣетъ чрезвычайно много общаго съ тѣмъ положеніемъ чувствующаго организма, въ которомъ находится человѣкъ во время сновидѣній, или при сильномъ раздраженіи головного мозга и нервовъ въ опьяненіи.

Во время сна разумокъ прекращаетъ свою дѣятельность; представленіе времени и пространства исчезаетъ и предъ нами возникаетъ совершенно новая жизнь. Прежде чѣмъ человѣкъ заснетъ вполнѣ, т. е. въ полудремотномъ состояніи, ему начинаютъ уже представляться разные образы и картины, совершенно независимо отъ его воли. Прекрасные, идеальные образы смѣняются безобразными каррикатурами въ какой-то фантазмагоріи; засыпающій, то чувствуетъ, что онъ совершенно отдѣлился отъ земли и унесся въ пространство, то быстро несется или падаетъ внизъ; тѣло для него какъ будто бы не существуетъ и вся жизнь его сосредоточивается въ фантастическомъ, неземномъ мірѣ. Передъ пробужденіемъ являются подобныя же ощущенія, и прежде чѣмъ человѣкъ проснется вполнѣ, и чувствами и мыслями вступить въ окружающую его жизнь, онъ уносится далеко въ міръ фантазій и переживаетъ нную жизнь иногда совершенно непохожую на его дѣйствительность.

И языкъ соннаго совсѣмъ не тотъ, что языкъ человѣка бодрствующаго. Въ немногія мгновенія мы переживаемъ нѣсколько ощущеній и мыслей, въ короткое время сновидѣнія мы испытаемъ, выскажемъ и сдѣлаемъ столько, для выраженія чего на обыкновенномъ языкѣ недостаю бы иногда цѣлаго дня, и даже болѣе.

Сонъ бываетъ то совершенно ясенъ, какъ дѣйствительность, то смутенъ, наполненъ противорѣчїями и дикими представленїями. То мы испытываемъ неземное наслажденїе, то смертельныя муки и страданїя совершенно намъ незнакомыя въ обыкновенной жизни. Сонъ нерѣдко измѣняетъ человѣку, обнаруживая его тайны, или является тайнымъ судомъ и укоромъ совѣсти спящаго.

«Когда мы не спимъ, говоритъ Давидсонъ, мы имѣемъ всѣ одинъ общїй мїръ, во снѣ же у каждаго свой особенный.»

Замѣчательно, что человѣкъ дѣлаетъ иногда во снѣ то, чего онъ не могъ бы сдѣлать на яву. Вольтеръ сочинилъ во снѣ одну пѣснь въ Генриадѣ совершенно иначе, чѣмъ она была у него написана ранѣе; Кребильонъ и Массильонъ писали въ припадкѣ сомнамбулизма значительныя сочиненїя; Тартини написалъ во снѣ свою знаменитую чертову сонату, надъ которой онъ трудился напрасно нѣсколько мѣсяцевъ. Сардини придумалъ во снѣ теорїю флажолетныхъ тоновъ; Маньякъ разрѣшалъ во снѣ трудныя математическія задачи.

Сомнамбулизмъ, въ припадкѣ котораго дѣлались многія подобныя вещи, потерялъ уже нынче многое изъ своей прежней чудесности. Обыкновенно мы удивляемся тому, къ чему мало привыкли. Но строго говоря, нѣтъ особенной чудесности ни въ томъ, что человѣкъ ходитъ во время сна, ни въ томъ, что онъ спитъ во время хожденїя. Никто не удивляется, что человѣкъ говоритъ во снѣ, потому что это случается ежедневно; но если человѣкъ сталъ бы во снѣ писать, то объ этомъ стали бы трубить во всѣ языки. А между тѣмъ писать гораздо легче, чѣмъ говорить. Если дѣлается одно, почему же не дѣлается другому?

Въ чемъ же, однако, заключается сходство сновидѣній съ тѣмъ состоянїемъ, въ которомъ находятся безумные?

Прежде всего это надо выслушать отъ самихъ выздоровѣвшихъ сумасшедшихъ. Они говорятъ, что все время ихъ безумїя представляется имъ какъ длинный тяжелый сонъ. Въ подобномъ же родѣ т. е. въ видѣ прїятнаго или непрїятнаго сна представляется многимъ безумнымъ и ихъ прежнее здоровое состоянїе. Далѣе, во время сна работаетъ преимущественно воображенїе; всѣ фантастическія образы и представленїя принимаются безъ всякой провѣрки, какъ вполне правдыльныя, дѣйствительно существующїя и находящїеся въ порядкѣ вещей; каждая фантазія получаетъ немедленно кровь и плоть, такъ что человѣкъ, какъ въ галлюцинаціи, видитъ и слышитъ дѣйствительныя лица, по-

этому сонъ есть галлюцинаціонное состояніе, въ которомъ наши мысли представляются намъ въ видѣ чувственныхъ предметовъ. Это будетъ еще понятнѣе, если обратить вниманіе на то, что всѣ вещества, производящія галлюцинаціи, какъ гашишъ, опій, эфиръ, белладонна, дурманъ, составляютъ вмѣстѣ съ тѣмъ средства для произведенія искусственнаго сна. Следовательно совершенно, въ порядкѣ, что производя сонъ, они вызываютъ вмѣстѣ съ тѣмъ и его спутника—сновидѣніе.

Ослабленіе дѣятельности внѣшнихъ чувствъ, потеря сознанія и неподвижность тѣла приближаютъ сонное состояніе къ экстазу. Очень часто спящій слышитъ, какъ его зовутъ и хотѣлъ бы отвѣчать; но голосъ не повинуется ему и мускулы отказываются служить. Подобное состояніе очень обыкновенно въ меланхоліи.—Или, какъ часто мы хотѣли бы бѣжать отъ нападѣній или ужасовъ, грозящихъ намъ во снѣ, или защищаться отъ нихъ; но руки, ноги и все тѣло рѣшительно не хотятъ насъ слушаться, потому что мы потеряли власть надъ своими мускулами. Тоже бываетъ и въ нѣкоторыхъ видахъ меланхоліи и въ экстазѣ.

Главнѣйшее сходство имѣетъ съумасшествіе съ полудремотнымъ состояніемъ. У дѣтей, особенно въ легкихъ болѣзняхъ, замѣчается, что они хотя и спятъ, но говорятъ, напр. узнаютъ мать, понимаютъ ее, отвѣчаютъ и въ тоже время продолжаютъ спать и видѣть сонъ и никакъ не могутъ отдѣлаться особенно отъ неприятныхъ грезъ.—Появленію иллюзій способствуетъ особенно то переходное состояніе, въ которомъ находится человѣкъ между полнымъ сномъ и бодрствованіемъ.

Наблюденія показываютъ, что галлюцинаціи, какъ болѣзнь, начинаются очень часто во снѣ, и что сонъ, превращенный въ дѣйствіе и являющійся при малыхъ промежуткахъ времени, какъ лунатизмъ, при большихъ становится помѣшательствомъ.

Сонъ, какъ и помѣшательство, получаетъ свой цвѣтъ, характеръ и содержаніе для фантастическихъ представленій въ господствующемъ настроеніи человѣка. Сонный не получаетъ своихъ впечатлѣній извнѣ, потому что его чувства притуплены, глаза его не видятъ, носъ не обоняетъ, уши не слышатъ; но всѣ образы создаются въ немъ его внутреннимъ нервнымъ существомъ, согласно общему настроенію его чувствующаго организма. Совершенно тоже самое происходитъ и въ сумныхъ.

Во снѣ, какъ и въ безуміи, всевозможныя субъективныя чувства преобразуются въ внѣшнія представленія (галлюцинаціи) обыкновенно

драматической формы. И какъ безумный представляетъ себя и свое сознание очень часто въ ошибочномъ видѣ, тоже самое бываетъ и во снѣ. Многія вещи, которыя мы знаемъ отлично кажутся намъ совершенно не знакомыми; мы напрасно пытаемся разрѣшать интересующіе насъ вопросы и не можемъ; тогда мы создаемъ себѣ другое лицо, влагаемъ отвѣты въ уста этого другаго, споримъ съ нимъ и часто бываемъ имъ убѣждены—и оба эти диспутирующія лица заключаются въ одномъ нашемъ собственномъ я. Наше воображеніе измѣняетъ во снѣ не только нашу индивидуальность, но и индивидуальности всѣхъ остальныхъ предметовъ. Оно соединяетъ многіе города въ одинъ, заставляетъ животныхъ говорить, и все это кажется намъ въ порядкѣ вещей.

Тѣлесныя ощущенія даютъ обыкновенно во снѣ поводъ къ преувеличеннымъ представленіямъ, соответствующимъ однако вполнѣ самимъ ощущеніямъ. Незначительное препятствіе къ свободному положенію тѣла или давленіе на грудь, руки, ноги создаютъ картины ужасовъ, битвы, смертоубійства, казни, разныхъ видовъ опасности. Жаръ въ ногахъ вызываетъ представленіе о какомъ нибудь путешествіи по раскаленнымъ пескамъ или огнедышащимъ горамъ или истомленіе отъ сильной ходьбы. Тяжелое дыханіе производитъ боязливое чувство и дѣлаетъ страшныя исторіи или трагическія сцены; въ которыхъ сонный играетъ, разумѣется, главную роль. Это состояніе соннаго чрезвычайно близко къ состоянію меланхолика. И сонный и меланхоликъ теряютъ сознание личнаго я—или частью, или вполнѣ—и всѣ картины, созданныя ихъ воображеніемъ, принимаютъ за дѣйствительныя. Въ обоихъ случаяхъ рассудокъ работаетъ не такъ: у соннаго онъ подавленъ, а у меланхолика сбить съ пути галлюцинаціями.

Во снѣ представляются обыкновенно всякія странности и невозможности и величайшія безсмыслицы служатъ предметомъ серьезныхъ заботъ и размышленій. Иногда сонный разрѣшаетъ какую нибудь трудную научную проблему, разрѣшить ее вполнѣ и доволенъ какъ великій открытіемъ; но проснувшись находитъ, что его великое открытіе совершенная чухъ. Также самое бываетъ и у помѣшанныхъ. Съумасшедшій придумаетъ напр. *perpetuum mobile* или подобную же невозможную штуку и совершенно счастливый носится съ своимъ изобрѣтеніемъ какъ съ кладомъ, а потомъ, выздоровѣвъ, удивляется, какъ это онъ не могъ понять раѣе, что несъ чепуху.

Многіе сны бываютъ такъ ясны, въ особенности передъ пробужденіемъ, что видѣнія продолжаются даже тогда, когда человекъ проснулся совершенно. Спиноза, проснувшись разъ уже среди бѣлаго дня, видѣлъ свой сонъ на яву. Въ особенности преслѣдовалъ его черный, отвратительный бразилецъ. Когда Спиноза устанавливалъ глаза на книгу или на другой предметъ, бразилецъ большею частью исчезалъ; но какъ только онъ отводилъ глаза, бразилецъ являлся опять въ первоначальной своей ясности.

Утренніе сны, вслѣдствіе ихъ ясности, принимаются нерѣдко за дѣйствительность и люди воображаютъ, что видѣнное во снѣ они видѣли на яву. Суевѣрные принимаютъ подобныя сны за предназначенія съ того свѣта, за явленіе духовъ и т. д.

Содержаніе сновъ зависитъ обыкновенно отъ послѣднихъ впечатлѣній и представленій, съ которыми человекъ погруженъ въ сонъ. Тоже самое замѣчено и у сумасшедшихъ, у которыхъ темой болѣзненныхъ представленій служить именно то, что занимало ихъ особенно сильно предъ самымъ помѣшательствомъ. Это обстоятельство дало между прочимъ поводъ думать, будто бы идеи, около которыхъ вращаются мысли больного, были причиной помѣшательства, тогда какъ въ дѣйствительности ихъ роль совершенно случайная.

Въ 1848 году, когда политика занимала все умы, многимъ казалось, что она была причиной усилившихся помѣшательствъ. Это ошибочно. Флеммингъ приводитъ примѣры того, какъ люди, занимавшіеся охотой предъ самымъ помѣшательствомъ, въ припадкѣ безумія носились долгое время въ охотничьемъ мѣрѣ. Одинъ больной, читавшій предъ болѣзнь путешествіе на Гималай, сдѣлалъ изъ него центральный пунктъ, около котораго вращалась его фантазія. Тоже самое бываетъ и у больныхъ горячками. Такъ одинъ тифозный въ послѣднее время своего здороваго состоянія читалъ о крымской войнѣ и въ припадкахъ болѣзни все его мысли вертѣлись около прочитанныхъ имъ событій. Скульпторъ Давиелеръ, также Леонардо-де-Винчи, Гвидо Рени и другіе обыкновенно видѣли во снѣ тѣ личности или фигуры, которыя они хотѣли изобразить и которыми было занато ихъ воображеніе.

Люди, страдающіе физически или нравственно, видятъ большею частью во снѣ то, чѣмъ не пользуются въ дѣйствительности. Счастье, довольство, богатство убаюкиваютъ бѣдняка и проснувшись тѣмъ же бѣднякомъ, какимъ заснулъ, онъ всеми силами желаетъ, чтобы снова видѣніе

продолжалось. Понятно, почему люди, живущіе среди лишеній, любятъ одурять себя виномъ, или почему восточный рабъ такъ счастливъ, когда ему удастся достать кусочекъ опиума, и погрузиться въ сонъ полныхъ отрадныхъ видѣній.

Какъ бѣдный видитъ во снѣ бочки золота, какъ человѣкъ, лишившійся тѣхъ, кого онъ любитъ, видитъ дорогіе для него образы, такъ точно сѣумасшедшій создаетъ себѣ міръ пріятныхъ ощущеній и картинъ, вызывающихъ въ немъ счастье и довольство. Человѣкъ, помѣшавшійся отъ потери состоянія, воображаетъ себя богачемъ, думаетъ что онъ владѣетъ горами золота; мать, лишившаяся любимаго дитяти, создаетъ себѣ новое дитя и носится съ полѣномъ или съ соломенной чучелой; обманутая дѣвушка считаетъ себя любимой нѣжно, искренно и т. д.

Другія явленія сна и безумія идутъ точно также параллельно. Больные и спящіе теряютъ всякое чувство мѣры; цѣлые года проживаются во снѣ иногда въ нѣсколько минутъ; усыпленные сѣрными эфиромъ или хлороформомъ воображаютъ, что они пережили въ какіе нибудь четверть часа десятки лѣтъ. Во снѣ проявляются въ насъ тѣ же страсти, возбужденія и состоянія, какія вызываетъ въ насъ и действительность; мы смѣемся во снѣ отъ радости, плачемъ съ гора. Тоже самое бываетъ и въ состояніи безумія. Наконецъ, подготовленное уже разстройство организма переходитъ очень часто во снѣ, вслѣдствіе какого нибудь сновидѣнія, въ настоящее помѣшательство. И переходъ отъ сѣумасшествія къ здоровью имѣетъ совершенное сходство съ пробужденіемъ отъ сна. Во многихъ случаяхъ выздоровленіе совершается внезапно, или же у сѣумасшедшаго исчезаютъ фальшивыя представленія постепенно. Тоже самое происходитъ и съ соннымъ, который освобождается послѣдовательно или болѣе или менѣе быстро отъ своихъ фантастическихъ сонныхъ образовъ. Замѣчательно, что больные, бывшіе цѣлые года сѣумасшедшими, передъ самой смертію получаютъ иногда внезапно левость разума и чувства, точно будто бы они проснулись отъ такъ-какъ продолжительнаго сна.

Горячечное состояніе есть уже полное помѣшательство, отличающееся отъ безумія не въ своей сущности, а только продолжительностью. Многие горячечные, особенно молодые люди, видятъ разные фантастическіе образы. Тоже самое и въ озаой горячкѣ, въ которой галлюцинаціи развиваются въ такой степени, что всякая фантазія больного кажется ему полной действительностью. Больной, напримѣръ, гоняется

по комнатѣ за воображаемыми мышами; онъ смотритъ въ окно и описываетъ подробно погребальную процессію, которой нѣтъ; онъ видитъ на себѣ пауковъ, или ему кажется, что пчелы летятъ къ нему въ ротъ; онъ кашляетъ, выплевываетъ ихъ, гонитъ васъ изъ комнаты.

Причины всего этого лежатъ въ особенномъ состояніи и въ измѣненіяхъ дѣятельности мозга, этого основнаго источника нашихъ чувствъ и представлений. Малѣйшее нарушение въ его дѣятельности производитъ головную боль, головокруженіе, бессонницу, а болѣе сильныя ведутъ къ помѣшательству, къ галлюцинаціямъ и т. п. Правда, что вскрытіе череповъ и изслѣдованіе мозговъ помѣшанныхъ не показываетъ, болѣе частью, никакого измѣненія въ ихъ состояніи; но при этомъ не нужно упускать изъ виду, что какихъ нибудь грубыхъ перемѣнъ и ожидать не слѣдуетъ, и что для нарушенія правильнаго отправленія мозга совершенно достаточно самаго легкаго количественнаго или качественного измѣненія въ его питаніи или въ притоки крови; въ этомъ можетъ удостовѣриться каждый, кому приходится видѣть сны, или кому случается предаваться съ любовью служенію бахусу.

IV. .

Обстоятельства, располагающія къ разстройству умственныхъ способностей, бываютъ или внѣшнія и къ нимъ причисляютъ: національность, климатъ, время года, полъ, возрастъ; или личныя: наследственность, воспитаніе, сложеніе, характеръ, вредныя привычки.

Кто имѣетъ личное расположеніе къ разстройству мозга, тотъ, разумѣется, легко можетъ подвергнуться помѣшательству; но за то люди не имѣющие такого расположенія переносятъ безъ вреда даже самыя тяжелыя житейскія столкновенія и неудачи. Здѣсь повторяется тоже, что и вообще въ жизни, — что выносить сильный, того не выносить слабый.

Въ числѣ общихъ предрасполагающихъ обстоятельствъ первое мѣсто занимаетъ національность, какъ совокупность многихъ разнообразныхъ вліяній и особенностей, именно: климата, плодородія страны, главныхъ занятій народонаселенія, степени цивилизаціи и матеріальнаго благосостоянія, общественной нравственности, прежней судьбы народа, — все это дѣйствуетъ вмѣстѣ при выработкѣ извѣстныхъ національныхъ особенностей, которыя потомъ и передаются изъ поколѣнія въ поколѣніе.

Очевидно, что совокупности таких сильных факторов, и то или другое их взаимное отношение должно обнаруживать и обнаруживает большое влияние на образование и развитие известных душевных состояний и болѣзней чувствующаго организма; но къ сожалѣнію вопросъ этотъ, какъ слишкомъ обширный, до сихъ не могъ быть еще въ точности разсѣдованъ и по своей запутанности, и по недостатку статистическихъ данныхъ.

Вообще слѣдуетъ замѣтить, что никакая національность, никакой возрастъ, полъ, родъ занятій или сложение не представляютъ безусловной гарантіи противъ душевныхъ болѣзней, хотя несомнѣнно; что нѣкоторыя страны, возрасты или состоянія представляютъ сравнительно большее число больныхъ.

Относительно національности замѣчено, что на востокѣ болѣзни чувствующаго организма являются рѣже, чѣмъ въ цивилизованной Европѣ. Впрочемъ вѣроятно многіе сумасшедшіе не поступали въ общій счетъ, потому что числа для сравненія брались изъ свѣдѣній сумасшедшихъ домовъ. Но не смотря и на эти пропуски и на болѣе полныя данныя новѣйшаго времени число больныхъ оказывается на востокѣ все-таки сравнительно менше.

По свѣдѣніяхъ Пруннеръ-Беа на 300,000 жителей Каира приходится 70 сумасшедшихъ, и изъ нихъ многіе принадлежатъ сосѣднимъ мѣстностямъ. Въ Иерусалимѣ въ то же время (1854) было найдено только 2, въ Александріи тоже 2 безумныхъ, при населеніи перваго въ 20,000 и второй въ 50,000. Въ Мальтѣ въ 1836 г. приходился 1 сумасшедшій на 800 человекъ; во Франціи и въ Голландіи приходится 1 на 1,000 жителей; въ Австріи на 10,000 жит. 8 сумасшедшихъ; въ Ирландіи 1 на 700 ч., а въ Соединенныхъ американскихъ штатахъ 1 на 4—500 жит. Въ Германіи въ 1852 г. содержалось въ сумасшедшихъ домахъ 12,000 больныхъ.

По мѣрѣ развитія цивилизаціи увеличивается число больныхъ душевными болѣзнями, потому что индустрія, искусство, знанія возбуждаютъ большую мозговую дѣятельность и число подобныхъ людей постоянно увеличивается. Кроме того большая тонокость въ умственныхъ и тѣлесныхъ наслажденіяхъ возбуждаютъ раздраженіе и страсти, каковыхъ не знаютъ люди въ полудикомъ быту. Развитіе разныхъ честолюбивыхъ стремленій промышленнаго, политическаго и вообще національнаго характера и тѣхъ требованій, которыя пылливый умъ нашего времени

выставлялъ доувѣромъ XIX вѣка, во многихъ случаяхъ не находятъ себѣ не только удовлетворенія, но еще хуже—большинство пылкихъ людей не встрѣчаютъ ничего кромѣ обманутыхъ стремленій, надеждъ и ожиданій. Къ этому присоединяется еще денежная лихорадка, охватывающая всѣ сословія, но преимущественно мѣщанство; все живетъ скорѣе, все гонится горячо за прибылью и наслажденіемъ, и эта смѣсь денежныхъ и политическихъ вопросовъ, разрѣшеніе которыхъ держитъ постоянно Европу въ напряженномъ состояніи, создаетъ, разумѣется, ту чувствительность мозга и нервовъ, которыхъ не знали наши почтенные отцы и дѣды, и не знаютъ жители востока. Распутство большихъ городовъ увеличиваетъ еще больше населеніе сумасшедшихъ домовъ; въ Лондонѣ, напримѣръ, считается 150,000 пьяницъ, 36,000 воровъ и пристанодержателей и 150,000 человѣкъ обоаго пола, ведущихъ развратную жизнь. А извѣстно, что люди, истощившіеся преждевременно въ разныхъ удовольствіяхъ и наслажденіяхъ, представляемыхъ въ особенности столичной жизнью,—и число которыхъ въ городахъ увеличивается во всѣхъ сословіяхъ и находятъ себѣ ревностныхъ поклонницъ даже между женщинами;—такіе истощившіеся люди, убившіе всѣ свои силы въ безпутствѣ, пошлости и развратѣ очень легко попадаютъ наконецъ въ желтый домъ, если не умрутъ ранѣе отъ какой нибудь болѣзни, порожденной пьянствомъ и безпутствомъ. Въ такихъ городахъ приходится нѣредко 1 сумасшедшій на 300 человѣкъ, и въ Англіи въ теченіи послѣднихъ 20 лѣтъ число безумныхъ увеличилось въ девять разъ.

Народы, у которыхъ развита сильнѣе промышленность и торговля, получаютъ выгнѣсъ съ ними и большое расположеніе къ душевнымъ болѣзнямъ. Въ особенности помогаетъ этому промышленность, такъ рѣзко раздѣляющая людей на слишкомъ богатыхъ и на слишкомъ бѣдныхъ. Это несчастное распредѣленіе имущества обнаруживаетъ болѣе или менѣе прямое вліяніе на увеличеніе самоубійствъ и на увеличеніе числа страдающихъ душевными болѣзнями. Интересенъ слѣдующій фактъ, подтверждающій эту мысль:—настоящій нищій, нищій по рожденію т. е. человѣкъ съ самыми ограниченными стремленіями, съ слабо развитой чувствительностью и умственными способностями почти никогда не попадаетъ въ сумасшедшій домъ; но пролетарій т. е. человѣкъ, имѣющій ремесло, желаніе работать, исполненный чувства собственного достоинства, человѣкъ съ болѣе или менѣе высшими стремленіями и развитымъ умомъ—составляетъ весьма обыкновенное явленіе въ сумасшедшемъ до-

ид. Первый доводитъ грязью, въ которой онъ живетъ и какъ какой-нибудь турукъ или хивдонецъ не желаетъ никакихъ измѣненій, считая свое настоящее совершенно удовлетворительнымъ. Но пролетарій чело-вѣкъ другого закада;—ему нуженъ не только обезпеченный кусокъ хлѣба, но и общественныя права. Горизонтъ его широкъ, стремленія пы-лки, энергій много; но за то и разочарованіе, убивающее всякую надежду достигнуть счастья, тоже сильно въ случаѣ неудачи. Кто довольно крепкокъ тѣломъ—вынесетъ ударъ, кто нѣтъ—попадаетъ въ сумасшедшій домъ или умираетъ преждевременно. Все это отъ того, что надежды и стремленія народовъ къ счастью и благополучію сильнѣе насущныхъ средствъ добыть себѣ это счастье. Желанія не соответствуютъ еще силамъ.

Относительно пола замѣчено, что мужчины сходятъ съ ума чаще, чѣмъ женщины; впрочемъ не вездѣ. Такъ во Франціи и въ Бельгіи женщины берутъ перевѣсъ надъ мужчинами. Къ сожалѣнію, статисти-ческія данныя по этому предмету разработаны еще весьма слабо. По старымъ свѣдѣніямъ въ Германіи приходилось на 100 сумасшедшихъ мужчинъ 75 женщинъ. Такой значительный перевѣсъ мужчинъ надъ женщинами можетъ быть объясненъ частію тѣмъ, что женщина въ су-масшествіи смирнѣе мужчины, съ ней легче справиться, и потому боль-нцы женщинъ оставляютъ чаще въ семьяхъ.

Между мужчинами сходятъ съ ума болѣе холостые, чѣмъ женатые, у женщинъ же напротивъ—замужнія, и между ними наибольшее число вдовъ. Объяснять это пожалуй можно частью зависимымъ и нерѣдко весьма тяжелымъ положеніемъ женщины въ семьѣ и безпомощностью, къ каковую впадаютъ вдовы.

Хотя ни одинъ возрастъ не спасаетъ челоуѣка отъ душевныхъ болѣзней, тѣмъ не менѣе есть лѣта, въ которыхъ замѣтно преимуще-нное расположеніе къ разстройству чувствующаго организма.

Въ дѣтствѣ чаще та форма сумасшествія, которую зовутъ безуміемъ или идіотизмомъ; но и другія формы встрѣчаются тоже до зрѣлаго во-зраста. Такъ бывади случаи бѣшенства и сумасшествія у шестилѣтнихъ дѣтей. Сильное безпокойство, скитанье (ходьба) безъ цѣли, спутан-ность мыслей и особенная раздражительность развиваются въ этомъ возрастѣ нерѣдко съ такой силой, что переходятъ въ сильную умствен-ную слабость. Такія дѣти не бывають почти никогда въ покоѣ, они бол-тають много и безъ смысла, смѣются, кричатъ, не обращаютъ ни на что вниманіе; часто впадаютъ въ припадки настоящаго бѣшенства—ку-

саютъ, все бьютъ и ломаютъ. Рэмбергъ описываетъ одинъ случай подобнаго шестилѣтняго больнаго, у котораго было настоящее бѣшенство съ страстью къ разрушенію;—онъ выбѣгалъ на улицу съ ножомъ и едва можно было съ нимъ справиться. Подобные припадки бывали даже съ дѣтьми 3—4-хъ лѣтними.

Припадкамъ эпилепсіи, сомнамбулизма, пляскѣ св. Витта предшествуетъ почти всегда психическое разстройство, выражающееся въ безпричинномъ плачѣ, смѣхѣ, горячности, галлюцинаціяхъ, и такое состояніе можетъ перейти въ хроническое сьумасшествіе.

Меланхолія и ипохондрія въ дѣтскомъ возрастѣ рѣдки; но въ последнее время замѣчено однако появленіе и между дѣтьми меланхоліи, сопровождаемой чувствомъ непонятной боязни и тоски; на это указываютъ дѣтскія самоубійства. Въ Англіи изъ 5,415 случаевъ самоубійства (1852—56 г.) было 33 случая самоубійства дѣтей до 10 лѣтъ. Дюранъ-Фардель собралъ 24 примѣра самоубійствъ въ возрастѣ отъ 5 до 14 лѣтъ. Причины его довольно разнообразны, но мотивы ихъ совершенно тѣже какъ и у взрослыхъ—огорченіе, печаль, боязнь, страхъ наказанія, обманутая надежда. Одинъ мальчикъ повѣсился потому что отецъ запретилъ ему покупать векшу. Другой 9-ти лѣтній мальчикъ лишилъ себя жизни потому, что у него пропала птица; 14-ти лѣтній мальчикъ убился изъ за отверженной любви; 13-ти лѣтній ученикъ красильщика повѣсился, изъ боязни быть наказаннымъ или уволеннымъ, за 6 украденныхъ имъ копѣекъ; 5-ти лѣтнее дитя бросилось въ воду вслѣдствіе дурнаго обращенія матери.

Ближайшими причинами душевныхъ болѣзней у дѣтей служатъ или наследственное расположеніе, или дурное обращеніе и воспитаніе, возбуждающее слишкомъ сильное напряженіе мысли и чувствительности, а также и тѣлесныя поврежденія. Очень часты случаи раздраженія мозга вслѣдствіе раздраженія половыхъ частей и онанизма, который усилился нынче чрезвычайно между дѣтьми обоего пола. Слишкомъ быстрый ростъ, болѣзни, напримѣръ тифъ, корь бываютъ тоже причинами помѣшательства дѣтей.

Съ 15 до 25 лѣтъ душевныя болѣзни встрѣчаются уже гораздо чаще; у холостыхъ дѣвушекъ и мужчинъ самый опасный періодъ—время зрѣлости; а у женщинъ и женатыхъ мужчинъ—пора ихъ наиболѣе напряженной умственной и физической жизни т. е. отъ 25 до 50 лѣтъ. У мужчинъ самое опасное время отъ 20—30 лѣтъ; у женщинъ отъ

30 до 40. Съ 50 лѣтъ расположеніе къ психическимъ страданіямъ уменьшается у обоихъ половъ.

Хотя съ 50 лѣтъ расположеніе къ помѣшательству значительно уменьшается, но не прекращается совсѣмъ, и продолжается до конца человѣческой жизни; старческое слабоуміе составляетъ финаль дѣятельности чувствующаго организма.

Бывали случаи, когда мужчины и женщины впадали въ бѣшенство и въ меланхолію въ 80 и 84-хъ лѣтнемъ возрастѣ. Разумѣется, это исключеніе.

Родъ занятій обнаруживаетъ несомнѣнное вліяніе на большее или меньшее разстройство душевной дѣятельности. Но трудно сказать, какая именно спеціальность ведетъ къ тому или другому роду помѣшательства и создаетъ болѣе больныхъ, потому что наблюденія по этому предмету еще слишкомъ незначительны. Что матросы, предающіеся пьянству; бываютъ расположены къ маніи и что у нихъ является бѣлая горячка, со всѣми ея послѣдствіями, причина этого конечно лежитъ въ ихъ неустрѣнной жизни. Бѣдные сходятъ съ ума чаще, чѣмъ люди обезпеченные и высоко стоящіе. Между нищими по профессіи, — какъ было уже сказано, — съумасшедшихъ вѣтъ, что должно зависть конечно отъ ихъ полнаго равнодушія и довольства своимъ положеніемъ. Но другіе писатели утверждаютъ, что нищія-женщины составляютъ значительное населеніе съумасшедшихъ домовъ. Причину этого нужно искать въ томъ, что отжившія и истощившіяся женщины извѣстнаго сорта предаются въ послѣдствіи пьянству и попадаютъ въ заведенія для умалишенныхъ уже въ видѣ нищихъ. Не столько бѣдность, сколько прежняя ихъ жизнь и пьянство разстройваютъ ихъ нервный организмъ. Вообще замѣчено, что женщины, предающіяся разврату, кончаютъ весьма часто психическими болѣзнями.

Печальный фактъ замѣченъ въ Англіи: въ десять лѣтъ, съ 1846—56 годъ, попало въ Бэдлэжъ 110 молоденькихъ гувернантокъ и учительницъ. Нужда, ночной трудъ, изнуреніе, разныя неудачи, неудовлетворенная любовь играли въ этомъ, конечно, главную роль.

Въ тюрьмахъ соединяются наиболѣе условія благоприятныя для развитія и образованія помѣшательства, и вообще разстраивающія душевное здоровье. Сосредоточеніе на немногихъ мысляхъ, тоска, страстное стремленіе къ свободѣ, укоры совѣсти, нерѣдко дурная пища, испорченный воздухъ, недостатокъ въ движеніи — все это дѣйствуетъ весьма

разрушительно на здоровье заключенных. Между отрастными преступниками—убійцами, зажигателями, грабителями—случаи душевнаго разстройства чаще, чѣмъ между ворышками, плутами и мошенниками. Очень часто попадаютъ въ тюрьмы преступники, которые уже были значительно разстроены ранѣе,—ни одинъ уголовный преступникъ не бываетъ здоровъ совершенно,—нерѣдко даже полудураки и полубезумные; эти, конечно, сходять съ ума очень легко.

Время года имѣеть тоже замѣтное вліяніе. Весной и лѣтомъ случаи сумасшествія гораздо чаще.

Нужно обратить вниманіе также и на вліяніе мѣсяца. Люди, склонные къ мечтательности, знаютъ, какое дѣйствіе имѣеть однообразный, серебряный, неясный свѣтъ луны. Поэты своими стихами къ лунѣ—на которые въ былые годы они были очень щедры—еще поднѣе констатировали этотъ фактъ. Следовательно вліяніе луны на здоровыхъ отвергать нельзя; но оно еще сильнѣе на больныхъ, страдающихъ часто бессонницей, занятыхъ вѣчно своими особенными мыслями и живущихъ въ мірѣ галлюцинацій. Эскароль замѣтилъ, что въ лунныя ночи безумные бываютъ обыкновенно безпокойны. Онъ устранилъ это опусканіемъ на ночь шторъ.

V.

Къ личнымъ причинамъ сумасшествія принадлежатъ:

Наслѣдственность:—въ трети до четверти вѣсѣхъ случаевъ помѣшательства можно доказать съ точностью вліяніе наслѣдственности. Прирожденные наклонности къ болѣзнямъ ума и чувствъ чаще всего тамъ, гдѣ браки свершались постоянно въ кругѣ извѣстныхъ фамилій или между родственниками. Такіе браки ослабляютъ до того породу, что бромъ расположенія къ помѣшательству передаются еще пѣзъ поколѣнія въ поколѣнія, непрерывнымъ рядомъ, разными нервными, неизлечимыя болѣзани какъ эпилепсія, пляска св. Витта, каталепсія и т. д. Наслѣдственную передачу подобныхъ болѣзней можно остановить вѣрнѣе всего такимъ скрещиваніемъ, при которомъ была бы введена совершенно новая, посторонняя кровь.

Наслѣдственность нервическихъ болѣзней, стоящихъ ближе всего къ помѣшательству, или особенностей, ведущихъ къ этого рода страданіямъ, встрѣчается преимущественно въ тѣхъ фамиліяхъ, гдѣ по предразсудкамъ

рожденія, изъ гордости, браки заключаются обыкновенно между родственниками; потомъ у евреевъ, гдѣ дядя можетъ жениться на своей родной племянницѣ,—что и случается зачастую, далѣе у квакеровъ, вслѣдствіе ихъ религіозныхъ убѣжденій; наконецъ у богатыхъ крестьянъ, заключающихъ браки изъ экономическихъ соображеній, а также и по тщеславію постоянно въ одномъ завѣсномъ кругу, разумѣется, богатою. Въ сумасшедшемъ домѣ въ Йоркѣ, назначенномъ исключительно для квакеровъ, наследственность составляла причину ровно въ половинѣ случаевъ. Подобная постоянная передача болѣзней выражается наконецъ въ идиотизмъ и имъ прекращается, потому что идиоты вообще не производятъ потомства.

Относительно наследственности Лаутаръ рассказываетъ слѣдующій любопытный фактъ. Мужъ и жена, первый 42 лѣтъ, а вторая 36, захворали разстройствомъ умственныхъ способностей и окончили самоубійствомъ: мужъ повѣсился, жена утопилась. Они оставили троихъ дѣтей. Старшая дочь отравилась 24 лѣтъ, живя долгое время развратомъ. Сынъ, обвиненный въ смертоубійствѣ, задушился; а младшая дочь бросилась на 6 мѣсяцѣ беременности съ крыши. Сынъ ея уже въ ранней молодости попадалъ нѣсколько разъ въ тюрьму и наконецъ отправился въ Египетъ искать приключеній.

Въ наследственной передачѣ умственныхъ болѣзней или расположеній къ нимъ, вліяніе матери гораздо сильнѣе вліянія отца, и вообще всѣ нервные особенности матерей передаются дѣтямъ гораздо чаще, чѣмъ болѣзни отцовъ. Между дѣтьми легче воспринимаютъ наследственность дѣвочки, чѣмъ мальчики.

Воспитаніе, послѣ наследственности, составляетъ едва-ли не сильнѣйшую причину психическихъ болѣзней. Невниманіе къ дѣтямъ или родительское тупоуміе создаютъ нерѣдко въ дѣтскомъ организмѣ начало будущихъ его нервныхъ и мозговыхъ страданій; а дурныя привычки, являющіяся или отъ недосмотра, или вслѣдствіе дикихъ убѣжденій отцовъ и матерей, даютъ рѣшительное направленіе всей будущей жизни ребенка.

Первый вредъ заключается въ дурномъ примѣрѣ. Сила подражанія такъ велика въ дѣтахъ, что ихъ воспитаніе въ молодости свершается почти единственно этимъ путемъ. Безпутные, полусумасшедшіе родители, у которыхъ кромѣ грубости, глупости, пьянства, драки и ругани

встрѣтить нечего, создаютъ въ молодомъ дѣтскомъ умѣ и сердцѣ такое міровоззрѣніе, въ которомъ безпутство займетъ, разумеется, первое мѣсто.

Но и тѣ родители, которые по своимъ матеріальнымъ средствамъ и по понятіямъ не имѣютъ ничего общаго съ этими жалкими людьми, бываютъ нерѣдко причиной психическихъ болѣзней своихъ дѣтей, потому только, что дѣйствуютъ по ошибочнымъ убѣжденіямъ. Одна изъ ошибокъ воспитанія заключается въ слишкомъ раннемъ возбужденіи умственной дѣятельности дѣтей, при чемъ задерживается развитіе тѣла и раздражается излишне мозгъ. Въ этомъ первое начало будущихъ болѣзней. Какъ часты случаи, когда самолюбивые родители, желая создать изъ своихъ дѣтей чудо ума и знаній, заучиваютъ ихъ до того, что вмѣсто гениевъ выходятъ идіоты съ какойнибудь нервной болѣзью; другіе просвѣщенные родители, убѣжденные, что строгость есть не только необходимый элементъ воспитанія, но и единственное вѣрное средство воспитать дѣтей въ сердечной чистотѣ и, держать ихъ въ такомъ нравственно подавленномъ состояніи, что или убиваютъ личную дѣятельность ума и чувства, или же ребенокъ создаетъ свой фантастическій міръ, въ которомъ и отдыхаетъ отъ родительскихъ тисковъ. Эта жизнь въ мірѣ фантазій развиваетъ преждевременно дѣтское воображеніе и очень часто такъ ослабляетъ всю нервную и мозговую систему, что даже самое ничтожное нравственное потрясеніе производитъ умственное расстройство.

Какъ ни худа система строгаго воспитанія и холодныхъ, торжественныхъ отношеній родителей къ своимъ дѣтямъ, но излишняя слабость и податливость мягкосердечныхъ и безхарактерныхъ родителей чуть ли не хуже. Дѣти, предоставленные полной свободѣ дѣлать все, что имъ угодно, развиваются въ необузданность и самодурство, приучаются къ исполненію всякаго ихъ желанія, прихоти и каприза и вырастаютъ въ слабохарактерныхъ людей, неспособныхъ владѣть собой, и переносятъ никакое противорѣчіе, никакую неудачу. Люди этого сорта, обыкновенно, раздражительные до крайности, въ случаѣ серьезныхъ житейскихъ потрясеній рѣдко имѣютъ довольно силы встрѣтить и вынести ихъ спокойно; они или впадаютъ въ отчаяніе и малодушіе или еще хуже — сходятъ съ ума. Если же обстоятельства позволяютъ имъ прожить спокойно весь свой вѣкъ, то они бываютъ обыкновенно мучителями всѣхъ, кто ихъ окружаетъ.

Вообще, какъ не хороша медвѣжья свирѣпость родителей, такъ не хо-

роша и обезьянья любовь слабосердечных матерей и тупоумных отцовъ. Такъ известный психіатръ Пинель приводитъ примѣръ одного господина воспитаннаго слабой матерью, который, привыкнувъ дѣлать, что ему вздумается, не переносилъ ни малѣйшаго противорѣчія, затѣвалъ ссоры и драки, оплачивался за нихъ процессами и денежными штрафами и наконецъ попалъ по приговору суда въ сумасшедшій домъ за то, что одну женщину, сказавшую ему что-то непріятное, бросилъ въ воду. Это происходило во Франціи 50 лѣтъ назадъ и, какъ видно, казалось и тогда французамъ дѣломъ крайне возмутительнымъ.

Кромѣ тѣхъ случаевъ, когда дѣти вырастаютъ въ дурныхъ примѣрахъ своихъ родителей, когда они тупѣютъ отъ излишняго и ранняго ученья, когда они уходятъ въ міръ фантазіи, вслѣдствіе оттамливающей строгости родителей или разнуздываются отъ излишняго баловства, есть случаи, имѣющіе еще болѣе пагубное вліяніе на каждый дѣтскій организмъ, — раннее чтеніе разныхъ книжонокъ фантастическаго содержанія и любовныхъ романовъ. Тѣ и другія дѣйствуютъ крайне вредно на воображеніе, возбуждая или мрачныя мысли и неправильный взглядъ на жизнь или создавая любовный міръ и преждевременную половую зрѣлость, а съ нею зачастую и вредную привычку, разстроивающую позвоночный хребетъ. Раннія и неумѣренныя половыя сношенія кончаются тѣмъ же.

Конечно всѣ эти вліянія не всегда ведутъ прямо въ сумасшедшій домъ, потому что иначе милліоны людей пришлось бы запереть въ больницы для умалишенныхъ; но они всегда дѣйствуютъ разрушительно на нервную систему и отправленія головного мозга, ослабляютъ организмъ, ослабляютъ умственныя способности, создаютъ разныя нервныя болѣзни и сильнѣе всего располагаютъ къ настоящему безумію. Въ сумасшедшихъ домахъ бываетъ обыкновенно половина больныхъ такъ называемаго нервнаго сложенія. Разумѣется, не всѣ эти нервосложенные люди образовались тѣмъ путемъ какъ сказано выше; многіе имѣли нервность наследственную, другіе разстроили себя излишними умственными трудами, но во всѣхъ этихъ случаяхъ виновато больше всего воспитаніе, потому что и наследственная нервность создавалась тѣмъ же путемъ.

Темпераментъ имѣетъ тоже болѣе или меньше предрасполагающее вліяніе на душевныя болѣзни, потому что опредѣляетъ характеръ умственной и сердечной дѣятельности людей.

Въ сангвинической (многокровоной) темпераментъ находимъ аналогію съ дѣтствомъ. При немъ всякое нарушение психическаго равновѣсія свершается быстро и съ особенной живостью. Сангвиникъ обыкновенно очень самодоволенъ, но за то и чувствителенъ и легко предается разнымъ крайностямъ: впадаетъ въ восторгъ, въ экзальтацію, или же въ другую крайность—недовольство, душевную подавленность, отчаяніе. Обыкновенно тѣ и другія впечатлѣнія не бываютъ продолжительны и не оставляютъ въ сангвиникѣ глубокихъ слѣдовъ, потому что его живая, впечатлительная натура отдается довольно легко внѣшнимъ вліяніямъ и быстрой смѣнѣ чувствъ и мыслей.

Въ сангвиникахъ всегда есть стремленіе къ задору и наклонность къ разрушенію, но вмѣстѣ съ тѣмъ талантливость и остроуміе. Образчикомъ сангвиниза между людьми служатъ французы. Въ царствѣ же животныхъ представителями сангвинизма являются обезьяны и собаки.

Сангвиникъ живетъ минутой и внѣшней жизнью; онъ отдается весь впечатлѣнію, чувству, наслажденію, фантазіи, остроумію, юмору. Если онъ дѣлаетъ что нибудь, то дѣлаетъ всеими силами души и тѣла и потому живетъ всегда напряженной, усиленной жизнью, переживая многое въ короткое время.

Какъ дитя, не зная заботъ, онъ не заглядываетъ далеко въ будущее и потому нерѣдко весьма легкомысленъ. Сангвиникъ не можетъ быть одинъ, ему нужно всегда общество, люди, чтобы дѣлиться впечатлѣніями, мыслями, чувствами; поэтому сангвиникъ легокъ на дружбу и всегда богатъ пріятелями. По своимъ наклонностямъ и стремленіямъ сангвиникъ охотно идетъ въ солдаты, въ кунцы, въ доктора, и сносебенъ къ искусствамъ.

Изъ извѣстныхъ людей имѣли сангвиническій темпераментъ: Гёте, Моцартъ, Гайдель, Францискъ I, Людовикъ XIV, Карль II англійскій.

И въ душевныхъ болѣзняхъ сангвиникъ не измѣняетъ своего темпераменту: у него менѣе всего расположенія къ меланхоліи, но за то онъ впадаетъ легко въ сьумасшествіе и въ экзальтированное безуміе. Все больные бѣлой горячкой носятъ на себѣ печать сангвинизма: сьумасшедшіе сангвиническаго темперамента имѣютъ галлюцинаціи обыкновенно веселаго характера и даже въ безуміи отличаются тщеславіемъ; они воображаютъ себя въ дворцахъ, среди роскоши и блеска жизни; слышать женскіе голоса и т. п. По замѣчаніямъ Эскарола самоубій-

ства у сангвиниковъ являются часто. Лучшее обращеніе съ больными сангвиникомъ—возбуждаетъ и поддерживаетъ въ немъ надежду.

Меланхолическій темпераментъ имѣетъ аналогію съ періодомъ юности. У меланхоликовъ господствуетъ по преимуществу фантазія, тогда какъ въ другихъ темпераментахъ она составляетъ подчиненную способность. Такое крайнее развитіе воображенія ведетъ къ одностороннимъ, произвольнымъ и преувеличеннымъ ожиданіямъ, а следовательно къ обманамъ и разочарованіямъ; но за то въ представленіяхъ меланхолика преобладаетъ элементъ творчества въ пріятныхъ, а иногда, и въ мрачныхъ картинахъ. Впечатлѣнія проникаютъ въ меланхолика медленно, но за то глубоко, и вообще темпераментъ этотъ можно назвать пассивнымъ, чувствительнымъ, вѣжливимъ, страдающимъ.

Эскароль причисляетъ къ меланхоликамъ злодѣевъ, а Аристотель—геніальныхъ людей. Изъ національностей къ меланхоликамъ принадлежатъ англичане. Изъ животныхъ—грызуны. Изъ отдѣльныхъ историческихъ личностей типомъ меланхолика считается Магометъ. Также—Тиберій, Людовикъ XI, нашъ Иванъ IV, по нихъ недоверію, подозрительности и страстной мстительности. Изъ геніальныхъ людей—Шекспиръ, Руссо, Байронъ, Юнгъ, Тассо, Шиллеръ.

Въ меланхоликахъ встрѣчаются очень часто крайнія противорѣчія—легкомысліе съ педантизмомъ, сѣлая отшельность и нерѣшительность и эти крайности опредѣляютъ обыкновенно и характеръ меланхолика въ жизни. Онъ считаетъ себя наиболее счастливымъ, когда можетъ жить въ собственномъ своемъ фантастическомъ мірѣ; грусть и печаль составляютъ у меланхоликовъ довольно рѣдкое явленіе.

Творческая фантазія создаетъ изъ меланхоликовъ геніальныхъ личностей, великихъ ораторовъ, людей и предводителей политическихъ партій.

По мнѣнію Эскароля темпераментъ этотъ располагаетъ къ тому виду сумасшествія, который зовется меланхолией; другіе же врачи находятъ, что къ истощенію и къ отвращенію отъ жизни. У меланхоликовъ сильное расположеніе къ галлюцинаціямъ; они слышатъ страшные звуки, видятъ черныхъ людей, считаютъ себя одержимыми бесами, рисуютъ себя могилы и покойниковъ, и имѣютъ по преимуществу галлюцинаціи зрѣнія. Самоубійство и мизантропія у нихъ рѣдки.

Въ холерическомъ темпераментѣ, соответствующемъ зрѣлому возрасту, всѣ силы направляются къ дѣятельности, къ осуществленію задуманнаго.

манных плановъ. Изъ народовъ представителемъ этого темперамента служатъ итальянцы и испанцы. Въ животныхъ—хищные звѣри и кошки.

Въ числѣ историческихъ личностей къ холерикамъ причисляютъ: Александра Македонскаго, Цезаря, Брута, Наполеона I, Фридриха II, Петра I, Ришельё, Карла XII, Робеспьера, Филиппа II, Генриха VIII, Кромвеля, Валленштейна, Коріолана.

Дѣятельности холерика придаетъ особенный характеръ его стремленіе установить и поддержать значеніе своей личности и общественныхъ учреждений и порядковъ. Изъ холериковъ образуются законодатели, управляющіе и полицейскіе и въ особенности военные предводители. Эгогъ общій цвѣтъ ихъ наклонностей разумѣется не служить еще порукой благотѣльности на практикѣ ихъ порядковъ, что необходимо и слѣдуетъ ожидать, если обратитъ вниманіе на непреклонность и страстность холериковъ, на неспособность ихъ переносить противорѣчія и возраженія, на легкость, съ какой они предаются гнѣву, когда что нибудь дѣлается не по ихнему; наконецъ на тѣ насилія и жестокости, которымъ они легко отдаются, когда видятъ къ тому возможность и не боятся отвѣтственности. Впрочемъ, не смотря на эту крайнюю страстность, доходящую нерѣдко до звѣрства, холерики обыкновенно друзья порядка, они идутъ прямымъ путемъ, ненавидятъ ложь и обманъ и большею частью отличаются открытымъ характеромъ. Въ частной, домашней жизни холерикъ совершенная кротость и доброта.

Если холерикъ ограниченъ умомъ, то особенности его темперамента становятся обыкновенно недостатками и холерическая дѣятельность съ ея непреклонностью превращаются въ смѣшное упрямство и въ глупую односторонность. Такимъ человѣкомъ былъ Яковъ II англійскій, которому его холерическій темпераментъ стоилъ трона.

Въ холерикахъ замѣчается постоянно стремленіе уничтожать старое и создавать новое; вѣчное недовольство существующимъ составляетъ большую часть обыкновенную черту ихъ характера.

Изъ психическихъ болѣзней холерика расположены преимущественно къ бѣшенству и безумію. Въ сумасшествіи холерика легко раздражаются и наклонны къ насиліямъ. Въ меланхоліи они приписываютъ обыкновенно свои страданія известнымъ лицамъ или событіямъ. Галлюцинаціи слуха бываютъ у нихъ чаще другихъ видовъ галлюцинаціи. Самоубійства у холериковъ часты.

Въ флегматическомъ темпераментѣ находятъ аналогію со старостью. У флегматиковъ замѣчается вообще перевѣсъ разсудочности, рефлексіи. У нихъ страсти дѣйствуютъ рѣдко съ силой и обыкновенно приводятся легко въ равновѣсіе спокойнымъ размышленіемъ. Отъ этого флегматики расположены менѣе другихъ къ сьумасшествію.

Темпераментъ этотъ называютъ иногда мужицкимъ, что относительно нѣкоторыхъ народовъ совершенно справедливо. Зависимое положеніе крестьянина, его полное безсиліе во многихъ случаяхъ предъ тѣмъ, что называется общественнымъ порядкомъ, необходимость подчиняться обстоятельствамъ, съ которыми онъ бороться не въ состояніи, создаютъ крестьянину свой особенный искусственный темпераментъ въ той практической философіи, которой онъ долженъ держаться, если желаетъ прожить спокойно свой вѣкъ и сохранить свою собственность, здоровье и жизнь. Разумѣется, всѣ эти обстоятельства, создавая общія народныя черты и общій характеръ «мужицтва,» въ частности представляютъ исключенія и особенности, такъ что не каждый мужикъ имѣетъ мужицкій темпераментъ. Но не смотря на такое специальное проявленіе личныхъ особенностей отдѣльныхъ мужиковъ — жизнь и на нихъ владеть печать флегматичности, въ той затупленности мысли и чувства, какая неизбѣжна при низкомъ уровнѣ развитія, матеріальнаго благосостоянія и гражданской подавленности, гдѣ она существуетъ. Какъ только обстоятельства даютъ больше свободы отдѣльной личности — и мужицкая флегматичность уступаетъ свое мѣсто другимъ болѣе живымъ темпераментамъ, которые создаются какъ бы внезапно, и преобразуютъ цѣлый народъ. Такъ нѣмцы, считаемые вообще чистыми представителями флегматизма, въ извѣстныя эпохи своей исторіи становились сангвиниками, не хуже французовъ, и холериками, не хуже итальянцевъ.

Флегматикъ, вообще медленный въ восторгахъ и слабо подчиняющийся порывамъ и вспышкамъ, отличается продолжительностью и постоянствомъ чувства въ такъ называемыхъ хроническихъ ощущеніяхъ. Поэтому флегматики отличаются особенно сильной любовью къ отечеству, къ дѣтямъ; они постоянны въ дружбѣ; они чувствуютъ прочіе другихъ благодарность. Вообще чувства ихъ гораздо консервативнѣе и спокойнѣе, безъ порывовъ, шуму и декламаций; ихъ поступки последовательнѣе; они охотно избѣгаютъ душевныхъ движеній и волненій и стремятся болѣе къ спокойной, безмятежной жизни. Темпераментъ этотъ многіе называютъ счастливымъ.

Въ царствѣ животныхъ представителемъ его служатъ жвачкожующіе и медвѣди.

Флегматики посвящаютъ себя охотнѣ всего духовному званію, медицинѣ, дѣлаются судьями, ремесленниками. Но хотя они въ искусствахъ могутъ дойти до большей дѣловости, однако рѣдко идутъ дальше хорошихъ компляторовъ и почти не возвышаются до творчества. Молчаливые, сосредоточенные флегматики особенно способны быть наблюдателями; гениальнымъ представителемъ ихъ служить Георгъ Форстеръ. Флегматики мало способны для политической дѣятельности; они не могутъ быть людьми партій, потому что лишены страстности и увлеченія; изъ за то они охотно подчиняются существующему, выносливы, и трудны на подъемъ. Вообще они избѣгаютъ крайностей.

Къ флегматикамъ причисляютъ Канта и Конфуція.

Флегматики расположены болѣе всего къ меланхоліи и ипохондріи. Если флегматикъ недостаточно богатъ умственной пищей, чтобы защититься отъ скуки, если въ немъ образуется душевная пустота, если ослабѣваетъ его любовь къ жизни, то этимъ уже сдѣланъ первый шагъ къ меланхоліи. Но флегматикъ въ этихъ случаяхъ напоминаетъ болѣе ипохондрика, потому что долѣе противустоитъ своему душевному разстройству.

Нѣкоторые психіатры утверждаютъ, что флегматики въ сьумасшествіи имѣютъ мало расположенія къ галлюцинаціямъ. Эскароль находитъ, что они подвергаются чаще всего безумію.

Изъ всего сказаннаго читатель можетъ видѣть, что хотя темпераментъ есть собственно особенность въ физическомъ устройствѣ чловѣка, именно преимущественное развитіе кровеносной, лимфатической или нервной системы; но именно поэтому-то онъ и проявляется въ такъ называемой душевной дѣятельности. И такимъ образомъ каждый темпераментъ соответствуетъ всегда главнѣйше одной изъ сторонъ чловѣческой духовной дѣятельности: — чувству, фантазіи, разсудку, волѣ.

Но темпераменты не бываютъ никогда чисты въ такой степени, чтобы одинъ какой нибудь исключалъ всѣ остальные. Напротивъ, люди вполне чистаго темперамента совершенно не встрѣчаются, какъ не можетъ существовать чувство безъ фантазіи, или разсудокъ безъ чувства или воли. Чистый темпераментъ съ односторонней душевной дѣятельностью были бы уродствомъ и полнымъ несчастіемъ того, надъ кѣмъ бы подшутила такъ природа. Темпераменты бываютъ постоянно смѣшанные,

киричемъ одинъ изъ нихъ беретъ перевѣсъ и опредѣляетъ главнѣйшимъ образомъ характеръ интеллектуальной дѣятельности человѣка. Такимъ образомъ у сангвиниковъ преобладаетъ чувство, у меланхоликовъ во-ображеніе, у холериковъ разсудочность. Этотъ перевѣсъ однихъ способностей надъ другими замѣчается уже ясно у дѣтей и указываетъ на характеръ воспитанія, которое слѣдуетъ имъ давать. Поэтому воспитатели и родители должны обращать весьма серьезное вниманіе на темпераментъ своихъ дѣтей и направлять дѣтское развитіе такимъ образомъ, чтобы не могла явиться вредная односторонность и крайній перевѣсъ однихъ склонностей надъ другими. Ребенокъ съ сильнымъ воображеніемъ, впечатлительный и увлекающійся, можетъ быть легко сдѣланъ если не кандидатомъ сумасшедшаго дома, то человѣкомъ, въ которомъ излишнее развитіе фантазіи убьетъ весь практической смыслъ создаетъ ему исключительное, нелѣпое міровоззрѣніе и сдѣлаетъ его неспособнымъ или бесполезнымъ въ дѣйствительной жизни. Неудобства этого избѣгнуть весьма легко, если обратить вниманіе на то, что темпераменты не бываютъ никогда чистыми и что слѣдовательно очень удобно палеть на развитіе полезныхъ способностей и задержать тѣ, которыя своимъ перевѣсомъ общають больше вреда чѣмъ пользы. Какъ, такъ называемыя обстоятельства, въ видѣ національныхъ и климатическихъ вліяній, создаютъ народу «мужицкій» темпераментъ съ примѣсомъ сангвиническихъ или меланхолическихъ склонностей, такъ точно воспитаніе и особенности семейной жизни могутъ измѣнить и темпераментъ ребенка. Это нужно знать и помнить тѣмъ родителямъ, которые способны любить своихъ дѣтей, кромѣ обезьянной, еще и человѣческой любовью.

Пьянство принадлежитъ къ весьма сильнымъ вспомогательнымъ средствамъ открывающимъ человѣку двери сумасшедшаго дома. Излишнее употребленіе спиртныхъ напитковъ дѣйствуютъ или прямо на разстройство мозга или разсѣтываетъ весь организмъ и создаетъ болѣзни, ведущія къ сумасшествію. Съ другой стороны пьянство разрушаетъ семейное довольство, разстроиваетъ экономическій бытъ, ведетъ къ бѣдности, со всеми ея печальными послѣдствіями и нравственными страданіями, неизбежными у людей, которымъ нечего ѣсть. Подобныя потрясенія, при свершившемся уже разстройствѣ здоровья или дѣятельности мозга, кончаются легко сумасшествіемъ. Но нужно замѣтить, что очень часто не психическое разстройство есть слѣдствіе пьянства, а

8

напротивъ пьянство является слѣдствіемъ психическихъ страданій. Такъ домашнее горе, заботы, нужды, разныя неудовольствія заставляютъ уже разстроенаго человѣка искать утѣшеній и радости въ одуряющемъ пьянствѣ. При собокупномъ вліяніи этихъ причинъ сумасшествіе развивается весьма быстро.

Пьянство разумѣется великое несчастіе для того, кто имъ боленъ. И если нѣкоторые строгіе моралисты смотрятъ на горькихъ пьяницъ съ презрѣніемъ, то они неправы, потому что презирать больного нельзя; если моралистъ не имѣетъ возможности вылечить пьяницу, то пусть оставляетъ его въ покоѣ и проходитъ мимо безъ гримасъ и декламаций, на которыя такъ щедры добродѣльные люди. Пьяница знаетъ не хуже ихъ, — пожалуй еще гораздо лучше, — какъ пьянство разстроиваетъ ему весь его домашній бытъ, его здоровье и т. д. Онъ и самъ бы радъ не пить, и можетъ быть давалъ себѣ зарокъ десятки разъ, — и все-таки пьетъ, потому что отуманенный виномъ онъ чувствуетъ себя лучше и крѣпче.

Пьянствомъ страдаютъ не одни мужчины, но и женщины, особенно изъ предавшихся проституціи; и занимаются пьянствомъ не одни мужики, но и господа и барыни, даже изъ высшихъ слоевъ, именно истерическія женщины.

Delirium tremens, или бѣлая горячка, составляетъ обыкновенное слѣдствіе пьянства. Больной страдаетъ безсонницей, дрожаніемъ членовъ, галлюцинаціями. Паралитичное безуміе приписываютъ также пьянству. Въ потомствѣ пьяницъ очень часты физическая слабость, безуміе, преждевременная смерть отъ нервныхъ страданій, или же — пьянство, психическія растройства и преступленіе.

Нигдѣ пьянство не имѣетъ такого сильнаго вліянія на развитіе душевныхъ болѣзней, какъ въ Америкѣ. Вообще пьянство бываетъ причиной сумасшествія въ $\frac{1}{9}$ — $\frac{1}{10}$ случаевъ; въ Ганноверѣ $\frac{1}{6}$, а въ Пенсильванскомъ госпиталѣ $\frac{1}{3}$.

Излишнее употребленіе опиума и табаку, въ куреніи или нюханьи, разстроиваетъ тоже мозгъ и подготавливаетъ душевныя болѣзни. Разумѣется, это относится до табаку очень крѣпкаго.

Неправильная, распутная жизнь, разныя непріятности, превратности судьбы, бѣдность очень часто разстроиваютъ физическое и душевное здоровье людей и, если человѣкъ не въ силахъ вынести горе жизни, — то

самоубійство или помѣшательство кладутъ обыкновенно конецъ его страданіямъ.

Половые излишества приносятъ еще большій вредъ, чѣмъ пьянство и горе жизни, потому что гораздо сильнѣе истощаютъ тѣло и ослабляютъ нервы и мозгъ. Но особенно страшень онанизмъ. Каждый съумасшедшій дожъ богатъ этими несчастными.

Къ часто тѣлеснымъ страданіямъ, ведущимъ къ съумасшествію безъ всякаго вліянія моральныхъ причинъ, какъ горе, заботы и т. п. относятся нѣкоторыя нервенныя и мозговые болѣзни, головныя раны. Бывали случаи помѣшательства отъ поврежденія глаза, болѣзней слуховаго нерва, отъ попавшаго въ подошву ноги осколка стекла, отъ сильнаго зуда. Истерика ведетъ тоже нерѣдко къ съумасшествію. Изъ другихъ болѣзней, дающихъ поводъ къ психическимъ страданіямъ, извѣстны: тифъ, перемежающаяся лихорадка, горячечныя сыпи, оспа, корь, скорлатина, воспаленіе легкихъ, острый ревматизмъ.

Еще сильнѣе дѣйствуютъ хроническія, постоянныя болѣзни и ослабленіе организма напр. отъ потери крови, послѣ извурительной болѣзни, послѣ трудныхъ родовъ, отъ голоду.

У мужчинъ причиной меланхоліи и ипохондріи бываетъ очень часто такъ называемая импотенція или мужское безсиліе. Состояніе это такъ ужасно и дѣйствуетъ такъ убійственно на духъ человѣка, что доводитъ нерѣдко до самоубійства.

У женщинъ время прекращенія періодовъ тоже очень богато случаями безумія; точно также женщины впадаютъ легко въ помѣшательство отъ неправильныхъ или нарушенныхъ очищеній, или болѣзней внутреннихъ половыхъ органовъ, во время беременности, въ родахъ, во время кормленія дѣтей.

Бывали случаи помѣшательства отъ глистовъ.

VI.

Все, что говорилось до сихъ поръ о причинахъ болѣзней чувствующаго организма не производитъ еще само по себѣ настоящаго съумасшествія, кромѣ рѣдкихъ, немногихъ случаевъ. Темпераментъ, дурное воспитаніе, дурная жизнь, бѣдность, нравственныя страданія только готовятъ почву для будущей болѣзни. За тѣмъ нужно еще особен-

ное обстоятельство, или вліаніе, чтобы вся подготовительная работа перешла въ формальное безуміе. Горючій матеріалъ готовъ, сложенъ, но чтобы вышелъ пожаръ, нужно его поджечь. Такимъ огнемъ, или искрой въ порохъ, служатъ внезапныя, сильныя нравственныя потрясенія.

Радость и счастье, какъ извѣстно, никого не убиваютъ; убиваетъ горе и несчастье. Тоже и въ сьумасшествіи. Никто не сходитъ съ ума отъ довольства, и внезапное благополучіе не дѣлало почти никого безумнымъ. Страсти, неудовлетворенныя стремленія, честолюбіе, отверженная любовь, досада, забота, угрызеніе совѣсти, оскорбленная честь, неожиданное несчастье, внезапный ударъ судьбы или говоря проще — потеря состоянія, любимыхъ людей и т. п., страхъ — все это въ перво-растроенныхъ людяхъ производитъ сильное потрясеніе, вызываетъ душевныя бури и сламываетъ нравственный организмъ. Въ особенности страшно дѣйствуютъ подобные удары, когда въ человѣкѣ убивается всякая надежда на лучшее будущее. Въ этихъ случаяхъ, если человѣкъ не сходитъ съ ума, то онъ лишаетъ себя жизни.

Поэтому названія душевныхъ болѣзней—сьумасшествіе, безуміе, умопомѣшательство, постоянно указывающія на какую-то перемѣну въ умѣ, какъ способности мышленія, совершенно ошибочны. Умъ продолжаетъ свое дѣло у самыхъ сильныхъ безумныхъ и работаетъ совершенно по тому же логическому закону, какъ и у всякаго здороваго человѣка. Не разумъ и разумъ бываютъ поражены у больного, у него поражено чувство и ощущеніе,—то что обыкновенно называютъ сердцемъ. Человѣкъ помѣшанный есть человѣкъ съ подавленнымъ или разбитымъ сердцемъ, существо, постигнутое великимъ несчастьемъ, котораго организмъ его не могъ перенести безъ разстройства. Счастливы тоть, у кого нервы довольно крѣпки, а мозгъ не раздраженъ и легко выносить всякія невзгоды и превратности судьбы; но только напрасно многіе люди этого сорта смотрятъ на сьумасшествіе и душевныя страданія, какъ на нѣчто достойное сожалѣнія и доказывающее слабость ума и воли. Слабость тутъ въ одномъ—въ физическомъ организмѣ. Поэтому нечего ни скорбѣть о душевной слабости людей, постигнутыхъ безуміемъ, ни гордиться своей нравственной силой, потому что она не можетъ быть поставлена въ заслугу человѣку.

Что корень сьумасшествія находится обыкновенно въ душевной подавленности и въ сердечномъ пораженіи, въ этомъ убѣждаютъ и отвѣты самихъ сьумасшедшихъ. Еще Пинель зналъ это очень хорошо, и потому

онъ обращался къ каждому больному съ слѣдующимъ вопросомъ: — «Что вы встрѣтили горе, заботы, превратности судьбы?» и на подобный вопросъ и нынче постоянно получается тотъ же утвердительный отвѣтъ. У сумасшедшихъ причины однѣ и тѣ же.

Ударъ, поразившій больного, дѣйствуетъ особенно сильно въ тѣхъ случаяхъ, когда надежды и желанія челоуѣка были сосредоточены сильно на одномъ предметѣ, и когда совершенно неожиданное обстоятельство останавливаетъ сразу всѣ его стремленія, убиваетъ всѣ интересы, уничтожаетъ послѣднюю искру надежды. Неизвѣстно, есть-ли люди способные выносить подобное положеніе, предполагая разумѣется, что надежда совершенно уже умерла? Конечно, у людей совершенно разтроенныхъ самое ничтожное обстоятельство производить сильное потрясеніе. Одинъ богатый крестьянинъ повѣсился, потому что счетъ, представленный ему докторомъ, показался ему высокъ. Другой господинъ, страдавшій нервами (опанистъ), которому было запрещено курить въ день болѣе одной трубки, умеръ отъ того, что его лакей подалъ ему вторую трубку.

Вообще обстоятельства, обнаруживающія роковое вліяніе на душевное настроеніе, зависятъ совершенно отъ особенностей субъекта, отъ его характера, наклонностей, стремленій, образованія. Крестьянинъ, повѣсившійся, потому что счетъ доктора показался ему дороговать, конечно вынесъ бы спокойно потерю близкихъ ему людей, жены, дѣтей или любовницы. Другіе же опять равнодушно переносятъ потери сотенъ тысячъ, но впадаютъ въ отчаяніе, а въ крайности и въ безуміе отъ обманутой любви, обманутаго честолюбія или оскорбленной чести.

Подобныя потрясенія бываютъ особенно вредны и дѣйствуютъ съ наибольшей силой на всю нервную систему, если сердечная болѣзнь или страданія остаются сосредоточенными; когда горе маскируется фальшивымъ смѣхомъ, когда пораженный имъ челоуѣкъ хочетъ скрыть его и глотаетъ свои слезы: въ этихъ случаяхъ почти всегда обнаруживается хроническое разстройство, за которымъ слѣдуетъ болѣзнь мозга. Къ подобнымъ страданіямъ принадлежитъ несчастная любовь.

Въ психическихъ болѣзняхъ обманутая любовь играетъ весьма важную роль. Жертвой ея дѣлаются большею частью женщины. Не слабость женскаго организма причиной этого, а то что женщина любитъ сильнѣе и глубже, чѣмъ мужчина. Или, какъ Жанъ Поль говорить:

«если женщина любить, то она любить все дальше и дальше; у мужчины же въ промежуткѣ есть и другія дѣла.»

Обманутая любовь—страшное страданіе, поражающее человѣка какъ ударъ палкою по головѣ; она потрясаетъ весь организмъ и кончается подлѣйшимъ его истощеніемъ и смертью. Поэтому «смерть отъ переломленнаго сердца», какъ говорятъ англичане, не есть вовсе фраза. Психическія страданія: высокая скорбь, тоска, постоянное сердечное щемленіе, убиваетъ сердце въ буквальный смыслѣ; его сокращенія становятся менѣе упруги и слабѣе; пульсъ медленнѣе и тише; упругость сосудовъ постепенно уменьшается и наконецъ сердце перестаетъ биться. Постоянное горе обманутой любви убило его.

Въ сьумасшествіи отъ любви бывають случаи, когда чувство подавленности такъ сильно, что больной теряетъ совершенно сознание своего я и воображаетъ себя другимъ. Такъ одна обманутая дѣвушка принимала себя за своего вѣроломнаго возлюбленнаго и приняла даже его имя. Она звала себя Генрихомъ и любила, чтобы ее звали такъ и другіе; она была спокойна и весела, смотрѣла на все добродушно и совершенно не чувствовала своихъ нравственныхъ страданій, потому что пережила первый періодъ болѣзни и вступила въ тотъ, изъ котораго уже нѣтъ возврата къ выздоровленію. Но этотъ переходъ совершился не скоро. Сначала она въ каждомъ мужчинѣ видѣла своего Генриха и только съ большимъ усиленіемъ безумія пришла къ этой новой формѣ помѣшательства.

Гдѣ сердечное положеніе не на столько сильно, чтобы заслонить рассудокъ и потрясенное чувство не перешло изъ симпатіи въ антипатію и наконецъ въ апатію, тамъ замѣтна еще борьба человѣка съ міромъ, тамъ является иногда отчаяніе, порождающее ненависть къ жизни и желаніе смерти.

Сьумасшествіе отъ любви нерѣдко бываетъ и у мужчинъ и въ той же сильной степени. Такъ одинъ молодой купецъ, при вербованіи въ солдаты, получилъ отъ родителей предмета своей страсти отказъ. Смущенный, пришелъ онъ домой, впалъ въ задумчивость и помѣшался. Полное равнодушіе ко всему на свѣтѣ составляло особенность его безумія. Ыда, питье и нюхательный табакъ были для него всемъ; только въ нихъ сосредоточились все его желанія, только ихъ онъ и любилъ въ теченіе своего 30-лѣтняго сьумасшествія. Были впрочемъ у него и другія склонности: онъ одѣвался и переодѣвался, онъ собиралъ разные

лоскутки, бумажки, щепочки и т. п.; онъ наматывалъ тесемку или нитку на палець, и потомъ разматывалъ ее, или завязывалъ и развязывалъ узелки и этимы, стоя гдѣ нибудь особнякомъ, занимаясь онъ цѣлые дни.

Конечно съумасшествіе отъ любви не принимаетъ всегда подобный печальный характеръ;—человѣкъ не всегда бываетъ подавленъ окончательно; въ нѣкоторыхъ случаяхъ рассудокъ беретъ еще перевѣсъ надъ чувствомъ, такъ что только одна сторона сердечная находится въ страдательномъ положеніи.

Но чаще обманутой любви ведетъ къ съумасшествію страхъ и испугъ. Они дѣйствуютъ именно какъ ударъ молніи, съ той же быстротой и безпощадностью. За неожиданностью слѣдуетъ въ чувствахъ и въ мысляхъ какъ бы мигнутая пустота, а за тѣмъ или временное ослабленіе умственной дѣятельности, или же постепенная, полная потеря сознанія. Впрочемъ бывали случаи и мгновеннаго помѣшательства отъ испуга. Такъ, одна мплодая замужня женщина, видя какъ черезъ ея дѣтей, игравшихъ на улицѣ, прошли лошади, тутъ же упала безъ чувствъ, и когда пришла въ себя—была совершенно помѣшана. Всѣ способности ума и чувства оставили ее вполнѣ;—она только пила и ѣла, сидѣла смиренно на одномъ мѣстѣ, въ собственной нечистотѣ, и такой развалиной прожила много лѣтъ. Одинъ молодой человѣкъ сдѣлался внезапно неизлечимымъ дуракомъ, когда возвращаясь на родину, послѣ долгаго отсутствія, и не ожидая ничего дурнаго, встрѣтилъ не далеко отъ своего дома, на анатомической телѣжкѣ, трупъ своего отца, лишившаго себя жизни самоубійствомъ.

Вообще внезапность имѣетъ роковое вліяніе на душевную дѣятельность только въ томъ случаѣ, когда поражаетъ неприятно, т. е. если составляетъ неожиданное несчастіе. Очень часты примѣры того, что люди сходятъ съ ума отъ внезапной потери состоянія или лишившись мѣста, дававшего средства существованія. Случай этого рода представляются въ быту чиновничьемъ, гдѣ нерѣдко произволь или капризь старшаго рѣшаетъ разомъ судьбу человѣка. Отставленный, видя себя выброшеннымъ на улицу съ голодной семьей, сначала «задумывается», а потомъ кончаетъ съумасшествіемъ. Такъ одинъ чиновникъ способный, смиренный и трудолюбивый лишился своего мѣста по интригамъ. Это «несчастіе» сдѣлало его въ одинъ день съумасшедшимъ. Два года былъ онъ боленъ и хотя безуміе его произошло

именно отъ того, что онъ сталъ нищимъ, но онъ воображалъ себя Крезомъ и раздаривалъ все.

VII.

Всякое психическое страданіе обнаруживается вначалѣ задумчивостью, уныніемъ, меланхоліей.

Въ чувствѣ, въ томъ, что на обыкновенномъ языкѣ называется сердечными ощущеніями, кроется, какъ было уже сказано, корень всѣхъ душевныхъ болѣзней, поэтому всѣ виды помѣшательства, — отъ самой слабой его степени, когда человекъ начинаетъ останавливаться долѣе обыкновеннаго на одной и той же мысли, и до полнаго безумія, до совершеннаго упадка всѣхъ силъ—совершенно правильно назвать болѣзнями чувствующаго организма. Разсудокъ въ началѣ бываетъ совершенно здоровъ, и только, потомъ уже, при сильномъ разстройствѣ всей центральной нервной системы нарушается и его дѣятельность.

Общій характеръ меланхоліи заключается въ постоянствѣ и безпричинности непріятнаго душевнаго состоянія. Это есть непрерывная, внутренняя, сердечная боль, исключающая всякое радостное, пріятное чувство;—постоянное болѣзненное уныніе, вѣчная тоска. Сердце знаетъ только страхъ, ему не достаетъ способности противоположнаго чувствованія; всякую радость оно превращаетъ въ горе, и во всемъ внѣшнемъ находитъ новую пищу для своихъ страданій.

Меланхолику все противно; онъ сердится и раздражается, разстроивается каждой мелочью и выражаетъ во всемъ и противъ всего глубокое недовольство. Или же онъ старается защититъ себя отъ всякаго внѣшняго впечатлѣнія, бѣжитъ съ ужасомъ людей и общества и остается одинъ въ своемъ мрачномъ мірѣ.

Очень часто внѣшніе предметы, понатые совершенно правильно, производятъ на меланхолика какое-то особенное впечатлѣніе, такъ что нѣкоторые, образованные больные говорятъ: «разумѣется, повидимому, все вокругъ меня происходитъ также, какъ прежде, а между тѣмъ должно быть произошло что-то другое; все имѣетъ прежнюю форму, все смотритъ по старому, а между тѣмъ все-таки случились во всемъ большія перемѣны.» Въ этомъ измѣненномъ отношеніи больного къ внѣшнему міру заключается начало ошибочныхъ представленій; дѣйстви-

тельное для него исчезло и осталось только кажущееся, дѣлающееся для него источникомъ постоянныхъ мученій.

Перемены въ чувствахъ не имѣютъ въ началѣ ничего объективнаго, никакой постоянной точки или извѣстнаго, опредѣленнаго представленія. Поэтому-то больной не можетъ дать въ началѣ отчета въ причинахъ своихъ страданій. Онъ говоритъ: «я боюсь»; и на вопросъ—«чего?» отвѣчаетъ:—«я и самъ не знаю; но боюсь.»

Такъ какъ болѣзненные, печальныя душевныя движенія составляютъ основу всѣхъ ощущеній чувствующаго организма, то, разумѣется, они должны отразиться наконецъ и на дѣятельности разсудка и воли, которые постепенно болѣе и болѣе ослабѣваютъ, потому что меланхоликъ отдается весь своимъ страданіямъ:—онъ думаетъ, знаетъ, чувствуетъ только боль и ничто другое.

Если меланхолией страдаютъ живописецъ, музыкантъ, поэтъ, то всѣ ихъ произведенія носятъ на себѣ черты ихъ душевнаго страданія. Живописецъ избираетъ сюжеты болѣе или менѣе мрачнаго характера, музыкантъ пишетъ въ минорномъ тонѣ грустную мелодію или какойнибудь похоронный маршъ, поэтъ сочиняетъ элегію или описываетъ страданія своей пораженной, больной души.

Такое настроеніе, гдѣ человѣкъ погруженъ весь въ сердечныя боли и всѣ его мысли вращаются въ очень тѣсномъ кругу, принимаетъ и во всѣхъ произведеніяхъ человѣка, во всемъ, что онъ дѣлаетъ и говоритъ, характеръ однообразія и монотонности. Больной сосредоточивается на не многихъ представленіяхъ, онъ уходитъ въ міръ своихъ страданій и вѣчныхъ жалобъ, его общительность ослабѣваетъ и многіе меланхолики проводятъ нерѣдко цѣлыя годы въ молчаніи. Но бываетъ, что больные отличаются большою живостью; но и эта живость имѣетъ тотъ же вѣчно монотонный, однообразный характеръ; безконечныя жалобы, стenanія, вздохи, просьбы, мольбы. И не смотря на эту, вѣчно одну и ту же музыку, больной никогда не скучаетъ, потому что ему слишкомъ много дѣла съ самимъ собой.

Образчикомъ чистой меланхоліи можетъ служить слѣдующій примѣръ:

Восьмнадцатилѣтній венгерецъ сильнаго здороваго сложенія, любимый всѣми за кротость, честность и веселый нравъ, обходя дозоромъ лѣсъ, въ которомъ онъ былъ сторожемъ, встрѣтилъ вора дичи. Спасая свою жизнь, онъ застрѣлилъ вора, и былъ потребованъ къ суду. Убѣжденный вполнѣ, что поступилъ правильно, юноша откровенно, съ пол-

нимъ чистосердечіемъ разсказалъ случай и наставлялъ на томъ, что застрѣлилъ вора по праву. Во время слѣдствія онъ велъ себя тихо и былъ спокоенъ; но когда ему, убѣжденному въ своей правотѣ, объявили приговоръ суда, обрекавшій его пятилѣтнему тюремному заключенію, то неожиданность этой несправедливости такъ поразила бѣднаго, что уже въ первые дни заключенія обнаружались въ немъ ясные признаки меланхоліи, съ отсутствіемъ воли. Несчастнаго отправили въ сумасшедшій домъ.

Разсудокъ, чувство, воля оставили, повидимому, больного вполне. Убигий, съ неподвижными чертами, съ глазами безъ всякаго выраженія, уставленными внизъ, стоялъ онъ на одномъ мѣстѣ, гдѣ его оставить, какъ статуя. Скоро больной пересталъ самъ одѣваться и раздѣваться; силой нужно было стаскивать его съ кровати, мыть, одѣвать, кормить, водить для удовлетворенія натуральныхъ потребностей и не оставлять безъ надзора, потому что иначе онъ проводилъ цѣлые дни въ одномъ положеніи—сидя, стоя или лежа. На прогулкахъ въ саду его волочили съ мѣста на мѣсто, подъ руки, два сумасшедшихъ, которымъ онъ поручался на это время.

Ничто не могло вывести этого несчастнаго изъ его глубокой, душевной подавленности; никакой шумъ, никакое тѣлесное страданіе, ни голодь, ни жажда, ни ласка. Въ началѣ онъ еще говорилъ одно слово: «прошу», но потомъ замолчалъ совершенно, лишился, повидимому, всѣхъ душевныхъ силъ и впалъ въ полное, глубокое тупоуміе.

И въ этомъ крайнемъ разстройствѣ чувствующаго организма нашлись еще силы для реакціи. Внезапно стали проявляться въ больномъ проблески воли: онъ началъ одѣваться, мыться, спрашивалъ пить и ѣсть и сталъ скоро ходить самъ къ столу. Съ каждымъ днемъ положеніе больного улучшалось, и послѣ нѣсколькихъ лѣтъ исчезли, наконецъ, постепенно всѣ слѣды душевныхъ страданій отъ поразившаго его несправедливаго приговора. Больной выздоровѣлъ.

Случаи подобныхъ внезапныхъ, непріятныхъ пораженій очень обыкновенны въ повседневной жизни. Человѣкъ, ошеломленный неожиданностью, какъ обухомъ топора, впадаетъ въ столбнякъ и ходитъ какъ въ туманѣ. Конечно сила потрясеній бываетъ не всегда одинакова, и не всѣ пораженные неожиданнымъ несчастіемъ дѣлаются глубокими или неизлечимыми меланхоликами. Тѣмъ не менѣе фактъ дѣйствительной жизни въ томъ, что почти каждому приходится испытывать тѣ трудныя

минуты, когда глубокое сердечное потрясеніе поражаетъ все чувства и мысли, и дѣлаетъ человѣка похожимъ на сѣмасшедшаго. Есть правда исключенія, между тѣми, кто родился въ хлопчатой бумагѣ, или кто отличается чувствительностью желѣзной печки; но такихъ счастливицевъ немного. Одинъ изъ нерѣдкихъ фактовъ внезапныхъ непріятныхъ поражений представляетъ любовь. Такъ одинъ молодой женихъ, получивъ извѣстіе, что его невеста выходитъ за другаго, впалъ въ совершенный столбнякъ; только когда пришла другая, болѣе радостная, вѣсть,— что возлюбленная осталась ему вѣрна,—больной сталъ выздоравливать. Подобныхъ фактовъ, гдѣ любовь играетъ главную роль, очень много; чувства этого, его радостей и страданій, избѣгнуть никто не можетъ,

Es ist' ne alte Geschichte,—doch bleibt sie ewig neu, —
 Und wem sie just passiret,—dem bricht sie's Herz entzwei!
 Какъ сказалъ Гейне.

Очень часто сердечныя потрясенія кончаются совсѣмъ не такъ печально, какъ въ приведенныхъ выше двухъ случаяхъ; вообще меланхолія представляетъ цѣлый рядъ постепенныхъ переходовъ, гдѣ отъ легкой сердечной или душевной царапины дѣло можетъ доходить до глубокихъ, кровавыхъ, неизлечимыхъ ранъ, кончающихся безвыходнымъ разстройствомъ чувствующаго организма. Меланхолія, какъ болѣзнь, заключаетъ въ себѣ понятіе о цѣлой массѣ подавляющихъ впечатлѣній, внѣшнимъ образомъ выражающихся въ грусти, сумрачности, недовольствѣ, раздражительности, досадѣ, въ чувствѣ постоянного страха безъ понятной, для больного, причины. Изъ недовѣрія ко всему окружающему, меланхоликъ стремится къ уединенію, онъ бѣгаетъ людей, — даже своихъ друзей и домашнихъ, — потому что недоволенъ всѣмъ и всѣми. Этотъ мрачный взглядъ на все развивается вслѣдствіе болѣзненного ощущенія въ груди и въ сердцѣ. Больному кажется, что грудь его какъ будто перетянута и сердце сжато. «Здѣсь,—говоритъ меланхоликъ, указывая на грудь или на животъ,—здѣсь лежитъ точно камень; если бы его спихнуть.» И это ощущеніе сердечной боли бываетъ иногда такъ сильно, такъ невыносимо, что доводитъ больного до отчаянія и бѣшенства.

Въ меланхоліи страдаетъ сильнѣе всего воля т. е. энергія дѣйствій. Тупо смотритъ больной цѣлые дни на какое нибудь пятно; стоитъ или лежитъ неподвижно какъ статуя, и только недовѣріе, страхъ или болѣзнь заставляютъ его иногда двигаться, чтобы скрыться отъ вообра-

жаемых враговъ. Въ одномъ видѣ меланхоліи, больные рѣшительно не хотятъ двигаться, оставаясь въ одномъ какомъ нибудь положеніи;— такъ нѣкоторые не хотятъ ни за что съѣсть, другіе стоятъ постоянно на колѣняхъ. Одинъ ирландскій священникъ, страдавшій меланхоліей, отъ постоянного стоянья на колѣняхъ, получилъ сростаніе въ суставахъ, такъ что колѣни не могли уже болѣе никогда разгибаться. Въ другомъ видѣ меланхоліи больные отличаются, напротивъ, большою подвижностью.

Въ своемъ постоянномъ сердечномъ страданіи больной ищетъ однако связи съ вѣдшимъ міромъ, ищетъ причинъ своихъ болѣзненныхъ ощущеній. Если ему удастся найти объясненіе, которое его удовлетворитъ, его страданія кажутся ему уже легче, и болѣзнь получаетъ опредѣленный характеръ. Но объясненія эти не бываютъ никогда правильны, потому что больной не удовлетворяется ближайшей, истинной причиной, а останавливается именно на томъ, что менѣе всего правдоподобно и что по этому-то именно и получаетъ для него всю силу убѣдительности.

Придумавъ какія нибудь небывалыя причины, онъ сообразно имъ сочинитъ цѣлое міровоззрѣніе и даже цѣлую связь несуществовавшихъ происшествій. Такъ, напр. находясь въ положеніи душевнаго страха, въ какомъ бы находился человекъ, совершившій преступленіе, больной впадаетъ въ расположеніе духа, какъ будто бы онъ самъ сдѣлалъ преступленіе и не можетъ отдѣлаться отъ этой мысли, потому что она вполне гармонируетъ съ его чувствами. Но какъ онъ въ своихъ воспоминаніяхъ не находитъ никакого преступленія, то онъ ухватывается за какое нибудь незначительное обстоятельство, ошибку, неосмотрительность, которую онъ сдѣлалъ когда нибудь, или только могъ сдѣлать, и это обстоятельство служитъ уже для него исходной точкой всѣхъ его ложныхъ представленій и страховъ.

При этихъ попыткахъ объясненія играютъ главную роль: степень образованія больного, его характеръ, приключенія и обстоятельства прежней его жизни и иногда случайныя впечатлѣнія. Всѣмъ этимъ опредѣляется содержаніе и цвѣтъ представленій больного.

Человекъ благочестивый или религіозный воображаетъ въ своемъ чувствѣ страха, что онъ оставленный и наказанный богомъ грѣшникъ, что онъ обреченъ дьяволу и аду; въ своемъ отчаяніи, онъ сомнѣвается въ милосердіи Божіемъ, вѣра его уже не утѣшаетъ, и онъ смотритъ на себя, какъ на осужденнаго. Нѣкоторые изъ религіозныхъ меланхоли-

ковъ объясняли свое безвыходное положеніе тѣмъ, что Богъ умеръ, и что, слѣдовательно, для нихъ исчезла всякая помощь, на которую они прежде надѣялись.

Человѣкъ ученый приписываетъ свои страданія вліянію электричества, животнаго или земнаго магнетизма, химіи или интригамъ. Полуобразованный ищетъ объясненія въ какихъ-то постороннихъ, таинственныхъ силахъ. Суевѣрный поступаетъ еще проще: у него виноватыми являются вѣдьмы, колдуны, привидѣнія и черти.

Вообще въ объясненіяхъ меланхоликовъ играетъ важную роль, такъ называемый, духъ вѣтка. Въ средніе вѣка все злыя вліянія приписывались большими вѣдьмамъ и оборотнямъ; а въ наше время ужасомъ многихъ меланхоликовъ служатъ полицейскія постановленія и служители порядка.

Когда болѣзнь уже установилась, то и наружныя чувства больного приходятъ въ гармонію съ его внутреннимъ міромъ. Съ этихъ поръ для него начинается пора галлюцинацій и иллюзій.—«Я слышу, что я думаю», говорятъ многіе больные. Одинъ утверждалъ, что все люди знаютъ, что онъ думаетъ, что его мысли слышны за 35 верстъ, потому что подъ нимъ лежатъ въ землѣ трубы, которыя проводятъ его мысли; другіе чувствуютъ пламя и жаръ адскаго огня и слышатъ его трескъ; третьи обоняютъ сѣрную адскую вонь; четвертые слышатъ свой судебный приговоръ и т. д.

Аномаліи чувствительности очень не рѣдки между меланхоликами. Иногда кажется больнымъ, что у нихъ нѣтъ головы, или какихъ нибудь членовъ, даже всего тѣла; то вообразить, что нѣкоторые органы наполнены водой или отвратительными животными—лягушками, змѣями, пауками. Фантазія больныхъ въ изобрѣтеніи разныхъ чудовищностей достигаетъ вообще такой удивительной силы, что вонечно весь сонмъ современныхъ русскихъ поэтовъ, воспѣвавшихъ равныя несообразности, не придумаетъ вкупѣ такой невозможной вещи, какую легко сочинить всякій меланхоликъ въ припадкѣ галлюцинаціи.

Въ галлюцинаціяхъ и иллюзіяхъ меланхолика отражается всегда его душевное настроеніе. Онъ видитъ приготовленіе къ казни, или слышать, какъ за нимъ идутъ полицейскіе, если воображаетъ себя преступникомъ; грѣшникъ видитъ преисподнюю, разверзшуюся подъ его ногами и привидѣній, зовущихъ его на послѣдній судъ. Рядомъ съ галлюцинаціями идутъ иллюзіи. Въ своемъ докторѣ, сторожѣ, въ постороннихъ, больной видитъ убійцъ, чертей, палачей, стражу, полицейскихъ

и т. д. -въ шумѣ топящейся печки онъ слышитъ, убивающій его, громъ. И всѣ эти несообразности кажутся больному такими непогрѣшимыми истинами только потому, что онъ самъ ихъ выдумалъ. Совершенно также дѣйствуютъ и люди здоровые. Они подобнымъ же образомъ сочиняютъ себѣ разныя убѣжденія и представленія, и вѣрятъ также въ ихъ истинность, какъ меланхоликъ въ свои галлюцинаціи.

Ощущенія боязни, страха и тоски проявляются у меланхоликовъ нерѣдко въ стремленіи выразить ихъ внѣшними дѣйствіями; въ подобныхъ случаяхъ безумные порывы меланхолика принимаютъ всегда мрачный, отрицательный, враждебный, разрушительный характеръ. Дѣйствія его направляются или противъ самаго себя, или противъ другихъ людей, или противъ неодушевленныхъ предметовъ. Эти, такъ называемыя, монотаніи выражаются иногда въ определенныхъ извѣстныхъ стремленіяхъ къ убійству, самоубійству, къ зажигательству.

Подробнѣе объ этомъ я скажу въ концѣ статьи, а теперь перейду къ нѣкоторымъ частнымъ формамъ меланхоліи.

VIII.

Въ обыкновенной меланхоліи человѣкъ впадаетъ въ малодушное отчаяніе, дрожитъ и боится, самъ не зная чего, и, только когда болѣзнь его установится, онъ создаетъ въ своемъ воображеніи небывалыя причины, которыми и объясняетъ свои страданія. У ипохондрика другое. Онъ дѣйствительно чувствуетъ физическую боль, и чувствуетъ ее такъ сильно, что все его вниманіе устремлено на болѣзнь. Поэтому-то ипохондрическая форма меланхоліи заключается почти исключительно въ ошибочномъ представленіи больнымъ своей болѣзни, и въ постоянной боязни тяжкихъ страданій.

Ипохондрики, не смотря на ошибочное пониманіе своей болѣзни и упадокъ духа, сохраняютъ долго внѣшнюю разсудительность. Даже свои ошибочныя ощущенія и представленія они связываютъ и перерабатываютъ логически и послѣдовательно, и выводятъ заключенія, непереходящія за предѣлы возможнаго.

Постоянная дума о своей болѣзни проявляется у ипохондриковъ въ грусти, упадкѣ духа, утомленіи, досадѣ, недовѣрчивости, въ охлажденіи ко всему, или даже въ отвращеніи отъ жизни, а иногда даже и въ

боязни, доходящей нерѣдко до отчаянія. Болѣзнь ипохондрика заключается въ разстройствѣ нервовъ, и потому его болѣзненные ощущенія, иногда чрезвычайно сильныя, принимаютъ весьма разнообразную форму и кончаются галлюцинаціями. Особенная чувствительность нервовъ представляетъ больному самое пустое болѣзненное явленіе въ крайне преувеличенномъ видѣ. Больной весь погруженъ въ себя. Нѣтъ на свѣтъ такой болѣзни, которой бы онъ не былъ боленъ, разумѣется изъ тѣхъ, о которыхъ онъ читалъ или слышалъ. Одинъ смотритъ каждую минуту на свои руки и ему кажется, что онѣ сохнутъ; другой, съ руками полными, воображаетъ, что у него водяная, и что онъ долженъ умереть. Сегодня ипохондрикъ ѣлъ съ аппетитомъ,— это кажется ему признакомъ сухотки, завтра онъ ѣлъ мало,—и онъ объясняетъ это ослабленіемъ пищеваренія. Спитъ-ли онъ хорошо,—то признакъ приближающагося паралича; спать худо,—значить у него неизлечимая головная боль. Однимъ словомъ, нѣтъ такого незначительнаго и повседневнаго обстоятельства, которое бы ипохондрикъ не ухитрился объяснить въ дурную для себя сторону. Обыкновенный кашель кажется ему чахоткой, пустой прыщикъ—опасной заразой. Разсудительный во всемъ, что не касается его болѣзни, ипохондрикъ безъ смущенія переходитъ границы чудовищности въ изобрѣтенія, если обстоятельство можетъ имѣть какую-нибудь связь съ его помѣшательствомъ. Одинъ ипохондрикъ находясь въ обществѣ, на гуляньи, внезапно, въ смущеніи бѣжитъ домой и посылаетъ за докторомъ. Докторъ застаётъ его блѣднымъ, взволнованнымъ. — «Что съ вами? — Ахъ, представьте докторъ! — Что же? — Одна дама... Ну! — Одна дама прошла мимо меня и задѣла меня криволиномъ.» — Подобнаго обстоятельства совершенно достаточно, чтобы заставить больного совѣтъ упасть духомъ, и даже придумать какую-нибудь новую болѣзнь. Грамотность приноситъ ипохондрикамъ особенный вредъ. Они любятъ читать медицинскія сочиненія и, разумѣется, нѣтъ такой вычитанной ими болѣзни, которой бы не было у нихъ, или которая, по меньшей мѣрѣ, не могла бы сдѣлаться. Эта любовь къ медицинскимъ книгамъ является у ипохондрика вслѣдствіе той страстности, съ какой онъ желаетъ быть здоровымъ. Вездѣ и во всемъ онъ ищетъ средствъ противъ своей болѣзни; онъ перечитываетъ всевозможные лечебники, патологіи, физиологіи; онъ мѣняетъ докторовъ, мѣняетъ методы леченія, наконецъ мѣняетъ безпрестанно свои собственные взгляды на свою болѣзнь.

Эти постоянныя думы о своемъ здоровьи разстраиваютъ, наконецъ

совершенно чувства, волю и разум больного. Сосредоточиваясь исключительно на одной мысли, больной становится не только равнодушенъ ко всему остальному, но въ немъ исчезаетъ способность постороннихъ представлений, неотносящихся до его болѣзни и память его совсѣмъ ослабѣваетъ. Отъ этого ипохондрики въ высшей степени разсѣяны и забывчивы.

Ипохондрія, какъ и обыкновенная меланхолія, начинается съ слабыхъ, незначительныхъ признаковъ. Человѣкъ, который безпрестанно смотритъ на свой языкъ, шупаетъ пульсъ, опредѣляетъ бѣненіе сердца или другимъ образомъ изслѣдуетъ самъ себя, есть несомнѣнный ипохондрикъ или, по крайней мѣрѣ, находится на пути къ этой болѣзни. Въ этомъ положеніи больной можетъ быть еще способенъ и для другихъ дѣлъ, кромѣ размышлений о своей болѣзни; онъ не покидаетъ общества, не оставляетъ своихъ занятій и вообще не обнаруживаетъ никакихъ рѣзкихъ признаковъ душевнаго расстройства. Но вотъ больной становится все мрачнѣе и мрачнѣе, душевныя страданія его усиливаются, вмѣстѣ съ усиленіемъ физическихъ болей; способности души ослабѣваютъ, въ припадкахъ галлюцинацій онъ считаетъ себя на половину мертвымъ или окаменѣлымъ, нервы его—раскаленное желѣзо, его кровь — кипящее масло, сердце его разорвано и т. п. и больной впадаетъ наконецъ въ полное, глубокое безуміе, сопровождаемое нерѣдко совершеннымъ расстройствомъ душевной дѣятельности.

Ипохондрія является или отъ болѣзни кишекъ, печени, половыхъ частей, а въ особенности сильныхъ задержанныхъ вѣтровъ и общей слабости вслѣдствіе распутства и т. п. при чемъ раздраженіе головного и спиннаго мозга постепенно создаетъ общее чувство болѣзненности, вызывающее ипохондрію. Или болѣзнь эта является преимущественно психическимъ путемъ изъ боязни или страха сдѣлаться дѣйствительно больнымъ. Конечно для этого нужно имѣть уже довольно раздраженный головной и спинной мозгъ. Ипохондрики послѣдняго сорта бываютъ преимущественно между людьми, читающими много медицинскихъ книгъ, или водящими знакомство съ ипохондриками. Излишнія умственные занятія, при обстоятельствахъ, дѣйствующихъ подавляющимъ образомъ на душу, ведутъ нерѣдко къ ослабленію пищеваренія, циркуляціи и образованія крови, а вмѣстѣ съ тѣмъ и къ ипохондріи.

Въ детскомъ возрастѣ ипохондрія встрѣчается рѣдко, въ періодѣ зрѣлости чаще и особенно часто между молодыми людьми. Въ старости болѣзнь эта опять гораздо рѣже. Мужчины хвораютъ ипохондріей

много чаще женщинъ. Болѣзнь эта принадлежитъ къ числу упорныхъ и продолжительныхъ. Замѣчательно, что бывають отдѣльные случаи, когда больной выздоравливаетъ, повидимому, чисто психическимъ путемъ. Такъ одна дѣвушка 21 года, весьма крѣпкаго сложенія, вдругъ стала печальной и искала уединенія. Цѣлый годъ напрасно добивались отъ нея причины ея меланхоліи. Наконецъ, краснѣя отъ стыда, она объявила доктору, что чувствуетъ сильную боль въ правомъ бедрѣ, и увѣряла со слезами на глазахъ, что она должна умереть, потому что ея внутренности выходятъ изъ полуоткрытыхъ брюшныхъ покрововъ. Докторъ осмотрѣлъ больную, сказалъ ей, что мускулы въ больномъ мѣстѣ дѣйствительно ослабли и что все кончится хорошо, если это слабое мѣсто поддержать поясомъ. Какъ только дѣвушка начала носить бандажъ исчезла и ея ипохондрія. — Другая дѣвушка въ припадкахъ ипохондріи увѣряла, что въ ней сидятъ пауки. Постоянно раздраженная, она приходила въ отчаяніе отъ мысли, что болѣзнь ея неизлечима. Разъ въ ея судно подложили тихонько трехъ пауковъ и сдѣлали такъ, чтобы дѣвушка сама ихъ увидѣла, и хотъ она и была убѣждена, что пауки эти вышли изъ нея, но въ тоже время увѣряла, что молодые пауки остались въ ней и что она чувствуетъ ихъ въ животѣ. Еще два раза повторили съ ней подобный же опытъ; но она оставалась постоянно въ той мысли, что молодые пауки ее не оставляютъ. Тогда ей предложили операцію. Дѣвушка очень обрадовалась предложенію, въ полной увѣренности въ совершенное выздоровленіе. Операцію дѣлали нарочно съ особенной торжественностью, чтобы подѣйствовать на воображеніе больной; — приготовили заранѣе пауковъ, сдѣлали у ней въ спинѣ разрѣзъ и выпустили пауковъ на кровать. Больная увѣряла, что она чувствовала, какъ изъ нея вытаскивали пауковъ и была совершенно счастлива такимъ удачнымъ результатомъ операціи. Шумъ въ ушахъ сталъ у нея уменьшаться, головныя боли прошли и больная выздоровѣла. — Въ другихъ случаяхъ ипохондрія проходитъ отъ излеченія тѣхъ болѣзней, которыя ее произвели.

Ипохондріи подвергаются наиболѣе люди богатые, живущіе въ довольствѣ, недѣятельные.

Одна изъ любопытнѣйшихъ формъ меланхоліи есть демоно-меланхолія или одержимость. Въ этой болѣзни больной полагаетъ, что страдаетъ отъ внѣшней враждебной силы — отъ демоновъ или злыхъ духовъ, которые поселились въ немъ и именно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ

онъ чувствуетъ боль. Бѣсы сидятъ, то во всемъ тѣлѣ больного, то въ одной какой нибудь половинѣ его, или въ головѣ, въ желудкѣ, въ груди и т. п.

Такъ какъ въ припадкахъ этой болѣзни являются нерѣдко судороги въ дыхательномъ горлѣ, въ груди и въ животѣ, то голосъ больного измѣняется иногда совершенно особеннымъ, страннымъ образомъ, такъ что когда больной говоритъ въ пароксизмѣ, то слышится какой-то другой голосъ, выходящій изнутри, какъ и у чревоушателя. Съ этимъ видомъ меланхоліи соединяется большею частью нечувствительность кожи и галлюцинаціи зрѣнія и слуха. Иногда она является періодически или попеременно, то въ припадкахъ съ судорогами, то безъ нихъ.

Вполнѣ развитая одержимость является почти исключительно у женщинъ и именно у истерическихъ и страдающихъ судорогами, а также у дѣтей.

Большею частью боязнь одержимости бываетъ слѣдствіемъ галлюцинаціи и иллюзіи.

Въ припадкахъ вполнѣ развитой одержимости въ мысляхъ больного замѣчается двойной порядокъ, такъ что вслѣдъ за одной мыслью, или представленіемъ, является другое — противоположное. Эта противоположная мысль дѣйствуетъ тоже на органъ рѣчи и, какъ бы независимо отъ больного, приводитъ его въ движеніе. Такимъ образомъ, выражаясь словомъ, она является чѣмъ-то постороннимъ, и какъ бы совсѣмъ чуждымъ больному. Въ какомъ видѣ выразится эта вторая мысль, больной и самъ не знаетъ; она является, какъ вдохновеніе поэта или композитора, которые тоже не могутъ опредѣлить заранее, что именно они создадутъ. Поэтому неудивительно, что необразованные или суевѣрные принимаютъ эту вторую собственную рѣчь за слова нечистой силы. Иногда второе я говоритъ въ одержимыхъ совершенныя безумства и нечестности, но иногда оно ведетъ себя прилично и дѣйствуетъ въ томъ же поэтическомъ родѣ, какъ это бываетъ и съ каждымъ здоровымъ человѣкомъ во время сна.

Благоразумные больные въ припадкѣ одержимости говорятъ, что они не вѣрятъ, что въ нихъ сидитъ посторонняя или нечистая сила; но вмѣстѣ съ тѣмъ увѣряютъ, что второй, злой голосъ принадлежитъ не имъ. Одна больная объясняла, что въ началѣ болѣзни голосъ, выходявшій изъ нея, совершенно независимо отъ ея воли, мало противорѣчиль, даже говорилъ вещи вполнѣ сообразныя, напр.—«ступай къ доктору, къ священнику!» Но потомъ онъ сталъ критиковать, охуждать и даже бранить слова и дѣйствія больной. Если напр. одержимая говорила что-

нибудь совершенно правильное или справедливое, то второй голосъ отвѣчалъ:—«эй, ты!—это ложь.» Бѣсъ начиналъ говорить обыкновенно басомъ, потомъ переходилъ въ болѣе и болѣе высокій тонъ и кончалъ язвительнымъ смѣхомъ или острымъ, пронзительнымъ крикомъ. Если фальшивыя представленія до того усилились въ больномъ, что онъ потерялъ всякую способность правильного сужденія, то онъ принимаетъ свои галлюцинаціи или за вдохновеніе, или за наущенія злаго духа. Такіе больные обыкновенно ведутъ въ слухъ двойной разговоръ съ воображаемымъ духомъ. Напр.—«оставь меня въ покоѣ», говоритъ больной своимъ голосомъ и затѣмъ самъ же, отвѣчаетъ голосомъ измѣненнымъ:—«что же я тебѣ дѣлаю?»—«Какъ!—отвѣчаетъ первый голосъ—ты мнѣ ничего не дѣлаешь?! Ты хочешь меня испортить.» Второй голосъ:—«молчи! ты лжешь!» Первый голосъ:—«я лгу!» и т. д.

Замѣчательно, какъ велика бываетъ сила больныхъ этого рода и, вообще, меланхоликовъ и та безвредность, съ какой они переносятъ иногда сильнѣйшія физическія потрясенія.

Одинъ протестантскій учитель, молодой человекъ 22 лѣтъ, задумавъ посвятить себя духовному званію, пришелъ въ сомнѣніе на счетъ спасительности протестантскаго крещенія. Онъ думалъ, что крещеніемъ этимъ невозможно сдѣлаться христіаниномъ и ничѣмъ нельзя было убѣдить его въ противномъ. Наканунѣ своего посвященія онъ слышитъ голосъ, который велитъ ему, для убѣжденія въ томъ, точно-ли онъ пользуется милостью божіею, выскочить изъ окна. Юноша тотчасъ же послѣдовалъ этому приказанію, и выскочилъ на улицу изъ втораго этажа. Прыжекъ совершился безъ всякаго вреда. Бѣсъ однако не унимался и приказалъ ему сдѣлать еще одно salto mortale, и на этотъ разъ съ крѣпостнаго вала въ ровъ. Высота эта была вдвое больше первой; къ счастью, дно рва было болотисто и, слѣдовательно, мягко, но, не смотря и на это благопріятное обстоятельство, прыгуна несчастнаго нашли съ окровавленнымъ лицомъ, безъ чувствъ и голоса. Больной вскорѣ однако выздоровѣлъ.

Въ религіозной меланхоліи, составляющей независимую отъ предыдущей болѣзненную форму, содержаніемъ помѣшательства служатъ божественные или религіозные предметы. Больной имѣетъ ошибочныя представленія о Богѣ, сильное чувство страха о своей грѣховности и мученій ада и т. п. Постоянное безпокойство, безграничное сомнѣніе, угрызения совѣсти, потеря энергіи и способностей ума составляютъ главнѣйшіе признаки этого вида болѣзни. Часто простая случай-

ность дает иногда повод къ обнаруженію подобнаго помѣшательства. Такъ, — и эти случаи бывали не разъ, — послѣ проповѣди, гдѣ проповѣдникъ говоря о людской грѣховности, указывалъ пальцами на кого нибудь изъ своихъ слушателей, дѣлая это совершенно невинно; тотъ на кого падало такое указаніе, — разумѣется, если онъ уже былъ подготовленъ къ меланхоли, — принималъ жестъ проповѣдника за личное указаніе, впадалъ въ задумчивость, а съ нею являлись галлюцинаціи, разныя видѣнія нечистой силы и т. п. и болѣзнь развивалась вплоть. — Изувѣченіе половыхъ частей перевязываніемъ и даже костраціа, чтобы наказать себя за грѣхи тѣла или сдѣлать ихъ невозможными, являлись очень часто у подобныхъ больныхъ.

Въ *melancholia metamorphosis* больной теряетъ сознание своего я и воображаетъ себя превращеннымъ во что нибудь другое. Обманъ чувствъ и ошибочность ощущеній составляютъ основу этой болѣзни. Нѣкоторые меланхолики воображаютъ себя превращенными въ звѣрей, именно въ волка, что называлось прежде оборотнемъ, или въ собаку. Въ среднѣе вѣка болѣзнь эта дѣйствовала эпидемически. Другіе думаютъ, что они сдѣлались трупами, или что ихъ тѣло превратилось въ масло, дерево, стекло, воскъ, бумагу. Инымъ кажется, что они сдѣлались очень малы, а все остальное несоразмѣрно велико. Такъ, одинъ больной отказывался упорно отъ пищи, потому что онъ считалъ себя слишкомъ малымъ сравнительно съ кушаньями, и увѣрялъ, что совершенно невозможно, чтобы какой нибудь изъ этихъ громадныхъ кусковъ могъ пройти въ его узенькое, крошечное тѣло. Но еще интереснѣе тѣ случаи, когда больные считаютъ измѣненнымъ свой полъ, и мужчины воображаютъ себя женщинами, а женщины мужчинами. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ эти ошибочныя представленія являются вслѣдствіе болѣзни половыхъ частей и половой чувствительности. Одинъ юноша, котораго половые органы были измѣнены болѣзненнымъ образомъ, считалъ себя женщиной и писалъ письма къ воображаемому любовнику.

Ошибочныя представленія въ больныхъ этого рода бываютъ такъ сильны, а ихъ ощущенія такъ измѣнены, что подобный больной представляетъ самыя сильныя логическія доказательства дѣйствительности того положенія, въ которомъ онъ себя воображаетъ. Одинъ больной увѣрялъ, что онъ оборотень, и что онъ рыскаетъ по лѣсу. Когда ему стали доказывать, что онъ ошибается, и что онъ не можетъ быть волкомъ, потому что волкъ покрытъ шерстью, то больной весьма важно возразилъ, что онъ нарочно волосистую сторону обращалъ внутрь.

Ностальгія, или тоска по роди́нѣ, есть тоже видъ меланхоліи. Главный характеръ ея заключается въ тоскливомъ стремленіи больного домой; мысль о домѣ вытѣсняетъ въ больномъ всё остальные мысли и желанія. Въ припадкахъ этой болѣзни являются галлюцинаціи родныхъ мѣстностей и любимыхъ, оставленныхъ дома, людей.

Въ ностальгіи больной рѣшается, нерѣдко, на отчаянныя, преступныя средства, лишь бы только достигнуть своей цѣли. Этой болѣзнию страдаютъ въ большей или меньшей степени обыкновенно плѣнные и заключенные, въ особенности если кормить ихъ дурно, держать въ сырыхъ помѣщеніяхъ, и заключенные предаются половымъ порокамъ.

Убіиство маленькихъ дѣтей и поджоги, дѣлаемые прислугой, преимущественно дѣвочками или дѣвушками, страдающими ностальгіей, вытекаютъ изъ того-же стремленія, какъ и у заключенныхъ,—освободиться изъ своего непріятнаго положенія во что бы то ни стало и, кромѣ того, изъ весьма обыкновеннаго у меланхоликовъ влеченія, каковыя нибудь страшнымъ поступкомъ облегчатъ нѣсколько свои страданія.

Самоубійство у больныхъ этого рода вещь тоже нерѣдкая.

Въ нѣкоторыхъ видахъ меланхоліи являются стремленія къ насилію—къ самоубійству, къ убійству и разрушенію, къ поджогамъ.

Эскаротъ утверждаетъ, что всё самоубійства совершаются въ припадкахъ душевныхъ болѣзней и что, слѣдовательно, каждый самоубійца есть больной, неответчающій за свои дѣйствія. Къ сожалѣнію юристы разсуждаютъ иначе, и упорно отстаиваютъ въ кодексахъ статьи о наказаніи людей за самоубійство т. е. разумѣется, за неудачную попытку, потому что кто покаянничалъ съ собой, того наказывать нѣсколько странно и неразсудительно, почти случается и это.

Самоубійство совершается или въ полномъ развитіи меланхоліи, или въ томъ состояніи душевной подавленности и тоски, которая составляетъ границу здоровья и болѣзни. Человѣкъ стоитъ на распутьи:—или самоубійство, или окончательная меланхолія. И тщательныя медицинскія изслѣдованія всегда подтверждали правильность того заключенія, что прежде, чѣмъ человѣкъ пришелъ къ мысли о самоубійствѣ, онъ уже былъ мраченъ и задумчивъ, страдалъ гипохондріей или меланхоліей. Привожу два факта. За столомъ сидитъ женщина повидимому вполне здоровая; во-вотъ она вскакиваетъ, бѣжитъ къ окну, готова уже выброститься; но ее сдерживаютъ и радуются, что спасли. Да, спасли,—у женщины обнаруживается, внезапно явившееся, бѣшенство.—Человѣкъ, тоже повидимому еще здоровый, съ состояніемъ въ 10,000 гульденовъ, запираетъ

ся въ своемъ кабинетѣ, пишетъ своей матери, которую онъ содержалъ, прощальное письмо, составляетъ въ пользу ея завѣщаніе и объясняетъ, что онъ долженъ лишиться себя жизни, потому что его средства недостаточны для нихъ двоихъ, и что онъ, какъ фабрикантъ, остается въ настоящее время безъ хлѣба. За тѣмъ отправляется въ садъ и вѣшается. Можно-ли утверждать, что этотъ человекъ былъ здоровъ? А юноша, прыгавшій изъ окна и съ крѣпостнаго вала? Если бы убили, — кто бы зналъ, что онъ дурчился по приказанію бѣса? А самоубійства въ ностальгіи, въ заключеніяхъ и т. д.? Въ припадкахъ галлюцинаціи больные слышатъ очень часто голосъ: — «убей себя, убей!»

Но не всегда мрачное настроеніе или недовольство бываетъ причиною самоубійствъ. Иногда поводы бываютъ довольно добродушнаго и наивнаго свойства. Вдругъ больной вообразитъ, что его желудокъ и кишки заперты, и что въ нихъ нѣтъ нисколько мѣста ни для пищи, ни для питья; или ему кажется, что онъ не въ состояніи заплатить за обѣдъ, или онъ боится уморить своихъ дѣтей голодной смертью, съѣдая ихъ порцію. Одинъ больной отказывался отъ ѣды, потому что зналъ, что его кормятъ человѣческимъ мясомъ. Есть однако и такіе, которые отказываются отъ ѣды съ прямою мыслью о самоубійствѣ.

Стремленіе къ нанесенію вреда другимъ или къ разрушенію бездушныхъ предметовъ является обыкновенно вслѣдствіе галлюцинаціи, иллюзіи. Насилія этого рода слѣдуетъ разсматривать какъ месть за обиды, брань, оскорбленія, преслѣдованія и т. п. неприятели, представляющіяся больному въ его галлюцинаціяхъ. Сюда же принадлежатъ и тѣ случаи, когда гипохондрикъ выдаетъ на своихъ докторовъ, чтобы ихъ убить.

Въ другихъ случаяхъ стремленіе къ убійству вытекаетъ изъ того основанія, что на свѣтѣ все скверно, порочно и что все должно погибнуть и, чтобы избавить людей отъ житейскихъ напастей, меланхоликъ приходитъ къ благоразумному рѣшенію убивать всякаго. Одна дѣвушка въ припадкѣ меланхолии пришла къ мысли о дѣтоубійствѣ путемъ слѣдующаго размышленія: — «дѣти это единственная дочь, и я тоже единственная дочь своей матери; — я всю жизнь свою была несчастна; — подобную же судьбу встрѣтитъ вѣроятно и это дѣти, слѣдовательно — будетъ хорошо его убить».

Иногда больной чувствуетъ себя гораздо лучше, если онъ сдѣлаетъ какое нибудь насиліе; а бываютъ случаи, когда меланхоликъ, считая себя великимъ злодѣемъ, ищетъ возможности убить кого нибудь или сдѣлать что нибудь подобное, лишь бы навлечь на себя смертный при-

говоръ, который онъ, какъ ему кажется, заслуживаетъ. Вообще, фантазія больныхъ неистощима и причины ихъ всегда остроумны.

Болѣзненная склонность меланхоликовъ къ разрушенію неодушевленныхъ предметовъ обращается на все, что подлѣ нихъ, или чѣмъ они могутъ располагать. Они кроютъ или щиплютъ платье, постель, или ломаютъ и выбрасываютъ въ окно все, что попадется подъ руку. Одна больная ухитрилась разъ достать ножницы, проткнула свой матрацъ и покрывало миллионами дырокъ. Она говорила совершенно добросердечно, безъ всякой тѣни гнѣва, что у ней ужъ такое стремленіе и что противъ него она никакъ не можетъ устоять.

Въ пироманіи, или въ страсти къ поджогамъ, больные чувствуютъ непреодолимое влеченіе раскладывать огонь. Разумѣется, не всякій поджогъ есть пироманія и мошенникъ, зажигающій домъ, чтобы воровать, не можетъ быть принятъ за меланхолика, хотя и очевидно, что и у него голова не совсѣмъ въ порядкѣ. — Есть множество случаевъ, когда пожары дѣлались молодежьими дѣвушками въ припадкахъ дѣйствительной душевной болѣзни, во время усиленныхъ пароксизмовъ ностальгій, сопровождаемой серьезными физическими расстройствами въ особенности въ половыхъ органахъ. Душевное страданіе увлекаетъ, въ этихъ случаяхъ, больного на какое нибудь грандіозное внѣшнее дѣло, чтобы успокоиться хотя на время. «Мы не можемъ— говорятъ часто такіе больные— помочь себѣ иначе; мы должны предпринять что нибудь, чтобы отвлечь свое вниманіе отъ этой вѣчной душевной муки».

Многими, несомнѣнно вѣрными наблюденіями, доказано, что поджоги дѣлались чрезвычайно часто мальчиками и дѣвочками, извѣженными домашнимъ воспитаніемъ, попавшими отъ своихъ родителей въ ученіе или въ услуженіе и очутившимися въ трудныхъ, непривычныхъ для нихъ, обстоятельствахъ. Въ своей неволѣ и тоскѣ по дому, такіе дѣти приходятъ къ мысли, что поджогъ есть вѣрнѣйшее средство улучшить свое положеніе, и добиться свободы и очутиться наконецъ дома. Разсужденіе конечно ошибочное; но здѣсь дѣло не въ правильности дѣтскаго разсужденія, а въ тѣхъ, общихъ всѣмъ больнымъ этого рода, мотивахъ, которые приводятъ ихъ къ такимъ дикимъ умозаключеніямъ. Дѣтя разсуждаютъ такъ: «если сгоритъ ненавистный для меня домъ, то мнѣ разумѣется жить болѣе будетъ негдѣ, какъ у милого папеньки и маменьки, въ кругу братьевъ, сестрицъ и товарищей, и опять пойдетъ наша прежняя веселая жизнь, игры и шалости». Здѣсь дѣло совсѣмъ не въ томъ, чтобы сочинить непременно пожаръ, а чтобы

избавиться от тоски; если бы стаканъ воды могъ устранить все горе, больной не сталъ бы поджигать, а напился бы воды. Избранное средство есть только результатъ вызвавшихъ его причинъ и, если оно не хорошо,—виновата больная логика и неумѣнье придумать что нибудь болѣе дѣйствительное. Изъ этого понятно, что о злодѣянн тутъ не можетъ быть и рѣчи и что такихъ больныхъ слѣдуетъ лечить, а не называть.

Иногда пожары дѣлаются меланхоликами, или безумными вслѣдствіе галлюцинацій. Известный Ионатанъ Мартинъ поджогъ Іоркскій соборъ потому, что слышалъ голосъ, который ему велѣлъ: «очистить домъ божій отъ недостойныхъ святителей, уклонившихся отъ евангельской правды». Подобныя же галлюцинаціи побуждаютъ больныхъ къ насильствѣмъ и другаго рода. Одинъ меланхоликъ, мельничный работникъ, убилъ хозяйскаго осла, потому что тотъ кричалъ ему безпрестанно. «воръ, воръ». Какъ только оселъ былъ убитъ явился его «духъ» и началъ кричать тоже самое. Рабочій съ отчаянія утопился.

И. Иносагуновъ.

(Окончаніе будетъ въ слѣд. книжкѣ).

I.

СВИДѢТЕЛИ.

(Из Лонфелло.)

Въ широкихъ степяхъ океана,
Зарыты въ зыбучихъ пескахъ
Скелеты людскіе; оковы
У нихъ на ногахъ и рукахъ.

Невольничье черное судно
Надъ темной водою плыветь,
И члены людскіе въ оковахъ,
Безъ мяса и крови, везеть.

То кости невольниковъ бдныхъ;
Изъ душной, подводной тюрьмы
Сверкаютъ онѣ и зываютъ:
«Свидѣтели грозные мы!»

Въ широкихъ владзніяхъ суши,
На рынки вывозятъ людей;
Ихъ шея, и руки, и ноги,
Избиты желззомъ цвней.

Убійства, страданія, пытки,
Позоръ, и гоненье, и гягъ,
И все, что на душу и тѣло
Печать отверженья владеть, —

То доля невольниковъ бдныхъ;
Подъ сводами мрачной тюрьмы,
Въ могилахъ они восклицаютъ:
«Свидѣтели грозные мы!»

II.

РАБОВЛАДѢЛЬЦУ.

О, берегись! Когда силачь — Самсонъ
 Рукой враговъ былъ зрѣнія лишень
 И, слѣпъ и слабъ, приставлень къ жерновамъ
 И, наконецъ, къ язычникамъ во храмъ
 Былъ приведенъ на муку и позоръ, —
 Тогда возвелъ онъ свой потухшій взоръ
 На небеса, — и полный свѣжихъ силъ,
 Дрожа, столбы руками обхвативъ,
 И самъ погибъ, и уничтожилъ тѣхъ,
 Въ комъ вызывалъ онъ беспощадный смѣхъ...
 Такъ бѣдный рабъ, безпомощный, слѣпой,
 Гонимый злой, бездушною толпой,
 Возсталъ, погибъ — и въ гибели своей
 Увлекъ толпы несмѣтныхъ людей...

У насъ въ странѣ есть тоже свой Самсонъ:
 Онъ также слѣпъ и также скованъ онъ.
 Но мщенья часъ и для него пробѣдетъ,
 И мощными руками потрясетъ
 Онъ всѣ столбы Америки своей,
 Раздавить въ прахъ онъ тысячи людей,
 И этотъ храмъ, что гордо такъ стоитъ,
 Въ развалину на вѣки превратить!

И. Вейнбергъ.

БЕЗПРІЮТНЫЕ.

I.

ПТИЧКА.

Ходитъ птичка весело
По тропинкѣ бѣдствій,
Не предвидя отъ сего
Никакихъ послѣдствій
и проч.

На Вагулинской станціи, одиноко торчавшей среди большой дороги, поворачивающей съ Кромъ на Кіевъ, въ пустынной и сырой комнатѣ для *пропьющихъ*, сидѣла на диванѣ какая-то солидная особа мужескаго пола, лѣтъ 45—6-ти. У' при-толки липнулъ козачекъ, крѣпостной человекъ особы, съ красными нашивками на груди и разорванными сапогами, изъ которыхъ глядѣли сипіе отъ холоду и мокроты пальцы. Особа была одѣта въ шинель толстѣйшаго синяго сукна, застегнутую у шеи массивными пряжками, изображавшими двухъ сѣпившихся зубами львовъ. Про подшинельный костюмъ—досто-вѣрно сказать невозможно ничего, но если судить о немъ по **концамъ** панталонъ, выглядывавшимъ на свѣтъ божій своими безчисленными зубами, то этотъ костюмъ, окончательно разрушалъ первое впечатлѣніе, производимое фizioноміей особы, которая; дѣйствуя на зрителя глубокомыслиемъ глазъ, широкимъ лбомъ, бакенбардами, какія носятъ статскіе генералы,—заставляла непремѣнно питать къ особѣ всякаго рода уваженіе, такъ какъ все выше означенные аксессуары, въ общей сложности, говорятъ о жизненномъ опытѣ, о трудахъ понесенныхъ и проч. и проч. Вотъ это-то первое впечатлѣніе, укрѣпленное въ станціонномъ

смотритель кромѣ того косицами зачесанными на виски, — что говорить о степенности, — и отсутствіемъ усовъ, — ясно утверждающимъ, что особа не-военная, — все это, говорю, никакъ не ютилось въ головѣ зрителя съ поведеніемъ особы, съ нѣкоторыми ея фразами, заставлявшими, если не подозрѣвать ее въ чемъ либо, то, во всякомъ случаѣ, размышлять надъ этимъ вопросомъ; положимъ, что и размышлять тутъ приходилось не много, — но съ непривычки это вѣдь—куда трудно!..

Появившись на станціи дня два тому назадъ, съ казачкомъ и чемоданомъ, похожимъ на неудавшуюся кулебяку, у которой провалилась середка, — особа, не снимая шинели, засѣла на диванъ, закурила трубку и съ этой трубкой сидѣла здѣсь другія сутки, — здѣсь на диванѣ она и спать ложилась. Говорить, — особа говорила мало; въ безмолвіи станціонныхъ комнатъ, иногда только слышится громкій кашель, кряхтѣнье и опять тишина. Но если случался проѣзжій и если этому проѣзжему приходилось здѣсь пробыть хоть пять минутъ, — особа умѣла всегда затянуть разговоръ, и смотритель только хлопалъ глазами, слушая, какъ одному — она докладывала, что ѣдетъ изъ Перми, другому изъ Кіева, третьему изъ Тифлиса. Не мало дивился смотритель также и тому несчетному количеству друзей особы, которое было у него розсыпано по всей Руси; всѣ эти друзья вотъ ужъ пятый годъ молятъ особу вернуть кънимъ въ помѣстья; — но особа занята какими-то дѣлами, которыя рѣшаются для однихъ въ Ковно, для другихъ въ Харьковѣ, для третьихъ въ Уфѣ... Что за профессія особы, — смотритель не могъ понять, но изъ тѣхъ же разговоровъ съ проѣзжими узналъ, что особа служила въ военной и въ гражданской службѣ, потомъ была въ ратникахъ, дралась при Синопѣ и т. д. и т. д. Когда особа бросала какойнибудь служебный постъ, всѣ самыя высшія власти и знатныя «персоны» бросались, въ свою очередь, къ ней и начинали умолять—остаться.

— «Не хочу!» говорила она на это. «Я не нуждаюсь, я не нищій, я усталъ и т. д. И, нужно было поминутно удивляться твердости особы, рѣшившейся идти противъ знати, — ибо это была первая и богатѣйшая знать... Впослѣдствіи только станціонному смотрителю приходило на мысль, — какимъ это обра-

зомъ всякое знакомство особы съ этою знатью случалось непременно во время какого нибудь обширнаго кутежа, попойки, въ какомъ нибудь изъ лучшихъ московскихъ трактировъ, при чемъ всегда пиршество доходило до мордобитія и лучшія персоны не обходились безъ сняжковъ...

Если бъ станціонный смотритель нѣсколько больше былъ знакомъ съ жизнью, и вслѣдствіе этого былъ убѣжденъ, что жизнь эта даетъ тысячи типовъ и картинъ, и еслибы онъ видѣлъ хоть частицу этихъ типовъ,— то, при видѣ особы, непременно бы вспомнилъ, про нѣкоторую личность, безпріютно проживающую въ какомъ нибудь трактирѣ въ биллиардной и обладающую невыразимою ловкостію присосѣдиваться къ ватагѣ загулявшихъ купчиковъ, и вообще къ числу пьющихъ, исключительно ради того только обстоятельства, что у нихъ въ карманѣ деньги, и, стало быть, разные по этому случаю колябца—необходимы. Сначала эта темная личность закуритъ у одного изъ пирующихъ папирску и извинится въ нанесенномъ безпокойствѣ, потомъ поощритъ громкимъ хохотомъ глупѣйшую остроу пьяной головы, голова почувствуетъ потребность благодарить и поэтому кричитъ: «шинпанскава!» и т. д. А въ эпилогѣ потасовска и «караулъ!»

Но станціонный смотритель не зналъ этого и продолжалъ хлопать оглупѣвшими глазами. А особа, оставаясь снова безъ разговоровъ и ожидая другаго проѣзжаго,—сидѣла молча на ишванѣ и курила. Съ смотрителемъ она не входила въ пространные разговоры, и только слегка перекидывалась словами, когда возвращала опустѣвшій полштофъ.

— Эй, кто тамъ! говорила при этомъ особа. Какъ бы разсчаститься... Смотритель выходилъ изъ другой комнаты и, остановившись передъ проѣзжимъ, начиналъ откладывать среднимъ пальцемъ лѣвой руки на счетахъ, приговаривая: «да за чай», «да еще водки» «да мальчику» «да три полштофа», стало быть два рубля и т. д.

— Сколько?

Особа брала счета, пробѣгала по костяжкамъ своими круглыми пальцами и произносила:

— Всего два съ полтиной,—да вамъ рубль за труды...

— Чувствительнѣйше васъ благодарю-сь...

- Вы мнѣ только мелочишки сдайте...
- Сколько угодно...
- Съ пяти рублей? а?
- Есть-съ...

Особа рылась подъ шинелью...

- Впрочемъ ступайте... послѣ... позову...

Смотритель уходилъ, будучи одержимъ большимъ недоумѣніемъ. А проѣзжая особа, по прежнему сидѣла на диванѣ, по прежнему вела разговоры съ проѣзжающими и потомъ опять замолкала, похрипывая своимъ чубукомъ. Этотъ хрипъ чубука, напоминалъ предсмертное хрипѣнье умирающаго, и вмѣстѣ съ шумомъ и шелканьемъ на дворѣ ливня, наводилъ доску и грусть... Осень подкралась, и полчищами самыхъ мокрыхъ и дождливыхъ облаковъ, безконечно поднимавшихся изъ за горизонта, хотѣла отпировать свое пришествіе. Небо, даль и поле смотрѣли серьезно, заставляя торопиться къ работѣ, къ труду.

— Эй кто тамъ? возглашала особа опять... Примите это.. Да того... какъ бы разсчесться...

Опять выступалъ смотритель со счетами и, повторивъ счетъ прибавлялъ только: «да за четыре полштофа». Теперь особѣ приходилось получить сдачи съ десяти цѣлковыхъ и она говорила:

— Вы мнѣ, отецъ родной, дайте двѣ трешки, а тамъ мелочишки...

— Мы, ваше высокородіе, говоритъ смотритель, дадимъ вамъ мелочи отличной... гривенничками.

— Вотъ и спасибо!

Особа начинала пробираться рукой подъ шинель...

— Только наврядъ, чтобы, прибавлялъ смотритель, я вамъ трехрублевыхъ-то нашель... Рублями ежели-бы?

— Ну, рублями...

— Совсѣмъ по новѣшному времени трехъ-рублевыхъ малость стало...

Особа дѣлаетъ подъ шинелью какіе-то энергическіе жесты и говоритъ:

— Такъ рублями?

— Рублями-съ...

Молчаніе...

— Гм... Впрочемъ я позову... ступайте.

Смотритель шире разѣваетъ глаза и уходитъ.

— Да... того, прибавляетъ особа вслѣдъ, прищлите-ко... полштофъ.

И т. д.

Такъ прошелъ одинъ день, тянется и другой...

Мальчишка, линувшій у притолка, старался не встрѣтиться съ глазами барина, и поэтому смотрѣлъ въ потолокъ или полъ, перебѣгая взоромъ снизу вверхъ и назадъ по изодраннымъ станціоннымъ стѣнамъ, лавируя приэтомъ между фзѣиономією барина и какой-то таблицей въ рамкѣ. Мальчуганъ видимо тосковалъ; эту тоску, возбужденную жптьемъ впроголодь, поддерживала и невеселая фигура барина, и неизвѣстность впереди. Выходилъ онъ въ переднюю,—въ окно разстпалось пожелтѣлое, скошенное поле... Колеи на дорогѣ наполнены водой; вѣтеръ ломится въ окно и, подъ его напоромъ, трещить рама, и бьется ставня. Выходилъ онъ въ сѣни,—въ крылечную дверь налеталъ съ поля такой сорванецъ-вѣтеръ, такъ толкалъ и пихалъ все попадавшееся на пути, что мальчишка самъ сторонился отъ этихъ пинковъ, ибо, кромѣ того, ему казалось, будто этотъ сорванецъ очень ясно пропзнесъ: «ахъ вы прахвосты подлые». А это мальчуганъ принялъ на свой счетъ.

Тоска вездѣ!

А особа сидѣла на диванѣ и ждала погоды...

Къ крыльцу станціи подѣхала перекладная, и изъ телѣги вылѣзъ купецъ. Онъ вошелъ въ комнату, помолился образамъ и, дожидаясь пока принесутъ ему погребецъ, разстегивалъ чуйку и потомъ доставалъ изъ за воротника бороду, которая по дѣлннотѣ своей была спрятана за галстухъ подъ рубашку, и покапалось на мохнатой груди. Принесли погребецъ. Проѣзжій вынулъ водку и икру, налилъ рюмку, и сказавъ:

— «Господи благослови», перекрестился и выпилъ.

— Это у васъ какая? спросила особа.

— Московская-съ.

О! Московскія водки превосходны!.. Звѣрскія водки... Выборъ огромный...

— Не прикажете-ли?

— Поль-рюмки... небольшие. Купецъ началъ наливать. Вотъ-вотъ... довольно.

Особа выпила и фыркнула.

— Да! Москва!.. Продолжала особа съ розстановкой; какъ тамъ не говорите, — а ни шпша не возмешь! Столица!

— Столица, ваше высокородіе, — примѣрная...

— Еще бы!..

Молчаніе.

— Вы, почтенный, куда путь держите?

— Въ Кіевъ-съ.

— Въ Кіевъ? Превосходно! вотъ бы намъ того... вмѣстѣ...а?

— Счаво же-съ.

— Ей Богу... Прогоня пополамъ, — и вамъ разсчесть и мнѣ?

— Я съ нашимъ удовольствіемъ! Мнѣ что? Конечно, какъ мнѣ сестрица отписала, гыть—помираю! долженъ я прахъ ее уважить. Такъ али нѣтъ? А ежели тутъ по совѣсти разсудить:— всѣ мы поиремъ,.. дѣло пехитрое...

— Конечно.

— А то треплемся понапрасну... Изъяснямся... деньги даромъ идутъ... Окромя того, сестрица съ муженькомъ насъ ловко поддѣли при жизни-то... можно сказать, какъ разбойники денные, вѣчная имъ память, — давно померли ужъ теперь.

Между тѣмъ особа слѣзла съ дивана, бодро встряхнула плечами шпнель, поприжала на вискахъ косицы, — ибо сразу восприняла духомъ; и въ эту минуту, по слишкомъ бойкому проявленію радости, можно было заключить, что, во время двухдневнаго сидѣнья на станціи, у особы начало появляться уныніе, отчаяніе за будущую минуту, за слѣдующій день.

— Такъ мы, любезный, вотъ какъ: мы въ Глуховѣ разсчесть сдѣлаемъ; до Глухова—вы, отъ Глухова я буду платить.

— Очень хорошо-съ... Съ Богомъ, стало быть.

— Съ Богомъ! Да того, будете отдавать прогоны, скажите, чтобы тамъ вычли два рублишка, добавила особа, называвшаяся господиномъ Трущенко.

— Только, чтобъ это ужъ вѣрно? сказалъ купецъ.

Трущенко, жевавшій булку, утвердилъ это, ткнувъ концами пальцевъ всей пятерни въ грудь, и вздернувъ плечи.

Скоро лошади были поданы; все готово. Трущенко выходитъ на крыльце, и выражаетъ въ фигурѣ великую сановитость.

— Стуль! произноситъ онъ; старосты, ямщики, смотритель бросаются въ комнату, и каждый вытаскиваетъ по стулу.

Особа становится одной ногой на стуль, другую заносить въ телѣгу, при чемъ все окружающіе мгновенно проникаются потребностью подсадить, поддержать ихъ степенство подь мышки, и хранить молчаніе.

Сѣли все. Мальчишка рядомъ съ ямщикомъ. Но телѣжка не трогается:—особа усаживается, встаетъ и опять садится; поправляетъ картузъ безъ подкладки, кашляетъ и, вонзивъ каблукъ въ самую середнцу спины ямщика, громко и ухарски буйствуетъ:

— Пашшолы!

И кони и ямщикъ, почувявъ этотъ возгласъ, произнесенный богатырскимъ голосомъ, вздрогнули и полетѣли стрѣлой...

... Путники давно мчались по мокрой столбовой дорогѣ; комки грязи, отрываясь отъ заднихъ колесъ телѣги, словно ракеты, безпрестанно взвивались вверхъ и щедро сыпались на капюшонъ шивели особы, и на широкую спину лисьей шубы купца. Телѣжка подпрыгивала, и вмѣстѣ съ тѣмъ у купца дрожали концы воротника; у мальчишки, державшагося одной рукой за край повозки, тряслась плечь, а у господина Трущенко, словно языкъ, болталось тулье картуза, вымокшее и закрывавшее ухо. По сторонамъ бѣжали мокрыя поля... съ боку торчала курчавая вѣтла: вѣтеръ забрался въ самую середнцу между ея листьями и, какъ съумасшедшій, трепалъ ихъ въ разныя стороны, и нагибалъ вѣтку въ сторону...

Одна промчавшаяся ставція и пять рюмокъ водки, выпитые Трущенко, развязали ему языкъ; онъ все время солидно разсказывалъ купцу о своихъ московскихъ шапняхъ...

— Ваше высокородіе! сказалъ купецъ: вы бы это ради субботы оставили?

— Два слова и я молчу: такъ это, я вамъ скажу, женщина!.. Смерть! адъ!.. Купчиха...

— Какая-съ? ляпнулъ серьезно купецъ...

— Купчиха, миллионерша.

— Ну это наврядъ, чтобы изъ купеческаго званія, которая нибудь для плоти въ мораль пошла...

— Вотъ пошла!... Да это что? ко мнѣ на Лубянку ѣздило двѣнадцать купчихъ.

— Никогда не повѣрю.

— Двѣнадцать женщинъ! Трущенко поднималъ палець.

— Совершенно баснословіе пушцаете!

— Клянусь!

Трущенко упираетъ концами пальцевъ въ грудь и вскидываетъ плечами.

Купецъ чувствуетъ обиду, и недовольнымъ окомъ смотритъ на попутчика, который если и замолкаетъ на минутку, то не упускаетъ случая, въ это время, толкать ямщика ногой и крпчать:

— Пашшоль!..

Купецъ инстинктивно сознаетъ, что попутчикъ ему не ровня, — начинаетъ смотрѣть изъ-подлобья, и когда приходится платить за него, дѣсколько времени, молча, держится за бумажникъ, и тогда только платитъ; и тѣмъ болѣе неохотно дѣлаетъ онъ это, что видитъ, какъ водка и всякое съѣстное рѣкой льется въ утробу попутчика... Купцу начинаетъ казаться, что этому жравью конца не будетъ.

На одной станицѣ купецъ захотѣлъ перемѣнить рубашку.

— Ахъ, чертъ возьми,—воскликнулъ попутчикъ,—славная мысль!.. Мы кажется одного росту... Дайте-ка и я...

— У меня ситцевыя,.. съ букетами... Можетъ благороднымъ людямъ непристойно?

— Ничего,.. я люблю Россію... Давайте...

Попутчикъ начинаетъ перемѣнять рубаху, и, при видѣ дыръ, узловъ и лохмотьевъ, которыя исполняли у Трущенко должность рубашки, у купца сжалось сердце.

— «Прахвость!» рѣшилъ онъ.

А прахвость съ большимъ величіемъ и граціею сядлся въ телѣгу и кричалъ:

— Пашшоль!..

Купецъ былъ въ отчаяніи;—и отчаяніе это росло съ каждой минутой, съ каждой станицей. Вслѣдъ за первой рубашкой попутчикъ попросилъ вторую, и, пихая грязную въ свой чемоданъ, разсѣянно говорилъ:

— Такъ тово... пріѣзжаетъ она компѣ, говорить: Ангель мой! я безъ тебя умру... Я говорю: что ты? зачѣмъ...

— Вы-бы ужь съ этой станціи... начинаеть купецъ, глядя, какъ его ситець съ букетами прячется подъ кожей барскаго чемодана; потому я болѣ сорока цѣлковыхъ...

— А она бросилась на шею — кричитъ, плачетъ... Я, понимаюе ли,—въ страхѣ, потому—сейчасъ прійдутъ еще три,—рѣшительно не знаю куда дѣваться... умоляю... клянусь...

— Нѣтъ, ваше благородіе,—какъ угодно... Я не въ силахъ.. Мы такъ до Глухова не доѣдемъ...

Трущенко понималъ, что тутъ прогрышъ. Онъ считалъ нужнымъ разсердиться:

— Я вамъ тысячу разъ говорю,—въ Глуховѣ! Стало быть, что же? У меня, славу Богу, князь Лампасовъ сейчасъ тысячу повѣритъ... только слово сказать...

— Хорошо, какъ повѣритъ...

Тутъ Трущенко даже не говорилъ «клянусь», а просто вздергивалъ плечами, бралъ шапку и первый садился въ телѣгу... Кряхтя, взлѣзалъ за нимъ и купецъ.

Попутчикъ поправлялъ картузь, кашлялъ и беззаботно командовалъ.

— Пашшоль!...

На границѣ двухъ губерній стоялъ столбъ.

— Конецъ Орлу! сказалъ ямщикъ.

— Стой! Непстово бракнулъ Трущенко, хватая ямщика за воротъ. Новая губернія была его родина. Винные пары и, можетъ быть, слишкомъ плохая и безнадежная будущность, шевельнули какую-то позабытую струнку въ его груди, и онъ соскочилъ съ телѣги и на колѣняхъ стоялъ на родной землѣ. Онъ хваталъ руками эту сырую землю, цѣловалъ ее молча и плакалъ. Правда, онъ былъ пьянъ, но по чемъ знать, что кромѣ вина, эти слезы возбуждены были тихой и совершенно неизмѣнившеею картиною родной земли; она была такая-же тридцать лѣтъ тому назадъ; а въ то время ея блудный сынъ, быть можетъ, былъ счастливъ... А теперь на ея кроткія глаза онъ явился разбитый, лзѣвѣченный... Въ эти минуты воспаленный мозгъ мгновенно припомнилъ самые скорбные эпизоды горькой жизни... Въ эти минуты въ спиѣ отчетливо чувствовались всѣ тычки и удары кіевъ... На щекѣ горѣла оплеуха... Въ волосахъ чувствовалась могучая рука, родившая на свѣтъ

эту лысину, заставившую насъ почувствовать уваженіе и пр. и пр. А родная земля кроткими глазами смотрѣла на свое дѣтище, не подозрѣвая въ немъ такой бездны гадостей.

Впрочемъ, не эта-ли же земля и провинилась тутъ прежде всего?

Купецъ, почувствовавшій себя на свободѣ, нашель, что теперь самое удобное время расквитаться съ попутчикомъ.

— «Пропадай сорокъ цѣлковыхъ»,—подумаль онъ, и вдругъ схватилъ мальчишку за воротъ и сталъ пихать изъ телѣги.

Мальчишка отчаянно заголосилъ и старался въ поклажѣ запутать крѣпче ноги... Трущенко вскочилъ: онъ былъ опять тѣмъ же; растроганная скорбная струна замолкла; надо было жить, — «авось случай!»

— Что вы дѣлаете? грозно спросилъ онъ. .

Купецъ оробѣлъ.

— Я, ваше высокородіе, одинъ поѣду...

— Какъ? а честное слово? Да знаете-ли милс...ссдарь...

— Я на Мглинъ... Я на Глуховъ не поѣду...

— Такъ вѣдь и я же на Мглинъ!.. Царица небесная! развѣ я вамъ не говорилъ?

— Э, нѣтъ... Я можетъ и такъ сколько убытковъ несу.. Наказаль Господь за сестру,—обозваль ее дурнымъ словомъ...

— Это чертъ знаетъ, что такое!

— Какъ угодно! Съ васъ не видно, чтобъ получить... Извините меня...

. Трущенко пораженъ. Опять засада...

— Ну, Богъ съ вами! Довезите хоть до станціи.

Поѣхали.

— Наказаль Господь! твердилъ купецъ... Прогнѣваль Царицу небесную... Ахъ ты Господи, вотъ и не было печали, авъ черти накачали, прости Господи... тьфу!

Попутчикъ что-то соображалъ, потомъ вдругъ, словно опомнившись, началъ одинъ за другимъ посылать толчки въ спину ямщика, кричалъ «Пашшолъ!»—и этотъ возгласъ пересыпалъ вопросами:—Чья станція? Гдѣ баринъ? Кто староста?

Ямщикъ почему-то счелъ нужнымъ испугаться, и въ этомъ перепугѣ вовсе не думаль соображать, за что его тузятъ. Въ замѣнъ этихъ соображеній, онъ считаль нужнымъ, послѣ важ-

даго толчка, посылать лошадямъ десятки ударовъ кнута. Лошади неслись какъ вихрь. Купецъ держался за телѣгу обѣими руками. Трущенко выпрямился, согнулъ кольцемъ руку и уперся ею въ колѣно, такъ что видъ выходилъ очень воинственный... Колокольчикъ не звенѣлъ: у него тоже словно захватило духъ, и только по временамъ онъ издавалъ какой-то судорожный звукъ, словно икалъ слегка... У мальчика заломило въ груди.

— Пашологъ!.. Бушевалъ попутчикъ, — и скоро тройка, какъ ополоумѣвшая, стала у станціоннаго крыльца. Лошади широко раздуваютъ животы; коренная качается взадъ и впередъ; парь валить столбомъ; у крыльца толпа мужиковъ...

— Стой! произносить, не слѣзая, Трущенко, такимъ голосомъ, какого купецъ не слышалъ отродясь: — очень страшный...

— Здѣсь Миронъ Фоминъ?

— Я в. с-родіе! робко произносить староста.

— Здорово! Это Гусевка?

— Такъ точно.. Гусевская...

— Ну такъ! Баринъ твой прислалъ тебѣ изъ Петербурга поклонъ...

Староста кланялся.

— Другъ и пріятель мой... съ одной посуды ѣдимъ... Подержите-ко братцы, я слѣзу...

Толпа ямщиковъ акуратно предоставила его на землю, словно какую хрупкую посудину. Трущенко велъ себя солидно и старался представить изъ себя человѣка ветхаго...

— Такъ ужъ ты мнѣ Миронъ тово... лошадокъ-то припаси поскорѣй, да получше.

— Будьте спокойны...

— Да, чтобы, понимаешь, съ градомъ... а?..

Миронъ опрометью бросился распорядиться на счетъ лошадей... Купецъ все время молчалъ, боясь затрогивать особу, изъ опаски, чтобъ она не привязалась опять, и утѣшалъ себя тѣмъ, что въ этомъ дѣлѣ достанется и на долю гусевского старосты.

А Трущенко, поддерживаемый мужиками, ходилъ по двору, осматривая хозяйство, и говорилъ.

— Скажу, скажу барину, все ему расскажу, какъ Миронъ,

для него старается... Онъ заходилъ въ амбары, конюшни, лазилъ въ погребъ, наконецъ, для того, чтобы кри проходить черезъ станціонныя сѣни не встрѣтить купца, прямо черезъ ворота вышелъ на улицу и сѣлъ въ запряженную телѣгу.

— Благодарю братцы, говорилъ онъ съ высоты своего сѣдалища. Я вами доволенъ...

— Ради стараться в. с.—родіе. А какже на счетъ... ежели бы прогопы... робко заикнулся староста.

— Ахъ старина, старина, нагибаясь къ нему, чуть слышно шепталъ Трущенко; какъ же это ты рѣшился, напримѣръ, съ гостя?.. Баринъ меня знаетъ; я его люблю; понимаешь-ли, что ты сказалъ? положимъ что и такъ; но ежели мы съ другой стороны... Пашшоль! гаркнулъ онъ.

Тройка рванула; купецъ увидавъ это въ окно, что есть мочи толкнулъ раму, высунулъ голову, покраснѣвъ какъ ракъ, и во всю мочь заоралъ вслѣдъ попутчику:

— Подлая душа! воръ! грабитель! Провались-ты и т. д.

А въ воздухѣ взвились, взорванные лошадиными ногами, куски грязи, и у крыльца стоялъ, растопыривъ вверхъ руки, староста...

...Черезъ мѣсяцъ Трущенко очутился въ г. Н, въ гостиницѣ «Прохлада». Тоцій чемоданъ былъ развязанъ, и всѣ его сокровища, заключавшіяся, кромѣ купеческихъ рубашекъ, въ нѣсколькихъ кускахъ мыла, завернутыхъ въ фольговыя разноцвѣтныя бумажки, нѣсколькихъ, будто-бы пѣнковыхъ трубкахъ,— переселились на столъ, и были разложены такъ мастерски, съ такимъ вкусомъ, что, съ непривычки, посторонній зритель приходилъ въ умленіе и удивленіе необыкновенному уму Трущенко. Обладая такимъ незначительнымъ имуществомъ, могущимъ только породить одно недоумѣніе и неуваженіе невѣжественныхъ трактирныхъ лакеевъ и половыхъ, пріѣзжій баринъ какъ-бы предвидѣлъ это, и, съ перваго же дня своего пріѣзда въ трактиръ, позаботился о возбужденіи къ себѣ уваженія, пустивъ для этого въ ходъ сначала мощь своего горла, и показавъ силу топающей ноги; такъ что скоро всѣ обитатели гостиницы ходили передъ нимъ на цыпочкахъ; лакеи сообщали шопотомъ другъ другу, что баринъ запустилъ въ Семена посудой, утверждая, что изъ лоханей и корытъ онъ

не ѣлъ, и ѣсть не намѣренъ. Попадалась-ли ему гдѣ нибудь въ углу у потолка паутина, онъ тащилъ *самого* хозяина, до котораго рѣшительно всё боялись дотронуться, и кричалъ на него, какъ на мальчишку...

А когда въ трактирѣ, между половыми и прочимъ лакейственнымъ народомъ, начали попадаться субъекты съ разбитыми скулами, распухшими глазами, украшенными синяками, — тогда рѣшительно въ гостинницѣ не было человѣка, который бы не уважалъ Трущенко отъ всего сердца, самымъ искреннимъ образомъ.

Оставалось теперь только задобрить публику городка. Это было не трудно; городокъ былъ маленькій, съ утра до ночи скучавшій, и поэтому сплетничавшій и пересыпавшій въ пустаго въ порожнее. Достаточно было двумъ чиновникамъ, явившимся въ *Прохладу*, поиграть на билліардѣ, мимоходомъ увидѣть конецъ чубука новаго пріѣзжаго, видѣвшійся въ полуотворенную дверь, слышать его густой кашель, два-три слова, и потомъ рассказать это двумъ-тремъ пріятелямъ, чтобъ на другой день вечеромъ публика цѣлаго города шлялась мимо гостинницы, подслушивала подъ окнами и проч. Слѣдовательно, публика должна была интересоваться непременно; должна была сгорать нетерпѣніемъ видѣть новаго гостя, узнать, — брюнетъ онъ или блондинъ и пр. И стоило только днемъ, двумя позатынуть исполненіе этого желанія публики, то есть, дня два не показывать ей глазъ, какъ желаніе это возрастетъ во сто разъ. И поэтому вѣтъ ничего удивительнаго, что публика разинула ротъ отъ изумленія, когда наконецъ Трущенко предсталъ передъ ея глазами. Снабженный костюмомъ на проѣзъ, конечно, съ обязательствомъ уплатить деньги на той недѣлѣ, новый гость ѣхалъ на лучшемъ извозникѣ, направляясь къ прокурору, про котораго Трущенко разузналъ, что это — холостякъ и любитъ выпить, стало быть, въ компаніи нуждается.

У прокурора онъ отрекомендовался старымъ товарищемъ.

— Я, сѣ Богу, не помню васъ!

— Константинъ! другъ!

— Совершенно изъ головы вонъ!

— Благодарю... Я всей душой а онъ.. Варваръ! цѣлуй...

— Извините, ради Бога, я васъ оставлю, — я ѣду на пирогъ.

— А! ну, не смѣю задерживать.... Такъ вы не объѣдаете?

— Нѣтъ.

Въ два часа Т. позвонилъ опять у прокурора.

— Барина нѣту, сказалъ лакей.

— Знаю!.. Накрывай на столъ... Что у васъ?

— Холодное, щи, компотъ...

— Холодное—поросенокъ?

— Говядина-съ.

— Эхъ, чортъ возьми... Ну ладно давай, давай!

Гость раздѣлся, напялилъ на плечи прокурорскій халатъ, плюхнулся на диванъ и заплѣлъ: «огонь, огонь запылалъ».

... Въ одно утро, благородный гость появился въ городской больницѣ. Онъ скромно объявилъ себя постороннимъ посѣтителемъ изъ Петербурга;—но для губернскихъ эскулаповъ довольно было фразы «изъ Петербурга», чтобы во первыхъ, перепугаться на смерть, а во вторыхъ сообразить, что тутъ не безъ подвоха; что тутъ подослано... и что, стало быть, если теперь хоть на минуточку развѣсить уши, то угодить въ Сибирь—совсѣмъ плевое дѣло. Герой нашъ зналъ это, и для большаго эффекта прицѣпилъ въ петличкѣ какую-то ленточку, которую, повидимому, хотѣлъ спрятать... Это еще болѣе убѣдило врачей въ ихъ мысляхъ, и заставило внимательнѣе смотрѣть на особу, которая очевидно притворяется и хочетъ поймать въ располхъ,—на откровенномъ словѣ.

А посѣтитель, между тѣмъ, ходилъ по палатамъ, весьма вѣжливо требовалъ показать бѣлье, простыни, колпаки;—заглядывалъ подъ кровати... и проч.

— Ну чтожъ, спрашивалъ онъ, ноги вы отпиливаете?

«Притворяйся!» — Пилимъ и ноги-съ.

— Гм!.. Скажите, отчего это у васъ такой воздухъ?

Посѣтитель морщитъ носъ.

— Людно-съ. Народъ больной... Изъ иного какая гадость льется...

— Курилъ бы... что-ли...

— Куримъ-съ... Кромѣ того, всякій человекъ свой воздухъ вмѣетъ въ окружности...

— Это так!.. А что все у васъ благополучно?

— Благодареніе Богу-съ!

— Выговоровъ вы не получали?

— Никакъ нѣтъ, ваше превосходительство...

— И подѣ судомъ не были?

— Сохрани Царица небесная...

— Я такъ....

— Осмѣливаюсь покорнѣйше просить откушать, чѣмъ Богъ послалъ.

— Ахъ помилуйте... Не стѣсню-ли?

Черезъ пять минутъ герой нашъ въ залѣ у лѣкаря. Онъ одинъ; хозяинъ юркнулъ въ дальнія комнаты; вездѣ шепчуть... Въ это время, сквозь узенькую щель, между отворенными слегка дверями, нѣсколько десятковъ рукъ пропихнули въ залу нѣкоторую дѣвицу, и послышалось вслѣдъ за тѣмъ:

— Займа!...

Трушenko замѣтилъ, что при пиханіи, дѣвицы пинки прямо направлялись ей въ шею.

Дѣвица присѣла, и тутъ-же помѣстилась на стулѣ. Отъ волненія у ней прыгали на груди какіе-то кисейные банты и мохры лентъ. Нашъ герой подсѣлъ къ ней; уперся локтемъ въ подоконникъ, загналъ ногу подѣ стулъ и, слегка постукивая дномъ шляпы въ колѣно, говорилъ:

— Вы любите природу?

— Люблю-съ...

— Но, можетъ быть, что нибудь и больше природы любите?

— Папашу и мамашу...

— А!.. Сыграйте что нибудь... Вы поете?... Вы этимъ доставите мнѣ великое наслажденіе...

Барышня сѣла за фортепьяно и спѣла:

Мой амурчикъ

Мой агурчикъ, и пр.

— Прекрасно! Необыкновенно.

Барышня переводила духъ, и продолжала:

И я прямо,

Точно мама,

Качаю дитя...

Гость опять разсыпался въ похвалахъ, а дѣвица опять пѣла...

Ахъ Анета!
Что же это?

— Ахъ, - вотъ!.. прервалъ гость, очень похоже, — есть тоже такая поговорка: «Акулина! Это что?» — Превосходно!

Барышня хоть и красивѣла, но дѣйствительно думала, что поэтъ необыкновенно.

Обѣдъ и ухаживанье, которымъ былъ окруженъ нашъ герой въ продолженіи двухъ часовъ, совершенно соответствовали его сановитости и многочисленнымъ достоинствамъ. Когда онъ уѣзжалъ, вся семья высыпала на крыльце; въ это время, сквозь толпу провожавшихъ, плечомъ пробился фельдшеръ, и произнесъ:

— Ваше превосходительство! изволили забыть вашу портомонетъ...

— Ахъ, да... спасибо!..

Герой нашъ, ощутивъ боковой карманъ, въ который былъ засунутъ по всей вѣроятности, лѣкарскій бумажникъ, съ болѣе энергіей крикнулъ изволицу:

— Пашшолъ!..

Безъ денегъ Трущенко умѣлъ быть героемъ, а съ деньгами—вдвое... Весь потасянный арсеналъ средствъ—разнообразить скромное и благородное существованіе—пришелъ въ дѣйствіе, и поэтому не трудно понять, что мирные чиновники, которымъ случилось зайти въ трактиръ до знакомства съ нашимъ героемъ, ограничивавшіеся скромнымъ желаніемъ выпить бутылку—двѣ кислыхъ щей, сыграть на биліардѣ безъ интереса и потомъ уйти въ какой нибудь глухой переулокъ, — эти полумертвые особы, послѣ недѣли знакомства съ Трущенко, вдругъ воспріяли всѣ ухватки и обычаи лучшихъ московскихъ трактирныхъ львовъ: какъ и тѣ, они начали *спускать* другъ-друга съ лѣстницы, начали по настоящему понимать честь и благородство, получая о послѣднихъ понятіе тотчасъ же по полученіи оплеухи, и вслѣдъ за тѣмъ мстить, удовлетворять себя за оскорбленіе, пуская другъ въ друга бутылками...

Какъ бы то ни было, но городская скука, питаемая только сплетнями, добралась и до солидного Трущенко, и моремъ сплетней хлынула въ публику. Все было ясно; герой оставался снова безъ пути, безъ дорогъ; домохозяева не приказали пускать его въ дома, а ежели окажетъ буйство, — гнать метлой. Половые потеряли уваженіе, — лягали раненнаго льва, какъ ослы, а скоро и самого льва *спустили* съ лѣстницы.

Настали тяжкія времена; герой будто исчезъ. Носились слухи, что онъ ходилъ по городскимъ монастырямъ, обѣдалъ съ монахами въ трапезѣ, усердно ходилъ въ церковь и помпуптно клалъ земные поклоны, стараясь дѣлать это на виду игумена, чтобы такимъ образомъ заслужить его довѣріе... Однажды у всепочной, передъ нашимъ героемъ стоялъ старичекъ-чиновникъ и подтягивалъ пѣвчимъ...

Трущенко тоже началъ подпѣвать...

— Экое пѣніе, сказалъ чиновникъ, Господи, заступница!..

— Кіевскій напѣвъ, — самый трогательный, подбавилъ нашъ герой...

— Да-да...

Чиновникъ стоялъ съ закрытыми глазами.

— Такъ, такъ, твердилъ чиновникъ...

Послѣ всепочной и чиновникъ, и нашъ герой вышли вмѣстѣ; шли, толковали, и подъ конецъ чиновникъ попросилъ его къ себѣ на чай... Благородная особа пошла, — и живетъ другую недѣлю... Это крайне сердитъ семью, но самъ чиновникъ — доволенъ; это былъ странный человекъ, жившій совершенно отдѣльною жизнью отъ своей семьи: онъ не зналъ, сколько ему приходилось получать пенсін, зналъ, что ему дадутъ поѣсть и больше ничего; лѣтомъ ходилъ ловить рыбу и по цѣлымъ днямъ сидѣлъ на какой нибудь баркѣ съ удочкой въ рукахъ; страстно любилъ пѣніе и проповѣди. Семья не слушала его разсказовъ.

— Заголосилъ свое! съ сердцемъ прерывала его рассказы жена...

— Невѣжа! произносилъ чиновникъ, уходя.

Поэтому - то онъ былъ очень радъ знакомству съ человекомъ, которому все это можно было повторить въ сутки двадцать разъ, не боясь заставить скучать...

— А проповѣди вы любите? спрашивалъ чиновникъ.

— Смертельно люблю...

— Гм... мычалъ улыбаясь чиновникъ... Я когда-то вдвѣ-
ле... какъ молодъ былъ, самъ сочинялъ...

— А-а-а...

— Любилъ! Страсть какъ любилъ!.. Вотъ позвольте я вамъ..
того.. Чиновникъ нырнулъ въ другую комнату, шуршалъ бума-
гами и наконецъ выносилъ тетрадку. Но прежде нежели на-
чиналъ читать, онъ считалъ нужнымъ сдѣлать какое нибудь
предисловіе:

— По моему, говорилъ чиновникъ, главное дѣло въ про-
повѣдѣ,—публику озадачить.

— Такъ, такъ.

— Надо словцо такое сначала подобрать,—да и грянуть...
Напримѣръ: выхожу я говорить къ публикѣ... молчать; ты
въ это время духъ-то позатаи да вдругъ: «огнь!»

— Страсть!..

— Или-бы: «громъ!» Да изо-всѣхъ грудей!.. Вѣдь этакъ
публику можно шаркнуть—мое почтеніе!..

— И-и-и...

— То-то.

И чиновникъ начиналъ читать проповѣдь.

Однажды онъ ходилъ по комнатѣ съ рѣчью въ рукахъ,
начинавшееся словомъ «пеплъ» или «адъ», и ожидалъ своего
друга, сгорая жаждою повѣрить свое новое сочиненіе..

— Аристархъ Лукичъ! произнесла входя жена. Не ви-
далъ-ли ты тутъ салопа моего лисьяго?—онъ на гвоздѣ въ
передней висѣлъ...

— Нѣтъ, не видѣлъ...

Жена поблѣднѣла и выпучила глаза. Супругъ счелъ нуж-
нымъ сдѣлать тоже...

— Господи Іисусе Христе!.. Что такое? продолжала жена.
Марья говорить, будто шесть столовыхъ ложекъ пропало?..

Супруги долго молча и изумленно смотрѣли другъ на друга,
а потомъ вмѣстѣ закричали:

— Караулъ! Это онъ воръ! Это онъ салопомъ одѣвался...

— Батюшки милые! заступники наши усердные, заголосилъ
весь домъ.

А герой нашъ мчался на тройкѣ борзыхъ коней, и, толкая ямщка въ спину, покрикивалъ весело:

— Пашшоль!

И сытые кони бодро подхватывали и уносили сѣдока...

Онъ былъ одинъ; — мальчишка исчезъ неизвѣстно куда...

.... Незамѣтно пробѣжали два, чуть-ли даже не три года. Гдѣ былъ, что дѣлалъ нашъ герой, — вовсе неизвѣстно; но нетрудно заключить, что прежнее міроѣдство не оставляло его ни на шагъ, какъ не оставляли вмѣстѣ съ тѣмъ и неудачи, — ибо иначе, что же заставило его пѣшкомъ плестись въ одну вьюжную зимнюю ночь, по большой дорогѣ къ какому-то городу; морозъ безжалостно рвалъ его тѣло, плохо прикрытое пальтишкомъ и дамской шалью, и Трущенко то и дѣло принужденъ былъ останавливаться и поджимать, словно журавль, то одну, то другую ногу. А кругомъ парила лютая зима, и пировала мятель... Безконечныя бѣлыя равнины сливались съ небомъ, и на нихъ съ визгомъ бѣсились снѣжные вихри: — они рвали другъ-друга на части, взвизгивали и исчезали... Тусклыми, осоловѣлыми, совершенно безжизненными глазами смотрѣла вьюга въ лице прохожаго, и, стиснувъ свои безобразные зубы, шипѣла и выла сквозь нихъ... а вытье это подхватывали тысячи вихрей, носившихся по полямъ, и перебѣгавшихъ дорогамъ...

Пустынно и страшно было кругомъ...

Вдали, изъ непроницаемой тучи, гулявшаго повсюду, вмѣстѣ съ вѣтромъ, снѣга, по временамъ выныряли черной точкой мужичьи дровни. Въ нихъ помѣщался, стоя на колѣняхъ, до безумія пьяный мужикъ, пятую версту догонявшій кого-то, такъ искусно улететывавшаго отъ него вмѣстѣ съ вихрями... Остервенѣвшійся мужикъ сиплымъ, словно замерзшимъ голосомъ оралъ на лошадь; та неслась сломя голову; сани раскачивались, и лошадь скакала поперекъ оглоблей. Вдругъ мужикъ изо-всей силы натянулъ возжи, откинулся при этомъ назадъ, такъ что уперся спиной въ пятки своихъ огромныхъ сапогъ. Лошадь остановилась... Шумъ полозьевъ замеръ, и въ уши врывается глухой шумъ лѣса... Кажется, что изъ глубины этого лѣса, богъ знаетъ за сколько отсюда верстъ, доносятся какіе-то вопли... Страшные крики... вотъ

они будто дѣлаются слышвѣе... слышиѣе... Кажется, что сейчас они побѣдятъ преграду лѣсной опушки и забушуютъ, здѣсь надъ вашимъ ухомъ... Но шумъ по прежнему идетъ въ глубинѣ лѣса...

И снова съ поля налетаютъ вихри...

— Коли!.. Мерзлымъ горломъ надсаживается мужикъ, снова догоняя кого-то...

— Зноби! оретъ онъ издалека...

А лошаденка вскачь неслась, и неслась безъ оглядки; она сама перепугалась горлодерства своего хозяина.

Трущенко собралъ послѣднія силы и бѣгомъ ударился за санями... Задыхаясь, широко раздувая ноздри, — онъ догналъ ихъ и, не говоря ни слова, упалъ на самое дно... Ополоумѣвшій мужикъ не замѣчалъ сѣдока...

Туча снѣга, налетѣвшая на нашихъ путешественниковъ, скрыла ихъ въ бѣлой, но не проникаемой дали ночи...

Вьюга пировала...

— Пошелъ! Донесла она издали, и умчала этотъ крикъ Богъ вѣсть куда...

II.

ТЕМНЫЙ ТРУДЪ.

.... И опять вокругъ меня старая знакомка — Москва! Въ несстерпимомъ зноѣ лѣтняго полдня, въ тучѣ раскаленной, и повисшей въ воздухѣ пыли — потонула кривая московская улица; трескомъ, грохотомъ осадилла она меня со всѣхъ сторонъ, отуманила, почти отвыкшую отъ этого грома, голову и надѣлила тысячами пинковъ, щедро посылаемыхъ въ мои бока и грудь богатырскими московскими локтями... Это именно обстоятельство и заставило меня пристальнѣе разглядѣть, что дѣлается кругомъ, не рушится-ли чтонибудь, и потомъ, если нужно, спастись бѣгствомъ отъ этого содома... Дѣйствительно, спусти немного ухо, начинается различать среди всеобщаго, кажущагося крушенія, крики разнощиковъ и кучеровъ, трескъ тысячи колесъ, визгъ шарманокъ, грохотъ аккомпанирующихъ имъ бубновъ, грохотъ желѣза, которое кидаютъ на

каменный тротуаръ... А све, оху дубасить колокоць — сегодня праздникъ... Желаніе остаться въ живыхъ, разрѣшаетъ самому дѣйствовать локтями и пробивать себѣ дорогу... Сколько людей, сколько лицъ...

— Кажется знакомое? соображаю я, по поводу мелькнувшей въ толпѣ физиономіи. Физиономія опять пове, нулась...

— Она! рѣшаю я, кричу:

— Черепковъ! Г-нъ Черепковъ!..

Это дѣйствительно онъ; я узналъ его; и чрезъ минуту мы выпускаемъ вполнѣ радостные и весьма приличные случаю восклицанія. «Какими судьбами?» — «давно ли?» — «Ну, что какъ дѣла?» — сыпались вопросы среди нашей бесѣды, и не могу похвастаться, чтобы я особенно точно отвѣчалъ на такіе возгласы Черепкова. Кромѣ вытаращенныхъ глазъ, мѣрившихъ пріятеля снизу вверхъ и сверху внизъ, едва ли что иибудь было во всемъ моемъ существѣ, что-бы могло въ эту минуту дѣлать свое дѣло... А не вытаращить глазъ, — я немогъ; потому что, вмѣсто рубища и рвани, въ которой пребывалъ Черепковъ въ мою бытность въ Москвѣ, я теперь видѣлъ на немъ красную рубашку, бархатную поддевку и шаравары, сапоги съ бураками и шляпу съ маленькимъ павлинымъ перушкомъ... Онъ франтилъ. Черезъ пять минутъ мы были въ трактирѣ.

— Какъ же это ты братъ разжился? пыталъ я... Уроки что ли хорошіе подыскалъ?

— Подыскалъ! улыбаясь, произнесъ онъ. Тутъ вотъ какой урокъ, — гляди:

При этомъ онъ согнулъ указательный палець и придвинулъ его къ своимъ глазамъ; — на пальцѣ горѣлъ перстень.

— Видѣлъ? спросилъ онъ.

— Видѣлъ.

Черепковъ согнулъ палець на другой рукѣ, и я увидалъ другой перстень.

— Видѣлъ? спросилъ онъ опять.

— Видѣлъ.

— То-то!.. Вотъ-те урокъ!.. Объ этой мелюзгѣ, прибавилъ онъ, я и не говорю, при этомъ онъ вдругъ заболталъ передъ моими глазами всѣми десятью пальцами, сразу сверкнувъ, та-

кимъ образомъ десятками колець менѣе значительныхъ, и заключилъ...

— Вотъ какъ! Это — утѣшенье!

Измученный и недоумѣвающий откуда сіе, сидѣлъ я въ шумной трактирной закусочной. Барабанила машина, отхватывая фолионъ, и подъ тѣнью какихъ-то судорогъ и вздергиваній въ этой пьесѣ, опытный купецъ, опустивъ голову къ столу, тыкала вверхъ вилкой, на которой сидѣла котлета; скоро въ котлетѣ образовалась дыра... Вообще, вся окрестная картина вовсе не говорила о томъ, что народъ, собравшійся сюда, пришелъ за тѣмъ, чтобы закусить, подкрѣпиться,—виднѣлось, что все это онъ найдетъ дома, а здѣсь желаетъ ахнуть или грохнуть. Было какое-то пиршество, напоминавшее торжество пировъ блуднаго сына, чему, кромѣ безобразія, способствовалъ костюмъ половыхъ,—бѣлыя длинныя рубашки. Половые напоминали библейскихъ рабовъ.

— Однако Черепковъ... началъ-было я что-то, но Черепковъ перебилъ меня:

— Ты меня тутъ называй Вьюгинъ.

— Какъ?

— Я тутъ такую фамилію ношу... Меня такъ всѣ тутъ знаютъ...

Оказалось дѣйствительно, что всѣ половые величали его по имени по отчеству, кланялись въ поясъ, и вообще, видно было, что онъ здѣсь не въ первый разъ.

Это подтвердилъ и самъ пріятель мой:

— Я братъ всѣ трактиры прошелъ вдоль и поперекъ.. вездѣ почетъ... Ёшь!..

Я ёлъ.

Вьюгинъ упорно молчалъ, повидимому, доискиваясь—что бы сообщить?..

— Ахъ да! палку мою видѣлъ? наконецъ радостно произнесъ онъ.

— Нѣтъ, не видалъ.

— Эге братъ! Что же ты послѣ этого видѣлъ? На-ка!..

Палка дѣйствительно была хороша...

— Двѣ во всей Москвѣ было...

— Ну?

— Будь я подлець!

Эта клятва была произнесена какимъ-то юнкерскимъ то вомъ. Такъ прежде Черепковъ не говорилъ.

— А вотъ булавка,— посмотри... Вслѣдъ за тѣмъ Вьюгинъ показалъ булавку, ключикъ отъ часовъ, посвисталъ въ него, повертѣлъ такъ, что ключъ издалъ нѣкоторый трескъ,—это составляло одно изъ его многочисленныхъ достоинствъ! Видно было, что въ настоящіе годы Черепковъ только и жилъ этимъ счастьемъ обладанія кольцами, цѣпочками и проч.; отнять бы это. и Черепковъ, можетъ быть, считалъ бы полный проигрышъ во всѣхъ статьяхъ.

Выпивъ какого-то вина, мы рѣшились ѣхать къ нему, въ домъ; въ дверяхъ онъ остановился передъ половымъ, отвѣшавшимъ ему земной поклонъ, и произнесъ:

— Знаешь?

При этомъ онъ показывалъ себѣ въ грудь.

— Какъ не знать, батюшка, Семень Гаврилычъ... Очень вашу милость знаемъ-съ.

— Семену Гаврилычу! произнесъ буфетчикъ, протягивая Вьюгину руку. Сколько лѣтъ — сколько зимъ...

— Да, давненько...

Мы пошли.

— Видѣлъ? спросилъ меня Черепковъ, показывая пальцемъ черезъ плечо, и намѣкая, какъ видно, на этотъ разговоръ.

— Видѣлъ.

— Уважають... Пойдемъ.

Мы неслись на отличнѣйшемъ извозчикѣ и, мало по малу, забирались въ такіе извиленные и невѣдомые переулки, въ которыхъ я во всю бытность свою въ Москвѣ не бывалъ ни разу; вдали виднѣлось Ходынское поле. Наконецъ, среди лачугъ, передъ нами выросъ обширный деревянный домъ съ мезониномъ. Такіе дома изображали наши романисты, поселяя въ нихъ семью столбовыхъ. Въ мезонинѣ жила героиня;— здѣсь она плакала, молилась, мечтала... А когда любовь начинала требовать послѣдняго слова, и авторъ дописывалъ, стало быть, послѣднія страницы,—героиня начинала бѣгать сюда все

чаще и чаще, и отсюда посылая сказать ожидающему герою что у нея болитъ голова.

— Я братъ живу въ мезонинѣ, говорилъ Вьюгинъ, когда мы шли съ нимъ по двору.. У меня все отдѣльно... вишу *сама*.

Тутъ Вьюгинъ быстро поднесъ свои губы къ моему уху, зашпатель рукою и мое ухо и губы, и шопотомъ произнесъ:

— Полковница... помѣщица... вдова...

— А!.. тянулъ я...

Мы вошли въ мезонинъ.

Вьюгинъ помѣщался въ трехъ комнатахъ, устланныхъ коврами, уставленныхъ диванами. На стѣнахъ висѣли картинки, изображавшія женщинъ, занимавшихся исключительно постановкою себя въ разнообразныя позы; каковыхъ позъ, и женщинъ, по всей вѣроятности, ни въ какомъ царствѣ отыскать не возможно.

Вьюгинъ отодвинулъ отъ стола кресло, пихнулъ кулакомъ въ сидѣнье и произнесъ:

— Все братъ на пружинахъ... Садись! и самъ повалился на диванъ.

— Ну что жъ? Ёсть что-ли будемъ?

— Я сытъ.

— Ну пить? Эй!

При этомъ Вьюгинъ стучалъ каблукомъ въ полъ и говорилъ:

— У меня братъ безъ церемоніи, что хочешь... всего по горло.

Явился лакей.

— Скажи барынѣ, что у меня гость... Посмотри, какъ разугостить, добавилъ онъ, когда ушелъ лакей. Она у меня добрая... и богатая... Стара шельма; а влюбилась по уши... Почему-жъ ее и не обирать?..

Вьюгинъ улыбался.

— Понимаешь?

— Понимаю.

— Я тутъ, управляющимъ для виду считаюсь—понимаешь, какъ-то неловко...

Молчимъ.

Въ головѣ моей шумѣли размышленія о судьбѣ Вьюгина. Какимъ образомъ такъ скоро охватила его эта цыганская

пляска, постоянная ярмарка, и какой будетъ конецъ этому счастью?

Вьюгинъ снова не находилъ, что сказать.

— Ахъ да! вотъ,—я тебѣ хотѣлъ показать еще халатъ...

Вслѣдъ за этимъ началось показыванье платья — всего во множествѣ экземпляровъ: и лѣтнее и зимнее и осеннее — для дня, для ночи, для вечера... Потомъ показывались опять кольца, медальоны, табакерки, своей внѣшностью говорившія длинныя исторіи разрушающихся теперь столбовыхъ гнѣздъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, снизу таскали подносы съ разнообразнѣйшими яствами.

Барыня дѣйствительно разугостила,

Толковать оставалось ровно не о чемъ; Вьюгинъ запѣлъ:

Но когда полюбя,
Ты обманешь меня,
То клянусь я т. д.

Но и это надоѣло. Машинально взявъ онъ яблоко, подошелъ къ окну, открылъ форточку, и выжидалъ случая, въ ко-го бы запустить этимъ яблокомъ. Посреди дороги шель разнощикъ съ лоткомъ на головѣ. Вьюгинъ попалъ въ лотокъ, который, круто закружившись, брякнулся на-земь. Мужикъ заоралъ во все горло, а Вьюгинъ хохоталъ, хватаясь за животъ, и не забывъ тотчасъ же захлопнуть форточку.

На минуту онъ остановился, прислушался,—мужикъ ругался попрежнему; Вьюгинъ подкрался къ окну, заглянулъ однимъ глазкомъ на улицу и произнесъ:

— Подбираетъ семгу... всю въ пыль своротилъ...

И покотился снова со смѣху...

— И это тебѣ доставляетъ удовольствіе? спросилъ я.

— Доставляетъ. Я недавно что: тутъ въ одной библіотекѣ бабы сидятъ, торгуютъ книжками, — я забрался съ пріятелями, да такую штуку отмочилъ, — ахъ ты мнѣ... Это что? Хочешь, я сейчасъ эту вазу на дворъ шаркну.

— Не хочу...

— Нѣтъ ты скажи откровенно? можетъ быть, ты не вѣришь?

— Не вѣрю.

— Такъ я тебѣ докажу; Вьюгинъ схватился за вазу.

— Вѣрю, вѣрю, кричалъ я.

Но ваза уже грохатала по крышѣ и потомъ дребезгами зазвенѣла на дворѣ, спугнувъ куръ и собаку. Вьюгинъ покраснѣлъ, и смѣхомъ хотѣлъ это спрятать.

Лакей принесъ изъ низу записку. Вьюгинъ пробѣжалъ ее и завопилъ:

— Эге-ге... Нѣтъ братъ, шалишь!.. Скажи барынѣ, что гость ушелъ...

Въ запискѣ было: у тебя молодой человекъ; отчего не познакомиться?..

Черезъ нѣсколько минутъ я прощался съ Вьюгинимъ; проходя по двору, я въ окнѣ увидалъ женскую фигуру. Это была старуха, съ сѣдыми локонами на вискахъ. Она грозилась, провожавшему меня, Вьюгину и улыбалась.

— Сама—сказалъ Вьюгинъ.

Мы разстались.

Эти сцены, такъ быстро пронесшіяся другъ за другомъ, напомнили мнѣ сцены другія,—сцены печальныя. Мнѣ вспомнился Черепковъ въ бѣдной каморкѣ на Бронной; вспомнилась поголовная пищета всего нищенскаго населенія конуръ съемщицы Василисы. Здѣсь царствовала тѣснота, о чемъ свидѣтельствуетъ потолокъ, на которомъ волоса Черепкова, во время ходьбы, расчистили копоть и нарисовали млечные пути. Здѣсь царствовалъ голодъ, который только изрѣдка побѣждала Василиса, занимая у сосѣдки черезъ улицу тарелку—другую щей... И хоть щи эти, къ концу своего путешествія, едва не замерзали, все-же доброе дѣло Василисы цѣнилось вполне.

При такой обстановкѣ застаемъ мы Черепкова. Положеніе его было печальное; тоска и неопредѣленные, сумбурныя думы, одолевали все его существо, и въ этой-то неопредѣленности заключалась вся невыносимость этихъ думъ... Не хватило у него заплатить въ университетъ... Сознавай онъ, что университетъ разрѣшитъ его завѣтные вопросы, — можетъ быть, пустился-бы онъ на урокъ за десять верстъ, принялся-бы переписывать бумаги по гривеннику за листъ... Но вопросовъ этихъ не было. Ихъ не было очень давно; въ гимна-

зін зубрилось и учились все потому, что впереди видѣлась послѣдняя страница книги, дальше которой зубрить нечего было; за концемъ этой книги видѣлся университетъ. А здѣсь,— все! Что такое это было *все*,—неизвѣстно....

А университетъ такимъ образомъ уходилъ и уходилъ... Кругомъ была смерть или, по крайней мѣрѣ, медленное замерзаніе; ничто не подзадоривало, ничто не побуждало торопиться бѣжать;—некуда было бѣжать, нечего искать... Всѣ обитатели квартиры Василисы, отъ самой хозяйки, до темной личности, проживавшей безъ прописки, все это жило на авось. Но въ пользу этихъ людей нельзя не сказать, что и они когда-то хотѣли чего-то, и боролись за что-то. У нихъ было, изъ рода-въ-родъ переходившее, горе и, можетъ быть теперешнее положеніе и возможность прокормиться—ихъ конечное счастье. Быть можетъ, эти грязные ухваты, сломанные самовары, даже званіе съемщицы и хозяйки,—все это детали, обставляющіе, когда-то мечтаемую, но теперь вполне осуществленную картину счастья... У Черепкова существовало одно желаніе—не быть въ такомъ подломъ положеніи, въ какомъ онъ находился теперь. Есть *идь-то* такое житье, думалось ему тогда, гдѣ не можетъ быть этихъ терзающихъ думъ. Гдѣ такое житье? Сказать не возможно... Но есть... Кто-то долженъ придти и дать счастье, или вообще, счастье это придетъ само... Идти за нимъ некуда; да и не видать, откуда начинается дорога туда...

Счастье иногда рисовалось ему въ формѣ толстыхъ, сытныхъ пироговъ, и, являсь въ такомъ соблазнительномъ видѣ, терзало Черепкова еще страшнѣе. Голодъ и нищета играли имъ, —какъ кошка мышью; въ то время, когда у него мерзли отъ холоду ноги, и въ дырки сапогъ глядѣли пальцы, стоило ему пройти по улицѣ, чтобъ не встрѣтить ни одной особы, которая страдала бы тѣми же недугами. Всѣмъ казалось было тепло... Когда желудокъ его неумолкаемо говорилъ трогательные монологи о помощи, и когда Черепковъ выходилъ на улицу развлечь сердитаго оратора, съ первато же шага, если не попадался ему господинъ, что нибудь жевавшій, то, какъ на зло, казалось, что вся улица увѣшана вывѣсками: съѣстная, и

«сѣбѣсная». Черепковъ начиналъ окончательно убѣждаться, что все вооружилось противъ него.

Между тѣмъ этотъ *кто-то*, отъ кого ждалось счастье — не приходилъ... И борьба Черепкова съ несмѣтнымъ полчищемъ враговъ, продолжавшихъ являться въ образѣ незнакомыхъ и терзающихъ думъ, росла, росла и становилась наконецъ невыносимою.

Въ эти минуты нѣкоторые начинаютъ запивать...

— Что вы все лежите? спрашивала разъ Черепкова Василиса.

— Да чтожь дѣлать-то?

— Какъ что? местѣчка бы себѣ поискали... Баринъ вы молодой... ножки авось молоденькія, — побѣгали-бы, посп росили.

— Куда же бѣжать?.. гдѣ, какія мѣстечки?..

— Мѣстовъ много... Вотъ позвольте, спрошу я, есть тутъ одна полковница... Любитъ она книжки читать... Старушка она, видитъ-то плохо — ну и, ищеть такого челбѣчка, который-бы читалъ ей... Я поспрошу.

— Спросите пожалуйста.

— Вотъ вамъ-бы... Она молоденькихъ любить...

Василиса разузнала, распросила... Сходилъ Черепковъ и вернулся. Онъ недоумѣвалъ...

— Ужь больно гадко, думалъ онъ... Эту фразу шепнуло ему сознаніе той убогой роли, на которую онъ рѣшился... Но ученіе еще не такъ пробралось въ кости. Другая сторона теперь толкала на другую жизнь, которая побѣждала всѣхъ враговъ не дававшихъ ему покоя... И Черепковъ рѣшился читать книжки полковницѣ...

Остальное сдѣлала пустота, а за ней — апатія...

Глебъ Успенскій.

ЧЕНЧИ.

ТРАГЕДІЯ ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ.

Соч. Шелли

ДѢЙСТВІЕ IV.

СЦЕНА 1.

Комната въ замкѣ Петреллы.

Входитъ ЧЕНЧИ.

ЧЕНЧИ.

Все нѣтъ ея. Однако побѣжденной
И слабою оставилъ я ее
Еще за мигъ до этого. Извѣстно
Ей хорошо, какое наказанье
Медлительность такая навлечетъ...
Но что, когда угрозы всѣ напрасны?...
Ну, чтожь! Вѣдь мы теперь окружены
Окопами Петреллы; здѣсь бояться
Мнѣ нечего глазъ Рима и ушей;
Здѣсь я могу за кудри золотыя
Ее таскать, топтать ее пятой,
Сонъ отымать на столько, чтобъ рассудокъ
Затмился въ ней, смирять ее цѣпами
И голодомъ... И меньшихъ даже мукъ
Достаточно для укрощенья было-бъ...
Но кинуть такъ несовершеннымъ то,
Къ чему стремлюсь я жадною душою, —
Нѣтъ, никогда! Ея строптивый нравъ
Унизиться обязанъ добровольно, —
И быть тому.

(Входитъ *Лукреція*).

Ты что сюда пришла,
Тварь гнусная?... Вонъ съ глазъ моихъ скорѣ!
Пошла!... Пстой... Скажи, чтобъ Беатриче
Пришла сюда сейчасъ же.

ЛУКРЕЦІЯ.

О, супругъ!

Молю тебя, хоть для спасенья жалкой
Твоей души, подумай наконецъ,
Что сдѣлалъ ты! Вѣдь человѣкъ, живущій
Какъ ты, среди преступныхъ дѣлъ, и въ нихъ
Встрѣчающій опасность ежечасно,
Вдругъ можетъ пасть въ могилу. Ты старикъ;
На головѣ твоей видны сѣдины;
Твой близокъ часъ. Коль хочешь ты спастись
Отъ адскихъ мукъ за гробомъ,—сжался, Ченчи,
Надъ дочерью, дай друга—мужа ей;
Тогда ты самъ отъ искушеній страшныхъ
Избавишься и худшаго уже
Не сдѣлаешь, когда возможно только
Быть худшему...

ЧЕНЧИ.

Ты хочешь, чтобъ она,
Какъ дочь моя другая, поступила?
Чтобъ и она, въ другой странѣ найдя
Себѣ пріютъ, оттуда издѣвалась
Спокойствіемъ и счастіемъ своимъ
Надъ злобою моею? Пропадайте
Вы всѣ—она, и ты, и остальные!
Пускай меня и скоро смерть возьметъ—
Ея судьба еще скорѣй рѣшится!
Ступай, зови сейчасъ ее сюда...
Да пусть идетъ, пока еще я въ духѣ;
А то потомъ я притащу ее
За волосы.

ЛУКРЕЦІЯ.

Она меня послала
Къ тебѣ, супругъ. Ты видѣлъ, какъ въ твоёмъ

Присутствіи она вдругъ чувствъ лишилась.
 И въ обморокъ этомъ голось ей
 Послышался: «Погибнуть долженъ Ченчи!
 «Скажи ему, чтобъ онъ въ грѣхахъ своихъ
 «Покаялся,—что ангель-обвинитель
 «Желаеть знать, совѣмъ ли затворилъ
 «Для добрыхъ дѣлъ Всевышній душу Ченчи,
 «Чтобъ наказать его за всѣ грѣхи
 «Ужасные.»

ЧЕНЧИ.

Ну, чтожъ! Такія вещи
 Случаются. Сомнѣнья нѣтъ, что Богъ
 Являть себя чрезъ откровенье можетъ.
 Что небеса ко мнѣ благоволятъ—
 Въ томъ спору нѣтъ: вѣдь только что я проклялъ
 Двухъ сыновей, какъ умерли они.
 Бываетъ, да... А правда и неправда—
 Одни слова и больше ничего...
 Раскаянье... оно ничто иное,
 Какъ дѣло двухъ или трехъ пустыхъ минутъ
 И болѣе отъ Господа зависить,
 Чѣмъ отъ меня... Да, правда... хорошо...

(Луcreція болзливо подходитъ къ нему и съ ужасъ отступаетъ по мърь тою, какъ онъ говоритъ).

Одинъ и два... Кристофано и Рокко
 Проклятіемъ своимъ я умертвилъ.
 Дѣлакомъ жизнь, какъ мнѣ сдается, будетъ
 Вести въ такомъ аду, какого нѣтъ
 Навѣрное за гробомъ. Беатриче,
 Коль дѣло я искусно поведу,
 Въ отчаяннѣ, съ проклятыми погибнетъ.
 Бернардо... онъ невиненъ, и ему
 Въ наслѣдство я отдамъ воспоминанье
 Всѣхъ дѣлъ моихъ; изъ юности его
 Я сотворю суровую гробницу
 Живыхъ надеждъ, и на гробницѣ той
 Всегда рости дурныя мысли будутъ,

Какъ надъ простой, заброшенной въ степи
 Могилою растеть трава дурная...
 Окончивъ все, въ Кампаніи костеръ
 Я разложу и съ наслажденьемъ брошу
 Въ его огонь все золото свое,
 И серебро, и цѣнныя одежды,
 Пергаменты, картины и ковры, —
 Всѣ признаки огромнаго богатства.
 Погибнетъ все, но имя лишь мое
 Останется, — и будетъ это имя
 Позорнѣйшимъ и тягостнымъ наслѣдствомъ.
 Затѣмъ мой духъ, служившій на землѣ
 Заложникомъ, я передамъ въ десницу
 Того, кто имъ такъ долго управлять...
 Моей семьѣ, мнѣ самому-ли въ кару,
 Но за душой моей пошлетъ Господь
 Не ранѣе, чѣмъ нанесетъ она
 Послѣднюю, ужаснѣйшую рану
 И ненависть свою всю истощить.
 Теперь, чтобъ смерть не помѣшала сдѣлать
 Что я хочу, мнѣ надо поспѣшить.

(Хочетъ идти.)

ЛУКРЕЦІЯ.

Остановись! тебя я обманула!
 Нѣтъ, никого не видѣла она,
 Ни чьихъ рѣчей не слышала. Все это
 Придумала я только для того,
 Чтобъ ужасомъ объять тебя.

ЧЕНЧИ.

Прекрасно!

О, гнусная обманщица! Вѣдь ты
 Играла здѣсь священнымъ словомъ Бога...
 Пусть эта ложь преступная убьетъ
 Дыханіе твое!.. Для Беатриче
 Есть ужасы похуже у меня,
 Чтобъ подчинить ее моимъ желаньямъ.

ЛУКРЕЦІЯ.

О, Господи! Какими же еще

Страданиями жестокими ты хочешь
Ее терзать?

ЧЕНЧИ.

Андреа! дочь мою
Зови сюда; скажи, что если только
Она ко мнѣ не явится, я самъ
Приду за ней.

(Андреа уходитъ)

Ты хочешь знать, какими
Страданиями? За шагомъ шагъ, ее,
Сквозь дѣлый рядъ неслыханныхъ позоровъ
Я проведу, я сдѣлаю ее
Открытою и беззащитной жертвой
Людской молвы и злобы, протрублю
Я про дѣла, въ числѣ которыхъ дѣло
Такое есть... Что хочешь ты сказать?
Иль ты о немъ догадываться можешь?
Она должна въ глазахъ своей души
Тѣмъ сдѣлаться, чѣмъ будутъ всѣ другіе
Ее считать; и если умереть
Придется ей, — умереть безъ покаянья,
Какъ злобный врагъ и Бога, и отца.
Добычей псамъ послужить это тѣло,
Всѣхъ будетъ жечь названіе ея,
И духъ ея придетъ къ престолу Бога,
Запятнанный проклятіемъ моимъ.
Ея душа и тѣло превратятся
Моей рукой въ чудовищный кусокъ
Развалины.

(Входитъ Андреа).

АНДРЕА.

Синьора Беатриче...

ЧЕНЧИ.

Ну, говори скорѣе, блѣдный рабъ,
Какой отвѣтъ?

АНДРЕА.

Синьора отвѣчала:

«Скажи отцу, что между мной и нимъ

«Раскрылася широко бездна ада;
«Воль хочеть онъ, пускай перешагнеть,
«Я-жь не хочу.»

(уходитъ).

ЧЕНЧИ.

Лукреція, не медля
Ступай за ней; совѣтуй ей прійти
И объяви, что за отказъ вторичный
Я проклянну.

(Лукреція уходитъ)

Проклятіе отца

Всесильно! Имъ Господь всеялетъ ужась
Въ ряды солдатъ, готовыхъ побѣдить,
И города цвѣтушіе блѣднѣютъ
Отъ этого проклятія. Творецъ,
Отецъ земли, не можетъ не услышать
Мольбы отца, возставшаго на дочь,
Хотя бъ онъ былъ преступникомъ такимъ-же,
Какимъ меня считаютъ люди всѣ.
Ужели смерть ея мятежныхъ братьевъ,
Проклятыхъ мной, ее не утратить?
Вѣдь и для нихъ молилъ я скорой казни. —
казнь пришла.

(Лукреція возвращается).

Ну, что, какой отвѣтъ?

ЛУКРЕЦІЯ.

«Я не прійду — она мнѣ отвѣчала;
«Скажи отцу, что между мной и имъ
«Его же кровь течетъ потокомъ быстрымъ.»

ЧЕНЧИ (становясь на колѣни).

О, Господи, услышь меня! Когда
Ты присудилъ, чтобъ эта масса плоти
Прелестная, которую назвалъ
Ты дочерью моею, — частица эта
Моей души и тѣла, кровь моя,
Или скорѣй болѣзнь моя, отравя,
Чей видъ одинъ въ меня вливаетъ ядъ, —

Злой этотъ духъ, изъ нѣдръ моихъ ишедшій
 Какъ будто бы изъ мрачныхъ, адскихъ безднъ, —
 На что нибудь хорошее былъ годенъ; —
 Коль ты судилъ, чтобъ чудной красотой
 Она всю тьму земную разгоняла;
 Когда въ душѣ, напитанной росой
 Твоей любви, должны разцвѣсть тѣ свойства
 Прекрасныя, которыя дадутъ
 Ей жизни миръ, — когда тобой все это
 Назначено, — молю тебя, Господь,
 Отецъ ея, и мой, и всѣхъ живущихъ, —
 Пережьни рѣшеніе свое!
 Ты, мать — земля, ва имя Бога, ядомъ
 Ее корми, — корми, пока она
 Не упадетъ, покрытая заразой!
 Ты, сводъ небесъ, лей на ея главу
 Росу маремъ нечистыхъ, зачумленныхъ, —
 Лей эту грязь, пока она сама
 Съ поганою лягушкой не сравнится!
 Любовію горящія уста
 Ты иссуши; прелестнѣйшіе члены
 Безжалостно и гадко изувѣчь!
 Свѣтило дня, всевидящее солнце! —
 Изъ зависти навѣки ослѣпи
 Ея глаза, сверкающіе жизнью!

ЛУКРЕЦІЯ.

Молчи, молчи! Ужасныхъ этихъ словъ
 Не говори, когда себя жалѣешь.
 Хоть можетъ Богъ такой молитвѣ внять,
 Но и того, кто молится объ этомъ,
 Караетъ онъ.

ЧЕНЧИ.

Богъ дѣлаетъ свое,
 А я — свое. Но я еще не кончилъ.
 Коль суждено ребенка ей родить...

ЛУКРЕЦІЯ.

Какая мысль ужасная!

ЧЕНЧИ.

Коль это

Ей суждено,—о чемъ отъ всей души
 Я каждый день природу умоляю,—
 То пусть дитя, рожденное отъ ней,
 Подобіемъ ея гнуснѣйшимъ будетъ;
 Пусть въ немъ она, какъ въ зеркалѣ кривомъ,
 Испорченномъ, вездѣ свой образъ видитъ,
 Съ тѣмъ смѣшанный, что болѣе всего
 Противно ей; пускай ея ребенокъ,
 Отъ первыхъ лѣтъ и съ каждымъ новымъ днемъ
 Становится все гаже, безобразнѣй,
 Уродливѣй, и матери любовь!
 Въ тяжелое страданье превращаетъ;
 Пусть мать и онъ живутъ до той поры,
 Пока за всю заботливую пѣжность
 Ей не воздастъ онъ ненавистью злой,
 Иль, что еще противнѣе природѣ,
 Не станетъ гнать ее сквозь ѣдкій смѣхъ людей,
 Сквозь срамъ и стыдъ, къ безвременной могилѣ!
 Я все сказалъ. Но время есть еще:
 Пускай придетъ, пока не начерталось
 На небесахъ проклятіе мое.

(*Лукреція уходитъ*).

Въ моей душѣ не челоуѣка чувство,
 А демона, готоваго казнить
 Грѣхи еще невѣдомаго міра.
 То вверхъ, то внизъ струится кровь моя,
 И радостью, исполненной боязни,
 Она горитъ и бьется;—странный страхъ
 Я чувствую, и сердце въ ожиданьи
 Веселія ужаснаго, въ груди
 Колотится тревожно...

(*Лукреція возвращается*).

Ну?

ЛУКРЕЦІЯ.

Проклятье

Ей ни по чемъ, и говоритъ она,

Что если бы и духъ ея проклятье
Могло убить...

ЧЕНЧИ.

Не хочеть? Хорошо.

Теперь могу я сдѣлать оба дѣла:
Во первыхъ, взять, что нужно мнѣ, а тамъ
И пыткой ее заставить сдаться...
Вонъ съ глазъ моихъ, пока еще тебя
Пинками я не выгнать; — нынче ночью
Не попадись на встрѣчу мнѣ, смотри!
Мнѣ помѣшать опаснѣй, чѣмъ у тигра
Отнять его добычу... Ну, ступай!

(*Лукреція уходитъ*)

Должно быть, часъ не ранній... Непривычно
Дремотою смыкаются глаза...

О, совѣсть! ты, нахальнѣйшая сказка!
Всѣ говорятъ, что сонъ, роса небесъ,
Не льетъ свою цѣлительную влагу
На мозгъ того, кто признаетъ тебя
Обманщицей... Пойду, и сномъ глубокимъ,
Спокойнѣйшимъ, я докажу, что ты
Дѣйствительно обманщица... А послѣ...
О, мрачный адъ! Всѣ демоны твои
Сводъ потрясутъ веселымъ ликованиемъ,
А по небу глубокой скорби звукъ
Вдругъ пролетитъ, какъ будто возвѣщая
Смерть ангела святаго; на землѣ
Все доброе зачахнетъ и завянетъ,
А злое все подъ дуновеньемъ злымъ,
Противнымъ всей природѣ, оживится
И зацвѣтетъ, какъ я теперь цвѣту.

(*уходитъ*).

СЦЕНА II.

Передъ замкомъ Петреллою.

На стѣнѣ показываются *Беатриче* и *Лукреція*.

БЕАТРИЧЕ.

Не видно ихъ.

ЛУКРЕЦИЯ.

Еще вѣдь только полночь.

БЕАТРИЧЕ.

Какъ медленно проносятся часы!

ЛУКРЕЦИЯ.

Пропосытся!.. Что, если опъ проснется,
Пока еще не все совершено?

БЕАТРИЧЕ.

О, матушка, не долженъ онъ проснуться
Ужъ никогда! Разсказъ твой убѣдилъ
Меня вполне, что мы ничто иное
Здѣсь дѣлаемъ, какъ злого духа тѣмы
Спѣшимъ прогнать изъ тѣла человѣка.

ЛУКРЕЦИЯ.

Да, правда, онъ о смерти и судѣ
Такъ говорилъ, какъ говорить не можетъ
Такой злодѣй, — какъ говорить лишь тотъ,
Кто вѣруеть въ Всевышняго и вмѣстѣ
Не думаетъ о злѣ и о добрѣ...
Но умереть, увы, безъ покаянья!...

БЕАТРИЧЕ.

О, вѣрь, что Богъ и справедливъ и добръ
И нашего ужаснаго поступка
Не занесетъ въ огромное число
Его грѣховъ.

(Внизу появляются *Олимпіо* и *Марціо*).

ЛУКРЕЦИЯ.

Они вдутъ.

БЕАТРИЧЕ.

Вотъ такъ-то

Земное все цѣль мрачную свою
Спѣшить достичь. Сойдемъ туда скорѣе.

(*скрываются*)

ОЛИМПІО.

Товарищъ, что ты чувствуешь теперь?

МАРЦИО.

Что чувствуетъ тотъ человѣкъ, который

Мѣшокъ монеть отличною цѣной
 За жизнь убійцы стараго считаетъ.
 Какъ блѣдень ты!

ОЛИМПЮ.

То отблескъ лишь одинъ
 Той блѣдности, которою покрыто
 Твое лице.

МАРЦЮ.

Я блѣдень отъ того,
 Что ненависть моя и жажда мщенья
 Всю кровь въ лицѣ заставили остыть.

ОЛИМПЮ.

Такъ значить ты берешься съ наслажденьемъ
 За этотъ трудъ?

МАРЦЮ.

О, такъ доволенъ я,
 Какъ будто бы мнѣ тысячу червонцевъ
 За то даютъ, чтобъ раздавить змѣю,
 Убившую мое дитя родное!

(Входятъ *Лукреція* и *Беатриче*)

ОЛИМПЮ.

Почтенныя снѣдоры!

БЕАТРИЧЕ.

Чтожь, совсѣмъ
 Рѣшились вы?

ОЛИМПЮ.

Уснуть онъ?

МАРЦЮ.

Все спокойно?

ЛУКРЕЦІЯ.

Въ его питье я опіумъ влила;
 Онъ крѣпко спитъ.

БЕАТРИЧЕ.

Такъ крѣпко спитъ, что будетъ
 Смерть для него лишь перемѣной сновъ
 Преступнѣйшихъ и продолженьемъ ада,

Живущаго въ его душѣ,—огня
 Нечистаго, который Богъ потушить...
 Но твердо-ль вы рѣшились? Предстоитъ
 Вамъ важное, священнѣйшее дѣло.

ОЛИМПЮ.

Рѣшились мы.

МАРЦЮ.

Конечно, на себя
 Отвѣтственность за это вы берете.

БЕАТРИЧЕ.

И такъ за мной!

ОЛИМПЮ.

Постойте, что за шумъ?..

МАРЦЮ.

Сюда идутъ...

БЕАТРИЧЕ,

Болѣзненные трусы!

Разсѣйте страхъ ребяческій. То дверь,
 Вторую вы затворить забыли,
 Качается, и вѣтеръ сивозъ нее
 Летитъ, свистя, какъ будто вздѣваясь
 Надъ трусостью. Ну, слѣдуйте за мной!
 Впередъ, и пусть вашъ шагъ съ моимъ сравнится:
 Пусть будетъ онъ отваженъ, легокъ, быстръ.

(уходитъ)

СЦЕНА III.

Комната въ замкѣ.

(Входятъ БЕАТРИЧЕ и ЛУКРЕЦІЯ).

ЛУКРЕЦІЯ.

Они теперь за дѣломъ.

БЕАТРИЧЕ.

Нѣтъ, ужъ вѣрно

Все кончено.

ЛУКРЕЦІЯ.

Но не слыхали мы

Хрипѣнія.

БЕАТРИЧЕ.

Хрипѣнія не будетъ.

ЛУКРЕЦІЯ.

Что тамъ за шумъ? Послушай...

БЕАТРИЧЕ.

То шаги

Разбойниковъ вокругъ его постели.

ЛУКРЕЦІЯ.

О, Господи! быть можетъ, опъ теперъ
Холодный трупъ...

БЕАТРИЧЕ

Не копченнаго дѣла

Намъ слѣдуетъ бояться, а того,

Что можетъ вдругъ остаться несвершеннымъ.

(входятъ *Олимпіо* и *Марціо*).

Исполнено?

МАРЦІО.

Что?

ОЛИМПІО.

Вы не звали пасъ?

БЕАТРИЧЕ.

Когда?

ОЛИМПІО.

Теперь.

БЕАТРИЧЕ.

Я спрашивала только,

Исполнено-ль?

ОЛИМПІО.

Не смѣемъ умертвить

Мы спящаго, сѣлаго человѣка,

Простите мнѣ. Сѣдые волоса,

Высокій лобъ, серьезный и почтенный,

Сверщенные на сердцѣ руки, сонъ,

Исполненный невиннаго покоя, —

Все это страхъ нагнало на меня.

Я не могу, я не могу рѣшиться!

МАРЦІО.

А я такъ былъ смѣлѣе и бранвалъ

Олимпіо; къ морщинистому горлу
 Уже свой ножъ приставилъ я, какъ вдругъ
 Старикъ во снѣ проговорилъ: «О Боже,
 Услышь, услышь проклятіе отца!
 Ты самъ Отецъ!» Потомъ онъ засмѣялся.
 И понялъ я, что это говорилъ
 Духъ моего отца его устами,—
 И не посмѣлъ...

БЕАТРИЧЕ.

О, жалкіе рабы!

Вы умертвить уснувшего не смѣли,
 А духу въ васъ хватило, чтобъ съ такимъ
 Извѣстіемъ мнѣ на глаза явиться?
 Измѣнники и трусы! Подлецы!
 Смѣшно и жаль смотрѣть на эту совѣсть,
 Которую вы рады продавать
 За золото и изъ желанья мести:
 Вѣдь спать она спокойно каждый день
 При тысячѣ позорнѣйшихъ поступковъ,
 А тутъ, когда должны вы то свершить,
 Въ чемъ чувствовать раскаяніе, значить
 Небесную правдивость оскорблять,—
 Вы... Но къ чему все это говорю я?

(Вырываетъ у одного изъ нихъ кинжалъ и поднимаетъ его).

Коль твой языкъ посмѣетъ произнестъ:
 «Она отца роднаго умертвила!»—
 То я рѣшусь!—Но только не мечтай,
 Что оба вы его переживете!

ОЛИМПІО.

Остановись, о, ради Бога...

МАРЦІО.

Я

Сейчасъ иду и совершу убійство.

ОЛИМПІО.

Дай мнѣ кинжалъ. Желаніе твое
 Исполнить мнѣ обзаны.

БЕАТРИЧЕ.

Возьмите...

Скорѣй туда... и поскорѣй назадъ...

(Олимпіо и Марціо уходятъ).

Какъ ты блѣдна! О, матушка, подумай,
Вѣдь мы съ тобой теперь свершаемъ то,
Что не свершить грѣхомъ ужаснымъ было-бъ...

ЛУКРЕЦІЯ.

Ахъ, кончить бы скорѣе!

БЕАТРИЧЕ.

Между тѣмъ

Какъ эта мысль въ умѣ твоемъ проходить,
Ужъ на землѣ переѣнилось все.
Тьма адская павѣки поглотила
Тотъ злой туманъ, что ею посланъ былъ,
Чтобъ зачернить свѣтъ жизни благодатный.
Я чувствую, что легче мнѣ дышать
И кровь бѣжить свободнѣе по жиламъ.
Но, чу! Идутъ...

(Входитъ Олимпіо и Марціо).

БЕАТРИЧЕ *(бросался къ нимъ на встрѣчу)*.
Онъ...

ОЛИМПЮ.

Мертвъ!

МАРЦІЮ.

Мы задушили

Его затѣмъ, чтобъ кровь не потекла;
Потомъ его тяжелый трупъ стацили
Въ садъ, подъ балконъ. Пусть думаютъ, что онъ
Самъ внизъ упалъ.

БЕАТРИЧЕ.

Вотъ деньги, и ступайте
Скорѣй домой. Ты-жь, Марціо, за то,
Что ужасомъ и трусостью объяло
Тебя лишь то, предъ чѣмъ дрожала я, —
Возьми, падѣнь.

(Надвигаетъ на него роскошный плащъ).

Еще мой дѣдъ въ дни счастья
 Высокаго, на зависть всѣхъ людей
 Носилъ его; пусть и тебѣ всѣ люди
 Завидуютъ. Ты былъ въ рукахъ Творца
 Оружіемъ для праведнаго дѣла.
 Прощай! живи счастливо много лѣтъ,
 И если ты отягощенъ грѣхами,
 Покайся въ нихъ; — а то, что совершилъ
 Ты здѣсь теперь, совсѣмъ не преступленье.
 (*Слышится звукъ роговъ*).

ЛУКРЕЦІЯ.

Послушайте... вѣдь это здѣсь трубятъ...
 О, Господи!... мнѣ эти звуки — точно
 Труба суда послѣдняго...

БЕАТРИЧЕ.

Сюда,
 Должно быть, гость какой-нибудь пріѣхалъ.

ЛУКРЕЦІЯ.

Подъемный мостъ опущенъ и въ дворѣ
 Ржутъ лошади. Бѣгите, скройтесь, скройтесь!
 (*Олимпіо и Марціо уходятъ*).

БЕАТРИЧЕ.

И мы уйдемъ и притворимся тамъ,
 Что крѣпко спимъ. Мнѣ, впрочемъ, притворяться
 И нѣтъ нужды; душа моя полна
 Спокойствіемъ какимъ-то страннымъ; даже
 Мнѣ кажется, что я уснуть могу
 Спокойнымъ сномъ... Все злое пролетѣло!
 (*Уходятъ*).

СЦЕНА IV.

Другая комната въ замкѣ.

Въ одну дверь слуга вводитъ легата САВЕЛЛУ, въ другую входятъ
 ЛУКРЕЦІЯ и БЕРНАРДО.

САВЕЛЛА.

Почтенная синьора! Службы долгъ
 Предъ вами мнѣ послужить оправданьемъ

ЧЕНЧИ.

Тому, что васъ въ такую пору я
Тревожу здѣсь. Я долженъ съ графомъ Ченчи
Поговорить. Онъ вѣрно спитъ теперь?

ЛУКРЕЦІЯ (*въ смущеніи и въ страхѣ*).

Да, кажется... Но не будите графа,
Я васъ прошу хоть ради моего
Спокойствія; онъ золь и бѣшенъ въ гнѣвъ.
Повѣрьте мнѣ—быть худу, если мы
Сегодня сонъ его нарушимъ: аду
Ужасныхъ грезъ подобенъ этотъ сонъ.
Хоть до зары повремените.

(*всторону*). Боже!

Отъ страха я мертвѣю!

САВЕЛЛА.

Крайне мнѣ

Прискорбно васъ тревожить, но обязанъ
Немедленно графъ Ченчи отвѣчать
На цѣлый рядъ важнѣйшихъ обвиненій.
Такой приказъ мнѣ данъ.

ЛУКРЕЦІЯ (*въ сильномъ волненіи*).

Не смѣю я

Его будить— и никого не знаю,
Кто взялся бы за это дѣло; въ немъ
Опасности не мало; безопаснѣй
Будить змѣю, иль трупъ, въ которомъ спитъ
Злой адскій духъ.

САВЕЛЛА.

Почтенная синьора,

Мои часы сосчитаны. Когда
Изъ васъ никто его будить не смѣетъ,
Такъ я пойду.

ЛУКРЕЦІЯ (*въ сторону*).

О, ужасъ! гибну я!

(*Къ Бернардо*) Сведи къ отцу почтеннаго легата.

(*Савелла и Бернардо уходятъ. Входитъ Беатриче.*)

БЕАТРИЧЕ.

Изъ Рима къ намъ посолъ пріѣхалъ съ тѣмъ,

Чтобъ взять въ тюрьму преступника, который
 Теперь стоитъ предъ Господа лицомъ.
 Ты видишь, мать, что судъ земли и неба
 Невинными насъ признаетъ.

ЛУКРЕЦІЯ.

О, страхъ
 Мучительный! О, отчего онъ умеръ?
 Я только что слыхала, проходя,
 Какъ межъ собой товарищи легата
 Шептались, что есть у нихъ приказъ
 Казнить его немедленно. Такъ, значить,
 Законный путь самъ приготовилъ то.
 За что теперь такъ дорого прійдется
 Намъ заплатить. О, въ этотъ самый мигъ
 Тамъ поиски... вотъ трупъ они находятъ...
 Вотъ истину подозрѣваютъ.... вотъ
 Сюда идутъ, чтобъ страшнымъ обвиненьемъ
 Насъ поразить... увы! открыто все!

БЕАТРИЧЕ.

О, матушка, что сдѣлано разумно,
 То хорошо. Будь точно такъ смѣла,
 Какъ праведна. Какое малодушье,
 Ребичество— бояться, чтобъ другой
 Не вывѣдалъ черезъ твою-же совѣсть
 Всего того, что сдѣлано тобой,—
 И вмѣстѣ съ тѣмъ, въ оцѣпенѣвшемъ взглядѣ
 И на лицѣ испуганномъ писать
 Все то, что скрыть желаешь ты. Старайся
 Не измѣнять себѣ и никакихъ
 Свидѣтелей не бойся, кромѣ страха
 Своей души. Пусть даже что нибудь
 Вдругъ противъ насъ возстанетъ обвиненьемъ —
 Хоть этого никакъ не можетъ быть —
 Мы выкажемъ такое изумленье
 Глубокое, такую гордость нашей
 Невинности, мы притворимся такъ,
 Какъ никогда не можетъ притвориться

Убийца. Да, поступокъ совершенъ,
 А до его послѣдствій нѣтъ мнѣ дѣла.
 О, съ этихъ поръ, какъ воздухъ я вольна
 И такъ тверда какъ средоточье міра.
 Послѣдствія не страшны мнѣ; они
 То для меня, что вѣтеръ для утеса:
 Онъ воесть лишь, но никогда скалу
 Не собрушить...

(За сценой крики и шумъ.)

ГОЛОСА.

Разбой! Разбой! Убийство!

(Входятъ *Бернардо* и *Савелла*.)

САВЕЛЛА (*своей свиты*).

Бѣгите же, обшарьте замокъ весь
 И все кругомъ; тревогу бейте; стражу
 Ко всѣмъ дверямъ приставьте, чтобъ никто
 Не могъ уйти... скорѣе!

БЕАТРИЧЕ.

Что случилось?

БЕРНАРДО.

Не знаю, какъ сказать тебѣ... отецъ...
 Онъ... умеръ!

БЕАТРИЧЕ.

Что? Онъ умеръ? Ты ошибся,
 Онъ только спитъ такимъ глубокимъ сномъ,
 Что вы сочли его умершимъ... Странно!
 Такой тиранъ спокойно можетъ спать...
 Нѣтъ, милый братъ, отецъ не умеръ. .

БЕРНАРДО.

Умеръ!

Убить!

ЛУКРЕЦІЯ (*въ сильномъ волненіи*).

О, нѣтъ, о нѣтъ! онъ не убитъ,
 Хотя бъ его нашли вы даже мертвымъ!
 Вѣдь я одна имѣю всѣ ключи
 Отъ комнатъ тѣхъ...

САВЕЛЛА.

А! вотъ что!

БЕАТРИЧЕ.

Извините,

Синьоръ,—но мы уйти къ себѣ должны.
 Такъ матушку все это испугало
 И потрясло, что съ ней нехорошо.

(Уходитъ съ матерью).

САВЕЛЛА.

Кого пибудь вы можете-ль въ убійствѣ
 Подозрѣвать?

БЕРНАРДО.

Ахъ, что и думать мнѣ

Не знаю я!

САВЕЛЛА.

Быть можетъ, назовете

Кого пибудь, кому бы смерть его
 Была нужна...

БЕРНАРДО.

Увы, увы! не знаю

Я никого, кому бы не пужпа
 Она была,— и больше всѣхъ желали
 Той смерти тѣ, которые теперь
 Сильнѣе всѣхъ встревожены убійствомъ;
 Моя сестра, и мать моя, и я.

САВЕЛЛА.

Гмъ!... странно все... Насилья знаки ясны...
 Трупъ старика нашелъ я подъ окномъ
 Въ его саду; тамъ онъ при лунномъ свѣтѣ
 Лежалъ въ вѣтвяхъ сосны. Что самъ туда
 Онъ не упалъ,—въ томъ нѣтъ сомнѣнья: тѣло
 Не такъ лежитъ... однако крови нѣтъ...
 Синьоръ, и вы и ваше все семейство
 Должны желать, чтобъ было это все
 Уяснено; поѣтому просите
 Почтенныхъ дамъ пожаловать ко мнѣ.

*(Бернардо уходитъ).**(Стражи вводятъ Мирціо).*

СТРАЖЪ.

Одинъ въ рукахъ.

ОФИЦЕРЪ.

Синьоръ, бездѣльникъ этотъ

Съ другимъ своимъ товарищемъ межъ скалъ
 Тайнственно куда-то пробирался;
 Сомнѣнья нѣтъ, что ими графъ убитъ.
 У одного нашли мѣшокъ червонцевъ,
 А на другомъ, вотъ этомъ самомъ, былъ
 Богатый плащъ, весь золотомъ покрытый;
 Его шитье блестяло при лунѣ
 Межъ темныхъ скалъ и выдало мерзавца.
 Другой убитъ въ отчаянной борьбѣ.

САВЕЛЛА.

Чтожь, этотъ вамъ хоть въ чемъ нибудь сознался?

ОФИЦЕРЪ.

Нѣтъ, онъ молчитъ упорно; но на немъ
 Записку мы нашли, и эти строки
 Молчаніе его вознаграждать.

*(Подаетъ записку).*САВЕЛЛА *(читаетъ)*.

«Синьора Беатриче! Для того, чтобы ты могла скорѣе отомстить
 за то, о чемъ я страшусь даже думать, посылаю къ тебѣ, по же-
 ланью твоего брата, людей, которые поговорятъ съ тобой и сдѣ-
 лають больше, чѣмъ я смѣю писать. Твой преданный слуга Орсино.»

(Входятъ Лукреція Беатриче и Бернардо).

САВЕЛЛА.

Знакомъ ли вамъ, синьора, этотъ почеркъ?

БЕАТРИЧЕ.

Нѣтъ.

САВЕЛЛА.

И тебѣ?

ЛУКРЕЦИЯ *(въ сильномъ волненіи)*.

Гдѣ это вы нашли?

Что это?... Да, рука его, Орсино!...

Онъ говоритъ о страшномъ дѣлѣ томъ,

Котораго словами человека

Не высказать, — о страшномъ дѣлѣ томъ,

Что межъ отцемъ и дочерью несчастной

Поставило злой ненависти бездну!

САВЕЛЛА.

Ужели такъ? Ужели вашъ отецъ
Вамъ наносилъ такія оскорбленья,
Что ощутить въ душѣ своей могли
Вы ненависть, пртивную природѣ?

БЕАТРИЧЕ.

Не ненависть, а больше и сильнѣй
Чѣмъ ненависть; — все это справедливо.
Но для чего допросы эти?

САВЕЛЛА.

Здѣсь

Случилось то, что требуетъ допроса.
Какую-то вы тайну отъ меня
Скрываете...

БЕАТРИЧЕ.

Синьоръ, вы слишкомъ дерзки!

САВЕЛЛА.

Отъ имени святѣйшаго отца
Всѣхъ здѣшнихъ я беру и арестую.
За мною въ Римъ вы слѣдовать должны.

ЛУКРЕЦІЯ.

О, нѣтъ, не въ Римъ! Клянусь вамъ, мы невинны!

БЕАТРИЧЕ.

Кто говорить здѣсь смѣетъ о винѣ?
Синьоръ, я такъ грѣшна въ отцеубійствѣ
Какъ безъ отца рожденное дитя.
О, матушка, твое терпѣнье, кротость
Не могутъ быть защитой отъ суда
Неправедныхъ, отъ обоюдо-острой
И дерзкой лжи. Нѣтъ, не людской законъ,
А вы одинъ, — вы, этого закона
Служители, желаете сперва
Не допускать людей до воздаянья;
А послѣ, да, когда ужъ небеса
То сдѣлають, чего вашъ судъ не дѣлалъ,
И изберутъ простаго бѣдняка
Орудіемъ отплаты преступленью

Великому и страшному;—тогда
 Несчастливыхъ жертвъ, желавшихъ этой мести,
 Спѣшите вы преступными назвать!
 Нѣтъ, сами вы преступники! Предъ вами
 Стоитъ бѣдникъ, блѣднѣя и дрожа;
 Но если онъ убійца графа Ченчи,
 То вы должны считать его мечомъ
 Судащаго и праведнаго Бога!

САВЕЛЛА.

И такъ, теперь вы сознаетесь въ томъ,
 Что смерть его была желаньемъ вашимъ?

БЕАТРИЧЕ.

О, если бъ хоть на мигъ одинъ
 Въ моей душѣ желанье этой смерти
 Угаснуло,—была бы я большой
 Преступницей. Да, правда, я молилась,
 Надѣялась и вѣрила,— и мысль,
 Что блажь Господь и праведенъ, вселяла
 Въ моей душѣ увѣренность, что онъ
 Окончитъ жизнь внезапной, странной смертью.
 Да, это все, все правда; но еще
 Правдивѣе, что только въ этой смерти
 Я видѣла спокойствіе свое
 Здѣсь, на землѣ, и свѣтлую надежду
 Тамъ, въ небесахъ. Но для чего веду
 Я эту рѣчь?

САВЕЛЛА.

Загадочныя мысли
 Даютъ ключъ вѣрный къ объясненью дѣлъ
 Загадочныхъ. Здѣсь есть и то, и это.
 Я не хочу судьей вашимъ быть.

БЕАТРИЧЕ.

А между тѣмъ, меня арестовавши,
 Вы явитесь судьей и палачомъ
 Того, что есть жизнь жизни. Обвиненью
 Разить на смерть дыханіемъ своимъ
 Чистѣйшее, невиннѣйшее имя,

А безъ него жизнь бѣдная людей
 Есть маска лишь. Что я отцеубійца —
 То клевета, хоть радоваться я
 Тому должна, что здѣсь другія руки
 Отправили духъ моего отца
 Испрашивать той милости, въ которой
 Онъ мнѣ всегда отказывалъ. Теперь,
 Оставьте намъ свободу; не пятнайте
 Нашъ чистый домъ сомнѣніемъ пустымъ
 И мыслію о гнусномъ преступленіи.
 Довольно мы страдали; для чего
 Хотите вы усилить наши муки
 И собственный вашъ промахъ?

САВЕЛІА.

Не могу,
 Не смѣю я исполнить вашу просьбу.
 Пожалуйста, готовьтесь ѣхать въ Римъ.
 Тамъ папа вамъ свою объявить волю.

ЛУКРЕЦІА.

О, нѣтъ, не въ Римъ! Я васъ молю — не въ Римъ!

БЕАТРИЧЕ.

Да отчего ты такъ боишься Рима?
 Вѣрь, матушка, невинность наша тамъ,
 Какъ здѣсь, попретъ ногой вооруженной
 Всѣ клеветы. Всевышній тамъ, какъ здѣсь,
 Десницею своею осѣняетъ
 Того, кто слабъ, невиненъ и гонимъ,
 Какъ мы съ тобой. Пріободришь, родная!
 Поди ко мнѣ, приди въ себя. Синьоръ,
 Какъ только вы немного освѣжитесь,
 Закусите и кончите осмотръ
 Подробнѣйшій на мѣстѣ преступленья —
 Что для суда необходимо вамъ —
 Вы насъ вполне готовыми найдете.
 Ну, матушка, пойдемте.

ЛУКРЕЦІА.

О, они
 Привяжутъ насъ къ орудьямъ страшной пытки

И пыткой насъ заставить обвинить
 Самихъ себя. Орсино и Джіакомо,
 И Марціо, всё будутъ тамъ, и всёмъ
 Дадутъ они очную ставку... Каждый,
 Смотря въ лице другого, будетъ въ немъ
 Искать отвѣтъ на то, что скрыто въ сердцѣ
 У каждаго... О, горе мнѣ!

(падаетъ въ обморокъ, ее выносятъ.)

САВЕЛЛА

Она

Лишилась чувствъ; то признакъ нехорошій.

БЕАТРИЧЕ.

Синьоръ, она не свѣдуща совсѣмъ
 Въ мірскихъ дѣлахъ. Въ правительственной власти
 Ей видится какой-то хищный звѣрь
 Терзающій на смерть свою добычу, —
 Какая-то свирѣпая змѣя,
 Которой взглядъ всё вещи превращаетъ
 Въ тяжелый грѣхъ, что служить пищей ей.
 Она еще не знаетъ, какъ читаютъ
 Слѣпыхъ властей лѣнливые рабы
 Всю истину, начертанную ярко
 На чистомъ лбу невинности; она
 Не вѣдаетъ, что чистая невинность,
 Все побѣдивъ, въ судилищѣ людей
 Стоитъ сама, какъ грозный обвинитель
 И какъ судья преступнаго судьи! —
 Готовьтесь въ путь, синьоръ легать; мы скоро
 Внизу, въ дворѣ васъ будемъ ожидать.

ДѢЙСТВІЕ V.

СЦЕНА I.

Комната въ домѣ Орсино.

(Входятъ ОРСИНО и ДЖІАКОМО.)

ДЖІАКОМО.

Вотъ быстро какъ къ концу приходятъ злыя,
 Преступнымъ дѣла! о, отчего

То самое раскаянье, что дѣло
 Преступное казнить, когда оно
 Совершенно, — не предостерегало
 Такъ громко насъ, какъ быстро мстить теперь!
 О, отчего въ минуту преступленья
 Оно съ себя таинственный покровъ
 Не сорвало и намъ не показало
 Тотъ страшный видъ, въ которомъ вновь теперь
 Является, трава свою добычу
 Собаками злой совѣсти! Увы!
 Въ недобрый часъ задумали мы дѣло —
 Убить отца, сѣдаго старика.

ОРСИНО.

Дѣйствительно, все очень неудачно
 Покончилось.

ДЖИАКОМО.

Войти насильно въ дверь
 Святую сна, — обманомъ у природы
 Благой ту смерть спокойную отнять,
 Которую она приготовляетъ
 Для старости уставшей, — у небесъ
 Похитить вдругъ грѣховнѣйшую душу
 Въ тотъ самый мигъ, какъ, можетъ быть, она
 Молитвами раскаянья тушила
 Жизнь, полную огня преступныхъ дѣлъ!...

ОРСИНО.

Ты упрекнуть меня никакъ не можешь,
 Что я тебя на это подстрекнулъ.

ДЖИАКОМО.

О, лучше бы въ твоемъ лицѣ спокойномъ,
 Услужливомъ не видѣть никогда
 Миѣ зеркала моихъ мрачнѣйшихъ мыслей!
 О, лучше бы, Орсино, никогда
 Вопросами, намеками своими
 Не отрывая ты взору моему
 Чудовища всѣхъ думъ моихъ тревожныхъ.

ОРСИНО.

Вотъ такъ всегда въ дѣлахъ съ плохимъ концемъ
 Радъ человекъ вину всей неудачи
 Свалить на всѣхъ другихъ и оставлять
 Нетронутой лишь собственную слабость.
 А между тѣмъ, сознайся, ты теперь
 Лишь потому въ раскаяньи блѣднѣешь
 И мучишься, что все грозитъ тебѣ
 Опасностью; сознайся откровенно,
 Что только страхъ, себя же устыдась,
 Себя прикрылъ раскаянья покровомъ...
 Но еслибы намъ удалось спастись...

ДЖИАКОМО.

Спастись нельзя. Ты знаешь, Беатриче,
 Лукреція и Марціо въ тюрьмѣ.
 Сомнѣнья нѣтъ, что и меня съ тобою
 Возьмутъ сейчасъ.

ОРСИНО.

Я приготовилъ все
 Для бѣгства. Мы спастись отлично можемъ,
 Коль случая не выпустимъ изъ рукъ.

ДЖИАКОМО.

Нѣтъ, лучше я погибну въ мукахъ пытки,
 Чѣмъ убѣгу. Мы этихъ обвинимъ
 Самихъ себя и кипемъ Беатриче
 На жертву имъ; а вѣдь она одна
 Стоитъ теперь какъ будто ангелъ Божій
 Въ кругу чертей— прислужниковъ; ее
 Покпнемъ мы, возставшую для мщенья,
 За то, чему названья даже нѣтъ,
 Что дѣлаетъ богоугоднымъ дѣломъ
 Ужаснаго отцеубійства грѣхъ?
 И мы уйдемъ изъ-за презрѣнной цѣли?...
 О, знаешь-ли, Орсино,— эти всѣ
 Слова твои и это предложенье,
 Меня теперь приводятъ къ мысли той,
 Что ты подлецъ. Скажи, съ какою цѣлью

Въ опасное такое дѣло ты
 Меня втянулъ? Съ какою цѣлью къ безднѣ
 Меня привелъ намеками, словами,
 Улыбками? Ты не обманщикъ, нѣтъ,
 Ты ложь сама. Измѣнникъ! трусь! убійца!
 Презрѣнный рабъ!

(обнажаетъ мечъ)

Но защищайся! Пусть
 Мой мечъ тебѣ то скажетъ, чѣмъ не хочеть
 Пятнать себя языкъ мой...

ОРСИНО.

Уложи

Свой мечъ въ ножны. Отчаянье и ужасъ,
 Я думаю, виной тому, что ты
 Такъ вспылчиво кидаешься на друга,
 Погибшаго теперь изъ за тебя.
 Коль честный гнѣвъ тебя взорвалъ такъ сильно,
 То знай, тебѣ я бѣгство предложилъ
 Лишь для того, чтобъ испытать, какъ станешь
 Ты поступать. Привязанность моя,
 Снискавшая такую благодарность,
 Меня теперь къ той точкѣ привела,
 Откуда мнѣ нельзя уже вернуться,
 Хотя-бъ и могъ мой непреклонный духъ
 Покаяться. Да, знай, что въ то же время,
 Какъ мы съ тобой бесѣдуемъ— внизу
 Стоять и ждутъ служители закона:
 Я упробилъ хотъ нѣсколько минутъ
 Мнѣ подарить. Теперь, когда ты хочешь
 Увидѣться съ несчастною женой
 И что нибудь сказать ей въ утѣшенье,
 Такъ, чтобъ тебя не видѣли,— пройди
 Вотъ въ эту дверь.

ДЖІАКОМО.

О, другъ великодушный!
 Прости меня. Я радъ бы жизнь отдать,
 Чтобъ приобрѣсть твое спасенье.

ОРСИНО.

Повдно

Ты пожелалъ... Но слышишь — въ коридорѣ
Шаги... Спѣши, Джакомо, и прощай!

(Джакомо уходитъ.)

Мнѣ очень жаль, но у его квартиры
Ужъ стража ждетъ, а я и отъ него
И отъ нея отдѣлался искусно.
Комедию торжественную я
Хотѣлъ сыграть на пестрой сценѣ міра
И думалъ цѣль свою осуществить
Добра и зла искуснымъ соплетеньемъ;
Но сила, вдругъ возставшая, пришла,
И нити всѣхъ предназначацій
Разорвала и сдѣлала изъ нихъ
Сѣть гибели...

(На улицѣ слышны крики.)

Чу! не мое ли имя

Народъ кричитъ на улицѣ? Но я
Ихъ не боюсь: переодѣтый въ платье
Бѣднѣйшее, съ лохмотьями на тѣлѣ,
Съ невпипостью фальшивой на лицѣ,
Я проберусь спокойно сквозь толпу,
Судящую о людяхъ лишь по виду.
А тамъ уже не трудно будетъ мнѣ
Сыскать себѣ и новое названье,
Жизнь новую на старомъ образцѣ
И новое отечество, — п это
Все промѣнять безъ горести большой
На почести покинутого Рима.
Но что, когда случившееся здѣсь
Въ моей душѣ вставать укоромъ будетъ?
Нѣтъ, пустяки. Вѣдь о дѣлахъ моихъ
Неправедныхъ извѣстно будетъ только
Мнѣ одному; такъ неужли меня
Моей души презрѣніе встревожить?
Какъ будто бы не въ силахъ я бѣжать
Отъ собственныхъ упрековъ? Неужли

Я сдѣлаюсь рабомъ... Рабомъ чего?
 Смѣшно сказать, — простаго слова, слова,
 Которое въ семъ жалкомъ мѣрѣ мы
 Противъ другихъ всегда употребляемъ
 И никогда противъ самихъ себя, —
 Да, точно такъ какъ носимъ мы кинжалы,
 Чтобы не себѣ удары наносить...
 Но что, когда я только заблуждаюсь?
 Гдѣ я найду тогда покровъ, чтобы скрыть
 Себя отъ глазъ своихъ же, какъ скрываюсь
 Я въ этотъ мигъ отъ глазъ другихъ людей!
 (*Уходитъ*).

СЦЕНА II.

Зала суда.

КАМИЛЛО и СУДЬИ сидятъ на своихъ мѣстахъ; стража вводитъ МАРЦЮ.

ПЕРВЫЙ СУДЬЯ (*къ Марціо*).

И такъ, вы все сознаться не хотите?
 Вы слышите; я спрашиваю васъ,
 Виновны ль вы, иль нѣтъ? Кто въ этомъ дѣлѣ
 Сообщникъ вашъ? Скажите правду намъ,
 Всю истину скажите, безъ утайки.

МАРЦЮ.

О Господи!... не я его убилъ.
 Я ничего рѣшительно не знаю.
 Олимпіо мнѣ продалъ этотъ плащъ,
 Въ которомъ вы находите улику
 Моей вины.

ВТОРОЙ СУДЬЯ.

На эшафотъ его!

ПЕРВЫЙ СУДЬЯ.

И лгать при насъ вы смѣете губами,
 Которыя лобзаньемъ пытки злой
 Еще горять. Ея допросы, видно,
 Такъ сладостны, что вамъ до той поры
 Съ ней хочется бесѣдовать любовно,
 Пока изъ васъ не вытащитъ она,
 И жизнь, и духъ... Эй, взять его!

МАРЦЮ.

О, сжальтесь,

О, смилуйтесь;— во всемъ сознаюсь я.

ПЕРВЫЙ СУДЬЯ

Мы слушаемъ сознание.

МАРЦЮ.

Графа Ченчи

Я задушилъ во время сна его.

ПЕРВЫЙ СУДЬЯ,

Кто подстрекнулъ на это васъ?

МАРЦЮ.

Въ Петредду

Послали насъ Джакомо, сынъ его,
 И молодой прелать Орсино; въ замкъ
 Его жена и дочь прельстили насъ
 Червонцами, — и я и мой товарищъ
 Немедленно убили старика.
 Я все сказалъ. Теперь меня ведите
 На смерть.

ПЕРВЫЙ СУДЬЯ.

Его признаніе звучитъ

Какъ истина... Эй, стража; арестантовъ.
 Вести сюда!

(Стража входитъ *Лукрецію, Беатриче и Джакомо*).

ПЕРВЫЙ СУДЬЯ (обращаясь къ нимъ и указывая на Марцію)

Взгляните на него.

Отвѣтствуйте: гдѣ вы его видали
 Въ послѣдній разъ?

БЕАТРИЧЕ.

Ни разу мы его

Не видѣли.

МАРЦЮ.

Синьора, слишкомъ близко

Я вамъ знакомъ.

БЕАТРИЧЕ.

Ты мнѣ знакомъ? Когда?

И гдѣ?
 Ахъ! и какъ?

МАРЦЮ.

Вы знаете отлично —

Тотъ самый я, котораго убить
Родителя подбили вы своими
Угрозами и деньгами. Когда
Свершилось все, вы на меня надѣли
Богатый плащъ, и пожелали мнѣ
Преуспѣвать... вотъ видите, какъ славно
Я преуспѣлъ... Вы, добрая синьора
Лукреція, синьоръ Джіакомо, вы
Вѣдь знаете, что говорю я правду.

*Беатриче подходитъ къ нему; онъ закрываетъ лицо руками и состра-
хомъ отступаетъ отъ нея.)*

О, отвори скорѣе отъ меня
Ужасный гнѣвъ очей твоихъ. Наносить
Онъ раны мнѣ... Здѣсь пыткой меня
Заставили сознаться... Все, синьоры,
Я вамъ сказалъ; ведите-же на смерть.

БЕАТРИЧЕ.

Бѣднякъ, бѣднякъ, я о тебѣ жалѣю.
Но погоди минуту здѣсь.

КАМИЛЛО (*стражъ*).

Пускай

Онъ подождетъ.

БЕАТРИЧЕ.

О, кардиналъ Камилло,
Вы славитесь душевной добротой
И мудростью; такъ неужли на этотъ
Постыдный фарсъ вы можете смотрѣть, —
На этотъ фарсъ, въ которомъ темный, жалкій,
Дрожащій рабъ къ отвѣту привлеченъ
Страданьями, способными растрогать
Желѣзный духъ, — и общащемъ мукъ
Ужаснѣйшихъ, какими не караетъ
Богъ проклятыхъ, — принужденъ
То говорить, чего желаютъ судьи,
Что нужно имъ... Скажите мнѣ теперь,
Что было бы, когда бы ваши члены

Нѣжнѣйшіе вдругъ началъ кто нибудь
 Колесовать и вамъ сказалъ: «сознайся,
 «Что ты убилъ отравой своего
 «Племянника, прелестнаго ребенка, —
 «Твою звѣзду и полюсь жизни всей!»
 Конечно, вы, хоть даже всё бы знали,
 Что съ той поры, какъ такъ внезапно онъ
 Погибъ, — для васъ все въ жизни измѣнилось:
 И день, и ночь, и небо, и земля,
 И ходъ годовъ, и свѣтлыя надежды, —
 Вы все таки сказали-бъ: «сознаюсь»,
 И точно такъ, какъ этотъ рабъ несчастный,
 Молили-бы мучителей своихъ,
 Послать вамъ смерть позорную, какъ милость.
 Я васъ прошу, почтенный кардиналъ,
 Признать меня невинною.

КАМИЛЛО (*сильно растроганный*).

Синьоры

Почтенные, какъ думаете вы?
 Какъ, плачу я?.. Фи, стыдъ какой! Я думалъ,
 Что у меня въ замерзнувшей душѣ
 Слезамъ давно нѣтъ мѣста... Я погляться
 Готовъ душой въ невинности ея.

СУДЬЯ.

Мы все таки ее подвергнуть пыткѣ
 Обязаны.

КАМИЛЛО.

За что?.. О, своего.

Племянника — (будь живъ теперь несчастный,
 Онъ былъ-бы ей ровесникъ и имѣлъ бы
 Такіе же глаза и волоса) —
 Я точно такъ рѣшился-бъ мучить пыткой,
 Какъ и ее, — ее, чистѣйшій образъ
 Любви Творца, какой когда нибудь
 Въ слезахъ тоски сходилъ на эту землю.
 Она чиста, синьоры, какъ дитя
 Безгласное!

СУДЬЯ.

Когда вы не хотите
Ее пытаться, то пусть на васъ падеть
Отвѣтственность. Вы знаете, что папа
Намъ приказалъ строжайше разобрать
Подробности чудовищнаго дѣла,
И перейти — коль будетъ предстоять
Въ томъ надобность — за точный смыслъ закона.
Противъ нея являются теперь
Свидѣтельства такія, при которыхъ
Безъ пытки намъ никакъ не обойтись.

БЕАТРИЧЕ.

Свидѣтельства? но чьи? его?

СУДЬЯ.

Конечно.

БЕАТРИЧЕ (*къ Марціо*).

Поди сюда поближе. Отвѣчай,
Кто ты такой, — ты, избранный судьбою
Изъ массы всѣхъ живущихъ для того,
Чтобъ умертвить чистѣйшую невинность?

МАРЦІО.

Я Марціо, служитель твоего
Родителя.

БЕАТРИЧЕ.

Смотри въ глаза мнѣ прямо

И отвѣчай.

(Обращаясь къ судьямъ).

Прошу васъ замѣчать

Его лице; вы видите, боится
Смотрѣть онъ такъ, какъ дерзкій клеветникъ,
Не смѣющій по временамъ словами
То подтверждать, что видитъ глаза его, —
Его глаза на землю боязливо
Устремлены.

(къ Марціо).

И такъ ты говоришь,
Что я отца родного умертвила.

МАРЦІО.

О, пощади!.. Мой мозгъ идетъ кругомъ...
Я говорить не въ силахъ... Только пыта

Признаніе исторела изъ меня...
 О, пусть скорѣй вѣдутъ меня вѣтседа...
 Пусть взглядъ ея не смотритъ въ душу мѣѣ!
 Преступникъ я и жалкое созданье!...
 Я все сказалъ, что знаю... Дайте-жь мѣѣ
 Скорѣе смерть!

БЕАТРИЧЕ.

Синьоры! еслибъ въ сердцѣ
 Могла имѣть на столько силы я,
 Чтобъ изобрѣсть и сдѣлать преступленье,
 Въ которомъ я обвинена работою,
 Сказавшимъ ложь изъ опасенья пытки, —
 То неужли оставила бы жизньъ
 Я этому орудью злого дѣла?
 И неужли, когда бы для меня
 Молчаніе такъ страшно нужно было,
 Не приняла-бъ я мѣръ простыхъ къ тому,
 Чтобъ спряталась въ нѣмой могилѣ тайна
 Разбойника... Но видите, вѣдь онъ
 Еще живеть...

(обращаясь къ *Марціо*).

А ты...

МАРЦІО.

О, пощадите!

Я васъ молю со мною не говорить.
 Сильпѣй ножа, сильнѣй колесовапья
 Меня съчесть, терзаетъ этотъ взглядъ
 Суровости и состраданья полный,
 И голосъ вашъ торжественный.

(*Судьямъ*).

Я все

Теперь сказалъ. Изъ жалости ведите
 Меня на смерть.

КАМИЛЛО (*стражъ*).

Къ синьорѣ Беатриче

Подвиньте-ка поближе вы его.
 Предъ ней дрожать онъ, точно листь осенній
 Предъ вѣяншемъ суровѣйшей зрмы.

БЕАТРИЧЕ.

О, Марціо, ты, съ трепетомъ стоящій
 Надъ бездною, что отдѣляетъ жизнь
 Отъ вѣчнаго покоя, — хорошенько
 Обдумай все предъ тѣмъ какъ отвѣчать
 На мой вопросъ; — тогда и съ меньшимъ страхомъ
 Предстанешь ты къ всевышнему на судъ.
 Скажи мнѣ, что мы сдѣлали дурного
 Тебѣ? Увы! еще немного лѣтъ,
 Печальныхъ лѣтъ, мной прожито на свѣтѣ,
 И съ первыхъ дней былъ жалокъ мой удѣлъ:
 Минуты всѣ едва встававшей жизни
 Отецъ мой бралъ и въ капли превращалъ,
 Которыхъ ядъ сладчайшія надежды
 Всей юности мучительно губилъ.
 И послѣ онъ панесъ ударъ смертельный
 Моей душѣ, и отнял у меня
 Еще ничѣмъ не тронутое имя
 И тотъ покой, что спитъ на днѣ души.
 Такъ ненависть глубокая возникла
 Въ моей груди, и лишь ее могла
 Я повергать передъ престоломъ Бога,
 Отца всѣхъ насъ, который изъ любви,
 И благодти, и жалости къ несчастнымъ,
 Послалъ тебя чтобъ умертвить его.
 И чтожь? его виновность обвиненъсь
 Послужить мнѣ? И обвинитель мой
 Ты будешь, ты? Когда души спасенье
 Надѣешься ты на небѣ найти,
 То выкажи спачала справедливость
 Здѣсь на землѣ: жестокая душа
 Ужаснѣе руки, покрытой кровью.
 Коль въ жизни ты убійства совершалъ
 И попиралъ безжалостно ногами
 Законы всѣ и Бога и людей, —
 То упади во прахъ передъ Верховнымъ
 Своимъ Судьей и такъ скажи ему:
 «Создатель мой! я сдѣлалъ это дѣло

«И болѣе чѣмъ это! На землѣ
 «Была одна чистѣйшая невинность;
 «И вотъ за то, что вынесла она
 «Мученія, какихъ никто на свѣтѣ
 «Не выносилъ; за то, что этихъ мукъ
 «Ни мысленно представить невозможно,
 «Ни выразить словами; и за то,
 «Что наконецъ десницею своею
 «Ты спасъ ее, — я, клеветой своей,
 «Убилъ ее и все ея семейство.»
 Подумайте, я умоляю васъ,
 Что значить быть убійцей уваженъ,
 Которымъ свѣтъ нашъ старый, честный домъ
 И доблестное имя окружаетъ!
 Подумайте, что значить убивать
 Невиннаго младенца — состраданье
 Въ груди людей, — душисть его, пока
 Страданіе не станетъ преступленьемъ;
 Подумайте, что значить кровь и срамъ
 Кидать на то, что кажется невиннымъ
 И таково дѣйствительно, — о, да,
 Я въ томъ клянусь, — будь мнѣ свидѣтель, Богъ!
 (обращаясь къ Марціо)
 Ты выслушалъ... ну, отвѣчай теперь,
 Виновна-ль я, или нѣтъ въ отцеубійствѣ?

МАРЦІО.

Нѣтъ.

СУДЬЯ.

Это что?

МАРЦІО.

Я объявляю здѣсь,
 Что обвинилъ ее несправедливо.
 Она чиста, — виновецъ я одинъ.

СУДЬЯ.

Эй, взять его и вновь подвергнуть пыткѣ!
 Придумайте мученья похитрѣй
 И подлиннѣй, чтобъ вырвать съ корнемъ сердце;

Не отпущать, пока всю правду онъ.
Не скажетъ намъ.

МАРЦЮ.

Терзайте, какъ хотите!

Страданіе — сильнѣе этихъ звъзъ —
У моего послѣдняго дыханья
Исторгнуло ту правду, — выше всехъ
Возможныхъ правдъ... Она вполне невинна,
Я вамъ сказалъ!... О, вы, не люди — псы.
Голодные, насмѣйте вашу алчность
Мной, мной однимъ. А это дорогое
Сокровище природы ни за что
Я не отдамъ на жертву разрушенью
И грабежу. (Страха усодитъ Марцію.)

КАМИЛЮ.

Синьоры, что теперь
Вы скажете?

СУДЬЯ.

Пусть пытка тянетъ правду,
Пока она не поблѣветъ такъ,
Какъ снѣгъ полей, взметенный злыми вѣтромъ.

КАМИЛЮ.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ запачканный въ крови,

СУДЬЯ *(къ Беатриче.)*

Знакомы-ль вамъ, синьора, эти строки?

БЕАТРИЧЕ.

Къ чему меня хотите вы поймать
Вопросами? Кто здѣсь мой обвинитель?
А, это ты явиться хочешь имъ,
Ты, мой судья! — Такъ вотъ что! обвинитель,
Свидѣтели и судьи — это все
Въ одномъ лицѣ! — (Смотря на записку.)

Подписано: Орспно.

Кто онъ такой? Пусть на очную ставку
Придетъ сюда... Что можно заключить
Изъ этого маранья? Ахъ, вы сами
Не знаете, и только потому

Что, можетъ быть, оно свидѣтель дѣла
Преступнаго — хотите насъ убить!

(Входятъ офицеры).

СУДЬЯ.

Что Марціо?

ОФИЦЕРЪ.

Онъ умеръ.

СУДЬЯ.

И сознался?

ОФИЦЕРЪ.

Ни въ чемъ. Едва его мы привязали
У колеса, — онъ улыбнулся намъ
Какъ человекъ, искусно обманувшій
Противника, и, крѣпко затаивъ
Дыханіе, онъ умеръ.

СУДЬЯ.

Остается

Теперь одно: подвергнуть пыткѣ ихъ,
Скрывающихъ съ такимъ упорствомъ тайну.

КАМИЛЛО.

Нѣтъ, властію мнѣ данною прошу
Повременить съ процессомъ этимъ. Прежде
Поговорить я съ папою хочу
Объ этихъ трехъ особахъ благородныхъ,
Исполненныхъ невинности.

СУДЬЯ.

Пускай

Все будетъ такъ, какъ пожелаетъ папа.

(къ стражѣ)

А между тѣмъ, сведите ихъ въ тюрьму,
По комнатамъ отдѣльнымъ разсадите
И пусть у васъ готовы будутъ всѣ
Орудія допроса: если папа
Захочетъ здѣсь явиться, какъ всегда,
И набожнымъ, и мудрымъ, и правдивымъ, —
То въ эту ночь, изъ этихъ нервовъ я
Стенаньями и криками исторгну
Признаніе полнѣйшее во всемъ.

(Уходить).

СЦЕНА III.

Комната въ тюрьмѣ.

БЕАТРИЧЕ спитъ; входятъ БЕРНАРДО.

БЕРНАРДО.

Какъ сладко сонъ покоится на миломъ
 Ея лицѣ! Подумаешь, что онъ —
 Остатокъ дня, прошедшаго въ весельи,
 И въ тѣмѣ ночной, среди блаженныхъ грёзъ,
 Живущаго послѣднiя минуты!
 Еще вчера такъ много мукъ она
 Перенесла,—и дышетъ такъ спокойно
 И такъ легко!.. О, горе, горе!.. Мнѣ
 Казалось, что никогда ужь больше
 Я не усну... Но съ этого цвѣтка
 Прекраснаго, уснувшаго,—я долженъ
 Спокойствiя небесную росу
 Стряхнуть... Вставай, сестра моя! Ужели
 Ты можешь спать?

БЕАТРИЧЕ (*просыпаясь.*)

Мнѣ снилось въ этотъ мигъ,
 Что мы въ раю. Ты знаешь, братъ, что раемъ
 Темница намъ является, когда
 Мы думаемъ объ участи, постигшей
 Отца.

БЕРНАРДО.

Сестра, любезная сестра!
 О, отчего твой сонъ остаться долженъ
 Лишь сномъ простымъ!.. О, милосердый Богъ!
 Какъ я скажу?..

БЕАТРИЧЕ.

А что сказать ты хочешь,
 Мой милый братъ?

БЕРНАРДО.

О, не смотри, сестра,
 Спокойно такъ и счастливо! При мысли
 О томъ, что я пришелъ тебѣ сказать,
 Душа моя готова разорваться.

БЕАТРИЧЕ.

Вотъ видишь, ты довелъ меня до слезъ...
 Дитя мое, какъ будешь ты несчастенъ,
 Безпомощенъ, когда меня не станеть!..
 Ну, что же ты имѣешь мнѣ сказать?

БЕРНАРДО.

Они во всемъ сознались... Долше пытку
 Переносить имъ не хватило силъ.

БЕАТРИЧЕ

Сознались! А!.. Да развѣ сознаться
 Имъ было въ чемъ?.. Нѣтъ, вѣрно чтобъ польстить
 Мучителямъ своимъ, они сказали
 Постыдную, преступнѣйшую ложь!
 Какъ! и они себя назвать рѣшились
 Преступными?.. О, чистый, бѣлый ликъ
 Невинности! и ты скрыватья долженъ
 Подъ маскою виновности, и все
 Что есть въ тебѣ высокаго, святаго,
 Таить отъ всѣхъ, незнающихъ тебя!
 (Входитъ Судья; за нимъ стража вводитъ Лукрецію и Джакомо).

БЕАТРИЧЕ.

О, низкія и жалкія созданья!
 Изъ за того, чтобъ нѣсколькихъ минутъ
 Мученій злыхъ избавиться,—мученій,
 Которыя вѣдь смертны точно такъ,
 Какъ имъ же терзаемое тѣло,—
 Рѣшились вы стереть съ лица земли
 Столѣтія блестящаго величья
 И превратитъ въ насмѣшку, въ звукъ пустой
 Ту вѣчную, незыблемую славу,
 Что высоко, какъ солнце, вознеслась
 Надъ призракомъ земной, непрочной славы!
 Вамъ хочется, чтобъ привязали пась
 Къ ногамъ коней и бѣшено тащили
 По улицамъ; чтобъ наши волосы
 И грязь и пыль тѣхъ улицъ заматали;
 Чтобъ грубая, безчувственная чернь

На нашъ позоръ стекалась любоваться,
 Изъ всѣхъ домовъ, театровъ и церквей:
 Вамъ хочется, чтобъ вѣтреная масса
 Проклятія иль вялыя слова
 Участвія обиднаго кидала
 На трупъ живой въ тотъ часъ, какъ будемъ мы
 Въ ней проходить... (чтобъ больше не вернуться...)
 И остаять, какъ память о себѣ,
 Отчаянье, позоръ, и кровь, и ужась!
 О ты, о ты, въ комъ сирота пашла
 Вторую мать, — не убивай, родная,
 Свое дитя! Не допусти ее
 Пастъ жертвою неслыханныхъ страданій!
 А ты, мой братъ, со мною вмѣстѣ лягъ
 Подъ колесо, и будемъ въ этой пыткѣ
 Безмолствовать, какъ тѣло мертвеца!
 Мы скоро тамъ найдемъ покой, какъ въ гробѣ...
 Боязнію исторгнутая ложь
 Одна придать способна ужась пыткѣ!

ДЖІАКОМО.

О, и тебя заставитъ паконецъ
 Она сказать всю истину. Сознайся
 Въ своей винѣ изъ состраданья къ намъ.

ЛУКРЕЦІЯ.

О милая, сознайся! Дай скорѣе
 Намъ умереть! А послѣ смерти мы
 Судью найдемъ въ Создателѣ, не въ людяхъ;
 Онъ сжалятся надъ нами.

БЕРНАРДО.

О, сестра
 Любезная, коль это точно правда,
 Сознайся имъ; — а послѣ папа васъ
 Простить и все уладится.

СУДЬЯ.

Сознайтесь,
 Иль мы такой подвергнемъ пыткѣ васъ,
 Что...

БЕАТРИЧЕ.

Пыткъ? Нѣтъ; ужь лучше превратите
 Вы колесо свое въ веретено;
 Пытайте пса, чтобъ вынудить признаше;
 Что пилъ онъ кровь пролатую его
 Хозяиномъ, — да, пса терзайте пыткой,
 Но не меня! Мои мученья — всѣ
 Въ моемъ умѣ и въ сердцѣ, — въ самомъ тайномъ
 Убъжищѣ души моей; она
 Рыдаеть вся слезами жгучей желчи
 При мысли той, что въ этомъ мѣрѣ зломъ,
 Гдѣ всюду ложь, мои родные также
 Себѣ самимъ рѣшились измѣнить;
 При мысли той, что я всю жизнь страдала
 И съ ней теперь, страдая, расстаюсь;
 Что я суда правдиваго не вижу
 Ни на землѣ; ни на небѣ; что ты,
 Стоящій здѣсь — тираннъ, а эти люди —
 Твои рабы. Вотъ муки; у меня
 Отвѣтъ на все способны исторгнуть.
 Что хочешь ты услышать отъ меня?

СУДЬЯ.

Виповна-ль ты, или нѣтъ, въ отцеубійствѣ?

БЕАТРИЧЕ.

Не хочешь ли ты лучше обвинить
 Верховнаго судью всего мірскаго
 За то, что онъ свершиться допустилъ
 Тому, что мнѣ всю душу истерзало
 И этому поступку послѣ даль
 Одинъ исходъ, который называешь
 Ты смертію отца?.. Но съ этихъ поръ
 Ты говорить все можешь, что желаешь —
 Я ничего не стану отрицать.
 Хотите вы, чтобъ было такъ, — пусть будетъ;
 На этомъ все покончатся. Теперь
 Вы можете все дѣлать; что хотите;
 А изъ меня ни слова больше вы
 Не вырвете какой угодно пыткой.

СУДЬЯ.

Довольно съ насъ и этихъ словъ, хотя
 Въ нихъ нѣтъ еще признанія прямого.
 Теперь, пока послѣдній приговоръ
 Произнесутъ, — никто не долженъ съ ними
 Въ сношеньяхъ быть. Васъ, молодой спѣворъ,
 Я попрошу сейчасъ же удалиться.

БЕАТРИЧЕ.

О, Боже мой!... оставьте мнѣ его!...

СУДЬЯ,

Обязанность свою исполни, стража.

БЕРНАРДО (*обнимая Беатриче*).

Такъ тѣло вы хотите разлучить
 Съ его душой?

ОФИЦЕРЪ.

То дѣло палача.

(Уходить всѣ кромѣ *Лукреціи*, *Беатриче* и *Джіакомо*).

ДЖІАКОМО.

Сознался я!... Ужели это правда?
 Ужели все погибло и нигдѣ
 Надежды намъ, исхода не осталось?
 О, злой языкъ, ты погубилъ меня!
 Зачѣмъ тебя не вырвалъ я изъ горла
 И не швырнулъ собакамъ?... Умертвить
 Сперва отца, а послѣ гнусно выдать
 Сестру, — обречь погибели ея,
 Которая въ преступномъ, черномъ мірѣ
 Одна изъ всѣхъ невинна и чиста!
 Жена моя!... малытки дорогія!...
 Покинуты, безпомощны... Отецъ,
 Создатель мой! даешь ли ты прощенье
 Преступнику, когда его душа,
 Какъ здѣсь моя, отъ мукъ на части рвется?

(*Закрываетъ лице и плачетъ*).

ЛУКРЕЦИЯ.

Дитя мое! какъ страшно это все
 Окончилось!... Зачѣмъ я признавалась?
 Зачѣмъ, зачѣмъ я пытку поддалась?

БЕАТРИЧЕ.

Поступокъ вашъ былъ слабостью; но плакать
 О сдѣланномъ— вѣдь значить поступать
 Еще слабѣй... Отрите эти слезы...
 Какъ видно, Богъ, который зналъ мои
 Страданія, и въ нашемъ смѣломъ дѣлѣ
 Явилъ свой гнѣвъ,— теперь покинулъ насъ;
 Но это намъ лишь кажется; и думать
 Мы не должны, что онъ караетъ насъ.
 Братъ, сядь ко мнѣ поближе; дай мнѣ руку;
 Ты прежде былъ душою твердъ и смѣлъ.
 Приободрись!... О, матушка родная,
 Склонись ко мнѣ въ колѣни головой
 И задремать немного постарайся!
 Твои глаза совсѣмъ утомлены
 Безсонницей и скорбью безысходной.
 Поди ко мнѣ; я пѣсенку тебѣ
 Спою; она не изъ веселыхъ пѣсней,
 Но вмѣстѣ съ тѣмъ и не совсѣмъ грустна,
 Поди же, лягъ... Вотъ такъ... Не позабыла-ль
 Я словъ ея?... Нѣтъ, помню... О, они
 Печальнѣе, чѣмъ я воображала!...

(поетъ).

О, мой коварный другъ! Улыбкой плъ слезою
 Меня проводишь ты, когда свои глаза
 Навѣки я сомкну? Для трупа подъ землею
 Не все-ль равно: улыбка плъ слеза?

Прощай!.. Послушай: что-то тамъ,

Какъ будто глухо шепчетъ намъ!..

Въ улыбкѣ у тебя, о милый мой, — злѣя:

Въ слезахъ твоихъ, мой другъ, отраву слышу я.

О, сопъ! когда бы смерть была, какъ ты, отрадна,
 Иль еслбъ ты давалъ забвенье навсегда,—
 Усталые глаза сомкнула бы я жадно,
 Чтобъ не вставать для жизни никогда!

О, мнръ, прости!.. Но слышишь звопъ

Колоколовъ? Какъ грустенъ онъ!

Онъ говоритъ, что мы должны разстаться, другъ,
 Съ душой исполненной и радости, и мукъ!..

СЦЕНА IV.

Зала въ тюрьмѣ.

Входятъ КАМИЛЛО и БЕРНАРДО.

КАМИЛЛО.

Нѣтъ, папу намъ ничѣмъ не умолить.
 Безчувственно онъ смотритъ, какъ машина,
 Которая и мучить, и казнить,
 Своихъ злодѣйствъ совѣтъ не сознавая.
 Онъ мраморъ, онъ обычай, онъ законъ,—
 Не человѣкъ. Когда отъ адвокатовъ
 Онъ получилъ въ защиту вашу рѣчь,
 То гнѣвно лобъ наморщилъ, и бумагу
 Порвалъ въ клочки, и грубо проворчалъ:
 «Когда бъ у васъ родителя убили
 «Во время сна, вы стали-бъ защищать
 «Его убійцъ?» Другому адвокату
 Сказалъ онъ: «ты по должности своей
 «Ихъ защищаль, и это справедливо.»
 Потомъ ко мнѣ повернулся онъ,
 И съ строгими упреками во взглядѣ
 Сказалъ всего три слова: «Умереть
 Они должны.»

БЕРНАРДО.

Однако, не отстали

Вы отъ него и послѣ этихъ словъ?

КАМИЛЛО.

Да не отсталъ. Доказывалъ я долго,
 Что, сколько я догадываюсь, вы
 Подвинуты на это преступленье
 Какимъ либудь поступкомъ адскимъ. Онъ
 На это мнѣ отвѣтилъ: «Санта-Кроче
 «Еще вчера родную мать убилъ
 «И убѣжалъ. Отцеубійства нынче
 «Такъ въ ходъ пошли, что, право, скоро насъ,
 «Всѣхъ стариковъ ребята молодые
 «Во время сна задушатъ и себя
 «Законною причиною оправдаютъ.

«Значеніе и сила старыхъ лѣтъ
 «И волосы сѣдые преступленьемъ
 «Ужаснѣйшимъ считаются теперь.
 «Камилло, ты племянникъ мой; ты просишь
 «Меня за нихъ; побудь съ минуту здѣсь...
 «Вотъ приговоръ; не дождей ты являться
 «Мнѣ на глаза, пока не будетъ опъ
 «Исполненъ весь и съ точностью буквальной.»

БЕРНАРДО.

О, Господи! А я увѣренъ былъ,
 Что ваши всѣ слова служили только
 Вступленіемъ печальнымъ къ новостямъ
 Всерадостнымъ... Но есть слова и взгляды,
 Способные смягчить и измѣнить
 Строжайшее рѣшеніе! Когда-то
 И я ихъ зналъ, но позабылъ теперь,
 Когда они мнѣ такъ ужасно нужны...
 Не броситься-ль мнѣ самому къ отцу
 Святѣйшему, и горькими слезами
 Его стопы и мантию облить,
 И падоусть моленьями, и крикомъ
 Отчаянья такъ раздражить его,
 Чтобъ началъ опъ жезломъ своимъ удары
 Мнѣ наносить, и голову мою
 Согбенную нецстою погами
 Топтать, пока не хлынетъ кровь, и въ немъ
 Раскаянье не вызоветъ прощенья?
 Да, я пойду!.. Дождитесь здѣсь меня!

(убѣгаетъ)

КАМИЛЛО.

Бѣднякъ, бѣднякъ! Скорѣе мореходецъ
 Разжалобитъ бездушный океанъ!
 (Входятъ Лукреція, Беатриче и Джіакомо подъ стражею)-

БЕАТРИЧЕ.

О, кардиналъ, я даже опасаться
 Боюсь, что ты приносишь намъ отказъ
 Въ прощеніи.

КАМИЛЛО.

Пусть Богъ къ молитвамъ папы
 Не будетъ такъ неумолимъ и строгъ,
 Какъ онъ— къ моимъ молеліямъ. Вотъ смертный
 Вашъ приговоръ.

БЕАТРИЧЕ *(съ дикимъ отчаяніемъ.)*

О, боже! умереть

Внезапно такъ! въ такихъ цвѣтущихъ лѣтахъ
 Сойти въ сырой, холодный, мрачный гробъ —
 Приютъ червей! Тѣснѣйшее пространство
 Избрать себѣ жилищемъ! Никогда
 Не видѣть свѣтъ ласкающаго солнца
 И не слышать веселыхъ голосовъ
 Живыхъ существ; все потерять... Ужасно!
 И сдѣлаться ничѣмъ, нль... Чѣмъ?.. Кто я?..
 О, Господи, не дай мнѣ помѣшаться!
 Прости мнѣ мысль безумную мою:
 Что если тамъ, въ широкомъ, мрачномъ мірѣ,
 Лишенномъ звѣздъ, бездонномъ и пустомъ,—
 Нѣтъ ни земли, ни Господа, ни неба?
 Что если въ немъ живетъ лишь мой отецъ,
 И буду я его дыханьемъ, взглядомъ
 И голосомъ вездѣ окружена,
 И станетъ онъ въ моей умершей жизни
 И воздухомъ и свѣтомъ? Что, когда
 По временамъ, въ томъ образѣ, въ которомъ
 Онъ гналъ меня и мучилъ на землѣ,
 Почтенными сѣдшиами прикрытый,
 Ко мнѣ, дрожа, онъ будетъ подходить
 Хватать меня, и устремлять свой взоръ
 Въ мои глаза, и къ низу, къ низу, къ низу
 Тащить меня?.. Вѣдь былъ же онъ одинъ
 И всемогущъ, и вездѣсущъ на свѣтѣ.
 Да и теперь, когда ужъ умеръ онъ,
 Все духъ его живетъ во всемъ, что дышетъ,—
 Живетъ, и мнѣ и всѣмъ моимъ несетъ
 Отчаянье, и смерть, и посрамленье!
 Еще никто изъ царства смерти въ мірѣ

Не приходилъ, чтобъ тамошнимъ законамъ
Учить людей, — законамъ, можетъ быть,
Неправеднымъ, какъ тѣ, что насъ уносятъ...
Куда, куда?

ЛУКРЕЦІЯ.

Надѣйся на любовь
Создателя и вѣруй въ обѣщанье
Спасителя: до вечера еще
Мы увидемъ въ рай.

БЕАТРИЧЕ.

Спокойствіе вернулся
Опять ко мнѣ. Что бъ ни было теперь, —
Уныніе не овладѣетъ мною.
Но все таки, не знаю почему,
Отъ вашихъ словъ я точно холодѣю...
Какъ холодно, фальшиво, скучно все
Мнѣ кажется! Не разъ незаслуженно
Страдала я; съ дней дѣтства моего
Отторгнута была отъ жизни, свѣта,
Святой любви; вы правы, говоря,
Что я должна надѣяться на Бога,
Да, на него надѣюсь я, въ него
Я вѣрую. Ни на кого другого
Надежды нѣтъ... Но отчего же все
Моя душа холодной остается?

(Во время этого монолога, Джуакомо разговаривалъ въ глубинѣ сцены съ Камилло, — по окончаніи его, Камилло уходитъ, а Джуакомо выходитъ на авансцену).

ДУАКОМО.

О, мать, сестра, — сказать ли новость вамъ?
Бернардо нашъ пошолъ недавно къ папѣ
Вымаливать прощеніе.

ЛУКРЕЦІЯ.

Дитя,
Быть можетъ, онъ успѣетъ... Намъ позволятъ
Не умереть и долго будемъ мы

Разсказывать объ этихъ всѣхъ страданьяхъ...
 Какая мысль!.. Ахъ, въ сердцѣ слышу я
 Какъ будто бы потоки теплой крови...

БЕАТРИЧЕ.

А между тѣмъ, черезъ нѣсколько минутъ,
 И кровь твоя, и сердце охладѣютъ...
 Брось эту мысль! Надежда хуже, злѣй
 Отчаянья и истязаній смерти...
 Смягчай морозъ, готовый истребить
 Цвѣтокъ земли; смягчай землетрясенье,
 Когда оно проснется, и подъ нимъ
 Дрожить большой, свободный, сильный городъ;
 Смягчай чуму, летящую какъ вихрь,
 И голодъ злой, и бѣшеное море;
 Все, все смягчай,—но только не людей,
 Холодныхъ, злыхъ, бездушныхъ формалистовъ,—
 Правдивѣйшихъ созданій на словахъ
 И Каиновъ на дѣлѣ!.. Нѣтъ, родная,
 Брось эту мысль; мы умереть должны:
 Ужъ такова награда чистой жизни!
 Смерть лечитъ насъ отъ самыхъ страшныхъ мукъ.
 И между тѣмъ какъ наши всѣ убійцы
 Живутъ себѣ спокойно на землѣ,
 А черствые, безчувственные люди,
 Сквозь этотъ міръ страданія и слезъ
 Съ улыбкою идутъ на встрѣчу смерти,
 Какъ будто бы встрѣчая жизни сонъ,—
 Мы съ искреннимъ и страннымъ наслажденьемъ
 Открытый гробъ привѣтствовать должны.
 Смерть мрачная, я жду тебя! Скорѣе
 Возьми меня въ объятія, къ груди
 Прижми какъ мать и пѣсней колыбельной
 Навѣй мнѣ сонъ — твой непробудный сонъ!
 А вы, — вы всѣ живущіе, живите
 Поворные, подвластные другимъ,
 Какъ нѣкогда и мы существовали,
 Мы, въ этотъ мигъ...

БЕРНАРДО (*объезжал*).

О, ужась! Тщетно все —

Рыданія, моленья и надежды!
 Служители суровой смерти ждуть
 Тамъ у дверей... Миѣ кажется, замѣтлль
 Я на лицѣ у одного изъ нихъ
 Какъ будто кровь... О, скоро обагрится
 Онъ кровью всѣхъ, кто только дорогъ мнѣ,
 И черезъ мигъ какъ воду дождевую
 Ее сотреть... О мѣръ! о жизнь! меня
 Сокройте вы, навѣки истребите!
 Нѣтъ силъ смотрѣть, какъ въ дребезги летить
 То зеркало невинности чистѣйшей,
 Въ которое съ любовію глядьясь,
 Я дѣлался и добрымъ и счастливымъ!
 Смотрѣть, какъ въ гробъ ложишься, гаснешь ты —
 Ты, жизни свѣтъ, ты, ангель Беатриче,
 Бросавшая прелестный свѣтъ на все,
 На что твой взглядъ прелестный обращался!
 Нѣтъ силъ, нѣтъ силъ подумать, что когда
 Скажу: сестра, — «сестры ты не имѣешь»
 Отвѣтять мнѣ. И ты, о мать моя,
 Ты, чья любовь насъ всѣхъ соединяла, —
 И ты умрешь! Порвется эта связь
 Прекрасная!

(Входятъ *Камилло* и *Стража*).

Они идутъ! О, дай-же

Въ послѣдній разъ прильнуть къ твоимъ губамъ,
 Пока онѣ еще не побѣлѣли,
 Пока еще ихъ холодъ не покрылъ.
 Скажи: прости! пока не заглушила
 Навѣки смерть прекрасный голосъ твой!
 Сестра, сестра! Позволь его услышать
 Еще хоть разъ!

БЕАТРИЧЕ.

Прощай, мой милый братъ:

Объ участи плачевной нашей думай
 Ты съ кроткою печалью, какъ теперь,

И мыслями и чувствами благими
 Свою тоску старайся облегчать.
 Свершай свой путь не въ гнѣвъ и проклятыяхъ,
 Свершай его въ терпѣнны и слезахъ.
 Еще одно, дитя мое, запомни:
 Всегда, всегда будь вѣренъ той любви,
 Которую ты къ намъ теперь питаешь,
 Той честности, которую всегда
 Хранила я ненарушимо, свято,
 Хотя суждено мнѣ было скрыть ее
 Подъ тучею позора и убійства!
 Будь вѣренъ ей!.. Пусть злые языки
 Наносятъ мнѣ жестокіе удары,
 Пусть на твоёмъ певниномъ, чистомъ лбу
 Стоитъ клеймомъ позорнымъ наше имя,
 Пусть на него въ присутствіи твоёмъ
 Насмѣшливо указываютъ люди, —
 Ты все сноси, не шли проглатій тѣмъ,
 Кто, можетъ быть, тебя въ могилѣ любить.
 Тогда и ты умрешь, какъ я умру —
 Не преклонясь предъ муками и страхомъ.
 Прости, мой братъ! Прости, прости, прости!

КАМИЛЛО.

О, бѣдная!

БЕАТРИЧЕ.

Мой добрый кардиналь,
 Не мучь себя печалью бесполезной.
 Ну, матушка, скорѣе застегни
 Ты поясъ мой и завяжи мнѣ кудри
 Простымъ узломъ... Вотъ такъ... А у тебя
 Совѣтъ коса, я вижу, распустилась...
 Бывало, мы такъ часто волоса
 Одна другой причесывали... Больше
 Ихъ не чесать... Сипьоръ, готовы мы! —

И. Вейнбергъ.

ВИНОВАТА—ЛИ ОНА?

ГЛАВА XXVII

БОРГО ФИЦЖЕРАЛЬДЪ.

Вечеромъ, наканунѣ рождественскаго сочельника, два человека сидѣли на квартирѣ Джоржа въ улицѣ Сесиль. Было уже за полночь и они курили сигары. Столъ передъ ними былъ заставленъ бутылками со спиртными напитками и кружками съ холодною и горячею водою. Одинъ изъ собесѣдниковъ, по-видимому, таки частенько приобѣгаль въ теченіи вечера къ нектору этихъ бутылокъ; но Джоржъ Вавазоръ еще не пилъ и, казалось вовсе не намѣревался пить. Передъ нимъ, правда, стоялъ стаканъ съ довольно слабою водкой, разбавленной водою, но онъ къ нему и не прикасался за послѣдніи двадцать минутъ. За то его собесѣдникъ успѣлъ въ этотъ промежутокъ времени два раза опорожнить свой стаканъ, и затягивался своей сигарой, выпускалъ клубы дыма съ ожесточеніемъ локомотива, въ который только что подвалили свѣжихъ угольевъ. Человекомъ этотъ былъ Борго Фицжеральдъ. Онъ былъ все такъ же прекрасенъ, какъ когда либо, но глаза его и ввалившіяся щеки носили слѣды той распутной жизни, которая и самому ему давно успѣла опостылѣть. У большей части людей, проводящихъ ночи вплоть до пѣтуховъ въ безобразныхъ оргіяхъ, лице принимаетъ багровый оттѣнокъ, щеки покрываются прыщами и глаза подергиваются мутною влагой. Первое появленіе красноты на носу, нежеланіе предстать пе-

редь друзьями женскаго пола съ глазами, какъ бы утопающими въ грогъ, остановили не одного гуляку на пути разврата. Но Борго Фицджеральду провидѣніе, какъ бы во гнѣвѣ своемъ, отказало въ этомъ предостереженіи. Временами онъ являлся блѣдный и истомлѣнный; съ каждымъ днемъ онъ становился все худѣе и худѣе; но красота его оставалась неизмѣнною; онъ сохранялъ и безукоризненно правильныя очертанія богоподобнаго лица, и блескъ голубыхъ глазъ.

Въ тотъ вечеръ, о которомъ идетъ рѣчь, онъ пришелъ къ Вавазору съ двойною цѣлью: ему нужна была помощь, нуженъ былъ отчасти и совѣтъ. Но, въ отношеніи послѣдняго, онъ былъ настроенъ подобно большей части людей, подыскивающихъ себѣ такихъ совѣтчиковъ, которые поддержали бы ихъ въ преступномъ замыслѣ; совѣтъ совпадающій съ его личнымъ мнѣніемъ, имѣлъ бы на него успокоивающее и поощряющее дѣйствіе, тогда какъ совѣтъ противоположнаго свойства былъ бы имъ оставленъ безъ вниманія. Эти два человѣка знали другъ друга съ давнихъ поръ и было время, когда между ними существовало самое тѣсное общеніе. То было еще до помолвки лэди Гленкору за мистера Паллизера. Когда лэди Гленкора искала содѣйствія Алисы и, какъ намъ извѣстно, потерпѣла отказъ, нашлись люди, которые завѣрили Борго, что въ этой бѣдѣ ему можетъ помочь двоюродный братъ Алисы. И что касалось Джоржа, дѣло стало не за готовностью помочь; онъ снабдилъ своего пріятеля деньгами, такъ какъ онъ у него въ то время еще водился, и, по всѣмъ вѣроятіямъ, обнадежилъ Борго возможностью открытыя влюбленной четѣ доступъ въ домъ на улицѣ Королевы Анны, откуда они могли бы осуществить свой планъ бѣгства. Но надежда эта рушилась и лэди Гленкора Мэккльюзки сдѣлалась лэди Гленкорою Паллизеръ, а не Фицджеральдъ. Настали иныя времена, появились иныя надежды и снова Борго обратился за помощью къ своему пріятелю.

— Мнѣ кажется, что она согласится, проговорилъ Борго, поднося свой стаканъ къ губамъ. Конечно, это такое дѣло, въ которомъ можно только гадательно предсказывать результаты, пока не попытаешь счастья на дѣлѣ. Я знаю, что она съ нимъ несчастна и я рѣшился на худшій конецъ, спросить ее.

— Но состояніе ея все же останется за нимъ?

— Право не знаю, я объ этомъ, не наводилъ справокъ, да и не намѣренъ наводить. Вы мнѣ конечно не повѣрите, если я вамъ скажу, что на этотъ разъ не деньги я имѣю въ виду, а между тѣмъ это такъ. Правда, одинъ Богъ вѣдаетъ, какъ я нуждаюсь въ деньгахъ, но все же я не рѣшился бы взять чужую жену изъ за денегъ.

— Ужь не потому ли, что вы считаете это за грѣхъ? А я было думалъ, что вы стоите выше подобныхъ предразсудковъ.

— Вамъ-то хорошо молоть вздоръ.

— Это совсѣмъ не вздоръ. Про себя я откровенно скажу, что ни съ чьей бы женой не рѣшился бѣжать. Я придерживаюсь того отсталого мнѣнія, что если человѣкъ обзавелся женою, то не надо ее отнимать у него. Я знаю что общественное мнѣніе со мной не согласно.

— Это онъ похитилъ у меня жену, съ жаромъ воскликнулъ Борго; вотъ какъ я смотрю на это дѣло. Ея рука была мнѣ обѣщана первому, она меня дѣйствительно любила, тогда какъ она его и въ грошъ не ставила.

— А все же бракъ остается бракомъ и законъ противъ васъ. Но ужь еслибы я, паче чаянія, пошелъ на такое курьезное дѣло, то ужь конечно не упустилъ бы денегъ изъ виду.

— Что мнѣ въ деньгахъ?

— А что вамъ было въ нихъ, когда вы прежде за нее сватались?

— Тогда было другое дѣло. Моя родня хлопотала свести насъ вмѣстѣ, потому что у нея было большое состояніе, а у меня ничего не было. Дѣло, какъ видите, было ясное. Да что! Скажу вамъ больше: мнѣ кажется, что это старая вѣдьма, мол тетушка, не прочь и теперь приложить свою руку къ тому же дѣлу. Конечно, на словахъ она этого не показываетъ, не смѣетъ; но въ душѣ она право не прочь, старая грѣховодница.

— Ай да, благодарный племянникъ!

— Говорю вамъ по чести, я ненавижу ее. Тутъ главную роль играетъ не расположеніе ко мнѣ, а желаніе насолить Паллизеру, который помѣшалъ осуществленію ея тогдашняго плана. Она преразвратная старушенка. Ужь мы ли съ вами не отпѣтые развратники, а все же...

— Покорно благодарю. Ну, мнѣ то до васъ еще, кажется, далеко.

— А все же мы, просто, ангелы въ сравненіи съ этою старою чертовкой. Вѣрьте мнѣ въ томъ, что я вамъ скажу или не вѣрьте, какъ хотите. Конечно, вы почтете своимъ долгомъ усомниться...

— Ну допустимъ, на всякій случай, что я вамъ безусловно вѣрю.

— И такъ, дѣло въ томъ, что я домогаюсь ея, отчасти, потому, что я ее люблю, отчасти же потому, что я въ душѣ убѣжденъ, что она меня любитъ.

— Такъ это вы объ ней хлопчете! Вы готовитесь принести себя въ жертву, ради одного удовольствія сдѣлать ей приятное.

— Какія тутъ жертвы! Я и безъ того пронаціи чловѣкъ, и не задумался бы всадить себѣ пулю въ лобъ, и избавить такимъ образомъ свою родню отъ посрамленія, еслибы мнѣ только вообще до моей родни побольше было дѣла. Какъ будто я не ясно вижу свое положеніе! Я въ конецъ разбитый корабль и мнѣ ничего болѣе не осталось, какъ идти ко дну.

— Въ обществѣ лэди Гленкору, конечно?

— О, нѣтъ! сохрани богъ! Но порой, когда я раздумуюсь объ этомъ, — а я по возможности избѣгаю думать о подобныхъ вещахъ, — мнѣ кажется, что я сталь бы другимъ чловѣкомъ, если бы мнѣ посчастливилось на пей жениться.

— Оно еще могло бы быть такъ, если бы вы женились на ней, когда она была свободна располагать собою и своимъ состояніемъ.

— Мнѣ кажется, тоже самое будетъ и теперь. Если бы мнѣ только удалось уѣхать съ нею куда нибудь въ Италію или въ Грецію, мнѣ кажется, я сумѣлъ бы доставить ей мирную, счастливую жизнь. Покрайней мѣрѣ, я бы попытался.

— И прожили бы безъ водки и безъ сигаръ?

— Да.

— И безъ денегъ?

— Съ очень небольшими деньгами. Я знаю, вы будете смѣяться надо мною. Но, право, я только и мечтаю объ этой тихой жизни, которая, я знаю, удовлетворила бы насъ обоихъ;

эта цыганская безобразная жизнь до того мнѣ опротивѣла, что меня берегъ отвращеніе къ самому себѣ.

— Одна бѣда, что Плэпти Поль нагрянулъ бы на васъ и разстроилъ бы ваше идиллическое счастье.—Подъ этимъ уменьшительнымъ именемъ Джорджъ подразумѣвалъ супруга лэди Гленкоры.

— Онъ, конечно, выхлопоталъ бы разводъ, и тогда мы стали бы мужемъ и женою. Мнѣ сдается, что когда все дѣло уладилось бы такимъ образомъ, онъ не слишкомъ бы горевалъ о потерѣ жены. Мнѣ говорили, что онъ ее не любитъ.

— Вы видѣлись съ нею послѣ ея замужества?

— Видѣлся, два раза.

— И говорили съ нею?

— Такихъ разговоровъ, которые не вращались бы на общихъ мѣстахъ, у насъ всего былъ одинъ, и то онъ продолжался не болѣе двухъ минутъ.

— Что же она вамъ сказала?

— Она сказала мнѣ, что намъ всего лучше болѣе не встрѣчаться. Какъ только она сказала мнѣ это, я тотчасъ же понялъ, что она меня не разлюбила. Я способенъ былъ въ эту минуту упасть къ ея ногамъ, жаль только, что комната была полна народа. Да, я положительно убѣжденъ, что она меня все еще любитъ.

Вавазоръ подумалъ съ минуту и потомъ отвѣчалъ:

— Не мудрено, что она васъ все еще любитъ, но достанетъ ли у нея смѣлости на такой рѣшительный шагъ, этого никакъ нельзя сказать съ опредѣлительностью. Вѣроятно же, что нѣтъ. А если бы и въ самомъ дѣлѣ достало, то вредъ ли вамъ удалось привести вашъ планъ въ исполненіе.

— Прежде всего, мнѣ нужно достать немного денегъ.

— А эта процедура по мѣрѣ того, какъ вы старѣетесь, съ каждымъ днемъ становится для васъ труднѣе.

— Легка-то она никогда не была. Былъ я у Мэрграйна и нашелъ его, какъ нельзя болѣе сговорчивымъ. Онъ отвѣчалъ мнѣ, что, хотя я и долженъ ему три тысячи фунтовъ, тѣмъ не менѣе онъ готовъ снабдить меня деньгами.

— Сколько вы у него, въ самомъ дѣлѣ, забрали за все это время?

— Да чистыми деньгами, сколько помню, я у него ни разу не бралъ. Къ нему въ руки попало одно заемное письмо, данное мною портному, который потомъ обанкрутился. Онъ возобновлялъ его каждый срокъ, вотъ оно и разрослось у него въ цѣлую кучу заемныхъ писемъ. Разъ, кажется, я занималъ у него фунтовъ двадцать, вотъ и все.

— И онъ обѣщается дать вамъ денегъ теперь? Вы, конечно, сказали ему, на что онъ вамъ понадобились?

— Я не назвалъ ея по имени, но намекнулъ ему, что собираюсь бѣжать съ одной дамой, у которой много презрѣннаго металла. Я просилъ у него двѣсти пятьдесятъ фунтовъ. Онъ даетъ мнѣ сто пятьдесятъ подъ заемное письмо въ пятьсотъ фунтовъ, срокомъ въ два мѣсяца и за вашимъ поручительствомъ.

— За моимъ поручительствомъ! Вотъ такъ разодолжили вы меня оба!

— Само собою разумѣется, я не въ состоянii буду заплатить въ срокъ.

— Думается мнѣ, что такъ, проговорилъ Вавазоръ.

— Но онъ васъ черезъ два мѣсяца не стапетъ тѣснить, а подождетъ и годъ и больше. Вы конечно не забыли, что когда я прежде бралъ у васъ деньги, я отдавалъ ихъ исправно.

— Это правда. Въ этомъ отношенii вы были со мной не въ примѣръ любезице, чѣмъ съ другими.

— И вы увидите, что въ настоящемъ случаѣ я постараюсь не посадить васъ въ петлю. Если меня ожидаетъ неудача, мнѣ все равно, одинъ копець, а послѣ моей смерти мои родные заплатятъ за меня долги.

Разговоръ кончился тѣмъ, что Джоржъ Вавазоръ обѣщался сдѣлать то, о чемъ его просили. Онъ зналъ, что ручается своимъ именемъ за человѣка, разорившагося въ пухъ и отдаетъ себя въ руки другого человѣка, котораго никакія нравственныя соображенія не останавятъ въ дѣлѣ собственной выгоды. Онъ зналъ, что подвергаетъ себя большимъ неприятностямъ, и, по всемъ вѣроятіямъ, убыткамъ, которые будутъ для него очень чувствительны. Но поступокъ подобнаго рода входилъ въ циклъ признаваемыхъ имъ обязанностей. Онъ и самъ могъ нуждаться въ подобнаго рода помощи; и не разъ ему дѣйствительно случалось обращаться за нею къ другимъ и тѣ не отказы-

вались его выручать. Поступок этотъ былъ опрометчивъ, но и всѣ его поступки были таковы. Онъ вполне согласовался съ цѣлымъ складомъ его жизни.

— Я зналъ, что вы меня попріятельски выручите, проговорилъ Борго, вставая съ своего мѣста. Можетъ статься, кривая меня и вывезетъ на этотъ разъ; быть можетъ, часть ея состоянія отойдетъ вмѣстѣ съ нею, а тогда вы ничемъ не рискуете.

— Дай богъ, чтобъ такъ было. Но слушайте, Борго, вы не давайте ему векселя въ руки, пока не получите денегъ.

— На счетъ этого не безпокойтесь. Мнѣ-ли незнать всѣ ихъ продѣлки. Проклятый старый разбойникъ! Ей богу же, я считаю его хуже себя самого. И отпивъ еще глотокъ водки съ водою, онъ вышелъ изъ комнаты.

Въ ту пору онъ жилъ въ домѣ одного изъ своихъ родственниковъ. Дяди, тетки и всѣ близкіе ему по крови выказывали въ отношеніи его непостижимое долготерпѣніе, непостижимое тѣмъ болѣе, что самъ онъ никогда не любилъ ихъ и вовсе не считалъ нужнымъ скрывать это. Отецъ его, съ которымъ онъ въ продолженіи многихъ лѣтъ былъ въ открытой ссорѣ, давно умеръ; у него были сестры, мужа которыхъ продолжали принимать его въ домѣ, позволяли ему ѣздить на своихъ лошадяхъ и давали ему возможность удовлетворять всѣмъ прихотямъ, отказывая ему только въ наличныхъ деньгахъ. Только въ крайнихъ случаяхъ платили они за него долги, отводя такимъ образомъ слишкомъ уже близко подступающую бѣду. Такъ перебивался Борго. Никто уже и не думалъ читать ему нравоученія. Всѣ знали, что это только потеря словъ и напрасный трудъ. Родные никакъ не могли разлюбить его, за то-ли, что онъ былъ такъ прекрасенъ и такъ мало тщеславился своей красою; за то-ли, что при всемъ своемъ безпутствѣ, онъ сохранялъ какое-то добродушіе, которое невольно влекло къ нему окружающихъ. Онъ былъ кротокъ и ласковъ съ дѣтьми и рыцарски любезенъ съ своими кузинами. Всѣ знали, что, какъ человѣкъ, онъ нигуда негодится, и все же любили его. Быть можетъ, главная тайна его обаянья лежала въ томъ, что самъ онъ видимо очень мало о себѣ думалъ.

Но на этотъ разъ, направляясь во мракъ домой, онъ много передумалъ о своей собственной личности. Каждый человѣкъ какъ

бы ни былъ опрометчивъ его внѣшній образъ жизни, служить самому себѣ центромъ, вокругъ котораго вращается для него остальной міръ. Все, что называется знаніемъ, любовью, заботливостью о благѣ другихъ, сводится на его личныя представленія объ окружающихъ предметахъ, на его личную способность отзывать на чужія потребности и дѣлать оцѣнку чужимъ достоинствамъ.

Борго и самъ сознавалъ, что онъ изъ числа самыхъ бесплодныхъ паразитовъ на землѣ. Онъ понималъ, что человѣкъ долженъ такъ или иначе зарабатывать свой хлѣбъ и часто упрекалъ себя въ томъ, что цѣлый вѣкъ свой былъ дармоѣдомъ. Онъ понималъ тоже, что прогрессъ цѣлаго міра зависить отъ того, какъ люди будутъ исполнять свои обязанности въ отношеніи другъ друга, что прогрессъ одного поколѣнія зависить отъ исполненія этихъ обязанностей предшествующимъ и сознавалъ, что самъ онъ, какъ представитель своего поколѣнія, ничѣмъ не способствовалъ этому прогрессу. Онъ глубоко презиралъ себя, если только это зачтется ему въ оправданіе. Но бывали минуты, когда, выведенный виномъ изъ апатіи отчаянья, онъ задавалъ себѣ вопросъ: не существуетъ ли и для него надежда искупленія, возможность лучшей жизни? Онъ былъ еще молодъ, ему не было и тридцати лѣтъ. Неужели и впрямь ему не оставалось выхода изъ этой пропасти?

Мы уже знаемъ, въ чемъ онъ искалъ этого выхода. Единственную свою надежду спасенія онъ видѣлъ въ похищеніи мужней жены. То, что онъ сказалъ Джоржу Вавазору о своемъ равнодушіи къ богатству лэди Гленкоры, была сущая правда. Когда онъ, въ былое время, за нее сватался, онъ не упускалъ изъ виду тѣхъ выгодъ, которыя были для него соединены съ успѣхомъ этого сватовства. Онъ рассчитывалъ на возможность держать своихъ собакъ, лошадей и избавиться отъ свиданій съ Мэрграйномъ, передъ которымъ не разъ по мучительному часу ему приходилось, въ грязной каморкѣ, дожидаться появленія стараго плута. Таковы были его корыстные расчеты; но мало по малу онъ привязался къ самой дѣвушкѣ и она стала ему дороже денегъ. Въ тотъ день, когда рушились его надежды и она объявила ему, что между ними все кончено потеря возлюбленной была ему, въ первое время, чувствительнѣе потери денегъ.

Послѣ этого онъ не виталь уже никакой дальнѣйшей надежды и считаль ее безвозвратно потерянной для себя. Но мало по малу до него стали доходить слухи, что она несчастна въ замужествѣ; объ этомъ поусердствовали извѣстить его добрые люди, въ интересѣ которыхъ было преувеличивать подобнаго рода слухи. Цѣлал ватага его родственницъ, хлопотавшая о томъ, чтобы женить его на богатой наследницѣ, не могла забывать прегерильнаго ими поражения. Когда до свѣденія этихъ дѣлъ дошло, что бракъ мистера Паллизера остается бездѣльнымъ и люди Гленнора несчастна, онѣ не могли удержаться отъ выраженной злободѣтели. И не хочу сказать, чтобы онѣ готовы были съ одобреніемъ отнести къ тому шагу, который задумаль теперь Борго, но онѣ шептались между собою, что подобія дѣла не разъ уже случались и что они не болѣе, какъ естественное послѣдствіе такихъ браковъ, какъ бракъ мистера Паллизера.

Дорогою Борго придумываль всевозможные софизмы, чтобы завѣрить себя, что онъ доброе дѣло сдѣлаль, отнявъ люди Гленнору у ея мужа. Чемъ упорнѣе упрямился онъ въ своемъ нахѣреніи, тѣмъ легче выступала передъ нимъ преступность задуманнаго дѣла. Оно уже вовсе не казалось ему забавною шалостью, могущею вызвать улыбку добрыхъ людей. Но онъ старался завѣрить себя, что, въ настоящемъ свѣтѣ, особня обстоятельства могутъ послужить ему и ей въ оправданіе. Они любилъ другъ друга и обмѣнялись клятвами вѣрности. Чувства и желанія обонхъ остались неизмѣнными; но бездушные люди стали между ними съ своими бездушными расчетами и разлучили ихъ. Ее насильно выдали за челоуѣка, котораго она не любила. Не лучше ли было любящей четѣ снова сойтись. Не простится ли имъ грѣхъ, ради сдѣланной имъ несправедливости? Чего же мистеръ Паллизеръ былъ вправѣ и ожидать отъ женщины, которая шла за него не по своей волѣ? И снова передъ нимъ вставала картина той жизни, о которой онъ говорилъ Вавазору, жизни, наполненной одной любовью подъ благодатнымъ небомъ какой нибудь южной страны. Вавазоръ смѣялся надъ нимъ и называль эти мечты идилліею. — Но что за бѣда? разсуждалъ онъ съ самимъ собою. Вавазоръ челоуѣкъ холодный, характеръ чуждый и тѣни

романтизма. Не дастъ онъ поколебать себя въ своемъ намѣреніи подобными насмѣшками; не страшило его и появленіе мстителя въ образѣ оскорбленнаго мужа или какого нибудь негодующаго дядюшки.

На поворотѣ въ Оксфордскую улицу его остановила жалкая дѣвушка, одѣтая въ легкое платье, которое видимо плохо защищало ее отъ мороза, и попросила у него милостыни. Она просила у него на выпивку, которая лишь на минуту воскресила бы жизненную дѣятельность въ ея коченѣющихъ членахъ.

Во время своихъ ночныхъ странствованій, онъ успѣлъ уже прислушаться къ подобнаго рода просьбамъ и шель своею дорогой, не обращая на нее особаго вниманія. Но дѣвушка просила неотвязно и схватила его за руку.— Ради бога, проговорила она, дайте мнѣ хоть пенни и стаканъ джину. Дотроньтесь до моей руки, она оледенѣла.— И она сдѣлала движеніе, чтобы коснуться рукою его щеки.

Онъ поднялъ на нее глаза и увидѣлъ, что она еще очень молода; ей казалось не болѣе шестнадцати лѣтъ и личико ея хранило слѣды очень недавней красоты. Въ глазахъ ея еще свѣтился послѣдній отблескъ той невинности и чистой вѣры, которая была ея достояніемъ еще какой нибудь годъ тому назадъ. И эта-то дѣвушка въ полночь, посреди улицы выпрашивала себѣ, Христа ради, хоть одинъ пенни на джинъ, въ которомъ было всѣ ея утѣшеніе.

— А что иззябла? началъ онъ, сисясь заговорить съ ней въ веселомъ тонѣ.

— Иззябла! повторила она, кутаясь, какъ могла, въ свои лохмотья и дрожа всѣмъ тѣломъ. Господи! кабы вы знали, какъ я иззябла. У меня ничего нѣтъ, ни одного пенни денегъ, ни даже норы, куда бы я могла забиться для ночлега.

— А коли такъ, то мы съ тобой пара, проговорилъ Борго, и тихо захохоталъ. У меня также ничего нѣтъ. Бѣднѣ меня ты не можешь быть.

— Вы-то бѣдный! сказала она и поглядѣла ему въ лице.— Боже мой! какой вы красавецъ! Такие люди, какъ вы, никогда не бываютъ бѣдны.

Онъ снова засмѣялся, но уже не тѣмъ смѣхомъ. Онъ всегда смѣялся, когда ему говорили о его красотѣ.— Я много

бѣднѣе тебя, дитя мое, отвѣчалъ онъ. У тебя ничего нѣтъ, а у меня на тридцать тысячъ фунтовъ меньше поля. Но пойдемъ со мною, я дамъ тебѣ поѣсть.

— Въ самомъ дѣлѣ, воскликнула она одушевляясь, и, снова поглядѣвъ на него, добавила: ахъ! какой вы красавецъ!

Онъ свелъ ее въ ближайшую харчевню и велѣлъ подать ей хлѣба, мяса и пива, и не отходилъ отъ нея, пока она ѣла. Но онъ замѣтилъ, что при немъ она стѣсняется ѣсть, и повернулся къ ней спиною, продолжая перекидываться съ ней изрѣдка двумя-тремя словами. Женщина, стоявшая за прилавкомъ, съ изумленіемъ выпучила на него глаза; слуга страхнулъ послѣдніе остатки дремоты, чтобы хорошенько разсмотрѣть Борго; женщины, являвшіяся въ харчевню за джиномъ, почти съ нѣжностью заглядывали ему въ лице. Что касается до него, то онъ ни на кого изъ нихъ не обращалъ вниманія и держалъ себя просто, безъ тѣни жеманной брезгливости. Когда дѣвочка поужинала, онъ спокойно рассчитался по счету и вышелъ съ нею изъ харчевни. — Что же мнѣ съ тобою дѣлать темеръ? проговорилъ онъ. Если я дамъ тебѣ шиллингъ, довольно съ тебя будетъ, чтобы заплатить за ночлегъ? Она отвѣчала ему, что можно и за шесть пенсовъ достать постель. — Такъ остальные шесть пенсовъ пойдутъ тебѣ на завтракъ, отвѣчалъ онъ. Только общайся мнѣ, что въ нынѣшнюю ночь больше не станешь покупать джину. — Она общалась и онъ протянулъ ей на прощаньи руку, ту самую руку, которую когда-то такъ пламенно желала лэди Гленкора назвать своею. Она взяла ее и прижала къ губамъ. — Молю бога, чтобы мнѣ довелось еще разъ васъ увидѣть, проговорила она: вы такой добрый и такой красавецъ! На это онъ снова весело засмѣялся и пошелъ своею дорогой. А она все глядѣла ему въ слѣдъ, пока онъ не скрылся изъ виду, и тогда только отиправилась, можетъ быть и не въ кабакъ, а на ночлегъ, возможность котораго онъ ей доставилъ, и всю дорогу повторяла про себя: боже мой, боже мой, какъ же онъ прекрасенъ! — Онъ вѣрно добрый баринъ, замѣтила по его уходѣ женщина, стоявшая за прилавкомъ харчевни. А ужъ красавецъ какой! въ жисть свою я такого не видывала.

Бѣдный Борго! Не было человѣка, которому бы онъ не по-

любился съ пераго же взгляда. Но не на радость была ему дана эта чарующая сила. Быть можетъ, если бы лазурь его глазъ не была такъ ярка и очертанія его лица были менѣе правильны, жизнь его сложилась бы иначе. Трудно было найти человѣка съ болѣе мягкимъ сердцемъ. У него въ настоящую минуту и, едва хватало денегъ, чтобы доѣхать до замка его теткн въ Монкшэдѣ, куда онъ обѣщался быть до рождества, такъ что ему надо было выѣхать на слѣдующій же день, прежде чѣмъ могла подоспѣть денежная помощь, обѣщанная Мэрграйномъ. И при всемъ томъ онъ не задумался удѣлнить изъ своего скуднаго капитала цѣлую полгронну на вспомошествованіе жалкому созданію, извѣстному и голодному на роскошной улицѣ Лондона.

ГЛАВА XXVIII.

ЛЮБОВНОЕ ПИСЬМО.

Одинокое сидѣ въ своей комнатѣ по уходѣ Финдджеральда, Вавазоръ предавался воспоминаніямъ о той порѣ, когда самъ онъ игралъ дѣятельную роль въ романѣ своего пріятеля съ лэди Гленкорю, или вѣрнѣе воспоминаніямъ объ Алисѣ и ея тогдашнихъ словахъ и поступкахъ. Алиса на отрѣзъ отказала любящей четѣ въ свой помонри, да и безуміемъ было съ самаго начала рассчитывать на ея содѣйствіе въ подобномъ дѣлѣ. А между тѣмъ, она не переставала съ глубокою искренностью убѣжденія настаивать на томъ, что долгъ лэди Гленкоры — сдержать слово, данное сю Борго.— Но вѣдь онъ отчаянный кутила, возражала на это Кэтъ Вавазоръ.— Такъ пускай она его образумитъ, отвѣчала Алиса. Обстоятельство это могло бы быть приведено, какъ уважительная причина отказа, когда онъ впервые сдѣлалъ ей предложеніе; но, если она уже отвѣчала ему, что любить его, то что же можетъ оправдать ея измѣну.— Если женщина, продолжала она, не рѣшается для любимаго человѣка поставить свое состояніе на карту, то самая любовь ея выѣденнаго яица не стоитъ. Эти-то рѣчи припоминались теперь Джоржу Вавазору и при этомъ онъ задавалъ себѣ вопросъ, способна ли и теперь эта жен-

щина, когда-то любившая его, поставить, ради его, свое состояніе на карту.

Несмотря на внушенія сестры, неотступно преслѣдовавшей его съ этимъ вопросомъ, онъ и до сихъ поръ не умѣлъ себя выяснитъ, желаетъ онъ или нѣтъ жениться на Алисѣ. Въ немъ за послѣднее время развились какіе-то цыганскіе вкусы, онъ до того дорожилъ своею независимостью въ мысляхъ и поступкахъ, что женитба пугала его. Онъ склонялся на сторону того воззрѣнія, что бракъ не болѣе какъ устарѣвшій обычай, пожалуй и удовлетворяющій рутиннымъ потребностямъ большинства, но отнюдь негодный для людей передовыхъ, къ которымъ онъ себя причислялъ. Если только на свѣтѣ существовала женщина, которую бы онъ любилъ и уважалъ, то женщина эта была его кузина Алиса. Но ему ненавистна была самая мысль о томъ, что ему надо будетъ разстаться съ холостою волею и повести осѣдлую жизнь.

— Вся душа возмущается, признавался онъ одному пріятелю, вполне раздѣлившему его воззрѣнія, когда подумаешь, что чело-вѣкъ даетъ право соединить его съ другимъ существомъ на подобіе сіамскихъ близнецовъ, такъ что онъ на вѣки утрачиваетъ право отдѣльной, одиночной дѣятельности. Да твари безсловесныя лучше поступаютъ другъ съ другомъ! Тѣ не напиваются до безчувственности, не объѣдаются до отупѣнія, не заключаютъ между собою неразрывныхъ союзовъ, которые неизбежно должны стать подъ конецъ невыносимымъ ярмомъ для обоихъ. — Въ подраженіе философіи тварей безсловесныхъ Джорджъ придерживался довольно оригинальныхъ воззрѣній на эти вещи. Но, тѣмъ не менѣе, думая въ этотъ вечеръ объ Алисѣ, онъ пришолъ къ тому заключенію, что ужъ если необходимо ему связать себя съ кѣмъ нибудь на подобіе сіамскихъ близнецовъ, то ни одной женщины не избралъ бы онъ для этого, кромѣ Алисы.

Но, думалъ онъ, если уже онъ рѣшился на это дѣло, то когда къ нему и приступить какъ не теперь? Уступая его вліянію и вліянію его сестры (такъ покрайней мѣрѣ думалъ онъ и, быть можетъ, не безъ основанія), Алиса разошлась съ мистромъ Грессемъ. Не было ничего невѣроятнаго въ томъ, что она

возьмешь это рѣшеніе назадъ, если ее предоставитъ самой себѣ. А между тѣмъ, на зло высокому умственному развитію, заставлявшему его съ философской точки зрѣнія относиться ко всевозможнымъ виѣшнимъ обрядамъ и формальностямъ, онъ сохранялъ еще достаточную долю общечеловѣческихъ слабостей, чтобы вовсе не быть равнодушнымъ къ удовольствію перебиты у Джона Грея призъ, который тотъ чуть было не отнялъ у него самого.

Конечно, всего удобнѣе было бы для него, еслибы онъ могъ привить Алисѣ свое воззрѣніе на неразрывность брачныхъ узъ, какъ на нелѣпность. Но объ этомъ нечего было и думать. Джоржъ Вавазоръ былъ не трусъ и на многое у него доставало отваги; но онъ не посмѣлъ бы и заикнуться Алисѣ о подобной сдѣлкѣ.

За тѣмъ онъ прѣшелъ къ разсматриванію своего собственнаго, настоящаго положенія. Онъ былъ честолюбивъ и мѣтилъ высоко, но ему улыбалась надежда удовлетворить этимъ честолюбивымъ стремленіямъ, если только ему удастся отстоять себя противъ нужды еще на годъ, или около того. Пока онъ былъ все еще бѣденъ, а было время, когда онъ чуть не сдѣлался богатымъ. Но теперь и то было хорошо, что это богатство, ускользнувшее у него изъ подъ рукъ, расчистило ему дорогу въ парламентъ. За первую свою попытку попасть туда онъ расплатился чистыми деньгами, черезъ это ему представлялось возможнымъ возобновить ее въ долгъ. Въ случаѣ удачи, передъ нимъ открывалась возможность занять пріятное и почетное положеніе. Но до этого надо было еще дотянуть годъ, другой, а какъ тутъ перебитыся? Дѣдъ его все еще былъ живъ и, по всѣмъ вѣроятіямъ, могъ прожить добрыхъ два года и болѣе. Впрочемъ у него и въ мысляхъ не было жениться на Алисѣ съ тѣмъ, чтобы попользоваться ея деньгами обманомъ. Онъ рѣшился не скрывать отъ нея, да онъ и прежде не скрывалъ всю рискованность предпріятія. Но онъ зналъ, что, тамъ гдѣ дѣло коснется только денегъ, Алиса не задумается ни передъ какимъ рискомъ, хотя никакія соображенія не могли ее и на волосъ подвинуть тамъ, гдѣ ставилось на карту доброе имя. У него не доставало духу подступиться къ ней съ тѣми воззрѣніями, о которыхъ было говорено выше, но

онъ готовъ былъ смѣло высказать ей, что собирается растратить всѣ ея деньги въ первый же годъ послѣ женитьбы.

Размышляя объ этихъ предметахъ, онъ засидѣлся въ своемъ креслѣ съ нетронутымъ стаканомъ водки передъ собою, пока отдаленный бой часовъ, донесшійся съ того берега рѣки, не возвѣстилъ ему, что уже три часа. Тогда онъ всталъ, взявъ свѣчу и пересѣлъ на противоположный конецъ комнаты, къ письменному столу.—Чтожь? проговорилъ онъ самъ про себя, если я и напишу письмо, изъ этого еще не слѣдуетъ, что я его непременно пошлю; вѣроятно же то, что я его разорву. Онъ досталъ бумаги и написалъ слѣдующее письмо:

«Милая Алиса!

«Было время, когда я пользовался правомъ начинать мои письма инымъ, болѣе душевнымъ воззваніемъ и могъ называть васъ моею дорогою Алисою. Я утратилъ это право по своей собственной винѣ, и вы впоследствии передали его другому. Но побуждаемая высокою добросовѣстностью, передъ которой я могу только преклоняться, вы сочли за лучшее и его лишитъ этого права. Нужно ли говорить вамъ, что я не позволилъ бы себѣ написать того, что я пишу теперь, если бы вамъ не разсудилось поступить такъ, какъ вы поступили?

«Я снова прошу васъ сдѣлаться моею женою. Не смотря на все, что произошло между нами, не смотря на эгоизмъ и безуміе, которыми я омрачилъ наше счастье въ быломъ, я не переставалъ любить васъ; мнѣ кажется, вы это знаете теперь, знали и тогда. Я смѣло могу сказать, что любовь моя къ вамъ ни разу не пошатнулась и вы должны мнѣ повѣрить. Впрочемъ я и не думаю, чтобы вы когда либо сомнѣвались въ искренности моей привязанности.

«Тѣмъ не менѣе, когда вы объявили мнѣ, что не будете моею женою, у меня не нашлось ни одного слова, которымъ бы я могъ протестовать противъ вашего приговора. Вы поступили такъ, какъ на вашемъ мѣстѣ поступила бы и всякая другая женщина, которую любовь не лишила разсудка. Потомъ вы сдѣлались невѣстою мистера Грея. Какъ ни тяжело у меня было на душѣ, во все продолженіе этого эпизода, я ни однимъ словомъ не позволилъ себѣ стать между вами и избран-

ною вами долею. Утверждая это, я не забылъ сказаннаго мною прошлымъ лѣтомъ въ Базелѣ, когда, сколько мнѣ извѣстно, вы еще оставались при намѣреніи выйти за него за мужъ. Но то, что я говорилъ тогда, было ничто въ сравненіе съ тѣмъ, о чемъ мнѣ не малыхъ усилій стоило умолчать. Не знаю, остались ли у васъ въ памяти тѣ немногія слова, которыя сорвались у меня въ тотъ вечеръ съ языка, но знаю, что вы не сохранили бы ихъ въ памяти, не обратили бы на нихъ даже вниманія, если бы сердце ваше было въ Нетеркотеѣ.

«Но теперь, все это не имѣетъ значенія. Вы снова стали свободны и я снова прошу вашей руки. Оба мы съ вами успѣли возмужать съ той поры, какъ впервые полюбили другъ друга; и вы и я сдумѣемъ теперь нѣсколько иначе взглянуть на бракъ. Тогда на первомъ планѣ для насъ стояла наша личная любовь. Сохрани богъ, чтобы она и теперь не была для насъ дѣломъ величайшей важности! Быть можетъ, я самъ себя обманываю, утверждая, что она не перевѣшиваетъ во мнѣ, даже и теперь, всѣхъ остальныхъ соображеній. Но мы съ вами достигли уже того возраста, когда въ дѣлѣ брака мы, по всѣмъ вѣроятіямъ, станемъ строже, чѣмъ прежде, допрашивать себя: годимся ли мы другъ для друга. Что до меня касается, я знаю, что многое въ моемъ характерѣ и наклонностяхъ дѣлаетъ меня неподходящимъ мужемъ для женщины обыкновеннаго закала. Вы знаете мой образъ жизни, мои надежды, мои ручательства за успѣхъ. Послѣдній далеко не вѣренъ. Очень можетъ случиться, что на мѣсто ожидаемыхъ мною славы и почестей, меня ожидаетъ вѣчное раззореніе. Но каковы бы ни были превратности, угрожающія мнѣ въ будущемъ, я не остановлюсь, пока въ рукахъ у меня будутъ хоть какія нибудь средства продолжать борьбу. Если бы вы хоть завтра сдѣлались моею женою, я не задумался бы воспользоваться вашими деньгами въ этой борьбѣ за представительство и за почетное положеніе въ парламентѣ. Я не унижусь до увѣренія, что не изъ разчета на эту помощь, прошу я васъ сдѣлаться моею женою; но, если вы дѣйствительно ею сдѣлаетесь, я стану разсчитывать на ваше полное содѣйствіе; вы должны будете помогать мнѣ, быть можетъ, вашими деньгами, но навѣрное всею теплотою вашего сочувствія.

«А теперь еще раз спрашиваю васъ, Алиса, дорогая Алиса! согласны ли вы быть моею женою? Я былъ достаточно жестоко наказанъ и смирился передъ наказующею рукою, какъ никогда въ жизни ни передъ кѣмъ не смирился. Въ невѣрности вы меня не можете упрекнуть. Съ той поры, какъ я имѣлъ право сидѣть возлѣ васъ и обвивать вашу талию рукою, рука эта не прикасалась къ талии другой женщины; съ той поры, какъ я утратилъ право цѣловать ваши губы, я ни кого болѣе не цѣловалъ. Послѣ васъ у меня не было ни совѣтника, ни друга, если не считать бѣдняжку Кэтъ, которая почти также пламенно, какъ и я, желаетъ видѣть васъ моею женою. Не думаю, чтобы вы стали заподозрѣвать искренность моего раскаянья. Я не ставлю себѣ это раскаянье въ заслугу потому, что оно естественнымъ образомъ вытекаетъ изъ понесенной мною потери. Провидѣнне, во благости своей ко мнѣ, не допустило, чтобы потеря эта сдѣлалась безвозвратною черезъ ваше замужество съ мистеромъ Греемъ. Теперь я попросятъ бы васъ зрѣло обдумать это дѣло и отвѣтить мнѣ, можете ли вы простить мою вину и любить меня по прежнему. Или я подаюсь самообольщенію, рѣшаясь скорѣе сомнѣваться въ вашемъ прощеніи, чѣмъ въ вашей любви?

«Я желалъ бы, чтобы вы прежде чѣмъ отвѣтите мнѣ, подвергли это дѣло всестороннему разсмотрѣнію; я желаю этого такъ сильно, что даже и не буду ожидать отвѣта раньше недѣли, считая отъ нынѣшняго дня. Не думаю, чтобы вы дѣйствительно желали навсегда остаться въ дѣвушкахъ; мнѣ кажется, что при нашемъ честолюбіи вы не можете не желать соединить свою участь съ участью другого человѣка, стремленія котораго согласовались бы съ вашими собственными. Не этотъ ли недостатокъ гармоніи въ стремленіяхъ заставилъ васъ разойтись съ человѣкомъ, котораго вы едва не назвали своимъ мужемъ? Позволяете ли вы мнѣ сказать, что между нами подобнаго рода разногласіе невозможно? Потому-то я снова и прошу васъ сдѣлаться моею женою, что я сознаю, что въ этомъ отношеніи мы сходимся такъ, какъ рѣдко сходятся мужчина и женщина.

«Письмо это застанетъ васъ въ Ваззорѣ, гдѣ вы теперь конечно находитесь въ обществѣ Кэтъ и стараго сквайра. Се-

стру я ни словомъ не предупредилъ о настоящемъ моемъ письмѣ. Если отвѣтъ вашъ будетъ таковъ, какого я желаю, то я воспользуюсь нашей вторичной помолвкой, чтобы помириться съ дѣдомъ. Онъ не умѣлъ понять меня и поступилъ со мною не хорошо. Но я все это готовъ простить ему, если онъ съ своей стороны не воспротивится. Въ такомъ случаѣ вы съ Кэтъ сладите это дѣло и, если будетъ возможно, я приѣду въ Вавазоръ такъ, чтобы еще застать васъ тамъ. Но что за ребячество съ моей стороны такъ забѣгать впередъ; я высчитаваю свои будущіе барыши и совершенно забываю, что корзина моя наполнена хрупкимъ товаромъ; одно ваше слово рѣшить, донесу ли я его благополучно до рынка. Если это слово будетъ отказъ, тогда не хлопчите устраивать свиданіе между мною и старымъ сквайромъ; при подобныхъ обстоятельствахъ оно не будетъ имѣть смысла. Но, Алиса, вѣдь вы не захотите, чтобы слово это было отказъ? Мнѣ кажется, что вы меня любили. Въ вашей строгой неприступности въ отношеніи меня много было прекраснаго, женственнаго и достойнаго всякаго уваженія; но довольно, вы потѣшили свою гордость; пора вамъ положить гнѣвъ на милость, если вы только дѣйствительно меня любите. Милая Алиса будете ли вы моею женою? Но, чтобы ни случилось я всегда останусь любящимъ васъ

Джоржемъ Вавазоромъ.»

Окончивъ это письмо, Вавазоръ возвратился на свое прежнее мѣсто передъ каминомъ и просидѣлъ тамъ болѣе часу. Письмо близехонько лежало возлѣ него; не разъ онъ бралъ его въ руку и держалъ за одинъ уголь между большимъ пальцемъ и указательнымъ, передъ самымъ каминомъ, какъ бы предоставляя на волю случая устроить такъ, чтобы письмо выпало изъ рукъ и попало въ огонь. Но случай не выручалъ его и онъ снова клалъ письмо на столъ. Просидѣвъ такимъ образомъ около часу, онъ снова перечиталъ письмо.—Пари готовъ подержать, что она растаетъ, проговорилъ онъ, складывая его въ конвертъ. Всѣ женщины такія отпѣтыя дуры.—И съ этими словами онъ взялъ свѣчу, письмо, и отправился въ спальню.

Слѣдующее утро былъ сочельникъ. Часовъ около девяти къ

нему въ комнату вошелъ мальчикъ, являвшійся обыкновенно каждое утро за порученіями.—Джемъ, обратился онъ къ этому мальчику, на зеркалѣ лежитъ полкроны.—Джемъ заглянулъ куда ему указывали и точно увидѣлъ означенную монету. — Скажи-ко, Джемъ, которой стороной лежитъ она вверху, головой или хвостомъ? Джемъ осмотрѣлъ монету и объявилъ, что на верхней плоскости ея изображенъ хвостъ.—А коли такъ, то возьми это письмо и снеси его на почту, проговорилъ Джоржъ Вавазоръ. И Джемъ, ни мало не любопытствуя разъяснить себѣ смыслъ этого загадочнаго приказанія, снесъ письмо на почту. Сообразно съ установленнымъ въ почтовыхъ учрежденіяхъ порядкомъ, оно пришло въ Вавазорскій замокъ и было получено Алисою въ утро Рождества.

Не веселые рождественскіе праздники выпали въ этотъ годъ на долю Джоржа Вавазора. Раннимъ утромъ получилъ онъ своеобразный, праздничный подарокъ въ видѣ записки отъ Борго, видимо писанной въ торопяхъ.—«Эти строки вручить вамъ Стиклингъ», говорилось въ запискѣ, но кто такой былъ Стиклингъ, Джоржъ и понятія не имѣлъ. Посылаю вамъ вексель. Не можете ли вы достать деньги и прислать мнѣ ихъ, потому что мнѣ самому не хочется ѣхать въ городъ, прежде чѣмъ не состоится то, о чемъ мы говорили. Вы я знаю, молодецъ и сдѣлаете все, что только будетъ въ вашей власти. Не миритесь съ этимъ мошенникомъ на сумму меньшую ста двадцати фунтовъ. Вашъ. Б. Ф.» — И такъ, Вавазоръ, за неимѣніемъ другаго дѣла, посвятилъ праздничное утро свиданію съ мистеромъ Мэрграйномъ.

— Эхъ, мистеръ Вавазоръ, отвѣчалъ мистеръ Мэрграинъ, не такой нынче день, чтобы денежныя дѣла дѣлать.

— Да время то не терпитъ, мистеръ Мэрграинъ; деньги эти нужны моему пріятелю завтра же.

— Какъ же это, мистеръ Вавазоръ, завтра?

— Да такъ же, завтра. Коли время не терпитъ, то любовь и подавно. Ну ка, мистеръ Мэрграинъ, будетъ вамъ толковать пустяки; раскошеляйтесь.

— Да можно ли на красавицу положиться, мистеръ Вавазоръ, съ безпокойствомъ освѣдомился мистеръ Мэрграинъ.

— На красавицъ никогда полагаться нельзя, отвѣчалъ Джоржъ; это такой же ненадежный товаръ, какъ и росписки, выдаваемые ростовщикамъ. Однако, я не намѣренъ здѣсь дожидаться до вечера. Согласны вы или не согласны дать ему денегъ?

— Какъ быть, мистеръ Вавазоръ; нынче день такой, нигдѣ въ Сити денегъ не достанешь.

Тѣмъ не менѣе Джоржъ Вавазоръ выпелъ отъ мистера Мэграйна, унося въ карманѣ 122 фунта, 10 шиллинговъ, за которые имъ была выдана росписка въ 500 фунтовъ. — Ужь вы, пожалуйста, скажите ему, чтобы онъ былъ поакуратнѣе въ уплатѣ, говорилъ мистеръ Мэграйнъ, провожая своего посетителя. Я такъ люблю, чтобы молодые люди платили акуратно, а этого, право, не водится за мистеромъ Фицджеральдомъ.

— Пожалуй, что и въ самомъ дѣлѣ не водится, отвѣчалъ Джоржъ, уходя.

Онъ пообѣдалъ для праздника совершенно одинъ въ сосѣдней кухмистерской. Полагаю, что нѣтъ ни одного человѣка, который отважился бы въ первый день Рождества обѣдать въ своемъ клубѣ. По крайней мѣрѣ у Джоржа ни стало на это духу. Послѣ обѣда онъ пошелъ безцѣльно шататься по улицамъ, причемъ изъ головы у него не выходила мысль о томъ, какъ-то подставить онъ свою шею подъ ярмо супружеской жизни. И въ томъ же свучномъ однообразіи тянулось его существованіе еще цѣлую недѣлю, впродолженіи которой онъ не слишкомъ-то нетерпѣливо дождался отвѣта на свое письмо. Къ концу недѣли пришелъ ожидаемый отвѣтъ.

ГЛАВА XXIX.

Въ деревнѣ.

Когда утромъ, въ первый день Рождества, Алиса сошла къ завтраку въ замкъ своего дѣда, по лицу ея никакъ нельзя было угадать, что утро это ознаменовалось для нея какимъ нибудь, изъ ряду вонъ, выходящимъ событіемъ. Общество, собравшееся въ Вавазорѣ, состояло изъ ея дѣда, отца, кузины Кэтъ и ея са-

мой. Какъ ни въ чемъ не бывало, обмѣнялась она со всѣми обычными праздничными поздравленіями; Кэтъ объявила, что получила въ это утро извѣстіе отъ тетуски Гринау и общалась послѣ завтрака показать ея письмо Алисѣ. Про свое письмо Алиса не сказала ни слова.

— Отчего твоя тетка не пріѣхала сюда встрѣтить Рождество? спросилъ старый сквайръ.

— Быть можетъ потому, сэръ, что вы не пригласили ее, отвѣчала Кэтъ.

— Отчего жъ ты этого не сдѣлала за меня, ужъ если она дожидается непременно приглашенія, чтобы пріѣхать въ свое родимое гнѣздо?

— Этого, сэръ, я не могла сдѣлать, не имѣя отъ васъ положительнаго приказанія. Вѣдь у насъ Вавазоровъ, должно быть въ крови, вцѣпляться другъ другу въ глаза при каждой встрѣчѣ.

— Молчать, Кэтъ! Я знаю про кого ты говоришь, и ужъ тебѣ то бы меньше всѣхъ слѣдовало говорить. Алиса, голубушка, подойди ко мнѣ поближе и сядь-ко возлѣ меня. Спасибо тебѣ, что пріѣхала провѣдать о рождествѣ своего старика дѣда; большое спасибо! Жаль вотъ только, что съ возлюбленнымъ-то твоимъ у тебя не ладно вышло.

— Она еще одумается, сэръ, вмѣшался ея отецъ.

— Къ чему вы это говорите, папа? Не захотите же вы, чтобы я вышла за мужъ противъ своего убѣжденія.

— Не знаю, какія тамъ у молодыхъ дѣвушекъ убѣжденія бываютъ, замѣтилъ старикъ; мнѣ такъ сдается, что когда порядочная женщина даетъ слово, то она должна его держать.

— По вашему выходитъ, что если бы я была помолвлена за человѣка и вдругъ бы открыла, что онъ убійца, то я все же должна бы была сдѣлаться его женою? вмѣшалась Кэтъ.

— Но мистеръ Грей не убійца, возразилъ старый сквайръ.

— Пропу васъ, оставьте этотъ разговоръ, проговорила Алиса. Право я не въ состояніи его равнодушно слушать.

— Я ужъ давно рукой махнулъ на это дѣло. Что слова тратить по напрасну, замѣтилъ Джонъ Вавазоръ съ такимъ видомъ, какъ будто онъ и въ самомъ дѣлѣ истощилъ по этому поводу весь запасъ своего родительскаго краснорѣчія. А

между тѣмъ всѣ увѣщанія ограничились извѣстнымъ уже читателю разговоромъ.

Владѣтель Вавазорскаго замка былъ коренастый старикъ съ румянымъ лицомъ, сѣрыми, свирѣпо глядѣвшими глазами, длинными сѣдыми волосами и жесткою сѣдою бородой. Эта борода и эти волосы придавали что-то львиное его старческой наружности. Нравъ у него былъ вспыльчивый до бѣшенства; онъ былъ безразсуденъ въ своихъ требованіяхъ и не выносилъ и тѣни сопротивленія; но при всемъ томъ онъ имѣлъ любящее сердце, не помнилъ зла и охотно прощалъ обиду тому, кто являлся къ нему съ повинною головою. Къ тому же онъ строго придерживался извѣстныхъ правилъ, которыя для него олицетворяли понятіе о справедливости. Внукъ его Джоржъ оскорбилъ его глубоко и не подумалъ попросить у него прощенія. И онъ далъ себѣ слово не прощать его до тѣхъ поръ, пока онъ не повинится передъ нимъ чуть не коленно-преклоненно, но тѣмъ не менѣе этотъ внукъ долженъ былъ сдѣлаться его наслѣдникомъ. Таково было его твердое намѣреніе. Право первородства по его понятіямъ нисколько не утрачивало своей силы оттого, что оно, въ настоящемъ случаѣ, не могло опереться на букву закона. Владѣтель Вавазорскаго замка могъ завѣщать его кому заблагоразсудится; но ему казалось, что онъ и въ гробѣ не будетъ знать покоя, если передастъ свое помѣстье кому нибудь другому, а не старшему сыну своего собственнаго старшаго сына. При всей своей вспыльчивости и даже суровости онъ былъ болѣе склоненъ любить, чѣмъ ненавидѣть; и, хотя никто изъ окружающихъ не смѣлъ произносить при немъ имени его внука, тѣмъ не менѣе въ душѣ онъ радъ бы былъ случаю съ нимъ помириться.

По случаю праздника все общество отправилось въ церковь. Маленькая, деревянная приходская церковь, самой незатѣливой архитектуры, находилась на разстояніи полуторы мили отъ замка. Вообще все помѣстье, раскинувшееся по уступу, составлявшему посредствующее звено между гористою странюю и низменностью, не могло похвалиться особою красотою мѣстности. Почва была бѣдная, плохо обработанная, и недостатокъ этотъ не окупался тою живописностью, которая привлекаетъ

туристовъ. Знакомые съ мѣстностію могли наслаждаться живописнѣйшими видами въ цѣлой Англіи, отстоявшими отъ замка всего на какой нибудь часъ ходьбы; но для остальныхъ, страна эта представлялась голою, однообразною, печальною степью. По цѣлымъ милямъ однообразіе это не прерывалось не однимъ предметомъ, на которомъ могъ бы остановиться глазъ. Необозримо растилалась эта степь, слегка покатаая къ югу и ей казалось конца краю не было.

Невесела была обыденная жизнь замка для такого человѣка, какъ сынъ стараго сквайра, для человѣка, считавшаго Лондонъ единственнымъ мѣстомъ на земномъ шарѣ, гдѣ можно жить съ комфортомъ. Домъ, правда теплый, былъ тѣсенъ и построенъ въ старинномъ вкусѣ; поваръ сквайра былъ почти ровесникомъ своему господину. Джонъ Вавазоръ ѣздилъ къ отцу скорѣе изъ чувства долга, чѣмъ для своего удовольствія. Совсѣмъ иначе смотрѣла на эти поѣздки Алиса. Славно ей жилось въ старомъ замкѣ, въ обществѣ Кэтъ, которая, подобно ей самой, была хорошей ходокъ и любила горы. Дружба ихъ впервые завязалась и созрѣла во время этихъ дальнихъ прогулокъ, которыя онѣ предпринимали вдвоемъ во всякую погоду, не обращая вниманія на всѣ тѣ неудобства, которыя многимъ другимъ дѣвушкамъ мѣшаютъ наслаждаться красотами природы.

Въ церковь отправились попарно: старый сквайръ ѣхалъ съ Алисою въ старомодномъ, тряскомъ экипажѣ, а Джонъ Вавазоръ шелъ съ племянницей пѣшкомъ. Тотчасъ по окончаніи богослуженія молодыя дѣвушки сговорились идти гулять; цѣлью своей прогулки онѣ назначили одинъ изъ замковъ, окружавшихъ Вавазорскій замокъ. Обѣдали въ замкѣ постоянно въ пять часовъ, что было имъ не совсѣмъ на руку; но такъ какъ церковная служба должна была отойти часовъ въ двѣнадцать, то имъ оставалось добрыхъ четыре часа для прогулки. Планъ этотъ былъ задуманъ у нихъ еще до полученія Алисою знаменитаго письма; но въ послѣднемъ событіи не было ничего такого, что могло бы побудить Алису отказать отъ прогулки

— А что, Алиса, голубушка, вѣдь надо же тебѣ выдти за мужъ, говорилъ дорогою старый сквайръ.

Старикъ былъ глухъ на ухо, да и тряскай экипажъ, въ которомъ, при каждомъ шагѣ лошадей, зубы ваши немилосердно стучались другъ о друга, не благопріятстволь разговорю; Алиса ничего не отвѣчала и только слегка улыбалась. На возвратномъ пути изъ церкви старикъ снова изъявилъ желаніе, чтобы Алиса ѣхала съ нимъ, такъ какъ объявилъ онъ, что ему нужно поговорить съ нею. — Дорогое дитя мое, началъ онъ, я много о тебѣ думалъ и пришелъ къ тому заключенію, что тебѣ непременно надо выдти за мужъ.

— Что жъ, сэръ, можетъ статья, я когда нибудь и выйду.

— Врядъ ли, если ты со всѣми своими женихами будешь кончать ссорою, отвѣчала старикъ. Ты разсорилась съ своимъ двоюроднымъ братомъ Джоржемъ, теперь ссоришься съ мистеромъ Греемъ; да этакъ ты вѣкъ въ дѣвкахъ просидишь, душа моя.

— Съ какой стати мнѣ думать о замужествѣ болѣе, чѣмъ кузинѣ Кэтъ?

— Кэтъ совсѣмъ другое дѣло. Сколько мнѣ извѣстно, за нее никто не сватается. А, право, подумай о томъ, что я тебѣ говорилъ. Если ты не поторопишься выдти за мужъ теперь, то пожалуй такъ и останешься на бобахъ. Не вѣкъ же будутъ тебѣ джентльмены спускать твои причуды.

Обѣ дѣвушки запаслись, каждая съ своей стороны, ломтемъ пирога и отправились въ путь. — Намъ не дойти до озера, замѣтила Кэтъ.

— Нѣтъ, отвѣчала Алиса, но мы можемъ взобраться на Свиндэльскій холмъ, присѣсть тамъ на большомъ камнѣ и издали полюбоваться озеромъ.

— Помнишь ли ты, когда мы сидѣли на этомъ камнѣ въ послѣдній разъ? спросила Кэтъ. Этому почти уже три года; на самомъ этомъ мѣстѣ ты мнѣ сказала, что между тобою и Джоржемъ все кончено. Помнишь ли, какъ я тогда съумасшествовала и громко рыдала съ отчаянья? Подчасъ я сама дивилась своей глупости. Ну какъ это мнѣ до самой себя и дѣла ибтъ и я вся отдалась интересамъ другихъ? Помнишь ли, какъ мы на возвратномъ пути промовали до костей.

— Какъ же, я все это хорошо помню.

— А кака я темень была въ тотъ вечеръ. Дѣло было въ сен-

тябрь, но мы вѣдь вздумали прогуляться послѣ обѣда. Однако, если мы дойдемъ до Свиндэля, то на возвратномъ пути будетъ темно. Ну да я не боюсь; мы воротимся Баканскимъ лѣсомъ, каторый я знаю, какъ свои пять пальцевъ. Тебѣ не страшно будетъ, если мы захватимъ полчаса темноты?

— О, нѣтъ, отвѣчала Алиса.

— Да, не забуду я этотъ день. Ну да, можетъ быть, оно и къ лучшему, что такъ случилось. А теперь, я прочитаю тебѣ письмо тетушки Гринау.— И пока онѣ медленно взбирался на холмъ, Кэтъ прочитала вслухъ это письмо. Изъ него было видно, что ни одинъ изъ поклонниковъ вдовы не успѣлъ еще добиться отъ нея рѣшительнаго отвѣта. О мистерѣ Чизсагерѣ она писала въ такомъ тонѣ, какъ будто этотъ джентльменъ былъ безутѣшенъ въ отсутствіи Кэтъ, и серьезно уговаривала племянницу вернуться въ Норфолькъ, чтобы не упустить такую выгодную партію.—А надо тебѣ сказать, Алиса, замѣтила Кэтъ, что почтенный этотъ мужъ никогда не давалъ мнѣ ни малѣйшаго повода предполагать, что онъ ко мнѣ равнодушенъ, между тѣмъ, какъ мнѣ достовѣрно извѣстно, что онъ проситъ ея руки регулярно два раза въ недѣлю, т. е. не пропуская ни одного базарнаго дня. Ты не должна упускать это изъ виду, а то самая-то соль комедіи для тебя пропадетъ. Алиса обѣщалась не упускать это изъ виду и Кэтъ продолжала чтеніе письма. «Бѣдный Бельфильдъ въ потѣ лица своего продолжаетъ обучать волонтеровъ, писала мистрисъ Гринау. Онъ работаетъ такъ много, что право боюсь, что это напряженіе ему не по силамъ. Онъ заѣзжаетъ ко мнѣ иногда по вечерамъ на чашку чая, большею частью по понедѣльникамъ и по четвергамъ; — т. е. въ небазарные дни, въ избѣжаніе непріятныхъ встрѣчъ, пояснила Кэтъ. — Онъ входитъ, выпиваетъ нѣсколько чашекъ чаю, и того и гляди, упадетъ безъ чувствъ къ моимъ ногамъ.»

— Что онъ большую часть этихъ вечеровъ проводитъ у ея ногъ и тоже повторлетъ ей предложеніе по два раза въ недѣлю, въ этомъ я не имѣю ни малѣйшаго сомнѣнія.

— И ты думаешь, что она подъ конецъ согласится за него выйти?

— Право не знаю, какъ тебѣ сказать. Подъ часъ мнѣ кажется, что ее только забавляетъ вся эта процедура и что она слишкомъ себѣ на умѣ, чтобы отдать себя въ руки кому бы то ни было. Я не сомнѣваюсь, что она даетъ ему депегъ займа, потому что онъ находится въ самомъ бѣдственномъ положеніи, а она отъ природы щедра; но я убѣждена, что она преспокойно беретъ съ него росписки въ этихъ деньгахъ до послѣдняго шиллинга; это совершенно въ ея характерѣ.

Далѣе говорилось о томъ, что пишущая эти строки, рѣшилась пробыть въ Норвичѣ остатокъ зимы и весну и очень желала бы, чтобы милая ея Кэтъ вернулась къ ней.— «Ну пріѣзжай хоть за тѣмъ, чтобы еще разокъ взглянуть на Ойлимида, писала мистрисъ Гринау. Если ты послѣ этого придешь къ окончательному заключенію, что ни помѣстье, ни владѣлецъ его тебѣ не по сердцу, тогда я не стану къ тебѣ болѣе приставать. А право, мнѣ кажется, что онъ прекраснѣйшій человекъ.»—Послѣ этого пойми ты эту женщину, воскликнула Кэтъ. При всѣхъ своихъ недостаткахъ, она, мнѣ кажется, не задумалась бы броситься за меня въ огонь и въ воду. Мнѣ кажется даже, что она можетъ дать мнѣ денегъ займа безъ росписки.— За тѣмъ письмо мистрисъ Гринау было спрятано въ карманъ. Дѣвушки успѣли уже достигнуть голой вершины холма.

Славная выдалась имъ зимняя прогулка! Воздухъ былъ прозраченъ и свѣжъ, но не морозенъ. Есть что-то особенное въ зимнемъ освѣщеніи, что-то придающее каждому предмету отчетливыя очертанія и сообщающее необыкновенную прелесть каждой подробности пейзажа. Но есть что-то грустное въ этомъ свѣтѣ. Въ немъ уже какъ будто носятся тѣни быстро приближающихся раннихъ сумерекъ. Пога дорога шла лѣсомъ, дѣвушки весело болтали между собою о тетускѣ Гринау, о достоинствахъ Ойлимида и его владѣльца. Но, по мѣрѣ того, какъ онѣ подвигались впередъ, онѣ поддавались полупечальному величію дикой мѣстности и подъ конецъ совсѣмъ притихли.

Письмо Джоржа все еще было у Алисы въ карманѣ; она не разставалась съ нимъ съ самаго утра. До сихъ поръ она еще не пришла ни къ какому рѣшенію относительно своего отвѣ-

та и колебалась, показать ли ей это письмо кузинѣ или нѣтъ. Она всегда смотрѣла на Кэтъ, какъ на лучшаго своего друга и ничего не скрывала отъ нея въ подобныхъ дѣлахъ. Мы знаемъ, что Кэтъ обманула ея довѣріе, но Алиса этого не подозрѣвала. Ей не рѣдко случалось ссориться съ кузиной, но ссоры эти не имѣли никакого отношенія къ нарушенію обязанностей дружбы. Она безусловно вѣрила своей кузинѣ, хотя ей и случалось рѣзко расходиться съ нею во мнѣніяхъ. — Отчего же бы и не показать ей письмо и не посоветоваться съ нею прежде чѣмъ послать отвѣтъ? думала Алиса, молча взбиралась на гору.

Читатель, конечно, изъ этого заключить, что Алиса уже на половину рѣшилась уступить и соединить свою судьбу съ судьбою Джоржа. Увы! Читатель будетъ правъ въ своей догадкѣ. А между тѣмъ не любовь къ этому человѣку заставляла ее подвергаться такому страшному риску. Любовь еще могла бы ей служить извиненіемъ. Но дѣло въ томъ, что она начинала склоняться на сторону того мнѣнія, что любовь, по крайней мѣрѣ та, о которой она мечтала когда-то, вовсе не составляетъ необходимаго условія брака. Что толку было въ этой любви? Что дала она ея другу леди Гленкорѣ? Что дала она ей самой? Она ли не любила Джона Грея, а между тѣмъ это не мѣшало ей чувствовать, что жизнь съ нимъ не дастъ ей счастья. Конечно, она не согласилась бы выйти за человѣка, который былъ бы ей противенъ; но кузенъ Джоржъ былъ ей не противенъ. Онъ даже ей нравился, какъ она признавалась самой себѣ довольно равнодушно.

Въ эту пору ея жизни она жестоко мучилась вопросомъ: что ей сдѣлать изъ себя, куда бѣжать отъ пустоты и суетности своего существованія? Съ своимъ молодыми мечтами о любви и счастья она распростилась давнѣе. Теперь ее занималъ вопросъ, какъ сдѣлать свое существованіе полезнымъ, какою дѣятельностью избрать, которая удовлетворяла бы ея честолюбію?

Письмо ея двоюроднаго брата было хитрою ловушкой; оно было написано съ тонкимъ знаніемъ всѣхъ особенностей ея характера. Собственно женитьба была въ глазахъ Джоржа дѣломъ второстепеннымъ,— до того второстепеннымъ, что онъ

самую отправку письма предоставилъ на волю случая. Но, разъ уже случай рѣшилъ, что ему жениться, его самолюбіе было заинтересовано полученіемъ того, о чемъ онъ снизошелъ просить. Его письмо къ ней было умно и хитро задумано.— По крайней мѣрѣ онъ отдаетъ мнѣ справедливость, подумала Алиса, читая то мѣсто письма, гдѣ онъ говорилъ о ея деньгахъ и о томъ, что онъ намѣренъ ими воспользоваться. Будетъ ли онъ мнѣ мужемъ или останется просто другомъ, я рада отдать ему все свое состояніе, если оно понадобится ему для достиженія его цѣлей. Она вспомнила, что Кэтъ обѣщалась пожертвовать свою послѣднюю лепту и дала себѣ слово не уступать кузинѣ въ великодушїи. Къ тому же ее плѣняла мысль стать примирительницей между Джоржемъ и его дѣдомъ. Вѣдь Джоржъ былъ представителемъ рода Вавазоровъ, рода до того древняго, что происхожденіе его терялось во мракѣ времени. Еще у Чаусера упоминается о какихъ-то Вавазорахъ, занимавшихъ весьма почетное положеніе въ своемъ графствѣ. Много думала объ этомъ Алиса и рѣшила, что ея долгъ позаботиться о томъ, чтобы позднѣйшіе представители этого имени занимали въ свѣтѣ положеніе, по крайней мѣрѣ равное тому, которое занимали ихъ предки.

Лишь изрѣдка перекидываясь какимъ нибудь бѣглымъ замѣчаніемъ, кузины быстро приближались къ цѣли своей прогулки. Вскорѣ передъ ними встала крутая вершина Свиндэльскаго холма; минутъ черезъ пять ходьбы онѣ достигли этой вершины и тутъ только раскрылось передъ ними во всей своей красѣ небольшое озеро, лежавшее между холмовъ. Озеро это напоминало своею формою цифру 3, верхняя половина которой окаймлялась самою причудливою и утесистою частью Уэстморлэндскихъ горъ. Оно имѣло не болѣе трехъ миль въ окружности и съ высоты, на которой стояли дѣвушки, легко можно было обозрѣвать всю его поверхность. Неподвижно и холодно, какъ самая смерть, чернѣли его воды. Только облака, медленно проносившіяся надъ нимъ, отражались въ немъ постепенно измѣнявшимися тѣнями. Поверхность озера казалась совершенно гладкою, только гдѣ — гдѣ вѣтерокъ пробѣгалъ по ней едва замѣтною рябью и оставлялъ по себѣ серебристый отблескъ въ волнахъ.

— Какъ я довольна, что мы пришли сюда, проговорила Алиса, садясь на камень;— для меня и поѣздка сюда не въ поѣздку, если я не побываю, по крайней мѣрѣ, въ виду озеръ.

— Надо намъ будетъ какънибудь собраться въ Уильчестеръ, замѣтила Кэтъ.

— Врядъ ли это намъ удастся. Мнѣ нельзя здѣсь долго оставаться.—Кэтъ! я получила письмо, которое должна показать тебѣ.

Въ голосѣ Алисы было что-то такое, разомъ возбуждившее любопытство ея кузины.

Кэтъ усѣлась возлѣ нея и протянула руку за письмомъ.

— Это мистеръ Грей тебѣ пишетъ? спросила она.

— Нѣтъ, не мистеръ Грей, отвѣчала Алиса, передавая ей письмо.

Прежде еще, чѣмъ Кэтъ прикоснулась къ бумагѣ, она угадала, что письмо отъ ея брата.—Онъ оскорбилъ тебя! спросила она, вынимая письмо изъ конверта.

— Прочитай прежде, что онъ пишетъ, проговорила Алиса, а тамъ мы дорогою поговоримъ съ тобой.

И съ этими словами она встала съ камня и сдѣлала шагъ къ обрыву холма, гдѣ и простояла, глядя на озеро, пока Кэтъ читала письмо.

— Что? проговорила она, возвращаясь на свое прежнее мѣсто.

— Да что, повторила Кэтъ. Алиса, Алиса! хорошо бы ты сдѣлала, еслибъ склонилась на его просьбу. О, Алиса! позволяешь ли ты мнѣ надѣяться? Алиса, другъ мой, милая, дорогая! скажи, что ты согласна. И она опустила возлѣ нея на колѣни и глазами, полными слезъ, заглянула ей въ лице. Загадочное созданье была эта женщина, способная въ тоже время и выдать своего лучшаго друга, и любить съ такимъ постоянствомъ и самоотверженіемъ.

Алиса не торопилась отвѣчать, и продолжала глядѣть на озеро черезъ голову Кэтъ.

— Алиса, продолжала послѣдняя, я не ожидала такой радости для нынѣшняго праздника. Вѣдь не за тѣмъ же ты привела меня сюда, и показала мнѣ его письмо, чтобы объявить мнѣ, что изъ этого ничего не выйдетъ. Это бы-

ло бы жестоко съ твоей стороны. Я такъ счастлива, Алиса! Съ нынѣшняго дня я буду любить это мѣсто; я ненавидѣла его до сихъ поръ.

И она бросилась ничкомъ на камень, и покрыла его поцѣлуями. Алиса все еще хранила молчаніе, но она начала понимать, что зашла далѣе, чѣмъ предполагала. Теперь ей почти уже невозможно было сказать, что отвѣтъ ея на письмо Джоржа будетъ отказомъ.

— Скажи, продолжала Кэтъ, что можетъ быть умнѣе, благороднѣе его письма? Сознайся Алиса, если бы онъ былъ твоимъ братомъ и другая дѣвушка показала бы тебѣ это письмо, развѣ въ тебѣ не дрогнуло бы чувство гордости? Я такъ горжусь имъ, я знаю, что онъ у меня молодецъ и совершить еще много прекрасныхъ дѣлъ. Послушай! здѣсь мы съ тобою одни передъ лицомъ самой природы; отвѣтъ мнѣ, положи руку на сердце, любишь ли ты его?

— Люблю ли я его? повторила Алиса.

— Да любишь ли ты его такъ, какъ женщина должна любить своего мужа. Развѣ твое сердце не принадлежитъ ему, Алиса? Къ чему теперь притворство. Если ты его любишь, ты можешь съ гордостью признаться мнѣ въ этомъ теперь, съ подобнымъ письмомъ въ рукахъ.

— Я не имѣю права на эту гордость, отвѣчала Алиса. Я всегда любила моего двоюроднаго брата, но не тою страшною любовью, которую ты предполагаешь.

— Въ такомъ случаѣ ты не способна на страстную любовь.

— Быть можетъ, это правда, Кэтъ. Порой я бы охотно повѣрила, что это такъ. Однако пойдемъ; мы опоздаемъ къ обѣду, да и ты озябнешь, сидя на одномъ мѣстѣ.

— Я готова бы была всю ночь просидѣть здѣсь, лишь бы твой отвѣтъ былъ таковъ, какого я желаю. Но, по крайней мѣрѣ, Алиса, прежде чѣмъ я встану, ты должна мнѣ сказать, въ чемъ будетъ заключаться твой отвѣтъ. Я знаю, что ты не откажешь ему, но, порадуй меня, дай мнѣ услышать это отъ тебя самой.

— Я ничего не могу сказать тебѣ, Кэтъ, пока ты не встанешь съ этого камня.

— Это почему?

— Потому что я и сама еще ни на что не рѣшилась.

— Быть не можетъ! Это дѣло сущей невозможности. Въ этихъ вещахъ рѣшаются съ разу. Ты уже, я знаю, рѣшилась, прежде чѣмъ пробѣжала его письмо до половины, хотя тебѣ, быть можетъ и не хочется въ этомъ сознаться.

— Ты совершенно ошибаешься. Пойдемъ, однако, домой, дорогою я тебѣ все расскажу.— Кэтъ встала и онѣ направились домой.— Я еще и сама не рѣшила, какой отвѣтъ я ему дамъ; показала же я тебѣ его письмо съ тою цѣлью, чтобы былъ у меня человекъ, съ которымъ я могла бы откровенно поговорить о немъ. Я знала напередъ, что ты станешь торопить меня отвѣтомъ.

— Нѣтъ, нѣтъ я не хочу торопить тебя отвѣтомъ.

— Но мнѣ было бы слишкомъ тяжело отказать себѣ въ твоей дружбѣ.

— Будь сподойна, Алиса, я не стану торопить тебя. Я ничего не сдѣлаю противъ твоего желанія. Но ты не должна удивляться, что я такъ горячо принимаю этотъ вопросъ къ сердцу. Вѣдь то была мечта всей моей жизни. Вѣдь у меня только и заботы было, чтобы какъ нибудь устроить это дѣло. Легко ли мнѣ было, когда Джоржъ по своей винѣ потерялъ право называть тебя своею? Ты не знаешь, что я вынесла, пока этотъ уродъ изъ Кэмбриджшейра былъ твоимъ женихомъ; для меня это было чисто адскою мукою, а между тѣмъ, я, говоря вообще, ни не была терпѣлива? Такъ вовсе не удивительно, что теперь, когда все обѣщаетъ устроиться по моему, я себя не помню отъ радости; а что оно устроится по моему,— это вѣрно. Очень можетъ статься, что ты еще не рѣшилась припятъ его предложенія, но если бы ты желала отказать ему, ты съ разу бы такъ и рѣшила.

За тѣмъ, остальную часть пути онѣ прошли почти молча. Только подходя къ дому, Кэтъ снова заговорила.—Ты не отвѣтишь на его письмо, не переговоривъ еще разъ со мною?

— По крайней мѣрѣ я не отошло отвѣта, не предупредивъ тебя, отвѣчала Алиса.

— И ты мнѣ покажешь его?

— Этого я не могу тебѣ обѣщать. Но, въ случаѣ, если онъ будетъ не благопріятный, обѣщаюсь тебѣ показать его.

— Ну, такъ мнѣ его никогда не видать, смѣясь воскликнула Кэтъ. Впрочемъ, съ меня и этого довольно. Я вовсе не домогаюсь чести ценсировать тѣ нѣжныя, любовныя рѣчи, въ которыхъ ты скажешь ему, что всѣ его вины предаются забвенію. Могу себѣ представить, что это будутъ за рѣчи! Боже! какъ я завидую ему.

Между тѣмъ, онѣ успѣли придти домой. На крыльцѣ ихъ дождался старикъ, и гнѣвно сверкалъ на нихъ своими львиными глазами, потому что ростбиѣ успѣлъ пережариться. Въ рукѣ онъ держалъ свои большіе, серебряные часы, походившіе на кострюлю, и вѣчно уходившіе на четверть часа впередъ; онъ сердито указывалъ на минутную стрѣлку, передвинувшуюся на десять минутъ отъ урочнаго, обѣденнаго часа.

— Но, дѣдушка, ваши часы вѣчно бѣгутъ впередъ, отвѣчала Кэтъ.

— А вы, сударыня, вѣчно опаздываете.

— Еще пяти нѣтъ; не такъ ли Алиса?

— А сколько вы провозитесь за своимъ туалетомъ?

— Черезъ десять минутъ мы будемъ готовы; не такъ ли, Алиса? Впрочемъ, дѣдушка, вы насъ, пожалуйста, не дожидайтесь.

— Не дожидайтесь. За все про все у нихъ одинъ отвѣтъ: не дожидайтесь! Точно кто и впрямь станетъ ихъ дожидаться, когда кушанье подано.

Но внучки не разслышали этихъ послѣднихъ словъ, потому что убѣжали уже въ свои комнаты.

Во все продолженіе вечера между Алисою и Кэтъ о письмѣ болѣе не было и помину. Только, прощаясь съ Алисою, на порогѣ ея спальни, Кэтъ сказала ей: помолись за него нынче, какъ ты молишься за самыхъ близкихъ тебѣ людей. — Алиса ничего не отвѣчала, но должно думать, что она исполнила эту просьбу.

ГЛАВА XXX.

ОТВѢТЪ НА ЛЮБОВНОЕ ПОСЛАНІЕ.

Алиса имѣла въ своемъ распоряженіи цѣлую недѣлю на обдумыванье своего отвѣта; но отвѣтъ ея былъ отправленъ до истеченія этого срока. — Я не хочу томить его неизвѣстностью, порѣшила она. Ужь если этому суждено случиться, то лучше разомъ объявить ему. Къ тому же, она считала это лучшимъ способомъ выйдти изъ своего фальшиваго положенія относительно мистера Грея. Она сознавала, что поступила съ нимъ дурно, очень дурно и чувствовала, что, воспоминаніе о нанесенной ему обидѣ, отравитъ всю ея жизнь. Но прямою ея обязанности, въ отношеніи его, было, какъ можно скорѣе извѣстить его о своемъ намѣреніи. Въ успокоеніе своей совѣсти она старалась завѣрить себя, что онъ утѣшится легко.

— И въ немъ, какъ и во мнѣ, нѣтъ и тѣни страсти, твердила она про себя.

Но она ошибалась. Человѣкъ этотъ умѣлъ любить страстно и, что всего хуже, могъ любить только разъ.

Каждое утро Кэтъ приставала къ ней съ вопросомъ, готовы ли ея отвѣтъ.

На третій день послѣ праздника Алиса объявила ей, что отвѣтъ написанъ и отправленъ на почту.

— Но вѣдь нынче не почтовый день, сказала Кэтъ. Почта заглядывала въ Вавазоръ только три раза въ недѣлю.

— Я наняла за шесть пенсовъ мальчишку, который снесъ мое письмо въ Шенъ.

— Что же ты въ немъ пишешь, спросила Кэтъ, хватая ее за руку.

— Я сдержала свое обѣщаніе; будь же и ты вѣрна своему слову, и не спрашивай меня болѣе ни о чемъ.

— Сестра моя, родная моя! воскликнула Кэтъ, кидаясь обнимать ее. Алиса отвѣчала на ея поцѣлуи, и послѣ этого у нея не осталось и тѣни сомнѣнія относительно содержанія письма.

За тѣмъ кухни приступили къ обсужденію того, какія даль-

нѣйшія мѣры имъ принять. Кэтъ настаивала на томъ, чтобы кузина ея немедленно написала мистеру Греку, и слегка пере-тревожилась, когда Алиса объявила ей, что намѣрена прежде дожидаться отвѣта Джоржа. — Ужь не поставила ли ты ему какия нибудь чудовищныя условія, воскликнула Кэтъ.

— Не знаю, что по твоему можетъ считаться чудовищнымъ условіемъ, отвѣчала Алиса серьезно; мои условія были не слишкомъ-то тягостны и, мнѣ кажется, ты бы сама ихъ одобрила.

— Но онъ! вѣдь ты знаешь, что это за горячка. Можетъ быть, они ему не понравятся?

— Я связала ему... Но, Кэтъ, вѣдь это противъ нашего уговора съ тобой.

— Къ чему эта скрытность между нами? замѣтила Кэтъ.

— Хорошо, ея не будетъ. Я написала ему, что не могу согласиться на немедленную свадьбу; пускай онъ дастъ мнѣ еще годъ отсрочки, въ продолженіе котораго миновалась бы у меня первая горечь раскаянья и тоски.

— Цѣлый годъ, Алиса?

— Да, цѣлый годъ; но выслушай меня до конца. Далѣе, я написала ему, что, если онъ только пожелаетъ, я теперь же объявлю отцу и дѣдушкѣ, что дала ему слово; я хочу это сдѣлать въ удостовѣреніе того, что я готова дать ему всѣ ручательства въ прочности нашего союза, какія только въ моей власти. Предложила я ему и еще кое-что, Кэтъ, продолжала она послѣ небольшой паузы; объ этомъ я могу сказать только тебѣ и болѣе никому. Отъ тебя мнѣ нечего таяться, потому что ты поступила бы, да и намѣрена поступить точно также. Я написала ему, что сколько бы моихъ денегъ не понадобилось ему для достиженія его цѣлей, я прошу его воспользоваться ими до истеченія этого года.

— Алиса! Нѣтъ, нѣтъ, этому не бывать! Это уже слишкомъ великодушно съ твоей стороны: Кэтъ какъ будто поняла въ эту минуту, что братъ ея не такой человекъ, чтобы ему можно безнаказанно сдѣлать подобнаго рода предложеніе.

— Но это ужъ дѣло сдѣланное. Мой посланный съ шестью пенсами въ карманѣ быть можетъ въ эту самую минуту сдать мое великодушное предложеніе на почту. И, скажу тебѣ от-

кровенно, Кэтъ, я считаю это не болѣе какъ справедливымъ. Онъ откровенно мнѣ высказалъ, что, пока старый сквайръ живъ, онъ будетъ нуждаться въ моихъ деньгахъ для осуществленія плановъ, которымъ я вполнѣ сочувствую. Мнѣ всегда хотѣлось видѣть его въ парламентѣ; теперь это будетъ самымъ пламеннымъ желаніемъ моего сердца, единственнымъ дѣломъ, въ которомъ я буду имѣть живой интересъ. Послѣ этого станетъ ли у меня духу сказать ему, чтобы онъ еще ждалъ цѣлый годъ того, что ему дозарѣзу будетъ нужно черезъ какіе нибудь шесть мѣсяцевъ! Такая помощь напоминаетъ рабочіе дома, которые такъ долго мѣшкаютъ доставленіемъ бѣдняку насущнаго хлѣба, что тотъ между тѣмъ успѣваетъ умереть съ голоду.

— Но я позабочусь, чтобы нашъ бѣднякъ не умеръ съ голоду, возразила Кэтъ. Мои деньги, хоть онѣ и не велики, выручатъ его изъ этой крайности. Я уже сказала ему, что онъ можетъ на нихъ рассчитывать. Къ тому же, ту сумму, которая ему нужна, я могу достать у тетушки Гринау.

— Но я не желала бы, чтобы онъ занималъ у тетушки Гринау. Ты сама говоришь, что она даетъ деньги не иначе какъ подъ заемное письмо, да и она вездѣ стала бы объ этомъ болтать.

— За то моими деньгами ничто не мѣшаетъ ему воспользоваться.

— А ты кто такая? спросила Алиса, смѣясь. Ты ему не нарѣченная жена.

— Я не допущу, чтобы онъ дотронулся до твоихъ денегъ, пока ты дѣйствительно не станешь его женою, отвѣчала Кэтъ съ очень рѣшительнымъ видомъ. Я бы очень рада была, если бы ты отмѣнила эту скучную годовую отсрочку; тогда, пожалуй, дѣлай какъ знаешь. Я увѣрепа, что дѣдушка, какъ только зайдетъ рѣчь о свадьбѣ, согласится упрочить за нимъ по-мѣстѣ какимъ нибудь формальнымъ актомъ такъ, что тогда ты окончательно обезпечена.

— И ты, въ самомъ дѣлѣ, думаешь, что я очень дорожу этою увѣренностью, что я окончательно обезпечена. Милая Кэтъ! Какъ же ты ошибочно меня понимаешь!

— А между тѣмъ мнѣ казалось, что я знаю тебя вдоль и поперекъ. Оказывается, что я ошибалась.

— Потому-то именно, что я не дорожу этою обезпеченностью, о которой ты хлопчешь, я и выхожу за твоего брата. Или, ты думаешь, я не вижу, что я подвергаюсь большому риску?

— Ты предпочитаешь сильныя ощущенія лондонской жизни, сказать ли чему?... тишинѣ Кэмбриджшейра.

— Именно такъ; а потому я и сказала Джоржу, что мои деньги къ его услугамъ.

Кэтъ продолжала противорѣчить въ этомъ дѣлѣ Алисъ пока не пришелъ отвѣтъ Джоржа. Въ письмѣ его къ Алисъ было вложено другое письмо къ сестрѣ, послѣ котораго Кэтъ уже не говорила болѣе ни слова о денежномъ вопросѣ. Должно полагать, что въ душѣ она не измѣнила своего твердаго намѣренія, — не допустить Алису жертвовать своимъ состоянiемъ для ея брата; но въ письмѣ Джоржа было что-то такое, заставившее ее до поры до времени замолчать. Прежде, чѣмъ снова начать этотъ разговоръ съ Алисой, она должна была повидаться съ братомъ.

Отвѣтъ Джоржа Алисъ былъ очень немногословенъ и дышалъ, повидимому, полною искренностью. Онъ пенялъ ей за слишкомъ долгую отсрочку и писалъ, что не терпѣтъ еще надежды уговорить ее—сыграть свадьбу скорѣе. Онъ совѣтовалъ ей немедленно же написать мистеру Греку; относительно же стараго сквайра онъ давалъ ей *carte blanche* дѣйствовать какъ ей заблагоразсудится. Въ случаѣ, если сквайръ потребуеъ извиненій, Джоржъ изъявлялъ полную готовность снизойти къ его требованью, на которое въ такомъ случаѣ посмотрѣлъ бы какъ на пустую формальность. Что же касалось Алисинныхъ денегъ то онъ горячо благодарилъ ее за довѣрiе и общался въ случаѣ необходимости воспользоваться ея предложенiемъ. Таково было письмо Джоржа къ Алисъ; содержанiе его письма къ сестрѣ осталось тайною для Алисы. Теперь надо было подумать о томъ, какъ извѣстить отца и дѣда объ этой помолвкѣ, уже третьей по числу на вѣку бѣдной Алисы. Задача была не легкая. Еще не такъ боллась она говорить объ этомъ дѣлѣ съ

дѣдомъ, какъ съ отцомъ, а потому и рѣшилась взвалить объясненіе съ отцомъ на Кэтъ, предоставляя себѣ переговорить только съ старымъ сквайромъ.

— Дѣдушка, начала она на слѣдующее утро, по полученіи письма Джоржа, вы какъ-то говорили мнѣ, что по вашему мнѣнію мнѣ надо выйти замужъ.

— Какъ же, какъ же, милая, я говорилъ это. И точно, ты непременно должна выйти замужъ, само собою разумѣется, за этого мистера Грея.

— Это дѣло невозможное, сэръ.

— А коли такъ, то съ какой стати ты затѣваешь со мною этотъ разговоръ?

Разговоръ принималъ оборотъ неблагоприятный для Алисы; тѣмъ не менѣе, она продолжала.

— Я пришла, дѣдушка, сказать вамъ, что я невѣста другого.

— Еще другого! И въ этомъ восклицаніи слышалась Алисѣ укоризна въ томъ, что она ужъ больно многимъ поклонникамъ наобѣщала свою руку. Положеніе ея было незавидное, но отступать было уже поздно.

— Вамъ извѣстно, заговорила она, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ я была помолвлена за кузена Джоржа... На этихъ словахъ она запнулась.

— Ну! сказалъ старикъ.

— Я помню, что тогда вы выразили мнѣ свое одобреніе.

— И точно, я тогда одобрялъ этотъ бракъ. Дѣла Джоржа въ то время шли хорошо, или, вѣрнѣе, онъ завѣрилъ насъ, что они идутъ хорошо. А развѣ вы съ нимъ опять поладили?

— Да, сэръ.

— А потому ты и считала себя въ правѣ надуть мистера Грея. Такъ, что ли?

Какъ громомъ поразило это выраженіе бѣдную Алису; не разъ въ глубинѣ ея собственной совѣсти поднимался голосъ, называвшій ее обманщицей; но никогда еще слухъ ея не поражался этимъ обвиненіемъ, произнесеннымъ посторонними устами.

— Дѣдушка! проговорила она, и въ голосѣ ея было что-то такое, смягчившее стараго сквайра.

— Ну ладно, ладно, я не хочу тебя обижать, внучка. Такъ ты выходишь замужъ за Джоржа? Дай - то Богъ, чтобы онъ былъ тебѣ хоронимъ мужемъ; больше я ничего не скажу. А что говорить на это твой отецъ?

— Я вамъ первому сообщила объ этомъ, сэръ, потому что мнѣ хотѣлось испросить у васъ позволеніе Джоржу пріѣхать сюда на правахъ вашего внука.

— Этому никогда не бывать, прорычалъ старикъ.

— Если онъ былъ виноватъ передъ вами, онъ попроситъ у васъ прощенія.

— Если онъ былъ виноватъ! А кто собирался спустить все имѣнье до послѣдняго шиллинга, имѣнье, которое и не думало ему принадлежать, имѣнье, которое завтра же могу отдать Тому или Дикю или Гарри, если мнѣ заблагоразсудится! Это, вишь, онъ не виноватъ.

— Я и не берусь его защищать, сэръ. Но мнѣ казалось, что по случаю такого событія...

— Про дураковъ законъ не писанъ. У тебя есть свои деньги. Вотъ онъ протретъ имъ теперь глаза.

— У него будетъ поводомъ меньше это сдѣлать, если вы признаете его своимъ наслѣдникомъ. Повѣрьте, сэръ, онъ сталъ теперь совсѣмъ другимъ человѣкомъ, чѣмъ былъ.

— Знаю только, что человѣкъ онъ долженъ быть очень ловкій, коли ему удалось перебить тебя у такого жениха, какъ Джонъ Грей. Для меня это просто непостижимо! И добро бы онъ изъ себя былъ красавецъ, а то вѣдь, ни кожи, ни рожи... Ну, да что толковать. Если отецъ твой согласенъ и Джоржъ попроситъ у меня прощенія... только вѣдь онъ навѣрное не попроситъ...

— Попроситъ, сэръ, ручаюсь вамъ. Онъ самъ просилъ меня быть посредницей въ этомъ дѣлѣ.

— А! самъ просилъ! Въ такомъ случаѣ ты можешь написать ему отъ моего имени, что, для тебя, я позволяю ему пріѣхать въ мой домъ. Я знаю, что онъ въ первый же день

и грубить мнѣ, ну, да тань и быть, я принесу тебѣ эту жертву и потерплю. Только, само собою разумѣется, я прежде долженъ знать, что думаетъ объ этомъ твой отецъ.

Попытка Кэтъ была еще менѣе удачна, чѣмъ попытка Алисы. — Я напередъ зналъ, что это такъ будетъ, воскликнулъ Джонъ Вавазоръ, ударяя кулакомъ по столу, когда племянница сообщила ему великую новость. Ужь я съ самаго начала видѣлъ, къ чему идетъ дѣло.

— А почему бы этому и не быть, дядя Джонъ?

— Онъ тебѣ братъ и я не хочу тебѣ высказать свое мнѣніе о немъ.

— Вы считаете его за мота.

— Я считаю его за самаго ненадежнаго человѣка, и ужь слу-то бы ни подъ какимъ видомъ я не довѣрилъ судьбу молодой дѣвушки.

— Однако, дядя, вы слишкомъ строго о немъ судите.

— Можетъ быть; но скажите отъ меня Алисѣ, что, такъ какъ мнѣ никогда не удавалось склонить ее на сторону моего мнѣнія, то я и хлопотать объ этомъ не стану теперь. Скажу только одно, что никогда не признаю Джоржа Вавазора своимъ зятемъ.

Кэтъ исполнила порученіе мистера Вавазора, и нельзя сказать, чтобы она исполнила его съ большимъ прискорбіемъ. Она знала, что сопротивленіе отца ни подъ какимъ видомъ не заставитъ Алису отступить назадъ. Да и странно было бы думать иначе. Мистеръ Вавазоръ въ теченіи столькихъ лѣтъ пренебрегалъ обязанностями, связанными съ родительскимъ званіемъ, что смѣшно было бы съ его стороны теперь предъявлять родительскія права.

Теперь мы переселимся на квартиру Джоржа Вавазора въ улицѣ Сесиль, гдѣ онъ получилъ письмо Алисы. Онъ одѣвался, когда ему подали это письмо. Взглянувъ на адресъ, написанный слишкомъ знакомымъ почеркомъ, онъ положилъ его нераспечатаннымъ на туалетный столъ. Затѣмъ онъ продолжалъ заниматься своимъ туалетомъ, какъ бы желая доказать самому себѣ, что содержаніе письма не слишкомъ-то его затрагиваетъ. Должно полагать, что это было не совсѣмъ такъ.

Отъ времени до времени взглядъ его устремлялся на лежавшее возлѣ него письмо, но у него достало духу не распечатывать его до тѣхъ поръ, пока горничная, подавшая ему завтракъ, не удалилась. — А теперь, проговорилъ онъ, откидываясь въ своемъ креслѣ, посмотримъ, что мнѣ пишетъ моя возлюбленная. Его возлюбленная писала ему слѣдующее:

«Мой милый Джоржъ!

«Я сильно затрудняюсь отвѣчать на ваше письмо. Всего охотнѣе, если бы это только было возможно, я повременила бы мѣсяцевъ шесть, а тамъ отвѣтила бы, соображаясь съ обстоятельствами. Въ этомъ мало лестнаго для васъ, но еще менѣе лестнаго для меня. Каковъ бы ни былъ мой отвѣтъ, должно сознаться, что во всей этой исторіи мало лестнаго для насъ обоихъ. Мы вели себя какъ дѣти, которые поссорились за игрою, а потомъ подъ вечеръ своего маленькаго праздника, подходятъ другъ къ другу въ слезахъ и сознаются, что даромъ прошелъ для нихъ этотъ день и не принесли имъ ожидаемыхъ радостей.

«Кэтъ, которая тоже гоститъ въ Вавазорѣ, толкуетъ мнѣ про страстную любовь; но этой любви во мнѣ не уцѣлѣло и слѣда, да и въ васъ тоже, мнѣ кажется. Намъ нечего уже болѣе и думать сойтись съ вами на подобныхъ условіяхъ. Супружеское счастье возможно для насъ только въ томъ случаѣ, если мы оба допустимъ, что страстная любовь не составляетъ необходимое условіе подобнаго счастья.

«Изъ всего сказаннаго мною вы можете видѣть, что я не отвергаю ваше предложеніе. Я не люблю васъ страстно, но питаю къ вамъ глубокую привязанность, заставляющую меня живо интересоваться вашими успѣхами. Само собою разумѣется, что когда я сдѣлаюсь вашею женою, ваши интересы сдѣлаются моими, какъ оно и должно быть между мужемъ и женою.

«И такъ, если вы хотите, я буду вашею женою, но не торопите меня свадьбою. Превратности моей прошлой судьбы не прошли для меня безслѣдно и многое въ этомъ прошломъ лежитъ упрекомъ на моей совѣсти. Я знаю, что поступала дурно; хуже того, мое поведеніе въ глазахъ свѣта должно казаться не женственнымъ. Вы поймете, что все это должно бы-

ло тягостно отозваться на мнѣ; потому-то я и прошу васъ дать мнѣ время оправиться. Совершенное изцѣленіе врядъ ли когда для меня настанетъ, но мнѣ кажется, что, по прошествіи года, мое обычное настроеніе и спокойствіе духа возвратятся ко мнѣ на столько, что я въ состояніи буду посвятить себя заботѣ о вашемъ счастьи. Милый Джоржъ! если вы согласны взять меня на этомъ условіи, я готова сдѣлаться вашею женою и постараюсь честно исполнить свои обязанности въ отношеніи васъ.

«Я уже сказала вамъ, что даже теперь, какъ кузина, принимаю живое участіе въ вашихъ интересахъ; подъ этимъ я, конечно, разумѣю ваши политическіе интересы и ваше стремленіе попасть въ парламентъ. Я, какъ мнѣ кажется, хорошо поняла то мѣсто вашего письма, гдѣ вы говорите о моемъ состояніи и отдаю полную справедливость вашей искренности и откровенности. Если бы у меня не было никакого состоянія вы не могли бы въ вашемъ положеніи жениться на мнѣ. Знаю я, также, что подспорье моихъ денегъ нужно вамъ немедленно, а не въ отдаленномъ будущемъ. Можетъ такъ случиться, что деньги мои понадобятся вамъ до истеченія этого года, раньше котораго, какъ я вамъ сказала, я положительно не могу принудить себя растаться съ своимъ дѣвичествомъ. Но деньги моя будутъ податливѣе меня самой. Сколько бы вамъ не понадобилось ихъ для вашихъ политическихъ цѣлей, вамъ стоитъ намекнуть и онѣ будутъ у васъ въ рукахъ; надѣюсь, что вы примете это предложеніе такъ же просто, какъ я его дѣлаю. Милый Джоржъ! Пускай же на мою долю выпадетъ гордость и честь ийти къ олтарю съ человѣкомъ, облеченнымъ въ званіе представителя великобританскаго народа. Нѣтъ званія, которое, въ моихъ глазахъ, стояло бы выше этого.

«Я подожду новаго письма отъ васъ, чтобы объявить о нашей помолвкѣ моему отцу и дѣдушкѣ. Если вы напишете мнѣ, что принимаете мои условія, я тотчасъ же начну хлопотать о вашемъ примиреніи съ старымъ сквайромъ. Я думаю, что это еще скорѣе мнѣ удастся, чѣмъ заставить отца благосклонно смотрѣть на нашу свадьбу. Но считаю излишнимъ увѣрять васъ, что, какъ бы оба они ни взглянули на это дѣло, мое рѣшеніе отъ этого не измѣнится.

«Я дожидаюсь тоже вашего отвѣта, чтобы написать въ послѣдній разъ мистеру Грею.

Любящая васъ кузина
Алиса Вавазоръ.»

Прочитавъ это письмо, Джоржъ небрежно бросилъ его на столъ и принялся за свой завтракъ. — Ладно, проговорилъ онъ, пусть такъ и будетъ. Для меня это лучшее, что я могъ придумать, чтобы изъ этого для нея ни вышло. И онъ погружился въ свою газету. Но въ теченіе этого дня много у него созрѣло предположеній, предположеній, которыя онъ дѣлалъ почти безсознательно о томъ, какъ онъ воспользуется ея деньгами. Вечеромъ того же дня онъ написалъ два письма: одно къ Алисѣ, содержаніе котораго намъ уже извѣстно, другое къ сестрѣ, которое Катъ сохранила въ глубокой тайнѣ.

(Продолженіе будетъ.)

ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ РАСПРЕДЕЛЕНИЕ РУССКАГО НАРОДОНАСЕЛЕНИЯ.

ЕСТЕСТВЕННЫЯ И УМСТВЕННЫЯ УСЛОВІЯ ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСКИХЪ
ПОСЕЛЕНІЙ ВЪ РОССИИ.

III.

Въ первой статьѣ мы бросили общій взглядъ на характеръ русской колонизаціи и разсмотрѣли вліяніе климата на движеніе и распространіе населеній; теперь займемся другимъ великимъ факторомъ развитія колонизаціи—почвой. Законы почвы, такъ же какъ и законы метеорологическихъ, обусловливаютъ географическое распространеніе, агрикультурный характеръ и развитіе земледѣльческихъ поселеній. Почва, составляющая главную и самую жизненную основу всѣхъ поселеній, плодородіемъ своимъ обусловливаетъ ихъ развитіе и умноженіе, а вслѣдствіе истощенія своего доводитъ цѣлыя государства и области до опустынія или паденія. Во времена древняго Лаціума, когда почва Италіи была чрезвычайно плодородна, совершалась цвѣтущая этрусская колонизація Ломбардіи; на мѣстѣ нынѣшнихъ болотъ устроено было до 23 сильно населенныхъ городовъ; племена самнитскія густо заселяли страны хребта Аппенинскаго и воздѣлывали въ нихъ поля. Таково было состояніе тогда—и что же послѣ, что же теперь? вмѣсто садовъ съ розами и роскошныхъ дѣбныхъ полей, храмы Пестума окружены теперь пустыней, на которой растетъ тощая трава и чертополохъ. Римъ палъ отъ истощенія почвы! Исторія земледѣльской колонизаціи въ Сѣверной Америкѣ представляетъ подобный же грустный результатъ истощенія почвы. Въ нижней палатѣ конгресса въ Вашингтонѣ, депутатъ Морель Вермонтъ статистическими данными показалъ, что въ штатахъ Кеннектикутъ, Нассачусетъ, Родъ-Айландъ, Нью-Гемпширъ, Мэнъ и Вермонтъ, вмѣстѣ взятыхъ, въ теченіи 10 лѣтъ (съ 1840 — 1850) урожай пшеницы уменьшился на поло-

вину, а урожай картофеля — на одну треть; въ Теннесси, Кентуки, Джоржии и Алабамѣ и въ Нью-йоркскомъ штатѣ урожай пшеницы также уменьшились на половину противъ прежнихъ. Въ 1850 г. средній урожай пшеницы въ Виргиніи и Сѣверной Каролинѣ составлялъ на акръ только 7 бушелей (26 четвериковъ съ десятины), а въ Алабамѣ только 5 бушелей (18 четвериковъ съ десятины). На новыхъ земляхъ въ Техасѣ и Арканзасѣ собираютъ съ акра, среднимъ числомъ, отъ 700 до 750 фунтовъ хлопка (почти 2,080 фунтовъ съ десятины), тогда какъ на старыхъ поляхъ въ южной Каролинѣ только половину этого количества. «При переѣздахъ по странѣ, говоритъ депутатъ Алабамы Клей, часто попадаются опустѣлые дома фермеровъ, нѣкогда жилища трудолюбивыхъ, дѣятельныхъ, свободныхъ людей. Они оставлены и преданы разрушенію; поля, нѣкогда плодородныя, покрыты сорною травою. Мохъ растетъ по стѣнамъ, нѣкогда оживленныхъ мѣстностей, и въ рукахъ одного владѣльца соединяется теперь вся собственность, на которой нѣкогда въ довольствѣ жили до 15 бѣлыхъ семействъ. Страна, не пережившая еще своего дѣтскаго возраста, уже носить на челѣ своемъ признаки старости и упадка силъ; такъ въ Алабамѣ, въ Виргиніи и въ Каролинѣ. «Повсюду, — замѣчаетъ по этому поводу Либихъ, — во всѣхъ частяхъ и странахъ свѣта внимательный взоръ открываетъ, въ состояніи почвы, дѣйствіе одного и того же могущественнаго закона природы. Тамъ, гдѣ прежде цвѣли могущественныя государства и плотное народонаселеніе почерпало изъ почвы свою пищу и богатства, теперь поля производятъ такъ мало, что обработка не окупается»^{*)}). Обращаясь къ русской земледѣльческой колонизаціи и культурѣ, мы и здѣсь находимъ подобные результаты истощенія почвы. Нѣкогда цвѣтушій, вольный Новгородъ великій, какъ мы уже раскрыли въ другомъ мѣстѣ, сильно былъ подорванъ истощеніемъ своею, и безъ того, не очень плодородной почвы. Лѣтописныя цифры о неурожаяхъ и цѣнахъ на хлѣбъ, съ XI по XIV столѣтіе, служатъ краснорѣчивыми цифрами постепеннаго упадка плодородія почвы. Цифры хлѣбныхъ цѣвъ иачинаются 3-мя гривнами за кадь, переходить къ 4, 5, 6, 8, 10 и доходятъ до 20, 25 или 30 и наконецъ до 40 гривенъ за кадь. При этой послѣдней цѣнѣ, когда почва уже была сильно истощена, самъ Новгородъ былъ при концѣ своего существованія, и только подвозомъ хлѣба изъ-за моря, еще

*) Либихъ. Химія въ приложеніи къ земледѣлю и физиологіи растеній, стр. 75—76.

спасены были на время отъ послѣдняго паденія. Съ тѣхъ поръ, какъ почва истощилась на тонкихъ поляхъ новгородскихъ, — задержка со стороны Москвы низоваго подвоза хлѣба окончательно рушила само-бытное развитіе Новгорода и его колоній, и вѣчевой колоколь на берегахъ Волхова замолкъ печально и на вѣки. И въ позднѣйшее время, даже на новыхъ земляхъ Сибири, истощеніе почвы, въ связи съ неблагоприятными климатическими контрастами, доводило нѣкоторыя колоніи до опустошенія и запущенности. Такъ въ Семипалатинскомъ округѣ, гдѣ почва состоитъ изъ глины, смѣшанной съ пескомъ, и чернозема, толщиною въ 2 ф., подъ которымъ лежитъ сплошная глина, и гдѣ прохлада, господствующая на значительной высотѣ мѣста, защищаетъ почву отъ согреванія лучами солнца, отъ засухи, съ самаго начала колонизаціи, съ 1718 года, съ большимъ успѣхомъ сѣяли пшеницу польскую, китайскую, калмыцкую (*Triticum polonicum, tricosson, калманка*) и обыкновенную (*Trit. vulgare*), также ячмень, яровую рожь, овесъ и просо. Поля прежде давали самъ-35, а нынѣ даютъ гораздо меньше. Отъ расхищающаго хозяйства поля истощились, и, какъ замѣчаетъ Риттеръ, «многолѣтніе неурожаи въ странѣ, гдѣ господствуютъ самыя большія климатическія контрасты, превратили обширныя, прежде обрабатываемыя, пространства — въ пустыни.» *) Съ другой стороны, законы почвы обуславливаютъ переселенія народныхъ. «Для великаго цѣлаго, говорить Либихъ, окончательно все равно, вымираетъ ли извѣстная нація постепенно въ странѣ, которой производительность уменьшается, или, будучи болѣе сильною, насильственно умерщвляетъ другую, слабѣйшую націю въ плодородной странѣ и занимаетъ ея мѣсто. Всѣ великія передвиженія народовъ направлялись изъ странъ, сдѣлавшихся неплодородными, въ плодородныя». Послѣ голодныхъ годовъ 1816 и 1817, когда почва въ европейскихъ государствахъ была уже сильно истощена расхищающимъ хозяйствомъ, начинаются громадныя выселенія изъ Европы. Тотъ же законъ почвы вышуждалъ многія переселенія и въ Россіи. Когда почва великорусской земли, во многихъ сѣверныхъ и центральныхъ областяхъ, къ XVII вѣкѣ уже значительно истощилась отъ расхищающаго хозяйства, — тогда началось обширное и вѣковое переселеніе народа въ Сибирь, и стали колонизоваться ея обширныя, пустынные пространства: русскіе люди тамъ искали зе-

*) Землевед. Азіи. Т. III, стр. 186—187.

млицы, или *земель хлѣбородныхъ*. На сѣверѣ великорусской земли, почва и такъ была худая, каменистая, болотистая и мшистая, а къ XVII-му столѣтію и та истоцилась, вслѣдствіе чего были частые неурожаи, особенно при тамошнемъ суровомъ климатѣ. И вотъ, сѣверные Поморцы, въ XVII вѣкѣ, первые толпами устремились въ Сибирь на новыя, непочатыя, хлѣбородныя земли. Такъ въ указѣ 1647 года сказано, что «съ Руси, съ поморскихъ городовъ, съ Устюга великаго, отъ Солчъ Вычегодской, изъ Перми великой, с Вятки, съ Кевроли, изъ Мезени и пзъ другихъ русскихъ городовъ, посадовъ и уѣздовъ, сошли въ Сибирь посадскіе люди и многіе пашенные крестьяне съ женами и дѣтьми отъ хлѣбнаго недороду, и тамъ устроились на пашни на новыхъ земляхъ *)». Въ грамотѣ 1670 г. читаемъ: «пріѣзжаютъ къ Солчъ Камской и на Устюгъ и въ уѣзды изъ Тобольска, съ Тюмени, съ Верхотурья и иныхъ городовъ, изъ уѣздовъ поморскихъ городовъ бѣглые крестьяне по отцовъ своихъ и по братій и по зродниковъ; изъ Устюжскаго и Усольскаго уѣздовъ пахатные многіе крестьяне, погinya свои деревенскіе жеребьи впустѣ, выѣхали въ уѣзды сибирскихъ городовъ и нынѣ ѣдутъ, и учинилась въ Устюжскомъ и Усольскомъ уѣздахъ великая пустота. Во 178 году, въ разныхъ мѣсяцѣхъ и числахъ, ѣхало мимо Верхотурья изъ русскихъ разныхъ городовъ, съ Тотмы, съ Устюга великаго, съ Ваги, съ Мезени и съ Соли Вычегодской и Яренскаго городка, съ Сысолы и съ Кайгорода, по тобольскимъ и тюменскимъ проѣзжимъ, тяглыхъ людей съ женами и дѣтьми 2054 человекъ **»). Вообще истощеніе почвы во многихъ великорусскихъ областяхъ было главною причиною того характеристическаго факта русской земледѣльческой колонизаціи и исторіи, что какъ только была открыта Сибирь, такъ крестьяне массами устремились туда, и сѣлись тамъ на пашни, строились въ пашенныя слободы, на свѣжихъ, хлѣбородныхъ земляхъ сибирскихъ. Акты XVII вѣка наполнены извѣстіями объ этихъ добровольныхъ и даже самовольныхъ переселеніяхъ крестьянъ въ Сибирь. И доселѣ, какъ извѣстно, каждый годъ, отъ ранней весны до поздней осени, танутся по сибирской дорогѣ вереницы крестьянскихъ семействъ, добровольно переселяющихся изъ малоземельныхъ и худоземельныхъ мѣстъ Россіи на новыя, непочатыя,

*) Доп. къ А. И. т. III, № 14.

***) Доп. т. VI, № 19.

хлѣбородныя земли Сибири. И въ самой Сибири колонисты часто принуждены бывали переселяться изъ неудачно-выбранныхъ, бесплодныхъ мѣстъ на новыя, хлѣбородныя земли. Истощеніе почвы въ одномъ мѣстѣ немедленно передвигало культуру, а за нею и колонизацію въ другія, непочатыя мѣста. Такъ, напримѣръ, въ 1658 г. архіепископъ сибирскій Симеонъ, вслѣдствіе истощенія почвы на пашняхъ новоустроенныхъ, тобольскихъ, софійскихъ слободъ, билъ челомъ о дозволеніи занять новыя земли: «въ Софійскихъ слободахъ,—писалъ онъ,—учинился хлѣбу недородъ, *пашенныя земли выпахались*, да отведены были подъ пашни неугодныя мѣста и небольшіе межъ ограней и боровъ, пашенныя мѣста худые, и софійскіе крестьяне отъ хлѣбнаго недороду обнищали и одолжали великими долги, а людей въ слободахъ прибываетъ у отцовъ дѣти и братья и племянники, и пашенныя-де земли въ Софійскихъ слободахъ становится мало; а есть-де по Пышмѣ рѣкѣ вверху по обѣ стороны пашенныя земли пустыя, никто ими не владѣетъ, лежатъ впустѣ, и ту бы землю пожаловать, дать софійскимъ крестьянамъ на пашни и устройство *)». Какъ въ древней Россіи, такъ и въ Сибири переселенія съ худыхъ земель на хлѣбородныя происходили весьма часто. Такъ, въ Алтайскомъ краѣ, на нижнемъ теченіи Чарыша, при впаденіи въ него р. Березовки, на низменности, устроилась прежде деревня Арапова. Здѣсь отъ Харлова къ С. и СЗ., по словамъ Палласа **), растилается одна только обнаженная степь; холмистыя высоты состоятъ уже изъ однихъ только глинистыхъ наносовъ. Степи, подверженныя сухимъ вѣтрамъ и палающимъ лучамъ солнца, давали плохіе урожаи хлѣба. И вотъ поселяне деревни Араповой должны были переселиться потомъ ближе къ горамъ, на земли болѣе удобныя для хлѣбопашества. Многія деревни еще прежде, по той же причинѣ, получили позволеніе переселиться въ болѣе возвышенныя горныя долины, близь Чагирскаго форпоста и вокругъ него, между рр. Туляпой и Иней. Въ этихъ долинахъ известковыя породы покрыты черноземомъ, а потому также, какъ и въ Харловѣ, лежащей на известковой почвѣ, земли въ нихъ довольно удобны для произрастанія хлѣбовъ. Всѣ травы растутъ въ этихъ известковыхъ горахъ, въ туманномъ и сыромъ горномъ воздухѣ, также гораздо лучше, краси-

*) Доп. къ А. И. т. IV, № 55.

***) Pallas, Reise th. III p. 577.

вѣе и роскошнѣе, нежели въ степяхъ, подверженныхъ сухимъ вѣтрамъ и палящимъ солнечнымъ лучамъ. Вотъ почему горная и степная колонизация и культура противоположны между собою такъ же, какъ—горная и степная флоры. Даже въ болѣе холодныхъ алтайскихъ долинахъ, лежащихъ еще выше, до Тигерцакаго форпоста на новой линіи, казаки собираютъ болѣе хлѣба, нежели въ жаркихъ степяхъ страны, и потому селятся тамъ охотнѣе *). Точно также съ иртышской степи крестьяне переселяются въ горныя долины по р. Чарышу, въ плоскогорье коргонское и т. п. Такъ въ 1824 г. заложена была крестьянами, пришедшими съ Иртыша, деревня Чечулиха, при впаденіи рѣчки Чечулихи въ Чарышъ. Это самое крайнее русское поселеніе со стороны кочующихъ калмыковъ. Окрестности деревни, расположенной очень живописно, окруженной высокими горами, по причинѣ плодородной земли, хорошо воздѣланы, и населеніе, въ продолженіи двухъ лѣтъ, значительно увеличилось. Дер. Чечулиха лежитъ, по измѣреніямъ Ледебуря, на высотѣ 2,300 ф., по измѣренію Бунге — 2,314 ф. надъ ур. моря. Не смотря на свое высокое положеніе, эта пустынная полоса земли отличается мѣстами превосходною для земледѣлія почвою, и потому привлекаетъ населеніе съ бесплодныхъ или истощенныхъ почвъ. Глядя на чечулинскихъ переселенцовъ, и другіе крестьяне, живущіе на иртышской степи, точно также спрашиваютъ, отъ времени до времени, разрѣшеніе губернатора строить тамъ новыя деревни и избирать новыя мѣста **). Такъ законы почвы и земледѣлія, и въ малыхъ и въ большихъ размѣрахъ, двигаютъ массаи народа. Почва главнымъ образомъ обуславливаетъ возможность и успѣхи земледѣльской колонизации. Поэтому, когда началась колонизация Сибири, правительство предписывало сибирскимъ воеводамъ, а воеводы служилымъ людямъ—разыскивать, развѣдывать, измѣрять и описывать «добрыя пашенныя земли» въ Сибири, чтобъ на нихъ устроить крестьянъ. И служилые люди составляли подробныя «рописи пашенныхъ мѣстъ доброй земли», опредѣляя, гдѣ сколько десятинъ ея, и сколько можно устроить крестьянъ***). Хорошая плодородная почва сильно привлекала населеніе: такія мѣста быстро

*) Pallas. Reise III, p. 263; II, p. 28.

**) Землев. Азін III, 293.

***) Такова, напримѣръ, подробная роспись пашеннымъ мѣстамъ, добрыя земли, въ верховыхъ Лены. Дополн. къ А. И. т. II, № 89, стр. 243—248.

заселялись *)). Какъ обильная, плодородная почва, производи богатые урожаи, способствуетъ умноженію народонаселенія, такъ худая, бесплодная или истощенная почва частыми неурожаими подрываетъ въ самыхъ основахъ земледѣльческаго поселенія. Въ какой области часто были неурожаи, тамъ рѣдѣло и убывало народонаселеніе. Въ сѣверныхъ областяхъ древней Россіи, по лѣтописямъ, насчитывается, среднимъ числомъ, по 8 неурожаевъ на столѣтіе, повторившихся почти чрезъ каждые 13 лѣтъ. И каждый изъ нихъ сопровождался большою убылью народонаселенія; множество народа умирало съ голоду, большая часть расходилась врознь; по выраженію новгородской волости, «разидеся градъ нашъ и волость наша, и полни быша чужія грады и страны братьи нашей и сестеръ, а останокъ почаша мерети» **). Въ актахъ и псковыхъ книгахъ часто также упоминается, что отъ хлѣбнаго недорода цѣлыя деревни расходились врознь. Вообще, физическіе законы земледѣлія въ древней Россіи противопоставляли сильныя препятствія развитію и распространенію земледѣльческихъ поселеній, особенно ощутительными при тогдашней низкой степени культуры, при отсутствіи рациональныхъ средствъ бороться съ ними. Да и теперь еще физическія силы, управляющія плодородіемъ почвы и вообще земледѣліемъ, до такой степени преобладаютъ надъ земледѣльческою культурой, что каждый неурожай сопровождается страшною смертностію и большою убылью земледѣльческаго населенія. Напримѣръ, съ 20-тыхъ до 50-тыхъ годовъ пышнѣшаго столѣтія, было 9 неурожаевъ, именно: въ 1820, 1821, 1832, 1835, 1839, 1844, 1846, 1848, 1850 годахъ, и вслѣдствіе ихъ было такое движеніе народонаселенія:

	Число родившихся.	Число умершихъ.	Разность чисель.
Въ 1820 г.	1.570,399	917,680	652,719
— 1821	1.545,679	945,088	600,591
— 1822	1.539,988	977,253	562,735

*) Доп. III, №№ 17, 167.

***) Новгород. лѣт. стр. 46. Или: „ови ихъ изморза, а друзи разьядошася по чужимъ землямъ. Новгородъ 1, 5, 43 и др. Отъ неурожая 1230 г., въ Новгородѣ похоронено было 6530 труповъ, не считая тѣхъ, которые зарыты были въ общей могилѣ, безъ числа; въ Смоленскѣ умерло до 32,000. Въ Псковѣ, въ голодный 1422 г., трупами *пустотныхъ*, т. е. захожихъ бѣдниковъ наполнены были 4 скудельницы. Псковъ 11, 23, 24; Новгородъ 11, 129.

Въ 1824 г.	1.646,224	1.032,301	713,923
— 1825	1.705,615	1.072,206	634,409
— 1829	1.922,695	1.216,708	705,987
— 1832	1.925,105	1.210,647	714,458
— 1835	1.869,842	1.482,533	387,309
— 1837	2.091,911	1.338,203	753,708
— 1839	2.309,672	1.642,635	667,037
— 1840	2.002,858	1.688,385	314,473
— 1842	2.125,090	1.814,119	310,971
— 1844	2.378,230	1.538,670	839,560
— 1846	2.280,005	1.718,194	561,811
— 1848	2.508,078	2.840,354	332,276
— 1849	2.337,668	1.875,858	461,810
— 1850	2.517,601	1.799,322	718,281
— 1851	2.399,558	1.805,740	593,818
— 1853	2.672,154	2.094,677	577,477
— 1854	2.557,890	1.907,749	650,141

Изъ этихъ цифръ видно, что послѣ каждаго неурожая смертность усиливается страшно въ самые годы неурожая и въ слѣдующіе за ними. По отдѣльнымъ мѣстностямъ, эта убыль населенія, вслѣдствіе неурожаевъ, была еще сильнѣе. Такъ, напримѣръ, за неурожаемъ 1839 г., въ тульской и рязанской губерніяхъ, слѣдовало огромное увеличеніе смертности въ ихъ епархіяхъ въ 1840 и 1841 годахъ. Противъ 1839 года число умершихъ было болѣе.

	1840 г.	1841 г.
Въ рязанской епархіи на	13%	21%
» тульской » »	20%	39%

Число родившихся противъ 1839 года также уменьшилось:

	1840 г.	1841 г.
Въ рязанской епархіи на	30%	19%
» тульской » »	26%	29%

Тоже было во многихъ другихъ губерніяхъ. Въ псковской епархіи въ 1845 г. родилось 26,402, умерло 39,057, а въ 1846 г. родилось 19,453, умерло 41,040 челов., т. е. въ теченіе двухъ неурожайныхъ лѣтъ средѣ умирало болѣе, чѣмъ рождалось. *) Само

*) См. цифры познѣе въ Статист. Кольба 1, стр. 174—175.

собою разумѣется, что при такомъ гибельномъ дѣйствіи неурожаевъ земледѣльческія поселенія не могли скоро поправляться, полиѣтъ населеніемъ и усиливать производительность. Подрывая, такимъ образомъ, посредствомъ неурожаевъ, развитіе и размноженіе земледѣльческихъ поселеній, почва, естественно, обуславливаетъ также густоту или рѣдкость поселеній. На бесплодной или не хлѣбородной почвѣ поселенія всегда были рѣдки и малолюдны. Такъ, во всемъ сѣверномъ Поморьи еще въ XVI в. деревни состояли изъ 1, 2, 6, 7, 8, много 11 и 12 дворовъ, а наибольше — изъ 1 двора *). «Живуть на рѣкѣ Волгѣ крестьяне, — сказано, напримѣръ, въ одномъ актѣ 1023 года, — а то мѣсто пришло въ пусты, отъ иныхъ волостей поудалло верстъ на 70, и на 80, и больше, а мѣста пришли непроходимыя зимою и лѣтомъ, дороги и проѣзду никогда не живеть» **). Такъ рѣдко было населеніе въ томъ краю, гдѣ колонизація началась раньше XIV столѣтія, и Соловецкій монастырь дѣятельно распространялъ свои поселенія. На каждый погостъ на сѣверѣ приходилось обыкновенно отъ 150 до 300 и болѣе деревень, но многія десятки деревень были и писались *впустъ* или *пустыми*; въ каждомъ погостѣ, среди *живущихъ* деревень, было деревень 20, 30, 40 и болѣе пустыхъ. И теперь, тогда какъ въ хлѣбородныхъ мѣстахъ, напримѣръ, въ Венгріи есть деревни съ 20,000 жителей, а въ южной Россіи — съ 2,000 и даже съ 7—8000 д.***), въ сѣверныхъ не хлѣбородныхъ мѣстахъ Россіи, напримѣръ, въ Ярославской губерніи на деревню приходится только среднимъ числомъ 13 дворовъ и 91 житель. Или, на бесплодной почвѣ архангельской губерніи, на пространство 16,025,39 кв. м., пахотныя земли занимаютъ только $\frac{1}{1000}$ всей поверхности, и на 1 кв. м. приходится только 17 жителей, между тѣмъ какъ въ югозападныхъ и большой части среднихъ губерніяхъ, на хлѣбородныхъ почвахъ, пахотныя земли занимаютъ болѣе половины всей поверхности, или пропорція ихъ колеблется между 40 и 50%, и жителей приходится на 1 кв. м. отъ 1400 до 2700 человекъ. — Неравенство почвъ также, какъ и неодинаковость климатическихъ условій, производило, въ земледѣльческихъ поселеніяхъ и неравенство экономическое и бы-

*) Лешкова Рус. Нар. и Госуд. 248, 271. .

** , Собран. архіер. грам. Собрн. Солов. № 20. 40.

***) Koll's, Reise II, S. 68. 72. 299.

товое. Потому что, при отсутствіи рациональной культуры, при невооруженности нашихъ земледѣльцевъ естественно-научными знаніями и указываемыми наукою механическими средствами, при полной пассивной зависимости отъ непосредственныхъ дѣйствій природы, — наши земледѣльческія поселенія тамъ только и развивались и были богаты, гдѣ почва и климатъ благопріятствовали ихъ развитію; а въ другихъ мѣстностяхъ, хоть бы рядомъ, коль скоро псчвенныя и климатическія условія, безъ рациональной энергіи и знанія, откывались служить агрикультурѣ, — тутъ и земледѣльческія поселенія коспѣли въ полуразвалинахъ и бѣдности, если бѣдность не наводила умовъ и мыслей на другую промышленность. Такъ различіе почвъ въ верховьяхъ и низовьяхъ Волги, преобладаніе въ верховыхъ земляхъ — песчанистой и глинистой почвы, а въ понизовыхъ, волжскихъ земляхъ — чернозема, имѣло вліяніе на экономическое и бытовое различіе низовыхъ и верховыхъ земледѣльческихъ поселеній. Одно только общее было — то, что зависитъ собственно отъ ума или отъ вѣковыхъ обычаевъ, а не отъ природы — способы паханія и посѣва, которые испоконъ вѣка почти вездѣ были одинаковы. Лепехинъ такъ писалъ объ этомъ: «Проѣзжая отъ Москвы до Арзамаса толь многія села и деревни, я нигдѣ въ хлѣбопашествѣ не замѣтилъ никакой отлѣны, по вездѣ одинакій способъ паханія и посѣва. Одно только различіе: песчанья, хрящевья и иловатыя пашни (въ верховьяхъ Волги) повстинѣ крестьянъ дѣлаютъ труженниками: ибо гдѣ кучка навозу, тамъ и кучка хлѣба, какъ говорятъ крестьяне. Въ то время, когда низовые мужики, посѣявъ яровое, отдыхаютъ, верховые удобряютъ свою озимовую пашню навозомъ, за которымъ удобреніемъ слѣдуетъ сѣнной покосъ и жатва. Низовый крестьянинъ во всю зиму даже до яроваго посѣва бываетъ свободенъ, и отправляетъ только домашнія надобности; верховой напротивъ того удобряетъ въ великой постъ свою яровую пашню. Низовый довольствуется однимъ паханіемъ и борошеніемъ; верховый дважды сію работу отправляетъ принужденъ бываетъ, первый подъ паръ, а другой подъ посѣвъ.»*) Да какой степени различіе почвъ, въ одной и той же области, имѣло вліяніе на промышленный и умственный складъ населенія, — это всего яснѣе можно видѣть, напримѣръ, при общемъ взглядѣ на характеръ и промышленное направленіе земледѣль-

*) Лепехина, Дневн. Записки 1795 г. ч. I, стр. 61—62.

ческих поселеній рязанской, губерніи. «Земля,— говоритъ Барановичъ— описатель рязанской губерніи,— есть основной элементъ естественнаго богатства. Промышленная дѣятельность населенія въ совершенной отъ нея зависимости. Тамъ, гдѣ земли много и гдѣ, при томъ, она плодородна, жители занимаются земледѣліемъ и живутъ среди своихъ семействъ, гдѣ же земля не въ состояніи прокормить живущихъ на ней, вся масса свободнаго населенія, заботясь о средствахъ существованія, ищетъ себѣ работы въ какихъ-нибудь другихъ, прибыльныхъ занятіяхъ, если они существуютъ въ краѣ; въ противномъ случаѣ жители выходятъ въ другія мѣста для заработковъ. Такимъ образомъ въ самомъ поземельномъ богатствѣ страны вѣются начала особенностей характера народнаго труда. Рязанская губернія относительно поземельнаго богатства представляетъ разнообразіе, рѣдко встрѣчаемое въ другихъ мѣстахъ. Земля ея весьма не равномерно распределена между поселянами и притомъ необыкновенно разнообразна въ своихъ качествахъ. Въ уѣздахъ данковскомъ, рязанбургскомъ и южныхъ частяхъ ряжскаго и сапожковскаго жители обильно надѣлены землею, дающею урожай даже при посредственномъ удобреніи. Гораздо бѣднѣе землей остальные части степной стороны и уѣзды михайловскій и пронскій, при томъ же почва этихъ мѣстъ уже не столь производительна и не всегда вознаграждаетъ труды земледѣльца. Еще менѣе благодарна земля къ трудамъ поселянъ въ прочихъ уѣздахъ рязанской стороны и, вмѣстѣ съ тѣмъ, ея приходится пропорціонально еще менѣе. Наконецъ въ мещерской сторонѣ почва песчаная, боровая, отличающаяся безплодіемъ, да и въ этой дурной землѣ крестьяне терпятъ явный недостатокъ. Общій выводъ тотъ, что чѣмъ земля лучше, тѣмъ ея болѣе, и обратно, чѣмъ хуже качество земли, тѣмъ бѣднѣе надѣлъ ея. Ясно, что поземельное богатство, до такой степени неравномерно распределенное, должно было сильно отразиться на самомъ характерѣ промышленной дѣятельности населенія рязанской губерніи; и дѣйствительно, едва ли найдется другая губернія, въ которой промышленная жизнь проявлялась бы въ такихъ разнообразныхъ формахъ. Въ южной части степной стороны, какъ было уже сказано, земли много и притомъ черноземной, отличающейся плодородіемъ; населеніе здѣсь сосредоточивается въ небольшомъ числѣ довольно обширныхъ селеній, и потому земляныя дачи заключаютъ въ себѣ иногда по нѣскольку тысячъ десятинъ, растянутыхъ къ тому же по причинѣ чрезполосно-

сти. Здѣсь нужно много времени крестьяницу, чтобы управиться съ нѣсколькими десятнами тяжелой, черноземной земли, отдаленной очень часто на большое разстояніе отъ селенія, и потому не удивительно, что земледѣіе поглощаетъ въ этихъ мѣстахъ всю дѣятельность народа. Съ ранней весны и до глубокой осени крестьяне заняты обработкою земли и собираніемъ жатвы; въ остальное же время производится молотба, разныя другія занятія по сельскому хозяйству, наконецъ отправленіе излишка хлѣба на продажу большею частію въ отдаленныя мѣста сбыта. Такимъ образомъ самая южная часть губерніи можетъ быть названа земледѣльческой въ полномъ смыслѣ слова; всѣ руки заняты обработкою земли, вездѣ встрѣчаются мельницы, крупорушки, маслобійни и т. п.; самыя заводы въ этой мѣстности имѣютъ тѣсное отношеніе къ земледѣлію; таковы, напримѣръ, випокуренные, свеклосахарные, крахмальные и другіе; зимой, по дорогамъ изъ Раненбурга и Данкова, тянутся непрерывно тяжелые обозы съ хлѣбомъ. Однимъ словомъ, здѣсь все живетъ и дышетъ земледѣіемъ; вся дѣятельность устремлена на сельское хозяйство; ни мануфактурная промышленность, ни промыслы и ремесла не могутъ здѣсь существовать и развиваться. Сѣверная часть степной стороны и уѣзды михайловскій и пронскій тоже земледѣльческіе по преимуществу; но земледѣіе преобладаетъ въ этихъ мѣстахъ уже не такъ исключительно, какъ въ южной части губерніи. Земли здѣсь менѣе, дачи не такъ обширны и мѣста сбыта ближе. Вслѣдствіе этого является небольшой досугъ времени, а въ мѣстѣ съ нимъ и разныя промыслы. Гораздо въ большихъ размѣрахъ сельскіе промыслы и ремесла въ сѣверной части рязанской стороны. Земледѣіе въ этихъ мѣстахъ все еще составляетъ главное занятіе жителей и ему посвящается все лѣто; но такъ какъ земли здѣсь не много, дачи мелкія, а рынки подъ рукою, то жители, исполнивъ земледѣльческія занятія, имѣютъ еще много свободнаго времени, чтобы заняться на дому какими-нибудь ремеслами или отправиться на заработки въ сосѣднія мѣста московской губерніи. Заводовъ и фабрикъ въ рязанской сторонѣ почти не существуетъ, но выгодное положеніе этой части губерніи вблизи отъ Москвы и въ сосѣдствѣ такихъ пунктовъ, гдѣ торговая и мануфактурная жизнь имѣетъ большое развитіе, служитъ причиною, что здѣсь, и въ особенности въ уѣздѣ зарайскомъ, расчеты на заработки отъ промысловъ являются уже важнымъ и непремѣннымъ условіемъ существованія жителей. За Окой

въ мещерской сторонѣ, мануфактурная и промысловая жизнь въ полномъ развитіи; здѣсь сосредоточены почти все фабрики и заводы губерніи, здѣсь на каждомъ шагѣ встрѣчаются самыя разнообразныя сельскіе промыслы и ремесла. Земледѣіемъ въ мещерской сторонѣ занимаются лишь для домашняго обихода и вообще сельское хозяйство служить уже подспорьемъ другимъ занятіямъ, болѣе прибыльнымъ. Промышленность приняла здѣсь такое направленіе не вслѣдствіе личнаго расчета нѣсколькихъ семействъ, а вслѣдствіе общей потребности всего народонаселенія. Недостатокъ земли и ея бесплодіе отвлекаютъ жителей отъ земледѣлія; хлѣба, собираемаго съ полей, недостаетъ имъ для пропитанія, и они должны прибрѣтать его покупкою въ хлѣбородныхъ мѣстахъ; все это поневолѣ заставило ихъ спискивать себѣ другія средства для существованія и направило къ промысламъ... Здѣсь, при многочисленныхъ внутреннихъ фабрикахъ и заводахъ, развились не столько земледѣльческія, сколько торговыя села—Дѣдново, Ловцы, Любичи и Бѣломуть, при населеніи въ 15,000 душъ, не имѣющія десятины пахатной земли. Въ Егорьевскомъ, напримѣръ, уѣздѣ на каждого крестьянина не приходится и $2\frac{1}{2}$ десятинъ земли самой легкой, песчаной и размежеванной на мелкія дачи. Не много нужно времени, чтобы управиться съ такимъ хозяйствомъ, и потому здѣсь $\frac{4}{5}$ работающаго населенія обращается къ разнымъ промысламъ. Такимъ образомъ, отъ самыхъ южныхъ границъ, къ которымъ прилегаютъ хлѣбороднѣйшіе и вполне земледѣльческіе уѣзды тамбовской и тульской губерній, и до сѣверныхъ предѣловъ, пограничныхъ съ мануфактурными московской и владимірской губерніями, совершается въ рязанской губерніи съ замѣчательною послѣдовательностію переходъ отъ земледѣльческой промышленности къ мануфактурной и ремесленной. По мѣрѣ приближенія къ сѣверу, все болѣе и болѣе стѣсняется кругъ земледѣлія; различныя промыслы и ремесла, только появляющіеся у береговъ Прони, за Окой, уже становятся господствующимъ занятіемъ жителей и если степная сторона имѣетъ все качества страны земледѣльческой, то мещерская можетъ быть названа вполне промышленною. Рязанская сторона, по мѣстному положенію своему, по качеству почвы и характеру народнаго труда, служитъ переходною отъ земледѣльческой къ промышленной. И эта постепенность въ измѣненіи промышленнаго характера поселеній, вполне сообразная съ качествомъ почвы, является результатомъ ея. Относительно почвы рязанская гу-

бернія представляет замѣчательное разнообразіе. Отъ жирнаго, степнаго чернозема и до сыпучихъ песковъ въ ней встрѣчаются всякаго рода земли. Этотъ переходъ отъ чернозема къ песку совершается не вдругъ; въ измѣненіи качествъ почвы замѣтна послѣдовательность. Жирная, черноземная почва самыхъ южныхъ оконечностей губерніи, по мѣрѣ приближенія къ Пронѣ, пережѣшивается все болѣе и болѣе съ глиной и становится тяжелой и вязкой. За Проней уже замѣтно преобладаніе глины; слой чернозему становится все тоньше съ приближеніемъ къ Окѣ, такъ что мѣстами почва превращается въ чистую глину, у береговъ же рѣки пережѣшивается съ пескомъ. Наконецъ, за Окой почва песчаная; во многихъ мѣстахъ встрѣчаются и сыпучіе пески, а далѣе на сѣверъ земля боровая, покрытая болотистыми и маховыми кочками» *).

Въ частности, различный геогностическій строй и химическій составъ почвъ, въ естественномъ ходѣ колонизаціи и культуры, обусловливаетъ различный агрикультурный характеръ земледѣльческихъ поселеній. Напримѣръ, преобладаніе лѣсной почвы, производящей наибольшее развитіе перегной, чернозема, въ связи съ климатическими условіями сѣверо-восточной, коптинентальной полосы Россіи, было естественной причиной преимущественнаго развитія въ Россіи такихъ земледѣльческихъ поселеній, которыя больше всѣхъ хлѣбровъ сѣютъ рожь, меньше — пшеницу, и держатся перелога, залежи. «Перегной, говоритъ Либихъ, можетъ сообщить почвѣ плодородіе для хлѣбныхъ растений, но пшеница въ чистой перегнойной почвѣ, даже на богатыхъ перегноемъ почвахъ во многихъ мѣстностяхъ Бразиліи и въ нашихъ климатахъ, растетъ дурно, стебель ея не получаетъ твердости и растеніе ложится. Это происходитъ отъ того, что твердость стебля зависитъ отъ кремне-кислаго каля, что развитіе зерна требуетъ фосфорно-кислыхъ солей, а перегной не можетъ доставить пшеницѣ этихъ веществъ, потому что не содержитъ ихъ. Точно также пшеница не растетъ хорошо и на песчаныхъ почвахъ, а равно известковая почва, если она не содержитъ значительнаго количества глины, также бесплодна для этого растенія. Это зависитъ отъ того, что такіи почвы не содержатъ щелочей и нѣкоторыхъ другихъ минеральныхъ веществъ, необходимыхъ для пшеницы; безъ нихъ ея развитіе оста-

*) Матеріалы для географ. и статист. Россіи. Рязанская губернія, стр. 164—168.

навливается, хотя бы другія вещества почва доставляла ей въ избыткъ». *) На русской землѣ, въ особенномъ изобиліи развивалась почва черноземная, богатая перегноемъ, такъ какъ она издревле покрыта была густыми и повсемѣстными, черными лѣсами. И теперь еще при 85,000,000 десятинъ пахатныхъ земель, садовъ и огородовъ, — лѣсовъ 180,000,000 десятинъ, пахатныя земли занимаютъ только 17%, луга и пастбища 20%, а лѣса 36%. И въ числѣ 380 милл. десятинъ земли удобной находится до 95 милліоновъ десятинъ чернозема, идущаго полосой отъ средняго Урала до Карпатскихъ горъ. Кромѣ лѣсовъ, луговая и степная низменность понтокаспійская, поросшая высокими и густыми травами, также въ изобиліи развивается перегной. Въ древней Россіи во времена почпочной колонизаціи и культуры, крестьяне, только-что расчищая еще землю изъ подъ лѣсовъ, «лѣсъ рубя, дворы, починки и деревни ставя на лѣсѣхъ и распахивая вновь пашни въ лѣсахъ пашенныхъ», неизбежно ступали больше всего на почву черноземную, богатую перегноемъ и, слѣдовательно, на почву ржи, а не пшеницы. «Лѣсная почва, — говоритъ Либихъ, — на которой въ продолженіи 40 или 80 или еще большаго числа лѣтъ истлѣвали листья и другіе растительные остатки, каждый годъ принимала въ себя нѣкоторое количество минеральныхъ веществъ отъ этихъ остатковъ; вещества эти были извлечены деревьями изъ слоевъ земли весьма глубоко лежащихъ и теперь они послужили для обогащенія верхней, рыхлой почвы. Выборка лѣснаго сору изъ листовыхъ лѣсовъ удаляетъ матеріалъ для постояннаго образованія углекислоты, которая, растворяясь въ водѣ и проникая вмѣстѣ съ нею на значительную глубину, можетъ способствовать вывѣтриванію и растворенію породъ, съ которыми корни деревъ находятся въ прикосновеніи. Въ густомъ лѣсу, гдѣ воздухъ обновляется рѣже, чѣмъ на равнинѣ, доставленіе углекислоты можетъ также имѣть значеніе для растительности. Наконецъ слой лѣснаго сору защищаетъ почву отъ высыханія и способствуетъ удержанію въ ней влажности, которая особенно полезна для чернолѣсья, въ которомъ на поверхности листьевъ испаряется гораздо большее количество воды, чѣмъ у хвойныхъ. Кромѣ углекислоты,

*) Либихъ. Химія въ приложеніи къ земледѣлію и физиологій растений, стр. 117—118.

черноземныя или богатѣя перегноемъ, лѣсныя почвы всегда содержатъ углекислый аммоніакъ, а также всѣ щелочи и соли тѣхъ растений, отъ гніенія и тлѣнія которыхъ образовался перегной или черноземъ» *). По такимъ естественнымъ условіямъ, лѣсная почва, въ древней Россіи преобладавшая, естественно всего больше обуславливала культуру ржи, а не пшеницы, такъ какъ она всего болѣе содержала перегноя, не доставляющаго пшеницѣ кремне-кислаго кали и фосфорно-кислыхъ солей. Древне-русскіе поселенцы, конечно, научнымъ образомъ этого не понимали и не сознавали. Но вѣковой опытъ, показавшій на практикѣ наибольшій успѣхъ разведенія на черноземной почвѣ ржи, а не пшеницы, — побуждалъ всѣ начинки и деревни, «ставившіяся ново или на новѣ, на лѣсѣхъ», основывать преимущественно на ржаныхъ поляхъ. И дѣйствительно, вся лѣсная агрикультура основывалась главнымъ образомъ на ржаномъ хлѣбопашествѣ, и земледѣльческія поселенія насаждались и воспитывались въ горныхъ дикихъ лѣсахъ, на ржаной пашнѣ. Даже въ имѣніяхъ богатѣйшихъ и знатнѣйшихъ бояръ, которые больше всѣхъ потребляли пшеницу, всѣ деревни сѣяли больше всѣхъ хлѣбовъ рожь, примѣрно: maximum пшеницы 20 десятинъ, minimum ржи 33—35 десятинъ. Крестьянскія же поля почти исключительно засѣвались рожью, съ небольшимъ количествомъ овса, ячменя и, отчасти, гречи и гороха **). Что культура ржи главнымъ образомъ мотивировала распространеніемъ земледѣльческихъ поселеній, — это видно изъ исторіи земледѣльской колонизаціи Сибири, особенно восточной. Тамъ, напримѣръ, на Ленѣ, на Илимѣ, по Иркуту и проч., всѣ пашенныя поселенія устраивались главнымъ образомъ съ цѣлю воздѣлыванія ржанаго хлѣба для обезпеченія служилыхъ людей. И новоустроеннымъ пашеннымъ крестьянамъ, какъ видно изъ «ужинныхъ и умолотныхъ книгъ», выдавалась изъ казенныхъ житницъ въ ссуду на сѣмена только рожь, въ наибольшемъ количествѣ, съ небольшою прибавкою ячменя ***). Точно также преобладаніе культуры ржи въ земледѣльческихъ поселеніяхъ древней Россіи обуславливалось и выражалось тѣмъ фактомъ, что русскіе люди всегда ѣли хлѣбъ преимущественно ржаной, имъ жили, на немъ вскармливались. Онъ былъ принадлежностью не только убогихъ людей, но и богатаго стола.

*) Химія въ отнош. къ земледѣлію. Либиха, стр. 78—79.

***) Временникъ 1850 г. кн. VII. Книги посѣвныя, ужинныя и умолотныя.

****) Доп. къ А. II т. VIII, № 51, грам. II.

Русскіе даже предпочитали его пшеничному, приписывали ему больше питательности. Названіе—хлѣбъ—значило собственно ржаной. Пшеничная мука употреблялась на просфоры да на «богородицынъ хлѣбъ». а въ домашнемъ быту на калачи, которые вообще для простаго народа были лакомствомъ въ праздничные дни — отъ этого и пословица: «калачемъ не заманишь» *). Издревле въ русскихъ земледѣльческихъ поселеніяхъ видимъ только воздѣлываніе ржи съ нѣкоторыми другими хлѣбами, за исключеніемъ пшеницы. Въ русской правдѣ, изъ хлѣбныхъ растений, упоминается только рожь, да овесъ, ячмень и полба; о пшеницѣ ни слова **). На сѣверѣ Россіи, въ новгородской и псковской областяхъ, до XII вѣка, лѣтописи, отмѣчая урожаи и цѣны хлѣбовъ, говорятъ только о ржи, а о пшеницѣ ни разу не упоминаютъ. И потомъ, съ XII до XVI столѣтія, въ неурожайные и голодные годы, если иногда и продавалась въ Новгородѣ пшеница, то она была почти всегда вдвое и даже втрое дороже ржи ***): видно, что ее мало воздѣлывали. Въ XVI и особенно XVII в. посѣвъ ржи долженъ былъ еще увеличиться, потому что въ это время былъ большой запросъ на стрѣлечіе и другіе хлѣбные сборы, на безпрестанный и огромный отпускъ хлѣба въ Сибирь, на винокуреніе, на отпускъ за границу и проч. Однимъ словомъ, культура ржи преобладала въ древней Россіи надъ воздѣлываніемъ пшеницы. И это было весьма естественно, сообразно съ большею частію почвъ сѣверовосточной Россіи, да и съ климатомъ. Въ этихъ, большею частію, лѣсныхъ почвахъ пшеница не могла находить такого соединенія питательныхъ веществъ и такъ легко расти, какъ рожь. «Химическій анализъ показываетъ,—говоритъ Либихъ,— что почва, дающая прибыльный урожай ржи, въ слоѣ, имѣющемъ отъ 5 до 10 дюймовъ въ глубину, содержитъ въ 50, можетъ быть даже во 100 разъ болѣе питательныхъ веществъ, нежели сколько нужно для одного полного урожая пшеницы. Однакожь, не смотря на такой избытокъ питательнаго матеріала, эта почва не производитъ такихъ урожаевъ пшеницы, которые бы были прибыльны въ сельско-хозяйственномъ смыслѣ. Сравнивая количе-

*) Костомарова. Очеркъ жизни и нравовъ великор. народа, стр. 82.

***) Р. Пр. ст. XII и слѣд.

****) Напр. въ 1498 г. четвертку ржи покупали по 9 денегъ, а пшеницы зобницу по 50. Карамз. VI, прим. 629. Въ 1230 и 1231 г. купили ржи кадъ по 20 гривенъ, а пшеница по 50. Новгород. I, стр. 46 и мн. др.

ство фосфорной кислоты и кали, которые извлекаются из почвы одного гектара ($=0,915$ десятины) среднимъ урожаемъ пшеницы (2000 килогр. $=122$ пуда) зерна и 5000 килогр. ($=305$ п.) соломы) и среднимъ урожаемъ ржи, мы находимъ:

Получили изъ почвы:

	Пшеница.	Рожь.
Фосфорной кислоты	25 до 26 килогр.	17 до 18 килогр.
Кали	52 »	39 до 40 »
Кремневой кислоты	160 »	100 до 110 »

Если гектаръ поля, достаточно плодороднаго для средняго урожая ржи, содержитъ:

1700 килогр. фосфорной кислоты.

3900 » кали.

10,200 » кремнезема,

то гектаръ поля, которое бы дало хорошій средній урожай пшеницы, долженъ содержать:

2560 килогр. фосфорной кислоты

5200 » кали

15,300 » кремнезема,

Слѣдовательно для производства пшеницы, почва требуетъ питательныхъ веществъ больше

Фосфорной кислоты.	Кали.	Кремнезема.
на 860.	1300	5100 килогр. *)

Такія, по всей вѣроятности, условія въ особенномъ изобиліи представляетъ почва самарской губерніи и югозападной Сибири. Поэтому здѣсь земледѣльческія поселенія по преимуществу и удачно занимаются агрикультурой пшеницы. Въ югозападной Сибири цѣлыя оазы или округъ земледѣльческихъ поселеній даже главнымъ образомъ продовольствуются пшеничнымъ хлѣбомъ.

«Если мѣстность, — говоритъ Либихъ, — состоитъ изъ твердыхъ скалистыхъ пластовъ, покрытыхъ не толстымъ слоемъ почвы, на которой растетъ растительность съ густою листвою, то просачивающаяся черезъ такой слой вода, будетъ приносить мѣстностямъ, лежащимъ ниже, много минеральныхъ веществъ, служащихъ пищею растеніямъ, потому что не толстой слой, почва не можетъ задержать ихъ въ большомъ количествѣ. Частицы такой почвы, увлекаемой

*) Либиха. Химія въ прилож. къ землед. стр. 91, 93, 97.

дождевыми потоками, и уносимые ими въ долины и низменности, образуютъ тутъ почву, степень плодородія которой можетъ быть весьма различна; она измѣняется съ ихъ химическимъ составомъ, отъ котораго зависитъ способность почвы извлекать тѣ вещества, которыя служатъ пищею для растений; но во всякомъ случаѣ такая почва, образовавшаяся изъ нанесеннаго ила, будетъ насыщена тѣми минеральными, питательными для растений, веществами, которыя содержались въ водѣ, изъ которой этотъ иль отсѣлъ*)). Такія условія химическаго образованія наносной почвы изъ горныхъ породъ у насъ представляютъ, между прочимъ, всѣ прекрасныя рѣчныя долины въ предгорьяхъ Алтая, и вообще вся югозападная сибирская низменность, стелющаяся отъ предгорій Алтая и до конца средняго теченія громадныхъ сибирскихъ рѣкъ — Иртыша, Оби и Енисея, а также долины гористой забайкальской области. Благодаря такому физическому способу образованія почвъ, рѣчныя долины въ предгорьяхъ Алтая представляютъ вообще прекраснѣйшія мѣста для развитія земледѣльческой колонизаціи и культуры, не смотря даже на климатическіе контрасты. Здѣсь, на примѣръ, въ бухтарминскихъ горахъ Алтая, горныя массы или края состоятъ главнымъ образомъ изъ гнейса и гранита, и въ подчиненіи имъ — изъ зеленыхъ сланцевъ, глинистыхъ сланцевъ, грауваккъ, кварцитовъ, известняка, порфировъ, и проч. Гигантскія рѣки, стремительно прорывающіяся сквозь утесы и непрерывно плещущіяся и ударяющіяся своими быстрыми волнами о скалы и горныя края, постоянно отщепляютъ и откалываютъ отъ нихъ обломки и осколки. Морозы также расстрескиваютъ снѣжныя скалы на небольшіе острые осколки, которые вслѣдствіе движенія ледниковъ, ручей и горныхъ потоковъ округляются или растираются въ дресву и гравій. Рѣки и ручьи, вытекающіе изъ снѣжныхъ утесовъ или краевъ и ледниковъ, мутны отъ уносимыхъ ими порошковыхъ частицъ; въ долинахъ и равнинахъ эти частицы горныхъ породъ постепенно осѣдаютъ, наслаются и, при химическомъ содѣйствіи воды, кислорода и углерода, вывѣтриваются и образуютъ такимъ образомъ пласты плодородной почвы. Ученые, посѣщавшіе и геогностически изучавшіе Алтай въ нынѣшнемъ столѣтіи, Гумбольдтъ, Энгельгардтъ, Германъ и др., указываютъ часто на это новое наслоеніе или образованіе наносной

*) Химія въ прилож. къ землед. стр. 78.

плодородной почвы въ долинахъ и равнинахъ предгорій Алтая *). Вслѣдствіе такого геогностическаго происхожденія, — почвы въ иртышскихъ и бухтарминскихъ долинахъ предгорій Алтая обусловили быстрое развитіе въ этомъ новомъ и долго неприступномъ краю богатыхъ земледѣльческихъ и горно-заводскихъ поселеній. Вотъ какъ, напримѣръ, географъ Риттеръ изображаетъ русскія колоніи на бухтарминской, приалтайской долинтѣ, на основаніи самыхъ точныхъ русскихъ источниковъ: положеніе бухтарминской колоніи-крѣпости на возвышенномъ правомъ берегу Бухтармы, вблизи судоходнаго Иртыша, утесистые гранитные берега, черныя сланцевыя и известняковыя горы вокругъ, зеленыя, лѣсистыя высоты, плодородная земледѣльская почва, стройныя стволы тополей и другихъ лиственныхъ деревьевъ по берегамъ рѣкъ, усилки просвѣщенія—все это здѣсь, вблизи однообразной степи, придаетъ особенную прелесть обширной долинтѣ. При этомъ, весна большею частію пріятна и прекрасна, лѣто обыкновенно жарко и сухо, осень продолжается до половины ноября. И вотъ, на этой плодородной земледѣльской долинтѣ, не смотря на сухость лѣта, благодаря горно-наносной, влажно-осадочной почвѣ, земледѣліе и земледѣльскія поселенія весьма естественно преуспѣваютъ; почва никогда не удобряется, а жатва всегда доставляетъ самъ-десять. И, вслѣдствіе того, народонаселеніе постоянно увеличивается; часто рождаются близнецы. Вблизи возвышенныя и обширныя горы глинисто-сланцевыя и гранитныя постоянно выдѣляютъ новые слои плодородной почвы **). Еще до конца прошедшаго столѣтія вся бухтарминская долина была вполнѣ не обитаема, и только начала заселяться съ 1791 года, со времени помилованія горныхъ, вольныхъ, бѣглыхъ поселенцевъ — *каменьщиковъ*. Плодородная, горно-наносная почва магически привлекала земледѣльческое населеніе, невольно наводила на мысль о хлѣбопашествѣ и даже горно-хищныхъ каменьщиковъ мало по малу обратила, переродила въ мирныхъ земледѣльцевъ. При первомъ исчисленіи оказалось на бухтарминской долинтѣ только 300 поселенцевъ. Съ 1803 года народонаселеніе значительно прибывало,

*) Engelhardt z. Kenntniss des Selsbeschaffenheit d. kleinen Altai und d. Soongarischen Kirgisensteppe въ Ledebour Th. I p. 418. Hermann, mineralogische Reise n. Sibirien. Abth. II: über d. Bergwesen zu Altai p. 352. Гумбольдтъ, Путешествіе по Сибири и Западнему Алтаю въ 1829 г. Риттеръ Землевед. Азіа, т. III, стр. 44, 48 и мн. др.

***) Земледѣліе Азіа т. III, стр. 55—56.

и вмѣстѣ съ тѣмъ распространялось земледѣліе. Въ 1809 г. считалось 5 деревень собственно въ бухтарминской долинѣ, да 4 въ сторонѣ отъ р. Бухтармы; но съ того времени число ихъ еще увеличилось *). Въ 1826 г. все народонаселеніе бухтарминской долины простиралось уже отъ 4 до 5000 душъ. Деревни каменщиковъ построены были красиво; жители были достаточны, нарядны и гостеприимны. Лѣтошъ, въ страду, всѣ деревни были почти совершенно пусты; все ихъ населеніе находилось на пашняхъ. Всѣ поселенцы обладали плодородными пашнями и прекрасными лугами. Во всѣхъ деревняхъ былъ отличный, пшеничный хлѣбъ; своей муки у нихъ было такъ много, что они ее продавали за корешія цѣны въ китайскіе пограничные пикеты. За 1 1/2 пуда муки, цѣною отъ 40 до 50 коп. асс., получали они отъ китайцевъ 1 кусокъ дабы, т. е. 22 локтя бумажной, одноцвѣтной матеріи, цѣною отъ 4 до 5 р. асс. Даже въ деревнѣ Фыколкѣ, въ которой считалось 10 или 12 крестьянскихъ дворовъ, устроенной у южной подошвы высокаго холмистаго хребта, окруженной горами и находящейся при горномъ потоцѣ Фыколкѣ, на высотѣ почти 4000 ф. надъ ур. моря,—не смотря на возвышенное мѣстоположеніе, все еще очень хорошо идетъ обработка ячменя, овса, ржи, чечевичи и яровой пшеницы. Горные потоки и ручьи постоянно наносятъ съ ближайшихъ скалистыхъ и лѣсистыхъ горъ плодородные элементы почвы, и тѣмъ увеличиваютъ земледѣльческую привлекательность для колонизаціи рѣчныхъ и горныхъ бухтарминскихъ долинъ **). Иртышъ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ прорывается чрезъ Алтай и въ изгибахъ своихъ, въ скалистыхъ ущельяхъ, съ шумомъ ударяется объ утесы, на мутныхъ волнахъ своихъ несетъ изъ горныхъ краевъ Алтая осколки и частицы глинистаго сланца, гнейштейна, гранита, слоистаго известняка, кварца и т. п., и такимъ образомъ, вмѣстѣ съ другими горными источниками и ручьями, наслонетъ окрестную почву самыми плодородными веществами и пластами. Почва, поэтому, здѣсь весьма удобна для хлѣбопашества. И тутъ на земледѣліи основались новѣйшія колоніи—Березовскій форпостъ, Александровскій редутъ, Феклистовскій редутъ.

*) Первые, вверхъ по долинѣ съ З. на В., называются—Осочиха, Буйкова, Стяная, Коровашенская (Коровихи), Верхъ-бухтарминская; послѣднія, на высотахъ по южному берегу Бухтармы, называются: Малонарымская, а надъ сѣвернымъ берегомъ Язопал, Бѣлая и Фыколка.

***) Землевод. Азіи т. III, стр. 68.

и хлѣбпашество идетъ весьма успѣшно: здѣсь произрастаетъ озимовая и яровая пшеница, яровая рожь, польская пшеница (*Triticum polonicum*), ячмень и овесъ. Значительную выгоду доставляетъ также воздѣлываніе льна). Точно также плодородная, наносная почва горнаго образованія обусловила быстрое развитіе земледѣльческихъ поселеній—Тарханскаго села, Краснаго яра, Бобровки и другихъ, въ долинахъ рѣки Ульбы и Убы—правыхъ притоковъ Иртыша. Быстрое теченіе Ульбы постоянно вырываетъ и увлекаетъ весною деревья и скалы, громоздитъ изъ нихъ новыя прибрежныя плотины, наслоенія и пласты, и прорываетъ и размечаетъ старыя. Рѣчная долина, отъ этого, еще не вполнѣ развила и не получила определенной пластинки. Когда Ледебуръ проѣзжалъ здѣсь въ августѣ, русло рѣки ушло на 1 1/2 до 2 верстъ къ сѣверу отъ русла предыдущаго года, засыпаннаго валунами и заросшаго желтымъ макомъ (*raraveg stoseum*), подобнымъ встрѣчающемуся въ такихъ же мѣстахъ въ савойскихъ альпахъ *raraveg alpinum*. Сибирскій бальзамическій тополь (*populus lavrifolia*) образуетъ прибрежныя роши. На этой-то, новообразующейся изъ горныхъ породъ, почвѣ, около 1823 года, основалось село Тараханское. Благодаря хлѣбородной почвѣ, оно быстро развилось; крестьяне, живущіе въ немъ, занимаются земледѣльствомъ, садоводствомъ, скотоводствомъ и пчеловодствомъ, и богаты. Село хорошо выстроено и довольно велико**). Точно также, въ предгорьяхъ Саянскаго хребта, въ прекрасныхъ долинахъ Енисея, Абакана, Минусы, стремительный прорывъ сѣвось утесовъ и скалъ и быстрый, полноводный потокъ Енисея и другихъ горныхъ рѣкъ и ручьевъ постоянно наносилъ и доселѣ наноситъ съ высочайшихъ горъ частицы, обломки горныхъ породъ для образованія плодородной почвы. И долины—минусинская, абаканская и енисейская теперь уже значительно обстроены довольно богатыми и замѣчательными земледѣльческими поселеніями, но особенно ждутъ впереди цвѣтущей земледѣльской колонизаціи и культуры***).

IV.

Въ связи съ климатомъ и почвой, дѣйствовали на распространеніе, устройство и развитіе земледѣльческихъ поселеній и многія дру-

*) Pallas, Reise Th. III, p. 89—91.

***) Землеустройство Азии, т. III, 104.

****) Pallas, Reise III, p. 300. Землеустройство Азии стр. 498—532.

тія физико-географическія условія. Здѣсь мы укажемъ на двѣ или на три характеристическія особенности нашихъ земледѣльческихъ поселеній, развившіяся подъ вліяніемъ физическаго преобладанія пространства надъ числомъ народонаселенія и лѣсовъ надъ полями.

Громадность пространства пахатныхъ земель, лѣсовъ и неудобныхъ мѣстностей превышала землеустроительныя силы народныя, замедляла географическое распространеніе земледѣльческихъ поселеній, и, обусловливая экстенсивное, аграрное направленіе, препятствовала внутреннему, умственному, интенсивному развитію и увеличенію земледѣльческихъ общинъ. Пространство земли постепенно, быстро и въ громадныхъ размѣрахъ увеличивалось, совершенно непропорціонально возрастанію народонаселенія. Именно, при Иванѣ III (1462 г.) было около 18,000 кв. м., при Василиѣ Ивановичѣ (1505 г.)—24,000 кв. м., при Иванѣ IV (1584 г.)—72,000 кв. м., при Алексѣѣ Михайловичѣ (1650 г.)—237,000 кв. м., при Петрѣ I (1689 г.)—280,000 кв. м., при Аннѣ Ивановнѣ (1730 г.)—324,000 кв. м., при Екатеринѣ II (1775 г.)—335,000 кв. м., при Александрѣ II (1860 г.)—392,000 кв. м. Между тѣмъ жителей до XVI вѣка было не болѣе 7,000,000, въ концѣ XVII вѣка — не болѣе 10 милл., въ 1722 г. — 14 милл., въ 1742 г. — 16 милл., въ 1782 г. — 27 милл., въ 1793 г. — 34 милл., въ 1803 г. — 36 милл., въ 1815 г. — 45 милл., въ 1829 г. — 50 $\frac{1}{2}$ милл., въ 1850 г. — 65 милл. При такой непропорціональности народонаселенія съ пространствомъ земли, особенно до начала прошлаго столѣтія, естественно, должно преобладать экстенсивное развитіе и распространеніе земледѣльческихъ поселеній надъ интенсивнымъ, раціональнымъ развитіемъ ихъ. Географическій, пространственный элементъ рѣшительно подавлялъ умственное развитіе земледѣльческихъ поселеній. Во первыхъ, огромное равнинное пространство и обиліе земель просторомъ своимъ невольно вызывало массы къ свободному, прівольному разгулу по землѣ, къ постояннымъ переходамъ съ мѣста на мѣсто, приучало къ полукочевому земледѣлію, къ полукочевой, полуномадной колонизаціи. Только на обширной и равнинной землѣ, на громадныхъ пространствахъ пахатной земли могъ произойти этотъ характеристическій обычай и способъ колонизаціи—свободный переходъ крестьянъ, господствовавшій до конца XVI и даже до начала XVII вѣка. Благодаря этому переходу, распространилась земледѣльческая колонизація и культура; русская земля повсюду болѣе

или менѣе обстроилась слободами, селами, сельцами, починками, сѣдѣльнями и деревнями. Но за то земледѣльческія поселенія долго не ишѣли прочной осѣдлости, носили полукочевой, полубомадный характеръ. Въ народонаселеніи развилась страсть къ разгулу, къ расхочливости, расплывчивости по широкому пространству русской земли и, наконецъ, склонность къ *броженію врозь*, къ бродяжничеству и бѣгству. Отсюда возникъ характеристическій и многочисленный классъ населенія — такъ называемые вольные *гулящие люди*. Они потомъ составляли главный элементъ заселенія Сибири. Раздольный просторъ русской земли, украинъ и степей, вызвавшій прежде дикій, буйный разгулъ новгородскихъ *повольниковъ* и *ушкуйниковъ*, сталъ, потомъ, въ ювымъ и широкимъ просторомъ для буйнаго разгула и скопища станицъ казачьихъ, шаекъ разбойничьихъ и раскольничьихъ согласій. Только благодаря широкому пространству и раздолью русской земли, въ ней могла по украинамъ пріютиться и сосредоточиться сбродная колонизація казачья и раскольничья *). Въ ювая страсть къ разгулу, странничеству и бѣгству на раздольномъ, обширномъ пространствѣ русской земли, отразилась и въ географическомъ, и въ умственномъ движеніи массъ, напримѣръ — въ согласіи бѣгунцовъ или странниковъ, отрицающихъ прочную гражданскую осѣдлость и проповѣдующихъ «странство» по бѣлу-свѣту, выразилась въ народныхъ пѣсняхъ о раздольныхъ степяхъ, о разгулѣ буйныхъ добрыхъ молодецвъ по степямъ саратовскимъ и т. п. И только на огромныхъ пространствахъ Россіи, путемъ странничества, скрятія и бѣгства, могла распространиться земледѣльческая колонизація. Такъ основались раскольничья и земледѣльческія поселенія на огромныхъ волокахъ, за лѣсами, озерами и болотами сѣвернаго Поморья, въ обширныхъ лѣсистыхъ пространствахъ Заволжья, въ лѣсахъ стародубскихъ, на Вяткѣ, въ юго-восточной степной Украинѣ, по Хопру, Медвѣдицѣ, Тереку и Кубани, во многихъ мѣстахъ громадной Сибири, въ пограничныхъ горахъ Алтайскихъ, и т. д. Во вторыхъ, обширныхъ пространства, раздѣленные рѣками, озерами, бо-

*) Котошижина, IX, ч. Исторія о бѣгствующ. священствѣ. Лѣтоп. русск. литер. т. IV. 1862. отд. III, стр. 57, 58, 59, 63. Русскій расколъ старообрядства Шапова. гл. III. Находящіеся у насъ рукописныя извѣстія о Заволжской раскольничьей колонизаціи, мы сообщимъ въ подробномъ обзорѣ русской колонизаціи. Исторія выговской пустыни, изд. Кожанчикова, о поморской раскольничьей колонизаціи.

лотами и лѣсами, естественно обуславливали раздѣльность, раскинутость самой земледѣльческой колонизаціи, разбросанность и разрозненность поселеній. Каждая волость, колонизируясь на особой водной системѣ, на особой рѣкѣ, стремилась вълѣдствіе того быть *особно, отъиче*, на томъ основаніи, что у ней *земля и вода въ раздѣль съ другими сосѣдними волостями* *). Такимъ образомъ, по причинѣ огромнаго пространства русской земли. какъ отдѣльныя лица. крестьяне и посадскіе, такъ и цѣлыя общины, волости стремились къ простору, къ расходчивости, къ расплывчивости и, по характеристическому выраженію актовъ, постоянно *разбродились врознь*. Вся эта расходчивость, расплывчивость народонаселенія по широкому пространству земли, весь этотъ географическій, пространственный разгулъ и просторъ народныхъ силъ неизбежно повели къ такъ называемому *собиранію русской земли*, къ централизаціи, къ прикрѣпленію крестьянъ къ землѣ и къ крѣпостному праву надъ цѣлой половиной земледѣльческихъ поселеній и ко всѣмъ послѣдствіямъ этихъ явленій. Въ третьихъ, огромныя пространства русской земли обусловили особый разрядъ земледѣльческихъ поселеній — ямскихъ слободъ и селъ. Такими поселеніями колонизована была большая часть Великороссіи, по большимъ дорогамъ, и особенно громадныя пустыни Сибири **). Тамъ огромныя пространства и разстоянія невольно дали ямской, извозническій характеръ и всѣмъ прочимъ земледѣльческимъ поселеніямъ. Проѣзжая такія обширнѣйшія пустыни и степи сибирскія, какъ, наприкладъ, Бараба, при одномъ томительномъ видѣ огромныхъ равнинныхъ пространствъ, невольно чувствуешь всю географическую или пространственную естественность и необходимость ямскихъ, извозническихъ, земледѣльческихъ поселеній, какія и были устроены тамъ въ XVII вѣкѣ воеводами и московскимъ правительствомъ, въ XVIII столѣтіи — губернаторомъ Чичеринымъ ***). Наконецъ, огромное пространство русской земли естественно обусловило болѣе экстенсивное развитіе и распространеніе агрикультуры и земледѣльческихъ поселеній, чѣмъ интензивное, интеллектуальное. Такъ экстенсивное земле-

*) Неволіна, о Питицахъ и погостахъ Новгород. стр. 107. „Великорусскія области и смутное время“, въ Отеч. Зап. 1861 г. № 10

***) А. Ю. № 278, № 294, актъ II. А. И. II, № 36; III, № 57. Историч. обзор. Сибири. Словцова 1838. I, 30 II, 41, 50—51.

***) Pallas, Reise Th. III. Buch. II, S. 462 и слѣд. Истор. обзор. Сибири. Словцова. ч. II. Доп. къ А. И. т. IV, №№ 68, 89. А. И. II, 81, 85.

дѣліе господствуетъ и доселѣ въ плодородныхъ и рѣдко населенныхъ степяхъ южной Россіи, въ сѣверо-восточныхъ малолюдныхъ и лѣсныхъ губерніяхъ, въ юго-западной Сибири, и проч. *). При этомъ распространени земледѣльческой колонизаціи, покореніе природы выражалось только въ выжиганіи лѣсовъ подъ новыя. Балуемые просторомъ и обліемъ земли, русскіе люди постоянно перемѣняли новыя на новыя, старыя пашни и починки на новыя, и т. д. Полагаясь съ полнѣйшею безпечною на пространственное обиліе земель, не думали о результатахъ истощенія ихъ качественного содержанія—плодородія, и безпощадно расхищали естественную продуктивную экономію почвы. При огромности пространства, умственные и физическія силы населенія не экономно и не производительно тратились въ пространствѣ. Въ теченіи 9 или 10 столѣтій, русскій народъ едва могъ справиться съ пространствомъ, завладѣть имъ всѣмъ, пройти его отъ Карпатовъ и Днѣпра до Восточнаго океана. Семь или восемь столѣтій онъ напрягалъ силы на одни географическія развѣдки и открытія, на присканіе новыхъ земель, на завладѣніе огромнымъ пространствомъ, на переходы, странствованія и блужданія по немъ въ качествѣ повольниковъ, гулящихъ людей, сибирскихъ странствователей, казаковъ и служилыхъ людей,— на одну рощищу, роз-

*) Лепехинъ (Дневн. записки путеш. ч. I, стр. 63) говоритъ: „Вмѣсто насушенія болотистыхъ мѣстъ употребляютъ крестьяне другой родъ пространства и пашень, который *новинною* называютъ... Такого распространения пашни во многихъ мѣстахъ находились сожалительные остатки: ибо кромѣ мѣста, которое себѣ крестьянинъ назначилъ подъ пашню, нерѣдко выгораютъ обширныя палестины лѣса.“ Паласъ (Reise, III, S. 6 и 7) такъ описываетъ сибирское экстенсивное распространение хлѣбопашества: „Bleiben die meisten Aecker, wenn man sie nur ums dritte Jahr brach löst, zehn, funfzehn und mehr Jahre tragbar. Nimmt alsdenn die Fruchtbarkeit ab, so hat der Bauer schöne Bergflächen und Steppe genug, wo er ein neues Stück zurichten kann. Dieses pflegt gemeinlich gleich nach der Sommersaat zu geschehen, da man das wilde Feld im Anfang des Junius zuerst aufreist, die Wurzeln unterregget und mit Ausgang des Monats nochmals überpflügt; wodurch ein neues Land (Salog), nachdem es den Julius hindurch gelegen, schon im August zur Wintersaat geschickt ist, welche nur unterregget werden darf; oder man sät auch im nächstfolgenden Frühling Waizen darauf, in welchem Fall der neue Acker aber nochmals umzupflügen ist. Denn Winterwaizen hat man noch in ganz Sibirien nicht, ohngeachtet er im Kasanischen und an der Kama so gemein und nützlich ist. Nach der ersten Erndte lässt man einen solchen Acker (Pereelog) den Winter hindurch ungepflügt ruhen und sät gleich das folgende, so wie auch im dritten Jahre irgend ein Sommergebrach liegen und besät solche Brachäcker (Pary) erst wieder im Herbst oder auch im Frühling des folgenden Jahres, etc.“

дѣль лѣсныхъ пространствъ, на распространеніе почишковъ, деревень, сель, слободъ, посадовъ, сторожевыхъ и станичныхъ линий, становъ и ямовъ, остроговъ и зимовей, и проч. На это народъ русскій потратилъ много силъ и времени въ ущербъ интеллектуальному развитію и умственнымъ занятіямъ. Оттого произошелъ его умственный застой. Такъ какъ экстенсивное земледѣліе выгоднѣе на низшихъ степеняхъ культуры, а интенсивное на высшихъ *), то оно заманивало земледѣльческія поселенія все дальше и дальше въ непочатые лѣса и на не воздѣланныя и никѣмъ еще незанятая земли. При огромномъ пространствѣ пахатныхъ земель и при экстенсивномъ хозяйствѣ, земледѣльческія поселенія распространялись далеко и широко, но крайне бѣдно, разбросанно и рѣдко. И все таки, по причинѣ огромности пространства, заселеніе всей русской земли шло весьма медленно и слабо. Напримѣръ, западную Сибирь, простирающуюся на 83,067,10 кв. м., въ теченіи 150 лѣтъ, населили только 23,256 человекъ, отъ 5 до 50 лѣтъ, — и въ томъ числѣ только до 19,000 приходится на земледѣльческія поселенія всей огромной западной Сибири **). «Имѣеть ли и нынѣ Россія, говоритъ Мордвиновъ, достаточное число рукъ для обработанія и приведенія въ урядство всей обширности земель ея! На главной въ Россіи дорогѣ, между двумя столичными городами, мы встрѣчаемъ селенія въ 15 и 20-ти, города же въ 180-ти верстахъ, и сіи послѣдніе едва ли имѣютъ жителей по 10 тысячъ человекъ. Между селами и деревнями, по обѣимъ сторонамъ дороги, лежатъ еще пространныя болота, видны лѣсная дичь и тощіе пески, и проч.***). И теперь, въ Сибири, на пространствѣ 260,441,5 кв. м., на 1 кв. милю приходится только около 16 человекъ, въ томъ числѣ: въ западной Сибири, на протяженіи 83,067,10 кв. м., приходится только 36 чел. на 1 кв. м., а въ восточной Сибири, на пространствѣ 177,374,4 кв. м., всего только 7 человекъ причитается на 1 кв. м. И въ европейской Россіи пространство большею частію еще преобладаетъ надъ численностью населенія; на 1 кв. м. приходится еще только около 646 человекъ, въ томъ числѣ — въ архангельской губерніи,

*) W. Roscher, Syst. d. Volkswirth. В. II, S. 89—91. Онъ приводитъ числовой примѣръ между прочимъ, изъ Сибирскаго экстенсивнаго земледѣлія.

**) Географич. Вѣстн. т. XXIX. отд. II: свѣдѣн. о числѣ жителей въ Запад. Сибири въ полов. XVIII столѣтія. стр. 207—235.

***) Чтен. общ. ист. 1859. кн. III.

при 16,025,39 пространства, только 17 жителей причитается на 1 кв. м., въ Олонецкой губерніи, на пространство 2,705,98 кв. м., 107 на 1 кв. м., въ Оренбургской губерніи, при 6,917,31 кв. м. пространства, 290 чел. на 1 кв. м., въ Пермской губерніи, на протяженіи 6,050,12 кв. м., приходится только 338 чел. на 1 кв. м. *).

Вѣковое преобладаніе лѣса надъ полемъ, хлѣбородной земли надъ нехлѣбородной было естественною причиною преобладанія деревенской, земледѣльческой колонизаціи надъ торгово-промышленной, городской, лѣниваго, бѣднаго и крѣпостнаго населенія надъ развитіемъ энергическихъ, богатыхъ, свободныхъ и рациональныхъ, промышленныхъ ассоціацій, лѣсной дикости умовъ и нравовъ надъ гражданской интеллигенціей и цивилизаціей. «Въ первобытной дичи лѣсовъ, говоритъ Риль, пашеть первый поселенецъ: онъ производитъ противоположность лѣса и поля, и съ этимъ вмѣстѣ начинается выходъ земли и людей изъ состоянія первобытной, животной естественности. Только тамъ, гдѣ есть поле и лѣсъ, начинается твердая осѣдность, и только тамъ почва образуетъ даже основу, грунтъ органическаго общественнаго состоянія. Позднѣе изъ всеобщей формы поселенія происходитъ противоположность города и земли. Отсюда происходятъ социальныя революціи, новые толчки въ естественной жизни народовъ **). На русской землѣ, до начала земледѣльческой колонизаціи и долго послѣ нея, были почти сплошныя, дремучіе, непроходимыя лѣса дѣвственныя. Лѣсъ до XVI в. еще рѣшительно преобладалъ надъ полемъ и одолевалъ рабочія землеустроительныя силы земства. Герберштейнъ, въ XVI в. еще около самой Москвы видѣлъ кругомъ огромныя пни, свидѣтельствовавшіе о только что срубленномъ лѣсѣ, а чѣмъ далѣе онъ подвигался на юго-западъ и особенно на сѣверо-востокъ, тѣмъ больше и больше изумлялся обилію дремучихъ, непроходимыхъ лѣсовъ, сѣвостокъ которые еще не про-

*) Кольба, рукоп. къ статист. I, стр. 165—168.

**) W. H. Riehl, Land und Leute. Stuttg. 1861 S. 63. In der Urwildniß rodet der erste Siedler: er schafft den Gegensatz von Feld und Wald und hebt damit das Verhältniß von Land und Leuten über die Linie der uranfänglichen bestialischen Natürlichkeit. Nur wo Feld und Wald ist, da ist feste Siedelung, da bildet der Boden selbst den Grund organischer Gesellschaftszustände. Später hebt sich aus der allgemeinen Form der Siedelung der Gegensatz von Stadt und Land heraus. Hiermit kommt eine sociale Revolution, ein neuer Umschlag im Naturleben des Volkes.

ложены были даже пути и тропинки. Вкругомъ онъ видѣлъ лѣса темныя, цепочатыя, земли невоздѣланныя, болота непроходимыя *). И видно, что много еще было лѣсовъ въ XV и XVI столѣтіяхъ, когда судейники устанавливали различіе между лѣсными и безлѣсными мѣстами, на основаніи разстоянія жилья отъ строеваго лѣса на 10 или менѣе верстъ вкругомъ. Деревня, отъ которой лѣсъ былъ хоть верстою дальше 10, признавалась уже безлѣсною, *въ полѣхъ*. Подъ лѣсами находилась почти повсемѣстно почва въ высшей степени хлѣбородная, и хлѣбородность ея тѣмъ болѣе была заманчива для земледѣлца, что лѣто въ Россіи бываетъ теплое, даже жаркое. «Какъ сильны бываютъ морозы зимою, — говоритъ Олеарій, такъ же велики бываютъ и жары въ лѣтнее время... Русская земля, при плодородной, добротной почвѣ, не требующей большой обработки, чрезвычайно плодородна (исключая нѣсколькихъ миль вѣсной земли, находящейся въ окрестностяхъ Москвы) и даетъ въ изобиліи рожь и пшеницу, не смотря на то, что на всемъ пространствѣ своемъ пустынна и болотиста; по большей части покрыта она кустарникомъ и лѣсомъ, въ особенности же сосновымъ и еловымъ лѣсомъ и орѣшникомъ **). При такомъ преобладаніи лѣсовъ въ древней Россіи надъ полемъ, и хлѣбородной земли надъ безплодной, естественно

*) На сѣверо-западъ отъ Москвы, по словамъ Герберштейна, *coetera sylvae magnae vastae que cingunt*. По р. Москвѣ на юго-востокъ также *ingentes occurrunt sylvae*. (Regum moscovit. p. 63). Здѣсь и русскіе путешественники, по словамъ жизнеописанія Макарія Унженскаго и Желтоводскаго, проходили внутреннюю пустыню и непроходимыя блатъ, и бѣ мало отъ живущихъ ту во всѣхъ и въ пустыняхъ лѣсныхъ водились цѣлыя стада лосей и оленей (Сборн. Солов. библ. № 817, л. 420—424). Даже тѣ юго-западная отъ Москвы области, которыя издавна были путемъ и средоточіемъ колонизаціи, двигавшейся съ юго-запада на сѣверо-востокъ, даже область Черниговская и Новгородо-сѣверская, по словамъ Герберштейна, *vastos desertos que passim camporum habet, а около Брянска — Sylvam ingentem* (p. 68, 61). А на сѣверо-востокъ Герберштейна кругомъ поражали дремучіе, непроходимыя, сплошныя лѣса. Напримѣръ, о пути на Бѣлоозеро онъ говоритъ: *Via (per quam ex Moscovia iter Bieloiesero) propter erebras paludes et sylvas fluvii obsitas... Accedere ad hanc itineris difficultate, ut propter erebras paludes, sylvas ac undique concurrentes fluvios, loca inculta sint, nullisque civitatibus frequentata, etc.* (p. 77). Объ областяхъ вологодской, двинской и ватской онъ тоже говоритъ: *Regio tota palustris et sylvestris est, unde fit, ut exactam itineris ratione propter erebras paludes et fluviorum anfractus, hoc quoque in loco viatores observare non possent. Quo enim magis progrediare, hoc plures et inviae paludes, fluvii ac sylvae occurrant, etc.* (Reg. Moscov. p. 79, 80).

***) Олеарій. Архивъ 1859 г. ян. III, стр. 13. 16.

лѣсная, деревенская, земледѣльческая колонизація должна была преобладать надъ колонизаціей полевой, торгово-промышленной, городской, и притомъ долго должна была имѣть характеръ *займищный* и *починочный*. Въ самомъ дѣлѣ, когда кругомъ и повсюду видѣлись передъ глазами одни дремучіе, дикіе, непочатые лѣса, и подъ ними—дѣвственная хлѣбородная почва, — о чемъ было тутъ прежде всего и естественнѣе всего думать, что дѣлать, чѣмъ жить? Невольно нужно было прежде всего съ топоромъ, косой и сохой пробиваться сквозь непроходимые, безпредѣльные лѣса, занимать удобныя мѣста въ пашенныхъ лѣсахъ, лѣсъ рубить, ронить и чистить, пашни распахивать и изъ срубленныхъ *деревьевъ* строить *деревни*, заводить на займищахъ починки. И дѣйствительно, въ этомъ состояла вся первоначальная, архитектурическая и вѣловая работа русскаго народа и вся колонизаціонная обстройка русской земли. Всѣ, по словамъ актовъ, лѣсъ рубили, ронили, чистили, пашни распахивали и посажали, поставляли въ лѣсахъ только починки и деревни. Вездѣ, куда шелъ топоръ, шла коса и соха, естественно, ставились только деревни и села. Въ самыхъ лѣсистыхъ сѣверныхъ областяхъ ставилось почти за разъ починковъ по 300. Лѣсъ давалъ и мѣсто, и строевой матеріалъ, и пашню, и названіе всѣмъ первымъ поселеніямъ: отъ деревьевъ лѣсныхъ поселенія названы были *деревнями*, а поселенцы—*деревенщиками*; многія деревни и села назывались *лѣсками*, *борами* и т. п. Однимъ словомъ, лѣсъ составлялъ первоначальное основаніе всего земскаго строенія. И потому лѣсная, деревенская, земледѣльческая колонизація въ древней Россіи, особенно до XVI вѣка, преобладала надъ полевой, городской, торгово-промышленною колонизаціею. И это было естественно. Когда всѣ умственные и физическія силы народа устремлены были въ лѣса, на борьбу съ лѣсною природою, на самую первоначальную, починочную работу—на расчистку изъ подъ лѣсовъ мѣстъ для поселенія и хлѣбопашества, для «сѣдѣнья и корыленья», — могли ли тогда развиваться гражданскія, индустріальныя способности, понятія и стремленія? И гдѣ, въ этотъ первоначальный, займищный, починочный періодъ культуры и колонизаціи могли развиваться умственные, индустріальныя понятія, потребности и силы, откуда могло развиваться разнообразіе труда и производства, въ какой сферѣ долженъ былъ вращаться живой оборотъ труда и капиталовъ, когда кругомъ синѣлись и чернѣлись лѣса темные, дремучіе, непроходимые, прерываемые только болотами, озерами и рѣ-

ками, — и въ дикой, дремучей глуши этихъ лѣсовъ тутъ-индѣ распаивались починки и деревни на «лѣсѣхъ», и тамъ-индѣ, рѣдкими и раздѣльными, черезполосными дачами виднѣлись среди лѣсовъ такъ называемыя черныя или общинныя и бѣлыя или вотчинныя волости! Въ тѣ архитектурическія, основоположительныя времена, когда русскіе люди, идя на новоселье — на сѣверовосточныя земли и всюду встрѣчаясь только съ лѣсами дремучими и непроходимыми, а подъ лѣсами всюду находя обширныя полосы дѣвственной, непочатой хлѣбородной почвы, естественно, прежде всего должны были позаботиться о пищѣ, о хлѣбѣ насущномъ и о сѣдѣньяхъ или жилищахъ. И вотъ они и заняты были главнымъ образомъ тѣмъ, что завоевывали у лѣсовъ хлѣбородную землю и «мѣста для дворовъ, для починковъ и деревень», распаивали пашни и ставили свои хлѣбныя деревни. И вотъ одна изъ естественныхъ причинъ, почему деревни въ Россіи, какъ и вездѣ въ лѣсистыхъ странахъ, гораздо древнѣе городовъ, и ихъ устроено было несравненно больше, чѣмъ городовъ. На огромныхъ сѣверо-восточныхъ лѣсныхъ пространствахъ не было ни одного города: по словамъ Герберштейна, *propter sylvas, loca acultu sint, nullisque civitatibus frequentata**). Въ XVII в. Олеарій насчитывалъ въ Россіи только 18 большихъ городовъ, а деревень населялъ безчисленное множество. Даже въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ города особенно необходимы были, какъ военно-стратегическія или административно-финансовыя центры, ихъ было весьма мало, сравнительно съ земледѣльческими, деревенскими поселеніями. Напримѣръ, въ вотской пятинѣ, гдѣ по причинѣ частыхъ нападеній шведовъ, а прежде чуди, города необходимы были какъ военно-стратегическіе пункты, было всего только 3 плохихъ города, и тѣ возникли не путемъ торговли и ремесленности, а построены были князьями, между тѣмъ какъ деревень тамъ было до 2,710, и въ нихъ до 6295 дворовъ. Во всей западной Сибири, на протяженіи 83,067,10 кв. м., въ половинѣ XVIII столѣтія, городскихъ жителей считалось только около 4400, и тѣ состояли изъ разночинцевъ, занимавшихся главнымъ образомъ земледѣліемъ; между тѣмъ крестьянъ было около 19,000. Въ XVII вѣкѣ сами сельскіе жители чувствовали недостатокъ городовъ, жаловались, что села ихъ отдалѣли отъ городовъ, и имъ въ зимнюю и лѣтнюю пору для своихъ нуждъ выѣхать для торгу не-

*) Reg. Moscov. p. 77.

куда, «отъ городовъ отдаляли, купить и продать ничего нельзя» *). Да и вообще, города древней Россіи нельзя считать городами въ европейскомъ смыслѣ, т. е. ассоціаціями индустріальной дѣятельности, торговъ промышленнаго и ремесленнаго труда и т. п. Они являлись основой или правительственную — административную и военно-стратегическую, какъ остроги, или большую частію тоже, какъ селѣ, — земледѣльческую. «Кто бывалъ въ отдаленныхъ нашихъ городахъ, — замѣчаетъ Лепехинъ, — тотъ знаетъ, что купецъ вѣстѣ и пахарь» *) . Города стали нѣсколько развиваться у насъ не раньше, какъ послѣ городского положенія Екатерины II. И тогда они, однакожь, не стояли прочно; многіе города были упразднены или сдѣланы заштатными вскорѣ послѣ основанія; а нѣкоторые изъ нихъ, какъ наприимѣръ Соликамскъ, даже чуть не бунтовски отстаивали свой первобытный, земледѣльческій, сельскій типъ. Хотя Екатерина II и создала вновь изъ селъ не одну сотню искусственныхъ городовъ, все-таки численность земледѣльческихъ поселеній преобладала надъ числомъ городовъ, и города на Русской землѣ плохо развивались, потому что земледѣльческія наклонности народа преобладали надъ индустріальною интеллигенціею. «Въ Россіи, писалъ Мордвиновъ, — 18 милліоновъ муж. пола душъ съютъ хлѣбъ, чтобы прокормить 2 или 3 милліона остальныхъ за тѣмъ жителей. Въ Англіи изъ всего народонаселенія $\frac{1}{3}$ упражняется въ сельской работѣ, когда, напротивъ, въ Россіи $\frac{8}{10}$ пахутъ землю, живя въ деревняхъ. Можно не обнуаясь сказать, что Россія отстала отъ прочихъ народовъ въ обогащеніи потому, что предпочитала доселѣ сельскія занятія городской промышленности» ***). И доселѣ городовъ въ Россіи еще весьма мало, и большая часть изъ нихъ еще не отрѣшилась отъ сельскаго земледѣльческаго элемента. Земледѣльческія поселенія слишкомъ преобладаютъ надъ городскими. Сельскихъ поселеній, по статистическимъ таблицамъ за 1856 г., считалось 305,439, а городовъ 678 ****).

Преобладаніе лѣса надъ полемъ, почвъ лѣсныхъ, непочатыхъ надъ почвами расчищенными и воздѣланными обусловило также развитіе

*) А. Э. т. IV, № 95.

**) Дневн. Зап. I, 92.

***) Чтен. М. Общ. Ист. 1860 г. кн. I. отд. V. стр. 29—32.

****) Quetelet, sur l'homme et le developpement de ses facultes 1836. т. II, р. 151. Кольбъ, статист. I, 186. W. Roscher, syst. d. Volkswirth. I, S. 112, 113—114. II, S. 56.

частной земледѣльческой колонизаціи и происхожденіе вотчинныхъ и потомъ крѣпостныхъ, земледѣльческихъ поселеній. Уже въ періодъ лѣсныхъ, охотничьихъ, звѣроловныхъ поселеній, когда славянскіе племена, по словамъ лѣтописи, «жили въ лѣсахъ звѣринскимъ образомъ», — лѣса, развивая звѣроподобную, хищническую и разбойничью жажду добычи, обуславливали вмѣстѣ съ тѣмъ неравенство развитія мышечныхъ и умственныхъ силъ дикихъ лѣсныхъ жителей, въ борьбѣ съ звѣрами и въ хищническихъ набѣгахъ, а отсюда неравенство добычи, достатка средствъ. На переходѣ изъ лѣснаго, звѣроловческаго состоянія къ земледѣльческой колонизаціи, когда лѣса, хлѣбородныя земли подъ лѣсами всѣхъ манили на займища и починки, на роздѣль, расчисть и распашку лѣсовъ, для того, чтобы быть сытымъ, богатымъ и дошовитымъ, — естественно, уже съ самаго начала не всѣ имѣли одинаковыя силы и средства для того, чтобы завоевать у лѣсовъ хлѣбородныя земли. Возникшее еще въ періодъ лѣсной, звѣроловческой жизни естественное неравенство наловленной и награбленной добычи родами предыдущими, старѣйшими, уже имѣло вліяніе и на наследственную зажиточность, а вмѣстѣ съ тѣмъ и вліятельность родовъ послѣдующихъ, «молодшихъ», и, слѣдовательно, на общее неравенство силъ и средствъ. Явились, такимъ образомъ, люди *лучшіе, старѣйшіе, житѣи* или житѣйскіе, т. е. зажиточнѣйшіе и богатѣйшіе, и люди *меньшіе, худшіе, молодшіе*, т. е. бѣднѣйшіе. Богатѣйшіе иначе назывались въ старину *большими* и *сильными*. Такимъ образомъ, естественно, и земледѣльческая борьба съ лѣсами, по равенству силъ и средствъ, должна была быть не равная. Потому-то и владѣнье землею называлось *силою* и *носильемъ*, опредѣлялось и ограничивалось только мѣрою силъ, трудовъ и средствъ поселенцевъ, почему и говорилось и писалось: «куда топоръ, коса и соха ходили, или сколько силы было», т. е. сколь далеко хватали средства и труды владѣльцевъ, займовщиковъ земель, дотолѣ простиралось и поземельное владѣніе; — *носилье*; за чертою труда, за мѣрою силъ прекращалось владѣніе, займище и поселеніе. Неравенство силъ и средствъ, какія требовались для борьбы съ лѣсною природою, для завоеванія у лѣсовъ хлѣбородныхъ земель, тѣмъ больше и ощутительнѣе являлось, чѣмъ дальше и глубже забиралась колонизація и культура въ сѣверо-восточныя лѣса, чѣмъ больше требовалось со стороны поселенцевъ энергіи, силъ, средствъ и рабочихъ рукъ для расчистки лѣ-

совъ подъ пашни и деревни. Кто имѣлъ силы и средства большія, капиталъ для найма рабочихъ рукъ, рабочихъ силъ, лишнія земледѣльческія орудія — топоры, косы, сохи и т. п., — тѣ, естественно, больше захватывали лѣсовъ и разчищали ихъ подъ пашни и дворы или деревни. Лѣса и земли, особенно въ русскомъ климатѣ и при первобытномъ состояніи русскаго общества, представляли сырой, бесплодный матеріалъ, не могущій прокормить своего владѣльца, если онъ не употребитъ на нихъ своего труда и капитала. Дикій лѣсъ, дикую землю, какіе первоначально были сплошь и рядомъ, прежде всего нужно было разчистить, а потомъ воздѣлать и засеять, чтобы она дала хлѣбъ; а для воздѣланія нужны рабочей скоть, «животина страдающая» и орудія, а для засѣянія готовые сѣмена, и сверхъ того нужно имѣть готовый хлѣбъ, которымъ бы кормиться, пока земля принесетъ свой плодъ, и готовую избу, дворъ, или по крайней мѣрѣ подмогу для постройки новой избы, либо для покупки на торгу готоваго избнаго сруба и для заведенія первоначальнаго домашняго обихода. А всего этого бѣдные люди, очевидно, не могли приобрѣсти, не имѣвши скопленнаго капитала. Въ тѣ времена крайней экономической неразвитости и бѣдности *), при неразвитости даже кузнечнаго искусства, — тысячи бѣдныхъ людей не имѣли и не могли завести даже топора, косы, и сохи **), чтобы срубить лѣсъ, расчистить и распахать пашни и срубить избу, и та-

*) Чтобы судить, до какой степени бѣдны были многіе русскіе люди, изъ за какихъ ничтожныхъ денегъ забавляли свои рабочія силы на службу и работу при дворахъ зажиточныхъ и сильныхъ людей «по своей животъ», см. дѣла о запискѣ въ кабалу. Акты, относ. до юрид. б., изд. Камачевымъ, № 93, стр. 594—602.

**) Юрій Крижаничъ писалъ о недостаткѣ земледѣльческихъ орудій даже въ XVII вѣкѣ: «Наши люди, якоже во многихъ иныхъ промыслѣхъ, разумомъ недалеко досагаютъ, такъ и въ земли тетанію (въ земледѣліи) многу скудость разума и лѣность за неработливость свою сказуютъ. Темаки бо наши посудія и орудія или нѣмають съ потребу, или нечисто, тупо, некорыстно, нестройно, непригодно оно имѣють. Державники (воеводы) уздавы или областные наместники да держатъ всякое орудіе на продажу, и да продають его кметамъ безъ прибыли, по указной цѣнѣ, вѣрно и по вѣсу, т. е. ножи, серпы, косы, мотыки (лопаты), заступы, рапа, топоры, млаты, клещи, оскорды (сережки), скобли, трезубы, зубачи, вилы» и проч.. Далѣе Юрій Крижаничъ подробно говоритъ о томъ, какъ недостатокъ и несовершенство земледѣльческихъ орудій отнимало у нашихъ крестьянъ и время, и возможность выгодныхъ работъ, и проч. См. раздѣлъ III, стр. 50 и слѣд.

нимъ образомъ самостоятельно завести починокъ или поселе въ лѣсу, на нови. И вотъ, не имѣя рѣшительно никакой возможности справиться съ лѣсомъ, для того, чтобы распаханни пашню, добывать свой хлѣбъ насущный, и обстроиться своимъ дворомъ, — бѣдняки волей неволей должны садиться на чужой землѣ, «поряжаться во крестьяне» къ богатымъ собственникамъ-землевладѣльцамъ, для того, чтобы имѣть готовый дворъ, избу, рабочій скотъ и даже денежную подмогу или ссуду *). А на этомъ и основалась земледѣльческая, вотчинная колонизація, создавшая впоследствии обширныя, крѣпостныя, земледѣльческія поселенія. Богатые люди, землевладѣльцы-собственники, князья, бояре, дѣти боярскіе, владыки, игумены, имѣя всѣ средства и силы, земледѣльческія орудія, рабочій скотъ, капиталы, — вдоволь занимали огромныя лѣсныя пространства кому сколько было угодно и возможно; а бѣдные, вольные, охочіе люди, не имѣвшіе ни топора, ни косы, ни сохи, ни кола, ни двора, ни рабочаго скота, невольно шли къ нимъ на эти лѣсныя пространства, получали орудія, деньги на заведеніе скота и проч., и устроились на ихъ отводныхъ лѣсныхъ земляхъ или дачахъ дворами въ вотчинныя, землевладѣльческія деревни. Поряжаясь во крестьяне и получая вспомогательныя средства, бѣдные вольные охочіе люди обязывались: 1) срубить лѣсъ, расчистить мѣсто для поселья, поставить дворъ съ городьбою и хоромамъ, или починить старыя дворы и хоромы, какихъ у богатыхъ землевладѣльцевъ бывали настроены или наготовлены цѣлыя деревни, срубить избу, клѣть, хлѣвъ и сѣнникъ, мшанникъ, гумно, мыльню или баню; 2) расчистить изъподъ лѣсу и распахать пашню, пожни или покосы очистить, луга и огороды огородить и *земли впустъ не оставлять*, т. е. должны ее засѣять и засадить; 3) до срока нигуда на другую рощищу или землю не сходить, ни въ *Княщину*, за князя, ни въ *боярщину*, за боярина, ни въ *монастырщину*, на земли монастырскія,

*) См. „Порядныя во крестьянство“ въ Ак. Юр. и въ Акт. относ. до Юридик. быта: ихъ много. Для образца здѣсь мы приведемъ одну: „Се азъ Иванъ Кондратьевъ сынъ Большаковъ въ нынѣшнемъ 199 году, Декабря въ 5 день, далъ я на себя сію ссудную запись стольнику Ивану Григорьевичу Черонову, а взялъ я у него на ссуду денегъ десять рублей, и на тѣ ссудныя деньги мнѣ Ивану завезть лошади, и коровы, и овцы, и свиньи, и всякой крестьянскоя заводъ, и съ тѣмъ крестьянскимъ заводомъ жить мнѣ Ивану, за нимъ государемъ своимъ Ив. Григорьевичемъ во крестьянствѣ, гдѣ оный государь мой укажетъ“, и проч. А. относ. до Юрид. б. № 94.

и нигуда *неотыматься*, ни въ казачество, ни въ стрѣлчество, и, вообще, до срока быть *крѣпкимъ владѣльцу* и быть у него въ послушаніи. Такимъ образомъ быстро расчищались лѣса, разрабатывались пашни и обстроивались села и деревни землевладѣльческія, вотчинныя, помѣстныя. И когда, въ главныхъ частяхъ, кончилась починочная вырубка лѣсовъ и основоположительная, архитектурная постройка землевладѣльческихъ селъ и деревень,— тогда кончилась и *вольнымъ воля*, и богатырскому, землеустроительному крестьянству, за его вѣковую *страдающую работу*, воздано было крѣпостнымъ правомъ, и грустно увѣковѣчилась поговорка: *возь тебѣ бабушка и юрьевъ день!*

А. Щаповъ.

(Продолженіе будетъ.)

ДВА ПОКОЛѢНІЯ.

РОМАНЪ ШПИЛЬГАГЕНА.

I.

— Чортъ тебя побери, проклятое животное! Сто разъ тебѣ говорить надо, чтобъ меня не будить когда я сплю!

— Я было думалъ, ваше превосходительство..

— Сколько разъ я тебѣ говорилъ, чтобы ты не смѣлъ думать, что это мое дѣло? Съ чѣмъ ты тамъ еще ко мнѣ лѣзешь?

— Съ письмомъ, отвѣчалъ довольно грубо слуга и поставилъ подносъ съ письмомъ на столикъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ кресла, въ которомъ сидѣлъ генералъ, а самъ повернулся спиною, чтобы уйтди.

— Да что ты, болванъ, никакъ совсѣмъ рехнулся, закричалъ старикъ и на высокомъ обнаженномъ челѣ его выступила алая краска гнѣва.—Руки, что ли, у тебя отвалятся подать письмо сюда, къ моему креслу?

— Чтобъ ваше превосходительство, опять меня отподчивали палкой по ногамъ? У меня еще и послѣ вчерашняго дня кости болятъ,—пробормоталъ слуга и, не оглядываясь, поспѣшилъ убраться изъ комнаты.

Не успѣлъ онъ затворить за собою дверь, какъ что-то тяжелое загремѣло ему вслѣдъ. То была скамейка, на которой покоились ноги подагрика-генерала, пущенная старикомъ съ такою силою и ловкостью, какой нельзя было и ожидать отъ дряхлаго инвалда; скамейка однако не попала въ голову неподатливаго слуги и ударилась о дверной косякъ, а генералъ, раздраженный этимъ промахомъ, разразился страшнымъ гра-

домъ ругательствъ и проклятій. Маленькіе, черные глаза его засверкали какъ молніи изъ подъ косматыхъ, судорожно прыгавшихъ бровей, сінія жилы на вискахъ надулись и въ эту минуту его можно было принять за бѣснующагося маніака, которому еще не успѣли надѣть сѹмасшедшую рубашку.

Но въ эту самую минуту отворилась дверь и въ комнату вошла быстрыми шагами толстая, приземистая женщина; она направилась къ единственному изъ четырехъ оконъ, которое оставалось незавѣшеннымъ, спустила на немъ стору и, когда въ комнатѣ распространился зеленый полумракъ, подошла къ генералу, все еще продолжавшему бѣсноваться, остановилась противъ него, подбоченясь обѣими руками и закричала, приподымая лѣвою ногою:

— Это что такое? Это что такое? Да будетъ ли этому конецъ? Или вы намѣрены цѣлый день бѣсноваться!

Появленіе этой женщины, повидимому, только усилило бѣшенство генерала. Можно было подумать, что злобный взглядъ ея острыхъ, зеленыхъ глазъ разбудилъ всѣхъ дремавшихъ въ немъ чертей. Онъ ухватился длинными, худыми пальцами за ручки кресла, затрясъ ихъ подобно хищному звѣрю, спящемуся проломить желѣзныя перегородки своей кѣтки и издавалъ какіе-то раздрающіе, визгливые звуки, изъ которыхъ только и можно было понять слова: «вѣдьма, сатана, змѣя подкозодная!»

— Цыцъ, цыцъ, сейчасть замолчать! крикнула его собесѣдница и въ ту самую минуту, какъ старикъ замахнулся на нее тяжелымъ костылемъ, стоявшимъ возлѣ самага его кресла, она однимъ прыжкомъ очутилась позади старика, схватила его за черный шелковый галстугъ военнаго покроя, который и безъ того уже довольно туго обхватывалъ непомятно длинную и сухую шею и рванула за него съ такою силою, что у сердитаго старика глаза чуть не выскочили изъ лба и онъ простоналъ задыхающимся голосомъ:

— Пусти же, Бригита, пусти!

— Образумитесь вы, или нѣтъ? продолжала та, скручивая галстугъ еще крѣпче.

— Да, да, клянусь тебѣ именемъ всѣхъ чертей, промывалъ старикъ.

Бригита выпустила галстугъ изъ рукъ, и обезсилѣвшій ста-

рякъ опустился въ кресло. Взрывъ гнѣва миновался и дряблые, изсохшіе мускулы, да блѣдное, осунувшееся, морщинистое лицо показывали, что генераль доставляетъ себѣ удовольствіе приходить въ бѣшенство и колотить прислугу не иначе, какъ въ ущербъ послѣднимъ остаткамъ своей физической силы, которая и безъ того была почти вся измытана имъ въ теченіи долгой, безпутной жизни.

Сцены, подобныя вышеописанной, не разъ повторялись въ продолженіе тѣхъ двадцати лѣтъ, въ которыя госпожа Бригита Гимальгансъ, жена чудака школьнаго учителя, проживавшаго въ деревнѣ, держала въ рукахъ своихъ бразды правленія въ замкѣ; но никогда еще онѣ не были такъ часты, какъ въ послѣднее время, когда лѣта и подагра ужь слишкомъ стали одолевать генерала. Никто, кромѣ Бригиты, не обладалъ искусствомъ укрощать бѣсновавшагося старика. Люди суевѣрные утверждали, что въ этомъ помогаетъ ей самъ нечистый, которому она давно запродала свою душу. Другіе, менѣе склонные къ вѣрѣ въ чудеса, были того мнѣнія, что тутъ дѣло обходится безъ всякаго виѣшательства печистой силы, и что всякій, у кого достало бы смѣлости поколотить генерала, какъ колачивала его по ночамъ или при опущенныхъ сторахъ и закрытыхъ дверяхъ, Бригита, — могъ бы точно такъ же съ нимъ справиться. Но ни тѣ, ни другіе не знали настоящей причины, заставлявшей властолюбиваго и крутаго генерала сносить такую тиранію.

— А ужь висѣть тебѣ рано или поздно на висѣлицѣ за смертоубійство, проговорилъ старикъ послѣ паузы, во время которой онъ понемногу приходилъ въ себя, между тѣмъ какъ Бригита, какъ ни въ чемъ не бывало, поднимала шторы, отворяла балконную дверь, черезъ которую проникли въ комнату свѣтъ и тепло весенняго вечера, и ставила на прежнее мѣсто скамейку, валявшуюся до сихъ поръ у двери. — Помяни мое слово, не миновать тебѣ висѣлицы.

— Еще не извѣстно кто изъ насъ прежде попадетъ на висѣлицу. Или вы думаете, что кое-чья могила давно ужь поросла гравюю, такъ и слѣда не отыщутъ? проговорила Бригита съ невозмутимымъ спокойствіемъ, ловко и заботливо

укутывая фланелью ноги старика и укладывая ихъ на скамейку.

— Полно, полно, Бригитушка, заговорилъ старикъ, теребя ее за чепецъ и ослабляясь; при чемъ его безобразное лице становилось еще безобразнѣе.— Ты у меня баба умная и будешь держать языкъ за зубами; а я тебя не забуду въ своемъ завѣщаніи.

— Не повѣрю я вамъ, пока своими глазами не увижу завѣщанія, отвѣчала экономка, вставая и поправляя свой чепецъ.— Вотъ ужъ десять лѣтъ какъ ваше превосходительство, что ни день, то собираетесь писать завѣщаніе. Отчего вы его не напишете?

— А оттого, Бригитушка, что я до сихъ поръ еще не придумалъ, какъ бы это мнѣ его написать, чтобы насолить всѣмъ моимъ дражайшимъ родственникамъ, всѣмъ понимаешь ли, всѣмъ безъ изъятія, да хорошенько насолить.

— Откажете все мнѣ, вотъ вы имъ и насолите, да еще какъ! сухо проговорила Бригита.

Отвѣтъ этотъ показался старику до того забавнымъ, что онъ залился дребезжащимъ хохотомъ, который перешелъ въ сильный припадокъ кашля, чуть не задушившій его. Чтобы помочь ему, Бригита принялась колотить его кулакомъ по спинѣ.

— Нечего смѣяться, ворчала она, я совсѣмъ не шутя говорю.

Но слова эти вызвали у генерала только новый взрывъ хохота, окончившійся новымъ припадкомъ кашля. Тогда Бригита схватила его за воротникъ бархатнаго жилета и, тряся его изо всѣхъ силъ, закричала:

— Опять! опять! Да будетъ ли нынѣ всему этому конецъ?

Старику пора было, повидимому, угомониться; онъ откашлянулся раза два и проговорилъ съ занскивающимъ видомъ:

— Молодецъ ты у меня баба, Бригитушка, молодецъ, какъ есть! Останешься ты мною довольна: твой страшнѣйшій генералъ тебя не обидитъ. На дняхъ же составлю свое завѣщаніе; вотъ тебѣ слово честнаго дворянина, что составлю.

— Слава тебѣ Господи, пора! отвѣчала Бригита; вѣдь вамъ завтра, сами знаете, семьдесятъ пять лѣтъ исполнится.

— Правда твоя, правда, Бригитушка, завтра мнѣ испол-

нится семьдесятъ пять лѣтъ. А вѣдь почтенная старость, не такъ ли? «Пошли тебѣ Господи, еще много такихъ дней» скажутъ мнѣ завтра мои любезные родичи, а сами будутъ думать про себя: «да скоро ли тебя, стараго хрыча, карачунъ хватить?» Все ли ты приготовила, Бригита, для приѣма дорогихъ гостей?

— Все, — лаконически отвѣчала Бригита, сядя съ своею работою къ столу, напротивъ генерала.

— Спальни, конечно, были закупорены, какъ слѣдуетъ, чтобы воздухъ былъ въ нихъ затхлый?

Бригита утвердительно кивнула головой.

— Ты позаботилась, чтобы постельное бѣлье было хорошенько пропитано сыростью?

— Еще бы!

— А новаго на этотъ разъ ничего не выдумала? Вѣдь ты, кажись, всегда отличалась находчивостью когда нужно было позлить монхъ дражайшихъ родичей.

— Полковницкіе будутъ почевать какъ разъ надъ самой псарней.

— Отлично, отлично! прошипѣлъ генералъ. Авось либо во всю ночь глазъ не сомкнуть. И какъ это будетъ здорово для нервовъ Зельмы. Ну, а еще что?

— Президентскимъ я отвела подъ спальню зеленую комнату.

— И это превосходно. То-то будутъ бояться отравленія мышьякомъ! Чай съ одного страха переколѣютъ.

Странное зрѣлище представляла эта чета во все продолженіе описаннаго разговора. Съ злобною радостью перемгивались они между собою; густые, сѣдые, какъ лунь, усы генерала и его бѣлыя брови судорожно подпрыгивали, костлявые пальцы весело барабанили по одѣялу, а въ тактъ имъ позвякивали вязальныя спицы Бригиты.

— Такъ какъ же, Артуръ-то приѣдетъ, что ли, съ семействомъ? спросила она, помолчавъ.

— Ахъ, чортъ побери! Совсѣмъ было забылъ, воскликнулъ генералъ. Вѣдь Килянъ принесъ мнѣ недавно письмо. Куда только онъ его положилъ, мерзавецъ! Туда же, начинаеть зазнаваться, проклятое животное! Съ той поры какъ въ столицѣ на ихней улицѣ праздникъ насталъ, эта сволочь во-

ображаетъ что и здѣсь можетъ мнѣ на носъ садиться. Только я поубавлю вамъ прыти, голубчики, поубавлю!

— Вотъ оно, прервала его Бригита, усѣвшая между тѣмъ отыскать письмо. Мнѣ, что ли, вамъ его прочесть?

— Прочитай, Бригитушка, прочитай; только прежде принеси-ко мнѣ трубку, знаешь старую, пеньковую.

Бригита отправилась исполнить это порученіе. Генералъ проводилъ ее глазами, и, какъ только захлопнулась за нею дверь, сдѣлалъ презрительную гримасу и, грозясь кулакомъ, проговорилъ:—всѣ то вы, какъ я погляжу, дурачье!

Потомъ онъ схватилъ письмо и, держа его отъ себя на почтительномъ разстояніи, такъ какъ очки свои онъ забылъ въ другой комнатѣ, прочиталъ по складамъ: «Его Превосходительству, фонъ Гогенштейну въ Рейнфельденѣ.»

— Любопытно было бы знать, что онъ мнѣ пишетъ, пробормоталъ генералъ, вертя письмо въ рукахъ. Съ него станется, что откажетъ; вотъ досадно то будетъ! Воображаю себѣ, что за потѣшныя рожи скорчатъ остальные, встрѣтивъ здѣсь любезнаго брата, котораго считаютъ совершенно исключеннымъ изъ наслѣдства. Предосадно будетъ, если не удастся. Гдѣ же, однако запропастилась эта чортова баба... а! вернулась. Бригитушка! подай-ко мнѣ сюда трубку!.. ладно! Ну, а теперь читай; послушаю, что то пишетъ повѣса.

Бригита распечатала письмо и начала читать однозвучнымъ голосомъ, запинаясь тоже на каждомъ словѣ.

«Дражайшій, глубокоуважаемый дядюшка!»

— Ну да, конечно, презрительно усмѣхнулся генералъ.

«Не нахожу словъ, чтобы выразить вамъ мою и моей бѣдной жены радость по случаю вашего, да будетъ мнѣ позволено сказать, неожиданнаго приглашенія, которымъ вы сооблаговостили почтить насъ въ столь милостивыхъ выраженіяхъ. Человѣку, мало избалованному жизнью, дорого каждое выраженіе участія; когда же оно является со стороны столь многоуважаемаго родственника»...

— Чувствительно благодарень, проговорилъ генералъ, пускающая густой клубъ дыму.

«Оно получаетъ двойную цѣнность. Въ особенности же лестно для меня то, что вы изволили вызвать меня именно

къ завтрашнему дню, который искони собиралъ всѣхъ членовъ нашего семейства подъ вашею гостепріимною кровлею»

— Хи, хи, хи, засмѣялся генераль.

«И который въ былыя времена и я постоянно проводилъ, въ столь любезномъ моему сердцу, Рейнфельденѣ, пока обстоятельства, къ величайшему моему прискорбію, не разлучили меня съ моими родственниками!»

— Проклятые лицемѣры, пробормоталъ генераль.

«Но пришло время кончиться этому отчужденію. Когда почтенный глава семейства на моей сторонѣ, другіе члены семейства не посмѣютъ отказаться принять меня въ свою среду. Еще разъ, дражайшій дядюшка, примите отъ меня, я хочу сказать отъ насъ, глубочайшее спасибо. Отъ всего сердца желаю, чтобы завтрашній день засталъ васъ въ телѣсномъ и душевномъ здравіи, чтобы...»

— И прочая, и прочая, перебилъ генераль. Довольно Бригита; остальную чепуху можешь и не читать.

— Тутъ есть еще какая-то приписка, замѣтила Бригита. «Съ вашего позволенія мы приѣдемъ завтра послѣ обѣда, такъ какъ моя бѣдная жена не сноситъ рѣзкаго, утренняго воздуха, да и сынъ нашъ, Вольфгангъ, которому я сегодня же послѣшилъ сообщить радостное извѣстіе, прибудетъ не ранѣе, какъ завтра утромъ изъ университета, чтобы вмѣстѣ съ нами отправиться засвидѣтельствовать свое почтеніе благодѣтелю, дѣдушкѣ, въ первый но, надѣмся, не въ послѣдній разъ».

— Вотъ какъ! воскликнулъ генераль. Мальчишку-то я и не думалъ звать; ну, да ладно! это мнѣ на руку.

И генераль снова залился хохотомъ. Экономка, между тѣмъ, сидѣла молча и вязала. Все плотнѣе и плотнѣе сжимались ея тонкія губы и все дѣятельнѣе ходили въ рукахъ ея вязальныя спицы съ какимъ-то зловѣщимъ позвякиваньемъ.

— А не дѣло вы затѣваете, выписывая къ себѣ этого штатрата съ семьей, заговорила она вдругъ.

— Почему же, Бригитушка, не дѣло? Вѣдь тѣхъ это не прѣмѣнно взбѣситъ, а мнѣ только это и нужно.

— На что вамъ еще эта орава? Мало къ вамъ, что-ли, и безъ нихъ лѣзетъ всякихъ попрошайекъ? А отъ этихъ вы такъ дешево не отдѣлаегесь. Долги-то у нихъ у всѣхъ есть, толь-

ко про тѣхъ никто этого не знаетъ кромѣ кредиторовъ, а про Артура цѣлому свѣту извѣстно, что онъ въ долгу какъ въ шелку. Ужъ если вы имъ позволите сюда ѣздить, то вы должны будете что нибудь для нихъ сдѣлать. Только я вамъ напередъ говорю: не хочу я, чтобы они сюда таскались; съ тѣхъ поръ, какъ я живу здѣсь, нога ихъ еще не переступала черезъ порогъ замка; только сунься они сюда, ужъ я имъ славный пріемъ приготовлю; небось, въ другой разъ не пріѣдутъ.

— Ну нѣтъ, этого ты не сдѣлаешь, проговорилъ генераль отрывисто и рѣзко.

Бригита подняла глаза и взгляды ихъ встрѣтились. Мудрено было бы рѣшить, чей взглядъ выражалъ болѣе злобы въ эту минуту. Нѣсколько времени смотрѣли они другъ на друга молча, подобно двумъ звѣрямъ, запертымъ въ одну клѣтку; первая спустила глаза Бригита.

— Дѣлайте, какъ знаете, проговорила она.

— Это само собою разумѣется, отвѣчалъ старикъ. А ты потрудишься приготовить для Артура и его семейства приличную комнату, именно, красную комнату, которая выходитъ въ садъ; и чтобы у нихъ ни въ чемъ не было недостатка, слышашь-ли? А теперь, дурочка, будешь тебѣ дуться. Подойди-ко сюда, да поцѣлуй своего стараго генерала. Ну, живо же!

— Ужъ не позвать ли мнѣ лучше для этого Марью кухарку? отвѣчала Бригита обиженнымъ тономъ.

— Ишь ты, старая! вѣдьма опять ревновать вздумала! Говорить тебѣ, подойди сюда, не то...

Экономка поднялась съ своего мѣста и подошла къ старикъ, который обхватилъ своими длинными костлявыми руками ея, далеко уже, не стройную талію, привлекъ ее къ себѣ на колѣни и прижался щетинистою бородою къ ея тонкимъ губамъ.

Въ эту минуту въ отворенную балконную дверь вошелъ странный посѣтитель. То былъ мужчина лѣтъ пятидесяти, хотя по гладко выбритому и дѣтски наивному лицу, казался гораздо моложе. На плотно выстриженной головѣ его, съ далско расходявшимися ушами, была надвинута по самыя уши старая, суковная фуражка съ огромнымъ, раскологымъ кожанымъ козырькомъ. Тощая, верхняя часть его туловища была прикрыта лоснившимся фраккомъ, сомнительно чернаго цвѣта съ остро-

конечными фалдами; и одна изъ этихъ фалдъ какъ-то очутилась въ карманѣ полинялыхъ, нанковыхъ штановъ, будучи, вѣроятно, засунута туда по ошибкѣ своимъ владѣльцемъ, принявшимъ ее за носовой платокъ. На ногахъ у него были неуклюжіе сапоги, которые, если только величина ногъ этого субъекта соответствовала его маленькимъ и тонкимъ рукамъ, были для него слишкомъ велики, что и объясняло его медленную походку и шарканье на ходу. Въ рукахъ у него былъ большой горшокъ, который онъ крѣпко держалъ обѣими руками, а, вмѣсто крышки, на горшкѣ лежала открытая книга. Незнакомецъ, какъ видно, до того погрузился въ чтеніе этой книги, что и не замѣтилъ, какъ вмѣсто кухни, куда онъ шелъ себѣ за обѣдомъ, вошелъ въ балконную дверь и очутился въ залѣ, куда онъ сознательно ни за какія деньги не желалъ бы войти.

Онъ успѣлъ такимъ образомъ пройти нѣсколько шаговъ, прежде чѣмъ влюбленная чета замѣтила его присутствіе. Испуганная Бригита поспѣшила вырваться изъ объятій своего возлюбленнаго, и тутъ только школьный учитель поднялъ свои большіе, темно-голубые глаза, въ которыхъ какъ будто еще отражался кроткій свѣтъ Жанъ-Полевской идилліи, только что прочитанной имъ. Зрѣлище, открывшееся передъ его глазами, такъ мало имѣло общаго съ тѣмъ міромъ фантазій, въ которомъ виталъ его духъ, что онъ простоялъ нѣсколько минутъ въ недоумѣніи, дѣйствительность ли это или непріятная игра воображенія? Только грубый голосъ генерала заставилъ его придти въ себя.

— Эй, ты, голова съ мозгомъ! Никакъ ты и совѣмъ ужъ съ ума спятилъ? окликнулъ его генералъ. Школьный учитель вздрогнулъ; но еще сильнѣе вздрогнулъ онъ, когда горшокъ про который онъ совѣмъ было забылъ, хватаясь за фуражку, упалъ на паркетный полъ и разбился въ дребезги. Торопливо нагнулся онъ, чтобы освидѣтельствовать новое несчастье своими близорукими глазами и, желая скрыть свое смущеніе, принялся подбирать съ полу черепки и листки своей любимой книги.

— Ха, ха, ха! загоготалъ генералъ.—Ванюшка-дурачекъ совѣмъ съ ума спятилъ; не умѣетъ отличить колокольню отъ зубчистки. Помогите же вашему милому супругу, госпожа

Бригита! Покажите себя госпожа Бригита, доброю женою! Хв, ха, ха!

Увеселительное зрѣлище чужой бѣды до того живительно подѣйствовало на генерала, что онъ самъ, безъ посторонней помощи, поднялся съ своего кресла, и, потѣшившись нѣсколько минутъ надъ смущеніемъ школьнаго учителя и злобою Бригиты, удалился, шаркая войлоковыми сапогами, во внутренніе покои.

Удаленіе его заставило школьнаго учителя еще болѣе поторопиться своимъ уходомъ. Изъ всѣхъ критическихъ положеній, ни одно такъ не пугало его какъ tête-à-tête съ той женщиной, которая въ эту минуту стояла передъ нимъ, упершись руками въ бока, и злобно сверкая на него глазами. Но, противъ его ожиданія, дѣло обошлось на этотъ разъ безъ обычнаго потока ругательствъ. Презрѣніе, которое внушилъ экономкѣ несчастный человѣкъ, когда-то давшій ей свое честное имя, пересланило на этотъ разъ самый гнѣвъ ея.

— Ты кстати попался мнѣ нынче на глаза, проговорила она. Завтра къ намъ будутъ гости, и я не хочу, чтобы ты совался сюда съ своей дурацкой рожей; а то, пожалуй, какъ прошлый разъ, я буду поставлена въ самое неловкое положеніе. Сиди себѣ дома, я буду присылать тебѣ обѣдъ въ деревню. А теперь, убирайся-ко съ богомъ. Что ты уставишь на меня свои дурацкіе буркулы?

Бальтазаръ хотѣлъ было спросить за что же сегодня ему оставаться безъ обѣда? но побоялся; дѣло въ томъ, что съ утра онъ былъ весь погруженъ въ свою книгу, ему было не до пищи и не до питья; только подъ вечеръ, побуждаемый смутнымъ сознаниемъ, что ему хочется ѣсть, рѣшился онъ оставить свою келью. Недавнее ощущеніе страха только усилило его аппетитъ, но у него не достало духу высказать свое желаніе. Подобравъ послѣдніе черепки и сунувъ книгу себѣ подъ мышку, онъ вышелъ, бормоча какія-то безсвязныя слова, въ ту же самую дрѣрь, въ которую вошелъ.

Бригита слѣдила за нимъ въ открытое окно. Она очень хорошо знала, что бѣднякъ въ эту ночь ляжетъ спать съ пустымъ желудкомъ, но ей почему-то не пришло въ голову крикнуть ему, чтобы онъ ворогился и спросилъ себѣ на кухнѣ чегонибудь поѣсть.

— Эхъ, кабы вы съ старикомъ поколѣли, проговорила она. Я бы готова была имъ мышьяку подсыпать, кабы изъ этого толкъ какой вышелъ. Старикъ день ото дня становится злѣе и скупѣе. Съ нимъ станется, что онъ все свое имѣніе откажетъ пасторамъ. Ну, да попробуй онъ только удрать такую штуку. Напрасно онъ думаетъ, что если Ансельмъ въ могилѣ, такъ и всѣ концы схоронены въ воду. И что это ему вздумалось зазывать къ себѣ этихъ лизоблюдовъ, которыхъ двадцать лѣтъ не пускалъ къ себѣ на глаза? Вонъ письмо еще тутъ валяется.

И Бригита, присѣвъ на низенькую скамейку генерала, принялась снова съ зловѣщимъ вниманіемъ перечитывать письмо, вдумываясь въ каждое выраженіе и соображая возможныя послѣдствія этого свиданія между генераломъ и его третьимъ племянникомъ. При этомъ ея раздумье походило на раздумье паука, который угрюмо и гнѣвно, но въ тоже время осматривательно и тщательно задѣлываетъ дыру, которую проходящій шалунъ-мальчишка прорвалъ въ его паутинѣ.

II

Слѣдующій день было воскресенье. Погода стояла теплая и сухая, какъ она простояла почти всю весну тысяча восемьсотъ сорокъ восьмага года. Съ голубаго, безоблачнаго неба, привѣтливо глядѣло солнце на широкую, плодородную равнину, на которой великолѣпная рѣка извивалась величавыми изгибами. Надъ засѣянными полями взвивались жаворонки; въ частѣ запущеннаго рейнфельденскаго парка переключались соловьи.

На одной изъ дорожекъ этого парка, прогуливалась президентша Клотильда фонъ-Гогенштейнъ съ своими двумя дочерьми, Аврелією и Камиллою. Уже прошелъ цѣлый часъ, какъ эти дамы пріѣхали изъ города: президентъ поторопился отправкой жены и дочерей, чтобы онѣ первыя явились къ старому генералу съ поздравленіями и букетами.

Но увы! прелестные букеты до сихъ поръ еще не могли быть вручены по принадлежности; они все еще лежали на

каменныхъ плитахъ садоваго стола и нѣжные лепестки ихъ принимали такой же печальный видъ, какъ и лица ихъ обладагельницъ. Да и было съ чего запечалиться. Разъ пятьдесятъ успѣли наши дамы пройтись взадъ и впередъ по дорожкѣ, не спуская глазъ съ оконъ генеральской спальни. Въ началѣ ихъ прогулки, вся эта часть замка была еще въ тѣни; но съ тѣхъ поръ солнце уже успѣло перемѣнить мѣсто и весь фасадъ былъ облитъ его золотистымъ свѣтомъ. А голубыя сторы спальни все еще не подымались! Въ прежніе годы дамы являлись въ этотъ день съ обычными поздравленіями около полудня, но генераль каждый разъ встрѣчалъ ихъ съ ворчаніемъ на то, что долгонько онѣ изволятъ нѣжиться въ постелѣ и даже для старика не могутъ пораньше разстаться съ своими перинами. Ну вотъ, онѣ на этотъ разъ и думали ему угодить; а между тѣмъ ихъ заставляли дожидаться. Никто не вышелъ къ нимъ на встѣчу, когда онѣ пріѣхали въ замокъ... даже *madame* не показывалась. Съ добрую четверть часа прождали онѣ у подъѣзда, прежде чѣмъ къ нимъ вышелъ старый, грубый слуга, знакомый читателю Киліанъ, и объявилъ, что ихъ превосходительство изволятъ почивать, и *madame* тоже еще не вставали, и онъ не знаетъ прикажетъли барыня отпрягать лошадей?—Никогда, правда и въ прежнія времена не видала президентша особеннаго гостепрѣимства въ Рейфельденѣ, но такого пріема она еще ни разу не встрѣчала.

Президентша фонъ-Гогенштейнъ была видная дама, лѣтъ сорока съ небольшимъ. Сослуживцы ея мужа, тайные и разные другіе совѣтники, знававшіе ее въ столицѣ еще подъ именемъ фрейлейнъ фонъ-Сликъ, вспоминали съ восторгомъ о красотѣ Клотильды, о ея граціи въ танцахъ, и о томъ, какъ она умѣла плѣнять своихъ танцоровъ веселою, игривою рѣчью.

Но съ тѣхъ поръ уже прошло двадцать лѣтъ. Клотильда за это время успѣла потолстѣть и сдѣлаться сентиментальной, черты ея лица, никогда не отличавшіяся правильностью, вслѣдствіе празднаго, изнѣженнаго образа жизни, разползлись въ ширь, и только черные волосы, сохранившіе свой прежній лоскъ и густоту, да темные глаза, все еще дышавшіе прежнею нѣгой, напоминали ея поклонникамъ Клотильду прежнихъ дней, царницу столичныхъ баловъ.

Тѣ же авторитеты утверждали, что старшая изъ двухъ дочерей Клотильды болѣе походить на мать. И точно, если чувственность была отличительною чертою въ наружности матери, то таже черта очень рѣзко выступала во всей особѣ девятнадцатилѣтней Аврелии. Чувственностью дышали ея небольшіе, но блестящіе, каріе глаза, ея нѣсколько полныя, румяныя губы, круглыя формы ея шеи, затылка и груди.

Но, какъ бы то ни было, Аврелию много, много, что можно было назвать хорошенькою. За то ея меньшая сестра, семнадцатилѣтняя Камилла, была въ полномъ смыслѣ слова красавица. Она была на цѣлую полголовы выше сестры и на столько же ниже своей, слишкомъ высокой, матери. Стройный, дѣвственный станъ ея представлялъ ту степень развитія, которая къ полному расцвѣтанію женской красоты относится, какъ цвѣтокъ къ плоду. Зватоки еще болѣе восхищались въ ея прелестной головкѣ контрастомъ между свѣтлымъ цвѣтомъ ея мягкихъ волосъ и чернотою тонкихъ бровей и длинныхъ шелковыхъ рѣсницъ, полускрывавшихъ влажный, темный глазъ.

— Однако, я устала, дѣти, проговорила президентша, опускаясь на скамейку возлѣ полуразрушеннаго стола, и печально поглядывая на завядшіе цвѣты. Вы тоже, я думаю?

— Нѣтъ, пока еще ничего, отвѣчала Аврелия, поправляя мантилью, спавіую съ плечь.—Только скука, такая адская...

Но вдругъ она захохотала и воскликнула:—Камилла, что у тебя за уморительная физиономія. Если бы тебя увидѣлъ въ эту минуту фонъ-Виламовскій то-то бы онъ принялся оплакивать *une illusion perdue!*

Камилла сидѣла на другомъ концѣ скамейки. Выраженіе ея прекраснаго лица, дѣйствительно очень плохо гармонировало съ кроткимъ характеромъ ея красоты.

— Оставь меня въ покоѣ; проворчала молодая дѣвушка.

— Но кто жъ тебя трогаетъ? возразила сестра. Развѣ я виновата, что ваша милость сегодня не выпались? Говорила я тебѣ вчера, чтобы ты по меньше дѣлала экстратуровъ.

— Чтобъ тебѣ самой по меньше приходилось сидѣть на мѣстѣ? васмѣшливо замѣтила Камилла.

— Сдѣлайте одолженіе, душа моя, у меня еще, слава богу,

никогда не было недостатка въ кавалерахъ, хотя, конечно, моя красота не сводила съ ума ни одного живописца да и вообще, я не была виновницею никакихъ несчастій.

— Охота вамъ, дѣти, вѣчно браниться, проговорила президентша, снимая перчатки съ своихъ бѣлыхъ, пухлыхъ рукъ. Право, наше положеніе и безъ того не завидное.

— Положеніе то еще куда нишло, маменька, отвѣчала Аврелія, еслибы намъ только достать что нибудь поѣсть. А я начинаю чувствовать адскій гололъ.

— Вотъ ужъ во второй разъ, въ какихъ нибудь пять минутъ, ты употребляешь слово «адскій», замѣтила Камила.

— И! милая, ты и не такія слова употребляешь, возразила ей сестра.

— Ну что это, дѣти! воскликнула мать и бросила на столъ свернутыя перчатки.

Въ разговорѣ произошла пауза, пользуясь которою Аврелія привялась бросать въ прудъ плоскіе камушки. Черезъ нѣсколько минутъ, она живо обернулась къ матери и спросила:

— Скажи, пожалуйста, маменика съ какой стати мы такъ страшно ухаживаемъ за дѣдушкой?

— Что ты называешь ухаживаньемъ? спросила президентша.

— А что же какъ неуважанье вся эта предупредительность, которую мы не перестаемъ выказывать дѣдушкѣ на всевозможныя лады, между тѣмъ какъ онъ обходится съ нами невыносимо грубо? Мы только и знаемъ что даримъ ему разныя вещицы своего рукодѣля, которыя онъ никогда не употребляетъ, да пишемъ письма, на которыя онъ не удостоиваетъ отвѣчать; наконецъ мы являемся къ нему съ поздравленіями, а онъ, не хуже теперешняго третируетъ насъ en saпaіе.

— Если не ошибаюсь, объ этомъ вопросѣ было уже не разъ говорено, замѣтила Камила, лѣниво рассматривая кончикъ своей узенькой ботинки.

— Такъ выдумай другой предметъ разговора, коли этотъ тебѣ не нравится, воскликнула Аврелія.

— Камила права, вмѣшалась мать. Между нами уже не разъ заходила рѣчь объ этомъ предметѣ. Не говоря уже о томъ, что дѣдушка, въ качествѣ главы семейства, имѣетъ

право на всевозможныя вниманія съ нашей стороны, самая житейская мудрость обязываетъ насъ заискивать въ человѣкѣ, отъ котораго мы, такъ сказать, находимся въ зависимости.

— Но, маменька, вѣдь ты сама имѣешь большое состояніе.

— Ну да, конечно, я имѣю состояніе, или вѣрнѣе имѣла, только видишь-ли, дитя мое, у насъ и расходы большіе. Жизнь теперь страшно вздорожала. Грошоваго жалованья твоего отца и процентовъ съ моего капитала намъ не стаетъ на прожитыя и мы принуждены брать изъ капитала; послѣ этого, посуди сама, на долго-ли его хватить. А тутъ еще могутъ случиться разныя непредвидѣнныя обстоятельства: понадобится выдавать васъ за мужъ, откуда-жъ я тогда возьму вамъ на приданое? Меня страхъ беретъ, какъ я только подумую объ этомъ.

И президентша обхватила одной рукой талію Камиллы и прижала ее къ себѣ, какъ бы желая защитить любимое дѣтище отъ грозной судьбы.

— Но, настаивала Аврелія, вѣдь мы и безъ того должны получить отъ дѣдушки наслѣдство; изъ за чего жъ мы такъ страшно хлопочемъ?

— Какія у тебя ребяческія сужденія! отвѣчала Камилла, сохраняя полулежачее положеніе на груди матери. — Точво ты не знаешь, что дядя Гисбертъ имѣетъ съ папа равныя права на наслѣдство.

— Такъ чтожъ, что имѣетъ? Нѣсколько тысячъ таллеровъ больше или меньше: не все ли равно?

Президентша вздохнула. Ей вспомнились кое какіе, давно накопившіеся счета, существованія которыхъ и не подозрѣвала ея мужъ. Нѣтъ не все равно было для любящей матери, принимавшей къ сердцу туалеты своихъ дочерей, очутятся-ли у нея въ рукахъ эти нѣсколько тысячъ таллеровъ или нѣтъ. Камилла взяла на себя отвѣчать на неразумныя рѣчи сестры.

— Ты въ конецъ растроить маменьку своею вздорною болтовней, замѣтила она. Ужъ не собираешься ли ты, какъ тетушка Антонія намѣдни, объявить въ большомъ обществѣ, что ты ни въ грошъ не ставишь дѣдушку?

— Я бы желала быть такъ же независимой, какъ тетушка Антонія, чтобы не бояться это высказать.

— Но въ томъ-то и бѣда, что тебѣ далеко до тетушки Антонин, которая независима вдвойнѣ, какъ вдова и какъ богатая женщина, а потому ты и не смѣешь говорить такихъ вещей, замѣтила президентша довольно рѣзко.— Милое дитя мое, продолжала она, смягчая тонъ, неужели ты думаешь, что мы съ отцемъ стали бы такъ хлопотать объ этомъ дѣлѣ, еслибы вся наша участь не зависѣла отъ расположенія дѣдушки? Не нынче-завтра онъ можетъ умереть, а отецъ твой убѣжденъ, что онъ и до сихъ поръ не подумалъ составить завѣщаніе. Если же онъ, сохрани Боже, умретъ безъ завѣщанія, то все наслѣдство раздѣлится по равну между твоимъ отцемъ и его двумя братьями.

— То-то я думаю будетъ на руку бѣдному дядѣ Артуру! смѣясь замѣтила Аврелія.

— Да намъ-то оно вовсе не будетъ на руку, отвѣчала президентша. Дядя Артуръ черезъ свою женитьбу на этой... какъ бишь ее?.. а такъ же и черезъ свои демократическія тенденціи, на вѣки попалъ въ немилость къ дядѣ. И такъ, если дѣдушка составитъ завѣщаніе, то можно биться объ закладъ сто противъ одного, что онъ отрѣшитъ статскаго совѣтника отъ наслѣдства. Теперь возьмите: дядя Эрнестъ, благодареніе богу, умеръ бездѣтнымъ; тетка Антонія, не говоря уже о томъ, что она сама по себѣ богата, не имѣетъ по закону никакихъ правъ на наслѣдство; и такъ единственными соперниками остаются вашъ отецъ и дядя Гисбертъ. Но послѣдній состоятъ у генерала на очень дурномъ счету.

— Нельзя сказать, чтобы и папа состоялъ на очень хорошемъ, замѣтила Аврелія.

— Къ сожалѣнью это правда, простонала президентша; но тѣмъ болѣе есть много причинъ намъ, или вѣрнѣе вамъ стараться снискать расположеніе дѣдушки. При его възможности и страсти дѣлать на зло другимъ, нѣтъ ничего невѣроятнаго, что онъ въ одно прекрасное утро возьметъ, да и откажетъ вамъ двумъ все свое состояніе.

— Да это было бы отлочно! воскликнула Аврелія, хлопая въ ладоши; то-то бы мы зажили. Начали бы мы съ того, что привели бы въ порядокъ старый паркъ, который, право,

походить на первобытный лѣсъ; потомъ выкрасили бы за ново вонъ тотъ старый сарай, что называютъ замкомъ.

— А тогда пошли бы у насъ каждый день пиры да балы; по вечерамъ зажигали бы вокругъ пруда цвѣтные фонари, катались бы по немъ въ гондолѣ, устроили бы un bal champêtre. Grand dieux! то-то бы злилась тетушка Зельма съ своими двумя балбесами Куно и Отто! Я еще тебѣ не говорила, Камилла, какую остроумную любезность отпустилъ мнѣ вчера Куно за котильономъ!

— Нѣтъ. А что такое? спросила Камилла и въ томныхъ глазахъ ея засвѣтилось любопытство.

— «По чести кузина,—и молодая дѣвушка при этомъ стукнула каблуками своихъ маленькихъ ботинокъ, а рукой принялась закручивать воображаемый усъ:—по чести кузина, я захожусь въ ужаснѣйшемъ затрудненіи. Когда я танцую съ Камиллою, то мнѣ кажется, что я на ней долженъ жениться; когда же я танцую съ тобою, мнѣ начинаетъ казаться, что я ни за какія блага не сдѣлаю ей предложенія.»

— Пошлый дуракъ! презрительно проговорила Камилла.

— Милыя дѣти, замѣтила президентша, вы старайтесь достигнуть такого положенія, чтобы, какъ тетушка Антонія, могли сами себѣ выбирать жениховъ между своими обожателями. А это въ вашихъ рукахъ; старайтесь только изъ всѣхъ силъ задобрить дѣдушку. Въ этотъ прїѣздъ надо же добиться какогонибудь рѣшительнаго результата... Однако, что же это они насъ заставляютъ такъ долго дожидаться; даже madame не изволитъ показываться. Пойдемте въ замокъ, не достанемъ-ли мы тамъ чегонибудь поѣсть; я умираю съ голоду.

Не успѣли дамы сдѣлать нѣсколько шаговъ, какъ голубыя сторы, съ которыхъ онѣ все еще не спускали глазъ, медленно взвились вверхъ. Высокая фигура въ бѣломъ колпакѣ и въ фланелевой, ночной фуфайкѣ показалась у окна.

— Дядюшка!—Дѣдушка! въ одинъ голосъ воскликнули мать и дочери.

Бѣлая фигура отворила одну половинку окна и высунулась изъ него.

— Добраго утра, дядюшка!—Добраго утра дѣдушка! прокричали дамы.

Разстояніе, отдѣлявшее ихъ отъ замка было не болѣе какихъ нибудь ста шаговъ. Казалось мудро было бы генералу не разглядѣть ихъ на этомъ разстояніи. А между тѣмъ онъ ихъ какъ будто не примѣтилъ. Онъ искалъ глазами на право и на лѣво и заглядывалъ въ кустарники, росшіе подъ окномъ.

— Здѣсь, здѣсь кричали наши дамы, махая платками.

Генералъ еще больше высунулъ свое долговязое туловище, заслонилъ свои косматыя брови морщинистою рукою и взглянулъ на голубое небо. Но, когда и тамъ не оказалось никого, кто могъ бы обращаться къ нему съ этими восклицаніями, онъ счелъ, повидимому, дальнѣйшіе поиски безполезными и захлопнулъ окно.

— Здѣсь, здѣсь — продолжали кричать наши дамы, но въ голосахъ ихъ слышалась очень жалобная нота. Минуту спустя, голубыя сторы снова опустились.

— Онъ насъ не видалъ, проговорила президентша чуть не плача.

— Или, вѣрнѣе, не хотѣлъ видѣть, замѣтила Аврелія. Ну да не принимай это такъ къ сердцу, мамочка; мы съ своей стороны все сдѣлаемъ чтобы попасть въ милость къ дѣдушкѣ.

Перспектива сдѣлаться здѣсь хозяйками и задать башъ на славу, слишкомъ уже соблазнительна. И никогда не унывающая, Аврелія схватила мать за талию и шутя, увлекла ее съ собой по дорожкѣ, которая вела къ замку. Камилла медленно слѣдовала за ними. Слегка наморщивъ свои тонкія брови, она думала о томъ, какъ бы такъ устроить, чтобы дѣдушка назначилъ ее, Камиллу фонъ-Гогенштейнъ, своей единственной наслѣдницей?

III.

Когда дамы, полуразвалившимися воротами, вошли во дворъ замка, онѣ увидали тамъ, вмѣсто своего экипажа, который безъ нихъ уже убрали въ сарай, открытую, только что отпряженную коляску и пару верховыхъ лошадей. Нельзя сказать, чтобы это зрѣлище поправило ихъ, и безъ того уже не веселое, расположеніе духа. Пока онѣ праздно гуляли по са-

ду, семейство полковника успѣло пріѣхать и предупредило ихъ, велѣвъ, конечно, о себѣ доложить и, быть можетъ, уже добилося аудіенціи.

— Но я скажу дѣдушкѣ, что мы пріѣхали цѣлыми двумя часами ранѣе, проговорила президентша, выведенная столькими неудачами изъ своей апатіи, и быстро направляясь къ замку.

Но на порогѣ широко распахнутыхъ дверей онѣ имѣли возможность убѣдиться, что встревожились понапрасну. Въ великолѣпныхъ сѣняхъ стояла полковница фонъ-Гогенштейнъ съ своими двумя сыновьями, лейтенантомъ Куно и юнкеромъ Отто. Всѣ трое, повидимому, были въ самомъ плачевномъ настроеніи духа, которое, при неожиданномъ появленіи дамъ, перешло въ замѣшательство и испугъ.

— А! такъ и ты здѣсь, милая Клотильда, проговорила полковница, поспѣшно оправившись отъ смущенія и подошла къ президентшѣ съ распростертыми объятіями.

— Какъ видишь, милая Зельма, отвѣчала президентша, холодно отвѣчая на ея подѣлуй.

— Отлично! Когда же вы успѣли пріѣхать? А вы, mesdemoiselles, свѣжи, какъ розы! отъ вчерашняго бала нѣтъ и слѣда усталости. Вотъ бы вамъ взять, молодые люди, примѣръ съ вашихъ кузинъ!

И точно молодымъ людямъ, повидимому, не мѣшало бы позаботиться для себя лучшимъ образцомъ для подражанья; тотъ примѣръ, которому они слѣдовали до сихъ поръ, по всѣмъ примѣтамъ, былъ изъ рукъ вонъ плохъ. Видимо, не одинъ вчерашній вечеръ наградила ихъ блѣдно-желтымъ цвѣтомъ лица и отнял всякій блескъ у ихъ свѣтло-голубыхъ глазъ. Въ особенности сильно изжившимся смотрѣлъ юнкеръ. Его лице, на которомъ едва показывался первый пушокъ, было отмѣчено тѣмъ старчествомъ, которое встрѣчается иногда у очень маленькихъ дѣтей и у нѣкоторыхъ породъ обезьянъ. Лейтенантъ сохранился нѣсколько лучше; но этимъ онъ былъ обязанъ своему болѣе крѣпкому сложенію, а вовсе не большей солидности своего поведенія. Оба юноши были долговязы, бѣлокуры и смазливы, и во всѣхъ этихъ свойствахъ походили на свою мать.

Обращеніе обѣихъ матерей между собою, не смотря на всю внѣшнюю ласковость, было очень натянуто. Онѣ походили на двухъ игроковъ, которые съ первыхъ же картъ разсмогряли свои обоюдныя плутни, но, во избѣжаніе скандала, дотягиваютъ игру до конца. Полковница, какъ видно, менѣ своей соперницы тяготилась этою ролью. Она выразила сожалѣніе, что вчера вечеромъ имъ не пришло въ голову отправиться вмѣстѣ. — Мужъ, продолжала она, пріѣдетъ въ два часа съ пароходомъ. И твой мужъ тоже, конечно? Ну вотъ и отлично! Они вмѣстѣ пріѣдутъ. Только и они, должно быть, явятся еще слишкомъ рано. Добрѣйшій дядюшка, какъ видно, все еще поживаетъ. Вотъ уже четверть часа, какъ мы послали доложить о себѣ этого... Какъ бишь его?—Килиана, а его все еще нѣтъ, какъ нѣтъ. И madame что-то не показывается.

— И вы тоже не видали милѣйшую старушку?

— Ай, ай, ай, да вамъ тошнѣ нашего приходилось!

— И очень нужно было такъ рано выѣзжать изъ дому! Несчастные цвѣты! Какъ они завяли!

— А должно быть они вамъ сумасшедшихъ денегъ стоили. Кто же покупаетъ такіе, дорогіе букеты? Посмотрите на мои: они стоятъ вдвое дешевле, и держатся гораздо долѣе.

— Не всѣмъ же быть такими расчетливыми хозяйками, какъ ты, тетя Зельма, успѣшила Аврелія на выручку своей матери.

— Но не у всѣхъ и столько денегъ, чтобы бросать ихъ въ печку, отвѣчала полковница, намекая на всѣмъ извѣстную расточительность президентши.

Колкости эти, безъ сомнѣнія, перешли бы въ открытую брань, если бы въ эту самую минуту на верху лѣстницы не показалась Бригита, въ огромномъ чепцѣ на головѣ и съ толстою связкою ключей у пояса. Перегнувшись черезъ перила и вдоволь натѣшившись про себя жалкимъ положеніемъ высокихъ посѣтителей, она стала медленно спускаться по широкой каменной лѣстницѣ, такъ что общество, стоявшее внизу, имѣло полное время приготовиться, къ ожидавшей его позорной роли.

Первая рѣшилась проглотить неизбежную плююлю полковница. Не успѣла экономка ступить на послѣднюю ступень,

жакъ она подбѣжала къ ней, схватила ее за обѣ руки и воскликнула: — Какъ поживаете, милая, безцѣнная madame? Какъ же вы авантажны сего дня! Да вы просто съ каждымъ годомъ молодѣете!

— Ну этого про иныхъ-прочихъ нельзя сказать, сухо отвѣтила Бригита.

Но полковницу не такъ-то легко было запугать. — Какъ здоровье нашего дорогаго генерала? Мнѣ сказали, что онъ еще не вставалъ. Пускай его почиваетъ, нашъ голубчикъ. Чѣмъ его лишать сна, ужъ мы лучше еще часокъ подождемъ.

— Ихъ превосходительство очень дурно провели ночь, и раньше четырехъ часовъ пополудни не встанутъ, объявила Бригита. Не угодно-ли молодымъ господамъ погулять въ саду? а дамъ я провожу въ ихъ комнаты. — Черезъ часъ будетъ подавъ завтракъ въ маленькую залу.

При этихъ словахъ президентша и Аврелія печально переглянулись между собою, но ни одна изъ дамъ не посмѣла сказать слова противъ распорядженій всемогущей экономки. Молча послѣдовали онѣ за нею въ приготовленныя для нихъ комнаты, самыя неудобныя, какія только можно было приискать въ замкѣ.

Молодые люди между тѣмъ отправились въ паркъ и безцѣльно слонялись между запущенными клумбами.

Разговоръ ихъ, какъ обыкновенно бываетъ между братьями, тянулся довольно вяло.

— Я усталъ какъ собака, замѣтилъ Куно, бросаясь на полусгнившую, деревянную скамью.

— А я, ты думаешь нѣтъ? сказалъ Отто, слѣдуя примѣру старшаго брата.

Нѣсколько минутъ длилось тупое молчаніе, которое внезапно прервалъ Куно вопросомъ.

— Говорилъ ты съ матерью?

— Когда же мнѣ было говорить? съ недовольнымъ видомъ отвѣчалъ Отто, и при этомъ лице его вдругъ постарѣло нѣсколькими годами.

— А мѣшкать нечего.

— Это я безъ тебя знаю, проворчалъ Отто.

— По мнѣ, пожалуй, дѣлай какъ знаешь, проговорилъ старшій братъ и вѣвнулъ.

— Тебѣ хорешо говорятъ, сердито отвѣчалъ младшій. А кто меня прошлую ночью подбивалъ играть?

— Вольно-жъ тебѣ было понтировать, очертя голову.

— Гмъ! Будто ты не знаешь, на что мнѣ нужны были деньги?

— Проклятому Мелленгофу опять везло его обыкновенное счастье, замѣтилъ лейтенантъ съ объективнымъ спокойствіемъ естествоиспытателя.

— Э! Мелленгофа я не боюсь, отвѣчалъ юнкеръ; онъ подождетъ денекъ другой, да наконецъ и дастъ мнѣ возможность отыгратъ. А вотъ Абраамъ, тотъ не ждетъ. Ну просто хоть пулю въ лобъ!

— Сколько ты ему долженъ.

— Пятьдесятъ пистолей, а у меня ни гроша больше нѣтъ въ карманѣ.

— Вотъ почему я и говорю, что ты непременно долженъ сказать матери, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.

— Но вѣдь она изъ себя выйдетъ, а какъ отецъ еще узнаетъ...

Отто вскочилъ съ своего мѣста, прошолся раза два взадъ и впередъ, потомъ снова бросился на скамью.

— Не посовѣтуешь-ли ты мнѣ чтонибудь, Куно?

Лейтенантъ пожалъ плечами.—Что мнѣ тебѣ посовѣтовать? проговорилъ онъ.

— Это просто собачье житье, снова заговорилъ Отто, нѣсколько минутъ спустя. Грошное жалованье да карманная деньги, и живи себѣ, какъ знаешь. Когда къ отцу не приди, у него вѣчно денегъ нѣтъ. И куда это онъ ихъ дѣваетъ?

— Въ одномъ могу тебѣ поручиться, что онъ ихъ не зарываетъ въ землю, замѣтилъ старшій братъ, съ презрительной усмѣшкой.

— Но тогда, съ какой стати онъ такъ важничаетъ передъ нами? Вѣдь и мы тоже хотимъ пожить.

— Все это такъ, да тебѣ-то отъ этого ни на грошъ не легче, замѣтилъ лейтенантъ. Слушай Отто! что бы тебѣ обратиться вонъ къ *тому*?—и концемъ своей шпаги онъ указалъ на замокъ. Можетъ статься, что у него нынче добрый день выдался.

— Да ты, Кувю, никакъ съ ума сошелъ! воскликнулъ Отто, глядя на брата съ изумленіемъ, граничившимъ съ испугомъ.

— Нужда не свой братъ. Чего не сдѣлаешь въ крайности?

Предложеніе брата произвело на Отто такое впечатлѣніе, какъ если бы кто предложилъ ему спастись отъ вѣрной смерти прыжкомъ съ трехъ сотъ футовъ высоты. Подумавъ немного, онъ покачалъ головою.

— Объ этомъ и думать нечего, проговорилъ онъ. Ужъ лучше я скажу матери.

— Не написать ли тебѣ тетушкѣ Антоніи?

— Во первыхъ она въ настоящую минуту куда-то уѣхала, а во вторыхъ, не думаю, чтобы она раскошенилась на этотъ разъ. За послѣднее время мы уже слишкомъ часто обращались къ ней съ подобнаго рода просьбами. Нѣтъ, скажу, просто, матери; пускай ее придумываетъ, какъ извернуться.

— Да, пожалуй, что такъ будетъ всего лучше, проговорилъ лейтенантъ, складывая карманный ножикъ, которымъ онъ обрѣзалъ себѣ ногти и вставая. А теперь кажется часъ прошелъ, пойдемъ завтракать. Воображаю, какъ насъ накормятъ.

Завтракъ, къ которому въ назначенный часъ собралось все общество подъ предсѣдательствомъ экономки, оставилъ далеко за собою даже самыя печальныя ожиданія лейтенанта. Тѣмъ не менѣе, кушая, всѣ въ одинъ голосъ похваливали и яйца далеко не свѣжія, и ломтики ветчины, походившіе на подошвы, и кислый хлѣбъ, и прогорклое масло; самъ лейтенантъ объявилъ, что не пивалъ ничего лучше кисленькаго вина домашняго Рейнфельденскаго издѣлья. Послѣ завтрака президентша предложила всѣмъ прогуляться по деревнѣ на встрѣчу пароходу, съ которымъ должны были пріѣхать полковникъ и президентъ. Всѣ отправились, исключая Камиллы, которая, жалуясь на головную боль, просила позволенія остаться.

Настала для юнкера рѣшительная минута объясненія. Онъ вызвался вести мать подъ руку и нарочно постарался съ нею отстать, между тѣмъ какъ, шедшій впереди, лейтенантъ развлекалъ своею пріятною бесѣдою тетку и кухню. Къ сожалѣнію, настроеніе духа полковницы вовсе не благопріятствовало замысламъ ея сына. По поводу всего, что ей пришлось вынести въ это утро, она разразилась такими рѣчами, которыя

какъ-то странно было слышать изъ устъ урожденной графини фонъ-Дюрень-Лиліенфельде. Бригиту она обругала нахальной колдуньей; президентшу, старой, фальшивой кошкой; молодыхъ дѣвицъ противными куклами.

— Но я нынче же уѣду домой, объявила она въ заключеніе. Какъ тамъ твоему батюшкѣ угодно, а я не намѣрена всю ночь слушать вой собакъ подѣ моимъ окномъ. Онъ никогда не былъ особенно внимателенъ къ моимъ желаніямъ, но за послѣднее время это изъ рукъ вонъ стало.

Отчаянье придаетъ мужества: молодой человекъ попросилъ мать не раздражать отца, потому-де что онъ юнкеръ, сидитъ въ настоящую минуту въ страшной петлѣ. Затѣмъ съ жалкой попыткой на улыбку, онъ разсказалъ, какъ для уплаты карточного долга принужденъ былъ занять пятьдесятъ луидоровъ у жида Абраама Гирша, и какъ тотъ даетъ ему сроку для уплаты только до завтра, и грозитъ въ случаѣ, если деньги не будутъ завтра же внесены, обратиться съ жалобою къ полковому командиру Отто, полковнику фонъ-Нольте, и какъ, при строгихъ правилахъ полковника можно опасаться, что онъ подыметъ изъ-за этого страшный гвалтъ и исключить его, Отто, изъ службы, если всю эту исторію во время не замять.

Если одна капля можетъ заставить воду въ переполненномъ сосудѣ выступить черезъ край, то цѣлое ведро, вылитое въ сосудъ и подавно. Полковница пришла въ неопisanную ярость; если она не отпочивала сына пощечинами, то только потому что не хотѣла доставить это удовольствіе президентшѣ; она удовольствовалась тѣмъ, что обозвала будущаго офинцера глупымъ мальчишкой, негодяемъ, объявила что въ немъ никакого проку не будетъ и что онъ свою бѣдную мать въ гробъ положить.

Юнкеру уже не въ первый разъ приходилось встрѣчать бѣглый огонь материнскаго гнѣва; онъ зналъ, какъ держаться въ подобныхъ обстоятельствахъ. Онъ далъ ей погорячиться, пока не увидѣлъ, что ея негодованіе близко къ тому, чтобы разрѣшиться слезами; тогда онъ проговорилъ съ ловкою поддѣланною покорностью:

— Полно, милая маменька; сколько ты меня не брани, де-

негъ ты мнѣ этимъ не достанешь, а я право хлопочу о нихъ больше изъ-за вась, чѣмъ изъ-за себя. Меня-то, много, много, что засадятъ недѣли на двѣ подъ арестъ, да выключать изъ службы, а вотъ отца мнѣ жалко: при занимаемомъ имъ положеніи, не думаю чтобы вся эта исторія могла быть ему пріятна. Да и тебя тоже мнѣ жалко; тетушка и другія не преминуть колоть тебѣ этимъ глаза при каждомъ удобномъ случаѣ.

Хитрый мальчишка попалъ какъ разъ въ цѣль; полковница упустила изъ виду всѣ остальные соображенія и помышляла только о томъ, какъ дамы ея вкруга будутъ съ состраданіемъ пожимать на нее плечами; въ особенности же кусала ее тайная, злобная радость президентши; да и наконецъ, какъ бы то ни было, все же Отто былъ ея любимецъ, а у бѣднаго мальчишка былъ такой разстроенный видъ.

— Посмотримъ, посмотримъ, надо что нибудь сдѣлать, отвѣчала она, и снова взяла руку сына, которую было оттолкнула въ припадкѣ гнѣва. Я поговорю съ твоимъ отцомъ; только ты, пожалуйста, слишкомъ не сокрушайся, а то еще, пожалуй, занеможешь. Но пуще всего, не показывай и виду тетки; мы прибавимъ шагу, не то сейчасъ кинется въ глаза, что мы отстали.

Но обстоятельство это и такъ не ускользнуло отъ вниманія дамъ и было довольно вѣрно перетолковано догадливой Авреліей.

— А видно въ тяжкомъ грѣхѣ предстоитъ покаяться сегодня бѣдному Отто, замѣтила она. Скажите, пожалуйста, продолжала она, обращаясь къ Куно, куда это вы оба дѣвались вчера послѣ бала? Герръ фонъ-Бринкманъ, который попался намъ сегодня на встрѣчу верхомъ, говорилъ мнѣ, что у Каталани шла вчера игра.

— Ахъ, кузина! неужели ты думаешь, что послѣ бала, да еще такого очаровательнаго, можно гоняться за сильными ощущеніями игры?

— Ну да! возразила Аврелія. Что въ нихъ, въ особенности, такому молодому человѣку какъ ты, за которымъ бѣгаютъ самыя хорошенькія женщины? на что ему еще бездушныя карточные дамы?

— Однако, если не ошибаюсь, и твой записной поклонникъ, фонъ-Бринкманъ, не совсѣмъ-то равнодушенъ къ послѣднимъ.

— Кто записалъ его въ мои поклонники? воскликнула Аврелія довольно запальчиво.

— Не проста же онъ сегодня въ шесть часовъ утра былъ уже на конѣ, смѣясь отвѣчалъ лейтенантъ.

— Я нахожу, любезный Куно, что ты слишкомъ далеко заходишь въ своихъ шуткахъ, замѣтила президентша, чтобы пособить дочери, которая не совсѣмъ была равнодушна къ хорошенькому гусарскому офицеру.

— Не я первый началъ дразнить, возразилъ Куно.

— На то ты и мужчина, чтобы уступать дамамъ и не позволять себѣ лишняго.

Куно хотѣлъ еще что-то возразить, но счелъ за лучшее не раздражать мать Камиллы, которую онъ любилъ, на сколько вообще его пресыщенное сердце было способно любить, частью за ея красоту, частью за ея кокетство. Разговоръ замаялся и подошедшіе въ эту минуту полковника и Отто не способствовали его оживленію. По счастью они вскорѣ увидали приближавшійся пароходъ. Минуту спустя оба брата высадились на берегъ.

Между обоими братьями только и было общаго, что непомерно длинный ростъ и худощавость. Филиппъ фонъ-Гогенштейнъ, президентъ, представлялъ собою типъ высшаго государственнаго сановника домартовской школы. Съ тонкими чертами его гладко выбритаго, лица гармонировали, какъ нельзя лучше, плавные, дипломатическіе приемы, тихій голосъ и даже мягкое сукно его фрака, въ петлицѣ котораго виднѣлась орденская лента синяго орла второй степени.

Если въ президентѣ преобладало желаніе нравиться, то чуть ли не обратное желаніе преобладало въ полковникѣ. Было что-то отталкивающее въ его загорѣломъ лицѣ съ коротко, по военному подстриженною бородою, очевидно подкрашеною въ черныи цвѣтъ. Тупо глядѣли его сѣрые глаза и голосъ его, привыкшій командовать на плацу, звучалъ неприятно и хрипло. Глядя на него, вы охотно вѣрили тѣмъ рассказамъ, которые ходили про его грубость съ подчиненными. Даже въ его обращеніи съ дамами проглядывало что-то насмѣшливое и циническое.

Видно не добрый день задался нынче для всего семейства Гогенштейновъ; новоприбывшіе тоже смотрѣли очень пасмурно. Дѣло въ томъ, что на пароходѣ полковника взбѣсила толпа молодыхъ людей изъ простаго народа, которые пѣли революціонныя пѣсни, кричали — да здравствуетъ Шлезвигъ-Гольштейнъ! и даже, — да здравствуетъ будущая нѣмецкая республика. Съ трудомъ уговорилъ его президентъ удалиться въ каюту и не затѣвать исторіи съ молодыми людьми, которые, видимо, хотѣли подразнить его. Въ каютѣ между полковникомъ и президентомъ произошелъ политическій споръ, въ которомъ воинъ упрекнулъ бюрократа въ трусости и взвелъ на него разныя другія обвиненія, а все это не могло не вызвать тайнаго раздраженія даже въ человѣкѣ закаленномъ въ дипломатической скрытности.

И такъ печально отправилась маленькая процессія домой. Впереди всѣхъ шелъ полковникъ съ женой, за нимъ слѣдовало семейство президента, наконецъ шествіе замыкалось обоими юношами, которые считали совершенно излишнимъ подерживать между собою разговоръ.

IV.

Между тѣмъ Камилла воспользовалась этимъ часомъ для приведенія въ исполненіе того плана, который такъ внезапно созрѣлъ въ это утро въ ея умненькой головкѣ; а такъ какъ хорошенькихъ дѣтей сама судьба балуетъ, то труды ея далеко не пропали даромъ.

По уходѣ остальнаго общества изъ дому, молодая дѣвушка отправилась на кухню къ грозной экономкѣ, попросить у нея уксусу для своей больной головы. Такая скромная просьба, и, притомъ, произнесенная съ такимъ смиреннымъ видомъ, не могла встрѣтить отказа даже со стороны Бригиты. Когда молодая дѣвушка, поблагодаривъ, хотѣла удалиться, съ ней вдругъ случилось что-то въ родѣ дурноты и она покачнулась; что-то человѣчное сказалось даже въ самой madame и она простерла состраданіе до того, что собственноручно намочила уксусомъ прелестную головку. Едва коснулись ея

жесткіе пальцы густыхъ волосъ, какъ на нее устремилась пара темныхъ глазъ, двѣ мягкія ручки схватили ея костлявыя руки и нѣжный голосъ пролепеталъ;

— Ахъ, какъ это пріятно! какія же вы добрыя?

Похвала эта слишкомъ непривычно звучала въ ухахъ злобой и подозрительной женщины; она искоса взглянула на молодую дѣвушку и сухо отвѣчала.

— Это вы къ чему же ведете?

— Я васъ не понимаю, милая madame, отвѣчала молодая дѣвушка, искусно прикидываясь наивнымъ ребенкомъ.

— Ужь больно вы милостивы что-то стали, барышня, насмѣшливо продолжала Бригита. Или вы думаете, что я хоть на грошь вѣрю всему, что мнѣ напѣваютъ въ уши пріѣзжіе господа? Какъ бы не такъ! Небось, еслибы я вонъ тамъ не была въ силѣ,—и она кивнула головою по направленію внутреннихъ покоевъ, — давно бы меня какъ собаку изъ дома выгнали.

— Но, боже мой! милая, дорогая, несравненная madame, можно ли быть такою подозрительной! съ жаромъ воскликнула Камила. Положимъ, что не всѣ тѣ лестныя вещи, которыя вамъ приходится выслушивать, говорятся искренно: но я то чѣмъ дала вамъ поводъ къ подобнаго рода подозрѣнію? За себя, по крайнѣй мѣрѣ, я могу васъ увѣрить, что люблю васъ отъ души, право же, отъ души!

— Тсъ! проворчала Бригита, къ чему такъ кричать? Ужь не хотите ли вы... Бригита не успѣла договорить, потому что въ эту самую минуту послышался хриплый голосъ генерала:

— Что тамъ такое, Бригита? Съ кѣмъ это ты разговариваешь, Бригита?

— Такъ и знала, прошипѣла старуха. Убирайтесь-ко вы, сударыня, да живо!

Но, еслибы Камила и дѣйствительно поторопилась исполнить это приказаніе, все же она не успѣла бы уйти, потому что въ эту самую минуту дверь отворилась и генералъ показался на порогѣ.

Старикъ не видалъ своей внучки въ теченіи цѣлаго года, а въ этотъ годъ красота Камиллы такъ чудно расцвѣла, что

ему показалось, будто онъ видитъ ее въ первый разъ въ жизни. Его черные глаза заискрились удовольствіемъ.

— Вона! маленькая чародѣйка, проговорилъ онъ, чтожь ты такъ стоишь, точно возлѣ тебя громомъ ударило? Небось, старый дѣдъ тебя не съѣстъ, хоть ты и очень лакомый кусочекъ. Подойди-ко сюда и поцѣлуй дѣдушку.

Камилла оглянулась на Бригиту, которая вся дрожала отъ злости, потомъ быстро подбѣжала къ дѣду и осыпала его костлявыя руки поцѣлуями.

— Ты ея не бойся, сказалъ генераль, отъ котораго не ускользнуло первое движеніе Камиллы. Она совсѣмъ не такъ зла, какъ кажется я авось либо позволить своему старому генералу побыть на единѣ съ красоткой, которая еще вдобавокъ приходится ему внучкой. Пойдемъ со мною, моя маленькая фея, а ты, старая, знай занимайся своимъ дѣломъ.

Генераль увелъ съ собою молодую дѣвушку, между тѣмъ какъ Бригита что-то ворчала сквозь зубы. Генераль насмѣшливо осклабился. — Ишь какъ ее разбираетъ, проговорилъ онъ. Того и гляди, что лопнетъ со злости. Ну да небось, хирурга не позову ее починивать. Пойдемъ красотка!

И обхвативъ руками шею молодой дѣвушки, генераль отправился въ кабинетъ, примыкавшій къ его спальнѣ. Тутъ онъ расположился въ мягкомъ креслѣ и Камилла, зная его привычки, поспѣшила подвинуть подъ ноги скамейку и закутать ноги въ шерстяное одѣяло.

— Молодецъ дѣвка! замѣтилъ генераль, лаская дрожющими руками округлый подбородокъ молодой дѣвушки. Ишь какъ у нея дѣло-то спорится подъ руками! Точно она въ жизнь свою больше ничего не дѣлала какъ только закутывала фланелью старыя кости. И какой же ты, я тебѣ скажу, хорошенькій бѣсенокъ!

— Мнѣ пріятно слышать, дѣдушка, что я вамъ нравлюсь, отвѣчала Камилла, лукаво поглядывая на генерала своими смѣющимися, кроткими глазами.

— Вотъ какъ! тебѣ пріятно. А почему, смѣю спросить?

— Потому что, въ такомъ случаѣ, вы быть можетъ позволите мнѣ подольше остаться у васъ, и доставите мнѣ удовольствіе походить за вами.

— Та, та, та, дѣвчонка говоритъ точно по писаному!

«Доставите удовольствіе ухаживать за милымъ дѣдушкой». Твердо же выучилъ урокъ маленькій попугай, надо ему дать кусочекъ сахару. Э-хе-хе! Что за переничивый народъ эти ребята!

— Я, дѣдушка, не попугай. Что я говорю, то я и думаю.

— Въ самомъ дѣлѣ? А ну, какъ я тебя поймаю на словѣ, уживешься ли ты со старикомъ?

— А вотъ, попробуйте дѣдушка. Оставьте меня у себя, а когда я вамъ надоѣмъ, отошлите меня назадъ.

— Дѣвчонка-то оказывается совсѣмъ не глупа, проговорилъ генералъ, не скрывая своего изумленія. Мнѣ сдается, что ты, пожалуй, и со старухой сѣумѣла бы справиться.

— А почему бы и нѣтъ, дѣдушка, если бы только вы были добренькій и не бранили бы при мнѣ почтенную старушку, какъ сегодня.

— Ну ей богу же она не глупа, проговорилъ генералъ. Попробовать развѣ для потѣхи?.. Что тамъ еще?

Угрюмый слуга, Килянъ, доложилъ, что всѣ господа собрались и шадаге велѣла спросить, не подовать-ли кушать.

—Чертв! конечно подавать, ни минуты-то они не оставятъ человѣка въ покоѣ.

Слуга хотѣлъ удалиться, но генералъ его окликнулъ.— Стой ровняйся! Одѣваться мнѣ! Господъ просить въ столовую. Ну, вертешка, теперь убрайся. Мы еще вернемся къ этому разговору.

Камилла въ нѣсколько приемовъ поцѣловала руку старика и исчезла въ дверь, которая выходила изъ кабинета въ паркъ.

Четверть часа спустя, все общество, приѣхавшее въ Рейнфельденъ, собралось въ «большой залъ» гдѣ былъ накрытъ праздничный столъ.

Большая зала, убранная во вкусѣ прошлаго столѣтія, быть можетъ и не удовлетворяла, во всѣхъ отношеніяхъ, болѣе утонченнымъ требованіямъ современному вкусу; картины, висѣвшія по стѣнамъ, были большею частью топорной работы и содержанія сомнительнаго; штофная мебель полняла и сильно пострадала отъ моли; но все же величавые размѣры и пышность этой комнаты производили подавляющее впечатлѣніе, отъ котораго не такъ-то легко было отдѣлаться, и это было за-

мѣтно по лицамъ присутствующихъ. Казалось, что духъ унынія, овладѣвшій ими съ самаго утра, тяготѣлъ надъ ними еще сильнѣе при этой обстановкѣ. Они разговаривали между собою не иначе какъ робкямъ шопотомъ, осторожно ступали по паркетному полу и безсмысленно разсматривали полунагихъ боговъ и богинь, изображенныхъ на картинахъ. Одна Камила была въ своей тарелкѣ и въ глазахъ ея можно было подкараулить тайный лучъ торжества при видѣ всѣхъ этихъ плачевныхъ физиономій. Подробности своего свиданья съ дѣдомъ она хранила отъ всѣхъ, даже отъ своихъ, въ глубокой тайнѣ.

Превосходительный патріархъ таки долгомъ заставилъ себя дожидаться. Президентъ подошелъ къ брату и замѣтилъ, глядя на часы.

— Каково! уже три часа, этакъ, пожалуй, опоздаешь. Ты, тоже, конечно, сегодня же вернешся въ городъ?

— Я-то съ сыновьями непременно вернусь: въ это проклятое время того и гляди что пробьютъ полный сборъ, никакъ нельзя отлучиться съ своего поста. Зельма какъ тамъ себѣ хочетъ, только врядъ-ли и она останется. Она что-то очень не въ духѣ.

— Да и всѣ мы болѣе или менѣе не въ духѣ, шопотомъ замѣтилъ президентъ. Что до меня касается, не люблю я этихъ в зитовъ. Кстати о визитахъ. — Вчера пріѣзжалъ ко мнѣ Артуръ; я, конечно, не принялъ его.

— Онъ и у меня былъ, отвѣчалъ удивленный полковникъ, только меня дома не было; чтобы это такое значило?

Президентъ пожалъ плечами. — Можетъ статься что вѣдъ такое по случаю выборовъ; вѣдъ онъ теперь въ конституціонномъ обществѣ важную роль играетъ. Ужь я послѣ покаялся, что не велѣлъ его принимать. При теперешнихъ обстоятельствахъ пожалуй и благоразумнѣе было бы сойтись съ нимъ опять. Почему знать...

— Ну да, конечно, презрительно усмѣхнулся полковникъ, куда дуетъ вѣтеръ, туда и мы. Неужели ты думаешь, что это опьяненіе умовъ продержится долго?

— Нѣтъ, этого я не думаю. Но тогда никто не по мѣшаетъ мнѣ опять порвать съ нимъ сношенія.

— Дѣлай, какъ знаешь, отвѣчалъ полковникъ рѣзно, но я его знать не хочу. — А вотъ и старикъ идетъ.

Двери залы широко распахнулись и старикъ вошелъ въ полномъ мундирѣ, опираясь съ одной стороны на Бригиту, съ другой на слугу. Не останавливаясь шелъ онъ впередъ, кивая головою на право и на лѣво, между тѣмъ какъ все общество поспѣшило къ нему на встрѣчу съ поклонами и поздравленіями.

— Ah, bonjour, bonjour! Очень радъ дорогимъ гостямъ. Прошу садиться за столъ безъ чиновъ. А ты, маленькая фея, сядешь возлѣ меня.

Камилла, заранѣе приготовленная къ подобнаго рода приказанію, подбѣжала къ старику, помогла ему устѣться въ кресло и со скромнымъ видомъ заняла указанное ей мѣсто. Противъ генерала передъ суповой миской сѣла Бригита; остальное общество размѣстилось, какъ попало.

Пресловутый пиръ въ замкѣ Макбета не могъ быть печальнѣе этого пира въ замкѣ Гогенштейновъ. Не одинъ честный призракъ Банки, тутъ много темныхъ духовъ сидѣло за столомъ вмѣстѣ съ пирующими, отравляло имъ пищу и питье, омрачало имъ души и лица, поражало нѣмотою ихъ языкъ, или же заставляло лгать ихъ уста. Почти не понятнымъ казалось, чтобы разумное существо могло добровольно подвергать себя такой пыткѣ; старикъ былъ грязнѣе чѣмъ когда либо: грубъ съ мужчинами, циниченъ съ женщинами. Нѣтъ ничего удивительнаго, что человѣкъ этотъ, обладавшій, при всей своей испорченности, сильнымъ умомъ и званіемъ жизни, глубоко презиралъ это общество, не смѣвшее ни словомъ, ни взглядомъ протестовать противъ такого обращенія. Старикъ говорилъ почти одинъ, вспоминалъ о своихъ прежнихъ походахъ, рассказывалъ эпизоды грабежа и другихъ черныхъ дѣлъ, о которыхъ мало-мальски образованный человѣкъ постыдился бы и упоминать въ женскомъ обществѣ; за тѣмъ онъ перешелъ къ воспоминаніямъ о покупкѣ Рейнфельденскаго помѣстья; въ сотый разъ должны были присутствующіе выслушать повѣствованіе о томъ, какъ онъ, генералъ, увеличивалъ свое богатство, а братъ его, отецъ трехъ братьевъ Гогенштейнъ, становился все бѣднѣе и бѣднѣе.

— И какъ бы вы думали, племянница Зельма, какая была тому причина?—А вотъ я вамъ сейчасъ расскажу: вся бѣда въ томъ, что мой братъ женился на знатной дѣвицѣ, напыщенной своимъ дворянствомъ и не имѣвшей ни гроша за душою; за то, повѣрите-ли, племянница Клотильда, она обладала необыкновеннымъ искусствомъ сорить деньгами, и другимъ, столь же мало похвальнымъ, искусствомъ комплектовать изъ самой себя составъ своего семейства. Что ни годъ, то новый членъ прибываетъ.— Сколько бишь васъ всѣхъ было, Филиппъ?

— Восемь, прошепталъ президентъ.

— А осталось всего трое. А я-то, старый дубъ. Стою себѣ, да стою и еще по всѣмъ вѣроятіямъ увижу, какъ вокругъ меня повалится не одно молодое дерево. А отчего? Потому что я не навязывалъ себѣ бабу на шею или, по крайней мѣрѣ, не бралъ себѣ такой, которую не могъ бы прогнать во всякое время, какъ скоро она мнѣ надоѣла. Ха, ха, ха!

Въ этомъ тонѣ продолжался разговоръ, пока случайный намекъ на тогдашнія, политическія обстоятельства не далъ возможность остальнымъ принять въ немъ участіе. Полковникъ воспользовался этимъ случаемъ, чтобы сорвать сердце на «проклятыхъ демократахъ и коммунистахъ».

— Эхъ, кабы мнѣ дали неограниченную власть на одинъ только мѣсяцъ, воскликнулъ онъ съ азартомъ; очистилъ бы я нашу землю вплоть до русской границы отъ этого поганого племени; развѣ гдѣ-гдѣ уцѣлѣло бы по одинокому экземпляру, да и тѣ, только издали завидя штыкъ, спѣшили бы прятаться въ свои норы. А то, что? вмѣсто того, чтобы разогнать эту сволочь картечью, съ нею вступаютъ въ переговоры, затѣваютъ «собранія для обсуждения конституціи». Съ перваго мая начнется эта потѣха. Мой дражайшій братецъ оспариваетъ у какого-то гимназическаго учителя, выгнаннаго изъ службы, у оборваннаго писака, котораго имя, если не ошибусь, докторъ Мюндеръ, честь избранія въ члены этого почтеннаго собранія. Ну не срамъ-ли это?

— Любезный братъ, въ полголоса заговорилъ президентъ, мы должны...

— Громче! крикнулъ генераль; кто же разбереть, что ты тамъ себѣ подъ носъ бормочешь?

Президентъ покраснѣлъ и продолжалъ, нѣсколько възвысивъ голосъ:

— Я хотѣлъ замѣтить, любезный дядюшка, что мой добрый братъ судить слишкомъ поспѣшно, — по военному, и не достаточно принимаетъ въ соображеніе обстоятельства времени. Никто болѣе меня не скорбитъ объ этомъ искусственномъ движеніи, занесенномъ къ намъ изъ Франціи и поддерживаемомъ нѣсколькими безпокойными головами. Но я держусь того мнѣнія, что благоразумнѣе уклониться съ пути разъяреннаго быка, который безъ оглядки несется съ опущенною внизъ головою. Будьте увѣрены: онъ обломаетъ себѣ рога о первую же попавшуюся стѣну и тогда, пока онъ будетъ лежать, ошеломленный ударомъ, вы его спокойно свяжете и отведете въ стойло. Точь въ точь будетъ такъ, по моему мнѣнію, и съ настоящимъ движеніемъ. Парламентарный образъ правленія у насъ не мыслимъ; черный народъ всегда чернымъ народомъ и останется; пролетаріатъ уничтожить нельзя, что тамъ не толкуй всѣ эти проклятые коммунисты; дайте имъ до сыта накричаться и они сами это поймутъ. Это еще, впрочемъ не значить, продолжалъ президентъ, улыбаясь, чтобы я не считалъ полезнымъ при случаѣ выставлѣть извѣстнаго рода неопровержимые аргументы, могущія ускорить эту развязку.

— Что значить по твоему «при случаѣ?» вмѣшался полковникъ. Мнѣ кажется, что первая попавшаяся минута представляетъ мнѣ удобный случай обнажить мечъ за наши старыя привиллегіи. Только поддайтесь на минуту всѣмъ конституционнымъ и другимъ затѣямъ, и вы увидите, какія уступки они у васъ вынудятъ, не смотря на всю вашу мудрость.

— Мнѣ сладется, любезный братъ, что дѣло еще во все не такъ плохо, какъ ты думаешь, отвѣчалъ президентъ. Тамъ гдѣ двѣ партіи сходятся для обсужденія какого нибудь вопроса, если надъ ними нѣтъ третейскаго суда, побѣда остается обыкновенно за той партіей, которая сильнѣе. Конвентъ, à la bonne heure! тотъ дѣйствительно могъ бы хоть на время внушить серьезныя опасенія. Но совѣщательное собраніе,

состоящее изъ двухъ партій, носить въ самомъ себѣ зародышъ смерти; или ты думаешь, что я сталъ бы добиваться чести за-сѣдать въ подобномъ собраніи, если бы не былъ такъ убѣжденъ?

— А собраніе во Франкфуртѣ?

Президентъ улыбнулся. — Ты увидишь, проговорилъ онъ, что эта мечта германскаго единства скоро разсѣется. Сколько тамъ нѣмцы не отрицавай себѣ республиканскія бороды, все же они въ душѣ народъ смиренный и не подымутъ руку на отцевъ отечества; а пока отцы отечества согласятся на счетъ обще-германской конституціи, можно поручиться, что все останется по старому.

— Ну, а что какъ обстоятъ дѣла въ городѣ? спросилъ генераль.

— Да что, повидимому, плохо, отвѣчалъ президентъ. Теперь у насъ самый развалъ избирательныхъ волненій. Въ непріятельскомъ лагерѣ страшная неурядица; они и сами не знаютъ кого имъ выбрать столичнымъ депутатомъ и кого депутатомъ во Франкфуртъ. Въ способныхъ-то людяхъ, какъ вы можете представить, у нихъ крайняя бѣдность, къ тому же и между вождями господствуетъ страшное разногласіе въ возрѣніяхъ. Во главѣ радикаловъ, т. е. такихъ господъ, которые всего охотнѣе все бы поставили вверхъ дномъ, чтобы на развалинахъ этого всеобщаго разрушенія начать строить свои утопіи, стоитъ мой достойнѣйшій соперникъ, докторъ Мюнцеръ. Онъ имѣетъ множество приверженцевъ, такъ какъ онъ уроженецъ Рейнскихъ провинцій и, по крайней мѣрѣ, номинально, католикъ, а то и другое является не малою заслугою въ глазахъ народа. Народъ вѣдь на насъ, протестантовъ изъ восточныхъ провинцій, смотритъ съ большимъ недоверіемъ, въ особенности съ тѣхъ поръ какъ духовенство тутъ стало мутить. Рядомъ съ этими крайними демократами, стоитъ другая, такъ называемая, конституціонная партія; эта вмѣщаетъ въ себѣ всѣ отѣнки умѣренныхъ мнѣній, отъ консерватора-роялиста и до либеральнаго буржуа, у котораго изъ двухъ словъ третье: конституція. Признаюсь, я и самъ счелъ за лучшее, въ интересъ праваго дѣла, примкнуть, по крайней мѣрѣ для виду, къ этой партіи, которая, съ своей стороны, тоже организо-

валась въ общество, хотя черезъ это мнѣ порою и приходится имѣть дѣло съ такими людьми, которыхъ я не желалъ бы имѣть своими знакомыми.

Между тѣмъ на столъ подали десертъ, и вино нѣсколько усладило и развлекло унылое общество, такъ какъ генераль, противъ своего обыкновенія, не только пилъ самъ, но и другихъ приглашалъ пить. Въ эту самую минуту на дворѣ замка раздался глухой стукъ колесъ; генераль чуть замѣтно мигнулъ сидѣвшей противъ него Бригитѣ, и она тотчасъ же вышла изъ комнаты. Изъ остальныхъ никто не обратилъ особеннаго вниманія на это обстоятельство, такъ какъ генераль успѣшилъ обратиться къ президенту съ вопросомъ:

— Ну а твой братъ Артуръ? Я читалъ въ газетахъ, что онъ въ этомъ обществѣ играетъ важную роль.

Въ теченіи послѣднихъ лѣтъ генераль ни разу не вспоминалъ про своего третьяго племянника, какъ будто его не было въ живыхъ; понятно послѣ этого изумленіе всѣхъ присутствующихъ, когда онъ вдругъ упомянулъ это имя да еще какъ-то странно возвысилъ при этомъ голосъ.

— Это одно изъ тѣхъ непріятныхъ столкновеній, о которыхъ я только что сейчасъ говорилъ, отвѣчалъ президентъ. Вамъ извѣстно, любезный дядюшка, какъ далеко расходятся мои политическія убѣжденія съ воззрѣніями моего несчастнаго брата; мое общественное положеніе обязывало меня порвать всякія сношенія съ человѣкомъ, который раздѣлилъ наше древнее имя съ какою-то мамзель Шмпцъ; а между тѣмъ, продолжалъ президентъ, пожимая плечами, если мы не хотимъ утратить послѣднее наше вліяніе на народъ, мы должны...

— Садитесь за одинъ столъ съ мытарями и грѣшниками? захохоталъ генераль. А почему же бы и не такъ? Какъ дѣло дойдетъ до выгоды, такъ можно и съ самимъ чертомъ побрататься; такъ, что-ли я говорю, господинъ полковникъ?

Полковникъ счелъ своимъ долгомъ опровергнуть это предположеніе во первыхъ, въ званіи солдата, а во вторыхъ потому, что на этотъ разъ его личныя убѣжденія совпадали, повидимому, съ воззрѣніями генерала.

— Ну, вѣтъ, отвѣчалъ онъ; по крайней мѣрѣ, что до меня касается, я никогда не принесу своего убѣжденія въ жертву какимъ бы-то нибыло соображеніямъ. Не мы отступились отъ Артура, онъ самъ отрекся отъ насъ, женившись на мѣщаникѣ и перешедши въ лагерь демократовъ; этимъ онъ, какъ бывший офицеръ, наложилъ на себя вдвойнѣ позорное клеймо, а потому, вся вина нашихъ отношеній падаетъ на него; онъ заслужилъ наше полное презрѣніе.

Во все продолженіе этой рѣчи генераль такъ часто поглядывалъ на дверь, что это кинулось въ глаза всѣхъ присутствующихъ, кромѣ полковника, и во всемъ обществѣ обнаружилось ожиданіе чего-то необычайнаго.

— Однако, это мнѣ очень непріятно слышать, воскликнулъ генераль; твои слова ставятъ меня въ пренеловкое положеніе. Я было думалъ сдѣлать доброе дѣло, помпривъ васъ на старости лѣтъ. Но конечно, если дѣла такъ плохи... боюсь только, что теперь уже слишкомъ поздно... Ну вотъ, такъ и есть!

Передняя дверь распахнулась и въ комнату вошелъ видный господинъ, ведя подъ руку красивую, блѣдную даму; за ними выступалъ высокій, стройный молодой человекъ.

Появленіе дяди Артура съ женою и сыномъ было такъ неожиданно для большинства присутствующихъ, что всѣ повскакали съ своихъ мѣстъ, точно по нимъ пробѣжала электрическая искра.

— Милости просимъ, дѣтушки! торжествующимъ голосомъ закричалъ генераль. Любо дорого глядѣть, когда братья дружно живутъ между собою. Здравствуй племянникъ Артуръ! Такъ это твоя жена; а это твой сынъ? Очень радъ съ вами познакомиться. Рекамендую вамъ вашихъ милыхъ родственницъ: полковницу фонъ - Гогенштейнъ, урожденную графиню фонъ-Дюррентъ-Лиліенфельде....

— Я уже имѣю честь быть знакомою, съ натянутою вѣжливостью отвѣчала полковница, вся блѣдная отъ злости.

— Вотъ какъ! ты уже имѣешь честь быть знакомою? Пріятно слышать! воскликнулъ старикъ. И ты тоже, конечно, племянница Клотильда?

— О, да, конечно! отвѣчала президентша. Мы уже не разъ видалась издали, и я въ восторгѣ, что наконецъ таки мнѣ представился случай лично познакомиться съ моей милой свояченицей. Прошу насъ любить и жаловать!—и президентша съ распростертыми объятиями подошла къ блѣдной дамѣ, дрожавшей отъ волненія. — Это мои дочери, Аврелія и Камилла. Дѣти! Это ваша тетушка...

— Маргарита, подсказала блѣдная дама, видя, что президентша остановилась въ замѣшательствѣ.

— Какое славное имя! воскликнула Камилла, восторженно хватая протянутую ей руку.

Пока Артуръ здоровался съ своими братьями, изъ которыхъ одинъ, именно президентъ, отвѣчалъ на его привѣтствія съ изысканною любезностью, а другой, полковникъ, держалъ себя холодно и гордо, Вольфгангъ держался въ сторонѣ. Отвѣсивъ всѣмъ присутствующимъ общій поклонъ, онъ устремилъ свои прекрасные, задумчивые глаза на мать; казалось, что вся эта сцена только и интересовала его насколько въ ней участвовала его мать.

— Ну, а тебя какъ зовутъ? обратился къ нему генераль съ своею обычною рѣзкостью, оглядывая его съ головы до ногъ.

— Вольфгангомъ, отвѣчалъ молодой человѣкъ, нисколько не робѣя подъ этимъ взглядомъ.

— Сколько тебѣ лѣтъ?

— Двадцать одинъ годъ.

— Чѣмъ ты занимаешься?

— Изучаю право. Однако, извините меня, мнѣ нужно къ матушкѣ.

Съ этими словами Вольфгангъ съ легкимъ поклономъ отвернулся отъ генерала, который съ изумленіемъ поглядѣлъ ему въ слѣдъ, и подошелъ къ матери. — Не хочешь ли присѣсть, милая матушка? проговорилъ онъ.

И, взявъ подъ руку прекрасную даму, которая за послѣднее время становилось все блѣднѣе и блѣднѣе, отвелъ ее въ сторону и, усадивъ въ кресло, проговорилъ въ полголоса: ты очень устала, маменька, отдохни немного.

— Но что подумаютъ другіе?

— Пускай ихъ себѣ думаютъ что угодно; я останусь около тебя.

Между тѣмъ генераль успѣлъ до сыта натѣшиться этой семейной сценой, которую онъ съумѣлъ такъ ловко устроить.

— Ну-съ, любезные дѣтушки, воскликнулъ онъ, веселитесь, какъ знаете, а мнѣ пора на покой; до завтра мы не увидимся. Или бытъ можетъ, кто изъ васъ желаетъ совсѣмъ распрощаться со мною теперь же?

И гостепріимный хозяинъ уставился глазами на полковника и его семейство.

Намекъ былъ достаточно ясенъ; полковникъ съ женою и дѣтми подошелъ къ генералу и проговорилъ:

— Съ вашего позволенія, дядюшка, я теперь же прощусь съ вами; какъ мнѣ это ни прискорбно, но долгъ службы призываетъ меня въ городъ.

— Въ самомъ дѣлѣ? Съ богомъ, дѣтушки, съ богомъ, поѣзжайте, отвѣчалъ старикъ, насмѣшливо кивая плѣшивую головою.

Въ эту минуту подошелъ президентъ и тоже началъ откланиваться.

— Тебя самага я не держу, воскликнулъ генераль; но твои бабы останутся здѣсь, и знать не хочу никакихъ отговорокъ. Madame! проводите супругу Артура фонъ-Гогенштейна въ ея комнату. Внучекъ Вольфгангъ, поручаю тебѣ любезничать съ дамами; докажи, что ты не одно право изучалъ, и на всѣ руки молодецъ. А ты, племянникъ Артуръ, дай мнѣ свою руку и проводи меня въ спальню; мнѣ еще нужно съ тобой поговорить.

VI

На слѣдующій день никого не оставалось въ замкѣ изъ вчерашнихъ гостей, кромѣ Камиллы и Вольфганга. Правда, президентша, уѣхавшая вмѣстѣ съ остальнымъ обществомъ, должна была къ вечеру возвратиться, но ясно было, что ее пригласили только въ качествѣ *dame d' honneur* ея прекрас-

ной дочери. Президентша и сама понимала это и, со слезами обвиняя передъ отъѣздомъ свою Камиллу, поздравила ее съ хорошимъ впечатлѣніемъ, произведеннымъ ею на дѣдушку. Съ другой стороны, статскій совѣтникъ, послѣ разговора съ генераломъ, въ сильномъ волненіи отыскалъ своего сына, гулявшаго съ дамами въ саду и, отведя его въ сторону, сообщилъ ему, что примиреніе его съ дядею окончательно состоялось и что онъ, статскій совѣтникъ, возлагаетъ на это событіе величайшія надежды. За тѣмъ онъ объявилъ ему, что генераль желаетъ поближе познакомиться съ внукомъ, котораго онъ такъ поздно узналъ, быть можетъ отчасти и по своей винѣ!—и потому оставляетъ его еще на нѣсколько дней у себя.—Изъ этого приглашенія можетъ выйти большой толкъ, проворилъ статскій совѣтникъ, потирая себѣ руки.—Не упрямясь, Вольфгангъ, если ты меня любишь, воскликнула мать, замѣтивъ, что лице молодаго человѣка становилось все мрачнѣе и мрачнѣе по мѣрѣ того, какъ онъ вслушивался въ слова отца.

Чась спустя карета генерала увозила президентшу съ Авреліей и Артура съ Маргаритой. Проводивъ своихъ родственниковъ, молодые люди взглянули другъ на друга. Вольфгангъ разсмѣялся.

— Еслибы я положительно не былъ увѣренъ, проговорилъ онъ, что все это дѣйствительность, я готовъ бы былъ подумать, что грежу или читаю романъ.

— Развѣ я такъ похожа на героиню романа? спросила Камилла.

— Нѣтъ, этого я не нахожу; но вся эта обстановка такъ мало имѣетъ общаго съ моимъ обычнымъ образомъ жизни, что я чувствую себя какъ бы перенесеннымъ въ невѣдомый мнѣ міръ. Скажите, вы долго еще думаете здѣсь пробыть?

— Я не знаю, какъ порѣшили на счетъ этого дѣдушка и маменька. А вы?

— И я тоже хорошенько еще не знаю; надѣюсь, что не долго; я и такъ нахожусь въ странномъ затрудненіи, какъ убить время въ теченіе этихъ двухъ-трехъ дней, которые я, волей неволей, долженъ буду пожертвовать прихоти дѣда.

— Это вовсе не любезно съ вашей стороны, кузень, преговорила Камилла, плутовски поглядывая на него своими карими глазками.

— Какъ такъ? спросилъ молодой человекъ съ неподдѣльнымъ удивленіемъ.

— Мнѣ еще надо поговорить съ madame относительно моей комнаты; извините меня.

Вольфгангъ проводилъ ее глазами. Онъ смутно сознавалъ, что чѣмъ-то обидѣлъ ее, но онъ слишкомъ былъ занятъ своими мыслями, чтобы долго останавливаться на этомъ вопросѣ.

Отъ нечего дѣлать онъ отправился безъ цѣли бродить по саду. Новизна и неожиданность его настоящаго положенія дѣйствовали на него такъ сильно, что онъ все еще не могъ отдѣлаться отъ того ощущенія, о которомъ онъ говорилъ Камиллѣ: ему казалось, что онъ все это видитъ во снѣ. Такъ вотъ онъ, этотъ замокъ, о которомъ онъ столько слышался отъ своихъ родителей и который привыкъ населять въ воображеніи разными сказочными чудесами. Дѣйствительность представляла разительное сходство съ его ребяческими представленіями. Еще сказочнѣе и древнѣе смотрѣлъ паркъ въ своемъ запустѣніи. Въ кучахъ сухой листвы, которыя столько осеннихъ бурь нанесли у корней вѣтвистыхъ, каштановыхъ деревьевъ, легко могъ бы укрыться Одиссей со всѣми своими товарищами. Въ полуразвалившихся оранжереяхъ и павильонахъ птицы свили свои гнѣзда; по дорожкамъ, сквозь густой слой сгнившихъ остатковъ растительности, накопившихся въ теченіи многихъ лѣтъ, весело пробивалась молодая зелень. Тамъ и сямъ мелькали вѣтхія статуи, у большей части которыхъ не доставало ни рукъ, ни головы. Въ этой глуши, гдѣ все, созданное рукою человека было предано запустѣнію, самый веселый блескъ послѣобѣденнаго солнца казался чѣмъ-то прозрачнымъ и щебетанье птицъ, хлопотавшихъ надъ сооруженіемъ своихъ гнѣздъ, звучало слабымъ отзвукомъ давно прошедшаго.

Вольфгангъ присѣлъ на скамью въ небольшомъ гротѣ, густо поросшемъ плющомъ. Опустивъ голову на руки, онъ впалъ

въ то переходное состояніе, между сномъ и бдѣніемъ, при которомъ воображеніе рисуетъ свои картины съ поражающею ясностью, а между тѣмъ, нить мышленія не прерывается.

Онъ видѣлъ себя молоденькимъ мальчикомъ съ сумкою за плечами отправляющимся въ школу. Утреннее солнце льетъ свой веселый свѣтъ на крыши домовъ; звонъ колоколовъ сливается съ криками уличныхъ торговцевъ, съ грохотомъ экипажей, съ гуломъ толпы. Но вотъ онъ въ школѣ; вокругъ него группа мальчиковъ, и всѣ они отчаянно скрипятъ перьями по бумагѣ. Онъ засмотрѣлся на свѣтлый кружокъ, отражающійся на потолкѣ отъ стакана съ водою, который стоитъ на каедрѣ передъ учителемъ; но вдругъ чья-то грубая рука хватается его за ухо и грубый голосъ говоритъ: развѣ это А, развѣ это Б? негодный мальчишка? Среди всѣхъ этихъ печальныхъ и радостныхъ воспоминаній его дѣтства, явственнѣе всѣхъ выступаетъ передъ нимъ одинъ прекрасный, блѣдный образъ. Чѣмъ онъ дѣлается разумнѣе и старѣе, тѣмъ дороже ему становится этотъ образъ. Мальчикъ страстно, безумно любитъ свою мать. Она для него олицетвореніе всего прекраснаго и святаго на землѣ; жить съ нею и дѣлиться съ нею всѣми движеніями своего сердца составляетъ для него насущную потребность. Настаетъ время когда онъ становится ея довѣреннымъ другомъ. Мать его часто бываетъ больна и пока его товарищи гурьбою рассказываютъ по улицамъ, или, на зло школьнымъ регламентамъ, пируютъ въ кабачкахъ, онъ по цѣлымъ часамъ проводитъ у ея изголовья. Въ тѣ часы, когда ей становится лучше, она рассказываетъ ему о семейныхъ дѣлахъ. Она жалѣетъ объ отцѣ, который, черезъ свою женатбу на ней испортилъ свою карьеру и разсорился со всѣми родными; а между тѣмъ одного слова стараго родственника, владѣтеля Рейнфельдена было бы достаточно, чтобы помочь ему въ тѣхъ затрудненіяхъ, въ которыя онъ впутался по своей неумѣлости, занявшись торговымъ дѣломъ. Эти разговоры съ матерью поднимаютъ для понятливаго мальчика уголокъ той завѣсы, которая скрывала отъ него семейныя дѣла, и черною тучею омрачаютъ свѣтлый горизонтъ его дѣтства. Многое наводитъ его на серьезные размышленія, не свойственныя его

возрасту. Сосѣдскія дѣти смѣются надъ его болѣе изысканными манерами и попрекаетъ его тѣмъ, что онъ *Герръ-фонъ*; въ школѣ маленькіе аристократы дерутъ передъ нимъ носъ на томъ основаніи, что отецъ его спекулируетъ на биржѣ. Всюду слышатъ онъ, что о знатныхъ родственникахъ его отца, которые знать не хотятъ ни его самого, ни его родителей, отзываются съ большимъ уваженіемъ, чѣмъ о плебейскихъ родственникахъ его матери, отъ которыхъ онъ и семейство его ничего не видали кромѣ хорошаго. Въ немъ зарождается сомнѣніе въ справедливости и разумности существующаго порядка; въ этомъ-то сомнѣніи мужаетъ характеръ мальчика и зрѣетъ рѣшимость юноши: неизмѣнно поступать самому по законамъ справедливости и не жалѣть трудовъ и усилій, чтобы право и справедливость восторжествовали на землѣ.

Поддержанію въ немъ этого направленія всего болѣе способствуетъ дружба съ однимъ изъ его бывшихъ учителей, образъ мыслей котораго, не согласный съ принципами, господствовавшими въ администраціи, вынудилъ его отказаться отъ преподаванія, и который, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцовъ, успѣлъ прославиться въ газетахъ и журналахъ тѣмъ что, до мартовскіе бюрократы называли «бойкимъ перомъ». Бѣдный Мюнперъ! Не даромъ дала тебѣ судьба такое многозначительное имя! Подобно одноименному тебѣ герою крестьянскихъ войнъ, ты долженъ былъ сквозь темный лѣсъ схоластики пролагать себѣ дорогу на вольный, широкій свѣтъ! И въ твоихъ жилахъ тоже течетъ крестьянская кровь: она-то придаетъ гордую мощь твоему тѣлу, которую не пошатнули долгіе годы нужды, борьбы изъ за куска насущнаго хлѣба и тяжелаго, непрерывнаго труда. — И чтобы ты сказалъ въ эту минуту мой другъ и учитель, еслибы ты увидѣлъ меня праздно мечтающимъ среди этого парка, который создало аристократическое тщеславіе, а аристократическая прихоть отдаетъ на жертву заустѣнію, между тѣмъ какъ цѣлый свѣтъ кругомъ сорвался съ обычной колеи и спросъ на свѣжія силы ростетъ съ каждымъ днемъ?

Чей-то кроткій голосъ заговорилъ надъ самымъ ухомъ Вольфганга.

— Кто там? воскликнул молодой человекъ, въ испугѣ вскакивая съ своего мѣста.

— Это я, отвѣчалъ кроткій голосъ, и изъ-за стѣны грота показался человекъ, незамѣтно подкравшійся паркомъ; онъ снялъ фуражку и съ замѣчательною неловкостью отвѣсилъ нѣсколько поклоновъ.

Съ изумленіемъ осматривалъ Вольфгангъ эту загадочную личность. Первое его впечатлѣніе было, что онъ имѣетъ дѣло съ помѣшаннымъ; но впечатлѣніе это тотчасъ же разсѣялось при взглядѣ на худощавое, добродушное лице и глубокіе, ясные глаза, въ которыхъ свѣтилось столько дѣтскаго простодушія. Ласково отвѣтивъ на смиренный поклонъ незнакомца, онъ спросилъ:

— Позвольте узнать съ кѣмъ...

— Имя мое Шмальгансъ, Бальтазаръ Шмальгансъ, торопливо отвѣчалъ незнакомецъ. Я помѣшалъ вашей милости въ разговорѣ съ самимъ собою, и всенякайше прошу у васъ въ томъ извиненія. Но я ни какъ не могъ удержаться, слыша, что молодой баринъ говоритъ такія вещи, которыя, по моему, быть можетъ, и ошибочному мнѣнію... ужъ вы, сдѣлайте милость, извините меня!

И Бальтазаръ, который все болѣе и болѣе конфузился подъ испытующимъ взглядомъ Вольфганга и все плотнѣе и плотнѣе прикрывалъ фалдою своего фрака глиняный горшокъ, который былъ у него въ рукахъ, поклонился еще разъ и хотѣлъ удалиться, но Вольфгангъ остановилъ его.

— Вашъ путь, какъ я вижу, лежитъ въ замокъ, почему бы намъ не идти вмѣстѣ?

— Ахъ нѣтъ! ужъ вы, сдѣлайте милость, увольте меня. Я совсѣмъ было и забылъ, что мнѣ строжайше запрещено показываться на глаза пріѣзжимъ господамъ. Нѣтъ, мой путь не въ замокъ лежитъ, совсѣмъ на оборотъ.

Любопытство Вольфганга было затронуто за живое страннымъ поведеніемъ и безсвязными рѣчами этого человека.

— Кѣмъ же это вамъ строжайше запрещено, спросилъ онъ, идя съ нимъ рядомъ.

— Ею, проговорилъ тотъ, робко поглядывая по направленію къ замку.

— Ею? т. е. кѣмъ же это? Ужь не вѣдьмою-ли экономкой?

— Ну да, моею женою, отвѣчалъ Бальтазаръ, прибавляя шагъ.

— Такъ она ваша жена? воскликнулъ Вольфгангъ, раздражаясь невольнымъ хохотомъ. — Ну да, конечно, теперь я понимаю ваше нежеланіе подходить близко къ замку.

— Не правда ли? отвѣчалъ Бальтазаръ, вы его понимаете. Я человекъ смиренный; мнѣ только того и хочется, чтобы со всѣми жить въ мирѣ и согласіи, съ какой стати мнѣ безъ нужды подвергать себя ея гнѣву. Ужь лучше я лишній разокъ на своемъ вѣку лягу спать съ пустымъ желудкомъ...

Какой-то шелестъ въ живой изгороди, мимо которой они проходили, обратилъ на себя вниманіе Бальтазара. Онъ осторожно раздвинулъ вѣтви и заглянулъ въ чашу.

— Ахъ, посмотрите, посмотрите, проговорилъ онъ шопотомъ, съ сіяющимъ лицомъ обращаясь къ Вольфгангу.

Въ маленькомъ гнѣздышкѣ лежалъ три или четыре птенца, покрытыхъ бѣлымъ пушкомъ и, вытянувъ шейки, широко разѣвали клювы.

— Бѣдняжки! они ѣсть хотять, проговорилъ Бальтазаръ, и, пошаривъ у себя въ карманахъ, отыскалъ между обрывками тесемокъ, вѣтками сухихъ растений и другимъ хламомъ, корку хлѣба, которую онъ раскрошилъ на землѣ около изгороди. — Пускай себѣ кушаютъ на здоровье, проговорилъ онъ. А теперь, скорѣе уйдемте отсюда, чтобы не спугнуть старыхъ птицъ; онѣ вонъ тамъ сидятъ и смотрятъ на насъ своими глупыми глазами, не то съ любопытствомъ, не то со страхомъ.

— Вы, какъ я вижу, горячо любите природу, замѣтилъ Вольфгангъ, продолжая съ нимъ путь.

— Да кто же ее не любитъ у кого есть очи, чтобы видѣть, и уши, чтобы слышать—и, прибавлю, носъ, чтобы обонять? отвѣчалъ Бальтазаръ, и, при этомъ, слабый румянецъ разлился по его блѣдному лицу. — Часто сижу я тутъ подъ деревьями между кустовъ и всѣми своими чувствами наслаждаюсь окружающими меня чудесами; и повѣрите-ли? Подъ часъ я самъ

не умѣю разобрать, что я такое, бѣлое ли облако, которое проносится надъ моею головою, птичка ли, щебечущая возлѣ меня въ кустарникѣ, или молодая листва, льющая вокругъ меня свой смолистый ароматъ?

— Да вы поэтъ, милостивый государь, воскликнулъ Вольфгангъ, который не могъ въ себя придти отъ удивленія, слыша такія мысли, да еще выражаемыя такимъ книжнымъ языкомъ отъ такого невзрачнаго, на видъ, человѣчка.

— Ахъ, нѣтъ, стыдливо возразилъ Бальтазаръ, не говорите мнѣ этого. Я и самъ порою такъ думалъ, но то были тщеславныя, заносчивыя мечты, которыхъ я впоследствии стыдился. Гдѣ мнѣ, темному человѣку, равняться съ мудрейшими и лучшими изъ людей. Въ жизни своей я такъ мало имѣлъ случаевъ научиться чему нибудь порядочному... то, чему учатъ въ семинаріи, не идетъ въ расчетъ: учатъ тамъ не многому, да и это не многое, большею частью, вздоръ.

Бальтазаръ въ испугѣ приостановился и поднялъ на Вольфганга умоляющій взглядъ.

— Это у меня такъ только съ языка сорвалось, проговорилъ онъ. Вѣдь вы это, не правда ли, не примите въ дурную сторону?

— О нѣтъ, помилуйте, отвѣчалъ Вольфгангъ, улыбаясь; я съ вами, напротивъ, совершенно согласенъ. Такъ вы Аристотель сельскаго юношества?

— Аристотель сельскаго юношества, повторилъ Бальтазаръ; какъ это хорошо сказано, какъ же, какъ же! я знаю кто былъ Аристотель: великій языческій мудрецъ, наставникъ царя Александра Македонскаго. Его имя часто упоминается въ твореніяхъ Лессинга. Вы тоже любите Лессинга?

— Еще бы! онъ одинъ изъ величайшихъ геніевъ нашего отечества.

— Не правда ли? воскликнулъ Бальтазаръ съ веселымъ одушевленіемъ. Вотъ такъ человѣкъ! И какъ онъ пишетъ! Это такая ясность, что вы видите дно, какъ на ладони, и такая глубина, что ее подъ часъ и измѣрить невозможно. Знаете вы его Натана? Тамъ есть одно прекрасное мѣсто, которое я

каждый разъ повторяю про себя, когда чувствую, что любовь къ братьямъ оскудѣваетъ въ моемъ сердце:

Wohlan!

Es eifre jeder seiner unbestochenen
Von Vorurtheilen freien Liebe nach *),

Двадцать лѣтъ раздумывалъ я объ этомъ мѣстѣ и пришелъ къ тому заключенію, что въ немъ выражено все, чѣмъ долженъ руководствоваться человекъ въ своихъ отношеніяхъ къ другимъ людямъ, и не только къ людямъ, но и къ другимъ существамъ, живущимъ на одной съ нами землѣ. Если-бы люди поняли и провели въ жизнь это слово, тогда намъ не нужно бы было ни полиціи, ни жандармовъ, ни тюремъ, ни рабочихъ домовъ. Да, государь мой, тогда настало-бы царство настоящей свободы, не той, которая въ одной рукѣ должна держать мечъ, чтобы другою расточать людямъ свои благодѣянія.

Неужели и теперь мы не въ правѣ надѣяться? Теперь, когда и у насъ весна повѣяла новою жизнью, не только на лѣса и луга, но и на сердца людей? Какъ, неужели все еще нѣтъ надежды?

— Боюсь, что нѣтъ, отвѣчалъ Вольфгангъ. Не могу я, напримѣръ, себѣ вообразить, чтобы старый генералъ, живущій вонъ тамъ, въ замкѣ, вдругъ ни съ того ни съ сего сдѣлался поборникомъ лучшихъ стремленій нашего вѣка.

— О вѣтъ, проговорилъ Бальтазаръ съ жалобнымъ видомъ. Страшный онъ, я вамъ скажу, господинъ.

Разговаривая такимъ образомъ, они дошли до желѣзной калитки, придѣланной къ рѣшеткѣ парка и висѣвшей уже на одной только петлѣ. Бальтазаръ снялъ фуражку и проговорилъ тихимъ, упрасивающимъ голосомъ:

— Не правда-ли, вѣдь вы ей не скажете, что встрѣтили меня сегодня въ паркѣ? Она было обѣщалась присылать мнѣ

*)

Сильве!

Пусть каждый соревнуеть его неподкупной,
Свободной отъ предразсудковъ любви.

обѣдъ на деревню, да видно, забыла. Ну, да ничего, я себѣ достану чего нибудь поѣсть у старой Урсулы. Такъ ужь, сдѣлайте милость, не говорите ей. А за тѣмъ, молодой баринъ, желаю вамъ счастливо оставаться.

И, съ трудомъ пролезая въ узкую калитку, онъ оглянулся, еще разъ повторилъ: счастливо оставаться!— И скрылся изъ виду.

— Вотъ какое странное знакомство! подумалъ Вольфгангъ, направляясь къ замку. А право, его желаніе мнѣ «счастливо оставаться» въ этомъ заколдованномъ замкѣ вовсе не звучитъ пустою фразою.

(Продолженіе будетъ).

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ПЕРЪШЕННЫЙ ВОПРОСЪ.

(Статья первая).

I.

Мнѣ кажется, что въ русскомъ обществѣ начинается выработаться въ настоящее время совершенно самостоятельное направленіе мысли. Я не думаю, чтобы это направленіе было совершенно ново и вполне оригинально; оно непременно обуславливается тѣмъ, что было до него, и тѣмъ, что его окружаетъ; оно непременно заимствуетъ съ различныхъ сторонъ то, что соответствуетъ его потребностямъ; въ этомъ отношеніи оно, разумѣется, подходит вполне подъ тотъ общій естественный законъ, что въ природѣ ничто не возникаетъ изъ ничего. Но самостоятельность этого возникающаго направленія заключается въ томъ, что оно находится въ самой неразрывной связи съ дѣйствительными потребностями нашего общества. Это направленіе создано этими потребностями, и, только, благодаря, имъ существуетъ и понемногу развивается. Когда наши дѣдушки забавлялись мартинизмомъ, массонствомъ или волтерьянствомъ, когда наши папеньки утѣшались романтизмомъ, байронизмомъ или гегелизмомъ, тогда они были похожи на очень юныхъ гимназистовъ, которые, во что-бы то ни стало, стараются себя увѣрить, что чувствуютъ неодолимую потребность затянуться послѣ обѣда крѣпкою папирскою. У юныхъ гимназистовъ существуетъ на самомъ дѣлѣ по-

Отд. II.

требность казаться взрослыми людьми, и эта потребность вполне естественна и законна, но все таки самый процесс курения не имѣть ни малѣйшей связи съ дѣйствительными требованіями ихъ организма. Такъ было и съ нашими ближайшими предками. Имъ было очень скучно, и у нихъ существовала дѣйствительная потребность занять мозги какими нибудь размышленіями, но почему выписывался изъ за границы мартинизмъ, или байронизмъ, или гегелизмъ — на этотъ вопросъ не ищите отвѣта въ органическихъ потребностяхъ русскихъ людей. Всѣ эти — измы выписывались единственно потому, что они были въ ходу у европейцевъ, и всѣ они не имѣли ни малѣйшаго отношенія къ тому, что происходило въ нашемъ обществѣ. Теперь, повидному, дѣло пошло иначе. Мы теперь выписываемъ больше, чѣмъ когда-бы то ни было; мы переводимъ столько книгъ, сколько не переводили никогда; но мы теперь знаемъ, что дѣлаемъ, и можемъ дать себѣ отчетъ, почему мы беремъ именно это, а не другое.

Послѣ окончанія крымской войны родилась и быстро выросла наша обличительная литература. Она была очень слаба и ничтожна, и даже очень близорука, но ея рожденіе было явленіемъ совершенно естественнымъ и вполне органическимъ. Ударъ вызвалъ ощущеніе боли, и, вслѣдствіе за тѣмъ, явилось желаніе отдалиться отъ этой боли. Обличеніе направилось, конечно, на тѣ стороны нашей жизни, которыя всѣмъ моголили глаза; между прочимъ, наше чиноуодованіе обрушилось на мелкое чиновничество, но такіе обличительные подвѣги, конечно, не могли насъ удовлетворить, и мы скоро поняли, что они, во первыхъ, бесплодны, а во вторыхъ, несправедливы, и даже безмысленны. Прежде всего, явилось въ отпоръ обличительному бѣшечеству то простое соображеніе, что мелкому чиновнику хочется ѣсть, и что за это естественное желаніе не совсѣмъ основательно считать его извергомъ рода челоуѣческаго. — Это точно. Пускай ѣдятъ мелкіе чиновники. Значить, надо увеличить оклады жалованья, заговорили тѣ мыслители, которые любятъ изходить въ одну минуту универсальныя лекарства для всякихъ неудобствъ частной и общественной жизни. — Это само собою, отвѣчали другіе; но этого мало. Когда чиновникъ будетъ обезпеченъ, тогда онъ потянется за роскошью. Надо сдѣлать такъ, чтобы онъ не тянулся. — Ну да, конечно, заговорили опять любители универсальныхъ лекарствъ. Дать чиновнику твердыя нравственные убѣжденія. Дать ему солидное образованіе. Пускай канди-

даты университета идутъ въ квартальные и въ становые.— И это хорошо,—замѣтили другіе. Образованіе дѣло превосходное, но у каждаго чиновника есть семейство или кружокъ близкихъ знакомыхъ. Каждый чиновникъ, получившій солидное образованіе, прямо съ университетской скамейки входитъ въ одинъ изъ такихъ кружковъ, и проводитъ всю свою жизнь въ одномъ кружкѣ, или въ нѣсколькихъ кружкахъ, которые, впрочемъ, всѣ похожи другъ на друга. Преданія университетской скамейки говорятъ ему одно, а вліяніе жены, сестеръ, матери, отца, и тотъ безконечный гуль и говоръ, который, все таки, какъ ни вертись, составляетъ общественное мнѣніе,—говорятъ совершенно другое. Преданія и воспоминанія всегда бываютъ слабѣ живыхъ впечатлѣній, повторяющихся каждый день, и выходить изъ этого тотъ результатъ, что чиновникъ начинаетъ тянуться за роскошью, хотя и знаетъ, что тянуться за нею дозволенными средствами невозможно, а недозволенными не годится. Значить какъ же?—Ахъ, чертъ побери, думаютъ любители универсальныхъ лекарствъ, подобныя Гг. Каткову, Павлову, Громекъ и К°. Въ самомъ дѣлѣ: какъ же? Шутка сказать. Вѣдь это надо реформировать среду.—Впрочемъ, раздумье этихъ мыслителей продолжается недолго и они непремѣнно что нибудь придумываютъ, или, по крайней мѣрѣ, о чемъ нибудь начинаютъ говорить: ну да, реформировать! ну да, обновить. Ну да, распространить грамотность, устроить сельскія школы, завести женскія гимназіи, проложить желѣзныя дороги, открыть земскіе банки и т. д.— Но мы видѣли и до сихъ поръ видимъ передъ собою два громадные факта, изъ которыхъ вытекаютъ всѣ наши отдѣльныя неприятности и огорченія. Во первыхъ мы бѣдны, а во вторыхъ, мало развиты. Эти слова нуждаются, конечно, въ дальнейшихъ поясненіяхъ. *Мы бѣдны*: это значить, что у насъ, сравнительно съ общимъ числомъ жителей, мало хлѣба, мало мяса, мало сукна, мало полотна, мало платья, обуви, бѣлья, человѣческихъ жилищъ, удобной мебели, хорошихъ земледѣльческихъ и ремесленныхъ орудій, словомъ, всѣхъ продуктовъ труда, необходимыхъ для поддержанія жизни и для продолженія производительной дѣятельности. *Мы мало развиты*—это значить, что огромное большинство нашихъ мозговъ находится почти въ полномъ бездѣйствіи, и что, можетъ быть, одна десятитысячная часть паличныхъ мозговъ работаетъ кое-какъ и вырабатываетъ въ двадцать разъ меньше дѣльныхъ мыслей, чѣмъ сколько она могла-бы выработать при нормальной и ни

сколько неизнурительной дѣятельности. Обижаться тутъ, конечно, нечѣмъ; когда человѣкъ спитъ, онъ не можетъ работать умомъ; когда Иванъ Сидоровичъ репизитъ Степана Парамоновича за зеленымъ сукномъ, онъ не можетъ работать умомъ. Словомъ, только тѣ и не работаютъ, что, по своему теперешнему положенію, не въ состояніи работать. Кто можетъ, тотъ работаетъ, но кое какъ, потому что потребность на эту работу слаба, и потому самый страстный актеръ будетъ холоденъ и вялъ, когда ему придется играть передъ пустымъ партеромъ. Само собою разумѣется, что наша умственная бѣдность не составляетъ неизлечимой болѣзни. Мы не идиоты и не обезьяны по тѣлосложенію, по мы люди кавказской расы, сидѣвшіе сиднемъ, подобно нашему милому Ильѣ Муромцу, и, наконецъ, ослабившіе свой мозгъ этимъ продолжительнымъ и вреднымъ бездѣйствіемъ. Надо его зашевелить, и онъ очень быстро войдетъ въ свою настоящую силу. Оно, конечно, надо, но вѣдь вотъ въ чемъ бѣда: мы бѣдны, потому что не развиты, и мы не развиты, потому что бѣдны. Змѣя кусаетъ свой хвостъ, и изображаетъ собою эмблему вѣчности, изъ которой пѣтъ выхода. Шарль Фурье говоритъ совершенно справедливо, что главная сила всѣхъ бѣдствій современной цивилизаціи заключается въ этомъ проклятомъ *cercle vicieux*. Чтобы разбогатѣть, надо, хоть не много, улучшить допотопные способы нашего земледѣльческаго, фабричнаго и ремесленного производства, то есть, надо поумнѣть; а поумнѣть некогда, потому что окружающая бѣдность не даетъ вздохнуть. Вотъ тутъ и вертись, какъ знаешь. Есть, однако, возможность пробить этотъ заколдованный кругъ въ двухъ мѣстахъ. *Во первыхъ*, извѣстно, что значительная часть продуктовъ труда переходитъ изъ рукъ рабочаго населенія въ руки непроезжихъ потребителей. Увеличить количество продуктовъ, остающихся въ рукахъ производителя, значитъ уменьшить его нищету и дать ему средства къ дальнѣйшему развитію. Къ этой цѣли были направлены законодательныя распоряженія правительства по крестьянскому вопросу. Въ этомъ мѣстѣ заколдованный кругъ можетъ быть пробитъ только дѣйствіемъ законодательной власти, и поэтому мы объ этой сторонѣ дѣла распространяться не будемъ. — *Во вторыхъ*, можно дѣйствовать на непроезжихъ потребителей, но, конечно, надо дѣйствовать на нихъ не моральною болтовней, а живыми идеями, и поэтому, надо обращаться только къ тѣмъ потребителямъ, которые желаютъ взяться за полезный и увлекательный трудъ,

но не знаютъ, какъ приступать къ дѣлу, и къ чему приспособить свои силы. Тѣ люди, которые, по своему положенію, могутъ, и, по своему личному характеру, желаютъ работать умомъ, должны расходовать свои силы съ крайнею осмотрительностію и расчетливостію; то есть, они должны браться только за тѣ работы, которыя могутъ принести обществу дѣйствительную пользу.—Такая экономія умственныхъ силъ необходима вездѣ и всегда, потому что человѣчество еще нигдѣ и никогда не было настолько богато дѣятельными умственными силами, чтобы позволять себѣ въ расходованіи этихъ силъ малѣйшую расточительность. Между тѣмъ, расточительность всегда и вездѣ была страшная, и оттого результаты, до сихъ поръ, получались самыя жалкіе. У насъ расточительность также очень велика, хотя и расточать-то намъ нечего. У насъ, до сихъ поръ, всего какой нибудь двугривенный умственнаго капитала, но мы, по нашему извѣстному молодечеству, и этотъ несчастный двугривенный ставимъ ребромъ и расходуемъ безобразно. Намъ строгая экономія еще необходимѣе, чѣмъ другимъ, дѣйствительно образованнымъ народамъ, потому что мы, въ сравненіи съ ними, нищѣ. Но чтобы соблюдать такую экономію, надо, прежде всего, уяснить себѣ до послѣдней степени ясности, что полезно обществу и что бесполезно. Вотъ тутъ-то, надъ этимъ уясненіемъ и должна работать литература. Мнѣ кажется, что мы начинаемъ чувствовать необходимость умственной экономіи и стремимся уяснить себѣ понятіе настоящей выгоды или пользы. Въ этомъ и заключается то самостоятельное направленіе мысли, которое, по моему мнѣнію, вырабатывается въ современномъ русскомъ обществѣ. Если это направленіе разовьется, то заколдованный кругъ будетъ пробить. Экономія умственныхъ силъ увеличить нашъ умственный капиталъ, а этотъ увеличенный капиталъ, приложенный къ полезному производству, увеличить количество хлѣба, мяса, одежды, обуви, орудій и всѣхъ остальныхъ вещественныхъ продуктовъ труда. Обязанность развивать это направленіе и пробивать съ этой стороны заколдованный кругъ, лежитъ цѣликомъ на нашей литературѣ, потому что въ этой сферѣ литература можетъ дѣйствовать самостоятельно.

II.

Экономія умственныхъ силъ есть не что иное, какъ строгій и послѣдовательный реализмъ. «Природа не храмъ, а мастерская, говорить

авторъ романа: «Отцы и дѣти,» и чело­вѣкъ въ ней работникъ». Чело­вѣкъ строго реальный видится только съ тѣми людьми, съ которыми ему «нужно» видѣться, онъ читаетъ только тѣ книги, которыя ему «нужно» прочесть, онъ даже ѣсть только ту пищу, которую ему «нужно» ѣсть, для того, чтобы поддерживать въ себѣ физическую силу; а поддерживаетъ онъ эту силу также потому, что это кажется ему «нужнымъ», то есть, потому что это находится въ связи съ общею цѣлью его жизни. Особенность чело­вѣка съ реальнымъ на­правленіемъ состоитъ исключительно въ томъ, что онъ менѣе дру­гихъ честныхъ и умныхъ людей нуждается въ отдыхѣ; можно ска­зать, что онъ отдыхаетъ только тогда, когда спитъ. Вся осталь­ная часть его жизни проходитъ за работой и вся эта работа вло­нится только въ одной цѣли: уменьшить массу чело­вѣческихъ стра­даній и увеличить массу чело­вѣческихъ наслажденій. Къ этой цѣ­ли клонились всегда, сознательно или безсознательно, прямо или косвенно, всѣ усилія всѣхъ умныхъ и честныхъ людей, всѣхъ мы­слителей и изобрѣтателей. Чѣмъ сознательнѣе и прямѣе дѣятельность чело­вѣка направлялась къ этой цѣли, тѣмъ значительнѣе была мас­са принесенной имъ пользы; но, къ сожалѣнію, нервная система че­ловѣка такъ устроена, что она не можетъ долго сосредоточивать сиво силы на одной точкѣ. Если мы захотимъ долго держать руку или ногу въ одномъ и томъ же положеніи, то мы почувствуемъ въ этой ногѣ или рукѣ утомленіе и, наконецъ, настоящую боль. Если мы будемъ долго смотрѣть на одинъ предметъ, то у насъ зарябитъ въ глазахъ. Если мы будемъ долго вдумываться въ одну и ту же мысль, то умъ нашъ на нѣсколько времени откажется работать. Если мы будемъ проводить эту мысль во всѣ наши поступки, то наконецъ, эта мысль начнетъ насъ тяготить, и мы почувствуемъ непреодолимую потребность отложить ее на время всторону, и пожить, хоть нѣ­сколько часовъ, безцѣльною жизнью. У реалиста эта потребность возникаетъ очень рѣдко, и поэтому онъ стоитъ выше обыкновенныхъ людей, то есть, можетъ, въ теченіе своей жизни, сдѣлать больше работы; а всякій согласится, что мы можемъ мѣрять умственные силы людей только количествомъ сдѣланной ими полезной работы. Чело­вѣкъ вполне реальный можетъ обходиться безъ того, что назы­вается личнымъ счастьемъ; ему нѣтъ надобности освѣжать свои силы любовью женщины, или хорошею музыкою, или смотрѣніемъ шекспиров­ской драмы, или просто веселымъ обѣдомъ съ добрыми друзьями. У

него, можетъ быть развѣ только одна слабость: хорошая сигара, безъ которой онъ не можетъ вполне успѣшно размышлять. Но и это наслажденіе служить ему только средствомъ: онъ куритъ не потому, что это доставляетъ ему удовольствіе, а потому что куреніе возбуждаетъ его мозговую дѣятельность. Если-бы онъ не замѣчалъ въ этомъ куреніи осязательной пользы, онъ бы отъ него отказался, не ради идеальнаго совершенства, а ради того, что не слѣдуетъ ничѣмъ отвлекаться отъ настоящей цѣли. Ставить такого титана въ примѣръ читателю совершенно бесполезно. Это все равно, что совѣтовать читателю связать желѣзную кочергу въ узелъ, или открыть какой нибудь міровой законъ, въ родѣ ньютоновскаго тяготѣнія, или дарвиновской теоріи естественнаго выбора. Мы люди обыкновенные, и, если бы мы захотѣли выбросить изъ нашей жизни отдыхъ и чисто-личное наслажденіе, то мы сдѣлали-бы себя мучениками, и, кромѣ того, повредили-бы даже общему дѣлу; мы бы надорвались, мы бы отняли у себя возможность принести ту малую долю пользы, которая соотвѣтствуетъ размѣрамъ нашихъ силъ; поэтому намъ не слѣдуетъ надуваться, потому что до вола мы все-таки не доростемъ, а если лопнемъ, то вмѣсто экономіи окажется чистый убытокъ. Когда вы отдыхаете и наслаждаетесь, тогда никто не имѣетъ права посылать васъ на работу; общее дѣло человѣчества подвигается впередъ не барщинною работою, и сгонять на этотъ трудъ лѣнливыхъ или утомленныхъ людей значитъ изображать суетливую муху, помогавшую лошадамъ вытаскивать въ гору тяжелый рыдванъ. Но, когда вы, отдохнувши и насладившись вдоволь, сами, по собственной охотѣ, принимаетесь за работу, тогда общество, въ лицѣ каждаго изъ своихъ членовъ, тотчасъ получаетъ надъ вами право контроля и критики; оно произноситъ свой приговоръ надъ вашею дѣятельностью, и оно имѣетъ полное право выражать свое желаніе, чтобы тѣ силы, которыя добровольно отдаются на общепользное дѣло, дѣйствительно тратились тамъ, гдѣ онѣ необходимы. Когда вы отдыхаете, вы принадлежите самому себѣ; когда вы работаете, вы принадлежите обществу. Если же вы никогда не хотите принадлежать обществу, если ваша работа не имѣетъ никакого отношенія для него, тогда вы можете быть вполне увѣрены, что вы совсѣмъ никогда не работаете, и что вы проводите всю вашу жизнь подобно мотыльку, порхающему съ цвѣтка на цвѣтокъ. Мартышкинъ трудъ не есть работа. Если такой мартышкинъ трудъ производится вполне сознательно, то есть, если трудиющаяся личность сама

пони имеет свою бесполезность, и сама говоритъ себѣ и другимъ: я трутень и хочу быть трутнемъ, потому что это мнѣ пріятно, тогда, разумѣется, не о чемъ и толковать, потому что неизлечимые больные не нуждаются ни въ дружескихъ совѣтахъ, ни въ медицинской помощи. Но можно сказать навѣрное, что большая часть мартышкина труда производится въ каждомъ человѣческомъ обществѣ по чистому недоразумѣнію. Трудящаяся личность, въ большей части случаевъ, добросовѣстно и искренно убѣждена въ томъ, что она трудится для человѣчества и для общества; это обаятельное убѣжденіе придаетъ ей бодрость и вдохновляетъ ее во время труда; если вы поколеблете въ ней это убѣжденіе, у нея опустятся руки и для нея настанетъ очень тяжелая минута разочарованія и унынія; но за эту минуту явятся сильное стремленіе къ настоящей пользѣ и крутой поворотъ къ какой нибудь другой дѣятельности, достойной мыслящаго человѣка и добросовѣстнаго гражданина. Въ результатѣ получится, такимъ образомъ, экономія умственныхъ силъ, и эта экономія будетъ гораздо болѣе значительна, чѣмъ это можетъ показаться читателю съ перваго взгляда. Каждая личность дѣйствуетъ болѣе или менѣе на все, что ее окружаетъ; поворотъ къ реализму, происшедшій въ одной личности, дастъ себя чувствовать многимъ другимъ, и таже самая особа, которая до своего обращенія, могла своимъ примѣромъ и своими совѣтами сбить съ толку двухъ или трехъ молодыхъ людей, будетъ, послѣ своего обращенія, дѣйствовать на этихъ же молодыхъ людей самымъ благотворнымъ образомъ, какъ покаившійся грѣшникъ можетъ дѣйствовать на человѣка, порывающагося согрѣшить, и главное, убѣжденнаго въ похвальности грѣха. Поэтому, я думаю, что наша литература могла-бы принести очень много пользы, если-бы она тщательно подмѣтила и основательно разоблачила различныя проявленія мартышкина труда, свирѣпствующаго въ нашемъ обществѣ, и отравляющаго нашу умственную жизнь. Кое-что въ этомъ направленіи уже сдѣлано; но вся задача, во всей своей цѣлости, чрезвычайно обширна, многія ея стороны совсѣмъ не затронуты, и, вѣроятно, пройдетъ еще много лѣтъ, и потратится много усиленнаго труда, прежде чѣмъ общество начнетъ ясно сознавать свою собственную пользу. Пока не наступитъ это блаженное время русскаго благоразумія, литература должна постоянно держать ухо востро, и выводить на вѣжую воду мартышкинъ трудъ, надѣвающій на себя самыя разнообразныя личины и ежедневно сбивающій съ толку са-

ныхъ добросовѣстныхъ людей, очень неглуныхъ и вполне способныхъ горячо полюбить полезную работу.

III.

Нашихъ реалистовъ упрекаютъ давно, и часто, и сильно въ томъ, что они не понимаютъ и не уважаютъ искусства. Упрекъ въ непониманіи несправедливъ; а что они не уважаютъ искусства—это вѣрно. Наши реалисты, какъ люди молодые и не вполне установившіеся, до сихъ поръ еще не опредѣляли съ достаточною ясностью свои отношенія къ искусству. Реальное направленіе нашей литературы вообще находится теперь въ переходной порѣ: оно перестало быть смутнымъ инстинктомъ, но не сдѣлалось еще строгимъ и отчетливо-сознательнымъ убѣжденіемъ. Многіе упреки противной стороны застаютъ нашихъ реалистовъ въ распλοхъ. Когда противники представляютъ имъ крайнія выводы, составляющія естественный и логическій результатъ ихъ собственныхъ положеній, тогда наши реалисты часто конфузятся, дѣлаютъ шагъ назадъ и стараются оправдаться. Само собою разумѣется, что такія колебанія вредятъ реальному направленію литературы, ободряютъ его противниковъ и даютъ имъ поводъ говорить поучительнымъ и покровительственнымъ тономъ разныя «жалкія слова» на ту печальную тему, что «молодо-зелено», и что всѣ нападки мальчишекъ на искусство и на науку происходятъ только отъ нежеланія учиться, и отъ ребяческой склонности ко всякому озорству. Всѣ уступки реалистовъ обращаются, такимъ образомъ, не только противъ ихъ общаго дѣла, но даже противъ ихъ отдѣльныхъ личностей. Эти уступки и колебанія безусловно вредны; но они въ то же время могутъ служить намъ превосходнымъ доказательствомъ той истины, что нашъ теперешній литературный реализмъ не вынесанъ изъ заграницы въ готовомъ видѣ, а формируется у насъ дома. У насъ нѣтъ готовой системы, изъ которой мы могли бы брать для нашей защиты сильные аргументы, придуманные какими нибудь заграничнымъ учителемъ; мы въ этомъ отношеніи не похожи на гегелистовъ прошлаго поколѣнія; намъ приходится готовить каждый аргументъ своими домашними средствами; оттого дѣло идетъ у насъ не очень прытко, оттого мы иногда пятамся и провираемся, но это еще ничего не значить. Но конфузиться все таки не годится, а уже

сдѣланныя ошибки въ подобномъ родѣ слѣдуетъ исправлять для того, чтобы на будущее время обнаруживать, при столкновеніяхъ съ литературными противниками, больше достоинства, стойкости и сознательности. Года два тому назадъ наши литературные реалисты сильно опростоволосились, и этотъ случай такъ интересенъ и поучителенъ, что о немъ стоитъ поговорить подробно, для того чтобы опредѣлить разумныя отношенія настоящаго литературнаго реализма къ вопросу объ искусствѣ.

Дѣйствіе происходитъ въ 1862 году. Въ февральской книгѣ «Русскаго Вѣстника» появляется романъ Тургенева: «Отцы и дѣти». Романъ этотъ, очевидно, составляетъ вопросъ и вызовъ, обращенный къ молодому поколѣнію старшею частью общества. Одинъ изъ лучшихъ людей старшаго поколѣнія, Тургеневъ, писатель честный, написавшій и напечатавшій «Записки охотника» задолго до уничтоженія крѣпостнаго права, Тургеневъ, говорю я, обращается къ молодому поколѣнію и громко предлагаетъ ему вопросъ: «Что вы за люди? Я васъ не понимаю, я вамъ не могу и не умѣю сочувствовать. Вотъ что я успѣлъ подмѣтить. Объясните мнѣ это явленіе». Таковъ настоящій смыслъ романа. Этотъ откровенный и честный вопросъ пришелся, какъ нельзя болѣе, вовремя. Его предлагала виѣсть съ Тургеневымъ вся старшая половина читающей Россіи. Этотъ вызовъ на объясненіе невозможно было отвергнуть. Отвѣчать на него литературѣ было необходимо. — Это было-бы превосходно, если-бы каждая идея, проводимая мыслящими людьми, проникала въ общество, перерабатывалась въ немъ, и потомъ возвращалась-бы назадъ къ литераторамъ въ отраженномъ видѣ для повѣрки и поправки. Тогда умственная работа закипѣла-бы очень быстро и всякія недоразумѣнія между литературою и обществомъ оканчивались-бы вполне удовлетворительными объясненіями. Дурна или хороша была тенденція тургеневского романа — это все равно; для литературныхъ реалистовъ этотъ романъ былъ во всякомъ случаѣ драгоценнымъ извѣстіемъ о судьбѣ ихъ идеи, и еще болѣе драгоценнымъ поводомъ къ обстоятельному объясненію съ читающею публикою. Но надо было пменно говорить со всѣмъ русскимъ обществомъ, а не съ личностью Тургенева и ужь, во всякомъ случаѣ, не съ литературною партією «Русскаго Вѣстника». Надо было совершенно отодвинуть всторону оцѣнку романа, и сосредоточиться на разборѣ базаровскихъ идей, даже въ томъ случаѣ, если-бы самъ Базаровъ былъ карриатурою.

Но «Современникъ» поступилъ какъ разъ на оборотъ. Совершенно измѣняя добролюбовскимъ преданіямъ, онъ далъ своимъ читателямъ чисто эстетическую рецензію. Г. Антоновичъ употребилъ всѣ силы своей діалектики на то, чтобы доказать, что романъ Тургенева плохъ, хотя публикѣ не было никакого дѣла ни до Тургенева, ни до его романа. Она хотѣла знать, что такое Базаровъ, и этотъ вопросъ имѣлъ для нея самое жизненное значеніе, потому что большая часть матерей, отцевъ и сестеръ видѣли въ своихъ дѣтяхъ и братьяхъ частицы или зародыши тѣхъ типическихъ особенностей, которыя сосредоточились и воплотились съ полною силою въ фигуру тургеневскаго нигилиста. «Если Базаровъ—карикатура, разсуждала публика, то объясните и представьте намъ въ настоящемъ свѣтѣ то явленіе жизни, которое вызвало эту карикатуру, и покажите намъ еще разъ ту идею, которая породила это явленіе. Если Базаровъ живой человѣкъ, то растолкуйте намъ его, мы не понимаемъ, что насъ пугаетъ, и пугаетъ именно потому, что мы видимъ что-то неопытное и базаровское въ чертахъ характера многихъ изъ тѣхъ людей, которыхъ мы любимъ, отъ которыхъ намъ больно отрываться и съ которыми мы не умѣемъ свыкнуться». Но этотъ животрепещущій вопросъ, поставленный жизнью, не дошелъ до слуха критика, углубившагося въ проведеніе остроумной параллели между г. Тургеневымъ и Викторомъ Ипатьевичемъ Аскоценскимъ. Критикъ «Современника» не захотѣлъ объяснить публикѣ и даже самому молодому поколѣнію, какой смыслъ заключается для него въ Базаровѣ, изъ какой общей идеи выходятъ тенденціи его. Задача, дѣйствительно, была очень обширная, и для удовлетворительнаго ея разрѣшенія требовалось очень много осторожности, хладнокровія и технической ловкости; надо было отказаться отъ всякихъ стремленій къ пафосу и къ полемической декламации. Надо было уяснить себѣ свою собственную мысль во всѣхъ ея мельчайшихъ подробностяхъ, и затѣмъ изложить ее въ полной ясности самыми холодными, безстрастными, и, пожалуй, даже безпѣвными словами. Но критикъ написалъ статью чрезвычайно рѣзкую, напалъ на Тургенева съ неслыханнымъ ожесточеніемъ, уличилъ его въ такихъ мысляхъ и стремленіяхъ, о которыхъ Тургеневъ никогда и не думалъ, выдержалъ самую упорную борьбу съ несуществующими заблужденіями автора, и затѣмъ, наполнивъ этимъ воинственнымъ шумомъ пятьдесятъ страницъ, оставилъ существенный вопросъ совершенно нетронутымъ. Съ Тургеневымъ критикъ расправ-

ляется очень бойко, но при встрѣчѣ съ тѣми людьми, которые считают Базарова уродомъ и злодѣемъ, онъ совершенно умолкаетъ. Эти люди говорятъ, что Базаровъ дѣйствительно существуетъ, и что онъ — лютое животное, подобное тѣмъ эгонстанъ, для которыхъ г. Станицкій рекомендуетъ желѣзные кольца, продѣтые въ ноздри. А критикъ Тургенева говоритъ, что Базаровъ — карриатура, что Базаровъ не существуетъ, но что если бы онъ существовалъ, то, конечно, его надо было-бы признать лютымъ животнымъ. Это значитъ, что дама просто пріятная говорить о лапкахъ да о глазкахъ: «ахъ, пестро!» а дама пріятная во всѣхъ отношеніяхъ возражаетъ: «ахъ, не пестро!», но въ сущности обѣ дамы вполне согласны между собою въ томъ, что пестрое платье унижаетъ достоинство благовоспитанной губернской аристократки. Они спорятъ о фактѣ, и только объ одномъ фактѣ и при этомъ критикъ тщательнo срыываетъ то обстоятельство, что онъ совершенно расходится съ гг. Дудышкинымъ, Зариннымъ и Катковымъ въ самомъ принципѣ, на основаніи котораго произносится сужденіе о достоинствѣ факта. И онъ даже не останавливается на одномъ молчаніи; онъ робко и неясно произноситъ такіа слова, которыя совершенно не вяжутся съ основными идеями «Современника»; словомъ, онъ конфузится, терается и доходитъ въ своей скромности или въ тонкости своей литературной дипломатіи до очевиднаго молчалинства, но все это благополучно сходится съ рукъ, по милости воинственнаго экстаза, который составляетъ декорацию и направляется противъ личности Тургенева, какъ мыслителя, художника и гражданина. Базарова критикъ выдаетъ головой, и при этомъ онъ даже не осмѣливается отстаивать то живое явленіе, по поводу котораго былъ созданъ Базаровъ. Причина, которую онъ оправдываетъ свою робость, въ высшей степени любопытна: «можалуй, говоритъ онъ, обличать въ пристрастіи къ молодому поколѣнію, а что еще хуже, стануть упорять въ недостатокъ самообличенія. Поэтому пускай кто хочетъ защищаетъ молодое поколѣніе, только не мы.» (стр. 93) Вотъ это очаровательно! Вѣдь защищать молодое поколѣніе значитъ, но не стоящему, защищать тѣ идеи, которыя составляютъ содержаніе его умственной жизни, и которыя управляютъ его поступками. Одно изъ двухъ: или критикъ самъ проникнуть этими идеями, или онъ ихъ отрицаетъ. Въ первомъ случаѣ, защищать молодое поколѣніе значитъ защищать свои собственныя убѣжденія. Во второмъ слу-

чаѣ, защищать его не возможно, потому что человѣкъ не можетъ поддерживать ту идею, которую онъ отрицаетъ. Но критикъ, видите-ли, и радъ бы защитить, да боится, что «его обличать въ пристрастіи». — Къ чему? — Къ собственнымъ убѣжденіямъ. Удивительное обличеніе! Умень, долженъ быть, тотъ господинъ, который выступить съ подобнымъ обличеніемъ, да и тотъ тоже не дурень, кто боится такихъ обличителей. И зачѣмъ приводить такіе неестественные резоны? Просто не хватило умѣнья, и ничего тутъ нѣтъ постыднаго въ этомъ недостаткѣ наличныхъ силъ. Мы, люди молодые: поживемъ, поучимся подумаемъ, и черезъ нѣсколько лѣтъ рѣшимъ тѣ вопросы, которые теперь, быть можетъ, заставляютъ насъ становиться въ тупикъ. Но валить съ больной головы на здоровую все таки не годится: Тургеневъ и Базаровъ, во всякомъ случаѣ, невиноваты въ томъ, что критикъ не умѣетъ защищать молодое поколѣніе, и что роль перваго критика въ «Современникѣ» не соответствуетъ теперешнимъ размѣрамъ его силъ. А между тѣмъ, за все, про все отдуваются именно Тургеневъ, да Базаровъ. Чтобы доказать, что Базаровъ — гнусная карриатура, и что Тургеневъ написалъ презрѣнный пасквиль, критикъ «Современника» разсуждаетъ такъ неестественно, и пускаетъ въ ходъ такіа удивительныя натяжки, что читателю, знакомому съ романомъ «Отцы и дѣти», приходится на каждомъ шагу обвинять и уличать критика или въ непонятливости, или въ нежеланіи понимать., Какъ объяснить себѣ, напримѣръ, такой пассажъ: «Главный герой романа съ гордостью и заносчивостью говоритъ о своемъ искусствѣ въ картежной игрѣ» (стр. 68). Это Базаровъ-то! Съ гордостью и заносчивостью! О преферансѣ и ералашѣ! Миѣ даже совѣстно становится за критика. «Потомъ г. Тургеневъ старается выставить главнаго героя обжорой, который только и думаетъ о томъ, какъ-бы поѣсть и попить.» (Стр. 69). Подумаешь, право, что этотъ г. Тургеневъ есть нѣчто въ родѣ г. Бориса Федорова, пишущаго, для какихъ-то воображаемыхъ дѣтей поучительныя разсказы о жадномъ Васенькѣ и о воздержной Парашѣ. «Даже смотрѣтъ глупо», какъ говоритъ г. Щедринъ въ своемъ разсказѣ «Развеселое житье». Но еще глупѣе смотрѣтъ на то, какъ критикъ «Современника», умышленно или нечаянно, уродуетъ сцену, происходящую передъ смертью Базарова. Вотъ это изумительное мѣсто: «герой, какъ медикъ, очень хорошо знаетъ, что ему остается до смерти нѣсколько часовъ; онъ

призываетъ къ себѣ женщину, къ которой онъ питалъ не любовь, а что-то другое, непохожее на настоящую возвышенную любовь. Она пришла, герой и говоритъ ей: «старая штука смерть, а каждому вновѣ. До сихъ поръ не трушу... а тамъ придетъ безпамятство, и фюить! Ну, чтожъ мнѣ сказать вамъ... Что я любилъ васъ? Это и прежде не имѣло никакого смысла, а теперь и подавно. Любовь—форма, а моя собственная форма уже разлагается. Скажу я лучше, что какая вы славная! И теперь вотъ вы стоите, такая красивая».... «(Читатель дальше яснѣе увидитъ, какой гадкій смыслъ заключается въ этихъ словахъ). Она подошла къ нему поближе и онъ опять заговорилъ: «ахъ, какъ близко, и какая молодая, свѣжая, чистая... въ этой гадкой комнатѣ!»... (Стр. 657). «Отъ этого рѣзкаго и дикаго диссонанса теряетъ всякое поэтическое значеніе эффектно написанная картина смерти героя». Читатель, конечно, недоумѣваетъ, и начинаетъ думать, что критикъ «Современника» красивѣйшій критикъ, но только «ужъ очень строгъ на счетъ маперъ», подобно Матренѣ Марковнѣ, супругѣ Егора Капитоныча, изъ повѣсти Тургенева—«Затишье». Читатель никакъ не можетъ понять, гдѣ же тутъ «гадкій смыслъ», и въ чемъ именно чуткое ухо эстетика уловило «рѣзкій и дикій диссонансъ»? Оказывается дальше, что критикъ осгорбленъ не какъ эстетикъ, а какъ моралистъ. «И у автора, восклицаетъ онъ на стр. 73, поварачивается языкъ говорить о всепримиряющей любви, о безконечной жизни, послѣ того, какъ его самого эта любовь и мысль о безконечной жизни, не могли удержать отъ безчеловѣчнаго обращенія съ своимъ умирающимъ героемъ, который, лежа на смертномъ одрѣ, призываетъ свою возлюбленную для того, чтобы видошь ея прелестей въ послѣдній разъ пощекотать свою потухающую страсть. Очень мило!» Да ужъ такъ мило, что милѣе этого мѣста не выдумалъ-бы ни г. Заринъ, ни г. Щегловъ. Всякій обыкновенный читатель видитъ ясно, что Базаровъ хочетъ въ послѣдній разъ взглянуть на любимую женщину и въ послѣдній разъ сказать ей какое нибудь ласковое слово. Можетъ быть, со стороны Базарова очень непохвально занимать свои мысли передъ самою смертью такими светлыми привязанностями. Чтожъ, думаетъ онъ, пускай посмотритъ. Пусть она ему улыбнется, пусть онъ увидитъ въ этой улыбкѣ тѣнь тихой грусти, пусть онъ выскажетъ ей словами или взглядами хоть что нибудь изъ той горячей любви, которую переполнена была его молодая душа.

Такъ подумаетъ самый обыкновенный и самый безхитростный чд-

татель, тотъ самый читатель, который, быть можетъ, на здороваго Базарова смотрѣлъ, какъ на злобнаго и опаснаго разрушителя. Такъ подумали, навѣрное, даже многіе изъ мудреныхъ русскихъ писателей, подобныхъ гг. Каткову, Павлову, Скарятину и другимъ бюстикателямъ литературнаго благочинія. Но критикъ «Современника» такъ переполненъ воинственнымъ жаромъ, что онъ ни на одну минуту не жаждетъ сдѣлаться обыкновеннымъ и безхитростнымъ читателемъ. Онъ надѣваетъ на себя неестественную маску; онъ старается быть неумолимо строгимъ. Онъ проникаетъ въ мысли Базарова и усматриваетъ въ нихъ грѣховную нечистоту. Прежде всего, онъ впускаетъ въ свой рассказъ нѣкоторыя невѣрности, которыя я, изъ вѣжливости, назову ошибками. Во первыхъ, Базаровъ не призываетъ Одинцову, а только посылаетъ ей сказать, что онъ умираетъ. Одинцова прѣзжаетъ къ нему безъ всякаго зова. Базаровъ не ожидалъ ея; онъ едва могъ надѣяться на то, что она прѣдетъ, и вслѣдствіе этого онъ, увидя ее передъ собою, чувствуетъ такой избытокъ радости и благодарности, что не находитъ даже, какъ и о чемъ говорить съ нею. Сверхъ того, онъ уже такъ плохъ, что въ присутствіи Одинцовой начинаетъ бредить, и вообще съ трудомъ можетъ связывать мысли. Онъ, какъ больной ребенокъ, смотритъ на нее, и видитъ, что она хорошая, и бормочетъ «славная, красивая, молодая, свѣжая, чистая, въ гадкой комнатѣ». При этомъ онъ только съ мучительною ясностью чувствуетъ поразительный контрастъ между ея цвѣтущею жизнью и своимъ собственнымъ разложеніемъ. И тутъ, при всей его слабости, въ немъ не видно ни зависти, ни боязни. Какъ только Одинцова переступаетъ черезъ порогъ его комнаты, онъ говоритъ ей: «не подходите; моя болѣзнь можетъ быть заразительна»; но Одинцова тотчасъ, по естественному движенію нѣжности и неустрашимости, подходитъ къ самой его постели. Тогда онъ и говоритъ: «ахъ, какъ близко!» Этими словами онъ хотѣлъ сказать: я кусочекъ гнилаго мяса. Мнѣ больно за васъ. Зачѣмъ вы, молодая, свѣжая, чистая, дышите зараженнымъ воздухомъ этой гадкой комнаты. И въ тоже время ему, конечно, въ высшей степени пріятно, что она его не боится, что она смотритъ на него ласково и безъ отвращенія, что она не бѣжитъ вонъ изъ гадкой комнаты, а особенно пріятно для него то, что она въ самомъ дѣлѣ хорошая и милая женщина, а не только «дова дучи вонвышенной, благородной и арестованческой», какъ называетъ ее критикъ. Базаровъ мучительно страдаетъ.

стливъ ея присутствіемъ и съ грустнымъ удовольствіемъ наслаждается ея простою и естественною гуманностью, потому что въ немъ шевелятся до самой послѣдней минуты высоко-человѣчныя и строго-разумныя мысли. И по поводу этого-то человѣка критикъ говорить о какомъ-то шекотаніи. Я даже не понижаю хорошенько, что именно онъ называетъ этимъ карательнымъ терминомъ. Во всякомъ случаѣ я нахожу, что мнѣ давно пора прекратить разговоръ объ этомъ предметѣ. Да, опростоволоосились наши реалисты, опростоволоосились до такой степени, что сочли нужнымъ поддерживать свое дѣло кривотворною аргументаціею.

IV.

Наши умственные силы расходуются нерасчетливо—это не подлежитъ сомнѣнію, и въ признаніи этого факта сходятся между собою всѣ наши литературные органы самыхъ разнообразныхъ оттѣнковъ. Гдѣ причина нерасчетливости? Когда приходится отвѣчать на этотъ вопросъ, тогда всѣ органы бросаются въ разсыпную и другъ друга побиваютъ величіемъ своей ерунды. Все это очевидно доказываетъ, что ясныхъ и неопровержимыхъ аргументовъ не представляетъ никто, что въ корень дѣла не заглядываетъ ни одинъ писатель, и что настоящая причина нашей умственной суевы остается неизвѣстною всѣмъ ея исателямъ и обличителямъ. Если-бы ктонибудь растолковалъ публикѣ, какъ дважды два—четыре, въ чемъ состоятъ важныя интересы ея умственной жизни, то противники этого «ктонибудь» были-бы радикально побѣждены, потому что публика себя не врагъ и, стало быть, не будетъ обольщаться тѣмъ, что она, разъ на всегда признала для себя вреднымъ и невыгоднымъ. Поэтому, указать на эти интересы и доказать, что они дѣйствительно существенныя, это, разумѣется, самая важная задача современной литературы. Пока эта задача не будетъ рѣшена вполне, до тѣхъ поръ и писателямъ придется работать ошупью, и публика выбирать себя кусочки изъ груды ихъ произведеній—также ошупью. Ни одинъ писатель не рѣшится сказать, что онъ работаетъ для нанесенія вреда читающему обществу; ни одинъ не рѣшится также сказать, что онъ своею работою не приноситъ обществу ни малѣйшей пользы; стало быть, всѣ стремятся принести своимъ читателямъ пользу; между тѣмъ одни изъ нихъ дѣйствуютъ прямо на перекоръ другимъ. Если-бы чи-

татели «однихъ» были моллюсками, а читатели «другихъ» тараканами, то, разумѣется, можно было бы думать, что и «одни» и «другіе» говорятъ дѣло, потому что организація таракана не похожа на организацію моллюска, и, слѣдовательно, умственные интересы этихъ двухъ породъ могутъ быть діаметрально противоположными. Но, къ сожалѣнію, и однихъ, и другихъ читаютъ все-таки несчастные люди, стало быть очевидно, или одни, или другіе врутъ и вредятъ, а легко можетъ быть и то, что врутъ и вредятъ какъ одни, такъ и другіе, потому что способы вранья неисчислимы, между тѣмъ, какъ истина двоиться не можетъ. Стало быть, есть писатели приносящіе чистый вредъ, или по медвѣжьей услужливости, или по узкой корыстности *); первые ошибаются, вторые лицемерятъ. Первыхъ надо урезонить, вторыхъ надо разоблачить для того, чтобы они сдѣлались безвредными и неопасными. Чтобы произвести эти двѣ операціи, то есть, чтобы радикально вычистить литературу, надо именно указать существенную пользу. Вполнѣ послѣдовательное стремленіе къ пользѣ называется реализмомъ, и непременно обуславливаетъ собою строгую экономію умственныхъ силъ, то есть, постоянное отрицаніе всѣхъ умственныхъ занятій, не приносящихъ никому пользы. Реалистъ постоянно стремится къ пользѣ, и постоянно отрицаетъ въ себѣ и другихъ такую дѣятельность, которая не даетъ полезныхъ результатовъ. Стало быть, строгій реалистъ, соблюдаетъ въ самомъ себѣ, и уважаетъ въ другихъ людяхъ строгую экономію умственныхъ силъ. Стало быть, разъяснить вполнѣ значеніе реализма въ литературѣ—значитъ рѣшить самую важную задачу современной идеи, и радикально очистить эту идею отъ ненужнаго сора и отъ бесплодныхъ полемическихъ волненій.— Но различныя недоразумѣнія могутъ укрыться въ самомъ словѣ «польза», и поэтому прежде всего необходимо разъяснить эти недоразумѣнія. — Человѣкъ одаренъ чувствомъ самосохраненія. Онъ невольнѣ и безсознательно любитъ свою жизнь и старается сохранить ее въ себѣ, какъ можно дольше. Такія крайности, какъ мотовство и скряжничество—одинаково нерасчетливы, потому что при обоихъ способахъ дѣйствія жизнь даетъ меньше наслажденій, чѣмъ сколько она могла-бы дать, при рациональномъ пользованіи. Дѣти такъ радикально предпочитаютъ пріятное полезному, то есть, непосредственное наслажде-

*) Въ концѣ концовъ и то, и другое сводится къ тупоумію.

не отсроченному, что если посыпать сахаромъ ить молочную кашу и не размѣшать ее начальственной рукою, они непременно истребятъ сначала элементъ *приятнаго*, то есть, чистый сахаръ, а потомъ уже, по необходимости, и съ тяжелымъ вздохомъ, примутся за голую *пользу*, то есть за кашу, которая, однако, была-бы гораздо вкуснѣе въ соединеніи съ *приятностью*. Взрослые называютъ этихъ юныхъ эпикурейцевъ глупыми ребятами и сами дѣлаютъ глупости гораздо болѣе круныя. Напримѣръ, далеко не всякій чиновникъ умѣетъ такъ распорядиться съ своимъ третнимъ жалованьемъ, чтобы въ началѣ трети не задавать неестественнаго форсу и въ концѣ трети не совершать свои зубы, положенные на полку. Это значитъ—сначала облизалъ весь сахаръ, а потомъ лишилъ себя даже молочной каши. У кого хватаетъ предусмотрительности на четыре мѣсяца, у того можетъ не хватить ея на два года. Сколько бывало примѣровъ, что на литературное поприще выступаетъ вдругъ блестящее мелодое дарованіе; два три успѣха быстро слѣдуютъ одинъ за другимъ; опытные люди смотрятъ на него и радуются, но въ тоже время совѣтуютъ ему потихоньку: почитайте книжку; поучитесь, голубчавъ. Ей Богу лучше будетъ.—Еще успѣю, говоритъ онъ, еще успѣю. — Успѣю, да успѣю, какъ вдругъ неожиданное «іаско» постигаетъ юное дарованіе, которое, какъ падающая звѣзда, мгновенно скатывается съ неба и скрывается на заднемъ дворѣ какого нибудь «Сына Отечества» или «Развлеченія», куда, впрочемъ, настоящія падающія звѣзды, сколько мнѣ извѣстно, не заглядываютъ...

V.

Базаровъ, съ первой минуты своего появленія, приковалъ къ себѣ все мои симпатіи и онъ продолжаетъ быть моимъ любимцемъ даже теперь. Я долго не могъ себѣ объяснить причину этой исключительной привязанности, но теперь я ее вполне понимаю. Ни одинъ изъ подобныхъ ему героевъ не находится въ такомъ трагическомъ положеніи, въ какомъ мы видимъ Базарова. Трагизмъ базаровскаго положенія заключается въ его полномъ уединеніи среди всѣхъ живыхъ людей, которые его окружаютъ. Онъ вездѣ производитъ свою особую рѣзкій диссонансъ, онъ всѣхъ заставляетъ страдать своимъ присутствіемъ

и существованіемъ, онъ самъ это видитъ и понимаетъ; и понимаетъ, вромѣ того, съ мучительною ясностью роковыя причины и абсолютную неизбежность этихъ страданій, Люди, окружающіе Базарова, страдаютъ не отъ того, что онъ поступаетъ съ ними дурно, и не отъ того, что они сами дурные люди, напротивъ того, онъ не дѣлаетъ въ отношеніи къ нимъ ни одного дурнаго поступка, и они, съ своей стороны, также очень добродушные и честные люди. И тѣмъ хуже, тѣмъ мучительнѣе и безвыходнѣе ихъ положеніе. Нѣтъ причинъ для разрыва и нѣтъ возможности сблизиться. Нѣтъ возможности, потому, что нѣтъ ни одного общаго интереса, ни одного такого предмета который съ одинаковою силою затронулъ-бы умственные способности Базарова и его собесѣдниковъ. Ему приходится слушать ихъ, какъ пятилѣтнихъ дѣтей, рассказывающихъ, что вотъ они гулять ходили и вдругъ видятъ большую такую корову, и вдругъ эта корова подошла туда, знаете, къ рѣкѣ, и вдругъ начала пить.—Ну, такъ что-же? спрашиваете вы. — Ну вотъ напилась и пошла. — А потомъ? — Потомъ мы домой вернулись. — Вотъ вамъ и весь анекдотъ. И, выслушивая его, вы, изъ чувства естественной гуманности, должны тщательно наблюдать за вашею физиономіею, чтобы на ней не выразилось изумленіе, чтобы ваши губы не сложились невольно въ улыбку сострадательнаго недоумѣнія, и чтобы, кромѣ того, черты вашего лица изображали хоть малѣйшее участіе къ тому, что вамъ рассказывается съ чисто дѣтскимъ увлеченіемъ. Чуть только какойнибудь мускуль вашей физиономіи утомился отъ этого неестественнаго напряженія и подернулся не въ тактъ этой усыпительной музыкѣ, и вся гармонія нарушена, и весь плодъ вашихъ долговременныхъ усилій пропалъ безвозвратно, и рассказчикъ, человѣкъ добрый и честный, искренно желающій васъ утѣшить и развлечь, омазывается глубоко и смиренно опечаленнымъ своею непомощностью и своею неспособностью дать вамъ то, чего бы вы желали. Если-бы онъ васъ обругалъ въ эту минуту, вы-бы этому обрадовались; но онъ тихо опечалится и замолчитъ; въ его душѣ будетъ только грусть, безъ малѣйшей горечи, но эту грусть вы въ немъ видите совершенно ясно, и совершенно независимо отъ его воли и его усилія скрыть отъ васъ эту грусть, то есть, не огорчить васъ, человѣка, огорчившаго его,—эти усилія, говорю я, дѣлаютъ его еще болѣе трогательнымъ въ вашихъ глазахъ; и вамъ больно было и ему больно, и обоимъ грустно, что развердили

другъ друга, и все-таки ничѣмъ, да вѣдь рѣшительно ничѣмъ, нельзя этому дѣлу помочь. Вотъ оно, дьявольское-то положеніе; вотъ что можетъ душу вытянуть изъ каждаго человѣка, способнаго мыслить и чувствовать. Я совѣтую читателямъ, получавшимъ «Русское Слово» за прошлый 1863 годъ, перечитать въ немъ повѣсть «Женитьба отъ скуки.» Тамъ именно такой разладъ между мужемъ и женою приводитъ къ сумасшествію и къ самоубійству. Результатъ вовсе не преувеличенъ, и развитіе трагической дисгармоніи прослѣжено тамъ очень удовлетворительно. Но молодой мужъ и молодая жена, по крайней мѣрѣ, имѣютъ хоть какую нибудь возможность разойтись; конечно, этотъ образъ дѣйствій тягостенъ и сопряженъ со многими неудобствами; конечно, трудно предположить, чтобы обоимъ разошедшимся супругамъ удалось устроить себѣ новое счастье; но все-таки есть выходъ, и во всякомъ случаѣ, лучше одинокое и безцвѣтное существованіе, чѣмъ мучительное сожитіе. Но когда между родственниками и дѣтьми появился такой разладъ, какой мы видимъ между старыми Базаровыми и ихъ сыномъ, тогда и выхода-то никакого нельзя придумать. Евгенийъ Базаровъ, разумѣется, можетъ отшатнуться отъ своихъ родителей и его жизнь все-таки будетъ полна, потому что ее наполняетъ умственный трудъ; но ихъ жизнь? И какой же настоящій Базаровъ, какой мыслящій человѣкъ рѣшится оттолкнуть отъ себя своихъ стариковъ, которые только имъ живутъ и дышатъ, и которые сдѣлали все, что могли, для его образованія. Эти старики буквально посадили его на своихъ плечахъ, чтобы онъ могъ ухватиться своими отроческими руками за нижнюю вѣтку древа познанія; онъ ухватился и полезъ, и залезъ высоко, и ходу нѣтъ назадъ, и спуститься невозможно, а имъ также невозможно подняться вверхъ, потому что они слабы и дряхлы, и приходится имъ аукаться издали, и приходится имъ страдать отъ того, что нѣтъ возможности слышать и понять другъ друга; а между тѣмъ, старики и тому рады, что слышать, по крайней мѣрѣ, неясные звуки речнаго голоса. Скажите, бога ради, кто же рѣшится, находясь въ положеніи Базарова, замолчать совершенно и не отвѣчать ни однимъ звукомъ на кроткія и ласковыя рѣчи, поднимающіяся къ нему изъ подъ дерева? И Базаровъ откланяется.—И странно, и мучительно волнуются и борются въ широкой груди Базарова ненависть и любовь, беспощадный, стальной и холодный, судорожно-улыбающійся, демоническій скептицизмъ и горячее, тоскливое, порою радостное и

ликующее романтическое стремление вдаль, вдаль, но не прочь отъ земли; а впередъ, въ манящую, ласкающую, глубокую синеву необозримого лучезарнаго будущаго. Почитайте Гейне, и вы поймете, вы увидите въ образахъ эту ужасную смѣсь мучительныхъ ощущений, которыми наградило всѣхъ мыслящихъ людей Европы наше общее историческое прошедшее. А покуда прочтите этотъ не-большой разговоръ Базарова съ Аркадіемъ.

— «Нѣтъ, говорилъ онъ на слѣдующій день Аркадію, уѣду отсюда завтра. Скучно, работать хочется, а здѣсь нельзя. Отправляюсь опять къ вамъ въ деревню; я же тамъ всѣ свои препараты оставилъ. У васъ, по крайней мѣрѣ, запереться можно. А здѣсь отецъ мнѣ все твердитъ: «мой кабинетъ къ твоимъ услугамъ, никто тебѣ мѣшать не будетъ,» а самъ отъ меня ни на шагъ. Да и совѣстно какъ-то отъ него запирается. Ну и мать тоже. Я слышу, какъ она вздыхаетъ за стѣной, а выйдешь къ ней и сказать ей нечего.

— Очень она огорчится; промолвилъ Аркадій, да и онъ тоже.

— Я къ нимъ еще вернусь.

— Когда?

— Да вотъ какъ въ Петербургъ поѣду.

— Мнѣ твою мать особенно жалко.

— Что такъ? Ягодами что-ли она тебѣ угодила?

Аркадій опустилъ глаза.»—

Такъ тебѣ и надо поступать, Аркашенька. Больше ты, другъ мой разлюбезный, ничего и дѣлать не умѣешь; какъ только глазки опускать. Заговорилъ было съ тобою Базаровъ сначала какъ съ путнымъ человѣкомъ, а ты только, какъ старушка божія, охами да вздохами отвѣчать ухитрился. Въ самомъ дѣлѣ, взгляните въ этотъ разговоръ. Базарову тяжело и душно; онъ видитъ, что и работать нельзя, да и для стариковъ-то удовольствія мало, потому что «выйдешь къ ней—и сказать ей нечего.» Такъ ему приходится скверно, что онъ чувствуетъ потребность высказаться хоть кому нибудь, хоть младенчеству какому кандидату Аркадію. И начинаетъ онъ высказываться отрывочными предложеніями, такъ какъ всегда высказываются люди сильные и сильно измученные. «Совѣстно какъ-то,» «ну и мать тоже,» «вздыхаетъ за стѣной,» «сказать ей нечего:» Кажется, не хитро понять изъ этихъ словъ, что не гаерствуетъ онъ надъ своими стариками, что не весело ему смотрѣть на нихъ сверху внизъ, и что самъ онъ видитъ съ поразительною ясностью, какъ

мало даетъ имъ его присутствіе, и какъ мучительна будетъ для нихъ необходимая разлука. Я думаю, умный человѣкъ, будучи на мѣстѣ Аркадія, понялъ-бы, что Базаровъ особенно заслуживаетъ въ эту минуту сочувствія, потому что быть мучителемъ, и мучителемъ роковымъ, для каждаго рѣзвшаго существа гораздо тяжело, чѣмъ быть жертвою. Умный человѣкъ хотъ однимъ добрымъ словомъ даль-бы замѣтить огорченному другу, что онъ понимаетъ его положеніе, и что въ самомъ дѣлѣ ничѣмъ нельзя помочь бѣдѣ, и что, стало-быть, дѣйствительно слѣдуетъ залить тяжелое впечатленіе свѣжими волнами живительнаго труда. А Аркадій? Онъ ничего не нашелъ лучшаго, какъ ухватить Базарова за самое большое мѣсто: — «Очень она огорчится.» Точно будто Базаровъ этого не знаетъ. И точно будто эта мысль даетъ какое нибудь средство поправить дѣло. На это старушечье размышленіе Базаровъ могъ отвѣчать сокрушительнымъ вопросомъ: — Ну, а что-жъ мнѣ дѣлать, чтобъ она не огорчалась? И тутъ Аркадій, какъ настоящая старуха, повторилъ-бы опять ту-же минорную гамму съ легкою перестановкою нотъ: «она очень огорчится.» И такъ какъ изъ трехъ словъ можно сдѣлать шесть перестановокъ, то юный мудрецъ, повторивъ ту же фразу шесть разъ, замолчалъ-бы, находя, что онъ подалъ своему другу шесть практическихъ совѣтовъ, или шесть цѣлительныхъ бальзамовъ. Къ счастью, Базарову было не до диспутовъ съ этимъ пискливымъ пыпленомъ. Онъ тотчасъ спохватился, вспомнилъ, что юный другъ его не созданъ для пониманія трагическихъ положеній, и сталъ продолжать разговоръ безъ всякихъ изліяній, въ самомъ лаконическомъ тонѣ. Но это плоское животное Аркадій не утерпѣлъ и произвелъ новое изрѣченіе, и опять еще грубѣе ухватилъ Базарова за большое мѣсто. «Мнѣ твою мать особенно жалко.» Въ сущности, это изрѣченіе есть ничто иное, какъ одна изъ шести возможныхъ перестановокъ. Но такъ какъ Аркадій взялся за перестановки очень хитро, то есть, сталъ выражать ту же мысль *другими* словами, то надо было опасаться, что перестановокъ будетъ не шесть, а даже гораздо больше. Базарову предстояло утонуть въ волнахъ цѣлительнаго бальзама и, очевидно, было необходимо сразу заморозить потоки кандидатскаго сердоболія. Ну, а Базаровъ на эти дѣла мастеръ. Какъ сказалъ объ ягодахъ, такъ и закрылись хляби сердечныя. Аркадій опустилъ глаза, что ему необходимо было сдѣлать въ самомъ началѣ разговора. — А наша критика?! А наша глубокая и проникательная критика?!

Она съумѣла только за этотъ разговоръ укорить Базарова въ жестокости характера и въ непочтительности къ родителямъ. — Ахъ ты коробочка доброжелательная! — Ахъ ты обличительница копѣчаная! Ахъ ты лукошко глубокомыслія!

VI.

Взглядъ Базарова на отца Аркадія, Николая Петровича, доказываетъ самымъ неопровержимымъ образомъ что Базаровъ желаетъ и старается сблизиться съ тѣми людьми старшаго поколѣнія, которые еще способны подвинуться впередъ. Но какъ сблизиться? Такъ-ли, чтобы Базаровъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ въ ихъ сторону, или такъ, чтобы люди старшаго поколѣнія сами подошли къ Базарову и къ его идеямъ? То есть, другими словами, готовъ-ли Базаровъ сдѣлать рядъ уступокъ, или, напротивъ того, онъ желаетъ переубѣдить другихъ? Я думаю, достаточно поставить этотъ вопросъ, для того, чтобы считать его рѣшеннымъ. Человѣкъ, дѣйствительно имѣющій какія нибудь убѣжденія, только отъ того и держится этихъ убѣждений, что считаетъ ихъ истинными. Онъ, быть можетъ, ошибается; быть можетъ, онъ замѣтитъ со временемъ свою ошибку и тогда, разумѣется, тотчасъ перемѣнитъ въ своихъ убѣжденіяхъ то, что окажется несогласнымъ съ истинною; но покуда онъ не увидитъ ясно несостоятельности своихъ мнѣній, пока эти мнѣнія не разбиты ни фактами дѣйствительной жизни, ни очевидными доказательствами противниковъ, до тѣхъ поръ онъ думаетъ по своему, считаетъ свои идеи вѣрными, держится за нихъ твердо и, изъ чистой любви къ своимъ ближнимъ, чувствуетъ желаніе избавить ихъ отъ того, что онъ, справедливо или несправедливо, считаетъ заблужденіемъ. Когда сходятся между собою два человѣка различныхъ убѣждений, оба искренно преданные своимъ идеямъ, оба добросовѣстно стремящіеся къ истинѣ и оба на столько просвѣщенные, чтобы понимать возмутительную пошлость нетерпимости, тогда каждый изъ нихъ, видя въ своемъ собесѣдникѣ честнаго человѣка, и не имѣя причины ненавидѣть его, желаетъ открыть своему ближнему ту истину, которою онъ самъ обладаетъ. Одна изъ этихъ истинъ непремѣнно оказывается заблужденіемъ; но тотъ, кто обладалъ этимъ заблужденіемъ, старался доставить ему побѣду, потому что видѣлъ въ немъ несомнѣнную исти-

ну. Можетъ быть—мало ли что бываетъ на свѣтѣ?—Можетъ быть, говорю я, Базарову и пришлось-бы въ чемъ нибудь сдѣлать искреннюю уступку идеямъ старшаго поколѣнія, но все-таки Базаровъ не могъ подходить къ старшему поколѣнію съ желаніемъ сдѣлать ему эту уступку, и съ тою мыслью, что такая уступка возможна. Подобная мысль и подобное желаніе составляютъ уже дѣйствительную уступку и могутъ возникнуть въ человѣкѣ искренно убѣжденномъ, только вслѣдствіе фактическихъ доказательствъ, а никакъ не вслѣдствіе мягкости характера. Когда у человѣка есть дѣйствительно какія нибудь убѣжденія, тогда ни состраданіе, ни уваженіе, ни дружба, ни любовь, ничто, кромѣ осязательныхъ доказательствъ, не можетъ поколебать или измѣнить въ этихъ убѣжденіяхъ ни одной мельчайшей подробности.

VIІ.

Если-бы отцемъ Базарова былъ Николай Петровичъ, крѣпкій и довольно образованный, сорока четырехлѣтній мужчина, то Базаровъ, можетъ быть, увлекъ-бы своего отца въ область реалистическаго труда и представители двухъ поколѣній съ любовью и съ взаимнымъ довѣріемъ стали-бы поддерживать и ободрять другъ друга. Молодой работалъ-бы больше пожилаго, но пожилой понималъ-бы его вполне, и совершенно сознательно радовался-бы каждому отдѣльному успѣху своего младшаго товарища, на котораго это сочувствіе дѣйствовало-бы самымъ живительнымъ образомъ. О разладѣ не могло-бы быть и рѣчи, потому что, вполне понимая другъ друга, эти люди видѣли-бы, что между ихъ интересами нѣтъ и не можетъ быть ни малѣйшей противоположности. Одинъ ищетъ истины и другой также ищетъ истины, и эта истина для обоихъ одна и та-же, и эта истина не такое благо, которое, доставшись одному, не могло-бы въ то-же время принадлежать и другому. Стало быть, и дуться другъ на друга незачѣмъ, и надо только договориться до взаимнаго пониманія. Базаровъ очень хорошо знаетъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ всякая попытка договориться до какаго нибудь удовлетворительнаго результата совершенно бесплодна. Онъ никогда не пробуетъ серьезно разговаривать съ Ситниковымъ или съ

Букшиною, потому что эти господа, очевидно, изображают своими особами бездонную бочку Данаидъ. Сколько въ нихъ не вали дѣльныхъ мыслей, хоть весь британскій музеумъ опрокинь въ ихъ головы, все будетъ пусто, и все будетъ проходить насквозь съ величайшею легкостью. Базаровъ не пробуетъ также вступать въ серьезные разговоры съ своими редителями, хотя эти родители вовсе не глухи отъ природы. Но договориться и съ ними не возможно: отецъ Базарова славный и добрый старикъ, еще бодрящійся, но уже начинающій впадать въ дѣтство; а мать его даже никогда не переставала быть ребенкомъ, хотя и была постоянно примѣрною супругою, отличною хозяйкою и до самозабвенія нѣжною матерью. Такія личности, обладающія здоровымъ и нормальнымъ мозгомъ, но живущія и умирающія безъ пособія этого органа, встрѣчаются у насъ на каждомъ шагу, и доказываютъ своимъ существованіемъ ту несомнѣнную истину, что время полного господства головного мозга надъ явленіями человѣческой жизни наступитъ еще очень нескоро. Такія личности живутъ, такъ называемымъ, чувствомъ, то есть, каждое впечатлѣніе, не задерживаясь и не перерабатываясь въ ихъ мозгу ни одной минуты, немедленно переходитъ въ какой-нибудь поступокъ, въ которомъ эта поступающая личность никогда не спрашиваетъ у себя, и никогда не можетъ дать себѣ ни малѣйшаго отчета. Такія личности приходится по душѣ нашему обществу и нашимъ художникамъ, которые дѣйствительно имѣютъ съ ними довольно много точекъ соприкосновенія; но я сильно сомнѣваюсь въ томъ, чтобы такія личности могли имѣть особенно живительное вліяніе на медленное, страшно-медленное движеніе человѣчества къ свѣтлому будущему. Личности, подобныя старушкѣ Базаровой, это ходячіе пуховики, часто очень привлекательные, и всегда приглашающіе своею симпатичностью полезныхъ работниковъ опочить до конца жизни отъ несодѣланныхъ подвиговъ и разумнаго труда. Съ этимъ милымъ, добродушнымъ, трогательно любящимъ и уже состарѣвшимся пуховикомъ Базаровъ, конечно, ни о чемъ не разсуждаетъ, потому что «я сказать ей нечего». Такимъ образомъ, Базаровъ разговариваетъ только съ Аркадіемъ, съ Николаемъ и Павломъ Петровичами и съ Одинцовою. Самое серьезное значеніе для Базарова и самый серьезный результатъ во всѣхъ отношеніяхъ могли имѣть разговоры съ Одинцовою; они могли доставить Базарову счастье взаимной любви, и они же могли дать обществу мыслящую женщину. Наслаждаясь ра-

зумнымъ счастиемъ, Базаровъ удесятерилъ-бы свои рабочія силы и это цѣлащеніе пошло бы цѣликомъ на пользу общему умственному капиталу всего человѣчества. Одинцова, съ своей стороны, развернула бы всѣ свои силы своего здороваго ума. Но такіе счастливые результаты получаются очень рѣдко. Почти всегда какая-нибудь ничтожная оплошность нарушаетъ процессъ развитія въ самомъ его началѣ, подобно тому, какъ самое легкое движеніе воздуха разстраиваетъ всѣ расчеты химика и искажаетъ весь процессъ медленной и нормальной кристаллизаціи. Такъ случилось и въ исторіи Одинцовой. Ее испугала страстность Базарова, но если-бы таже страстность проявилась съ такою же силою двумя или тремя мѣсяцами позднѣе, то Одинцова увлеклась-бы ею сама до полнѣйшаго самозабвенія. Впрочемъ, объ отношеніяхъ реалистовъ къ женщинамъ я буду говорить впоследствии очень подробно. Аркадій, мнѣ кажется, во всѣхъ отношеніяхъ похожъ на кусокъ очень чистаго и очень мягкаго воска. Вы можете сдѣлать изъ него все, что хотите, но зато, послѣ васъ, всякій другой точно также можетъ сдѣлать съ нимъ все, что этому другому будетъ угодно. Вы можете натереть имъ мебель и паркетный полъ: Аркадій исполнитъ это назначеніе въ совершенствѣ! Вы можете превратить его въ свѣчку: Аркадій будетъ таять и уничтожаться въ порывахъ самопожертвованія, и можетъ уничтожиться безъ остатка, если никто не догадается дунуть на свѣтильню; но этотъ процессъ самоистребленія будетъ постоянно совершаться только въ непосредственной близости самаго огня и во время этого процесса вся свѣча будетъ совершенно холодна и равнодушна. Какъ только погаснетъ свѣтильня, неизмѣющая по своему составу ничего общаго съ воскомъ, такъ въ ту-же минуту прекратится всякое таяніе и взрываніе. Если вы искусный скульпторъ, вы можете сдѣлать изъ этого восковаго Аркадія изящнѣйшую статуэтку и даже можете вложить въ складки его чела выраженіе глубокой задумчивости и міровой печали; но эту художественную бездѣлку вы непременно должны держать подъ стекляннымъ колпакомъ, чтобы ее не засидѣли мухи, кромѣ того, вы должны тщательно наблюдать, чтобы она не подвергалась вліяніямъ измѣнчивой температуры; попробуйте оставить ее на полчаса подъ лучами лѣтняго солнца и она расплывется такъ удивительно, что ея творецъ, искусный скульпторъ, не будетъ въ состояніи узнать свое любимое произведеніе. Не только глубокая задумчивость, не только

мировая печаль изглядятся безъ слѣда, но даже обыкновенныя черты человѣческаго образа ступаютъ до полного безличія. Но это ничего не значить. Если скульпторъ терпѣливъ, онъ можетъ немедленно взять свою отекающую креатуру въ свои искусныя руки, и снова можетъ возстановить утраченное достоинство ея выраженія. Впрочемъ, надо сказать правду, что такой терпѣливый скульпторъ олажеться чистымъ художникомъ, то есть, человѣкомъ, работающимъ изъ любви къ искусству, безъ малѣйшаго стремленія къ практической пользѣ, потому что такая восковая статуэтка можетъ быть только очень бесполезнымъ и очень непрочнымъ украшеніемъ дамскаго будуара. Въ концѣ концовъ, мухи засидятъ ее непремѣнно до полного помраченія и всекъ утратитъ всю свою первобытную чистоту, такъ что статуэтку все-таки придется отдать въ распоряженіе полотеровъ для украшенія паркета. Говоря проще, подъ старость Аркадій все-таки сдѣлается бесполезнѣйшимъ, а можетъ быть, и дряннѣйшимъ тунеядцемъ. А старость, то есть, житье въ брюко, для этихъ восковыхъ господъ начинается ровно черезъ годъ послѣ выхода изъ университета. Базаровъ разговариваетъ съ Аркадіемъ именно въ то время, когда послѣдній находится въ переходномъ состояніи изъ отрочества въ старость. Базаровъ видитъ своего, такъ называемаго, друга насъвозь и нисколько его не уважаетъ. Но иногда, какъ мыслящій человѣкъ, и какъ страстный скульпторъ, онъ увлекается тѣмъ разумнымъ выраженіемъ, которое его же собственное вліаніе накладываетъ порою на мягкія черты его восковаго друга. Если бы вы спросилъ у Базарова: «выйдетъ-ли что нибудь путное изъ вашего друга?» Базаровъ отвѣчалъ-бы вамъ съ полнымъ убѣжденіемъ: «ничего путнаго не выйдетъ; будетъ рафинированнымъ Манниловымъ и больше ничего.» Но на практикѣ Базаровъ не всегда послѣдовательно выдерживаетъ эту идею; онъ иногда обращается къ Аркадію такъ, какъ будто-бы онъ видѣлъ въ немъ какіе нибудь задатки сильнаго ума и твердаго характера. Это попятно и извинительно. Базаровъ такъ одинокъ, все окружающіе его люди смотрятъ на него такими навланными глазами, что поневолѣ одолеваетъ его иногда потребность хоть кому нибудь сказать человѣческое слово, хоть кому нибудь помочь добрымъ совѣтомъ. Николай Петровичъ положительно умѣе своего сына, и съ нимъ Базаровъ могъ-бы сблизиться, если-бы была такая нибудь возможность завязать это сблизеніе, то есть, сдѣлать первый шагъ. Но вѣдь неслвно же, не-

удобно подойти къ постороннему человѣку пожилыхъ лѣтъ и, безъ малѣйшаго вызова съ его стороны, подарить ему нѣсколько непрошенныхъ совѣтовъ касательно направленія его умственной дѣятельности. Аркадій могъ-бы явиться посредникомъ между отцемъ и Базаровымъ, но Аркадій не умѣетъ сдѣлать ни одного активнаго шага, а какъ неоперившійся птенецъ, производитъ ежеминутно разныя плоскости и безтактности. Братъ Николая Петровича, Павелъ, положительно мѣшаетъ всякому сближенію, постоянно вызываетъ Базарова на бесплоднѣйшіе діалектическіе поединки, жестоко надѣдаетъ ему, и наконецъ, завершаетъ всѣ свои подвиги глупѣйшею дуэлью, уже не на словахъ, а на пистолетахъ. Павелъ Петровичъ—человѣкъ очень неглупый и его фигура чрезвычайно любопытна и поучительна, какъ отживающая тѣнь печоринскаго типа. Эта тѣнь не хочетъ и не можетъ признать себя тѣнью, и встрѣчаясь съ тѣмъ типомъ, который живетъ въ настоящемъ, она, эта представительница прошедшаго, отрицаетъ его всѣми силами своего ума и ненавидитъ его такъ, какъ скупой рыцарь ненавидитъ своихъ наследниковъ. Печоринскій и Базаровскій типы ненавидятъ и отталкиваютъ другъ друга. Печорины и Базаровы рѣшительно не могутъ существовать вмѣстѣ въ одномъ обществѣ, потому что и Печорины, и Базаровы выдѣляются изъ одного матеріала: стало быть, чѣмъ больше Печоринныхъ, тѣмъ меньше Базаровыхъ и на оборотъ. Вторая четверть XIX столѣтія особенно благопріятствовала производству Печоринныхъ; но выхъ Печоринныхъ жизнь уже не отчеканивается, а старыя, потускнѣлыя и поблекшія, никакъ не желаютъ понять, что ихъ время прошло. Прошло-ли оно невооратно, этого никто не рѣшится сказать, но что Печорины въ настоящую минуту не стоятъ на первомъ планѣ—это несомнѣнно. Печорины и Базаровы совершенно непохожи другъ на друга по характеру своей дѣятельности; но они совершенно сходны между собою по типическимъ особенностямъ натуры: и тѣ, и другіе—очень умные, и вполне послѣдовательные эгоисты; и тѣ, и другіе выбираютъ себѣ изъ жизни все, что въ данную минуту можно выбрать самаго лучшаго, и, набравши себѣ столько наслажденій, сколько возможно добыть, и сколько способны вмѣстить человѣческій организмъ, оба остаются неудовлетворенными, потому что жадность ихъ непомерна, а также и потому что современная жизнь вообще не очень богата наслажденіями. Очень умный человѣкъ можетъ наслаждаться мыслью только тогда, когда дѣятельность

мысли клонится къ какой нибудь великой и нежечтательной цѣли. Великія цѣли бывають безконечно разнообразны въ своихъ внѣшнихъ проявленіяхъ; но всѣ онѣ, въ сущности, могутъ заключаться только въ томъ, чтобы улучшить, такъ или иначе, положеніе той или другой группы человѣческихъ существъ. Переберите всѣ сферы человѣческой дѣятельности и вы увидите, что всѣ онѣ порождены и поддерживаются исключительно стремленіемъ людей къ нравственному или матеріальному благосостоянію. Не всѣ эти сферы, далеко не всѣ, удовлетворяють своему назначенію; многія, очень многія изъ нихъ бесполезны для людей, и слѣдовательно, вредятъ уже тѣмъ, что поглощаютъ силы; многія вредятъ даже положительно, не только отвлекая силы, но и парализируя или извращая другія полезныя [проявленія человѣческой дѣятельности; но все-таки всѣ эти сферы существуютъ для блага человечества. Такимъ образомъ, можно сказать рѣшительно, что для человѣческой мысли главная цѣль есть стремленіе къ человѣческому благополучію. Но въ исторіи бывають такія эпохи, когда стремленія къ человѣческому благополучію, и рѣшать задачи, вытекающія изъ этого стремленія, оказывается преждевременно. — Мысль, работающая для блага человечества, дѣйствуетъ обыкновенно по одному изъ двухъ главныхъ путей: или она прилагаетъ къ современной жизни людей тѣ результаты, которые уже добыты передовыми дѣятелями посредствомъ теоретическихъ изслѣдованій и научныхъ наблюденій; или же она добываетъ для будущаго времени новые результаты, то есть, производитъ изслѣдованія, наблюденія и опыты. Тѣ науки, которыя, подобно исторіи и политической экономіи, живутъ только безпристрастнымъ анализомъ междулическихъ отношеній, — въ подобныя эпохи теряють значительную долю своей занимательности. Этимъ наукамъ предаются въ такое время люди двухъ сортовъ: одни пишутъ учебники, другіе честно и добросовѣстно убѣждены въ томъ, что людямъ слѣдуетъ вѣчно спать, но спать облагоустроеннымъ сномъ, то есть, видѣть во снѣ великія идеи. Они восхищаютъ своихъ слушателей одушевленными бесѣдами, отъ которыхъ, однако, никогда, ни при какихъ условіяхъ, ничего, кромѣ испаряющагося восхищенія, не можетъ произойти. Въ эту категорію я включаю всѣхъ честныхъ и умныхъ людей, подобныхъ Грановскому и Кудрявцеву. Эти имена пользуются у насъ уваженіемъ и я называю ихъ для того, чтобы не оставить въ моей мысли ни малѣйшей неясности. Эти два професс-

сора жили и умерли вполне честными людьми, но надо сказать правду, что имъ, въ этомъ отношеніи, сильно несчастливилось; ихъ въручила своевременная смерть, которую ихъ почитатели совершенно неосновательно называютъ преждевременною. Между такимъ историкомъ, какъ Грановскій, и такимъ, какъ г. Костомаровъ, лежитъ дистанція огромнаго размѣра, а извѣстно, что даже г. Костомарова застаютъ иногда въ расплохъ и ставятъ въ тупикъ запросы пробуждающейся жизни. Любопытно замѣтить, какъ тонко и вѣрно Тургеневъ выразилъ свое мнѣніе о дѣятельности Грановскаго. Пусть читатели припомнятъ личность Берсенева въ романѣ «Наканунъ» и пусть подумаютъ, могъ-ли Грановскій сформировать что нибудь выше и лучше Берсенева. Если-бы сѣмя всѣхъ сѣятелей всегда падало на такую добрую почву, какъ душа Берсенева, то и желать ничего болѣе не оставалось. Берсенева въ высокой степени честенъ, и на столько умеетъ, чтобы быть очень полезнымъ работникомъ. Если-же общій результатъ берсеновской дѣятельности оказывается совершенно ничтожнымъ, то виновато, исключительно, плохое качество того сѣмени, которое было принято и взлелѣано этимъ честнымъ и искреннимъ человекомъ съ полнѣйшимъ благоговѣніемъ и съ безграничѣйшею любовью. А кажется, Тургеневу, въ этомъ отношеніи, можно повѣрить, во первыхъ потому, что онъ зналъ вполне всѣ душевныя стремленія московскихъ кружковъ, а во вторыхъ потому, что его можно заподозрить скорѣе въ пристрастіи къ симпатичному Грановскому, чѣмъ въ преувеличенной нѣжности къ угловатымъ реалистамъ нашего времени, что на его поправѣ никто-бы не могъ дѣйствовать лучше и плодотворнѣе. Я знаю, что не могъ. Но это доказываетъ только, что ненаде ему было ставевтись на такое поправѣ. На это скажутъ, что лучше что нибудь, чѣмъ советамъ ничего. Съ этимъ я опять таки совершенно согласенъ, но только надо условиться въ пониманіи термина—«что нибудь». Если мнѣ очень хочется бѣсть, то я прошу: дайте мнѣ, ради бога, хоть что нибудь! То есть, дайте мнѣ хоть сухую корку кляба. Но если мнѣ дадутъ палисандровую дощечку, или атласный доскутокъ, то я никакъ не скажу, что это—«что нибудь», а скажу что это—совсѣмъ ничего. При совершенно раціональномъ преподаваніи, исторія есть «что нибудь», и можетъ служить обществу очень питательною пищею. Но при художественной манерѣ преподаванія, исторія превращается въ галерею ребрантовскихъ портретовъ. И хорошо,

и весело, и глаза разбѣгаются, а въ результатѣ выходятъ все таки совсѣмъ ничего. Вѣдь какъ хотите толкуйте: Грановскому до Маколея очень далеко, а между тѣмъ, я бы покорнѣйше попросилъ кого нибудь изъ многочисленныхъ обожателей великаго Маколея доказать мнѣ ясно и вразумительно, что вся дѣятельность этого великаго человека принесла Англiи или человѣчеству хоть одну крупную дѣйствительной пользы. А что дѣятельность всѣхъ ученыхъ и писателей, подобныхъ Маколею, принесла чрезвычайно много вреда, это вовсе не трудно доказать. Всѣ эти господа, сознательно или безсознательно, постоянно морочили граціозностью. Молодые люди, подобные Берсеневу, входятъ въ храмъ науки, и прежде всего попадають въ преддверіе, изъ котораго расходятся въ двѣ противоположныя стороны—въ два корридора. Пойдешь на лѣво—тебѣ покажутъ тысячи палисандровыхъ дощечекъ и атласныхъ лоскутковъ, которые тебѣ придется жевать для утоленія умственного голода. А пойдешь на право—тебя накормятъ, одѣнутъ, обуютъ, обмоютъ, и покажутъ, кромѣ того, какъ кормить, одѣвать, обувать и обмывать другихъ людей. Въ лѣвомъ, атласно-палисандровомъ отдѣленіи храма наукъ господствуютъ: исторіографіа Маколея и его безчисленныхъ, даровитыхъ и бездарныхъ послѣдователей, политическая экономія не менѣе безчисленныхъ учениковъ Мальтуса и Рикардо, и сверхъ того, пестрѣйшая толпа различныхъ «правъ»: римское, гражданское, государственное, уголовное, и множество другихъ. И всѣ атласно-палисандровыя подобія наукъ тщательно приведены, посредствомъ усѣченій и пришиваній, въ строгую гармонию, какъ между собою, такъ въ особенности и съ общими современными требованіями. Въ правомъ отдѣленіи, напротивъ того, помѣщается изученіе природы. Если-бы молодымъ людямъ, вступающимъ въ храмъ науки, ставши вопросъ о двухъ корридорахъ такъ откровенно, какъ онъ поставленъ здѣсь, то, разумѣется, кому же была-бы охота идти на лѣво и жевать атласъ? Но, къ несчастью, къ большому несчастью для молодыхъ людей, и для всего человѣчества, — все лѣвое отдѣленіе биткомъ набито сладогласными сиренами, въ родѣ Маколея и Грановскаго, которыя только тѣмъ и занимаются, что очаровываютъ и увлекаютъ своимъ мелодическимъ пѣніемъ неопытныхъ посѣтителей великаго храма. Въ правомъ отдѣленіи совсѣмъ нѣтъ сиренъ; но первыхъ потому, что тамъ вообще до сихъ поръ мало обитателей, а во вторыхъ и потому, что наличнымъ обитателямъ рѣдительно

некогда заниматься пѣспопѣніями одинъ добываетъ какую нибудь кислоту, другой анатомируетъ пузырчатую глисту, третій разсматриваетъ химическія свойства гуано, четвертый возится съ кореннымъ зубомъ какого нибудь *Elephas meridionalis*, пятый прилаживаетъ отрѣзанную лапку лягушки къ гальванической батарее, шестой анализируетъ мочу помѣшанныхъ людей, и такъ далѣе, и такъ далѣе, все въ томъ же прозаическомъ направленіи. Ну, скажите бога ради, такія-ли это занятія, чтобы можно было запѣть по поводу ихъ мелодическую серенаду, способную очаровать и привлечь молодыхъ поспѣтителей, только-что поступившихъ въ храмъ науки, и немѣющихъ ясно отличать область чистой фантазіи отъ области строгого знанія!— Неудивительно, что почти вся масса свѣжихъ умственныхъ силъ, не находившихъ себѣ никакого приложенія къ жизни, тратилась прежде или на строго неучное веденіе правильныхъ атакъ противъ женскихъ сердець, или на писаніе и чтеніе сочиненій и статей въ маколеевскомъ родѣ, только гораздо позже. Грановскіе и ихъ ученики Берсенева почти совершенно удовлетворялись этою послѣднею дѣйствительностью и были глубоко убѣждены въ томъ, что они дѣлаютъ дѣло, и что Россія, только по своей крайней неразвитости, не считаетъ ихъ великими гражданами; но люди болѣе умные, люди, подобные Лермонтову и его герою Печорину, рѣшительно отвергивались отъ русскаго маколейства и искали себѣ наслажденій въ любви, страдали исключительно отъ любовныхъ неудачъ, порхали съ цвѣтка на цвѣтокъ, довели русское донъ-жуанство до замѣчательной виртуозности и все таки скучали, какъ ни были разнообразны и очаровательны отдѣльные эпизоды этой многотрудной дѣятельности. Быбрать себѣ донъ-жуанство, когда общество живетъ или начинаетъ жить полною жизнью, значить, во первыхъ, обнаружить замѣчательное скудоуміе, а во вторыхъ, обнять мечту вмѣсто дѣйствительности; потому что въ живущемъ или пробуждающемся обществѣ, субъектъ, не имѣющій за собою никакихъ достоинствъ, кромѣ стремленія къ любви, одержитъ весьма слабое количество очень неблестящихъ побѣдъ. Въ такомъ обществѣ женщины всегда требуютъ отъ своихъ поклонниковъ хоть какихъ нибудь внѣшнихъ признаковъ дѣльности и умственной энергии; тутъ ужъ невозможно колотить себя въ грудь и божиться, что въ этой груди заключены исполинскія силы, которыя тщетно стремятся найти себѣ исходъ; тутъ самая простодушная женщина

скажетъ этому колотителю: чтожь вы не проявляете вашихъ силъ? Вѣдь вотъ М и N проявляютъ. И вы проявите.—И останется на это сказать только: слушаюсь-съ, сударыня; завтра же проявлять начну. Но въ двѣтущее время печоринства постоянная праздность, хроническое скучаніе, п полный разгулъ страстей дѣйствительно составляютъ неизбежную и естественную принадлежность самыхъ умныхъ людей. Конечно, маску вѣчной скуки надѣвали на себя такіе люди, которые просто были глупы, которые во всякое время были-бы праздными, и которые старались только прострѣлить женское сердце разочарованными взорами. Грушницкіе носили тогда обноски Печоринныхъ, такъ точно, какъ теперь Ситниковы носятъ обноски Базаровыхъ. Конечно, и настоящіе Печорины часто интересничали своимъ скучаніемъ, когда это интересничаніе могло остаться незамѣченнымъ, сойдти за чистую монету и ускорить желанную развязку любовной интриги. Но, не смотря на то, скука настоящихъ Печоринныхъ вовсе не была маскою; она ихъ дѣйствительно тяготила, и, если бы какой нибудь благодѣтельный гепій предложилъ имъ снять съ нихъ эту проклятую обузу, то они съ большимъ удовольствіемъ дали-бы клятвенное обязательство никогда не надѣвать на себя личину этой скуки «для пущаго трагизма», какъ выражается г. Зайцевъ. Печорины были во всѣхъ отношеніяхъ умнѣ Берсене-выхъ, и поэтому-то именно имъ и не оставалось никакого выхода изъ скуки и изъ міра любовныхъ похожденій. Конечно, ихъ силы могли-бы найти себѣ удовлетвореніе въ глубокомъ изученіи природы, но вѣдь надо же помнить, что въ нашемъ любезномъ отечествѣ только что на этихъ дняхъ сдѣлано то великое открытіе, что естественныя науки дѣйствительно существуютъ, что онѣ способны принести людямъ нѣкоторую пользу, и что не мѣшало-бы, вмѣсто «розъ Теокрыта» возрастить на російскихъ свѣгахъ нѣчто въ родѣ химіи, физиологій и анатоміи. Для Печоринныхъ естествознаніе было тѣмъ, чѣмъ будетъ, вѣроятно, во всякое время, интегральное исчисленіе для огромнаго большинства людей. Стало быть, Печориннымъ не было никакого выбора и постоянная ихъ праздность нисколько не можетъ служить доказательствомъ ихъ умственной хилости. Даже напротивъ того.

VIII.

Германія, классическая страна «здороваго растительнаго сна», настоящая родина чистѣйшаго филистерства, совершенно недоступна въ своей полной чистотѣ для всѣхъ остальныхъ частей нашей планеты, Германія, говорю я, сдѣлала однако устроить такъ, что ея многолѣтній сонъ не пропалъ даромъ, ни для нея самой, ни для человѣчества. Первые шестьдесятъ четыре года XIX столѣтія останутся навсегда незабвенною эпохою, какъ колыбель новѣйшаго естествознанія, Либихъ, Леманъ, Мульдеръ, Мошоттъ, Дюба-Реймонъ, Полюгеръ, Фирховъ, Фирордтъ, Фалентинъ, Гельмгольцъ, братья Веберы, Карлъ Фохтъ, Гиртль, Броннъ, Келликеръ, Фульротъ, Шахтъ, Александръ Гумбольдтъ, Шваннъ, Функе, Эренбертъ, Зибольдъ, и другіе, болѣе или менѣе замѣчательные, натуралисты, сдѣлали изъ этой эпохи незыблемый фундаментъ для будущаго развитія естествознанія. «Химическія письма» Либиха, «Круговоротъ жизни» Мошотта, «Исслѣдованія о животномъ электричествѣ» Дюбуа-Реймона, «Целлюлярная патологія» Фирхова, «Анатомія» Гиртля, «Гистологія» Келликера, «Дерево» Шахта, «Космосъ» Гумбольдта навсегда останутся драгоценнѣйшимъ достояніемъ всѣхъ вѣковъ и всѣхъ народовъ. Эти труды не только кладутъ фундаментъ будущаго благосостоянія, но, кромѣ того, даже въ настоящемъ увеличиваютъ богатство массъ; подобные люди счастливы, глубоко и безконечно счастливы въ двухъ отношеніяхъ: во первыхъ, они прежде другихъ совершаютъ тѣ великія тайны природы, съ которыхъ они срываютъ завѣсу; и во вторыхъ, они видятъ счастье тѣхъ людей, которые имъ однимъ обязаны своимъ благосостояніемъ. Конечно, многія тайны остаются для нихъ недоступными; но я и не говорю, что истинные ученые естествоиспытатели наслаждаются безоблачнымъ блаженствомъ. Они часто и страдаютъ, и волнуются, но они не отдадутъ этихъ великихъ минутъ страданія и волненія за миллионы невозмутимыхъ филистерскихъ благополучій. Вы любите женщину, васъ волнуетъ и терзаетъ и ея присутствіе, и ея отсутствіе, и ея слова, и ея взгляды, и ея холодность, и ея страстность; въ самыя счастливыя минуты вы не знаете са-

мы, весело ли вамъ, или больно; а между тѣмъ, всѣ эти мучительныя ощущенія безконечно дороги для васъ, и дороги даже тогда, когда весь вашъ романъ цѣликомъ ушелъ въ прошедшее, и когда у васъ не осталось для настоящаго ровно ничего, кромѣ грустно-радужныхъ воспоминаній; какъ только прошедшее выступаетъ ярко передъ вашею памятью, такъ вамъ становится положительно больно, и никакого изъ этой боли не можетъ выйдти толку; а между тѣмъ, вы любите даже эти томительныя минуты, и вы ни за что не согласились бы взять себѣ забвеніе, если бы даже оно было возможно. Если вы когда-нибудь любили, то вы найдете эти замѣчанія вѣрными, и вы получите тогда легкое понятіе о томъ, каковымъ образомъ знающіе естествоиспытатели относятся ко всѣмъ трудамъ, непріятностямъ и страданіямъ той дѣятельности, которая наполняетъ всю ихъ жизнь. Когда типъ скучающихъ Печориныхъ процвѣталъ въ нашемъ отечествѣ, тогда все таки никакія обстоятельства не мѣшали и не хотѣли мѣшать развитію физическихъ, химическихъ и физиологическихъ изслѣдованій. Конечно, идеи Фейербаха и Бюхнера считались и тогда очень предосудительными. Но совсѣмъ не въ этихъ идеяхъ и заключается сила совершеннаго естествознанія. Если до сихъ поръ мы относимся къ этимъ идеямъ съ особенною нѣжностью, и накидываемся на нихъ съ особенною жадностью, то это доказываетъ только, что мы стоимъ еще на самомъ порогѣ настоящей науки, и что мы до сихъ поръ никакъ не можемъ отказаться отъ ребяческой замашки строить системы міра изъ двухъ десятковъ собранныхъ кирпичей. Кромѣ того, запрещенный плодъ всегда привлекателенъ. Но настоящіе натуралисты тѣ, которымъ нѣтъ причины нѣжничать съ запрещенными плодами, и тѣ, которые пахотятъ скучнымъ полемизировать съ подобными созданіями человѣческой глупости, тѣ, говорю я, относятся съ глубочайшимъ равнодушіемъ къ такимъ системамъ, начиная съ необузданнаго идеализма Платона, и кончая простымъ матеріализмомъ Бюхнера. Они даже перестали удивляться тому, что люди спорятъ о такихъ предметахъ. Мы желаемъ работать, говорятъ естествоиспытатели, а не фантазировать. Работа же наша состоитъ въ изученіи тѣхъ сторонъ природы, которыя можно видѣть, измѣрять и вычислять. Такъ разсуждаютъ величайшіе изъ современныхъ натуралистовъ, и простота, и разумность такихъ разсужденій такъ очевидны, такъ

неотразимо дѣйствуютъ на всѣ человѣческіе умы, даже на самыя неразвитыя, что передъ трудами натуралиста преклоняются съ невольнымъ уваженіемъ люди всѣхъ политическихъ партій. На основаніи всѣхъ предъявляемыхъ соображеній, я рѣшаюсь высказать ту мысль, что наши Печорины могли проникнуть въ область труда, недоступную атмосферическимъ волненіямъ, и проникли-бы въ нее непременно, если бы они только имѣли ясное понятіе о ея существованіи. Мнѣ кажется, что имъ всего болѣе мѣшали открыть эту область три вещи: во первыхъ, наше общее невѣжество, во вторыхъ—поэзія и эстетика и въ третьихъ—ученое фразерство нашихъ добродѣтельныхъ и недобродѣтельныхъ Маколеевъ. Послѣднія двѣ причины мѣшали преимущественно тѣмъ, что возбуждали въ сильныхъ и естественно-скептическихъ умахъ нашихъ Печориныхъ презрѣніе къ умственной дѣятельности вообще. Они думали, по своей необразованности, что видятъ передъ собою образчики всей человѣческой науки и, замѣчая тотчасъ дряблость и практическое убожество тѣхъ занятій, которымъ, съ колымопреклоненіями и съ священнымъ ужасомъ, предавались наши Берсенева, они, Печорины, рѣшали сразу, что все это чепуха, и что надо жить, пока живется, и что скука составляетъ неизбежную непріятность въ жизни каждаго умнаго человѣка. Я увѣренъ, что читая даже статьи Бѣлинскаго, многіе Печорины разсуждали про себя: «Да. Славно пишетъ. И умно, и честно. Но къ чему все это? И если они разсуждали такимъ образомъ, то нельзя сказать, чтобы они были совершенно неправы. Если-бы Бѣлинскій и Добролюбовъ поговорили между собою съ глаза на глаза, съ полною откровенностью, то они разошлись-бы между собою на очень многихъ пунктахъ. А если-бы мы поговорили такимъ же образомъ съ Добролюбовымъ, то мы не сошлись-бы съ нимъ почти ни на одномъ пунктѣ. Читатели «Русскаго Слова» знаютъ уже, какъ радикально мы разошлись съ Добролюбовымъ во взглядѣ на Катерину, то есть,—въ такомъ основномъ вопросѣ, какъ оцѣнка свѣтлыхъ явленій въ нашей народной жизни. Слѣдовательно, самыя идеи Бѣлинскаго уже не годятся для нашего времени. Въ свое время онѣ были очень полезны, но неосновательно было-бы утверждать, что въ его время невозможны были такія другія идеи, которыя принесло-бы десятикратное больше пользы. Мнѣ кажется, что такія идеи были возможны даже тогда. Бѣлинскій, усвоившій себѣ полули-

тературное, полуфилософское образованіе, не могъ одѣлаться проводникомъ этихъ другихъ идей; но тотъ-же Бѣлинскій, получившій математическое и строго реальное образованіе, тотъ же Бѣлинскій, съ тѣмъ же сильнымъ умомъ, съ тѣмъ же блестящимъ талантомъ, съ тѣми же честными убѣжденіями, но только Бѣлинскій натуралистъ, а не эстетикъ и не гегельянецъ, принесъ-бы въ десять разъ больше пользы; и послѣ дѣятельности такого атлета, мнѣ, конечно, не было-бы ни надобности, ни даже возможности писать въ 1864 году настоящія строки. Но немногіе уцѣлѣвшіе и старѣвшіеся Печорины никакъ не хотятъ и не могутъ повѣрить тому, что они, при всемъ своемъ умѣ, были круглыми невѣждами и, въ теченіи всей своей жизни, скучали не по возвышенности своей натуры, а только потому, что не знали, какъ взяться за дѣло. Поэтому, при встрѣчѣ съ молодыми Печоринами, они стараются ихъ разразить аргументами, какъ разражали, въ былые годы, гегелистовъ и маколеевъ россійской фабрикаціи. Но тутъ коса находитъ на камень и старые Печорины замѣчаютъ въ молодыхъ ту же холодную ясность взгляда, ту же умственную требовательность, ту же беспощадность ироніи, словомъ, всѣ тѣ-же свойства, которыми они сами навели трепеть на Максима Максимовича, и благоговѣйную любовь на княжну Мери. И во всему этому присоединяется знаніе, котораго у пятигорскаго демона не было. Да еще, въ добавокъ, не скучаютъ каналы, и даже отрицаютъ скуку, то есть ухитряются, такимъ образомъ, перещеголять демона даже въ отрицаніи, которое, какъ извѣстно, составляетъ его нарочитую специальность. Разумѣется, все это немовѣрно бѣситъ посѣдѣвшихъ Печоринныхъ, и имъ, чтобы не видѣть молодыхъ чертенятъ, которые оказываются шустрѣе старыхъ, — остается только взять примѣръ съ Павла Петровича Кирсанова, то есть, уѣхать въ Дрезденъ и показывать себя публикѣ на брюлевской террасѣ.

IX.

Базаровъ говоритъ Аркадію: «твой отецъ добрый малый, но онъ человекъ отставной, его пѣсенка спѣта. Онъ читаетъ Пушкина. Рас-толкуй ему, что это нигуда не годится. Вѣдь онъ не мальчикъ: пора

бросить эту ерунду. Дай ему чтонибудь дѣльное, хоть Бюхнерово «Stoff und Kraft» на первый случай». Выписавъ эти слова, г. Антоновичъ прибавляетъ отъ себя замѣчаніе: «Сынъ вполне согласился съ словами друга и почувствовалъ къ отцу сожалѣніе и презрѣніе». Во первыхъ, это не правда, ни сожалѣнія, ни презрѣнія Аркадій не чувствовалъ къ своему отцу, ни до этого разговора, ни *послѣ*. А во вторыхъ, если-бы даже глупость Аркадія дошла до такихъ колоссальныхъ размѣровъ, то, разумѣется, *сожалѣніе и презрѣніе* родилась-бы въ немъ не отъ того, что онъ *согласился съ словами друга*, а отъ того, что онъ понялъ эти слова совсѣмъ наизуворотъ. Базаровъ нисколько не желаетъ разъединять сына съ отцемъ; напротивъ того, Базаровъ своимъ совѣтомъ указываетъ на тотъ единственный путь, по которому Аркадій можетъ приблизиться къ Николаю Петровичу, не измѣняя идеалъ своего поколѣнія. Но прежде всего необходимо правильно понимать Базарова; онъ выражается всегда очень сильно и довольно небрежно; поэтому, если мы захотимъ придираться къ отдѣльнымъ словамъ, намъ будетъ вовсе нетрудно извратить ихъ смыслъ, обвинить Базарова въ различныхъ намѣреніяхъ, и даже отыскать въ каждой его фразѣ по нѣскольку противорѣчій. Напримѣръ, онъ говоритъ, что Николай Петровичъ — человѣкъ отставной, и въ тоже время совѣтуетъ дать ему чтонибудь дѣльное. Явное противорѣчіе! Если отставной, такъ и пускай читаетъ Пушкина; но зачѣмъ его и отрывать отъ этого безвреднаго занятія. Далѣе: противъ чтенія Пушкина приводится тотъ аргументъ, что «вѣдь онъ (т. е. Николай Петровичъ) не мальчишгъ.» Это опять похоже на бессмыслицу. Значить, если-бы Базаровъ увидалъ сочиненія Пушкина въ рукахъ семнадцатилѣтняго мальчика, то онъ этого мальчика похвалилъ-бы за прилежаніе и нашелъ бы, что этому мальчику дѣйствительно слѣдуетъ тратить время на чтеніе «Кавказскаго плѣнника» и «Бахчисарайскаго фонтана.» Уличивши, такимъ образомъ, Базарова въ противорѣчіяхъ, доказавши ему, что онъ самъ не понимаетъ своихъ собственныхъ словъ, мы, конечно, безъ малѣйшаго труда, придемъ къ тому заключенію, что Базарову, какъ самолюбивому мальчишгъ, хочется только поумничать надъ почтеннымъ отцемъ семейства, и что вся тирада противъ Пушкина должна быть приписана этому мелкому предосудительному побужденію. Это заключеніе чрезвычайно печально, потому что оно доказываетъ намъ удивительную непрочность той

гармоніи, которая господствуетъ въ самыхъ лучшихъ и просвѣщенныхъ русскихъ семействахъ.

Когда Базаровъ говоритъ съ Аркадіемъ о Николаѣ Петровичѣ, то слова могутъ подать поводъ къ ложнымъ истолкованіямъ; въ этихъ словахъ можно отыскать безсвязность и нелѣпость; но стоитъ только взглянуть на эти слова безъ предубѣжденія, чтобы увидать и понять немедленно честныя, чистыя и вполне сознательныя стремленія Базарова. — Зачѣмъ онъ говоритъ Аркадію, что его отецъ — человекъ отставной? — Очень понятно, зачѣмъ. — Аркадій — юноша впечатлительный. Приѣхавъ въ деревню, онъ подчиняется вліянію разнѣживающей обстановки и увлечется симпатичною, личностью своего добраго отца. Любить отца очень похвально, но всякій читатель вѣроятно согласится со мною въ томъ, что двадцатилѣтнему юношѣ не слѣдуетъ относиться къ требованіямъ современной дѣятельности такъ, какъ относится къ нимъ сорока-четырехлѣтній мужчина. Если пожилой человекъ отдыхаетъ и благодумствуетъ, если онъ занимается полезнымъ трудомъ отъ нечего дѣлать, если этотъ трудъ составляетъ для него не цѣль и смыслъ всего существованія, а только пріятное развлеченіе, въ родѣ прогулки для моціона, если, говорю я, все это дѣлается пожилымъ человекомъ, то мы отъ всей души говоримъ ему спасибо за то, что онъ не мѣшаетъ работѣ другихъ людей, и еще за то, что онъ способенъ находить удовольствіе въ такихъ занятіяхъ, которыя не могутъ быть названы совершенно без-полезными. Мы всегда должны помнить, что человекъ зрѣлыхъ лѣтъ проваль всю свою молодость въ печоринскомъ періодѣ, и что вынужденная неподвижность дѣйствуетъ на человѣческія силы гораздо разрушительнѣе, чѣмъ самый тяжелый и изнурительный трудъ. Поэтому, реалисты никогда не потребуютъ отъ Николая Петровича, чтобы онъ съ юношескою энергіею и съ горячимъ усердіемъ принялся за работу нашего времени. Но по этой же самой причинѣ реалисты отнесутся съ полнымъ и совершенно справедливымъ презрѣніемъ къ тому двадцатилѣтнему празднолюбцу, который вздумаетъ отдыхать, благодумствовать и дилетантствовать, подобно Николаю Петровичу. Или работой серьезно, или совсѣмъ не принимайся за работу — они скажутъ каждому изъ своихъ сверстниковъ, потому что отъ нихъ, отъ нашихъ сверстниковъ, мы имѣемъ полное право настоятельно требовать непреклонной энергіи, желѣзнаго терпѣнія и

неугомимаго трудолюбія. У кого нѣтъ этихъ свойствъ и кто, будучи двадцатилѣтнимъ, здоровымъ парнемъ не умѣетъ выработать въ себѣ эти свойства, тотъ не можетъ пользоваться уваженіемъ нашимъ, того ошибаютъ и осмѣютъ, если онъ осмѣлится пуститься въ добродѣтельныя фразы о своемъ пламенномъ сочувствіи общему дѣлу отечественнаго прогресса. Намъ нужна полезная работа, и нѣтъ никакого дѣла до пламенныхъ сочувствій. Сочувствіе же мы съ полною признательностью принимаемъ только отъ тѣхъ людей, которые уже не въ силахъ быть дѣятельными работниками. Теперь понятно, что значать слова Базарова: «твой отецъ — человѣкъ отставной». Это значить: помни, о другъ мой, Аркадій Николаевичъ, что съ твоей стороны будетъ совершенно неприлично вести тотъ образъ жизни, который дѣлаетъ твоему пожилому отцу большую честь. Онъ поступаетъ хорошо, потому что онъ отставной, но тебѣ рано выходить въ отставку. Смотри же, держи ухо востро, если не желаешь къ двадцати пяти годамъ сдѣлаться Афанасіемъ Ивановичемъ. Когда Аркадій женился на Катеринѣ Сергѣевнѣ, онъ дѣйствительно превратился въ Афанасія Иваныча, и можно было сказать заранѣе, что всѣ предостереженія Базарова пропадутъ даромъ, потому что воскъ ни при какихъ условіяхъ не перестанетъ быть воскомъ, и не сдѣлается ни сталью, ни алмазомъ. Но въдъ Базаровъ не виновать въ томъ, что его разумныя слова попадали въ ослепое ухо. Слова все таки разумны, намѣреніе все таки честно, а если успѣхъ невеликъ, такъ что же съ этимъ дѣлать? Намъ пришлось-бы наложить на себя пифагорейскій обѣтъ молчанія, если-бы мы стали высказывать наши мысли только въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ навѣрное должны попасть въ цѣль и произвести осязательный практическій результатъ. Это напоминаетъ мнѣ, что извѣстный герой Егоръ Козыревъ или «душа Тряпичкинъ» называетъ Базарова болтуномъ. О Господи! Ужъ не нашимъ бы литераторамъ высказывать этотъ упрекъ. Намъ, пишущимъ людямъ, приходится болтать десятки лѣтъ прежде, чѣмъ наша болтовня дойдетъ по назначенію. Или, можетъ быть, Егоръ Козыревъ или г. Щедринъ думаетъ, что каждое его слово творитъ чудеса и извлекаетъ изъ камня нашей закоснѣлости живую воду плодотворныхъ идей и высокихъ стремленій? Ну, и пускай думаетъ! Блаженъ, кто вѣруетъ, тепло тому на свѣтъ! — Но Базаровъ даже и говорить

то совѣтъ немного, и выражаетъ свои мысли такъ коротко и отрывисто, что почти каждое его слово требуетъ дополнительныхъ пояснительныхъ комментаріевъ. Такъ не говорятъ болтуны, то есть, люди наслаждающіеся звукомъ собственныхъ рѣчей. Такъ говорятъ только дѣловые люди, чувствующіе непримиримую ненависть ко всякому риторству. Сказавши Аркадію, что его отецъ отставной человѣкъ, Базаровъ на этомъ не останавливается. Онъ не хочетъ махнуть рукой на отставнаго человѣка и отвернуться отъ него. Онъ говоритъ Аркадію: «растолкуй ему, что это никуда негодится...» «Дай ему что нибудь дѣльное.» — Зачѣмъ онъ это говоритъ. Конечно не затѣмъ, чтобы сдѣлать Николая Петровича великимъ естествоиспытателемъ. И конечно не затѣмъ, чтобы покуражиться надъ этимъ добродушнымъ и смиреннымъ человѣкомъ. Если-бы онъ хотѣлъ куражиться, то онъ самъ полезъ-бы съ совѣтами къ Николаю Петровичу, вмѣсто того, чтобы разговаривать съ его сыномъ. Базаровъ просто желаетъ поддѣлиться тѣмъ, что онъ считаетъ высшими человѣческими наслажденіями со всякимъ, кто только способенъ воспринять и почувствовать эти наслажденія. Если вы любите ѣсть устрицы, то очень естественно, что вы при случаѣ будете угощать устрицами каждаго изъ вашихъ знакомыхъ; и вы даже, съ особеннымъ удовольствіемъ, будете вовлекать въ любовь къ устрицамъ тѣхъ людей, которые никогда не брали ихъ въ ротъ и смотрятъ на нихъ съ nepозволительнымъ ужасомъ. Ваше удовольствіе будетъ совершенно безкорыстно, и оно будетъ вытекать изъ самаго чистаго источника. Вамъ хочется, чтобы вмѣстѣ съ вами наслаждались и другіе. На этомъ желаніи основано убійственное хлѣбосолецтво голевскаго Пѣтуха, и хлѣбосолецтво это, проявляющееся въ самыхъ скотскихъ размѣрахъ, все-таки остается очень симпатичнымъ, именно потому, что въ немъ нѣтъ ни малѣйшаго тщеславія, а только одно добродушіе: пользуйся, молъ, всякая душа человѣческая! — Пѣтухъ кормитъ своихъ гостей на убой, а Базаровъ хочетъ посадить Николая Петровича за книгу, которую онъ считаетъ дѣльною; оба дѣйствуютъ по одинаковому побужденію. «Мнѣ хорошо; хочу чтобы и другому было хорошо», — это размышленіе такъ просто, такъ естественно, такъ неистребимо въ каждомъ здоровомъ человѣческомъ организмѣ, что и Пѣтухъ способенъ размышлять такимъ образомъ. А между тѣмъ, всѣ величайшіе подвиги чистѣйшаго человѣческаго героизма совершались

и будут совершаться всегда, именно на основаніи этого простаго размышленія. — А критика наша, по обыкновенію, смотритъ въ книгу и видитъ фигу, и на основаніи этой фигуры, изобличаетъ Базарова въ непочтительности, въ жесткости, и во всякомъ озорствѣ. Долго придется г. Антоновичу раскayаться въ его статьѣ объ «Асмодеѣ нашего времени.» Много вреда надѣлала эта статья. Сильно перепутала она понятія нашего общества о молодомъ поколѣніи. Такъ напакостить могъ именно только одинъ «Современникъ.»

А что же значать слова Базарова: «вѣдь онъ не мальчикъ?» — Это значить: «когда твой отецъ былъ мальчикомъ, тогда позволительно было читать Пушкина, потому что лучше наслаждаться четырёхстопными ямбами, чѣмъ «рокомъ и аракомъ,» или воронными рысаканами. Теперь онъ не мальчикъ, и теперь настали другія времена, и теперь люди выучились создавать себѣ болѣе прочныя, болѣе разумныя и болѣе сильныя наслажденія. Пусть твой отецъ отвѣдаетъ этихъ наслажденій и онъ, какъ человѣкъ неглупый, навѣрное полюбитъ ихъ и броситъ ямбы и хорен. Помоги твоему отцу; тебѣ самому будетъ чрезвычайно пріятно сознавать, что ты принесъ ему пользу, и что ты отарылъ ему доступъ къ великимъ наслажденіямъ мысли. И еще пріятнѣе будетъ для тебя то обстоятельство, что отецъ сдѣлается твоимъ другомъ и помощникомъ во всѣхъ твоихъ дальнѣйшихъ работахъ.» Вотъ мысль Базарова, развитая во всѣхъ подробностяхъ. Если смотрѣть на его слова безъ предвзятой идеи, безъ недоброежелательнаго предубѣжденія, то невозможно даже предположить, чтобы эти слова были произнесены вслѣдствіе какого нибудь другаго процесса мысли. Я обращаюсь теперь къ каждому безпристрастному читателю съ вопросомъ: есть-ли малѣйшая возможность заподозрить Базарова въ желаніи поглумиться надъ Николаемъ Петровичемъ, и унизить въ его лицѣ лучшую часть старшаго поколѣнія? Я убѣжденъ въ томъ, что каждый безпристрастный читатель, взглянувшій въ мои доводы, совершенно очистить Базарова отъ тѣхъ недѣльныхъ обвиненій, которыя введены на него близорукою критикою. Слова Базарова, вмѣсто большой пользы, принесли крошечный вредъ, то есть, огорчили на нѣсколько дней Николая Петровича, и поселили между отцемъ и сыномъ легкое неудовольствіе, которое, однако, скоро исчезло. Случалось же это, во первыхъ, потому, что Николай Петровичъ нечаянно подслушалъ эти слова, которыхъ ему

вовсе не слѣдовало слышать; а во вторыхъ потому, что Аркадій оказался набитымъ дуракомъ, и превзошелъ въ этомъ отношеніи всѣ ожиданія или опасенія Базарова. Однажды, когда Николай Петровичъ читалъ Пушкина (а читалъ онъ его, повидимому, часто и усердно) Аркадій подошелъ къ нему, съ ласковою улыбкою взявъ у него изъ рукъ книгу и вмѣсто Пушкина положилъ передъ нимъ *Kraft und Stoff*. Ну, и оправдалась пословица: услужливый дуракъ и т. д. Базаровъ сказалъ: дай ему на первый случай хоть Бюхнерова «*Kraft und Stoff*» — Аркадій буквально исполнилъ этотъ совѣтъ. Но Базаровъ сказалъ, кромѣ того: «*растолкуй* ему, что это (т. е. Пушкинъ) никуда негодится» — а сообразительный Аркадій пропустилъ эти слова мимо ушей, и не понялъ, что въ нихъ заключается весь смыслъ дѣла. Само собою разумѣется, что школьническая, нелѣпая и дерзкая выходка Аркадія, смягченная и украшенная ласковою улыбкою, не могла разъяснить Николаю Петровичу значеніе естествознанія для исторической жизни массъ и для міросозерцанія отдѣльнаго человѣка. Читатель имѣетъ полное право назвать Аркадія самонадѣяннымъ пошлякомъ, и Николаю Петровичу остается только вздохнуть, пожать плечами, и пожалѣть о томъ, что сынъ его такъ плохъ въ умственномъ отношеніи. Но за чѣмъ же валять съ больной головы на здоровую? Въ чемъ тутъ виноватъ Базаровъ? И что общаго имѣетъ глупость Аркадія съ идеями, которыми проникнуты наши реалисты? Шекспиръ — очень замѣчательный писатель, но и шекспировскую драму можно такъ искусно перевести, и такъ восхитительно разыграть на сценѣ, что она покажется гораздо хуже драмы Нестора Кукольника, или Николая Полеваго. Если-бы Аркадій былъ дѣйствительно проникнутъ сознательною любовью къ наукѣ, если бы онъ разумно и убѣдительно заговорилъ съ своимъ отцемъ объ умственныхъ интересахъ естествоиспытателей нашего времени, если бы онъ возбудилъ и направилъ любознательность Николая Петровича, если бы онъ, такимъ образомъ, доставлялъ ему много чистыхъ наслажденій, и если бы онъ, посредствомъ этихъ наслажденій, сблизился съ своимъ отцемъ тѣснѣе, чѣмъ когда либо, — то, навѣрное, никому изъ читателей не пришло бы въ голову обвинять Аркадія въ непочтительности къ родителямъ, или въ недостаткѣ сыновней любви. А поступая такимъ образомъ, Аркадій исполнилъ-бы съ самою добросовѣстною точностью дружескій совѣтъ Базарова,

тотъ самый совѣтъ, который онъ, по своей глупости, совершенно изуродовалъ. — Изъ всего, что было говорено выше, я вывожу то заключеніе, что взаимному пониманію нашихъ двухъ поколѣній, старшаго и молодаго, мѣшаютъ, съ одной стороны, старые Печорины, подобные Павлу Петровичу, а съ другой стороны, глупые юноши, подобные Сятникову и Аркадію. То есть, другими словами, мѣшаютъ непониманіе и тупоуміе.

БИБЛОГРАФИЧЕСКИЙ ЛИСТОКЪ.

На Востокъ. Поѣздка на Амуръ (въ 1860—1861 годахъ). Дорожныя замѣтки и воспоминанія С. Максимова. Спб. 1864. — Кто былъ первый Лмедимитрій? Историческое изслѣдованіе П. Костомарова. Спб. 1864. — Невольница. Рассказъ Марка Вовча. Спб. 1864. — Сочиненія Майнъ-Рида. Охотничьи рассказы изъ жизни африканскихъ и американскихъ обитателей. Томъ II. Жилище въ пустынь.— Охотникъ за растеніями. Изд. Вольфа. Спб. 1864. — Прогулка молодыхъ боеровъ. Соч. Капитана Майнъ-Рида. перев. подъ редакціею Н. А. Ушакова. Изд. Товарищества «общественной пользы.» Спб, 1864.— Охотничьи рассказы Ф. А. Арсеньева. Спб. 1864.—Книга Чудесъ или физиологія невозможнаго міра, объясняющая таинственныя и непостижимыя для внѣшнихъ чувствъ явленія міра духовъ и внутренней жизни человѣческой. Сочиненіе доктора Деба. Изд. И. М. Хотинскаго. Н. 1864.

Г. Максимовъ, ѣздившій въ 1861 году на Амуръ, представилъ теперь результаты своихъ наблюденій въ весьма любопытной книгѣ, гдѣ, кромѣ описанія Амура, находятся любопытныя очерки Японіи, Манчжуріи и русско-китайской кяхтинской торговли. Постараюсь подѣлиться съ читателями наиболѣе интересными извѣстіями, сообщаемыми г. Максимовымъ. Читателямъ извѣстно, что послѣ слуховъ о какомъ-то Эльдorado, процвѣтающемъ на берегахъ Амура, появились слухи совершенно противоположныя, и Амуръ описывался самыми мрачными красками. Правда, какъ она является въ книгѣ г. Максимова, оказывается ни тѣмъ, ни другимъ, и, если впечатлѣніе, производимое описаніемъ новой области, не совсѣмъ благопріятно, то явною этому не природа и не какія бы-то ни было естественныя условія.

Извѣстно, что рѣка Амуръ образуется слияніемъ двухъ сибирскихъ рѣкъ, — Шилки и Аргуни, на которыхъ съ давнихъ временъ живутъ казави. Отъ слиянія этихъ рѣкъ, на протяженіи 700 верстъ, берега Амура имѣютъ горный характеръ; здѣсь къ самой водѣ подступаютъ развѣтвленія Хинганскаго хребта, преслѣдующія теченіе рѣки почти во всемъ верхнемъ теченіи ея. Горы, покрытыя лѣсомъ, тѣснятъ рѣку на всемъ этомъ пространствѣ, оставляя чрезвычайно немного узкихъ полосъ по берегу, удобныхъ для поселеній. Лѣса покрывающіе эти горы, укрываютъ много пушнаго звѣря: бѣлогъ, соболей, лисицъ и др. Поэтому верховья рѣки не представляютъ никакихъ данныхъ для развитія хлѣбопашества, для существованія земледѣльческаго населенія. Они предназначены природою для охотничьихъ промысловъ, для которыхъ мѣстность эта представляетъ большія выгоды. Населеніе, занявшее берега верхняго теченія Амура, сдѣлается по преимуществу охотничьимъ, вслѣдствіе чего, здѣсь-же предстоитъ развитіе торговлѣ мѣхами. Коренные обитатели этой мѣстности, кочующіе мангры, могутъ доставлять звѣропромышленникамъ рыбу, а сосѣдніе манчжуры мясо и хлѣбъ. Такимъ образомъ, вмѣсто того, чтобы разрабатывать свою дѣвственную землю, населеніе верховьевъ Амура, по самымъ условіямъ страны, устремится на звѣринные промыслы, обеспеченное со стороны необходимыхъ жизненныхъ средствъ торговлею, большею частью мѣновою, съ своими сосѣдями.

Иной характеръ имѣетъ среднее теченіе Амура на протяженіи 1000 верстъ, до впаденія рѣки Уссури. На этомъ пространствѣ природа береговъ рѣки нѣсколько напоминаетъ тѣ волшебныя сказки, которыя рассказывались объ этой странѣ въ первое время по присоединеніи ея, хотя, конечно, многое оказывается въ дѣйствительности не такъ привлекательнымъ, какъ было въ тогдашнихъ разсказахъ. Большая часть этого громаднаго пространства, гдѣ въ Амуръ впадаютъ три главныхъ притока его: Сунгари, Зей и Уссури, представляетъ степной и притомъ южный характеръ. Великолѣпная растительность (между прочимъ дѣйствительно растетъ, но не дозрѣваетъ виноградъ), огромная рѣка съ многочисленными большими притоками, кишмящая рыбой, превосходная земля, представляющая громаднаго пространства, какъ нельзя болѣе удобная для земледѣлія, благоприятный климатъ — все это должно привлекать къ себѣ многочисленное населеніе и возбуждать зависть къ счастливымъ обладателямъ этихъ даровъ природы. Часть этого тысячеверстнаго пространства (158 верстъ) зани-

маеть, покрытый первобытными лѣсами, богатый всякимъ звѣремъ малый Хинганъ,—родина тигровъ и барсовъ, окончателно удосто-вѣряющихъ въ благонастроенности воздуха этой страны. Черему-хи, дико растущіе, сладкіе яблоки и груши еще болѣе подтверждаютъ это. Не можетъ быть никакого сомнѣнія, что на этомъ обширномъ пространствѣ должны возникнуть многолюдные, богатые города, цвѣтущія селенія, долженъ жить счастливый, богатый земледѣльческій народъ, должна развиться торговля, какой позавидуетъ само Средиземное море, торговля между Европой, Азіей и Америкой. Дикари, жившіе доселѣ въ этой мѣстности, хотя по занятіямъ мало отличаются отъ туземныхъ жителей низовьевъ и верховьевъ рѣки, но благодатная природа положила свой отпечатокъ на ихъ нравъ. Занимаясь рыб-ною и звѣриною ловлею, живущіе здѣсь *вольды* и *орочоны* добродуш-ны и кротки, чѣмъ рѣзко отличаются отъ своихъ сѣверныхъ сосѣдей.

Снова новое зрѣлище представляютъ низовья Амура, особенно вторая половина этого тысячеверснаго пространства. Какъ верховья рѣки отличаются горнымъ, лѣснымъ характеромъ, какъ среднее те-ченіе ея — степнымъ, такъ низовья представляютъ характеръ тайго-вой, полярной. Въ іюлѣ мѣсяцѣ, когда берега средняго теченія Амура покрыты роскошнѣйшей растительностью, когда тамъ цвѣтутъ чере-муха и яблони, когда даже въ верховьяхъ рѣки тепло и хорошо, бе-рега послѣднихъ 500 верстъ Амура покрыты льдомъ, обставлены мрачными хвойными лѣсами, окружены промерзшими болотами; страш-ные суровые вѣтры поднимаютъ на рѣкѣ громадныя волны, надъ нею и надъ окрестными болотами и озерами встаетъ густой, морской туманъ; климатъ холодный и сырой.

Въ этой грустной странѣ живетъ не менѣе грустное племя *шля-ковъ*, безобразное, свирѣное и оборванное. И кто, кромѣ этого не-счастливаго дикаго племени, будетъ жить въ этой негостепріимной странѣ? Кого приманить она къ себѣ своими тайгами, туманами и своимъ холоднымъ вѣтромъ? Кто и зачѣмъ рѣшится пойдти терпѣть здѣсь нужду, когда на пути сюда передъ ними раскроются всѣ со-блазны мѣстности по среднему теченію? Звѣропромышленникъ оста-нется на верховьяхъ, обѣщающихъ ему, хотя и суровую жизнь, но дорогихъ соболей; хлѣбопашецъ выберетъ среднее теченіе, гдѣ его ждуть всѣ удобства плодородной почвы и хорошаго климата; кто же заберется въ тайги устья? Нѣтъ сомнѣнія, что эта страна, растя-нутая на нѣсколько сотъ верстъ, не имѣетъ будущности. Здѣсь

не могут существовать ни обширные города, ни даже селенія, и никакія старанія не заселять ее многочисленнымъ и зажиточнымъ населеніемъ. Но, къ счастью для обитателей остальной части приамурскихъ странъ, они не нуждаются въ заселеніи суровой мѣстности на устьѣ. Рѣка Уссури, одинъ изъ главныхъ притоковъ Амура, по величинѣ не уступающая ему, ведетъ черезъ богатыя страны, подобныя тѣмъ, которыя окружаютъ среднее теченіе Амура, на югъ въ теплую приморскую землю. Къ сожалѣнію, русскимъ доселѣ неизвѣстенъ путь, которымъ можно проникнуть изъ Уссури къ морю, хотя уже давно носятя слухи о южныхъ рѣкахъ, близко подходящихъ къ Уссури и впадающихъ въ китайское море, представляя слѣдовательно путь съ Амура въ море помимо устьевъ его. Но, какъ замѣчаетъ г. Максимовъ, «не видно особеннаго старанія» изслѣдовать это дѣло. Однако, вотъ какія мысли приходятъ на умъ мыслящему человѣку, когда корабль его стоитъ среди великолѣпной природы, въ одной изъ русскихъ гаваней китайскаго моря:

«вырубать тотъ лѣсъ, выстроить тутъ городъ. Городъ будетъ приморск со всеми правами и надеждами на процвѣтаніе, особенно если ступятъ его съ населеніемъ Уссури, которое удалено отсюда, говорятъ, только на триста верстъ. Тогда Николаевскъ проиграетъ непременно. Отъ Ольги недалеко одинъ изъ манчжурскихъ большихъ городовъ отъ нея 240 морскихъ миль (420 в.) гавань Посѣта и затѣмъ независимая, но богатая Корея. Между Уссури и Ольгой залегли тѣ богатыя растительностью и климатомъ пространства Манчжуріи, которыми она дорожитъ, и въ которыхъ растетъ прихотливое растение жинъ-шань, обладающее, говорятъ, разнообразною цѣлебною силою. Умѣлые люди сдѣлаютъ со временемъ изъ Ольги такое цвѣтущее мѣсто, которому позавидуютъ многія счастливыя мѣста, хотя-бы напр. на томъ же Черномъ морѣ. Въ гавани Ольги будетъ городъ, — и городъ огромный, цвѣтущій, торговый.... (На Востокъ, стр. 338).

Показавъ въ краткихъ чертахъ характеръ приамурскихъ странъ, я могу теперь рассказать со словъ г. Максимова о положеніи ихъ недавнихъ обитателей. Но, предварительно, необходимо сказать нѣсколько словъ о самомъ способѣ ихъ заселенія.

На Амурѣ поселены три разряда переселенцевъ: забайкальскіе казаки, солдаты русскихъ внутреннихъ гарнизоновъ и государственные крестьяне изъ русскихъ губерній, преимущественно же вятской, воронежской, пермской и тамбовской. Касательно послѣднихъ, со

ставлявшихъ конечно главную часть переселенцевъ, генералъ-губернаторъ Восточной Сибири предполагалъ сдѣлать переселеніе ихъ совершенно свободнымъ, по возможности, устранивъ правительственную регламентацію. Предполагалось дозволить переселяться всѣмъ лицамъ свободныхъ сословій, съ освобожденіемъ переселенцевъ отъ всякихъ формальностей и съ дарованіемъ имъ различныхъ льготъ, какъ-то: избавленіе отъ рекрутскихъ наборовъ, податей и повинностей. Правительство могло обойтись безъ всякихъ пожертвованій съ своей стороны въ пользу переселенія. Переселяться крестьяне должны были на свой счетъ, получая лишь на извѣстный срокъ ссуды денегъ и семянъ изъ запаснаго капитала Восточной Сибири. Но съ другой стороны, предполагалось также предоставить переселенцамъ полную свободу, какъ въ переселеніи, такъ и въ поселеніи, т. е. относительно выбора мѣстъ жительства въ приамурскомъ краѣ. Освобожденіе правительства отъ расходовъ на переселеніе и устраненіе регламентаціи въ этомъ дѣлѣ, имѣли на своей сторонѣ прежніе опыты, какъ напр. заселеніе аянского тракта, которое было крайне неудачно, не смотря на всѣ пожертвованія и заботы правительства.

Но въ послѣдствіи было найдено, что «въ подобномъ дѣлѣ необходимы система и послѣдовательность, безъ которыхъ не будетъ порядка, а слѣдовательно не будетъ достигнута самая цѣль заселенія— развитіе промышленности». При этомъ, между прочимъ, признано было неблагоразумнымъ предоставить поселенцамъ право свободно селиться въ избранныхъ ими самими мѣстностяхъ; «ибо такой порядокъ можетъ возбудить въ переселенцахъ превратное понятіе о правахъ ихъ на занятую землю.» Въ тоже время, министерство Госуд. Имуществъ не раздѣляло взгляда генералъ-губернатора, полагавшаго, что, для возможно скорѣйшаго заселенія Амура, должно сдѣлать по всей Россіи вызовы желающихъ. Министерство, съ одной стороны, имѣло въ виду, что «излишняя огласка можетъ возбудить превратные толки о цѣли его переселенія, а въ народѣ вредное движеніе и тревогу.» Съ другой же стороны, не смотря на значительные капиталы, пожертвованные правительствомъ и простиравшіеся, сколько можно судить по словамъ г. Максимова до 250 тысячъ въ одномъ 1859 г., ихъ оказалось недостаточно для переселенія на Амуръ даже и 500 семействъ, вызванныхъ въ началѣ; половина этого числа семействъ была поэтому водворена въ Западной Сибири, а изъ дру-

денны

гой половины 20 семействъ оставлены въ иркутской губерніи. Такииъ образомъ, на Амуръ были отправлены только 230 семействъ (вѣроятно около 1500 душъ). Изъ нихъ самое большее число принадлежало вятской губерніи; губерніи же пермская, воронежская и тамбовская дали мало переселенцевъ, да самовольно пристали къ переселенцамъ 7 семействъ изъ орловской губ. Главною причиною, побуждавшею этихъ людей къ переселенію, была бѣдность и недостатокъ на родинѣ земли, годной для хлѣбопашества или, какъ выражались въ просьбѣ землянскіе крестьяне воронежской губ. «крайнее и даже раззорительное стѣсненіе въ земляныхъ угодьяхъ.» Переселеніе, близкихъ къ Амуру, забайкальскихъ казаковъ не представляло никакихъ особенныхъ затрудненій; что же касается до гарнизонныхъ солдатъ, вызванныхъ въ помощники казачьимъ и крестьянскимъ семьямъ, то эти, какъ называли ихъ переселенцы, «сынки», во время передвиженія своего по русскимъ и сибирскимъ губерніямъ, оставили по себѣ память, не располагающую ожидать отъ нихъ особенной выгоды для переселенцевъ и заселяемаго края.

Г. Максиму, во время его путешествія, удалось видѣть самыя способы переселенія. Везли переселенцевъ по Амуру не особенно удобно; а именно на плотахъ и на какихъ-то необычайно неуклюжихъ и неудобныхъ баржахъ. Перевозка была возложена на гарнизонныхъ солдатъ; но безпрестанное стаскиваніе этихъ баржъ съ мелей и другія пріятности этого путешествія искусили даже желѣзно терпѣніе солдатъ, которые спасались отъ своей обязанности побѣгами въ первобытные лѣса. Затѣмъ ввѣренные ихъ попеченію переселенцы продолжали свой путь, уже собственноручно стаскивая съ мелей свои баржи и управляясь съ этими безобразными ящиками. Понятно, что вообще переселенцы и во всѣхъ прочихъ отношеніяхъ не наслаждались большимъ комфортомъ. Впрочемъ, нельзя сказать чтобы въ невзгодахъ, претерпѣнныхъ ими, были сколько нибудь виноваты правительственныя власти. Вотъ напр., что рассказывалъ ему сами переселенцы:

— Нахвалили намъ Амуръ этотъ — одолѣлъ соблазнъ. А когда мы еще до него доберемся?!

— Теперь ужъ до него недалеко.

— А кто про то знаетъ?! Сказываютъ вонъ, слышь, что еще тысяцъ пять будетъ. Мы вѣдь, надо правду говорить, за намъ-то и не стояло какъ вонъ въ Сибирь эту пришли. Барабой тамъ какой-то план, мѣс

намъ тѣ приглянулись: просили оставить — отказало начальство. До Иркутска не дошли — опять мѣста ладныя были: и на тѣхъ не оставили. Вотъ и за Байкаломъ-то просились: такъ нельзя вишь оставить; на Амурь-де назначеніе вамъ вышло: туда ступайте! Пойдемъ дѣлать нечего.

— Такъ объ чемъ же тоскуется?

— Нужды много терпимъ; да опять же и не сказали намъ, сколь далеко это мѣсто. «Не больно же далеко» — слышь. Сказать-бы раньше надо, такъ мы бы по другому и думали; а то вишь и начальство-то наше, надо-быть, само этого не знало толкомъ-то:—такъ надо полагать.

— Мы вотъ становимся-то своимъ на цыганъ больно похожи. Тѣ въ нашихъ мѣстахъ на счетъ воровства ловки. Намъ бы милостыню надо было просить пойти; да куда? Поглядимъ—поглядимъ мы, такъ и здѣшному народу подать нечего: бѣдно живутъ. А заведется у кого добро какое: такъ опъ за него и зубами и руками. Спросишь чего у нихъ, такъ такую цѣну съ тебя сдеретъ, что ходишь потомъ сутки съ трои, да почесываешься.

— Молока ребятамъ пошла промыслить — серебрянный двугривенникъ отдала.

— Щецъ потрепать блажь пришла по дурацкой-то расейской повадкѣ, такъ и языкъ обожегъ: гривенникъ спрашивали. Вѣдимъ, какъ вонъ въ нашихъ мѣстахъ вотяки не вѣдятъ: болтушку.

— Скота намъ дали одранъ такую, что не глядѣль-бы.

— Скатъ колесъ мы изъ дому-то своего (изъ тамбовской губерніи) привезли: пригодятся-молъ на чужой сторонѣ; и ядреныя такія колеса: дубовыя; не велитъ начальство брать: тѣсно-де будетъ на паромяхъ.

— Безпокоятъ больно: скорѣй слышь все, скорѣй собирайся. Намъ де некогда съ вами тутъ проклажаться. Само начальство, чуть вопъ не само, и паромы-то отпихивало отъ берегу. Тягостно это: обидно!» (На Востокъ, стр. 282—83).

А вотъ еще любопытный разговоръ:

Мы видимъ на берегу цѣлую полѣвницу бѣлыхъ мѣшковъ и спрашиваемъ. Оказался провіантъ, выданный переселенцамъ; въ мѣшкахъ мука-Хороша-ли?

— Шибко подмочена: солодѣлая.

— Квасъ стало быть хорошо варить! — замѣтилъ какой-то острякъ.

— Хорошо и квасъ—отвѣчалъ одинъ изъ толпы; а хорошо и такъ ее бросить; никуда эта мука негодящая. Мы эдакой — на роднѣ-то своей и телатамъ не мѣсли.

— Дожди тебѣръ идутъ; а она у васъ загнила вся; черви завелись. Отчего мѣшки у васъ ничѣмъ не покрыты?

— Намъ и себя-то покрыть нечѣмъ, а объ мѣшкахъ съ мукой намъ и думать не приводится.

Осмотрѣлись мы: слова мужика были справедливы.

— По четыре недѣли рубахъ не снимаемъ — обносились.

— Не хорошія мѣста на вашу долю выпали.

— Такія нехорошія, что кабы знали, такъ и не снимались бы совсѣмъ на родинѣ не въ примѣръ было лучше. Есть-же и на Амурѣ-то этожь, мѣста хорошія. Просились мы подѣ городомъ Благовѣщенскимъ, сюда поближе: не вышло разрѣшенія. Сюда, сказали, разрѣшеніе вамъ.

п — Пытали просить у начальства.

— Вонъ тамъ, сказываютъ, по Уссурѣ рѣкѣ важныя мѣста, сказываютъ.

— Ну да вонъ и повыше-то мѣста маленько получше же этихъ.

— Нѣтъ, знать хорошія-то мѣста не про насъ пали; много, братцы, хорошихъ мѣстовъ на свѣтѣ; да не наши мѣст — то эти.

И заговорили. Заговорили переселенцы всѣ вдругъ, какъ любить говорить русскій человѣкъ, когда затронетъ всѣ сердца одинъ общій интересъ и накипитъ на этихъ сердцахъ невзгода и недовольство, и когда нѣтъ русскому человѣку никакого другого исхода, кромѣ этихъ торопливыхъ и недовольныхъ разговоровъ.

— Мѣста намъ выпали такія, что кажись хуже ихъ и нѣтъ на Амурѣ; все болото, либо глина.

— Просились-бы на другія! — вырвалось замѣчаніе у всѣхъ насъ въ одно слово, тѣмъ болѣе, что всѣ мы видѣли, что крестьянъ дѣйствительно высадили на болото. Мы брели по грязи, по болотной мокротѣ и кочкамъ. Эти болотныя кочки шли дальше, шли подѣ гору, шли вдоль рѣки. Намъ сдѣлалось грустно за переселенцевъ; мы видѣли на-сущное горе ихъ и были не въ силахъ помочь имъ. Переселенцы говорили намъ:

— Рѣшено, слышь, такъ, чтобы насъ ужь де не снимать съ этого мѣста; такая-де судьба наша. Для того тутъ, слышь, и столбъ поставленъ: а столбъ-де этотъ не мы ставили. Просили мы: «позвольте, молъ, хоть на пригорочекъ вонъ этотъ выселиться!» Это-де можно!

— Да и на горѣ-то этой, братцы, все глина; ходилъ я утрась, да чуть сапоговъ тамъ не оставилъ.

— Горе наше великое, а жалобу принести некому. Всякій сказываетъ: «не мое дѣло.» Не похлопочетъ-ли какъ ваша милость? Сдѣлайте, господа, великую божескую милость!

Но мы тогда могли только сочувствовать этому горю; можемъ теперь занести этотъ фактъ на эту страницу нашего скромнаго разсказа и сказать, *имѣющему уши слышати*, что безнадежное мѣсто водворенія тамбовскихъ переселенцевъ называлось тогда *шестой станокъ* (На Востокъ. 293—94).

Переселенцамъ вышло разрѣшеніе на низовья рѣки. Верховья и среднее теченіе отданы забайкальскимъ казакамъ, мрачное же устьѣ предоставлено крестьянскимъ переселенцамъ. Какъ уже было сказано,

верховья Амура носят совершенно тотъ же характеръ, которымъ отличается мѣстность по Шилкѣ. Потому казаки, переселенные съ Шилки на верховья Амура, находятъ возможность продолжать всѣ тѣ занятія, которыми занимались на родинѣ. Родина приучила ихъ къ звѣриному промыслу, и новая страна предоставляетъ всѣ удобства къ тому же. Но гораздо менѣе соответствуетъ ихъ нуждамъ среднее теченіе рѣки, требующее народонаселенія земледѣльческаго. Поэтому можно-бы было предполагать, что переселенцы изъ великороссійскихъ губерній, народъ степной и привыкшій къ хлѣбопашеству, для котораго всякія другія занятія чужды, могутъ удобно помѣститься на среднемъ теченіи рѣки. Самы переселенцы просятся остаться и подѣ Благовѣщенскомъ, и на Уссуріи. Но переселенцамъ изъ крестьянъ отводятся большею частію тайги и болота низовьевъ, а въ степныхъ пространствахъ поселяются шилкинскіе казаки, весьма мало способные къ земледѣлю.

Вслѣдствіе этихъ и другихъ подобныхъ обстоятельствъ путешественникъ встрѣчаетъ на пути по Амуру мало отрадныхъ, но за то много тяжелыхъ и грустныхъ явленій. Желающихъ познакомиться съ впечатлѣніями, которыя производитъ эта страна и ея новыя обитатели, я отсылаю къ книгѣ г. Максимова, который весьма подробно, шагъ за шагомъ, рассказываетъ свое плаваніе по Амуру и встрѣчавшія его картины. Быть можетъ, даже подробность разсказа, заставляющая разскащика по нѣскольку разъ повторять сказанное, повредитъ его книгѣ въ глазахъ читателя, который ставитъ форму выше содержанія. Такой читатель найдетъ, быть можетъ, также слогъ г. Максимова нѣсколько шероховатымъ и оригинальнымъ. Но человекъ, принимающійся за разсказъ г. Максимова съ желаніемъ узнать что-нибудь новое, не обратитъ на послѣднее обстоятельство большаго вниманія. Что же касается до перваго, то серьезный читатель будетъ скорѣе благодаренъ за него путешественнику, который передаетъ свои впечатлѣнія въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ получилъ ихъ самъ и этимъ даетъ своему читателю возможность составить непосредственный выводъ.

Вторая половина книги г. Максимова рассказываетъ о сношеніяхъ русскихъ съ китайцами, въ особенности же о хянтинской торговлѣ. Здѣсь также собрано очень много любопытныхъ фактовъ, и не менѣе любопытны наблюденія самого автора.

Начало сношеній Россіи съ Китаемъ относится къ 1567 году. Но

не только въ XVI, но и въ XVII и XVIII столѣтияхъ до 1792 не было почти никакихъ, не только дипломатическихъ, но и торговыхъ сношеній. Во все это время было нѣсколько неудачныхъ посольствъ, да въ Пекинѣ была русская миссія, начало которой было положено русскими выходцами съ Амура въ 1685 г. Но китайцы не принимали русскія посольства, имѣя объ Россіи самое невыгодное мнѣніе. Миссія же не могла, ни приобрести какія-бы то ни было выгоды для русскихъ, ни завязать болѣе дѣятельныя сношенія. Вотъ что разсказываетъ, между прочимъ, г. Максимовъ:

«Въ 1817 году (въ апрѣлѣ) вновь прибывшій въ Маймаченъ дзаргучей (китайскій полицейскій чиновникъ) спрашивалъ директора кяхтинской таможни, Голяковского.

— Для чего люди безъ поведенія посылаются въ Пекинъ?

— Правительство всегда выбираетъ, отвѣчалъ Голяковский, людей съ поведеніемъ, но видно отдаленность отъ своего начальства и мало занятая жизнь доводятъ ихъ до той слабости, которой прежде не примѣчено было въ нихъ.

— И хотя дзаргучей на это замѣтилъ, что:—онъ не сочтывается въ томъ, что русскіе по всѣмъ отношеніямъ хороши и жаль только, что выборъ духовнаго начальника неудаченъ» (стр. 520).

Чтобы объяснить этотъ разговоръ необходимо привести слова одного изъ начальниковъ русскихъ миссій въ Китаѣ, архимандрита Софронія:

«Очень рѣдко, говоритъ онъ, случалось мнѣ видѣть, дабы китаецъ, подобно російскому дьячку или ученику, живущему въ Пекинѣ, шатался пьяный по улицѣ». «Начальниками и членами миссій» «говоритъ г. Максимовъ (стр. 520), «являлись люди нетрезваго поведенія, плохой нравственности».

Дѣйствительно, многіе пачальники миссій были высылаемы изъ Пекина подъ присмотромъ и возвращались въ Россію съ невыгодными отзывами о себѣ. Еще въ 1814 г. изъ Пекина были высланы, «за слабость поведенія», двое членовъ миссій. Въ такихъ обстоятельствахъ миссія не имѣла блестящихъ успѣховъ даже въ томъ, что было наиболѣе близко къ кругу ея обязанностей. Распространеніе въ Китаѣ православной религіи шло далеко не быстрыми шагами, и даже многіе русскіе выходцы изъ Албазина и ихъ потомки уклонились не только въ католичество, но и въ буддизмъ. Послѣ этого не удивительно, что миссія не пользовалась сочувствіемъ своей паствы, что

она, по словамъ Головина, «не доставляла Россіи никакой пользы», и что, проживъ въ Пекинѣ болѣе столѣтій, она въ началѣ нынѣшняго вѣка многого, или вѣрнѣе, почти ничего не знала о Китаѣ. Фактъ, рассказываемый однимъ изъ начальниковъ миссіи (архимандритомъ Софроніемъ) и приводимый г. Максимовымъ (стр. 524), показываетъ, что миссія не приобрѣла также уваженія китайцевъ. Дѣло въ томъ, что одинъ китаецъ отнял у архимандрита Софронія мѣха и въ судѣ объяснял слѣдующее: «русскіе, пріѣхавъ изъ своей земли къ намъ въ холщевыхъ платьяхъ, да въ сермягахъ, ведутъ себя смириу; а у насъ, одѣвшись въ канфу, да лянзу, которыхъ въ своемъ мѣстѣ, можетъ быть, никогда и не видывали, а не только не нашивали, ставятъ себя выше всѣхъ людей на свѣтѣ». «Сказавъ сіе, прибѣзляетъ архимандритъ Софроній, онъ началъ было закатывать рукава, что значить у китайцевъ начинать драку, отъ которой офицерами удержанъ».

Частныя торговыя сношенія съ Китаемъ, въ 1755 совершенно прекратившіяся, вслѣдствіе казенной монополіи въ торговлѣ мѣхами, снова начались по уничтоженіи этой монополіи, и съ 1792 сосредоточились въ Кяхтѣ. Но обстоятельства крайне не благопріятствовали ея процвѣтанію. Русское правительство издало въ 1800 г. прайда, существовавшія до 1854 г. Сущность ихъ заключалась въ слѣдующемъ:

- 1) Торговля должна быть мѣновая и безъ кредита.
- 2) Вывозъ золотой и серебряной монеты воспрещается.
- 3) Все дозволенное къ отпуску за китайскую границу, должно свидѣтельствовать таможня и хранить до размѣна въ гостинномъ дворѣ, устроенномъ въ Торговой слободѣ (т. е. въ Кяхтѣ).
- 4) Ежегодно, передъ расторжкой, въ общемъ собраніи торгующихъ производить компаніонамъ расцѣнку товаровъ по представленнымъ образцамъ т. е. назначать русскимъ товарамъ такія цѣны, ниже которыхъ они не могутъ быть промѣняны.

Но китайское правительство точно также желало подчинить своимъ правиламъ кяхтинскую торговлю и, не довѣряя коммерческимъ способностямъ китайскихъ купцевъ, старалось возвести въ правило и регламентировать всѣ коммерческія уловки и всѣ лавочныя обманы. Оно, съ своей стороны, издало правила, хранимыя въ величайшей тайнѣ, и въ которыхъ, между прочимъ, преподавалось слѣдующее:

1) Все письма, полученные кѣмъ-бы то ни было, должны быть вскрыты въ общемъ собраніи, чтобы каждый изъ торгующихъ дѣйствовалъ во вредъ иностранцамъ сообща и выѣсть съ другими.

Старшина собранія рѣшаетъ, какое количество товара можно покупать и за какую цѣну, и также кладезь запрещеніе на другіе товары.

2) Китайскихъ товаровъ всегда должно быть меньше, чѣмъ русскихъ: не продавши старыхъ, не должно сбывать вновь привезенныхъ.

3) Вывозъ предметовъ роскоши, вина, спирта и т. д. строго запрещается.

„Старайтесь убедить (гласить 8 §), что Китай излишка шелковыхъ и хлопчато-бумажныхъ товаровъ не производитъ»; а 6 § говоритъ: «если какого нибудь цѣннаго товара привезено русскими не много, то скупай, те все количество, раздѣливъ поровну между купцами, а русскихъ старайтесь увѣрить, что на этотъ товаръ явилась большая потребность. Слѣдствіемъ будетъ то, что въ слѣдующемъ году они доставятъ въ Кяхту значительное количество этого товара, а вы, объявивъ имъ тогда, что требованіе уменьшилось, будете имѣть надъ ними преимущества и выгоды. Когда русскіе поднимутъ цѣну на какой нибудь товаръ, котораго запасъ у нихъ невеликъ, то въ теченіи мѣсяца никто не долженъ у нихъ покупать его.»

Однако соперничество двухъ регламентированныхъ системъ кончилось торжествомъ китайской. Дѣло пошло-бы и дальше, и дошло-бы до совершеннаго паденія торговли, если-бы въ нынѣшнемъ столѣтіи, въ Кяхтѣ, не развилась чайная торговля. Съ этого времени и до послѣднихъ лѣтъ, т. е. до введенія въ Россію кантонскихъ чаевъ, китайская торговля быстро развивалась, не смотря на стѣсненія ея регламентаціями и, запрещеніями. Все это имѣло результатомъ только развитіе контрабанднаго промысла, достигшаго, благодаря этому, высокой степени процвѣтанія. Не смотря на запрещеніе, золотого вывозилось за границу въ большихъ размѣрахъ. Русскіе купцы, посылая въ Китай всю гниль и весь бракъ, не находившій себѣ сбыта въ другомъ мѣстѣ, принуждены были возвышать достоинство этого товара, приплачивая при размѣнѣ золото. При этомъ, каждый спѣшилъ сбыть эту гниль прежде другихъ, вслѣдствіе чего товары продавались въ Кяхтѣ дешевле фабричныхъ цѣнъ, и дѣло кончилось раззореніемъ многихъ русскихъ торговцевъ, тогда какъ китайскіе наживали громадныя капиталы. Г. Максимовъ слѣдующимъ образомъ характеризуетъ положеніе тѣхъ и другихъ:

«Когда маймаческіе дзаргучен (полицейскіе чиновники) попивали чаекъ душистый, да помалчивали, изъ Иркутска въ Кяхту навѣжали

чиновники, усердно дѣлали обыски, конфисковали товары купцевъ, нумаяли всѣхъ своею находчивостію и дѣятельностію. Маймаченскій купецъ тѣмъ временемъ рядился въ шелковую курму и завертывался отъ холода въ соболѣ, и вѣлъ съ чѣмъ-то двадцать блюдъ, обогатилъ одного дзаргучея, обогащаль другаго; между тѣмъ, на Кяхтѣ двѣнадцать купцовъ обанкрутились, а многіе умерли нищими. У русскихъ стѣснительныя мѣры задержали торговлю и непрактическія правила сводили ее на окольный путь и вели по грущобамъ и рытвинамъ; у китайцевъ она съ перваго раза попала на настоящій путь и пошла подъ руководствомъ мудрыхъ правилъ такъ бойко и сильно, что, говорятъ, сансипскіе монополисты и девьги считать перестали.“ (стр. 500).

При такихъ обстоятельствахъ должна была развиваться и развилась контрабанда; только по милости ея половина русскихъ, пьющихъ чай, могли услаждать себя этимъ невиннымъ напиткомъ, потому что чаевъ вывозимыхъ изъ Китая черезъ Кяхту, едва-ли хватало на удовлетвореніе половины запроса, даже принимая въ соображеніе всѣ хитрости, къ которымъ прибѣгаютъ торговцы и всѣ манипуляціи, производимыя ими надъ бранными остатками спитаго чая. Остальная половина потребителей удовлетворялась контрабандой, которая совершалась въ обширныхъ размѣрахъ на всѣхъ границахъ Россіи. Г. Максимовъ замѣчаетъ, что контрабанда дѣлала страшный подрывъ кяхтинской чайной торговлѣ и, въ тоже время, поила русскій людъ чаемъ, пахнущимъ лошадинымъ потомъ и другими несвойственными ему запахами. Это справедливо, но было-бы напрасно винить въ этомъ контрабанду; какъ-бы то ни было, но многіе только ей обязаны тѣмъ невиннымъ удовольствіемъ, которое русскій человекъ находитъ въ питьѣ чая. Положимъ, контрабандный чай воняетъ лошадинымъ потомъ; но все таки потребители находили въ немъ вкусъ, тогда какъ безъ него они должны-бы были вовсе отказаться отъ любимаго напитка.

Въ 1835 году отмѣненіе многихъ стѣснительныхъ условій облегчило кяхтинскую торговлю, которая стала быстро подниматься, пока въ нынѣшнемъ десятилѣтіи не получила тяжелаго удара отъ ввоза кантонскихъ чаевъ, отъ котораго, по словамъ г. Максимова, она должна въ скоромъ времени окончательно пасть.

Въ книгѣ г. Максимова читатель найдетъ много любопытныхъ свѣдѣній о Манчжуріи и той небольшой частицѣ Япопіи, которой коснулся авторъ во время своего путешествія. Я не буду передавать читателямъ всего, что замѣчательно и интересно въ этомъ дѣльномъ

сочиненіи, потому что для этого мнѣ пришлось-бы написать еще вдвое болѣе, чѣмъ сколько я уже сазалъ о немъ. Скажу только еще, что, подобно «Году на Сѣверѣ» — того же автора (кстати, эта книга вышла теперь вторымъ изданіемъ), «Поѣздка на Амуръ» есть одно изъ замѣчательнѣйшихъ явленій въ нашей литературѣ нынѣшняго года. Я нисколько не сомнѣваюсь въ ея успѣхѣ, такъ какъ правдивое описаніе амурскаго края давно ожидалось многими.

Докторская диссертація г. Профессора Костомарова: «Кто былъ первый Лжедмитрій?» имѣетъ цѣлью доказать слѣдующія положенія:

1) Мнѣніе, что первый, назвавшій себя Димитріемъ и Гришка Отрепьевъ есть одно и то же лицо, не подтверждается ни несомнѣнными современными свидѣтельствами, ни ходомъ обстоятельствъ того времени.

2) Появленіе Димитрія относится къ 7109 году, т. е. къ 1600—1604 г.

3) Эпоха казней, пытокъ и ссылокъ въ царствованіе Бориса Годунова состоитъ въ связи съ этимъ явленіемъ.

4) Димитрій былъ орудіемъ враждебной Борису партіи, хотѣвшей низвергнуть родъ его, а Богданъ Бѣльскій былъ однимъ изъ главныхъ лицъ этой партіи.

5) Димитрій не былъ обманщикъ, но вѣрилъ въ свое царственное происхожденіе.

6) Признаніе его сыномъ со стороны матери царевича Димитрія было искренно.

7) Обстоятельства, сопровождавшія явленіе Лжедмитрія, лишаютъ силы предположеніе, что онъ былъ истинный царевичъ.

Доказательства, приводимыя г. Костомаровымъ въ защиту этихъ тезисовъ, признаны неопровержимыми самымъ ученымъ силлятомъ, который не считъ возможнымъ даже назначить публичный диспутъ для опроверженія ихъ, и безъ всякихъ разсужденій выдалъ г. Костомарову докторскій дипломъ. Не знаю, что скажутъ гг. Аскоченскій и Аверкиевъ, но по моему мнѣнію, г. Костомаровъ дѣйствительно блистательно доказалъ почти всѣ свои положенія. Говорю — почти, потому что этого нельзя сказать о послѣднихъ. Въ подтвержденіе первыхъ пяти своихъ тезисовъ г. Костомаровъ собралъ столько фактовъ, уличилъ современниковъ въ такихъ противорѣчяхъ, не только между разными лицами, но даже между словами и показаніями однихъ и тѣхъ же лицъ, указалъ на столь явные обманы, и такъ освѣтилъ

событія новыми данными, что выводы его могутъ считаться вполне доказанными. Что же касается до двухъ послѣднихъ, то первое изъ нихъ основано на психологическихъ соображеніяхъ, противъ которыхъ можно спорить, основываясь на послѣднемъ тезисѣ самаго г. Костомарова, такъ какъ шестое положеніе его не совсѣмъ удобосовмѣстимо съ седьмымъ. Извѣстно, что царица Марфа признала Лжедимитрія своимъ сыномъ и признавала таковымъ въ теченіи 9 мѣсяцевъ его царствованія. Г. Костомаровъ указываетъ также на то, что даже по смерти его она, на вопросъ: сынъ ли это ея? не отвѣчала отрицательно, а сказала: «спрашивать было меня объ этомъ, пока онъ былъ живъ; теперь, когда вы его убили, онъ уже не мой.» Но потомъ, она объявила, что Лжедимитрій не былъ ея сыномъ? Г. Костомаровъ полагаетъ, что «въ обоихъ показаніяхъ она могла быть искренна.» Съ этимъ трудно согласиться. Онъ полагаетъ, что «ее могли увѣрить и въ томъ, и въ другомъ въ различное время», и она могла повѣрить, потому что «такова человѣческая слабость, что скоро вѣрится тому, что желается». Но это психологическое соображеніе неудовлетворительно для объясненія такихъ странныхъ поступковъ. Г. Костомаровъ совершенно упускаетъ изъ виду, что мать не могла не знать своего сына, который жилъ постоянно съ нею, и котораго она видѣла мертвымъ. Ршительно невысказано, чтобы послѣ этого она могла повѣрить какому-бы то ни было разсказу о его спасеніи. Скорѣе могла она повѣрить его воскресенію, чѣмъ спасенію. Какъ же своими глазами видѣть убитаго сына и потомъ повѣрить его спасенію? и затѣмъ, по востребованію, снова разубѣдиться въ этомъ? Правда, что охотно вѣрится тому, чего желается, но еще болѣе правда, что охотно говорится то, что выгодно или лестно, и послѣднее психологическое положеніе болѣе удобоприложимо къ этому случаю, чѣмъ первое, тѣмъ болѣе, что ему нисколько не противорѣчитъ несчастная жизнь Марфы, на что г. Костомаровъ сильно упираетъ. Поэтому шестое положеніе г. Костомарова сомнительно, и можно гораздо вѣрнѣе предположить, что Марфа въ одномъ случаѣ была неискренна. Неискренность ея особенно очевидна, если справедливъ послѣдній тезисъ г. Костомарова, потому что, повторяю, если истинный царевичъ былъ убитъ въ Угличѣ, то ни съ чѣмъ несообразно предполагать въ матери возможность такого легковѣрія.

Что же касается до послѣдняго положенія, вотъ то доводы, приводи-

мые въ защиту его г. Костомаровымъ. Доводы эти состоятъ въ слѣдующихъ двухъ обстоятельствахъ :

1) Если-бы царь Дмитрій Ивановичъ былъ настоящий сынъ Ивана IV, то, по воцареніи его, народу были-бы объяснены подробности его спасенія; а участвовавшіе въ спасеніи получили-бы огромныя награды и благодарность передъ лицомъ всей земли русской.

2) Если-бы то былъ настоящий царевичъ, то, прибывши въ Польшу, онъ представилъ бы тамъ болѣе очевидныхъ доказательствъ своего царственнаго происхожденія; а то онъ до того слабъ, что имъ никто въ самомъ дѣлѣ не вѣрилъ, кромѣ людей самыхъ легко-вѣрныхъ. Если-бы, скажу я, не было никогда представлено иныхъ доказательствъ въ пользу этого предположенія, то противное предположеніе приобрѣло-бы нѣкоторое правдоподобіе и, во всякомъ случаѣ, имѣло-бы за себя не болѣе серьезные доводы. Нѣкоторая вѣроятность его была-бы основана на отсутствіи прямыхъ опроверженій, т. е. имѣла-бы за себя только отрицательныя доказательства. Но точно такіе же доводы приводитъ г. Костомаровъ въ защиту противоположнаго мнѣнія. Такъ какъ не были обнаружены подробности спасенія и не были награждены лица, принимавшія въ немъ участіе — говоритъ г. Костомаровъ — ерго царь не былъ сыномъ Ивана IV. Такъ какъ доказательства, представленныя имъ, были слабы — ерго онъ былъ самозванецъ. Но на это, разумѣется, можно возразить, что если-бъ доказательства были неопровержимы, то и толковать-бы не о чемъ было; что намъ неизвѣстно, имѣлъ ли возможность бѣглець взять съ собою какія нибудь болѣе сильныя доказательства; что мы не знаемъ, живы-ли были лица, способствовавшія спасенію Дмитрія и потому не можемъ настаивать, чтобы онъ непременно отблагодарилъ ихъ «передъ лицомъ всей русской земли;» не знаемъ также, отличался-ли Дмитрій чувствомъ благодарности или, какъ напр. Карлъ Стюартъ, отличался неблагодарностью и легкомысленнымъ эгоизмомъ. Наконецъ, даже противъ перваго довода можно указать на Бѣльскаго, который до нѣкоторой степени удовлетворяетъ тому, чего г. Костомаровъ требуетъ отъ Дмитрія. Если онъ не сообщалъ всенародно *подробностей* спасенія, то влѣтвенно завѣрялъ въ немъ, и былъ награжденъ, какъ главный участникъ въ спасеніи. Словомъ, своими доводами г. Костомаровъ не защитилъ свое послѣднее положеніе, а показалъ только, что противоположное мнѣніе не можетъ привести въ свое оправданіе

сильныхъ доказательствъ. Но то же можно сказать и противъ мнѣнія, защищаемаго г. Костомаровымъ. Изъ этого слѣдуетъ, что вопросъ этотъ не можетъ считаться рѣшеннымъ и надо еще подождать его рѣшенія, если только кому нибудь любопытно дождаться этого и если найдется человекъ, который посвятитъ себя столь праздному и мелочному дѣлу.

Вѣроятно всякій читатель весьма изумится, увидѣвъ, что книжка, имѣющая цѣлью доказать, что Дмитрій не былъ ни однимъ изъ тѣхъ лицъ, которыми его доселѣ считали, и не объясняющая, кто онъ былъ на самомъ дѣлѣ, носить заглавіе: «Кто былъ первый Лжедмитрій?» Заглавіе это, возбуждая любопытство, которое вовсе не удовлетворяется содержаніемъ, напоминаетъ газетныя воззванія: «Нѣтъ болѣе геморроя!» и «Не покупайте фортепиано!» Впрочемъ, это нисколько не мѣшаетъ самой книжкѣ отличаться всеми достоинствами, которыхъ можно ожидать отъ диссертации, а именно: огромной ученостью и начитанностью автора и добросовѣстнымъ доказательствомъ большей части положеній его.

Вышедшій въ свѣтъ, особымъ изданіемъ, рассказъ Марка Вовчка «Невольница» нѣ отличается особыми достоинствами. Это весьма скучное, вялое и натянутое повѣтствованіе о филантропическихъ подвигахъ казака Остапа, побившаго бусурманъ и освобождавшаго плѣнную дѣвцу. Должно полагать, что все это изображаетъ какую-нибудь аллегорію и имѣетъ цѣль поучительную. Аллегорію я предполагаю на томъ основаніи, что по просту-то выходитъ безмыслица, какое-то подобіе «Призраковъ» Тургенева. Назидательная же цѣль обнаруживается въ слезливыхъ и монотонныхъ обращеніяхъ къ публикѣ, произносимыхъ необыкновенно однообразнымъ и нестерпимымъ тономъ. Такимъ образомъ, описываются благородныя чувства, обуявшія Остапа при видѣ похищенія туркомъ дѣвушки, и затѣмъ читателю говорится:

„Вотъ если бы намъ съ вами, вамъ да мнѣ, встрѣтилось что подобное, такъ мы бы, я, да вы, ахнули, да вздохнули (къ чему мы станемъ поминать, что тоже и страшно бы перепугалась?) пришли домой, рассказали всѣмъ сосѣдямъ, да и забыли, — а Остапъ нѣтъ, — не забывай.“

Далѣе снова описываются возвышенныя чувства Остапа при видѣ убитаго казака и снова шпилька читателю:

«Еслибъ такое намъ встрѣтилось, вамъ да мнѣ, такъ чтожь дѣлать— развѣ первый это случай несчастный? Мы бы, вы, да я, потужили, можетъ быть, и всплакнули, да и дали бы себѣ покой; а Остапъ вѣтъ,— себѣ покою не давалъ.

И снова начинается разсказъ о чувствахъ Остапа, и читатель, начуенный горькимъ опытомъ, уже предчувствуетъ, что дѣло идетъ не къ добру, что разоренная страна, о которой заговариваетъ авторъ, есть источникъ новыхъ шпилекъ, приготовляемыхъ противъ него.

И дѣйствительно:

«Если-бы это мы, завываетъ авторъ, вы, да я, мы бы, пожалѣвши сердечно, да загородивши себѣ какой-нибудь приютъ, въ уголку сидѣли-бы тамъ смиренно и тихо—а Остапъ нѣтъ, и т. д.

Всѣ эти колкости должны наконецъ, озлобить читателя, не потому чтобы упреки были дѣйствительно очень колки, но потому что произносятся столь монотоннымъ голосомъ и такимъ варварскимъ языкомъ. Вообще, весь разсказъ написанъ какъ-то вычурно-просто, приторно и сантиментально. Въ доказательство, продолжвъ скуку, выпишу еще нѣсколько фразъ!

„Ну вотъ Остапъ явптался, упрямый, упорный! И возвысились предъ нимъ горы крутыя, такія, что и не приступить, будто стѣны голыя; и поплыли передъ ними рѣки глубокия да быстрыя, что каменные берега рвутъ, сіяютъ, какъ алмазъ, и плещутъ, и мечутъ волнами, какъ-бы насмѣхаясь надъ пловцами, и запылалъ огонь передъ нимъ, сжигая все кругомъ себя, будто поѣдаючи поѣдомъ.

Не говоря о безобразіи языка, даже въ этихъ, столь простыхъ по содержанію, строкахъ, авторъ ухитрился нагородить песклядицы, потому что совершенно необъяснимо, откуда могъ запылать передъ Остапомъ огонь; и ясно, что огонь приплетенъ для пушихъ страстей, не сообразивши страшности подобнаго явленія.

Для чего и для кого изданъ этотъ крошечный разсказецъ—дѣло темное, и трудно придумать, кто та публика, которую язвить авторъ. Но кому бы не предназначалась эта книжечка, замѣчу, что талантъ автора, на сколько онъ обнаружилъ его доселѣ своими «Скрипками» и тому подобнымъ, вовсе не соответствуетъ предмету, за который онъ взялся въ «Невольницѣ.»

Въ свое время въ «Рус. Словѣ» было сказано о выходѣ 1-го тома

сочиненій Майнъ-Рида. Теперь вышелъ второй томъ ихъ, заключающій въ себѣ также «Охотничьи рассказы». Подобно 1-му тому, 2-й представляетъ для дѣтей чтеніе очень полезное и весьма занимательное. Тѣ же рассказы издаются, каждый особою книжкою, товариществомъ «Общественной Пользы». Изданіе Вольфа несравненно опрятнѣе и тщательнѣе; наружность его даже весьма прилична, тогда какъ картинки, приложенныя къ издацію «товарищества», наводятъ ужасъ своимъ безобразіемъ. Но что касается до главнаго условія, т. е. до перевода, то въ этомъ отношеніи трудно сказать, которое изданіе хуже и небрежнѣе.

Единообразно съ рассказами объ интересныхъ, хотя довольно неправдоподобныхъ, приключеніяхъ американскихъ и африканскихъ охотниковъ, задумалъ поразсказать публикѣ о своихъ побѣдахъ надъ тетеревами и утками русскій охотникъ, г. Арсеньевъ, не тотъ Арсеньевъ, который написалъ Петербургскія Вѣдомости, а также и не тотъ, который прославился литературнымъ бродяжничествомъ, а другой, выслѣживающій не нигилистовъ, а утокъ. Этотъ мирный г. Арсеньевъ, потому что, не смотря на избіеніе утокъ, дѣятельность его далеко не такъ воинственна, какъ газетные походы г. Ильи Арсеньева, предлагаетъ публикѣ узнать, гдѣ сколько утокъ и тетеревей онъ погубилъ и чѣмъ сопровождалась гибель каждой убитой имъ птицы. Найдутся, быть можетъ, люди, которые останутся недовольны книжкой г. Ф. Арсеньева и спросятъ автора, какое кому дѣло до его триумфовъ. Я же одобряю г. Ф. Арсеньева и ставлю его въ примѣръ г. К. Арсеньеву, обращая вниманіе послѣдняго на благоразуміе перваго, который, вмѣсто того, чтобы плодить дичь, убивалъ и истреблялъ ее. Въ одномъ только я не могу симпатизировать г. Ф. Арсеньеву, а именно, въ негодованіи его на зырянъ, истребляющихъ дичь петлями и разными коварствами. Впрочемъ я не имѣю намѣренія говорить въ Библиографіи о журнальной дичи и потому откладываю свою бесѣду о ней до слѣдующей книжки.

Докторъ Дебэ, написавшій «Физиологію брака», подступаетъ теперь къ карманамъ французской публики съ другой стороны, и съ этою цѣлью изъ жертвы общественнаго темперамента обращается въ ученаго и глубокомысленнаго психолога. Издѣлія этого плута,

должно быть, находятъ сбытъ, потому что и у насъ находятся лица, принимающіяся переводить и издавать ихъ, вѣроятно чуя поживу. Въ послѣднемъ они не ошибаются, потому что увѣряютъ, что успѣхъ «Физиологіи брака» далеко оставилъ за собою успѣхъ Бекля. Что же касается до «Книги чудесъ», изданной г. Хотинскимъ, то такая-то благодѣтельная типографія сдѣлала съ своей стороны всѣ усилія, чтобы разрушить расчеты спекулятора. «Книга чудесъ» дѣйствительно представляетъ собою чудо типографскаго безобразія, какъ относительно внѣшняго вида, такъ и относительно безпримѣрнаго множества опечатокъ, изобиліе которыхъ дѣлаетъ книгу неудобною для чтенія. Поэтому, ее купить только тотъ, кто не имѣетъ возможности предварительно взглянуть на нее. Такимъ образомъ, типографія Чуксина приобрѣла себѣ право на благодарность современниковъ.

Но хотя по уродливости наружныхъ свойствъ, книга эта представляетъ собою любопытное явленіе, однако содержаніе ея еще несравненно безобразнѣе. Впрочемъ, въ ней глупость и безстыдство возвышаются даже до нѣкоторой красоты, такъ что примиряютъ съ ней читателя. Говоря словами автора, читатель «читая его произведеніе, переходитъ отъ изумленія къ изумленію, пораженный удивленіемъ и непостижимыми явленіями, раскрывающимися передъ глазами его». Въ книгѣ толкуется о слѣдующихъ заманчивыхъ предметахъ: видѣніяхъ духовъ, магій, чудесахъ, чернокнижій, колдовствѣ, ясновидѣніяхъ, животномъ магнетизмѣ, предчувствіяхъ, изступленіяхъ, *гальваниціяхъ* (какъ гласитъ книга) и т. д. Обо всемъ этомъ авторъ вкратцѣ разсуждаетъ, на примѣръ, такимъ образомъ:

„Мы понимаемъ подъ словомъ предчувствіе дѣятельность мозга, вслѣдствіе которой, нѣныя особы предчувствуютъ будущія вещи и предвидятъ событія, которыя должны наступать. Физиологическое объясненіе этой умственной способности не было еще изложено удовлетворительно“ и т. д. (стр. 223).

За этимъ наборомъ бессмысленныхъ фразъ слѣдуютъ примѣры, изъ коихъ многіе весьма курьезны. Такъ по поводу предчувствій разсказывается слѣдующее:

„11 Юля 1793 года, знакомое семейство, жившее (сохраняю всѣ опечатки) въ Парижѣ, пригласило меня на завтракъ. Принимаемъ входа меня изумило выраженіе надежды и радости, которое отражалось въ

всѣхъ лицахъ. Я узнала, что получено было письмо отъ жениха дочери хозяйки дочка молодого человека, который находился въ Портъ-о-Принсъ и защищалъ колонію отъ нападенія возмущившихся. Онъ долженъ былъ скоро возвратится въ Парижъ, чтобъ сочетатся бракомъ; невѣста обрадованная этимъ извѣстіемъ, оживляла своимъ присутствіемъ все общество.

Ударило одиннадцать часовъ, и вдругъ смертная блѣдность покрыла очаровательное лице; она встала съ своего мѣста и спросила брата.

— Братецъ, скажи мнѣ, какое ощущеніе производитъ ударъ сабля?

Братъ, изумленный такимъ страшнымъ вопросомъ, отвѣчалъ ей.

— Такое же, какъ будто ледяная стрѣла быстро проходитъ насквозъ тѣло. (стр. 226).

Не менѣе страненъ примѣръ *галлюцинацій*, приводимый докторомъ Дебэ.

.. Одна дама, рассказываетъ онъ, вполне обладавшая своими умственными способностями, какъ только садилась за туалетъ, слышала два мужскіе голоса. Одинъ превозносилъ бѣлизну ея кожи, упругость формъ и тайныя прелести ея.— Ты такъ прекрасна, что можно сойти съ ума отъ любви къ тебѣ? говорилъ онъ. И дама, хотя ей очень пріятно было слышать такіа похвалы, закрывалась отъ стыдливости. Когда она опять подходила къ зеркалу, чтобъ продолжать свой прерванный туалетъ, вдругъ раздавался другой голосъ, говорившій совершенно противное первому: Твоя свѣжесть поддѣльная; эти формы и окружности—одна только обманъ; еслибъ тѣ, которые удивляются имъ, *взглянули на нихъ въ обнаженномъ видѣ*, онъ убѣждали-бы испугавшися твоего безобразія. (238).

Какъ ни глупъ этотъ анекдотъ въ оригиналѣ, но въ переводѣ выходитъ верхомъ совершенства, потому что предполагается, что зрители будутъ въ обнаженномъ видѣ, а убѣгутъ созерцаемыя ими формы. Этого не найдешь ни въ «Запискахъ съумасшедшаго,» ни въ книгѣ Виктора Гюго о Шекспирѣ, ни въ статьѣ Ж. Санда объ этой книгѣ. По этому образчику видно, что книга доктора Дебэ достойна своего автора и что специальность его проглядываетъ и въ ней. Но есть анекдоты несравненно болѣе подтверждающіе это; такъ напр. въ «Книгѣ чудесъ» помѣщенъ одинъ боккачьевскій рассказъ, носящій у него заглавіе «Соловей.» Въ образецъ достоинства перевода, кроме приведеннаго, возьму еще одно мѣсто, которое даетъ также понятіе и объ исправности въ типографскомъ отношеніи.

„Сонъ Кальпурніи предвѣщало, которое она въ немъ находитъ страшное событіе, которымъ оно приводится въ исполненіе—все это имѣетъ тѣже причины, и все основано на естественномъ теченіи дѣлъ человѣческихъ (стр. 30).

Иностранныя слова и фамиліи представляются какими-то гіероглифами; таковы: Dictionnaire de Melucine, Encyclopedie methodique, англичанинъ Буль Падзоръ, «знаменитый Дюзе-Ттрумъ, принадлежавшій къ числу великихъ мужей, отличившихъ себя на юморѣ,» Кондорсетъ, Казаттъ, тожь Казаттъ, тожь Казомтъ, тожь Казоттъ, стихи «изъ Дидерома РісеИ...», Баблѣе (Бабине) и другія диковины до безконечности.

Оберточный листъ гласитъ, что русскую публику, изданіемъ этого дива, осчастливилъ г. И. М. Хотинскій. Я полагаю, что это тоже опечатка (потому что въ заглавіи напечатано же «чувствъ») и что слѣдуетъ читать не И. М., а М. С., ибо, какъ извѣстно, г. М. С. Хотинскій много уже писалъ о магіи и чернокнижии. Весьма странно бы было, если бы заглавіе не провралось, потому что, что за притча такая, что всѣ Хотинскіе принялись за колдовство и животный магнетизмъ.

Остается поблагодарить типографію, которая приняла всѣ мѣры, чтобы уничтожить результаты печатнаго чернокнижія г. Хотинскаго. Ее купятъ развѣ чтенцы «Физиологіи брака,»

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ПОЛИТИКА.

ФРАНЦІЯ. Впечатлѣніе, произведенное договоромъ 15 сентября на европейскую публику.—Сущность этого договора.—Политическія соображенія, внушаемыя имъ.—Сближеніе банапартистской политики съ партією дѣйствія.—Будущее положеніе римскаго папы.—Противорѣчіе теократической папской власти смыслу времени и прогрессу.—Перерожденіе католицизма подъ вліяніемъ духа партіи.—Ультрамонтаны и умѣренные.—Современное значеніе тѣхъ и другихъ.—Программа итальянскихъ унитарныхъ консерваторовъ.—АНГЛІЯ. Непримиримая вражда между лордомъ Пальмерстономъ и императоромъ Бонапартомъ.—Можетъ-ли Великобританія въ настоящее время чистосердечно пристать къ дѣлу прогресса?—Загадочное посольство лорда Кларендона въ Вѣну и Туринъ.—ГЕРМАНІЯ. Мнѣнія вѣнской „Прессы“ о положеніи Австріи.—Возвращеніе Ломбардо-Венеціанскаго вице-короля въ Вѣну.—Медленность переговоровъ по вопросу о датскихъ герцогствахъ.—Исчезновеніе одного государства съ политической карты Европы.—ИСПАНІЯ. Паденіе министерства Мона и возвращеніе королевы-матери Маріи-Христины.—МЕКСИКА. Непрерывная борьба французскихъ войскъ съ гверильясами.—Пріемъ, сдѣланный новому императору.—Главный узелъ мексиканскаго вопроса и затруднительное положеніе Максимилиана.—КИТАЙ. Взятіе Нанкинга у мятежныхъ тайпинговъ.—Значеніе этого города.—Жестокость, совершенная армією порядка.—СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ. Продѣлки Мѣдноголовыхъ въ избарательной борьбѣ.—Подвигъ стараго Фаррагута въ бухтѣ Мобилъ.—Походъ Шермана въ Георгію.—Усыяхи Шеридана въ Виргиніи.—Осторожность Грента.—Возрастающій кредитъ Уни.—Въ чемъ заключаются величіе американской республики?—РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Мы, простые смертные, не создающіе политику, а подчиняющіеся ей, были до крайности изумлены, когда въ одно прекрасное утро, журналъ доставилъ извѣстіе о трактатѣ, заключенномъ 15-го сентября между французскимъ и итальянскимъ правительствами. Нашъ дѣловой людъ еще проводилъ время въ *far niente* вакацій: кто на водахъ, кто на охотѣ, кто на рыбной ловлѣ, кто на виноградни-

кахъ, при сборѣ винограда. Послѣ прогулки въ безмолвномъ лѣсу, или на морскомъ берегу, возлѣ шумящихъ волнъ, всѣ разсѣянно читали газеты, которыя все еще повторяли, съ разными варіаціями, старую тему, доставленную изъ Виши: — «Inertia — sapientia, — бездѣйствіе — лучшая политика», какъ вдругъ изумленный журналистъ, запыхавшись, принесъ странное извѣстіе такого рода:

«Глава I. Италія обязывается оставить неприкосновенною настоящую территорію папы, и даже воспрепятствовать силую всякому нападению, предпринимаемому на эту территорію извнѣ.

Глава II. Франція очиститъ папскія владѣнія отъ своихъ войскъ постепенно, по мѣрѣ того, какъ образуется армія папы. Это очищеніе, впрочемъ, должно совершиться въ продолженіе двухъ лѣтъ.

Глава III. Италіянское правительство отказывается дѣлать возраженія противъ образованія папской арміи, составляемой изъ иностранныхъ католическихъ волонтеровъ и достаточной для поддержанія авторитета папы и для сохраненія спокойствія какъ внутри, такъ и на границахъ его владѣній, съ тѣмъ, однакожь, чтобъ эта армія не превратилась въ орудіе для нападенія противъ самаго италіянскаго правительства.

Глава IV. Италія объявляетъ себя готовою вступить въ соглашеніе относительно принятія на себя соотвѣтственной части долга, лежащаго на бывшихъ владѣніяхъ церкви.

Глава V. Этотъ договоръ будетъ ратификованъ и обмѣнъ ратификацій между договаривающимися сторонами совершенъ въ продолженіе пятнадцати дней, а если возможно, то и раньше.

Въ протоколѣ, который служитъ дополненіемъ къ договору, сказано: Трактатъ этотъ будетъ имѣть исполнительную силу только тогда, когда король Италіи издастъ декретъ о переводѣ столицы королевства въ мѣсто, назначаемое имъ самимъ. Этотъ переводъ долженъ совершиться въ продолженіе шести мѣсяцевъ по заключеніи договора. Протоколъ будетъ имѣть ту же силу и то же значеніе, какъ и трактатъ. Обмѣнъ ратификацій его будетъ совершенъ въ то же время, какъ и обмѣнъ ратификацій договора.

Такъ какъ срокъ для перевода столицы, опредѣленный въ шесть мѣсяцевъ, считая со дня заключенія трактата, признанъ недостаточнымъ, то правительство императора согласилось считать этотъ срокъ, такъ же какъ и срокъ для очистки папской территоріи отъ французскихъ войскъ, со дня изданія королевскаго декрета, который

утвержденъ будетъ законъ объ этомъ переводѣ, имѣющій быть представленнымъ парламенту.»

Таково въ сущности содержаніе договора, изумившаго Францію и Европу, и который, безъ сомнѣнія, служить однимъ изъ главныхъ событій послѣдняго времени. Мы разсмотримъ этотъ договоръ съ разныхъ сторонъ, и въ особенности со стороны того впечатлѣнія, какое онъ произвелъ на европейскую публику.

Это одна изъ тѣхъ выходовъ, къ которымъ наполеоновская политика насъ почти приучила, и которыхъ дѣйствіе, однакожъ, не совсѣмъ истощилось. Къ подобнымъ сюрпризамъ Наполеонъ прибѣгаетъ въ особенности при открытіи палатъ съ тѣмъ, чтобы дать оффиціальнымъ ораторамъ матеріалъ для краснорѣчивыхъ изліяній. Въ этомъ году къ такой мѣрѣ приступлено было ранѣе, чѣмъ обыкновенно, и ранѣе, чѣмъ обыкновенно открытъ былъ ящикъ съ сюрпризомъ, выпускающій, на удивленіе міра, долговязаго полишешеля, рыжаго и чернаго, косматаго и съ рогами. Это явленіе произвело чрезвычайно непріятное впечатлѣніе на господъ клерикаловъ такъ называемаго «чернаго крестоваго похода», которые, впрочемъ, вообще, не отличаются черезъ чуръ деликатными нервами.

Циркулярная депеша господина Друэнъ де-Люиса не разъяснила ни смысла, ни значенія, ни поводовъ договора, и не разъясила всѣхъ нашихъ недоумѣній. Договоръ есть обѣщаніе, но не осуществленіе обѣщаннаго; онъ дѣлаетъ рѣшеніе вопроса возможнымъ, но самъ по себѣ не служитъ рѣшеніемъ, хотя насъ ежедневно увѣряютъ въ противномъ оффиціальныя журналы *France* и *Constitutionnel*. Эта эволюція бонапартистской политики подобна той, которая недавно совершена была въ дѣлахъ мексиканскихъ. Предавшись самымъ фантастическимъ мечтамъ, Бонапартъ почувствовалъ необходимость возвратиться къ дѣйствительности, и для практическихъ цѣлей отложить на время грандіозныя произведенія своей фантазіи. Очевидно, бонапартистская имперія собирается съ мыслями.

Такъ теперь къ намъ пришло извѣстіе, что императоръ, наскучивши кохинхинскою экспедиціею, предпринятою по внушенію іезуитовъ, велѣлъ господину Обарé, французскому консулу въ Бангкокѣ, заключить трактатъ, по которому Франція возвращаетъ аннамскому правительству три провинціи: Сайгонъ, Мито и Біенъ-Гоа, завоеванныя въ нижней Кохинхинѣ, и за такое великодушіе требуетъ признанія протектората надъ шестью провинціями, уступивъ

трехъ крѣпостей на рѣкѣ Камбоджѣ и уплаты ста миліоновъ франковъ, въ видѣ вознагражденія за расходы по экспедиціи. Эти сто миліоновъ должны быть уплачены въ продолженіе пятидесяти лѣтъ, по два миліона ежегодно. «Монитеръ» по этому случаю обнаруживаетъ свое удовольствіе. Въ минуту заключенія новаго трактата, аннамское правительство заплатило 2,500,000 франковъ, составляющихъ часть той недоимки, которая считалась за нимъ по предшествующему договору. «Монитеръ» принимаетъ видъ, что находитъ эту сдѣлку весьма выгодною.

Переводъ отвѣтственности за мексикапскую экспедицію на главу эрцгерцога Максимилиана, обнаружилъ уже несомнѣннымъ образомъ стремленіе бонапартистской политики сосредоточиться въ самой себѣ. Послѣ войны противъ Австріи и до начала новой войны, которая, быть можетъ, готовится, передача бремени этой неразумной экспедиціи одному изъ наслѣдниковъ габсбургскаго дома представлялась выходною весьма ловкою. *Великая армія* уже черезъ-чуръ распустила свои крылья. Оказалось необходимымъ возвратитъ всѣ эти экспедиціонныя корпуса къ ихъ центру.

Недавно заключенный договоръ неоспоримо принадлежитъ къ такого рода мѣрамъ; онъ происходитъ отъ необходимости сосредоточенія военныхъ силъ. Занятіе Рима, служившее точкою опоры для честолюбивыхъ проектовъ, и дѣйствіемъ, на которое указывалось какъ на основаніе дальнѣйшихъ операцій для завоеванія имперіи міра, наконецъ оказалось тѣмъ, чѣмъ оно было въ дѣйствительности, — мѣрою нелѣпою. Но такъ какъ трудно разставаться съ этимъ любимымъ сокровищемъ, то окончательная уступка его отложена на два года.

— Если занятіе столицы католицизма служило для бонапартистской политики предметомъ особой заботливости, то надо полагать, что только жестокая необходимость могла заставить владѣтеля Рима торжественно, въ виду цѣлаго свѣта, отказаться отъ своего завоеванія и возвратиться во свояси.

— Конечно, такъ!

— Этотъ договоръ, повидямому, имѣетъ цѣлью противодѣйствовать священному союзу трехъ сѣверныхъ державъ, дѣйствительному или мнимому; онъ, вѣроятно, внушенъ результатомъ датской войны, успѣхами Пруссіи и безпокойствомъ на счетъ будущности Европы.

Въ послѣдней своей корреспонденціи мы замѣтили, что какъ толь-

ко грозное привидѣніе священнаго союза показалося на политическомъ горизонтѣ, императоръ Бонапартъ, почувствовавъ необходимость также имѣть своихъ союзниковъ, вздумалъ сблизиться съ Италією, или, точнѣе, съ донною Изабеллою, Марією Христиною и съ допомъ Францескомъ. Такъ какъ этотъ союзъ не очень былъ твердъ, то Людовикъ Наполеонъ заключилъ еще другой (который, въ скобкахъ будь сказано, въ нѣкоторомъ родѣ противорѣчитъ первому), и съ этою цѣлью на скорую руку сочинилъ договоръ съ королемъ Викторомъ Эммануиломъ.

Цѣль этого договора очевидна. Она заключается въ примиреніи всей вообще Италіи, а въ особенности партіи дѣйствія съ французскимъ правительствомъ. Между Италією и Францією до сихъ поръ существовалъ поводъ къ непримиримой враждѣ, состоящей въ занятіи Рима, совершенномъ противъ всѣхъ человѣческихъ правъ. Съ прекращеніемъ этого занятія, примиреніе, котораго нельзя было достигнуть даже подвигами французскихъ войскъ въ Маджентѣ и Сольферино, наконецъ сдѣлается возможнымъ — черезъ два года! Какъ замѣчаетъ Constitutionnel съ своею обычною наивностью, во всей Италіи одна только Венеція будетъ еще имѣть иностранцевъ.

А такъ какъ примиреніе всегда совершается съ тѣмъ, чтобы дѣйствовать противъ какого нибудь третьяго лица, то общественное мнѣніе немедленно и инстинктивно объяснило трактатъ 15 сентября такимъ образомъ: это новая война противъ Австріи!.. И не только во Франціи ясно выразилась подобная идея; италіянцы и нѣмцы говорятъ то же самое, а нѣмецкіе журналы замѣчаютъ, что мѣры къ сокращенію австрійской арміи (дѣйствительныя или мнимыя) отмѣнены и что не представляется надежды на скорое ихъ возобновленіе.

«Договоръ этотъ служитъ отвѣтомъ на слухи о составленіи съвернаго союза и предвѣщаетъ войну» — такъ категорически выражается общественное мнѣніе.

— Итакъ, этотъ трактатъ — одно изъ самыхъ разумныхъ дѣйствій императора Бонапарта; это въ нѣкоторомъ родѣ возвращеніе къ такъ называемой либеральной политикѣ. Наполеонъ десять лѣтъ неусыпно подрывалъ довѣріе той партіи, съ которою теперь ищетъ примиренія.

Этой новостью Бонапартъ хотѣлъ изумить міръ и достигъ своей цѣли. Такъ какъ мы живемъ въ весьма нескромномъ свѣтѣ, и такъ какъ почти невозможно долго сохранять какую бы то ни было ве-

ликую государственную тайну, то переговоры относительно Рима пришлось вести на скорую руку. Поэтому означенный трактат не только не носит на себѣ отпечатка той преднамѣренности, какою отличаются предпріятія автора знаменитаго государственнаго переворота 2-го декабря, и которая обратилась въ поговорку, а напротивъ онъ имѣетъ видъ совершеннаго экспромпта. Утверждаютъ даже, шутиливымъ образомъ, что императоръ воспользовался для этого отсутствіемъ императрицы Евгеніи, посланной, неизвѣстно зачѣмъ, на воды въ Швальбахъ, и которая къ тому же въ собственноручномъ письмѣ къ папѣ увѣряла, что не принимала участія въ этомъ актѣ.

Отъ этого и самая форма трактата вышла какъ нельзя болѣе странною. Такъ какъ императоръ Бонапартъ признаетъ господство папы въ Римѣ, то не понятно, почему онъ переговоры объ очищеніи этого города отъ французскихъ войскъ велъ съ Викторомъ Эммануиломъ, лицомъ совершенно постороннимъ въ этомъ дѣлѣ. Если этотъ договоръ имѣетъ смыслъ, то онъ означаетъ, что въ глазахъ самаго французскаго правительства истиннымъ владѣтелемъ Рима — не святой отецъ, папа, а король Викторъ Эммануиль и италіянскій парламентъ, объявившій этотъ городъ столицею королевства.

А если императоръ Бонапартъ и король Викторъ Эммануиль одни имѣютъ право вести переговоры относительно Рима, то не менѣе странно, что они въ пѣкоторомъ родѣ предписываютъ, какъ долженъ будетъ вести себя папа. Такимъ образомъ Пій IX долженъ будетъ замѣнять французскія войска, по мѣрѣ ихъ удаленія, войсками туземными или иностранными, но онъ не будетъ имѣть права нанимать столько солдатъ, сколько ему вздумается, и своими вооруженіями беспокоить Италіянское королевство. Для содержанія своихъ новыхъ войскъ онъ долженъ будетъ получать контрибуціи отъ католическихъ націй, а его врагъ Викторъ Эммануиль, отлученный имъ отъ церкви, принужденъ будетъ благосклонно вписать въ свой бюджетъ часть папскаго долга... Но—скажите на милость, какамъ образомъ договоръ, заключенный между королемъ Викторомъ и императоромъ Бонапартомъ можетъ быть обязательнымъ для Пія IX?

Можно быть увѣреннымъ въ томъ, что святой отецъ не захочетъ ратифицировать ни одно изъ обязательствъ, налагаемыхъ на него безъ его вѣдома. Онъ не признаетъ присоединенія къ Италіянскому королевству провинцій, которыя были отняты у него кастельондардскимъ походомъ, и не согласится, чтобы похититель ихъ принялъ на себя

часть его долга, приходящуюся на долю Мархій и Романьи. Папскій дворъ только въ томъ случаѣ можетъ принимать субсидіи отъ итальянскаго двора, если станетъ въ такое же положеніе, въ какое японскій духовный императоръ поставленъ свѣтскимъ императоромъ Іеддо. Римскій первосвященникъ въ такомъ случаѣ вскорѣ сдѣлался бы слугою того лица, которое платитъ ему деньги, и съ престола католическаго христіанства спустился бы на сѣдалище каноника, получающаго хорошее содержаніе.

Итакъ папа не приметъ субсидій, ни протекціи отъ итальянскаго короля. Онъ, быть можетъ, соберетъ огромную армію для замѣны французскихъ войскъ, отправляющихся во свояси. Кардиналъ Меродъ, употребляющій значительную часть своихъ доходовъ на сооруженіе обширной казармы для такъ называемыхъ преторіанцевъ, на которую и папское правительство также истощаетъ свои ресурсы, кардиналъ Меродъ, главный генералиссимусъ католической церкви, уже мечтаетъ о томъ, какъ онъ однимъ мановеніемъ руки велитъ раскрыть передъ непріателемъ пушки, расположенныя въ баттарею, и истребить толпы невѣрныхъ. Во всякомъ случаѣ, кто воспрепятствуетъ папѣ, когда онъ, по прошествіи двухлѣтняго срока, сдѣлается независимымъ владѣтелемъ своихъ земель, призвать къ себѣ на помощь всѣхъ волонтеровъ католическаго міра и подобно императору французовъ вербовать въ свою армію египтянъ, нубійцевъ, спагисовъ и тюрко-совъ? Кто воспрепятствуетъ римскому первосвященнику стать подъ покровительство Австріи и охранять Ватиканскій дворецъ стражею, составленною изъ 60,000 кроватовъ и пандуровъ?

Однакожь, если сомнительно, что римскій дворъ предоставитъ свою судьбу случайностямъ войны, то можно навѣрное полагать, что онъ не захочетъ отстранять отъ себя опасности, которая ему угрожаетъ, принятіемъ мѣръ къ гражданскимъ, административнымъ, политическимъ и муниципальнымъ реформамъ. Какъ? согласиться на реформы въ Римѣ?! Десять разъ папа объявлялъ ихъ невозможными, сотню разъ кардиналъ Антонелли говорилъ на этотъ счетъ французскимъ посланникамъ: *Non possumus! Non possumus!* Какъ, не похищать болѣе еврейскихъ дѣтей? Да это такая жертва, на которую никогда не согласится римское духовенство. Не заключать болѣе людей въ тюрьму безъ суда, не измѣнять своимъ клятвамъ, не производить сжиганій, не торговать справедливостью, не продавать индульгенцій и освобожденія отъ нѣсколькихъ вѣковъ чистилища, не разорять народа

лотереями, закрыть темницы инвизиции, охуждать убіенія протестантовъ, производившіяся во времена всеобщаго релігіознаго фанатизма, и ужасы Варооломеевской ночи, и признать наконецъ справедливымъ мнѣніе Галилея, что земля вертится вокругъ солнца,—вотъ чего никакъ не добьешься отъ этихъ неумолимыхъ, непреклонныхъ людей, объявляющихъ себя непогрѣшимыми на основаніи буллы XII вѣка. Развѣ мавръ уничтожить когда нибудь цвѣтъ своей кожи, или леопардъ пятна на своей шерсти? Папская власть отличается деспотизмомъ и произволомъ; она не можетъ подчиниться контролю еретическаго парламента. На всѣ изобрѣтенія, на всѣ реформы новѣйшей науки она отвѣчаетъ крикомъ: «Vade retro, Satanas! Прочь отъ меня, сатана!» Римско-католическая церковь имѣетъ своею эссенціею іезуитизмъ, и уже сто лѣтъ тому назадъ Рикки, одинъ изъ начальниковъ іезуитскаго ордена, говорилъ объ учрежденіи, къ которому онъ принадлежалъ;—«Sit ut est, aut non sit! Пусть лучше погибнетъ оно, чѣмъ подвергнется реформѣ!»

Говорятъ, что въ продолженіе двухъ лѣтъ не мало можетъ утечь воды. Прежде всего спрашивается, долго ли проживетъ папа? Зима и весна для него весьма неблагопріятны. Послѣ того, какъ онъ чувствовалъ себя здоровымъ, онъ теперь находится въ весьма плохомъ состояніи. Слухъ о его смерти повторялся такъ часто, что наконецъ онъ можетъ превратиться въ истину. По поводу слуха о болѣзни папы, уже въ Парижѣ и Туринѣ проданы были итальянскія ренты, на милліоны и милліоны франковъ, на такую сумму, которая своимъ вѣсомъ въ серебрѣ превышаетъ вѣсъ всего католическаго коллегіума.

При новомъ папѣ можетъ возникнуть новая политика. Шій IX началъ свое правленіе тѣмъ, что выдавалъ себя за либерала. Почему же его преемнику не быть реформаторомъ на дѣлѣ, а не только на словахъ? Притомъ, весьма вѣроятно, что новаго папу изберутъ изъ итальянцевъ, а не изъ иностранцевъ, которые, какъ извѣстно, преимущественно были причиною отчаянной политики римскаго двора. Кавуръ велъ переговоры о признаніи королевства Италіи съ итальянскими прелатами. Они, пожалуй, были бы не прочь принять титулъ святѣйшихъ сенаторовъ новаго королевства и великолѣпное содержаніе. При новомъ итальянскомъ папѣ, папство принуждено будетъ сдѣлаться итальянскимъ.

Въ томъ-то и заключается несчастіе папства,—отвѣтимъ мы на это, — что оно въ сущности итальянская власть, а не болѣе. Вотъ

почему оно поглощено будетъ возрастающею идеею италіанской національности. И вотъ какимъ образомъ оно должно быть стерто съ политической карты Италіи, на томъ же основаніи, какъ и правительства Неаполя и великихъ герцоговъ Пармы и Модены.

Дѣйствительно, весьма вѣроятно, что если новый папа будетъ избранъ въ конклавѣ и безъ всякаго *coup d'état*, какъ уже объ этомъ идетъ рѣчь, то этотъ санъ достанется не Мероду и не какому нибудь Дюпанлу или Ариману, а италіянцу, принадлежащему къ партіи умѣренныхъ; но тѣмъ не менѣе старецъ, которому довѣрятъ судьбу папства, будетъ выказывать то же упорство и ту же непреклонность, какъ и всѣ его предшественники, и на всѣ требованія реформы отвѣчать съ любезною улыбкою: «*Non possumus! Non possumus!*»

Дѣло въ томъ, что всѣ улучшенія, требуемыя въ настоящее время, клонятся къ болѣе или менѣе быстрому разрушенію католическаго ультрамонтанизма, который будетъ протестовать противъ нихъ, пока въ немъ сохранится дыханіе. Сила католическаго принципа если только есть въ немъ сила, и заключается въ отрицаніи новѣйшей идеи прогресса и эту-то силу вдохновляютъ иностранные епископы. — Въ италіанскихъ прелатахъ должно искать скрытную и таинственную римскую традицію, всю ловкость іезуитовъ и всѣ тонкости дипломатіи, — эти сокровища, накопавшіяся мало-по-малу римскимъ сенатомъ и католическимъ епископствомъ всѣхъ цивилизованныхъ странъ. Эти-то прелаты, эти предатели тайны Рима одни знаютъ, въ какой степени ихъ политика осуждена на безсиліе и бесплодность. Ихъ секретъ, вотъ онъ: Римское папство — ничто иное, какъ свѣтская власть. Оно представляется духовною властью только людямъ религіознымъ, наивнымъ и иностранцамъ. Папство нашло свое настоящее выраженіе въ лицахъ Юлія II и Александра Борджіа, а въ особенности въ лицѣ Цезаря Борджіа. Папа, это — неудавшійся императоръ Италіи, соперникъ императоровъ Германіи и Франціи, это — нѣчто въ родѣ великаго герцога, котораго претензіи превышаютъ средства. И вотъ до этого образа, представляющаго отрицаніе самой идеи папы, до этого противорѣчія теперь дошло папство. При алчности, для удовлетворенія которой недостаточенъ міръ; при надеждѣ господствовать надъ міромъ съ высоты римскаго холма; при претензіи управлять всею землею посредствомъ одного католическаго закона; при претензіи превратить всѣхъ государей въ своихъ слугъ, а всѣ народы въ своихъ

оброчныхъ подданныхъ, папство кончило тѣмъ, что лишилось всего, за исключеніемъ своей гордости. Падая все болѣе и болѣе, оно перестало быть даже маркизствомъ Анконы и княжествомъ Беневента, и недавно еще одинъ сочинитель брошюръ, господинъ виконтъ дела-Геронньеръ, принявшій папство подъ свое особое покровительство, предложилъ, съ цѣлью порѣшить его судьбу, признать Ватиканъ, съ принадлежащими къ этому дворцу садами, — маіоратомъ или вотчиною главы католическаго духовенства, не подлежащую отчужденію. Есть даже люди, друзья и недруги папы, которые находятъ, что такая доля черезъ-чуръ роскошна, что Ватиканъ, съ принадлежащими къ нему садами, — собственность слишкомъ значительная для духовнаго лица, что папа долженъ быть такимъ же гражданиномъ, какъ и всѣ прочіе.

Какъ обыкновенно бываетъ при всѣхъ ложныхъ положеніяхъ, при столкновеніяхъ духовныхъ интересовъ съ мірскими, папство принуждено было пожертвовать болѣе важными преимуществами въ пользу менѣе важныхъ и изъ двухъ золъ избрать худшее. Оно должно было мало-по-малу отказаться отъ господства надъ умами и отъ власти всемірнаго первосвященника, съ тѣмъ чтобы сохранить простое политическое владычество надъ нѣсколькими квадратными километрами развалинъ и право собирать подати съ нѣсколькихъ тысячъ убогихъ и бѣдныхъ людей.

Подчиненіе интересовъ религіозныхъ и всемірныхъ интересамъ римскимъ, то есть интересамъ по части денегъ, полиціи и арміи, словомъ интересамъ матеріальнымъ и мѣстнымъ: таковъ въ настоящее время девизъ ватиканской политики. «Папство окружено не легіонами поклонниковъ, а кордонами таможенныхъ служителей и жандармовъ. Римъ считаетъ своими врагами тѣхъ, которые проповѣдуютъ ему возвращеніе къ апостольской простотѣ или даже къ общинѣ невзвѣтной церкви, а папа постоянно хлопочетъ о томъ, чтобы превратиться въ государя. Конечно, нельзя не удивляться упорному идеализму и простодушію толпы, видѣвшей въ Пѣ IX будущаго освободителя народа, — папу, который явится мессіею свободы. Ужели папство должно трубить этимъ людямъ на ухо: я лгу, лгало и буду лгать. Вы во мнѣ видите религію, но я не болѣе, какъ бюджетъ; я не догматъ, а дефицитъ и текущій счетъ, значащійся пассивомъ у братьевъ Ротшильдовъ. О, вы люди наивные! Когда перестанете вы обращаться ко мнѣ съ своими увѣщаніями? За

кого-же вы меня принимаете? Уже давно я покинулъ свое жалкое жилище въ катакомбахъ, съ тѣмъ чтобы поселиться въ дворцахъ Ватикана, обогащенныхъ какъ древними, такъ и новыми, сокровищами, — живописи, скульптуры и золотыхъ дѣлъ мастерства. Я не одѣто въ бѣдный хитонъ, но я ношу пурпуровую мантию кесарей; мое чело не израчено и не окровавлено; я не ношу терновый вѣнокъ, но тройную корону, блестящую золотомъ, рубинами и другими драгоценными камнями. Лепта, собираемая мною во имя св. Петра, состоитъ не изъ динарія, найденнаго въ рыбѣ, которая была поймана въ тиверіадскомъ озерѣ, а изъ нѣсколькихъ милліоновъ римскихъ сѣмиевъ, по 5 франковъ и 65 сантимовъ каждый. И что особенно замѣчательно, эту лепту, вмѣсто того, чтобы платить ее кесарю, мы заставляемъ народъ его правильнымъ и законнымъ образомъ вносить въ нашу казну, и ея-то, эту лепту, мы уплачиваемъ счеты поставщиковъ каретъ для кардиналовъ, зеркалъ и кандитерскихъ пирожковъ для монсеньоровъ, и конфетъ и разныхъ другихъ сластей для обитателей дворца Фарнезе. Когда же, наконецъ, перестанутъ твердить намъ, людямъ, живущимъ въ самыхъ роскошныхъ и великолѣпныхъ зданіяхъ цѣлаго міра, что мы наследники того, которому не гдѣ было преклонить свою голову? Вѣдь мы, какъ бы то ни было, — люди настоящаго времени и настоящаго вѣка! И вотъ какъ мы хлопочемъ о прогрессѣ!»

Разовьемъ еще болѣе нашу мысль:

Глубокая непріязнь, существующая между современнымъ міромъ и папскою властью, встрѣчается также и въ самой этой церкви, которая со дня на день все болѣе и болѣе распадается на двѣ враждебныя одна другой партіи. Ультрамонтанская и умѣренная, жистическая и практическая, иностранная и италіянская: таковы главные ихъ названія. Доведенныя до крайности, обѣ эти партіи доходятъ: одна—до возмутительной негѣности, а другая—до вульгарности. Ультрамонтанская имѣетъ великимъ своимъ принципомъ: *Scedo quia absurdum*; для нея нѣтъ ничего слишкомъ фантастическаго, слишкомъ чудовищнаго, слишкомъ безнравственнаго; невозможно отличить въ ней вѣру отъ суевѣрія. Любопытно, что этотъ ультрамонтанизмъ, отличающійся неистовымъ фанатизмомъ и неимѣющей другой точки опоры, кромѣ невѣжества и мелкихъ и низкихъ страстей, обрушается на самого себя при малѣйшемъ столкновеніи съ истиною и съ міромъ дѣйствительнымъ, и что онъ проповѣдуется и распространяет-

ся съ яримъ усердіемъ въ чужихъ краяхъ, гдѣ онъ входитъ въ моду между людьми праздными, и пріобрѣтаетъ авторитетъ между людьми слабоумными, тогда какъ въ самой Италиі, въ самомъ центрѣ католицизма господствуетъ вельми земная доктрина барышей, въ-ра въ мѣшки, наполненные ефимками, догматъ мірскаго господства папы, первосвященника и короля италіянскаго города. Конечно, въ глазахъ историка это столкновение двухъ непріязненныхъ началъ, которое должно тщательно изслѣдовать со всѣхъ сторонъ, состоитъ не только въ борьбѣ между папствомъ и италіянскимъ королевствомъ: эта борьба—только внѣшняя сторона вопроса, симптомъ, который обыкновенно смѣшивается съ причиною. Истинный интересъ настоящей минуты заключается въ борьбѣ двухъ стихій западнаго католицизма, въ распаденіи религіознаго атома на двѣ составныя части, которыя одна въ отношеніи къ другой приходятъ все болѣе и болѣе въ напряженное состояніе. Это разложеніе религіознаго элемента на двѣ первоначальныя стихіи проявляется не только въ лонѣ католицизма; борьба эта, пробуждается съ особенною силою въ средѣ протестантизма и іюдаизма, какъ французскаго, такъ и нѣмецкаго. Въ іюдаизмѣ она обнаруживается въ видѣ столкновеній между различными консисторіями, которыя до настоящаго времени жили въ мирѣ и добромъ согласіи одна съ другою. Поводомъ къ этому послужило требованіе, чтобъ молодые раввины своею подписью обязывались исполнять всѣ предписанія Талмуда и слѣпо вѣрить во всѣ пункты талмудскаго ученія. Въ отвѣтъ на такое требованіе эти молодые люди цѣлыми массами подали въ отставку.

Въ протестантской Франціи продолжается борьба между либералами, съ одной стороны, и приверженцами ортодоксальнаго ученія, съ другой. Послѣдніе имѣютъ въ главѣ своей Гизо. — Вы помните изгнаніе парижскою консисторіею знаменитаго Атаназя Кюкреля, обвиненнаго въ дружественныхъ сношеніяхъ съ господиномъ Эрнестомъ Ренаномъ. Послѣ того, споръ по предмету религіи принималъ все болѣе и болѣе значительные размѣры. Споры принимаютъ такіе размѣры, что даже свободные мыслители и люди, преимущественно занимающіеся политикою, одинъ за другимъ выступаютъ на арену, съ тѣмъ чтобы участвовать въ этихъ препіяхъ. Возникаетъ даже вопросъ, не сдѣлается ли эта борьба всеобщею. Какъ явленіе, характеризующее настоящее положеніе дѣла, мы прибавимъ, что недавно г. Поль-Брока, человекъ, свободно мыслящій, основатель этнологическаго об-

щества въ Парижѣ, хотѣлъ въ пользу господина Кокреля воспользоваться своими избирательными правами въ церкви. Когда консисторія этому воспротивилась, то получила официальное требованіе включить господина Брока въ приходскій списокъ. Послѣ ея вторичнаго отказа, дѣло это было передано на разсмотрѣніе государственному совѣту.

Французскіе клерикалы не легко забудутъ неожиданный ударъ, нанесенный имъ императорскою политикою. Трактатъ 15 сентября подписывался въ то время, какъ религіозные журналы любезнымъ образомъ помѣщали на своихъ столбцахъ извѣстіе такого рода, заимствованное изъ одной римской газеты:

«Наполеонъ III недавно получилъ отъ папы копье, находившееся въ могилѣ Карла Великаго. Какъ важный христіанскій памятникъ, это копье имѣетъ несомнѣнную цѣну. Говорятъ, что императоръ, котораго вѣра въ свою собственную судьбу не составляетъ секрета, считаетъ этотъ даръ предзнаменованіемъ, что онъ призванъ исполнить роль Карла Великаго въ отношеніи возстановленія церкви».

Независимо отъ этихъ преимуществъ, поступокъ Наполеона имѣлъ и свою невыгодную сторону, какъ потому самому, что онъ послужилъ сюрпризомъ, такъ равно и потому, что срокъ исполненія договора отложенъ на продолжительное время.

Обыкновенно дѣло такой важности совершается не иначе, какъ по испрошеніи общественнаго мнѣнія, по крайней мѣрѣ для формы. Во Франціи съ нѣкотораго рода завистью признаются, что трактатъ имѣлъ бы уже окончательную силу, еслибъ государи, заключившіе его, не должны были испросить согласія италіянскаго парламента. Что же касается до согласія парламента французскаго, то объ испрошеніи его и не подумали, и по весьма уважительной причинѣ, а именно потому, что въ этомъ согласіи договаривавшіяся стороны не имѣли никакой надобности.

Съ другой стороны, двухгодичный срокъ, назначенный для исполненія трактата, почти одинаково возмущаетъ какъ тѣхъ, которые сильно желаютъ очищенія Рима отъ французскихъ войскъ, такъ равно и тѣхъ, которые вооружены противъ этой мѣры. Первые недовольны тѣмъ, что несправедливое и нелѣпное занятіе этого города французами продолжится еще столь долгое время, а вторые, поощряемые этою самою отсрочкою, льстятъ себя надеждою, что, удваивая свою неприязнь, они заставятъ французское правительство не поки-

дать дѣла свѣтской власти папы. Во всѣхъ католическихъ церквахъ, со всѣхъ католическихъ кафедръ Франціи раздается пароль: «Берегись, Понцій Пилать! Берегись, Иродъ! Берегись, Тиверій!» Армія въ 150,000 священниковъ и монаховъ и въ 200,000 іезуитомъ начнетъ работать денно и ночно противъ правительства, подводя подъ него тайственные и подземныя мины, пользуясь всякимъ случаемъ, чтобы вредить ему, и распространяя объ немъ дурныя слухи,—не истинныя а вымышленныя, такъ какъ клевета для этихъ людей гораздо болѣе сподручна, и такъ какъ всякій охотно употребляетъ свое любимое оружіе. Съ своей стороны правительство не останется въ бездѣйствіи; оно будетъ въ мутной водѣ удить рыбу, и со всѣхъ сторонъ возникнутъ тогда эти процессы братьевъ игнорантиновъ. Отцы кармелиты, капуцины и преподобные іезуиты, изобличенные въ самыхъ неприличныхъ преступленіяхъ, повинутъ свои мирныя кельи, съ тѣмъ, чтобы отправиться на каторгу.— При этомъ случаѣ, Франція нѣсколько освободится отъ грязи. Но іезуиты и капуцины имѣли бы только время заниматься своими собственными дѣлами, еслибъ очищеніе Рима совершенно было немедленно. Мотивировать эту мѣру было бы весьма не трудно; правительству стоило бы только сказать:

«Возстановляя въ 1849 году правительство духовенства, я попалъ въ безвыходное положеніе. Послѣ того мои генералы и мои дипломаты истощили всѣ свои средства для осуществленія дѣла столько же непопулярнаго, сколько и невозможнаго. Въ Ватиканѣ хотѣли имѣть протекторовъ, а не совѣтниковъ. Мое вмѣшательство, достойное сожалѣнія, поставило меня въ самое ложное положеніе и мои собственные солдаты послужили только для противодѣйствія моей политики.—Я возвратило папу въ Римъ, съ условіемъ, чтобъ онъ осуществилъ реформы, указанныя въ знаменитомъ письмѣ къ Эдгару Нею. Послѣ того, я не жалѣю ни совѣтовъ, ни увѣщаній; я посылало къ его святѣйшеству одного посланника за другимъ, но тщетно: всѣ они спроважены были ни съ чѣмъ вѣжливо, иронически или грубо. Я къ услугамъ папы ежегодно выставяло 20,000 человекъ и выдавало двадцать милліоновъ деньгами, а въ вознагражденіе за это удостоилось только получать щелчки.—Мнѣ надоѣло быть причастнымъ къ разбойничеству, къ похищенію малолѣтнихъ евреевъ. Когда я заступалось за Когена или за Мортару, мнѣ смѣялись въ лицо, а когда англійскій посланникъ, еретикъ, протестантъ, потребовалъ возвращенія одной miss, то немедленно передъ нею рас-

крылись двери монастыря. — Меня преслѣдовали незаслуженными оскорбленіями; римское правительство распорядилось уничтожить французскія вывѣски и его полицейскіе агенты оставляли на дверяхъ магазиновъ надписи: English spoken, Man spricht, а покрывали толстымъ слоемъ черной краски невинныя слова: Ici on parle français. Такъ какъ мое знамя не можетъ болѣе защитить вывѣски моихъ соотечественниковъ, то пора перестать ему охранять несправедливые поступки другихъ. Поэтому я имѣю честь свидѣтельствовать свое почтеніе господамъ кардиналамъ Мероду и Антонелли, и пожелать имъ жить въ добромъ согласіи съ ихъ римскими подданными и итальянскими сосѣдями. Сегодня же отдаю приказъ своимъ войскомъ отъправиться въ Чивитта Веккію».

Для любителей театральныхъ выходовъ сюрпризъ былъ бы гораздо болѣе полный, еслибъ очищеніе Рима отъ французскихъ войскъ воспослѣдовало немедленно. Друзья Италіи были бы этимъ гораздо болѣе довольны, а ея враги менѣе были бы взбѣшены. Какъ бы то ни было и чтобы ни дѣлали друзья и недруги, но кажется это очищеніе Рима отъ войскъ рано или поздно необходимо повлечетъ за собою паденіе свѣтской власти папы, что было бы однимъ изъ самыхъ значительныхъ событій нашей эпохи. — Вслѣдъ за отдѣленіемъ въ Римѣ власти религіозной отъ политической, или еще до этого времени, произойдетъ въ западныхъ странахъ отдѣленіе церкви отъ государства, существующее уже въ Соединенныхъ Штатахъ. Трудно опредѣлить, какое огромное вліяніе обнаружитъ на социальныя учрежденія, на нравы и на самыя умы народовъ тотъ простой фактъ, что церковь снова сдѣлается учрежденіемъ чисто религіознымъ и перестанетъ быть служительницею политикѣ.

Трактатъ 15-го сентября—такъ, по крайней мѣрѣ, надо надѣяться,—будетъ имѣть благопріятныя послѣдствія для Италіи; но первые плоды его были горьки. Извѣстіе, что перемѣщеніе столицы итальянскаго правительства изъ Турина въ другой городъ составляетъ *conditio sine qua* по очищеніи Рима отъ французскихъ войскъ, возбуждало въ туринцахъ сильное негодованіе. Они уже совершенно было привыкли къ своему *временному* состоянію, надѣясь, что оно будетъ продолжаться всегда, или по крайней мѣрѣ долго, очень долго. Они провозглашали Римъ столицею Италіи тѣмъ съ большею силою, что ихъ желаніе было еще только идеаломъ. Между тѣмъ они украсили свой городъ. Муниципалитетъ и граждане дѣлали издержки.

Построены были общественныя зданія и множество частныхъ домовъ, которые отдавались въ наймы иностранцамъ дорогою цѣною. Содержатели гостиниць и магазиновъ израсходовали много денегъ на свои заведенія, рассчитывая на депутатовъ и чиновниковъ, какъ на своихъ посѣтителей и покупателей, и эти деньги начинали уже приносить хорошіе проценты, какъ вдругъ, въ одинъ прекрасный день, туринцы къ ужасу своему узнали, что они лишаются своихъ преимуществъ въ пользу Флоренціи, которая будучи расположена по другую сторону Аппениновъ, на бассейнѣ рѣки Арно, не открыта, подобно Турину, для австрійцевъ и не находится на разстояніи одного дня пути по желѣзной дорогѣ отъ австрійскаго *четыреугольника*. Этотъ сюрпризъ произвелъ крайне непріятное дѣйствіе на туринскихъ гражданъ. Они стали образовывать сборища и грозно кричали: «столицею Италіи долженъ быть Римъ, или Туринъ! Да здравствуетъ Туринъ!» По улицамъ города носили изображение быка, служащаго туринскимъ гербомъ, почти убитаго и у котораго кровь текла изъ широкой раны, нанесенной ему на шеѣ Мингетти, подписавшимъ трактатъ. Туринскіе буржуа были разбиты, и по дѣломъ имъ; они получили только то, что заслужили. Они десять разъ были виноваты. Притомъ убитый или раненый всегда виновать.

Послѣ этого жестокаго урока, даннаго туринцамъ, правительство туринское нѣсколько ихъ приласкало, пожертвовавъ имъ министерство Мингетти-Бруцци-Пеноста, которое находилось въ полномъ блескѣ своего дипломатическаго торжества. Оно обѣщало городу, лишшающемуся званія столицы, оставить въ немъ общественныя учрежденія и множество храбрыхъ полковъ, словомъ, расходовать въ немъ столько денегъ, сколько можно. Такъ какъ общественное мнѣніе громко ратификовало трактатъ еще до собранія парламента, то полагаютъ, что непріятное туринское дѣло уже болѣе не повторится.

Что касается партіи дѣйствія, то она вообще весьма довольна заключеніемъ трактата, который не содержитъ никакого прямого отреченія отъ унитарной программы, признающей Римъ столицею Италіи. Флоренція, говорятъ приверженцы этой партіи,—будетъ служить первымъ этапомъ на дорогѣ къ Риму. Пока мы доберемся до этого этапа, французы освободятъ Италію отъ своего ненавистнаго присутствія. Рано или поздно Римъ избавленъ будетъ отъ своего духовнаго правительства итальянскимъ народомъ, который провозгласитъ уничтоженіе свѣтской власти папы. Гарibaldi, который

уже предвидѣть осуществленіе цѣли своей аспромоитской экспедиціи, невысказался еще на этотъ счетъ публично, по большая часть его друзей въ восторгѣ. Что-же касается до собственно такъ называемой крайней партіи, то она повторяетъ, что недоувѣрчивость есть мать увѣрчивности. Она вообще принимаетъ договоръ, не отказываясь, однакожь, отъ своихъ главныхъ притязаній и предоставляя себѣ зорко наблюдать за консервативною партією и не давать ей покоя, когда она захочетъ долго пользоваться каждымъ предложеньемъ для того, чтобы не идти на Римъ и чтобы продлить на неопредѣленный срокъ временное состояніе, не слишкомъ, впрочемъ блистательное, и котораго наименьшее неудобство состоитъ въ томъ, что Италія принуждена ежегодно дѣлать отъ 200 до 300 милліоновъ, долгу.

Отличаясь такими отгѣпками, общественное мнѣніе однакожь, вообще говоря, почти единодушно одобряетъ трактатъ, который служить шагомъ впередъ, но не болѣе, какъ шагомъ на пути въ разрѣшенію римскаго вопроса. Крикъ радости раздавался со всѣхъ сторонъ, когда узнали, что великодушный союзникъ, благовоплъ обѣщать своимъ хозяевамъ уйти до истеченія двухъ лѣтъ.

Вообще италіяны дѣлаютъ такого рода сужденіе:

Или папское правительство посредствомъ разумныхъ реформъ постарается быть признаннымъ своими подданными, что весьма невѣроятно, и въ такомъ случаѣ нравственное присоединеніе ихъ къ италіанскому королевству будетъ предшествовать матеріальному. Или римскій дворъ будетъ продолжать навязывать себя народу посредствомъ возрастающаго террора и захочетъ посредствомъ арестовъ и казней подавить патриотическія чувства римлянъ; въ такомъ случаѣ въ вѣчномъ городѣ возобновятся жестокости Перузы. Но когда люди будутъ свидѣтелями такого состоянія дѣлъ, то можно будетъ съ достовѣрностію сказать, что наступило начало конца.

Однакожь, рѣдко случается, чтобы событія совершались съ точностью дилеммы. Обыкновенно происходитъ соглашеніе, компромисъ между двумя крайностями. Исторія представляетъ составную силу, служащую результатомъ двухъ другихъ, расходящихся силъ: прогресса и реакціи. Кажется, это будетъ и въ настоящемъ случаѣ.

До настоящаго времени, Пій IX не высказалъ еще своего мнѣнія относительно трактата, а коллегія кардиналовъ безмолвно перенесла свое пораженіе; но на этотъ разъ, кажется, нельзя примѣнить поговорку, что молчаніе есть знакъ согласія. Требованіе трехъ армей-

скихъ корпусовъ: испанскаго, австрійскаго и баварскаго, которое было сдѣлано теперь, по крайней мѣрѣ на время, перестало быть предметомъ разсужденій.

Папское правительство изъявляетъ свое удовольствіе по поводу мѣръ, которыя были приняты французскою полиціею и главнокомандующимъ французскихъ войскъ въ Римѣ для предупрежденія манифестаціи со стороны римскаго населенія. Въ четвергъ, 29 сентября, на площади «Колонна» образовались сборища, и до восьми тысячъ человекъ кричали во все горло: «Да здравствуетъ договоръ! Да здравствуетъ Франція! Да здравствуетъ Италия! Да здравствуетъ Викторъ Эммануилъ! Да здравствуетъ императоръ Наполеонъ Бонапартъ!» Тѣ, которые наиболѣе громко кричали: «Да здравствуетъ императоръ!» арестованы были французскою полиціею, засадившею при этомъ случаѣ человекъ пятнадцать въ темницу, съ тѣмъ чтобы умѣрить ихъ энтузіазмъ къ императорской политикѣ. Отданы были формальныя приказанія не допустить унитарной партіи до вспышки. Вотъ мѣры, которыя должны были нѣсколько успокоить римскій дворъ. Кромѣ того, сдѣлалось извѣстнымъ, что командующій оберегательнымъ войскомъ въ этомъ смыслѣ говорилъ самымъ энергическимъ образомъ. Подумаешь, что возвратилось время генерала Гойона.

Кажется, г. Друэнъ де-Люксъ отправилъ въ Римъ секретную депешу, въ которой онъ, въ качествѣ министра иностранныхъ дѣлъ, формально увѣряетъ, что если италіянское правительство не исполнитъ своихъ обязательствъ, то императоръ напомнитъ ихъ этому правительству и энергически воспротивится всякому нарушенію трактата, подъ которымъ находится подпись Франціи. (Хороша записка, не правда-ли? въ особенности если вспомнить вторженіе Чіальдини въ Мархію). Съ другой стороны, италіянскіе унитарные консерваторы, къ которымъ принадлежатъ вся вообще піемонтская партія, большая часть настоящихъ дипломатовъ Италіи и всѣ значительные военные люди, и во главѣ которыхъ уже считается молодой принцъ Гумбертъ, — эти унитарные консерваторы чистосердечнѣе, чѣмъ можно было бы полагать, соглашаются признать Флоренцію столицей королевства и отвергаютъ Римъ, котораго они вовсе не хотятъ: во первыхъ, они дорожатъ нашою и желаютъ его сохранить въ Италіи (несчастные сами не знаютъ, чего желаютъ) съ тѣмъ, чтобы черезъ него имѣть вліяніе на другія католическія страны, а во вторыхъ, они помнятъ, что Римъ въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ былъ

республикою, «а съ тѣхъ поръ, — говорятъ они, — городъ этотъ зараженъ мадзиніевскими идеями.» Но дѣло въ томъ, что они не чувствуютъ въ себѣ достаточно силъ посредствомъ разумной политики справиться съ тѣмъ положеніемъ, въ какое поставлена будетъ Италия вслѣдствіе обладанія «вѣчнымъ городомъ». Ихъ программа, представленная даровитымъ корреспондентомъ газеты Temps на основаніи свѣдѣній, заимствованныхъ изъ журнала господина Риказоли, *Nazione*, и изъ писемъ этого государственнаго чловѣка, резюмируется такимъ образомъ:

«А. Проникнемся духомъ трактата.

«В. Оставимъ всякое покушеніе вступить въ Римъ посредствомъ вторженія извнѣ, или посредствомъ возбужденія внутренней революціи.

«С. При отсутствіи вмѣшательства, Римъ необходимо поглощенъ будетъ Италією, такъ какъ три пятыхъ его населенія, по преимуществу холостаго, по своему происхожденію принадлежатъ къ другимъ провинціямъ Италиі, такъ какъ половина рабочаго класса его тоже состоитъ изъ людей пришлыхъ; такъ какъ городъ, въ отношеніи своего продовольствія, зависитъ отъ Умбріи, Мархіи и Аbruццъ, и такъ какъ, наконецъ, въ извѣстное время онъ волею или неволею будетъ принадлежать Италиі. (Эти разсужденія весьма замѣчательны и я въ особенности рекомендую обратить вниманіе на то обстоятельство, что населеніе Рима, этого города, по преимуществу, холостыхъ, по крайней мѣрѣ на три пятыхъ состоитъ изъ людей пришлыхъ).

«D. Можно предвидѣть тотъ день, когда, не смотря на всѣ возможности «*non possumus*» въ мірѣ, римскій дворъ захочетъ съ нами помириться, такъ какъ въ извѣстный моментъ онъ почувствуетъ, что *италіянское основаніе* очень полезно и, быть можетъ, даже необходимо не только для его духовной власти, но и въ отношеніи мірскихъ ресурсовъ, въ которыхъ онъ имѣетъ надобность. Конечно, еслибъ папа могъ уничтожить италіянское единство, то онъ бы это сдѣлалъ охотно; но когда ему доказано будетъ, что это — дѣло целесообразное, тогда мы увидимъ, какая перемѣна произойдетъ въ его умѣ.»

Что касается до англійскаго правительства, то тюльерійскій кабинетъ, повидимому, расчитываетъ на него менѣе, чѣмъ когда либо. Кажется, что щелчокъ, который обѣ эти державы получили съобща въ дѣлахъ Польши и Даніи, нисколько ихъ не сблизилъ, и по весь-

ма простой причинѣ: лордъ Пальмерстонъ и императоръ Бонапартъ такъ тѣсно были связаны другъ съ другомъ, что примиреніе между ними уже долѣе невозможно; они до того были замѣшаны въ однѣхъ и тѣхъ-же предпріятіяхъ, что не простятъ другъ другу своей взаимной, злой выходки. Но такой аргументъ основанъ на случайностяхъ, на личныхъ качествахъ двухъ людей, въ данное время завѣдывающихъ дѣлами Франціи и Англіи; онъ имѣеть силу только пока владѣютъ восьмидесятилѣтній Пальмерстонъ и императоръ Людовикъ Наполеонъ. Если глубже вникнуть въ самую сущность дѣла, то окажется, что эта нерѣшительность Англіи въ дѣлѣ политики обуславливается ея положеніемъ. Сила въ томъ, что страна эта, какъ мы уже замѣтили въ одной изъ своихъ предыдущихъ статей, колеблется между вигизмомъ и торизмомъ и не въ состояніи освободиться отъ этого внутренняго дуализма, отъ этого важнаго органическаго недостатка, который все еще ей ставится въ честь. Подобно тому, что по окончаніи войны въ Соединенныхъ Штатахъ, вспыхнула гражданская война въ Европѣ; положимъ, что по обѣимъ сторонамъ Атлантическаго океана государства сѣвера и юга возьмутся за оружіе.—Что тогда въ состояніи будетъ сдѣлать Англія?— Можно-ли ей будетъ воевать противъ новаго права, какъ называетъ его г. Друэнъ-де-Люисъ?—Конечно нѣтъ. Великобританія не въ состояніи будетъ и не захочетъ вести вторую двадцатипятилѣтнюю войну, въ родѣ той, которую она съ такимъ ожесточеніемъ вела противъ французской революціи, столь печальнымъ образомъ коронованной въ лицѣ перваго Бонапарта. Съ другой стороны, нѣтъ и не предполагать, что Англія приметъ участіе въ революціонной войнѣ; она до того привязана къ парламентаризму, что не станетъ воевать противъ него и до того пропитана аристократическимъ духомъ, что не пожелаетъ господства массы.

Но возвратимся къ настоящему. Что значить западное посольство лорда Кларендона? Правда-ли, какъ носятя слухи, быть можетъ ложные, по которымъ вообще вѣрять, что онъ въ Вѣнѣ горилъ на австрійскій ладъ, а въ Туринѣ на итальянскій, и что онъ хотѣлъ заставить господина Рехберга принять тезисъ, что необходимо существованіе совершенно независимой Италіи, для того, чтобы ею противодѣйствовать Франціи, осужденной постоянно быть революціонною?

— А что говорятъ въ Австріи?

— Кажется, что общественное мнѣніе этой страны сформулировано весьма вѣрно въ статьѣ «Вѣнской прессы» такого содержанія:

«Чѣмъ болѣе усложняются наши внѣшнія отношенія, тѣмъ яснѣе становится для мыслящихъ политиковъ, какъ невыгодно положеніе, принятое Австріею среди великихъ державъ Европы. Мы связаны съ другими государствами множествомъ обязательствъ, а другіе государства въ отношеніи къ намъ не признаютъ никакихъ. Мы имѣемъ союзниковъ, но эти союзники получаютъ отъ насъ помощь, а намъ не доставляютъ никакой. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ мы приняли участіе въ одной войнѣ. Правда, эта война велась противъ самой маленькой изъ державъ, но при началѣ военныхъ дѣйствій мы не знали, не будетъ-ли эта держава вскорѣ имѣть могущественныхъ союзниковъ. Мы въ этомъ отношеніи ризкнули, и англійскія «синія бнинги» намъ показываютъ теперь, какой мы подвергались опасности. Требовалось только подложить не много соломы подъ огонь, и Франція уступила бы настоятельнымъ просьбамъ Англіи и перешла бы черезъ Рейвъ. Тогда насъ попросили бы пожертвовать нашимъ послѣднимъ солдатомъ и нашимъ послѣднимъ ефимкомъ для защиты прусской территоріи. Дѣйствительно мы играли въ *va banque!* и выиграли игру...

«Теперь германскій народъ достигъ осуществленія одного изъ самыхъ драгоцѣнныхъ своихъ желаній, но онъ не думаетъ изъявить намъ ни малѣйшей благодарности. Напротивъ, второстепенныя державы возмущены противъ насъ, потому что подозрѣваютъ, что мы черезъ чуръ расположены къ Пруссіи.

«Въ самой Пруссіи либеральная партія радуется, что съ Австріею не могъ быть заключенъ договоръ, чего опасались, «потому что,—говоритъ эта партія,— германскій вопросъ можетъ быть рѣшенъ только вопреки Австріи, а не въ союзѣ съ этою державой».—Нашъ союзъ съ Пруссіею существуетъ только съ тѣмъ условіемъ, чтобъ мы ей постоянно дѣлали уступки. Если мы ей представимъ часть герцогствъ, другими словами, если мы откажемся отъ своей доктрины, что подобныя насильственные поступки пагубны для нашего положенія въ Германіи, то Пруссія останется на нашей сторонѣ, но какъ скоро мы воспротивимся ея претензіямъ, то она съ нами поссорится.

«Что касается до населенія герцогствъ, то оно намъ весьма благодарно за помощь, которую мы ему оказали; однакожъ, мы были бы весьма удивлены, еслибъ оно вскорѣ не послѣдовало направле-

нію Готской партіи, стремящейся изгнать Австрію изъ Германіи. Мы сражались за Шлезвигъ не для того, чтобы онъ принадлежалъ Германіи (sic), а только потому, что онъ былъ соединенъ съ Голштиніею, государствомъ германскимъ. Но еслибъ мы, основываясь на томъ же принципѣ, вздумали просить помощь, которую мы оказывали другимъ, то намъ дали бы такой-же отвѣтъ, какой мы получили въ 1859 году.

«Недавно еще противъ насъ предписывалась формула: «кровь и мечъ». Либеральная партія Германіи спокойно выслушиваетъ выраженія политики, которая соединила бы противъ насъ Пруссію и Францію. Она даже, безъ малѣйшаго угрызения совѣсти, готова была бы принять въ этотъ союзъ третью державу—Піемонтъ.

«Теперь берлинскій кабинетъ въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ съ Россіею, а также съ императоромъ Наполеономъ и въ одно и тоже время съ Австріею и Піемонтомъ. Господинъ Бисмаркъ отъявленный противникъ конституціонализма въ Германіи, но онъ за предѣлами Пруссіи пользуется этимъ конституціонализмомъ для своей выгоды и къ нашему вреду. Дѣйствительно, мы служимъ помощниками его политики, но онъ за наши услуги не платитъ намъ никакой взаимности.

«Такимъ образомъ, мы окружены бесполезными друзьями и опасными врагами. Мы одиноки, и однакожъ склоняемся подъ бременемъ своихъ союзовъ; мы чужды всякаго духа завоеванія и интриги и исполняемъ всѣ наши обязательства, и однакожъ нѣтъ въ Европѣ сосудаства, которое имѣло бы столько враговъ и подвергалось бы столькимъ обидамъ, какъ наше.»

— Это описаніе удовлетворительно. Но если Австрія подвергается ненависти, презрѣнію и въ то-же время эксплуатаціи, то кто въ этомъ виноватъ? Не слѣдовало ли обвинить въ этомъ политику Рехберга, прежде чѣмъ обвинять весь міръ? Не гораздо ли проще было бы напередъ изслѣдовать свою собственную совѣсть?

— «Вѣнская оффиціальная газета» объявляетъ о возвращеніи въ Вѣну императорскаго намѣстника Ломбардо-Венеціанскаго королевства.

— Франко-римскій трактатъ совершенно заслонилъ собою дѣло о переговорахъ, которые ведутся въ Вѣнѣ относительно заключенія мира между Даніею и ея побѣдителями. Эти переговоры замедляются и каждая держава обвиняетъ въ этомъ замедленіи другую. Дѣйствительно, кажется, Данія желаетъ отсрочить роковой день своего раздробленія, а Пруссія не прочь воспользоваться сопротивленіемъ Гер-

манія и населенія герцогствъ, съ тѣмъ чтобы захватить возможно большій клочекъ завоеванныхъ провинцій, а Австрія еще не порѣшила съ нею относительно своей доли добычи, и говорятъ она боится, не попала ли въ просакъ. По послѣднимъ извѣстіямъ, дѣло все идетъ о великомъ денежномъ вопросѣ. Датскіе уполномоченные, говорятъ, отказались признать, какъ принципъ, пропорціональное распредѣленіе разныхъ суммъ, составляющихъ активъ Датской монархін, между герцогствами и остающеюся частію королевства, — мѣра, которая, какъ увѣряютъ, имѣла бы вѣроятнымъ результатомъ банкротство Даніи. Поэтому, уполномоченные нѣмецкихъ великихъ державъ, говорятъ, возобновили предложеніе, чтобы долгъ ликвидированъ былъ единовременною выдачею денегъ, собранныхъ гуртомъ. Теперь спрашивается, какъ велика должна быть сумма этого выкупа, требуемаго побѣдителями отъ побѣжденныхъ въ силу стариннаго правила *vae victis*?

Дѣла герцогствъ сдѣлали шагъ впередъ въ Берлинѣ. Герцогъ Аугустенбургскій, которому до сихъ поръ плохо удавалось стать въ положеніе независимаго государя, теперь думаетъ подчиниться необходимости и отказаться отъ этихъ претензій. Онъ является весьма стоворчавымъ относительно знаменитой конституціи 1848 года и соглашается сохранить ее для своихъ народовъ, и теперь, говорятъ, расположенъ заключить военный союзъ съ Пруссіею, который онъ до сихъ поръ отвергалъ подъ множествомъ предлоговъ. Если господамъ Бисмарку и Аугустенбургу удастся вступить въ соглашеніе другъ съ другомъ, то Пруссія не будетъ имѣть надобности опасаться значительной оппозиціи со стороны Австріи и въ этомъ отношеніи, по крайней мѣрѣ, она будетъ въ ладу съ германскимъ сеймомъ.

Съ политической карты Европы исчезло одно государство; изъ тридцати пяти державъ Германской конфедераціи одна перестала существовать. Мы говоримъ о герцогствѣ Бернбургскомъ, которое потеряно было изъ виду, съ тѣхъ поръ какъ поэтъ Гейне увѣрялъ, что оно пристало къ его подошвѣ; но потомъ оно было снова найдено. Теперь это герцогство присоединено къ герцогству Ангальтъ-Дессау-Кетенъ. Герцогскимъ декретомъ объявлено, что съ 1-го октября герцогское правительство Бернбурга будетъ соединено съ герцогскимъ же правительствомъ, которое будетъ имѣть свое мѣстопробываніе въ Дессау, и съ этого же времени носить громкій титулъ государства Ангальтъ-Дессау-Кетенъ-Бернбургъ.

Такимъ образомъ мало-по-малу, и при большомъ терпѣніи, увидятъ наконецъ осуществленіе германскаго единства. Это единство осуществится въ одно время съ окончаніемъ своего символа, кельнскаго кафедральнаго собора. — Для терпѣнія пѣтъ ничего невозможнаго.

Въ Испаніи пало министерство Мона и министромъ сдѣланъ Нарваецъ, который снова получилъ власть, съ тѣмъ чтобы содѣйствовать возвращенію королевы-матери, Маріи Христины. Эта Марія Христина была изгнана въ 1854 году мадриленами, возмущенными противъ нея и противъ министерства графа Санъ-Люисъ. Не будучи въ состояніи ее захватить, такъ какъ она убѣжала, переодѣвшись, мадрилены персбили ея окна и движимое имущество. Она спаслась только благодаря панвину Эспартеро, который за свою преданность подвергся изгнанію. Она въ одно и то-же время непавистна и либераламъ, упрекающимъ ее за правленіе, исполненное реакціи, и консерваторамъ, которые не могутъ ей простить, что она овладѣла короною Дона Карлоса въ пользу Изабеллы. Что касается королевы, то она горько жалѣла объ изгнаніи своей матери, которая была ея совѣтницею и первымъ министромъ, и наконецъ, послѣ десятилѣтнихъ колебаній, рѣшилась возвратить ее въ Мадридъ.

Дѣло это было приготовлено въ секретѣ и съ энергіей. Францъ д'Ассизъ условился на этотъ счетъ съ своею тещею въ Парижѣ. Нарваецъ издалъ разныя милости: онъ открылъ темницы политическихъ преступниковъ, удостоилъ журналы амнистіи и даже возвратилъ имъ штрафныя деньги, платившіяся ими нѣсколько лѣтъ; и въ одинъ прекрасный день жители Мадрита къ своему удивленію узнали, что королева мать находится въ Испаніи и что въ Ирунѣ ее встрѣтили громкими рукоплесканіями мальчики, стоящіе за буфетомъ, и станціонная прислуга. Вслѣдъ за тѣмъ почти немедленно услышали о вѣздѣ королевы-матери въ столицу посреди многочисленныхъ войскъ. Собралась толпа любопытныхъ, но, за исключеніемъ нѣсколькихъ криковъ, болѣе чѣмъ подозрительныхъ, въ ней господствовало замѣчательное безмолвіе. Одинъ очевидецъ рассказываетъ, что какой-то простолюдинъ, стоявшій возлѣ него и смотрѣвшій на королевскую коляску, которая быстро катилась между двумя рядами солдатъ, скрутилъ себѣ сигарету, торжественно закурилъ ее и, выпуская дымъ, провзнесъ:

«*María Cristina, vienes à buscar à tu hija!* Марія Христина, ты вѣрно пріѣхала за своєю дочерью!»

Официальный Мониторъ французской имперіи объявляетъ намъ, чуть-ли не въ десятый разъ, что Хуаресъ, бѣжавшій передъ побѣдоноснымъ оружіемъ Франціи, отправился въ Соединенные Штаты.

Въ то же время мы читаемъ въ журналь, приходящихъ къ намъ изъ-за моря, рассказы, по которымъ полки французскаго экспедиціоннаго корпуса въ Мексикѣ оказываются весьма незначительными. Этотъ корпусъ бесполезно истощаетъ свои силы въ непрерывной борьбѣ противъ гверильясовъ. Жители вступаютъ въ сношенія съ послѣдними, не смотря на декреты, по которымъ всякій землевладѣлецъ, не извѣщающій французовъ о движеніяхъ непріятели, подвергается штрафу въ тысячу піастровъ, а всякій, мѣшающій дѣйствіямъ правительства, его величества, императора Максимилиана, судится военнымъ судомъ и приговаривается къ ссылкѣ на Мартиникъ или къ растрѣлянню.

Между тѣмъ, какъ Максимилианъ проходилъ въ Пуеблѣ подъ триумфальными арками, воздвигнутыми въ честь его на скорую руку, и между тѣмъ, какъ онъ принималъ букеты отъ нѣсколькихъ дѣвицъ, одѣтыхъ въ бѣломъ, за спиной его, вслѣдъ за нимъ, сожигались гирлянды, транспарацы и картоны, бывшіе свидѣтелями этого шествія.—Едва новый императоръ расположился въ своемъ дворцѣ, какъ онъ подъ какимъ-то предлогомъ повиннулъ столицу, съ тѣмъ, чтобы до прибытія папскаго нунція не быть принужденнымъ высказаться на счетъ вопроса о народныхъ имуществвахъ. Въ этомъ вопросѣ заключается главная трудность.—Захочетъ ли Максимилианъ упираться на клерикаловъ?—Въ такомъ случаѣ, его гибель неизбежна. Онъ приметъ на себя отвѣтственность за старые грѣхи, которые заставятъ его дѣлать новые, и въ скоромъ времени его правленіе будетъ невозможнымъ.—Захочетъ ли онъ упираться на либераловъ?—Въ такомъ случаѣ, онъ вооружитъ противъ себя всѣхъ клерикаловъ, бывшихъ виновниками двусторонняго вѣшателства. Его друзья совѣтуютъ ему принять просто на просто политику Хуареса. Только при такомъ условіи,—говорятъ они,—правительство Максимилиана можетъ установиться, и то только въ томъ случаѣ, если онъ добудетъ денегъ.

Но къ чему-же, спрашивается, послужитъ экспедиція, если приходится возстановить то, что она опровергла? И еслибъ императоръ

захстѣлъ принять политику Хуареса, то можетъ ли онъ это сдѣлать, не склонивъ напередъ на свою сторону партизановъ конституціоннаго правленія?

Мятежные китайскіе тайпинги понесли сильный ударъ, вслѣдствіе взятія Нанкинга ихъ врагами. Драконъ Минговъ долженъ былъ еще отступать передъ дракономъ Манчу. Мятежники, состоявшіе изъ разныхъ людей и соединявшіе въ себѣ въ одно и то же время то, что есть самага реакціонернаго, и то, что есть самага прогресивнаго въ Китаѣ, лишились своей столицы. Между тѣмъ Нанкингъ имѣлъ для нихъ такое же значеніе, какъ цѣлая армія. Благодаря обладанію столицею, они пользовались уваженіемъ друзей порядка. Теперь, когда они лишились этого города, они въ глазахъ другихъ китайцевъ не болѣе, какъ разбойничьи шайки. Надо замѣтить, что Нанкингъ — городъ, существующій уже четырнадцать вѣковъ, что онъ — настоящая метрополія Китая, и что еще за тысячу лѣтъ до существованія Пекинга, онъ уже застроенъ былъ дворцами, имѣлъ многочисленное населеніе и обладалъ пагодами, которыя причисляются къ чудесамъ свѣта.

Мы еще не имѣемъ достовѣрныхъ подробныхъ свѣдѣній объ этой трагедіи. Гарнизонъ Нанкинга, состоявшій приблизительно изъ пятнадцати тысячъ человекъ, почти весь погибъ отъ голода, когда городъ взятъ былъ штурмомъ. По существующему въ Китаѣ обыкновенію, армія порядка умертвила всѣхъ живыхъ людей, попадавшихъ ей на встрѣчу. Въ городъ, который недавно заключалъ въ себѣ два милліона душъ, блуждало только нѣсколько человекъ, блѣдныхъ какъ привидѣнія. Въ дворцовомъ саду предводитель мятежниковъ велѣлъ повѣсить на деревьяхъ всѣхъ женщинъ своего серала. Самъ онъ умертвилъ себя, принявъ листовое золото. Его трупъ найденъ былъ тутъ-же.

Уже много мѣсяцевъ, быть можетъ, цѣлый годъ, новости изъ Америки не были такъ благопріятны, какъ теперь. Всѣ мы, желающіе, чтобы правое дѣло восторжествовало, можемъ теперь съ улыбкою смотрѣть на будущность; мы можемъ спокойно предсказывать исходъ великой американской войны и, не боясь быть разочарованными, утверждать, что свободныя учрежденія республики Соединенныхъ Штатовъ, выйдутъ изъ этого кроваваго испытанія болѣе славными, болѣе могущественными и болѣе прочными, чѣмъ они были

когда либо. Въ этотъ торжественный день все человѣчество сдѣластъ шагъ впередъ на пути къ лучшей цивилизаціи.

Облако пыли, поднятое демократами «мѣдноровыми» города Чикаго вокругъ ихъ *платформы*, начинаетъ разсѣиваться и замыслы ихъ все болѣе и болѣе становятся ясными. Очевидно, что предводители этой партіи не только партизаны невольничества, но и сепаратисты, и что всѣ ихъ симпатіи сосредоточиваются въ лицѣ Джефферсона Девиса. Но, отличаясь осторожностью, они скрываютъ свою измѣну, притворяются патріотами и безпрестанно употребляютъ слова: «унія» и «конституція». Мало того, эта партія, зная очень хорошо, что кандидатъ, совершенно соотвѣтствующій ея вкусу, не имѣлъ бы никакихъ шансовъ быть избраннымъ, подала голосъ въ пользу человѣка, котораго она презираетъ, но который въ ея глазахъ имѣетъ, по крайней мѣрѣ, то достоинство, что признаетъ невольничество явленіемъ законнымъ. Они, эти люди, желающіе мира во что бы то ни стало, видятъ себя принужденными предложить народу имя *демократа войны*, Макъ-Клеллана. Они съ прискорбіемъ сознаютъ, что только уніонистскій кандидатъ можетъ сдѣлаться президентомъ; но они постарались избрать человѣка слабого, перъшительнаго и медленнаго, съ тѣмъ чтобы онъ, въ случаѣ успѣха, далъ утомленнымъ южанамъ время собраться съ силами.

Если «мѣдноровые» города Чикаго не отличаются откровенностью и политическою честностью, за то въ нихъ нѣтъ недостатка въ ловкости. Подавая голоса въ пользу «молодаго Наполеона», они надѣются увлечь за собою значительную часть арміи, которой Макъ-Клелланъ въ продолженіи года былъ главнокомандующимъ; они надѣются также склонить на свою сторону штатъ Пенсильванію, въ которомъ родился ихъ кандидатъ. Что касается до великаго штата Нью-Йорка, этого штата, «составляющаго имперію», то они пробовали задобрить его избраніемъ въ президенты своего конвента Горация Сеймура; они думаютъ привлечь къ себѣ штатъ Огайо, провозглашая одного изъ его гражданъ, господина Пендльстона, кандидатомъ въ вице-президенты; наконецъ, они старались польстить четвертому штату Уліи, Илинойсу, назначая въ немъ мѣстопробываніе своего конвента. Свою программу они хотятъ привлечь на свою сторону партизановъ мира; воинственнымъ манифестомъ Макъ-Клеллана они пытаются завербовать въ свои ряды демократовъ войны. Не слишкомъ тревожась противорѣчіемъ своихъ словъ, они льстятъ всѣмъ

страстямъ. Къ несчастію, для ихъ надеждъ и для надеждъ «молодаго Наполеона» значительное большинство американцевъ справедливо разсуждаютъ, что если война должна быть продолжаема съ упорствомъ до окончательнаго возстановленія республики, то бесполезно отсылать Линкольна къ его плугу. «Старый Авраамъ» не имѣетъ болѣе надобности доказывать свою готовность и способность служить этому дѣлу: въ продолженіи четырехъ послѣднихъ годовъ онъ выказалъ всю свою честность, прямоту, храбрость и непоколебимую твердость. Притомъ, еслибъ избрали Макъ-Клеелана, то онъ, чтобы не измѣнить своимъ убѣжденіямъ, долженъ былъ бы отослать 200,000 черныхъ солдатъ, служащихъ теперь въ уніонистской арміи, къ ихъ прежнимъ господамъ; ему пришлось бы лишить себя доброй трети національныхъ силъ, очистить отъ своихъ войскъ всѣ крѣпости, расположенныя на рѣкѣ Миссиссиппи, фортъ Густонъ, Вискбургъ и почти всѣ земли, завоеванныя въ продолженіе трехъ лѣтъ войны. Но нѣтъ, такія нелѣпости не будутъ совершены; честный и простой республиканецъ Линкольнъ будетъ избранъ вновь имъ, по всей вѣрности, значительнымъ большинствомъ голосовъ.

Между тѣмъ, война продолжается, какъ будто избирательное движеніе не потрясаетъ народъ и повсюду арміи сѣвера сохраняютъ оборонительное положеніе.

Послѣдніе эпизоды этой борьбы принадлежать къ самымъ блестящимъ. Конечно, въ числѣ великихъ подвиговъ, описываемыхъ въ лѣтописяхъ войны, мало такихъ, которые по героизму своихъ дѣйствующихъ лицъ превосходили бы подвигъ стараго Фаррагута и его моряковъ, проникшихъ въ бухту Мобила. Четырнадцать судовъ федеральнаго флота, сръплевныхъ по парно, проѣзжаютъ подъ фортъ Морганомъ, котораго редуты, построенныя на берегу канала, стрѣляютъ почти въ упоръ; но корабли плататъ выстрѣломъ за выстрѣлъ, сбиваютъ непріятельскія пушки, уничтожаютъ крѣпостныя амбразуры и одружаютъ себя дымомъ, чтобы лишить непріятеля возможности цѣлиться вѣрно. Вдругъ *Тикомизъ*, шедшій впереди, наталкивается на адскую машину и съ страшнымъ трескомъ разлетается въ куски. Тогда адмиралъ Фаррагутъ, велѣвшій привязать себя вмѣстѣ съ лоцманомъ къ марсу большой мачты, отдаетъ флоту приказаніе немедленно остановиться. Не обращая вниманія на совѣты своихъ офицеровъ, онъ самъ заѣзжаетъ впередъ, оставляя *Гартфордъ* за собою, и эскадра снова пускается въ путь.

Каждую минуту ожидали, что адмиральскій корабль взлетитъ на воздухъ, но онъ счастливо избѣгаетъ всѣ адскія машины, разсѣяныя въ каналѣ, и проникаетъ въ большую бухту. Тамъ Фаррагутъ мимоходомъ велитъ взять одно судно непріятельскаго флота, разбиваетъ другое и готовится вступить въ бой съ броненоснымъ кораблемъ *Теннесси*, который подъ своею толстою желѣзною бронею кажется неуязвимымъ. Адмиралу совѣтуютъ послать противъ этого чудовища только *мониторовъ*, покрытыхъ желѣзомъ.—«Нѣтъ, говоритъ онъ, давайте мнѣ деревянные суда и стальные сердца!»—Два деревянныхъ фрегата, одинъ за другимъ, разсѣхавшись на всѣхъ парахъ, ударяютъ своими носами въ бока *Теннесси*. Чудовищный Левиаанъ едва дрогнулъ отъ этихъ ударовъ. Тогда *Гартфордъ* въ свою очередь устремляется на него со всею своею силою, придаваемою ему вѣсомъ въ 3,000 тоннъ. Потомъ, ловко обернувшись къ непріятелю бокомъ, онъ дѣлаетъ по нему залпъ изъ всѣхъ пушекъ своего борта ядрами, имѣющими одиннадцать дюймовъ въ діаметрѣ. *Теннесси* среди этого страшнаго грома остается непоколебимымъ, какъ скала среди волнъ. Но вотъ три, четыре, пять судовъ готовятся налетѣть на эту черную массу со всего размаха. Одно ядро срываетъ съ желѣзнаго парохода трубу, другое ложится въ броню, у самого руля; между тѣмъ пять корабельныхъ носовъ устремляются на бока чудовища съ ужасающею быстротою. Тогда пришлось сдаться, и рабовладельческій адмиралъ Бьюкананъ велѣлъ поднять бѣлый флагъ на чудовищномъ каркасѣ своего судна. На другой день два форта острова Доайнъ были покинуты войсками южной конфедерации, а восемь дней спустя, сдался фортъ Морганъ со всѣмъ своимъ вооруженіемъ изъ ста пушекъ.

Взятіе Атланты составляетъ въ стратегическомъ отношеніи въ исторіи сухопутныхъ войскъ такое же новое явленіе, какъ завоеваніе Мобильской бухты въ исторіи морскихъ сраженій. Дѣйствительно, никогда еще ни одинъ генералъ не отваживался проникнуть въ непріятельскую страну на такое большое разстояніе отъ основной линіи своихъ дѣйствій. Всѣ снаряды и съѣстные припасы, необходимые для арміи Шермана, пришлось напередъ сосредоточить въ Пашвиллѣ и охранять тамъ сильнымъ гарнизономъ. Но отъ этого города до Атланты считается не менѣе 500 километровъ разстоянія по желѣзной дорогѣ, и эта линія, проходящая черезъ значительныя рѣки и черезъ высокіе горные хребты, вездѣ открыта для вторже-

ній неприятеля. Еслибъ она хоть въ одномъ какомънибудь пунктѣ была прервана на болѣе или менѣе продолжительное время, то арміи Шермана не сдобровать бы: сотни тысячъ человѣкъ пришлось бы умереть съ голоду, или предпринять гибельное отступленіе. Поэтому Шерманъ, сложивъ въ Чаттаногѣ огромное количество провизіи и приготовившись выступить въ походъ въ Георгію, выбралъ лучшихъ солдатъ для образованія гарнизоновъ на всѣхъ станціяхъ желѣзной дороги и, если вѣрить частнымъ извѣстіямъ, потребовалъ отъ каждаго изъ нихъ присягу скорѣе умереть, чѣмъ сдаться. Онъ каждаго своего офицера и каждаго солдата подвергалъ личной отвѣтственности за успѣхъ похода, и, оставивъ позади себя этотъ гарнизонъ, растянутый въ длину на нѣсколько сотъ километровъ, смѣло спустился въ равнины Георгіи, преслѣдуя армію рабовладѣльцевъ.

Извѣстно, какъ онъ подвигался впередъ, переходя отъ одного сраженія къ другому. Большею частію онъ оставался побѣдителемъ, а иногда бывалъ отражаемъ; но постоянно онъ заставлялъ Джонстона отступать, угрожая ему и съ фланговъ и съ тыла. Наконецъ, ему удалось перейти черезъ рѣку Чаттагучи, послѣднюю оборонительную линію, остававшуюся еще на сѣверѣ отъ Атланты, и тогда онъ приступилъ къ осадѣ этого города. Онъ сначала уничтожилъ желѣзную дорогу, направлявшуюся на востокъ, то есть въ Аугусту и Чарльстонъ, потомъ отрѣзалъ неприятелю всякое сообщеніе на западѣ и отбивалъ вылазки, дѣлаемыя арміею сепаратистовъ, которая при этомъ претерпѣвала значительный уронъ. Но его силы не были довольно значительны для того, чтобы совершенно обложить городъ, который посредствомъ двухъ другихъ желѣзныхъ дорогъ, направлявшихся одна на юго-востокъ, а другая на юго-западъ, еще сообщался съ Саванною и Монгомери. Чтобы уничтожить эти дороги всею своею арміею, Шерманъ долженъ былъ бы оставить свою собственную линію сообщенія и прекратить обложеніе города съ сѣверной стороны. Поэтому онъ ограничился тѣмъ, что посылалъ на южныя дороги отряды кавалеріи, но эти отряды, слишкомъ малочисленные, большею частію захватывались въ плѣнъ неприятелемъ. Осажденные приободрились и думали, что теперь настала для нихъ благопріятная минута въ свою очередь угрожать сообщеніямъ федеральной арміи. Этого-то и ожидалъ Шерманъ. Едва только сепаратистскій генералъ Вилеръ отправился съ десятью тысячами кавалеристовъ, чтобы попытаться уничтожить желѣзныя дороги Теннесси, Шерманъ, замѣ-

тивъ ослабленіе своего непріятеля, приготовился выступить впередъ. Смѣло покинувъ, подобно древнимъ гальскимъ предводителямъ, линію, по которой онъ получалъ военные снаряды и припасы, онъ нѣсколько тысячъ вагоновъ, загромождавшихъ его лагерь, отправилъ обратно, на мѣсто, находившееся въ разстояніи двадцати километровъ оттуда, на берегахъ рѣки Чаттагучи, и отдалъ приказаніе генералу Слокуму укрѣпиться тамъ надежнымъ образомъ въ веркахъ, которые передъ тѣмъ воздвигнуты были мятежниками. Когда это движеніе сдѣлалось пзвѣстнымъ, то осажденные обрадовались. Они полагали, что Шерманъ, отчаяваясь въ успѣхѣ и опасаясь за свои линіи сообщенія, началъ отступать. Уже рабовладѣльцы стали пѣть пѣсни побѣды и Атланта съ Ричмондомъ обмѣнивались поздравленіями черезъ телеграфъ, какъ вдругъ съ ужасомъ узнали, что Шерманъ въ продолженіе ночи перевелъ свою армію на югъ отъ города и уже отрѣзалъ обѣ линіи, сообщавшія съ Монгомери и Саванною. Тщетно сепаратистскій генералъ Гарди пытался защитить станцію Джонсбору; онъ долженъ былъ оставить свои ретраншаменты, потерявъ нѣсколько тысячъ людей убитыми, ранеными и попавшими въ плѣнъ. Защитникъ Атланты, Гудъ, который еще наканунѣ полагалъ, что вся мѣстность въ его рукахъ, на другой день узналъ, что все потеряно, и что онъ долженъ поспѣшно покинуть эту ограду конфедерации, гдѣ мятежники въ продолженіи трехъ днѣй собрали столько средствъ для обороны. Онъ ушелъ, зарывъ въ землю пушки, которыхъ онъ не могъ взять съ собою, предавъ пламени продовольственные магазины и взорвавъ на воздухъ восемьдесятъ шесть вагоновъ, наполненныхъ гранатами и конгревовыми ракетами. Черезъ этотъ страшный взрывъ, отъ котораго вздрогнула земля, генералъ Шерманъ, находившійся въ Джонсбору, на разстояніи десяти километровъ къ югу отъ Атланты, узналъ, что его противникъ отступаетъ. Человѣкъ тридцать, посланныхъ генераломъ Слокумомъ съ береговъ Чаттагучи, вступили въ обезоруженный городъ, съ тѣмъ чтобы вести переговоры съ мѣстными властями о сдачѣ его и водрузить тамъ федеральное знамя.

Такимъ образомъ кончился походъ, предпринятый въ Георгію. Овладевъ Атлантою, Шерманъ, превращаетъ ее теперь въ такое же складочное мѣсто для военныхъ припасовъ, какъ Нашвилль и Чаттаноба, и, безъ сомнѣнія въ третій этапъ на пути къ дальнѣйшимъ завоеваніямъ. Онъ теперь въ состояніи будетъ проникнуть до береговъ Мексиканскаго залива и возвратитъ Уніи штаты Миссиссипи,

Алабаму, Георгію и Флориду. Если онъ отсылаетъ жителей города, то потому, что онъ превращаетъ его въ большую цитадель. Онъ не хочетъ подвергнуть опасности свой будущій походъ, оставляя среди своей арміи враговъ и шпионовъ, и не можетъ ежедневно раздавать десять тысячъ раціоновъ голоднымъ жителямъ города, лишившагося торговли. Таковы жестокіе и печальные законы войны. Пусть отвѣтственность за ужасы ея падаетъ на голову рабовладѣльцевъ, возмущившихся противъ своего отечества!

Въ Виргиніи не было никакого рѣшительнаго сраженія; но событія тамъ, въ общей сложности, представляются весьма утѣшительными. Генераль Шериданъ, которому поручено исправить ошибки Зигеля и Гентера, началъ дѣйствовать самымъ удовлетворительнымъ образомъ. Послѣ кроваваго сраженія, продолжавшагося цѣлый день, онъ прогналъ армію генерала Эрли изъ долины Опекуана и овладѣлъ Винчестеромъ. Потомъ во второмъ сраженіи онъ на голову разбилъ непріятеля и теперь преслѣдуетъ его въ Иткунтонъ и Линчбургъ. Если ему удастся овладѣть этими важными позиціями, тогда можно сказать, Ричмондъ будетъ обложенъ и съ западной стороны, такъ же, какъ онъ уже теперь обложенъ съ сѣверной, восточной и южной. Теперь паденіе этого города зависить только отъ времени.

Ясно, что Грентъ не имѣетъ надобности сторониться и жертвовать нѣсколькими тысячами людей для того, чтобы овладѣть Питерсбургомъ и фортами Дарлингомъ. Каждый истекающій день для него новый союзникъ. Каждый день непріятель теряетъ дезертерами, больными, убитыми и ранеными, среднимъ числомъ по крайней мѣрѣ до 500 человекъ. Каждый день Грентъ получаетъ новыхъ рекрутовъ, такъ какъ конскрипція уже производится серьезнымъ образомъ и триста тысячъ человекъ, которыхъ потребовалъ президентъ, вскорѣ будутъ находиться подъ знаменами. Такъ какъ Грентъ теперь увѣренъ, что его армія увеличится, то было бы непрослительно, если бъ онъ изъ тщеславія, вздумалъ рисковать своими солдатами по пустому. Прежде, чѣмъ дѣйствовать, онъ хочетъ быть увѣреннымъ въ успѣхѣ.

Между тѣмъ, какъ конскрипція снова наполняетъ кадры арміи, общественное довѣріе наполняетъ казну. Займы господина Фессендена большею частію покрыты; предложенія, сдѣланныя нѣмцами и голландскими капиталистами, поощряютъ американцевъ принимать американскіе бумажныя деньги; а Шерманъ, Шериданъ и Грентъ, съ своей стороны, только другимъ образомъ, содѣйствуютъ къ возвыше-

нью кредита Униі. Лажъ на золото, который въ минуту паники возвысился до 190 процентовъ, теперь понизился до 110 и будетъ понижаться еще болѣе. Благодаря увеличивающемуся сбору податей и таможенныхъ пошлинъ, который въ первый годъ войны равнялся всего 276 милліонамъ франковъ, а въ текущемъ фискальномъ году 4800 милліонамъ, благодаря этому увеличивающемуся сбору, правительство Соединенныхъ Штатовъ, вѣроятно, не будетъ имѣть надобности выпускать новые кредитные билеты и такимъ образомъ ко вреду своего кредита увеличивать обращеніе бумажныхъ денегъ.

Такимъ образомъ счастье улыбается американской республикѣ въ то время, когда народъ собирается избрать человѣка, который въ продолженіе четырехъ лѣтъ долженъ будетъ управлять его общественными дѣлами. Въ первый разъ, съ существованія человѣчества, міру представится нація, которая, не смотря на то, что занята страшною войною, свободно разсматриваетъ и рѣшаетъ свою судьбу. Для того чтобъ быть готовою жертвовать своими сыновьями и своимъ имуществомъ, нація эта не имѣетъ надобности отказываться отъ своихъ учреждений; напротивъ, она тѣмъ болѣе сильна и тѣмъ болѣе могущественна, что состоитъ изъ гражданъ, изъ которыхъ каждый пользуется своею полною долею участія въ національномъ господствѣ. Какой великій примѣръ поданъ будетъ міру въ тотъ день, когда этотъ народъ выйдетъ изъ своего страшнаго испытанія болѣе славнымъ, болѣе справедливымъ и болѣе гуманнымъ, не теряя въ то же время ни одного изъ своихъ преимуществъ! И послѣ того находятся еще люди, которые осмѣливаются говорить, что свобода—пустое слово.

Господинъ Руланъ былъ генеральнымъ прокуроромъ, нѣсколько забытымъ въ Версали, какъ вдругъ, въ одинъ прекрасный день, телеграфическая депеша объявила его министромъ народнаго просвѣщенія. Кого это извѣстіе изумило болѣе: его-ли самого, этого почтеннаго господина, или публику?—Вопросъ этотъ трудно рѣшить. Какъ бы то ни было, г. Руланъ былъ такимъ же заправскимъ министромъ народнаго просвѣщенія, какъ и всѣ другіе; онъ даже, во всякомъ случаѣ, былъ лучше своего предшественника, черезъ-чуръ остроумнаго Фортуля, этого республиканца-рenegата, нажившаго сто тысячъ франковъ дохода приведемъ въ упадокъ университета и народнаго образованія, какъ первоначальнаго, такъ и второстепеннаго, и который

предалъ Францію въ руки монаховъ-игнорантиновъ и въ теченіе пяти лѣтъ надѣлалъ болѣе вреда, чѣмъ сколько можно исправить въ продолженіе пятнадцати. Господину Рулану поручено было обнаруживать твердость, благосклонную въ отношеніи къ клерикаламъ и твердость строгую въ отношеніи къ либераламъ, которые захотѣли черезчуръ скорого прогресса. Это былъ министръ вполнѣ приличный по своимъ величественнымъ манерамъ и позамъ. Онъ выказалъ себя достойнымъ той высокой должности, которую ему назначили, и не смотря на свои пять футовъ и три дюйма вышины, онъ умѣлъ придавать себѣ благородную осанку. Имъ такъ были довольны при дворѣ, что ему поручили министерство духовныхъ дѣлъ. Нѣсколько разъ ему довѣрили временное управленіе министерствомъ юстиціи, и мы не можемъ положительно сказать, не исправлялъ-ли онъ иногда, за отсутствіемъ другихъ, должности министровъ военнаго, морскаго и колоній; во всякомъ случаѣ, онъ на разу не завѣдывалъ министерствомъ финансовъ. Императорскимъ декретомъ онъ объявленъ былъ министромъ-ораторомъ и въ этомъ качествѣ витійствовалъ въ сенатѣ. Однакожь, одна остроумная дама въ Парижѣ, госпожа Корню, нашла человѣка, имѣющаго еще болѣе благородную осанку и еще болѣе твердаго, но который, говорятъ, отличается республиканскими убѣжденіями: это эскъ-секретарь Мишле, великій историкъ, написавшій для учебныхъ заведеній нѣсколько историческихъ руководствъ, не лишенныхъ достоинства. Господинъ Дюрюмъ путешествовалъ въ Овернѣ, когда въ одно изъ номерѣ «Монитера» онъ прочелъ о своемъ назначеніи въ министры народнаго образованія и въ начальники университета Франціи. Тѣмъ же самымъ декретомъ, г. Руланъ, человѣкъ, имѣющій пять футовъ и три дюйма вышины, переведенъ былъ въ государственный совѣтъ; это, быть можетъ, была не милость, а всячески — повышение. Онъ расположился въ своей новой должности, какъ можно болѣе комфортабельно, какъ вдругъ «Монитеръ» объявляетъ о новомъ перемѣщеніи, о новомъ *chassez-croisez*: г. Вюитри, директоръ французскаго банка, назначается министромъ-президентомъ государственнаго совѣта, а г. Руланъ, министр-президентъ государственнаго совѣта, съ своей стороны, назначается директоромъ французскаго банка. Такимъ образомъ, съ этихъ поръ, великіе парижскіе капиталисты, господа: Ротшильдъ, Перейра, Готтингеръ и *tutti quanti*, должны будутъ обращаться по своимъ дѣламъ къ бывшему адвокату, и этотъ бывший адвокатъ, этотъ эскъ-прокуроръ и эскъ-

министръ духовныхъ дѣлъ будетъ рѣшать цѣну дисконта и держать въ рукахъ дѣла лавочниковъ и торговцевъ.

— Значитъ, г. Руланъ — человекъ всесторонній, отличающійся всеми возможными способностями?

— О нѣтъ, онъ вовсе не всесторонній человекъ, но за то онъ лишенъ всякой положительной спеціальности, а это для него гораздо выгоднѣе; притомъ онъ, какъ вы знаете, имѣетъ весьма приличную осанку! Вездѣ онъ на своемъ мѣстѣ: идетъ-ли онъ пѣшкомъ, ѣдетъ-ли въ каретѣ, или верхомъ на лошади. Къ нему все идетъ: и шапка прокурора, и мантия адвоката, и университетская палма, и фракъ министра золотыхъ монетъ, и треколка сборщика податей.

Городъ Фуа былъ зрителемъ казни Жака Латура, котораго процессъ мы описывали въ нашемъ предыдущемъ листкѣ. Жакъ Латуръ — тотъ самый злодѣй, который обвиненъ былъ въ убійствѣ четырехъ лицъ. Противъ него были поразительныя нравственныя улики, но не было ни одного матеріальнаго доказательства его виновности. — Надо замѣтить, что этотъ мошенникъ до послѣдней минуты своей сохранялъ превосходство надъ своими судьями, надъ директоромъ темницы, надъ канеляномъ, и вообще надъ всеми окружавшимъ его оффиціальнымъ міромъ.

Кути де-ла Помере, извѣстный отравитель, который умеръ совершеннымъ джентльменомъ, также въ виду смерти сохранилъ полное свое хладнокровіе.

Дѣло это болѣе серьезно, чѣмъ представляется съ перваго взгляда. Что, впрочемъ, на него такъ и смотреть, доказательствомъ тому служить, что всѣ религіозные журналы и даже большая часть политическихъ объявляя себя возмущенными цинизмомъ, который обнаруженъ былъ Латуромъ.

Теперь доказано, что люди, подобные Латуру и Кути де-ла Помере не боятся смерти. Смертная казнь, повидимому, полезна еще только для злодѣевъ средней руки, а предъ цинизмомъ этихъ негодяевъ смерть, по выраженію Виктора Гюго, «опускаетъ свои дѣвственныя очи». — Эти несчастные до того чужды всякаго нравственнаго чувства, что казнь на нихъ не можетъ производить никакого дѣйствія. Развѣ людей, лишенныхъ ума, казнятъ?

Повтому послѣ смерти Жака Латура удвоились протестаціи противъ смертной казни. Люди серьезные, простирающіе такъ да-

леко свою критику существующихъ социальныхъ учреждений, потребовали, чтобы казнь гильотиною производилась при отсутствіи зрителей, какъ въ Соединенныхъ Штатахъ. Это предложеніе достойно быть принято во вниманіе. — Потребовали также, чтобы обязательными свидѣтелями казни были жюри и судьи, произносившіе приговоръ.

Наказаніе палками, отиѣненное закономъ въ отношеніи къ злодѣямъ, теперь восстановлено въ Пруссіи, какъ дисциплинарная мѣра въ темницахъ. Оно было признано слишкомъ унижительнымъ для уголовныхъ преступниковъ, а теперь, повидимому, оказывается весьма приличнымъ для людей, виновныхъ въ менѣе значительныхъ преступленіяхъ. Такого рода постановленіе прибито было въ центральныхъ исправительныхъ домахъ, такъ называемыхъ Hausvogtei, для сохраненія порядка:

«... Въ случаѣ проступковъ... и пр... виновный подвергается:

«... Лишенію горячей пищи на пятнадцать дней... содержанію въ темной комнатѣ—въ комнатѣ, не имѣющей пола... запрещенію работать—покупать прибавочные съѣстные припасы... содержанію у застѣнка въ продолженіе пятнадцати дней—содержанію въ оковахъ.— Женщины беременныя, и тѣ, которыя кормятъ дѣтей грудью, должны влачить большой деревянный чурбанъ... наконецъ, виновные присуждаются къ плети и къ сорока ударамъ палкою».

Какъ матеріалъ для судебной статистики въ Германіи, Volkszeitung von Central-Deutschland сообщаетъ, что въ Саксоніи въ Вальдгеймскомъ исправительномъ домѣ, въ одинъ годъ роздано было 22,000 ударовъ палкою, что составляетъ среднимъ числомъ, со включеніемъ воскресныхъ дней, по 60 ударовъ въ день.

На нѣмецкомъ католическомъ конгрессѣ въ Вюрцбургѣ единогласно рѣшено, что власть святаго отца, папы, есть фактъ и принципъ, которые стоятъ выше науки.

— Очень хорошо.

Жакъ Ласеррь.

ДОМАШНЯЯ ЛѢТОПИСЬ.

Тюрьмы.— Измѣненія, произведенныя въ системѣ тюремнаго заключенія Говардомъ.— Пенитенціарныя тюрьмы въ Англіи, Швейцаріи, Германіи и „Соединенныхъ Штатахъ.— Вліяніе системы одиночнаго заключенія на физическое и нравственное здоровье арестантовъ.— Пенитенціарная тюрьма въ Пестербургѣ для арестантовъ Морскаго вѣдомства.— Разные виды тюремнаго заключенія въ Россіи: арестантскія роты, заключеніе при полиціи, ямы для несостоятельныхъ олжниковъ и остроги.— Почему содержаніе въ острогахъ есть одно изъ тяжкихъ наказаній.— Отношеніе цѣры преступниковъ къ общей цѣрѣ содержащихся въ острогахъ.— „Почетительные Комитеты о тюрьмахъ“.— Заключеніе.

Съ конца XVIII ст., вмѣстѣ съ вопросомъ объ уничтоженіи смертной казни, начинаютъ слышаться голоса о необходимости радикальнаго измѣненія всего уголовного законодательства, и совершеннаго измѣненія въ системѣ тюремнаго заключенія. Въ первый разъ высказывается мысль (Пэнъ, Мобильонъ), что никакая система наказанія не можетъ быть одобрена, если она не имѣетъ въ виду противодѣйствовать непосредственнымъ причинамъ преступленій и укрѣплять противоположныя наклонности.

Дѣятельною и неутомимою пропагандою этой мысли занимался особенно англичанинъ Джонъ Говардъ. Рѣшившись произвести радикальную перемѣну въ системѣ тюремъ, онъ захотѣлъ предварительно ознакомиться вполнѣ съ современнымъ состояніемъ тюремъ и съ этою цѣлью предпринялъ путешествіе по Европѣ, которое справедливо называютъ *«путешествіемъ вокругъ свѣта для открытій, какъ*

можно людямъ дѣлать зла меньше, чѣмъ того хочетъ законъ.» Самое тяжелое впечатлѣніе вынесъ Говардъ изъ этого путешествія: для этого достаточно было ему взглянуть на одну Бастилію, съ ея каменными колпаками (calotte), гдѣ лѣтомъ было невыносимо жарко, а зимой холодно, съ ея мрачными подземными подвалами, которые были устроены или въ формѣ гроба, или въ формѣ воронки. Въ первомъ случаѣ заключенный могъ только переворачиваться съ боку на бокъ; во второмъ вся тяжесть тѣла висѣла на ногахъ, которые не доходили до дна воронки, что заставляло испытывать невыразимыя страданія.

Возвратившись изъ путешествія, Говардъ открылъ глаза на весь ужасъ тогдашняго тюремнаго заключенія, представивъ тюрьмы какъ вертепы разврата и насилій, гдѣ арестанты гибнутъ въ смрадныхъ конурахъ отъ заразы, холода, пытокъ и самыхъ страшныхъ злоупотребленій. Голосъ Говарда обратилъ на себя всеобщее вниманіе и съ этихъ поръ начали вездѣ записаться улучшеніемъ тюремной системы. Въ 1779¹ году англійскій парламентъ назначилъ комиссію для составленія закона, заставляющаго ссылку исправительной тюрьмой. Говардъ былъ членомъ этой комиссіи и тутъ-то въ первый разъ явилось названіе *исправительныхъ домовъ, исправительной системы* (système pénitentiaire). Существенныя черты этой системы заключались въ одиночномъ заключеніи, работѣ и въ умственномъ и нравственномъ воспитаніи преступника.

Пенитенціарная система получила особенное развитіе въ Соединенныхъ Штатахъ, гдѣ она вскорѣ раздѣлилась на двѣ системы: систему *уединеннаго заключенія* и систему *совершенного молчанія*. Первая система состояла въ томъ, что арестанта сажали въ одиночную камеру, лишали его всякаго общества, лишали сначала даже всякой работы; но когда начали слишкомъ часто повторяться случаи самоубійства и сумасшествія, то дозволено было арестантамъ работать въ своей камерѣ, безъ сообщенія съ другими преступниками. Система совершеннаго молчанія состоитъ въ томъ, что уединенное заключеніе сохранено только въ ночное время; работа введена общая, но чтобы и во время работы въ общихъ камерахъ уединить арестантовъ для этого имъ строго приказано сохранять полное молчаніе.

Опыты новаго тюремнаго заключенія, дѣлаемые въ Соединенныхъ Штатахъ, имѣли вліяніе на всю Европу, такъ что всѣ новыя тюрь

мы начали уже строить для одиночнаго заключенія. Изъ всѣхъ этихъ новыхъ тюремъ обращаютъ на себя всеобщее вниманіе и рекомендуются какъ образцовыя: Женевская тюрьма въ Швейцаріи и Бруксальская тюрьма въ герцогствѣ Баденскомъ.

Начало реформы швейцарскихъ тюремъ положено было въ 1820 году Стефаномъ Дюмономъ, другомъ Бентама и Мирабо, съ которымъ онъ вмѣстѣ издавалъ нѣкоторое время въ Парижѣ журналъ. Обманутый въ своихъ политическихъ надеждахъ, онъ возвратился въ Женеву и обратилъ вниманіе своихъ согражданъ на потребность улучшить разныя части управленія, уголовного законодательства, и особенно тюремнаго заключенія. Главныя основанія системы тюремнаго заключенія, предложенной Дюмономъ государственному совѣту въ Женевѣ, заключались въ раздѣленіи преступниковъ, строгомъ надзорѣ за ними и работѣ. Исключительное одиночное заключеніе, по мнѣнію Дюмона, не можетъ быть принято за обыкновенную мѣру наказанія, такъ какъ мѣра эта слишкомъ строга и можетъ быть причиною многихъ золъ. Поэтому, по системѣ Дюмона преступники помѣщаются въ отдѣльныхъ камерахъ только на ночь, а днемъ, собранные въ отдѣльныя группы, они занимаются общею работою. Подъ работою Дюмонъ не разумѣетъ каторжную работу, а работу по *выбору*, которая вознаграждается для преступника участіемъ его въ барышѣ, получаемомъ отъ работы. «Законъ, установивъ заключеніе, говоритъ Дюмонъ въ своемъ проэктѣ, долженъ опредѣлять и степень строгости этого заключенія; связавши волю преступника, онъ долженъ опредѣлить дальнѣйшую его участь, его обязанности и *права*; заключенный не долженъ страдать болѣе, нежели повелѣлъ законъ, *не долженъ зависѣть отъ произвола ни для милостей, ни для строгостей*. Основанія внутренняго порядка должны быть непреложны; иначе все будетъ зависѣть отъ личныхъ видовъ мнѣняющихся администраторовъ.» Въ концѣ своего проэкта Дюмонъ прибавляетъ, что устройство новой тюрьмы должно сопровождаться образованіемъ хорошихъ уголовныхъ законовъ, и только на такихъ условіяхъ можно создать ее прочно, разумно и основательно.

Таковы общія основанія проэкта тюремнаго заключенія, предложеннаго Дюмономъ. Правительство Женевы приняло этотъ проэктъ съ нѣкоторыми измѣненіями, подробнѣе развило нѣкоторыя частности и болѣе обстоятельно изложило правила для внутренняго тюремнаго порядка. Камеры совершенно уединяютъ заключенныхъ на ночь;

въ общихъ мастерскихъ наблюдается полное молчаніе. Каждый арестантъ получаетъ росписную книжку для внесенія въ нее своихъ долговъ и ежедневно зарабатываемыхъ имъ денегъ. Назначая работу, нужно выбирать тѣ ремесла, которыя впоследствии могутъ доставлять хлѣбъ освобожденному. Деньги, зарабатываемыя арестантомъ, распределяются слѣдующимъ образомъ: $\frac{3}{5}$ изъ нихъ идутъ на содержаніе тюрьмы; $\frac{1}{5}$ сохраняется заключенному для выдачи ему при выходѣ изъ тюрьмы, чтобы онъ былъ хоть нѣсколько обезпеченъ на первое время, наконецъ $\frac{1}{5}$ часть предоставляется арестанту на его ежедневныя издержки. Наказанія въ тюрьмѣ: денежный штрафъ, заключеніе въ тюремную камеру на хлѣбъ и на воду и наконецъ цѣпи.

На этихъ главныхъ основаніяхъ построена была въ Женевѣ тюрьма и заключенные были введены въ нее 10 окт. 1825 года. Въ 1833 году тюремный уставъ былъ снова дополненъ;—введена была болѣе строгая система, начали подвергать на цѣлый годъ полному одиночному заключенію, такъ какъ молчаніе во время работъ, требуемое уставомъ, не сохранялась арестантами. Всѣ преступники раздѣлены были на четыре отдѣленія: въ 1-мъ отдѣленіи помѣщаются уголовные преступники и тѣ изъ полицейскихъ преступниковъ, которые вторично попадаютъ въ тюрьму. Они подвергаются полному уединенному заключенію и притомъ первые 15 дней проводятъ совершенно безъ всякой работы; даже тюремныя пристава не говорятъ съ ними, не отвѣчаютъ имъ; во 2-мъ отдѣленіи остаются безъ работы отъ 8 до 10 дней; въ 3-мъ отъ 4 до 8, и наконецъ въ 4-мъ отдѣленіи, гдѣ дисциплина самая умѣренная, преступники остаются безъ всякой работы только 3 дня. Каждое изъ этихъ отдѣленій отличается большею или меньшею строгостію дисциплины и тяжести работъ. Вся тюремная администрація состоитъ изъ директора, четырехъ тюремныхъ приставовъ, двухъ привратниковъ и одного работника для приготовленія пищи. Этихъ лицъ совершенно достаточно, чтобы держать въ порядкѣ до 60 преступниковъ. Преступникъ, нарушившій молчаніе, въ ту же минуту выводится изъ мастерской для заключенія въ свою или темную камеру; въ случаѣ сопротивленія, по знаку, данному колоколомъ, всѣ остальные пристава сбѣгаютъ на помощь. Строгое молчаніе, которое обязаны хранить заключенные находясь вмѣстѣ, раздѣляетъ ихъ и препятствуютъ имъ сговориться для какого-нибудь злаго умысла; но если бы и всѣ заключенные взбунтовались, то довольно четырехъ солдатъ, что-

бы изъ окна центральной галлерей перестрѣлять всѣхъ бунтовщиковъ. Вся тюрьма обнесена двойной стѣной; въ промежуткѣ этихъ стѣнъ держатся собаки и ходятъ патрули. Кромѣ того, между стѣнами укрѣплена проволока, проведенная къ большому колоколу, до которой долженъ неминуемо коснуться всякій, кто рѣшится перелесть черезъ стѣну.

Пищу получаютъ арестанты три раза въ день: къ завтраку миску супа, къ обѣду похлебку изъ зелени или овощей, къ ужину супъ; при каждомъ разѣ картофель и хлѣбъ. Послѣ завтрака, обѣда и ужина дается небольшой отдыхъ, во время котораго арестанты или остаются въ своихъ камерахъ, или прогуливаются по двору, при чемъ ихъ водятъ кругомъ двора въ нѣкоторомъ разстояніи другъ отъ друга. На работу употребляется 14 часовъ въ сутки, при чемъ также, какъ и всегда наблюдается самое строжайшее молчаніе: всякій знакъ, движеніе или взглядъ, показывающіе согласіе между заключенными, считаются нарушеніемъ молчанія и строго взыскиваются. Вообще, малѣйшее отступленіе отъ предписанныхъ правилъ, влечетъ за собою неминуемое наказаніе.

Очевидно, что строгое молчаніе, постоянный надзоръ, работа,— все это вмѣстѣ, до нѣкоторой степени приучаетъ арестанта къ труду и порядку; но кромѣ всего этого необходимъ еще нравственный надзоръ за преступникомъ. Обязанность эту въ Женевѣ, кромѣ священниковъ, принялъ на себя особый комитетъ. Комитетъ этотъ не правительственный, а составляетъ явленіе частной благотворительности. Члены этого комитета постоянно посѣщаютъ заключенныхъ, бесѣдуютъ съ ними, входятъ въ ихъ нужды, доставляютъ имъ работу и кромѣ всего этого учатъ ихъ чтенію и письму. Такимъ образомъ изъ 303 человекъ, поступившихъ въ тюрьму отъ основанія ея до 1837 года, 105 человекъ не умѣли ни читать, ни писать; изъ этого числа не выучились только 21, и то потому, что были ужъ слишкомъ стары; остальные же болѣе или менѣе выучились читать, писать и считать. Этотъ же самый комитетъ наблюдаетъ за арестантами по выходѣ ихъ изъ тюрьмы, снабжаетъ ихъ иногда деньгами, старается доставлять мѣста, помогаетъ въ нуждѣ и проч.

Въ такомъ общемъ видѣ представляется Женевская тюрьма. Другая тюрьма, на которую также постоянно указываютъ, какъ на образцовую, это Бруксальская тюрьма, въ герцогствѣ Баденскомъ. Бруксальская тюрьма построена въ 1848 году: въ нее перевели аре-

стантовъ, которые прежде были заключены въ Zuchthaus, подвергли всѣхъ строгому одиночному заключенію. при чемъ два мѣсяца одиночнаго заключенія равнялись тремъ мѣсяцамъ заключенія въ обыкновенныхъ тюрьмахъ. Одиночное заключеніе не можетъ продолжаться долѣе шести лѣтъ, вмѣстѣ съ тѣмъ не могутъ подвергаться ему семидесятилѣтніе старцы. Кромѣ того тюремный наблюдательный комитетъ освобождаетъ отъ одиночнаго заключенія всѣхъ тѣхъ, для которыхъ оно опасно вслѣдствіе болѣзни, какъ напримѣръ падучая болѣзнь, склонность къ помѣшательству и т. п. Вмѣстѣ съ тѣмъ комитетъ по собственному усмотрѣнію въ правѣ ходатайствовать предъ министромъ юстиціи о подобной льготѣ и для другихъ арестантовъ, но не прежде того, какъ они просидятъ одиночно 18 мѣсяцевъ. Впрочемъ тюремный комитетъ можетъ просить только о томъ, чтобы арестанты работали въ общихъ залахъ, или не отдѣлялись въ школахъ. Во все же остальное время арестанты остаются непремѣнно въ своихъ отдѣльныхъ камерахъ.

Отдѣльныя камеры въ Бруксальской тюрьмѣ довольно удобны: стѣны выкрашены свѣтлою краскою, что даетъ камерѣ менѣе мрачный видъ; въ дверяхъ устроено окно, въ которое корридорный сторожъ можетъ постоянно наблюдать за арестантомъ. Прямо противъ дверей, въ камерѣ находится окно, которое устроено такъ высоко, что арестантъ не можетъ смотрѣть въ него; подъ окномъ стоитъ ремесленный станокъ. Постель для кровати состоитъ изъ тюфяка, подушки, двухъ простынь и шерстяного одѣяла. Противъ кровати, на стѣнѣ, находится вѣшалка, стѣнной календарь, списокъ данныхъ арестанту ремесленныхъ снарядовъ и правила тюремнаго порядка. Въ камерѣ кромѣ того находится столъ, табуретъ, шкафъ съ книгами и канцелярскими принадлежностями, посуда для ѣды, хлѣбъ, соль, ножикъ, ложка и т. п. Нагрѣваются камеры посредствомъ отдушниковъ, въ которые проходитъ нагрѣтый воздухъ и слѣдовательно каждая камера можетъ по желанію быть нагрѣта больше или меньше. Сухость воздуха устраняется тѣмъ, что каждый день въ теченіи двухъ часовъ, въ камерѣ бываетъ открыто окно. Все зданіе тюрьмы освѣщается газомъ и въ каждую комнату проведенъ отдѣльный рожокъ. Утромъ въ 7 часовъ каждый арестантъ получаетъ обыкновенный супъ; въ обѣду, въ полдень, супъ говяжій и овощи, а черезъ день четыре лота говядины. Вечеромъ въ 8 часовъ опять раздается обыкновенный супъ и кромѣ того ежедневно полтора фунта хлѣба.

Работаютъ арестанты 10 часовъ въ день. Что касается, вообще, до работъ въ одиночныхъ тюрьмахъ, то замѣтимъ при этомъ, что въ этихъ случаяхъ руководствуются обыкновенно слѣдующими основаніями. Одни имѣютъ въ виду только финансовую сторону вопроса, всячески стараясь, чтобы содержаніе арестантовъ обходилось какъ можно дешевле государству; потому они отдають преимущество работъ въ общихъ камерахъ, такъ какъ дѣйствительно такія работы производительнѣе, чѣмъ одиночныя. На этомъ основаніи иногда отдають всѣ арестанскія работы на откупъ какому нибудь аферисту, какъ это напримѣръ дѣлается во Франціи, гдѣ въ каждомъ департаментѣ работы во всѣхъ тюрьмахъ отданы въ пользованіе одному, такъ называемому *entrepreneur général des prisons*, который за это обязывается одѣвать арестантовъ, кормить ихъ, отоплять зданіе тюрьмы и проч. Очевидно, что отъ такой системы, хотя въ финансовомъ отношеніи и выигрываетъ правительство, за то отъ нея много терпятъ арестанты. Отъ этого же неправильнаго взгляда на работу арестантовъ происходитъ то, что арестантовъ заставляютъ заниматься производствомъ предметовъ роскоши, которое хотя въ извѣстное время приноситъ значительныя выгоды, но которымъ сбытъ зависяетъ отъ различныхъ случайныхъ причинъ и производство которыхъ не можетъ обезпечить арестанта, когда онъ, по выходѣ изъ тюрьмы, поселится на своей родинѣ, въ какомъ нибудь глухомъ мѣстечкѣ. Къ такимъ производствамъ между прочимъ относятся тонкія рѣзные надѣлія изъ дерева, которыя заставляютъ изготовлять арестантовъ въ берлинской тюрьмѣ. Гораздо ближе къ цѣли занимать арестантовъ въ тюрьмахъ такими работами, которыя дали бы имъ возможность, по возвращеніи на свободу, жить честнымъ трудомъ.

Работы въ Бруксальской тюрьмѣ очень просты и притомъ такого свойства, что ими можетъ съ выгодною заниматься арестантъ по выходѣ изъ тюрьмы. Тамъ работаютъ портные, ткачи, столяры, сапожники, писаря, изготовляются бочки, плетутся корзины и т. п. Прибыль отъ работы идетъ въ пользу казны; но за исполненіе каждой опредѣленной на день работы арестантъ получаетъ по крэйцеру, а за изготовленіе вещи кромѣ того особую плату по тарифу. Половиною заработанной такимъ образомъ суммы, арестантъ можетъ пользоваться тотчасъ же въ свою пользу; другая половина отдается ему только при оставленіи тюрьмы. Кто нарочито испортитъ вещь, не захочетъ приготовить ее или нарушитъ правило тюремной дисципли-

ны, тотъ подвергается различному наказанію. Къ такимъ наказаніямъ относится: выговоръ, лишеніе или ограниченіе нѣкоторыхъ данныхъ наградъ и отличій, темный арестъ, лишеніе пищи и постели, наложеніе цѣпей и наконецъ особенное наказаніе *Strafstuhl*, состоящее въ томъ, что человѣка ремнями привязываютъ къ деревянному креслу такъ, что онъ не можетъ сдѣлать ни малѣйшаго движенія и совершенно беззащитенъ отъ нападена разнаго рода насѣкомыхъ.

Въ Бруксальской тюрьмѣ находятся двѣ школы: одна въ 36, а другая въ 39 мѣстъ. Мѣста эти, отдѣленные одно отъ другаго высокими перегородками, тянутся рядами, при чемъ предыдущій возвышается надъ послѣдующимъ такъ, что не видя другъ друга, всѣ арестанты видятъ учителя, а учитель видитъ учениковъ. Предметами обученія служатъ: чтеніе, арифметика, основныя понятія естественныхъ наукъ, исторія и медицины, рисованье и церковное пѣнье. Оказавшіеся способными могутъ быть обучаемы и далѣе въ своихъ отдѣльныхъ камерахъ, и вообще, такъ какъ обученіе въ школахъ всѣхъ вмѣстѣ довольно затруднительно, то учителямъ предписывается дополнять это обученье, посѣщая ежедневно не менѣе 50 арестантовъ. Кромѣ того, по воскресеньямъ арестанты приготавливаютъ письменныя задачи. По словамъ Миттермайера это обученіе въ школахъ Бруксальской тюрьмы сопровождается весьма утѣшительными результатами и что вообще система заключенія и правила, принятая въ Бруксальской тюрьмѣ, отличаются особенною цѣлесообразностію. Такимъ образомъ на примѣръ изъ числа 185 арестантовъ, которые были выпущены изъ Бруксальской тюрьмы отъ 1856 по 1860 годъ, вновь совершили преступленія только 28 человѣкъ, хотя въ числѣ этихъ 185 было 92 вора, которыхъ исправить всего труднѣе.

Вотъ главныя основанія наиболѣе рекомендуемой всѣми Бруксальской тюрьмы.

Но особенно любопытно то состояніе, въ какомъ находятся въ настоящее время вопросъ о лучшемъ способѣ тюремнаго заключенія, въ Англии. Со времени Говарда, въ Англии была введена пенитенціарная система заключенія и въ настоящее время въ англійскихъ тюрьмахъ устроено 11,000 камеръ для одиночнаго заключенія. Но дѣло въ томъ, что въ этомъ случаѣ англичане не пробавляются, подобно пѣмцамъ, однажды на всегда состряпаннымъ рецептомъ, однажды па всегда сочиненными правилами. Правила эти постоянно развиваются и замѣняются новыми при увеличеніи запаса самыхъ тща-

тельных исследований и наблюдений. Журнальные отзывы и статьи, наиболее компетентных лиц, показывают, что общественное мнѣніе въ Англіи не высказывается рѣшительно въ пользу системы одиночнаго заключенія. «Англичане, какъ говоритъ Миттермайеръ, не склонны къ особенной сентиментальности, слѣдовательно возраженія, что одиночное заключеніе налагаетъ на арестанта слишкомъ много лишеній, что оно оскорбляетъ его социальныя чувства, не встрѣчаютъ у нихъ особеннаго сочувствія; всѣ убѣждены, что гражданское общество имѣетъ свои права, что преступникъ, нарушившій законы государства, долженъ терпѣть зло, что заключеніе въ тюрьмѣ должно быть дѣйствительнымъ наказаніемъ. Но англичане не терпятъ напраснаго, непущаго страданія, причиняемаго заключенному и, въ силу своего практическаго взгляда, они встаютъ противъ такихъ распоряженій, отъ которыхъ арестанты такъ немощають въ физическомъ и умственномъ отношеніи, что бывають не въ состояніи, по оставленіи тюрьмы, добывать себѣ хлѣбъ честнымъ трудомъ. Поэтому когда доходило до свѣденія публики сообщаемыя въ журналахъ и газетахъ извѣстія о случаяхъ помѣшательства въ тюрьмахъ, устроенныхъ по системѣ одиночнаго заключенія, общій голосъ вставалъ противъ этой системы, служащей причиною умственнаго разстройства и требовалъ новыхъ, болѣе тщательныхъ изслѣдованій и болѣе разумныхъ мѣръ».

Понятно, что въ Англіи, гдѣ общественное мнѣніе пользуется такимъ могуществомъ и имѣетъ вліяніе на правительство, вопросъ объ одиночномъ заключеніи не могъ постоянно оставаться въ одномъ и томъ же видѣ. Въ 1849 г. составилось особое собраніе частныхъ лицъ, принимавшихъ участіе въ тюремныхъ улучшеніяхъ, съ цѣлію обсужденія достоинства разныхъ тюремныхъ системъ. Вопросъ этотъ былъ разсматриваемъ въ пяти засѣданіяхъ, въ которыхъ участвовало болѣе 700 человекъ. По отобраніи голосовъ собраніе обратилось къ парламенту съ прошеніемъ, въ которомъ утверждало, что никакая система тюремнаго заключенія не можетъ считаться удовлетворительною, если она не исправляетъ преступника, что существующая въ Англіи система заключенія не достигаетъ этого результата, именно: число обвиненій въ повторенныхъ преступленіяхъ въ теченіи 40 лѣтъ увеличилось въ Англіи на 400%, между тѣмъ какъ народонаселеніе съ того времени увеличилось на 65%. Поэтому собраніе просило парламентъ назначить особую комиссію для

тщательнаго послѣдованія порядка и дисциплины въ разныхъ англійскихъ тюрьмахъ, а также и мѣръ къ улучшенію ихъ. Парламентъ назначилъ такую комиссію изъ 50 человекъ съ правомъ приглашать и требовать отзывы отъ разныхъ лицъ. Комиссія воспользовалась своимъ правомъ, пригласила болѣе 60 человекъ не только официальныхъ лицъ, инспекторовъ тюремъ, врачей и проч., но и многихъ частныхъ лицъ, принимавшихъ живое участіе въ вопросѣ о тюрьмахъ. Вотъ эти-то отзывы, наиболѣе свѣдущихъ лицъ представляютъ, самый лучший матеріалъ для опредѣленія достоинствъ и недостатковъ одиночнаго заключенія. Всѣхъ вопросовъ, которые рѣшала комиссія было 9470, и эти рѣшенія занимаютъ собою 697 печатныхъ листовъ in folio.

Первый вопросъ, на который было обращено вниманіе комиссіи, это — вопросъ о работѣ. Изъ отчетовъ видно, что въ тѣхъ тюрьмахъ, въ которыхъ примѣняется система одиночнаго заключенія преступниковъ, не производится работъ столько, какъ въ тѣхъ тюрьмахъ, гдѣ соблюдается система соединеннаго заключенія. Оттого во Франціи и Бельгіи, гдѣ, по преимуществу, существуетъ система соединеннаго заключенія, работами арестантовъ покрываются почти всѣ расходы на содержаніе тюремъ; между тѣмъ какъ въ Англии, при одиночномъ заключеніи, ежегодные расходы на содержаніе преступниковъ составляютъ около 400,000 фун. стерлинговъ, между тѣмъ какъ прибыль отъ работы въ заведеніяхъ тюремъ составляетъ только 20,000. Дѣло въ томъ, что во многихъ англійскихъ тюрьмахъ, принуждаютъ арестантовъ къ непроизводительной работѣ единственно съ тою цѣлю, чтобы дать имъ сильнѣе почувствовать всю тяжесть тюремнаго заключенія. Такъ въ Ридингской тюрьмѣ устроена особая машина въ видѣ насоса, которая безъ всякой цѣли приводится въ движеніе арестантами. Эта непроизводительная работа особенно вредна, потому что возбуждаетъ въ арестантахъ чувство унынія и ненависти къ тюремнымъ чиновникамъ и такимъ образомъ препятствуетъ исправленію. Въ числѣ причинъ, почему въ одиночныхъ камерахъ производится незначительное число работъ, находится между прочимъ и то обстоятельство, что въ одиночной камерѣ работа по необходимости должна быть однообразна: тамъ могутъ работать только сапожники, портные, ткачи и т. д. Работа эта не только не прибыльна, но кромя того вредитъ еще интересамъ другихъ рабочихъ классовъ общества, которые не могутъ конкурировать съ нею по ея

крайней дешевизнѣ. Въ этомъ отношеніи замѣчательна система марокъ, которую ввелъ въ Бирмингамѣ, пользующійся общимъ уваженіемъ, начальникъ тюрьмы Маконоки. Онъ утверждаетъ, что въ обыкновенныхъ приговорахъ, осуждающихъ преступниковъ къ наказанію на опредѣленное время, заключается произволъ и несправедливость, между тѣмъ какъ внутреннее значеніе преступленія должно выражаться не известнымъ срокомъ, а работою и что поэтому самый приговоръ долженъ быть приговоромъ къ работѣ, т. е. долженъ состоять въ назначеніи известнаго количества работъ, такъ что преступникъ не прежде получаетъ свободу, какъ по совершеніи этихъ работъ. За каждый урокъ работы арестантъ получаетъ одну марку, какъ цѣну его работы. Изъ этихъ марокъ вычитается то, что стоитъ его содержаніе и тѣ марки, которыя у него отнимаются въ наказаніе за дурное поведеніе; остающіяся за тѣмъ марки зачисляются ему въ долгъ за сдѣланныя работы. Арестантъ не прежде выпускается изъ одиночной камеры, какъ по приобрѣтеніи имъ ста такихъ марокъ; за чѣмъ уже онъ работаетъ въ обществѣ другихъ. Содержаніе арестантовъ также сообразуется съ числомъ заработанныхъ ими марокъ: чѣмъ кто больше ихъ приобрѣлъ, тѣмъ онъ бываетъ лучше. Очевидно, что эти общія положенія системы Маконоки, въ примѣненіи ихъ къ частнымъ случаямъ, оставляютъ обширное поле для произвола отдѣльныхъ личностей, отъ которыхъ зависитъ такой или иной характеръ этихъ примѣненій. Слѣдовательно для успѣха этой системы необходимо, чтобы въ отдѣльныхъ личностяхъ значительно было развито сознательное чувство гражданского долга, помимо пунктуальнаго исполненія опредѣленно формулированныхъ положеній, и чтобы кромѣ того всѣ дѣйствія этихъ отдѣльныхъ личностей подвергались строгому контролю общественнаго мнѣнія. Вотъ почему подобныя системы по словамъ Миттермайера, «могутъ имѣть успѣхъ только въ Англіи, гдѣ не существуетъ централизаціи и французскаго ученія о государственномъ единствѣ и гдѣ по этому рѣдко не удается исполненіе общихъ мѣръ отъ сильнаго вліянія тѣхъ лицъ, отъ которыхъ зависитъ примѣненіе этихъ общихъ правилъ къ отдѣльнымъ случаямъ».

Самый существенный вопросъ, на которой обращали преимущественно вниманіе спеціалисты, разсматривавшіе въ комиссіи систему одиночнаго заключенія, это вопросъ о томъ: въ какой мѣрѣ одиночное заключеніе обнаруживаетъ вліяніе на состояніе здоровья арестанта?

По общимъ единодушнымъ отзывамъ компетентныхъ лицъ одиночное заключеніе убійственно дѣйствуетъ на здоровье арестантовъ. Перри, инспекторъ тюремный и врачъ, говоритъ, что одиночное заключеніе благопріятствуетъ развитію многихъ болѣзней въ особенности у тѣхъ арестантовъ, которые имѣютъ наклонность къ легочнымъ болѣзнямъ. По свидѣтельству О'Бріена тѣ изъ арестантовъ, которые занимались земледѣіемъ и имѣли много движенія на чистомъ воздухѣ терпятъ болѣе другихъ отъ одиночнаго заключенія въ камерѣ, гдѣ они бывають постоянно окружены одною атмосферою и не имѣютъ достаточнаго движенія. Брайлей, врачъ въ Пентонвиллѣ, замѣчаетъ, что къ концу 12-го мѣсяца арестантъ дѣлается блѣднымъ, что часто въ это время развиваются легочныя болѣзни и что число страдающихъ этими болѣзнями, начиная съ 12 по 18 мѣсяцъ, вдвое больше, чѣмъ въ первые мѣсяцы. Баля, врачъ въ Мильбанкской тюрьмѣ, говоритъ, что одиночное заключеніе производитъ болѣе болѣзней, нежели система соединенія, что оно дѣйствуетъ тягостно на душу и вмѣстѣ съ тѣмъ расстроиваетъ тѣло. Онъ говоритъ, что часто арестанты, во время одиночнаго заключенія страдавшіе болѣзнями, совершенно выздоравливали, когда вступали въ общество съ другими. Клей въ 1845 году велѣлъ свѣсить 800 арестантовъ при поступленіи ихъ въ тюрьму и потомъ по оставленіи ея, и нашелъ что вѣсъ большей части преступниковъ убавился очень значительно.

Главная причина вреднаго вліянія одиночнаго заключенія на здоровье арестантовъ заключается въ томъ, что арестантъ въ небольшой, узкой камерѣ постоянно долженъ дышать однимъ и тѣмъ же воздухомъ. Этотъ, особеннаго свойства, воздухъ въ камерѣ, образующійся отъ живущаго въ ней человѣка, его одежды и рабочихъ продуктовъ (напр. запахъ кожи въ камерахъ сапожниковъ) вліяетъ самымъ вреднымъ образомъ на состояніе здоровья арестантовъ. Пробовали устранить это существенное зло провѣтриваніемъ камеръ, но опыты эти были далеко не удачны. Гаккетъ, начальникъ Ридингской тюрьмы, говоритъ, что хотѣли улучшить воздухъ, открывая въ камерахъ окна; но при этомъ оказалось, что при смѣшеніи входящаго снаружи атмосфернаго воздуха съ выходящимъ изъ отверстій, устроенныхъ для проведенія тепла, происходитъ самая вредная атмосфера. Много также вредитъ здоровью арестантовъ недостатокъ движенія. Въ Пентонвиллѣ каждый преступникъ, въ теченіи часа, ежедневно прогуливается на устроенномъ для него отдѣльно отъ другихъ дворѣ;

но О'Бріенъ и другіе врачи замѣчаютъ, что движенія на открытомъ воздухѣ въ теченіи одного часа и притомъ на крошечномъ дворикѣ слишкомъ недостаточно. Чтобы облегчить это зло, въ Престонѣ устроены гимнастическія упражненія во время прогулокъ арестантовъ на открытомъ воздухѣ, но тамошній врачъ Бранней говоритъ, что введенныя тамъ для арестантовъ движенія слишкомъ монотонны и не возбуждаютъ дѣятельности организма. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ причинъ цифра смертности въ англійскихъ тюрьмахъ, устроенныхъ по системѣ одиночнаго заключенія, доходитъ до громадныхъ размѣровъ. Всѣхъ смертныхъ случаевъ отъ 1841—1848 годъ было:

Въ 1841 году	231
— 1842 —	214
— 1843 —	227
— 1844 —	140
— 1845 —	143
— 1846 —	107
— 1847 —	201
— 1848 —	267

Слѣдовательно среднимъ числомъ 191 въ годъ.

Но особенно вредное вліяніе имѣетъ одиночное заключеніе на душевное состояніе арестантовъ. Большинство компетентныхъ лицъ увѣряютъ, что одиночное заключеніе служитъ главною причиною умственнаго разстройства арестантовъ и производитъ множество психическихъ болѣзней. Мессонъ говоритъ, что если во время одиночнаго заключенія арестантъ не занятъ никакою работою, то время для него идетъ медленнѣе, наказаніе дѣлается жесточе, душевныя болѣзни увеличиваются; если же даютъ арестанту только книги, то онъ глупѣетъ, если не одаренъ крѣпкими нервами. Лауренсъ, врачъ въ Пентонвиллѣ, говоритъ, что одиночное заключеніе имѣетъ особенное свойство производить душевныя болѣзни, что первые слѣды этой болѣзни открыть очень трудно, и если даже не происходитъ видимаго помѣшательства, то все-таки умственныя силы арестантовъ находятся въ разслабленномъ положеніи. По его словамъ, душевное страданіе арестантскъ обнаруживается особенно во второмъ періодѣ времени: послѣ первыхъ шести недѣль, до истеченія двухъ мѣсяцовъ и около конца 12 мѣсяца. Бернтъ говоритъ, что система одиноч-

наго заключенія имѣть значительное вліяніе на умственное разстройство арестантовъ, и что, по его мнѣнію, кромѣ случаевъ съумасшества мерещенья (delusion) система одиночнаго заключенія имѣть вліяніе на покушенія къ самоубійству, которыя очень часто происходятъ въ первое время заключенія. Всѣхъ случаевъ съумасшества въ англійскихъ тюрьмахъ было.

Въ 1841 году.	79
— 1842 —	76
— 1843 —	64
— 1844 —	96
— 1845 —	99
— 1846 —	92
— 1847 —	96
— 1848 —	89

Слѣдовательно, среднимъ числомъ въ годъ 86 случаевъ съумасшества. Цифра громадная и уже одна эта цифра самымъ краснорѣчивымъ образомъ говоритъ противъ пенитенціарной системы, по крайней мѣрѣ въ такомъ видѣ, въ какомъ она существуетъ теперь. Къ этому убѣжденію пришла и большая часть членовъ комиссіи. Статистическія цифры показываютъ, что одиночное заключеніе не достигаетъ своей главной цѣли—исправленія преступниковъ. Число приговоренныхъ къ тюремному заключенію въ 1857 году доходило до 42,169 человекъ. Въ этомъ числѣ попадали въ тюрьму

во второй разъ:	18,374 человекъ.
Въ третій разъ.	8,128
Въ 5-й, 6-й и 7-й разъ,	2,276

Замѣчательно, что женщины особенно часто подвергаются вторичному заключенію,—въ 1857 году женщинъ, приговоренныхъ къ вторичному заключенію приходилось 32 на 100, мужчинъ гораздо меньше. Причина понятна: если женщина попадетъ разъ въ тюрьму, то ей, по выходѣ, трудноѣ найти средства къ жизни, чѣмъ мужчинѣ.

Все это вмѣстѣ съ другими обстоятельствами сильно говоритъ противъ разумности и справедливости системы одиночнаго заключенія. Она заслуживаетъ порицанія уже и потому, что дѣйствуетъ не на всѣхъ равномерно, и этою неравномѣрностію производитъ иногда

страданіе свыше мѣры, требуемой справедливостію, потому что характеръ человѣка и время смягчаетъ тяжесть одиночнаго заключенія. По свидѣтельству компетентныхъ лицъ, арестантъ именно въ первые недѣли заключенія въ самой сплнной мѣрѣ чувствуетъ страданія одиночнаго заключенія, такъ что приговоренный на краткій срокъ, за менѣе важныя преступленія, присуждается къ большей душевной пыткѣ, нежели тотъ, который, будучи приговоренъ къ болѣе продолжительному лишенію свободы, свыкается мало-по-малу съ своимъ одиночествомъ. Система эта несправедлива въ отношеніи къ гражданскому обществу, потому что трудолюбивый человѣкъ, платящій подати, обременяется налогами для содержанія преступниковъ въ дорого стоящей праздности. Система эта несправедлива въ отношеніи къ самому преступнику, который по истеченіи срока наказанія возвращается въ общество съ привычкою къ праздности и съ уменьшившимися физическими и умственными силами, слѣдовательно менѣе способнымъ къ перенесенію тягостной жизни и къ снисканію себѣ пропитанія. Положеніе его можно сравнить съ положеніемъ больного, котораго долгое время содержали въ больницѣ и который по выпускѣ долженъ работать на открытомъ воздухѣ въ самую дурную погоду. И общество ничѣмъ не можетъ оправдать себя, если оно ставитъ преступника въ такое положеніе, при которомъ должно опасаться расстройства его душевнаго здоровья. Какъ скоро одиночное заключеніе не можетъ существовать безъ совершенной опасности въ умственномъ отношеніи для арестантовъ, то никакое нравственное превосходство этой системы не можетъ оправдать ее; потому что если духъ арестанта ослабѣлъ, то въ той же самой мѣрѣ уменьшились и силы его къ исправленію, а слѣдовательно вмѣстѣ съ этимъ уничтожается и единственно честный, единственно разумный смыслъ наказанія.

Къ такимъ соображеніямъ пришли спеціальныя знатоки дѣла, разсматривавшіе систему одиночнаго заключенія и тѣ результаты, къ какимъ она приводитъ. Замѣтимъ при этомъ, что соображенія эти построены не на отвлеченныхъ умозрѣніяхъ, не на призрачной филантропіи, а выведены прямо изъ точныхъ цифръ и тщательныхъ изслѣдованій. Мы не безъ намѣренія остановились нѣсколько подробнѣе на изслѣдованіяхъ о системѣ одиночнаго заключенія: дѣло въ томъ, что система эта пользуется общимъ сочувствіемъ и большин-

ство указывает на нее, какъ на исключительно разумную и цѣлесообразную. Въ разное время большинство нашихъ журналовъ относилось съ похвалами къ пенитенціарной системѣ и разрисовывало ее прелести самыми соблазнительными красками. Всѣ эти соображенія перешли наконецъ въ практику и въ нынѣшнемъ году построена у насъ въ Петербургѣ тюрьма, по системѣ пенитенціарнаго заключенія съ незначительною примѣсью кой-какихъ видоизмѣненій.

Тюрьма эта построена морскимъ вѣдомствомъ въ замѣнъ упраздненныхъ въ 1856 году арестантскихъ ротъ морскаго вѣдомства. Прошлое этихъ арестантскихъ ротъ такъ интересно и такъ характерно рисуетъ намъ нашу систему заключеній, что мы находимъ не лишнимъ сказать объ этомъ нѣсколько словъ.

Учрежденіе арестантскихъ ротъ, какъ въ морскомъ, такъ и въ военно-сухопутномъ вѣдомствѣ относится къ 1823—1826 годамъ (Морс. Сбор. 1863 г. XII). До того времени военные арестанты, находившіеся въ крѣпостяхъ Динабургѣ, Бобруйскѣ и проч., по приговорамъ судебныхъ мѣстъ и по административнымъ распоряженіямъ, подчинялись разнообразнымъ правиламъ, которыя еще разнообразнѣе исполнялись на практикѣ. Въ 1823 г. было утверждено «Положеніе для преобразованія крѣпостныхъ арестантовъ въ арестантскія роты.»

Все это положеніе состояло изъ 18 статей и большая часть этихъ статей касалась разнаго рода формальностей, обмундированія, отвѣтственности сельдфебелей, барабанщиковъ, цырульниковъ и проч. и ничего не говорилось ни объ организаціи арестантскаго труда, ни о внутреннемъ устройствѣ ротъ и тѣхъ началъ, на которыхъ оно должно быть основано. Но за то внѣшняя формалистика была опредѣлена довольно тщательно. Что же касается собственно до арестантовъ, то главнѣйшія правила о нихъ состояли въ слѣдующемъ: всѣ арестанты раздѣлены на 3 роты по 120 человекъ въ каждой, а роты на отдѣленія или разряды отъ 8—12 человекъ. Первую роту составляли *стѣнные* арестанты; вторую — приговоренные къ срочному заключенію; третью — бродяги или бѣглецы, которые за *справками* (?) оставлены въ крѣпостныхъ арестантахъ, съ раздѣленіемъ ихъ на отдѣленія по дѣтамъ и по *подозрѣніямъ* (?).

Ст. 8 и 13. «По рукамъ денегъ арестантамъ никогда не разда-

вать и строго смотрѣть, чтобы они оныхъ не получали и со стороны.»

Ст. 15. «Воспрещается разжалованнымъ арестантамъ давать чернила, бумагу, перья, книги и *тому подобное*, а равнымъ образомъ ножи и всякій инструментъ.»

На основаніи всѣхъ этихъ правилъ въ 1825 году приказано было сформировать изъ 2000 человѣкъ арестантовъ 15 арестантскихъ ротъ для употребленія людей на арестантскія работы. Число этихъ ротъ въ морскомъ вѣдомствѣ постоянно увеличивалось, и наполнялись онѣ не только арестантами морскаго вѣдомства, но туда же переводили арестантовъ изъ гражданскихъ тюремъ и остроговъ, преимущественно знающихъ какия либо ремесла. Такимъ образомъ составъ арестантскихъ ротъ морскаго вѣдомства былъ очень разнообразенъ: въ нихъ помѣщались не только приговоренные преступники, но и подсудимые и вмѣстѣ съ людьми, обвиняемыми въ маловажныхъ поступкахъ, помѣщались преступники, наказываемые за самыя тяжкія преступленія. Какъ неудовлетворительны были правила и какъ безразборчиво помѣщали людей въ арестантскія роты, видно изъ донесенія въ 1829 году командира черноморскаго флота. «Людымъ симъ, — писалъ онъ, — кромѣ бродягъ, *не назначено по узаконеніямъ срока для содержанія ихъ въ заключеніи* (?), отчего и происходитъ, что, какъ важнѣйшіе, такъ и маловажные преступники, не смотря на то, что послѣдніе часто по одному легкомыслію учинились виновными, подвергаются одной и той же участи, т. е. заключенію на неопредѣленное время. Видя, что ни раскаяніе, ни примѣрное поведеніе не сокращаетъ ихъ неволи, они предаются отчаянію и чрезъ то, ожесточаясь, рѣшаются на побѣги, какъ средства, влекущія ихъ къ свободѣ и даже на всякое злодѣяніе, въ намѣреніи избавиться отъ тягостныхъ, безвозмездныхъ трудовъ и заключенія».

Содержащіяся въ морскихъ арестантскихъ ротахъ употреблялись на слѣдующія работы: въ Ревелѣ и Свеаборгѣ на очистку трубъ, ретирадныхъ мѣстъ и нечистотъ въ крѣпости и сверхъ того для буренія вѣховыхъ камней. Въ Кронштадтѣ, независимо отъ валовыхъ работъ, для буренія вѣховыхъ камней, для углубленія гаваней, для натиранія половъ въ госпиталѣ, для верченія колесъ въ блоковой мастерской и т. п. Въ Петербургѣ арестанты занимались

валовыми работами, а также разсортированіемъ и укладкою въ сараи лѣсовъ, нагрузкою ихъ на суда и проч.

Арестантскія роты морскаго вѣдомства были упразднены въ 1856 году.

Вотъ, на мѣсто этихъ-то упраздненныхъ арестантскихъ ротъ, построена въ нынѣшнемъ году морскимъ вѣдомствомъ пенитенціарная тюрьма. Зданіе это, помѣщающееся на Мойкѣ, въ Новой Голандіи, трехъ-этажное и устроено для 195 арестантовъ. Въ нижнемъ этажѣ, кромѣ комнатъ для караула, канцеляріи, дежурнаго офицера и казармы для 20 унтеръ-офицеровъ, состоящихъ при тюрьмѣ, помѣщается 20 одиночныхъ камеръ и пріемный покой на 6 кроватей. Одиночныя камеры не всѣ одинаковой величины съ небольшимъ окномъ, расположеннымъ на такой высотѣ, что арестантъ не можетъ пользоваться имъ для того, чтобы видѣть, что происходитъ внѣ тюрьмы. Въ камерѣ: койка, табуретъ и плевательница. Койка устроена такъ, что на день она поднимается къ стѣнѣ и запирается на замокъ, чтобы арестантъ не могъ пользоваться ею въ теченіи дня. Комнаты для посѣщенія арестантовъ устроены такъ, что посѣтители не могутъ ничего передать арестанту помимо тюремнаго начальства. Комнаты для этого раздѣляются на двѣ части корридорчикомъ, аршина въ полтора ширины. Стѣны этого корридорчика, аршина на полтора отъ земли, глухія, филеичатыя, а выше этого, во весь ростъ человѣка, сѣтчатая желѣзная, такъ что разговаривать и видѣть арестанта можно, но передать что нибудь положительно нельзя, потому что въ сѣтку кромѣ пальца ничего не продѣнешь, а отъ сѣтки со стороны посѣтителя до сѣтки со стороны арестанта полтора аршина разстоянія. Посѣтители впускаются въ одну половину комнаты, арестанты въ другую и непосредственнаго сообщенія между собою имѣть не могутъ. Въ зданіи тюрьмы имѣется церковь, въ которой для одиночныхъ арестантовъ, у задней стѣны, устроены, за балюстрадой, небольшія каморки, такой величины, что въ нихъ можно только стоять. Каморки эти запираются снаружи и въ дверяхъ сдѣланы рѣшетки такъ, что арестантъ можетъ и видѣть и слышать службу. Во второмъ этажѣ будутъ помѣщаться арестанты за проступки противъ дисциплины, въ третьемъ—за проступки, «носящіе въ себѣ начало безп्राветвенное». Въ настоящее время зданіе новой тюрьмы еще не наполнено преступниками, правила для внутренняго порядка и адми-

нистрации еще неизвѣстны, а потому и нельзя произносить окончательнаго приговора о достоинствахъ или недостаткахъ той системы, которая будетъ тамъ принята. Судя впрочемъ по виѣшнему плану зданія, система эта будетъ отчасти походить на пенсильванскую.

Замѣтимъ только при этомъ, что раздѣленіе арестантовъ на два разряда «за проступки противъ дисциплины и за проступки, носящіе въ себѣ начало безнравственное», можетъ, по нашему мнѣнію, подать поводъ къ множеству недоразумѣній и произвольныхъ толкованій о томъ, къ какому разряду отнести арестанта: къ нарушителямъ-ли дисциплины, или же къ совершившимъ проступки, «носящіе въ себѣ начало безнравственное»? Такъ какъ дисциплина, назначенная для охраненія нравственности, есть сама по себѣ начало нравственное, то значить и проступокъ противъ дисциплины есть въ тоже время проступокъ, «носящій въ себѣ начало безнравственное». Съ другой стороны, такъ какъ дисциплина охраняетъ нравственность, то проступокъ, «носящій въ себѣ начало безнравственное», есть въ тоже время и проступокъ противъ дисциплины.

Вообще различныя рубрики преступленій ставятъ иногда въ тупикъ нашихъ собирателей статистическихъ данныхъ изъ земской полиціи относительно того, подъ какую рубрику подвести данный проступокъ. Отсюда и большое затрудненіе для всякаго, кто рѣшится дѣлать какіе либо выводы по статистикѣ преступленій. Въ настоящее время всѣ преступленія подводятся подъ слѣдующую классификацію:

- I. За преступленія государственныя.
- II. Противъ вѣры.
- III. Порядка управленія.
- IV. Службы общественной.
- V. Законовъ о повинностяхъ.
- VI. Имуществовъ и доходовъ казны.
- VII. Общественнаго благоустройства и благочинія.
- VIII. Законовъ о состояніяхъ.
- IX. Жизни, здравія, свободы и чести.
- X. Правъ семейныхъ.
- XI. Частной собственности.

Вотъ въ эти-то отвлеченныя рубрики вносятся отдѣльные случаи

преступлений совершенно произвольно и по личному вкусу, и сметѣ того, кто занимается собираніемъ статистическихъ свѣдѣній. Ибо нѣтъ ничего легче, какъ преступленіе противъ порядка управленія, подвести подъ одну рубрику нарушеній законовъ о повинностяхъ; преступленіе противъ частной собственности отнести къ преступлениямъ противъ имущества и доходовъ казны и т. д. Вслѣдствіе всего этого и свѣденія по статистикѣ преступлений до крайности сбивчивы.

Кромѣ устройства пенитенціарной тюрьмы въ Петербургѣ морскимъ вѣдомствомъ, носились слухи о предположеніи устроить для одиночнаго заключенія тюрьму въ Иркутскѣ. Всѣ, близко знакомые съ дѣломъ, искренно желаютъ, чтобы это предположеніе никогда не исполнилось. Единственный смыслъ, какой имѣетъ система одиночнаго заключенія, это—исправленіе преступника, посредствомъ развитія его въ умственномъ и нравственномъ отношеніи. Обязанность эту принимаютъ на себя, кромѣ тюремныхъ наставниковъ и тюремнаго начальства, которое назначается по самому строгому и тщательному выбору изъ лицъ, составившихъ себѣ репутацію людей честныхъ, еще множество частныхъ лицъ, искренно и безкорыстно преданныхъ дѣлу. Поэтому стремленіе исправить преступника сопровождается счастливыми результатами только въ тѣхъ тюрьмахъ, которые устроены вблизи большихъ городовъ, гдѣ частныя лица принимаютъ дѣятельное участіе въ исправленіи преступниковъ, посѣщаютъ ихъ, учатъ, слѣдятъ за каждымъ ихъ шагомъ, и гдѣ слѣдовательно дѣятельность тюремной администраціи подлежитъ контролю общественнаго мнѣнія. Но если и въ такихъ тюрьмахъ, устроенныхъ при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ, исправленіе преступниковъ бываетъ только въ незначительной степени, то нельзя ожидать ничего хорошаго отъ устройства пенитенціарной тюрьмы въ такомъ городѣ, до котораго три года скачи—не доскачешь.

Тѣмъ не менѣе состояніе нашихъ тюремъ и остроговъ, по общимъ отзывамъ и оффиціальнымъ отчетамъ, такъ плохо что необходимы радикальныя измѣненія всей нашей тюремной системы. У насъ содержаніе подъ стражею употребляется: 1) какъ мѣра охраненія лицъ, обвиняемыхъ въ преступленія, до совершенія надъ ними суда; 2) какъ мѣра наказанія, хотя опредѣленіе по суду наказанія для заключенія въ острогъ, по тѣснотѣ въ острогахъ, обыкновенно

по закону замѣнялась извѣстнымъ количествомъ розогъ; наконецъ 3) какъ мѣра взысканія съ неисправныхъ должниковъ. Отсюда у насъ существуетъ три вида тюремнаго заключенія: 1) тюремное помѣщеніе при частяхъ городской полиціи, 2) остроги и 3) ямы и долговья отдѣленія. Что касается до долговыхъ отдѣленій, то они у насъ существуютъ только въ нѣсколькихъ городахъ, такъ что обыкновенно неисправные должники помѣщаются вмѣстѣ съ прочими въ острогахъ. «Временная тюрьма для неисправныхъ должниковъ въ Москвѣ, — говоритъ въ отчетѣ губернской прокуроръ, — или такъ называемая яма, расположена дѣйствительно въ ямѣ; есть преданіе, что при Годуновѣ вмѣсто должниковъ здѣсь содержались дикіе звѣри для травли...»

Скажемъ сначала нѣсколько словъ о тюремныхъ помѣщеніяхъ при частныхъ домахъ городской полиціи.

Въ наказѣ императрицы Екатерины II, между прочимъ говорится:

«Взять человѣка подѣ стражу ничто иное есть, какъ *хранить опасно особу гражданина обвиняемаго*, доколѣ учинится извѣстно, виновать онъ, или не виновать.» § 168.

«Быть подѣ стражею *не должно признавать за наказаніе*, но за средство хранить опасно особу гражданина.» § 172.

Но такъ ли исполнялось на дѣлѣ это «опасное храненіе особы гражданина», которое не должно быть для него наказаніемъ? Въ ст. 132 говорится: «по правдѣ обвиняемаго полиція (теперь судебный слѣдователь) обязана немедленно допросить его и потомъ, соображаясь съ важностію обвиненія и силою уликъ, а также и съ званіемъ его, постановить мѣру содержанія для пресѣченія ему способовъ уклоняться отъ слѣдствія и суда, соразмѣряя строгость съ дѣйствительною необходимостію.» Для того, чтобы мѣры ареста были не обременительны для невинныхъ, постановлено арестовывать только тогда, когда улика основана на обстоятельствахъ, возбуждающихъ сильное подозрѣніе. Предписывается также разсматривать эти улики съ особою осмотрительностію.

На дѣлѣ всѣ эти постановленія рѣдко соблюдаются, особенно относительно лицъ непривилегированныхъ сословій. Обыкновенно едва падаетъ подозрѣніе на лицо невысокаго званія, какъ тотчасъ же его берутъ подѣ арестъ и сажаютъ въ полицейскую арестантскую камеру или просто отправляютъ въ тюрьму. Последнее зависитъ впол-

нѣ отъ непосредственнаго благоусмотрѣнія слѣдователя, основаннаго большею частію на произволѣ или на томъ соображеніи, что отъ слишкомъ большаго 'накопленія арестантовъ при частяхъ, оказывалось невозможнымъ помѣщеніе туда новыхъ арестантовъ.

«Эти помѣщенія при частяхъ города, — говоритъ судья Д-въ, — такъ тѣсны, что арестанты, скопляясь въ нихъ, не имѣютъ достаточно воздуха и часто свѣта, потому что окна въ этихъ помѣщеніяхъ, въ видахъ предупрежденія побѣговъ и сношеній съ незаключенными лицами, иногда закладываются такъ, что оставляется для прохода свѣта и воздуха не болѣе 12 вершковъ въ квадратѣ. Ни вентиляторовъ, ни освѣжительныхъ трубъ, ничего подобнаго не полагается. Дверь постоянно на замкѣ и часто арестанту, по лѣности служителей, приходится тамъ отправлять всѣ необходимыя потребности. Голыя нары служатъ постелью и на нихъ нѣтъ не только подушки, но и какого либо деревянаго изголовика, на которомъ бы можно опереть сонную голову. Сырость и удушливый, напитанный человѣческимъ дыханіемъ воздухъ, составляютъ постоянную атмосферу подобныхъ помѣщеній. Присмотръ за арестантами въ этихъ помѣщеніяхъ ограничивается тѣмъ, что въ нихъ только ведутъ счетъ заключеннымъ и заботятся о разсылкѣ о нихъ всевозможныхъ вѣдомостей. Помѣщенія эти не поражаютъ вниманія постороннихъ отчасти потому, что къ нимъ приглядѣлись, отчасти потому, что постороннее вмѣшательство не можетъ быть допущено. Много оправданій высказывается въ объясненіе недостатковъ нашихъ помѣщеній: такъ полиція и частный приставъ оправдываются тѣмъ, что у нихъ въ распоряженіи нѣтъ денегъ на улучшеніе этихъ помѣщеній, что постройка ихъ зависѣла отъ архитектора; архитекторъ въ свою очередь оправдывается проектомъ, планомъ, смѣтою и т. д.» (Юрид. Вѣстн. 1861 г.)

Сидя при части или полиціи арестанты получаютъ на пищу 4 к. сер. Этихъ четырехъ копѣекъ очевидно недостаточно для продовольствія арестанта: онъ не имѣетъ ни теплаго приварка, ни теплой каши, ѣсть только одинъ хлѣбъ и положительно голодаетъ, если у него нѣтъ родныхъ или знакомыхъ. Чистаго бѣлья арестантъ при полиціи также не получаетъ: въ грязномъ платьѣ, безъ моціона, онъ невольно знакомится съ разнаго рода насѣкомыми и разныя накомыныя сыпи скоро покрываютъ его тѣло. «При тюрьмахъ городскихъ

полицейскихъ частей—говорить судья Д-въ, — нѣтъ доктора, который бы осматривалъ немедленно больныхъ и удалялъ ихъ въ больницы, особенно страждущихъ заразительными болѣзнями и сифилисомъ; нѣтъ даже фельдшера, который въ случаяхъ, петерпящихъ отлагательства, какъ напр. при апоплексическомъ ударѣ, могъ бы пустить кровь...»

Не смотря однако на всѣ неудобства въ полицейскихъ арестантскихъ помѣщеніяхъ, заключенные въ нихъ не жалуются и не протестуютъ. Все это очень понятно. Въ полицейскія тюрьмы сажаютъ главнымъ образомъ вѣщанъ и мѣщанъ и то только мѣщанъ чернорабочихъ. Народъ этотъ большею частию неграмотный, не имѣющій никакого юридическаго знанія, а потому и сидящіе въ этихъ помѣщеніяхъ совершенно безгласны и не знаютъ ни часа ни дня, когда измѣнится ихъ положеніе.

Такъ на практикѣ выполняется положеніе наказа Екатерины II, что *«быть подѣ стражею не должно признавать за наказаніе, но за средство хранить опасно особу обвиняемаго»*. У насъ это опасное храненіе особы обвиняемаго, который очень легко можетъ оказаться по суду совершенно невиннымъ, какъ это и бываетъ часто, переходитъ въ очень жестокое наказаніе, которое кромѣ моральныхъ потрясеній, сопровождается громадными физическими лишеніями.

За тѣмъ обратимся къ нашимъ тюрьмамъ и острогамъ. Въ этихъ тюрьмахъ и острогахъ также помѣщаются лица, обвиняемыя въ преступленіи, но не преступники. Присуждаемые же по суду къ заключенію на нѣкоторое время въ острогъ, какъ мы уже сказали, обыкновенно въ замѣнъ этого наказанія подвергались тѣлесному наказанію розгами. Слѣдовательно и къ нашимъ острогамъ также относится положеніе наказа Екатерины II, что *«быть подѣ стражею не должно признавать за наказаніе, а только за средство держать опасно особу гражданина»*. Каково же на самомъ дѣлѣ это опасное держаніе въ острогахъ?

Къ сожалѣнію русское общество и русская литература до послѣдняго времени такъ мало интересовались этимъ вопросомъ, что мы съ большею подробностію можемъ обрисовать состояніе тюрьмы въ какомъ нибудь крошечномъ англійскомъ или нѣмецкомъ мѣстечкѣ, чѣмъ у насъ на Руси. Наши ученые мужи осмотрѣли до послѣдней

каморки и описали всё европейскія тюрьмы, и ни разу не заглянули въ наши остроги. Но и потому незначительному запасу матеріаловъ объ острожной жизни, какой мы имѣемъ у себя подъ руками, можно воспроизвести вѣрную, хотя и до крайности печальную картину современнаго состоянія нашихъ тюремъ и остроговъ.

Московскій губернскій прокуроръ, ревизовавшій недавно остроги въ семи губерніяхъ, представляетъ самыя неутѣшительныя свѣденія. «Положеніе осматрѣнныхъ мною тюремъ,—говоритъ онъ,—до крайности неудовлетворительно: главная же причина тому, крайнее безобразіе тюремнаго управленія, въ которомъ находится преогромное количество начальниковъ разнаго рода, стаяющихся у одного дѣла и повтому совершенно нѣтъ настоящихъ дѣятелей. Безхозяйство въ тюрьмахъ происходитъ еще отъ того, что всё ждутъ чего-то новаго, общихъ преобразованій по тюремной части и, въ ожиданіи этихъ преобразованій, не предпринимаютъ никакихъ улучшеній въ настоящемъ порядкѣ вещей. Мнѣ кажется, что впредь до пересмотра лѣстницы нашихъ наказаній и опредѣленія того, по какимъ началамъ надо устроить новыя тюрьмы, слѣдовало бы обратить вниманіе на кровные недостатки въ тюремномъ дѣлѣ: они могутъ быть исправлены и съ небольшими средствами. Каждое почти слѣдствіе по важному дѣлу сопровождается предварительнымъ арестомъ обвиняемаго, а помѣщеніе, въ которомъ его арестуютъ, часто такъ душно, сыро и смрадно, что предварительный арестъ можетъ во многихъ случаяхъ превратиться для обвиняемаго въ каторжное наказаніе, соединенное съ разслабленіемъ здоровья и умственныхъ способностей. Въ путешествіи моемъ по губерніямъ мнѣ попадались тюрьмы, гдѣ гарнизонное начальство захватило въ свои руки всю распорядительную власть, поставило часовыхъ внутри корридоровъ и не пускаетъ арестантовъ на дворъ освѣжаться воздухомъ. Въ одной изъ такихъ тюремъ содержалось въ небольшихъ комнатахъ по 10 и по 15 чловѣкъ, въ углу стоялъ ушатъ или такъ называемая напашка для испраженія, воздухъ былъ зараженъ до нельзя; арестанты худые и блѣдные: все это не преступники, обвиненные по суду, а только люди обвиняемые и можетъ быть еще вовсе невинные въ вводимыхъ на нихъ преступленіяхъ».

Вотъ нѣсколько краснорѣчивыхъ очерковъ собственно зданій различныхъ остроговъ и тюремъ:

«*Смирительный и рабочий дома въ Москвѣ.* Зданіе находится въ весьма неудовлетворительномъ положеніи: ветхо, сыро, холодно, и изъ подъ женскаго корридора выкачивается по временамъ вода».

«*Тюремные замки. Въ Бронницѣ:* помѣщенія сыры и неудобны для размѣщенія арестантовъ.

«*Въ Клинѣ:* помѣщенія непрочны, сыры и неудобны.

«*Можайскѣ:* помѣщенія отъ промерзанія стѣнъ сыры. По мнѣнію мѣстнаго стряпчаго, можно уничтожить сырость устройствомъ желѣзныхъ печей.

«*Рузѣ:* помѣщенія сыры и чрезвычайно холодны.

«*Калугѣ.* Тюремный замокъ тѣсенъ, сыръ и неудобенъ для размѣщенія арестантовъ.

«Въ городахъ: Алексинѣ, Епифанѣ, Ефремовѣ, Чернѣ, Крапивнѣ, Ярославѣ, Ростовѣ и т. д., помѣщенія ветхи, сыры и неудобны для помѣщенія арестантовъ.

«*Въ Подольскѣ:* помѣщенія сыры и холодны; пересыльная тюрьма хотя выстроена недавно, но въ одной изъ стѣнъ уже образовалась трещина въ $\frac{1}{2}$ вершка, отъ чего бываетъ нестерпимый холодъ...»

«Въ одномъ изъ большихъ русскихъ городовъ есть небольшой тюремный замокъ. Замокъ этотъ постоянно вмѣщаетъ въ себѣ около 400 арестантовъ одного мужскаго пола и все это количество людей размѣщается въ двухъ большихъ и четырехъ крошечныхъ комнатахъ. Большіе изъ этихъ комнатъ имѣютъ посреди такъ называемыя нары, на которыхъ арестанты спятъ голова къ головѣ. Каждая изъ этихъ комнатъ имѣетъ 13 аршинъ длины, 7 арш. ширины и 6 вышины; слѣдовательно каждая вмѣщала бы въ себѣ 546 кубич. аршинъ или 12,528 кубическихъ дюймовъ воздуха тогда, если бы въ ней не было наръ, отнимающихъ также значительное количество. Черезъ комнату протянуты веревки, на которыхъ просушивается потное арестантское бѣлье и обувь. Въ этой-то комнатѣ, едва достаточной для помѣщенія 15, а много 20 человекъ живутъ 78 арестантовъ. Подъ окнами каждой изъ этихъ двухъ комнатъ стоитъ по одному отхожему мѣсту, которыя насыщаютъ своими испареніями и безъ того далеко нечистый воздухъ. Въ этой комнатѣ арестанты работаютъ, проводятъ день и ночь во все время года, потому что посѣщать дворъ, который также не пользуется удобствами гигиены, запрещено

начальствомъ. Очевидно, что при такомъ положеніи арестанты постоянно страдаютъ разными болѣзнями, а между тѣмъ въ означенномъ тюремномъ замкѣ, вмѣщающемъ въ себѣ 400 арестантовъ, живущихъ при отсутствіи всякой гигиены, есть крошечная больница на 6 кроватей, изъ которыхъ на 4 лежатъ больные съ хроническими болѣзнями. такъ что въ распоряженіи врача остается только двѣ кровати. Аптека и фармацевтическая рабочая помѣщаются въ крошечной комнаткѣ съ однимъ окномъ и двумя маленькими шкафами, вмѣщающими въ себѣ всю *materiam medicam*. Достаточно взглянуть въ эти шкафики, чтобы убѣдиться въ томъ ужасномъ положеніи, въ какое поставлены наши арестанты». (Соврем. Медицина 1860 г.)

Послѣ этого надѣмся, что читателя нисколько не поразятъ тѣ выводы о смертности арестантовъ, какіе дѣлаетъ въ своей статьѣ г. Ткачевъ. Именно, въ средней сложности послѣднихъ трехъ лѣтъ приходится 1 больной на 6 здоровыхъ и одинъ умирающій на 16 больныхъ. Цифра эта можетъ казаться невѣроятною тѣмъ, кто не знакомъ съ тѣми гигиеническими условіями, при которыхъ не живутъ, а скорѣе умираютъ наши арестанты.

На пищу въ острогахъ полагается на простаго арестанта $6\frac{3}{4}$ п. въ сутки. Заготовленіе пищи на эти деньги лежитъ на обязанности смотрителя и обыкновенно они выдаютъ арестантамъ въ сутки $2\frac{1}{2}$ фун. печенаго хлѣба и $\frac{1}{4}$ фун. мяса. Супъ съ такимъ ограниченнымъ количествомъ мяса и съ примѣсю самой ничтожной доли крупы очевидно не отличается ни вкусомъ, ни питательностію и называется острожниками супомъ «*шури-мури*». Но и этого *шури-мури* запрещается арестантамъ сберегать себѣ отъ обѣда и ужина.

Въ ст. 419 сказано: «никому изъ арестантовъ не позволяется оставлять и сберегать себѣ, что нибудъ отъ завтрака, обѣда и ужина».

Впрочемъ арестантамъ привилегированныхъ сословій отпускается на пищу нѣсколько больше, чѣмъ простымъ.

Одежа арестантамъ заготавливается непременно въ губернскихъ городахъ экспедиціями о ссыльныхъ и все, присланное экспедиціями, дѣлается обязательнымъ въ уѣздахъ безъ разсужденій и сравненій съ образцами. Арестанты получаютъ: рубашку, подбрюшники, чарки, шапку и азямъ пзъ какой-то особой, просвѣчивающей матеріи. Притомъ въ Свод. Зак. т. XIV ст. 235 сказано: «тѣхъ арестан-

товъ, которые будутъ находиться по близости ихъ семействъ, *побуждаютъ* недостающую одежду доставать отъ своихъ родственниковъ».

Такимъ образомъ, содержаніе арестантовъ въ тюрьмахъ до крайности неудовлетворительно: они помѣщаются въ холодныхъ, сырыхъ зданіяхъ, въ страшной тѣснотѣ, при самыхъ неблагопріятныхъ гигиеническихъ условіяхъ. Пищу они получаютъ плохую, не питательную, одежда также дурнаго свойства. Очевидно, что это горестное положеніе арестантовъ могла бы облегчать частная благотворительность и всѣ тѣ сборы, которые поступаютъ въ кружки «для улучшенія пищи арестантовъ». Кружки эти арестанты называютъ «*волшебницами*». Дѣйствительно ли эти кружки «*волшебницы*» и какую пользу приносятъ арестантамъ частная благотворительность и «Попечительныя Общества о тюрьмахъ»? — на этотъ вопросъ даетъ намъ обстоятельный отвѣтъ г. Ткачевъ въ Журн. Мин. Юст. 1863 IX. Выводы свои г. Ткачевъ дѣлаетъ на основаніи данныхъ, которые, по его словамъ, «отличаются строго офціальнымъ характеромъ и потому не могутъ подлежать никакому сомнѣнію, никакому ложному или двусмысленному толкованію.» Приведемъ въ короткихъ словахъ *resumé*е всѣхъ его выводовъ.

Частная благотворительность доставила Попечительному Обществу о тюрьмахъ, въ теченіи 11 лѣтъ 3.763,642 руб. т. е. ежегодно отъ этого источника получается дохода среднимъ числомъ: 342,149 руб. Спрашивается: приносить-ли пользу арестантамъ и если приносить, то какую именно, наша общественная филантропія?

Обращаемся къ цифрамъ. Приходъ «Общества» въ первое десятилѣтіе съ 1851—61 года увеличился на 1.523,891 руб.; во второе десятилѣтіе отъ 1850—60 г. на 935,691 руб.; слѣдовательно среднее увеличеніе въ десять лѣтъ: 1.229,791 руб., или ежегодное увеличеніе: 122,979 руб. Параллельно съ этимъ увеличеніемъ ежегодныхъ доходовъ общества, шло и увеличеніе его расходовъ, т. е. увеличивались суммы, ежегодно затрачиваемыя на содержаніе арестантовъ, на улучшеніе и содержаніе тюремъ.

Въ 1861 году для этой цѣли затрачено: 2.511,519 руб., въ 1851 г. 943,578 р. слѣдовательно увеличеніе въ 10 лѣтъ: 1.567,941 р.; во второе десятилѣтіе, т. е. съ 1860—50 года увеличеніе равнялось 756,871 руб.; въ третье десятилѣтіе съ 1859—49 года оно равнялось: 601,976 руб.; слѣдовательно среднее увеличе-

ніе въ 10 лѣтъ: 775,596 руб. т. е. ежегодное: 77,559 руб. Очевидно, что это ежегодное прибавленіе 77 тысячъ къ суммамъ, отпускаемымъ на улучшеніе быта арестантовъ и положенія тюремъ, должно бы было, въ теченіи такого длиннаго промежутка времени, хотя сколько нибудь облегчить ихъ бытъ и улучшить положеніе тюремъ, тѣмъ болѣе, что число содержащихся арестантовъ постоянно оставалось почти безъ всякаго измѣненія. Именно, всѣхъ арестантовъ содержалось:

Въ 1853 году	339,831
— 1854 —	330,065
— 1855 —	331,381
— 1856 —	314,728
— 1857 —	302,880
— 1858 —	317,376
— 1859 —	309,909
— 1860 —	331,295

Среднимъ числомъ въ годъ: 322,182.

Въ отчетѣ «Общества» 1849 года читаемъ: «Общество попечительное о тюрьмахъ продолжало вообще съ удовлетворительнымъ успѣхомъ дѣйствія свои на пользу заключенныхъ» и т. д. Въ «Отчетѣ» за 1851 повторяется тоже самое извѣстіе, что общество улучшало какъ тюрьмы, такъ и бытъ содержащихся въ нихъ арестантовъ. И вдругъ въ «Отчетѣ» за 1857 годъ, когда «Общество» причислено къ министерству внутреннихъ дѣлъ, находятся такого рода свѣдѣнія: «Взаимное дѣйствіе «Общества» и министерства много содѣйствовало къ открытію настоящаго положенія тюремъ и содержащихся въ нихъ арестантовъ: оно открыло, что тюрьмы большею частію ветхи, сыры, пища крайне не питательна, вслѣдствіе назначенія кормовыхъ денегъ только на хлѣбъ да на крупу. Отсюда происходитъ то, что арестанты по тѣснотѣ тюремъ; не только не могутъ быть заняты работами и чрезъ то укрѣплять свои силы, но не вездѣ даже разищаются по родамъ преступленій, что имѣетъ крайне вредное вліяніе на молодыхъ арестантовъ, а тѣснота и сырость увеличиваютъ болѣзни и смертность между заключенными.»

Такое неутѣшительное положеніе, въ какое поставлены содержащіеся въ острогахъ арестанты, тѣмъ болѣе прискорбно, что «со-

держаніе въ тюрьмахъ есть ничто иное какъ опасное храненіе особы гражданина»; а у насъ это опасное «храненіе» служатъ самымъ сильнымъ наказаніемъ большинству лицъ, содержащихся въ острогахъ.

Что арестанты, не учинившіе преступленій, просиживаютъ часто въ острогахъ десятки лѣтъ, это нисколько не удивитъ тѣхъ, кто хоть немного знакомъ съ нашимъ судопроизводствомъ. Возьмемъ напр. какия мытарства должно пройти дѣло о бродягѣ, сколько бумаги должно исписать и сколько долженъ натерпѣться горя бѣдный бродяга, пока его признаютъ бродягою. Для оптимистовъ представляемъ здѣсь всю эту процедуру:

1) Частный приставъ беретъ безпаспортнаго подъ стражу, отбираетъ отъ него показаніе и требуетъ поѣтому показанію подтвердительныхъ справокъ.

2) Частный приставъ доноситъ о задержаніи бродяги оберъ-полицеймейстеру, а отъ него

3) Въ губернскае правленіе для отсылки по этапу на мѣсто жительства.

4) Если званіе бродяги не подтвердится, бродягу допрашиваютъ снова и посылаютъ справки по нѣскольку разъ; по большей части до тѣхъ поръ, пока бродяга не откажется отъ всѣхъ прежнихъ показаній своихъ и не назоветъ себя непомнящимъ родства.

6) Непомнящій родства осматривается палачами и докторомъ.

7) За тѣмъ дѣло о немъ представляется въ Надворный Судъ.

8) Надворный Судъ вызываетъ его для допроса о томъ, не было ли ему дѣлаемо пристрастія при производствѣ слѣдствія.

9) Надворный судъ рѣшаетъ дѣло.

10) Составляетъ протоколъ.

11) Отсылаетъ его вмѣстѣ съ дѣломъ на утвержденіе гражданскаго губернатора при рапортѣ.

12) Гражданскій губернаторъ или отсылаетъ рѣшеніе суда на ревізію въ Уголовную Палату, или утверждаетъ рѣшеніе и

13) Предлагаетъ объ исполненіи онаго губернскому правленію, которое

14) Передастъ дѣло съ рѣшеніемъ Надворному Суду, который въ свою очередь объявляетъ бродягѣ рѣшеніе. За тѣмъ

15) Передастъ его въ Управу Благочинія.

16) Управа предписываетъ одному изъ частныхъ приставовъ наказать бродягу розгами.

- 17) Частный приставъ доноситъ Управѣ объ исполненіи.
- 18) Управа предлагаетъ его вновь въ Надворный Судъ, а Судъ.
- 19) Правленію, которое составляетъ журналъ о заклеяніи бродяги буквою Б.
- 20) Предписываетъ о заклеяніи бродяги смотрителю замка.
- 21) Смотритель доноситъ правленію о заклеяніи.
- 22) Правленіе представляетъ бродягу въ рекрутское присутствіе для освидѣтельствованія въ годности къ работамъ.
- 23) Получаетъ отвѣтъ отъ него.
- 24) Составляетъ статейный списокъ и передаетъ
- 25) Бродягу въ этапъ для ссылки въ Сибирь.

Если по такимъ мытарствамъ и притомъ при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ, должно пройти весьма несложное дѣло о бродягѣ, то весьма понятно, что болѣе сложныя дѣла ведутся цѣлые десятки лѣтъ.

За тѣмъ намъ слѣдовало бы поговорить о способѣ пересылки уже осужденныхъ преступниковъ, о тѣхъ условіяхъ, въ какія поставлены ссыльно-каторжные и ссыльно-поселенцы; но объ этомъ мы поговоримъ въ другое время.